Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта. III.

Н. КАРѢЕВЪ.

ПОМѢСТЬЕ-ГОСУДАРСТВО

и

СОСЛОВНАЯ МОНАРХІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ СОЦІАЛЬНАГО СТРОЯ И ПОЛИТИЧЕСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

ИЗДАНІЕ 3-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. о., 5 л., 28.
1913.

4435

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская въ свѣтъ эту книгу третьимъ изданіемъ, ограничиваюсь въ предисловіи лишь двумя указаніями.

Во-первыхъ, вмѣстѣ съ книгами «Государство-городъ античнаго міра», «Монархіи древняго Востока и греко-римскаго міра», «Западно-европейская абсолютная монархія XVI, XVII и XVIII вѣковъ» и «Происхожденіе современнаго народно-правового государства» эта книга представляетъ собою одинъ изъ самостоятельныхъ выпусковъ серіи «Типологическихъ курсовъ по исторіи государственнаго быта», читавшихся мною студентамъ экономическаго отдѣленія Спб. Политехническаго института. На стр. 3 текста «Помѣстья-государства» читатель найдетъ подстрочное примѣчаніе, въ которомъ названы мои статьи о сущности типологической точки зрѣнія, положенной въ основу перечисленныхъ книгъ, въ томъ числѣ и настоящей.

Во-вторыхъ, отмѣчаю, что текстъ книги въ настоящемъ ея изданіи перепечатывается безъ существенныхъ измѣненій, но зато въ приложеніяхъ произведены нѣкоторыя перемѣны. Въ первыхъ двухъ изданіяхъ была помѣщена небольшая статья подъ заглавіемъ «Вопросъ о феодализмѣ въ древней Руси», которая была потомъ мною значительно дополнена и переработана въ цѣлую книгу подъ заглавіемъ «Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи

феодализма въ Россіи?» Послѣ появленія въ свѣтъ этой книги указанная статья утратила свое прежнее значеніе и изъ настоящаго изданія выпущена. Въ связи съ этимъ передѣланы, дополнены и слиты въ одно цѣлое два небольшія приложенія, касающіяся опредѣленій феодализма. Наконецъ, нѣсколько пополнены исторіографическіе указатели, приложенные въ концѣ книги.

Янв. 1913.

ГЛАВА I.

Предметъ настоящей книги.

Двѣ главныя государственныя формы древняго міра и ихъ соотвѣтствія въ новомъ мірѣ.—Типологическое ихъ изученіе.—Разнообразіе государственныхъ формъ, извѣстныхъ исторіи.—Предметъ настоящей книги.—Двѣ особыя политическія формы средневѣкового Запада.—Общее понятіе феодальной сеньеріи.—Общее понятіе сословной монархіи.—Превращеніе феодальныхъ сеньеровъ въ привилегированную знать.—Политическая и соціальная стороны феодализма.—Главная тема настоящей книги.—Сложность и трудность вопроса о феодализмѣ.

Изучая политическую исторію древняго міра, мы обыкновенно останавливаемъ свое вниманіе на двухъ государственныхъ формахъ, которыя имѣли наиболѣе важное значеніе въ историческомъ развитіи всей древности. Одною изъ этихъ формъ была городская республика, иначе государство-городъ, политія, гдѣ верховная власть принадлежала самому полноправному гражданству, т.-е. если и не всему населенію города съ его округомъ, то извѣстной части населенія, пользовавшейся политическими правами. Другая государственная форма древняго міра, это—абсолютная монархія, вѣрнѣе говоря, деспотія, въ которой ничѣмъ неограничиваемая власть государя опиралась на болѣе или менѣе развитую бюрократію. Между этими двумя формами была полная противоположность, но между ними въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается и очень близкая связь, именно, главнымъ образомъ, наблюдаемая въ исторіи Рима. Чѣмъ былъ этотъ городъ, столь справедливо прозванный «вѣчнымъ»,—чѣмъ былъ онъ, въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ своей исторіи?

Это была одна изъ многочисленныхъ гражданскихъ общинъ, или государствъ-городовъ въ Италіи. А чѣмъ потомъ сталъ Римъ, всѣмъ хорошо извѣстно; изъ государства-города онъ сдѣлался городомъ-государемъ болѣе обширнаго политическаго цѣлаго, сначала большой страны, Италія, потомъ цѣлаго «круга» (orbis), странъ, расположенныхъ вокругъ Средиземнаго моря, громадной міровой державы, которая въ концѣ концовъ превратилась въ монархію. Римскій императоръ былъ наслѣдникомъ державной власти, или имперія (imperium) Рима, какъ города-государя, государства-города, подчинившаго себѣ чуть не весь извѣстный древнимъ земной кругъ. Онъ былъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ тѣмъ также и власти царей, правившихъ завоеванными Римомъ народами, и въ этомъ смыслѣ преемникомъ монарховъ Македоніи, Сиріи, Египта и т. д. Но эта обширная Римская имперія отличалась отъ прежнихъ монархій, своихъ предшественницъ, тѣмъ, что она не устранила съ исторической сцены форму государства-города. Напротивъ, придавъ этой формѣ новый видъ и новое значеніе, Римская имперія распространила ее тамъ, гдѣ ея раньше не существовало, образовавъ громадную федерацію самоуправляющихся городскихъ общинъ такъ называемыхъ муниципіевъ, и лишь съ теченіемъ времени надъ муниципальнымъ самоуправленіемъ восторжествовало начало бюрократической централизаціи.

Обѣ формы—и городская республика, и абсолютная монархія — наблюдаются нами и въ исторіи новаго міра, въ исторіи современныхъ европейскихъ націй. Въ средніе вѣка тоже вѣдь образовался рядъ суверенныхъ или полусуверенныхъ городовъ, игравшихъ немалую роль въ исторіи Италіи, Германіи и Франціи. Одно время Италія была какъ бы повтореніемъ древней Греціи съ ея государствами городами. Самостоятельными государствами были такіе города, какъ Миланъ или Флоренція, а Венеція и Генуя сохранили свою республиканскую свободу до самаго конца XVIII в. Въ Германіи равнымъ образомъ было множество имперскихъ городовъ, которые еще въ XVIII в. насчитывались десятками и изъ которыхъ до сихъ поръ сохранились три вольныхъ города: Гамбургъ, Любекъ и Бременъ. Русская исторія знаетъ тоже свои государства-города, свои вольныя «народоправства», а именно: Великій Новгородъ, Псковъ и Вятку.

О томъ, что новому міру извѣстна форма абсолютной

монархіи съ бюрократической централизаціей, нечего и говорить. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ созданная Римомъ имперія съ неограниченнымъ монархомъ во главѣ продолжала существовать въ образѣ имперіи Византійской, примѣръ и принципы которой въ свое время оказывали вліяніе на другія страны, а въ новое время была эпоха почти повсемѣстнаго господства въ Европѣ королевскаго самодержавія.—Обѣ эти формы, государство-городъ и самодержавное царство, могли бы изучаться параллельно и сравнительно вездѣ, гдѣ только мы эти формы обнаруживаемъ въ исторіи человѣчества, какъ могутъ изучаться и вообще всякія политическія формы въ ихъ типическихъ чертахъ. Въ двухъ своихъ книгахъ, къ которымъ должна примкнуть и эта третья, въ «Государствѣ-городѣ античнаго міра» и въ «Монархіяхъ древняго Востока и греко-римскаго міра», мы уже дали читателю типологическія изображенія исторической эволюціи обѣихъ формъ, какъ онѣ существовали въ древности, типологическія, т.-е. такія, въ которыхъ на первомъ планѣ извѣстный типъ политическаго устройства, а отдѣльныя государства являются лишь частными случаями общаго правила, индивидуальными примѣрами нѣкотораго всеобъемлющаго, въ данной сферѣ явленій, образца. Не буду повторять здѣсь то, что̀ уже сказано было мною въ обѣихъ названныхъ книгахъ о сущности типологическаго изученія [1]), и отмѣчу только, что это есть одно изъ примѣненій сравнительно-историческаго метода, именно примѣненіе его къ изслѣдованію строенія и развитія болѣе или менѣе однородныхъ формъ государственнаго существованія.

Двумя упомянутыми политическими формами далеко, конечно, не исчерпывается все разнообразіе государственнаго творчества въ исторіи народовъ, населяющихъ земной шаръ. Параллельно и сравнительно мы можемъ изучать цѣлый рядъ однородныхъ политическихъ общежитій. Особую форму, напр., представляетъ собою современное правовое государство, въ понятіи котораго мы обобщаемъ конституціонныя

---

[1]) Ср. мою статью «Типологическая и всемірно-историческая точка зрѣнія въ изученіи исторіи». (Извѣст. Спб. Политехн. Инст. 1905 г., и отдѣльная брошюра), а также общее предисловіе къ «Зап.-евр. абсолютной монархіи» и «Народно-правовому государству».

монархіи и представительныя республики нашего времени. Особый же типъ, мы имѣемъ и на зарѣ въ исторіи народовъ, когда только-что начинаетъ еще складываться государство. Назовемъ его варварскимъ государствомъ съ тѣмъ особымъ значеніемъ слова «варварскій», съ какимъ его употребляютъ. говоря о королевствахъ, основанныхъ германскими народами въ началѣ средневѣковой исторіи: исторія еврейскаго народа во времена судей, гомеровская Греція, ранніе періоды славянскихъ княжествъ, могутъ дать вмѣстѣ съ первыми временами германскихъ герцогствъ и королевствъ немало общихъ чертъ для типологическаго изученія.

Нашей задачей въ настоящей книгѣ будетъ прослѣдить эволюцію двухъ особенныхъ политическихъ формъ, наполняющихъ собою исторію средневѣковаго Запада. Одну мы будемъ называть «помѣстьемъ-государствомъ» (по аналогіи съ государствомъ-городомъ), другую—«сословно-представительной (или просто сословной) монархіей».

Первая форма, это—государство, охватывающее очень небольшую территорію, не цѣлую страну или сколько-нибудь значительную область, а болѣе или менѣе крупное помѣстье; или, если хотите, это—именно помѣстье, которое въ то же время есть и государство, по крайней мѣрѣ, почти государство или на пути сдѣлаться таковымъ. Въ исторической наукѣ для обозначенія такого «помѣстья-государства» принятъ терминъ *сеньёрія* (seigneurie) или феодальная сеньёрія. Не будемъ теперь останавливаться на объясненіи терминовъ,—до этого еще дойдетъ чередъ,—и ограничимся лишь указаніемъ на то, что сеньёръ значитъ въ сущности «господинъ», но не въ томъ смыслѣ, въ какомъ теперь употребляется это слово, а въ смыслѣ болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца, который является болѣе, чѣмъ помѣщикомъ, скорѣе государемъ или почти государемъ въ своемъ имѣніи. Мы увидимъ еще, напр., что Франція X—XI в. была раздроблена на массу такихъ сеньёрій, или что въ западной части Германіи даже въ XVIII в. было около двухъ тысячъ имѣній такъ называемыхъ имперскихъ рыцарей, полусуверенныхъ землевладѣльцевъ. У насъ въ Россіи не было феодализма, но въ эпоху наибольшаго удѣльнаго дробленія и у насъ были тоже своего рода помѣстья-государства, очень маленькія княжества, въ каждомъ изъ которыхъ былъ свой не то

простой баринъ, не то въ нѣкоторомъ родѣ мѣстный царекъ [1]).

Здѣсь, въ этомъ строѣ помѣстныхъ государствъ или суверенныхъ помѣстій была цѣлая лѣстница переходовъ отъ положенія простого помѣщика къ положенію владѣтельнаго князя, короче говоря, отъ простого барина къ настоящему государю: чѣмъ меньше была подвластная сеньёру территорія, тѣмъ ближе подходилъ онъ къ типу частнаго землевладѣльца, съ расширенными правами надъ населеніемъ территоріи, и, наоборотъ, чѣмъ территорія была больше, тѣмъ меньше напоминала она простое помѣстье, являясь скорѣе уже княжествомъ. Съ другой стороны, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, не колеблясь, называемъ какую-либо изъ этихъ сеньёрій государствомъ, оно является передъ нами со многими характерными чертами помѣстья—въ положеніи сеньёра, въ его отношеніи къ населенію, въ томъ образѣ, какой имѣетъ его хозяйство, и т. п. Наконецъ, и въ томъ случаѣ, когда мы имѣемъ дѣло съ политической организаціей, охватывающей уже большую область или даже цѣлую страну, эта организація при господствѣ сеньёрьяльнаго строя является передъ нами въ видѣ федераціи помѣстій-государствъ разныхъ, такъ сказать, ранговъ, начиная съ сеньёрій-селъ и кончая сеньёріями-княжествами.

Основная черта, самая глубокая основа этого строя—та что при немъ государственная власть есть лишь аттрибутъ землевладѣнія, что, другими словами, обладаніе землею сообщало тому, кто былъ собственникомъ земли, права государственной власти. Основою всего такъ называемаго феодализма является именно барское помѣстье, владѣлецъ котораго въ той или другой мѣрѣ былъ и государемъ, а потому политическій строй цѣлой страны въ феодальную эпоху покоился на взаимоотношеніяхъ отдѣльныхъ помѣстій-государствъ, на которыя распадалась страна. То, что мы называемъ феодальной монархіей, было не чѣмъ инымъ, какъ федераціей сеньёрій, подобно тому, какъ Римская имперія одно время была федераціей муниципіевъ, самоуправляющихся городскихъ общинъ съ ихъ территоріальными округами.

---

[1]) См. работы *Павлова-Сильванскаго,* разобранныя въ моей книгѣ «Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи?» (1910).

Помѣстье-государство, феодальная сеньёрія и будетъ однимъ предметомъ нашего разсмотрѣнія въ этой книгѣ; другимъ, притомъ стоящимъ въ тѣсной связи съ первымъ, будетъ, какъ сказано, сословная монархія.

Сеньёрія была и помѣстьемъ, и государствомъ. Мы увидимъ еще, что за процессомъ, приведшимъ къ соединенію государственной власти съ крупнымъ землевладѣніемъ, послѣдовалъ процессъ ихъ разъединенія, а кромѣ того, мы увидимъ, что въ иныхъ случаяхъ дѣло и не доходило до полнаго соединенія. Были, другими словами, моменты, когда сеньёры переставали быть государями, какъ были моменты, когда они еще и не успѣвали вполнѣ ими сдѣлаться. Какую форму въ такихъ случаяхъ принимала монархія?

Въ настоящей феодальной монархіи, бывшей лишь федераціей отдѣльныхъ сеньёрій, король былъ только однимъ изъ сеньёровъ, котораго другіе помѣщики-государи признавали своимъ главою, «первымъ между равными», отнюдь не неограниченнымъ монархомъ, какихъ мы видимъ въ государствахъ Запада въ болѣе позднія времена. Въ исторіи Запада между эпохой феодальной монархіи, о которой только-что было сказано, и эпохой королевскаго абсолютизма мы должны помѣстить цѣлую эпоху сословной или сословно-представительной монархіи. Въ эту эпоху государство уже— цѣлая страна, а не помѣстье, государственная власть зиждется не на одномъ землевладѣніи, помѣщики уже перестали быть государями, а превратились въ подданныхъ единаго государя страны, но этотъ единый государь пока еще не абсолютный монархъ, самодержавно правящій страною, такъ какъ въ той или другой мѣрѣ онъ дѣлится властью съ представительными собраніями. Нѣчто подобное мы наблюдаемъ въ конституціонныхъ монархіяхъ Запада и въ настоящее время, но современные парламенты состоятъ изъ представителей, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всей націи, въ концѣ же среднихъ вѣковъ король дѣлился властью съ представителями отдѣльныхъ сословій, на которыя распадалось каждое государственное общество. Тогда не только не существовало всеобщаго избирательнаго права (оно и теперь не вездѣ еще введено въ конституціонныхъ монархіяхъ), но и вообще народная масса была исключена изъ представительства. Правомъ представительства пользовались только высшія сословія или «чины» (ordines, Stände) государства, и потому средне-

вѣковыя аналогіи современныхъ парламентовъ мы называемъ сословно-представительными.

Кто же были эти чины? Во-первыхъ и главнымъ образомъ сеньеры, и это нужно прежде всего помнить при разсмотрѣніи средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій. Далѣе, нужно имѣть въ виду, что сами сеньеріи въ средніе вѣка были двухъ категорій: въ однѣхъ сеньерами были свѣтскія лица, передававшія свои земли и свои права по наслѣдству, въ другихъ это были лица духовныя, именно епископы и аббаты монастырей. Дворянство и духовенство, или, вѣрнѣе говоря, духовенство и дворянство, клиръ и «благородная знать» и были первыми двумя представленными въ общегосударственномъ собраніи чинами. Позднѣе къ нимъ присоединились еще представители и городского населенія. Вотъ изъ какихъ элементовъ, прежде всего феодальныхъ, сеньерьяльныхъ, а потомъ уже городскихъ, муниципальныхъ, составились средневѣковыя сословно-представительныя учрежденія, какъ бы они ни назывались: кортесы въ Арагоніи, Кастиліи и Португаліи, парламенты въ Англіи и Шотландіи, генеральные штаты во Франціи (и позднѣе въ Нидерландахъ), ландтаги въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ княжествахъ и т. п.

Эпоха сословной монархіи и отличается отъ эпохи монархіи феодальной и абсолютной, ей предшествовавшей и за нею слѣдовавшей, тѣмъ, что рядомъ съ королевскою властью существовали сословные сеймы, съ которыми короли должны были въ большей или меньшей степени дѣлиться своими правами. Съ другой стороны, сами эти сеймы выросли на феодальной почвѣ, и въ этомъ заключается та связь между помѣстьемъ-государствомъ и сословно-представительной монархіей, на которую вскользь нами было указано выше.

Сословно-представительнымъ учрежденіямъ почти повсемѣстно пришлось переживать тяжелый кризисъ, котораго многія изъ нихъ и не перенесли. Ихъ аристократичность и антагонизмъ отдѣльныхъ сословій были плохими условіями для дальнѣйшаго ихъ существованія въ виду стремленія королевской власти къ абсолютизму. Сословная монархія почти вездѣ и уступила мѣсто монархіи абсолютной. Спрашивается: что сдѣлалось въ это время съ духовными и свѣтскими сеньерами?

Помѣщики-государи, переставъ быть государями и даже утративъ право представительства въ государственныхъ сеймахъ, образовали изъ себя два особенно привилегированныхъ сословія, причемъ въ ихъ привилегіяхъ сохранились многіе остатки прежняго феодальнаго строя. Они продолжали оставаться «господами» по отношенію къ населенію своихъ помѣстій. Сокрушена была развитіемъ королевской власти только политическая сторона феодализма, соціальная осталась и при абсолютной монархіи.

Во избѣжаніе недоразумѣній условимся въ пониманіи терминовъ. Различіе «политическаго» и «соціальнаго» относится, какъ извѣстно, къ различію понятій государства и общества. Общество, это — совокупность отдѣльныхъ классовъ (и сословій), изъ которыхъ состоитъ населеніе страны; государство, это—то, что возвышается надъ обществомъ, какъ организація правящей имъ власти. Политическая сторона феодализма заключалась въ смѣшеніи государственной власти съ землевладѣніемъ, въ смѣшеніи, которое неминуемо влекло за собою раздробленіе страны на отдѣльныя сеньеріи. Но у феодализма была и своя сторона соціальная, которая могла продолжать—и на самомъ дѣлѣ продолжала—свое существованіе и послѣ паденія стороны политической. Именно это было юридическое и экономическое властвованіе землевладѣльцевъ надъ сельскимъ населеніемъ: помѣщикъ переставалъ быть государемъ (иногда въ полной мѣрѣ онъ имъ и не былъ), но онъ оставался все-таки «бариномъ», въ многообразной зависимости отъ котораго продолжала попрежнему жить крестьянская масса.

Самыми яркими выраженіями юридическаго и экономическаго властвованія помѣщиковъ надъ крестьянами были несвобода земли и несвобода лица, двѣ главныя стороны крѣпостничества, или *серважа* (servage), которое пережило на Западѣ эпохи феодализма и сословной монархіи и даже перешло въ эпоху монархіи абсолютной. Лишенное политической самостоятельности, помѣстье долгое время еще сохраняло черты стараго быта: за помѣщикомъ все еще сохраняются полиція и судъ надъ мѣстнымъ населеніемъ, но особенно важны были права помѣщика, непосредственно вытекавшія изъ обладанія землею и изъ того, что, какъ-никакъ, онъ былъ сеньеромъ, по отношенію къ которому даже некрѣ-

постные крестьяне не пользовались полною мѣрою правъ, принадлежащихъ свободному гражданину.

Въ сущности, задачей этой книги я дѣлаю изображеніе эволюціи феодализма какъ въ политической, такъ и въ соціальной его сторонахъ, съ сословно-представительною монархіей, которая выросла на его почвѣ. Не скрою, что эта тема, будучи одною изъ наиболѣе важныхъ въ исторической наукѣ, является и наиболѣе трудною, даже очень трудною, о чемъ свидѣтельствуетъ большая литература о происхожденіи феодализма, наполненная массой разногласій и споровъ [1]). Прямою цѣлью, какую въ данномъ случаѣ я себѣ ставлю, должно быть упрощеніе вопроса, сведеніе запутан наго крайне сложнаго узора къ немногимъ основнымъ и вполнѣ уловимымъ линіямъ, извѣстнаго рода схематизація. Вотъ почему пока я воздерживаюсь отъ какого бы то ни было общаго опредѣленія феодализма, — ихъ существуетъ нѣсколько, не вполнѣ совпадающихъ одно съ другимъ,—и самое большее, что здѣсь я считаю удобнымъ отмѣтить, это, во-первыхъ, существованіе болѣе широкаго и болѣе тѣснаго пониманія феодализма, а во-вторыхъ, наличность цѣлаго ряда теорій объ историческомъ происхожденіи западно-европейскаго феодализма.

Въ болѣе тѣсномъ и, скажу, въ болѣе опредѣленномъ значеніи феодализмъ есть одно изъ явленій и притомъ наиболѣе характерное явленіе западно-европейской исторіи въ средніе вѣка и въ этомъ смыслѣ онъ есть понятіе чисто историческое. Съ другой стороны, однако, значеніе термина иногда расширяютъ, распространяя его на другія эпохи и другія мѣста, дѣлая изъ него понятіе прямо соціологическое, какъ обозначеніе особой ступени развитія, переживавшейся каждымъ обществомъ въ извѣстную пору его исторіи. Конечно, при такомъ пониманіи феодализма всѣ мѣстныя его особенности (столь именно характерныя въ средневѣковомъ западно-европейскомъ феодализмѣ) стираются, и самому термину нерѣдко угрожаетъ опасность превращенія въ нѣчто недостаточно опредѣленное, неуловимое и расплывчатое. Предупреждаю читателя, что, не отрицая великой пользы сближеній феодальныхъ порядковъ на Западѣ съ аналогичными чертами въ исторіи другихъ странъ и эпохъ, я буду

---

[1]) См. приложеніе I.

держаться здѣсь строго лишь одного историческаго явленія, спеціально извѣстнаго подъ этимъ именемъ, т.-е. средневѣковаго западно-европейскаго феодализма.

Что касается до историческихъ теорій его происхожденія, то ихъ вообще очень много, хотя всѣ онѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующія категоріи. Когда впервые стали изучать феодализмъ, то наиболѣе крупные его изслѣдователи,—въ XVIII в. Монтескье, въ XIX в. Гизо,—стремились свести его къ исконнымъ началамъ древне-германскаго быта. Но рядомъ съ этими историками-германистами появились другіе изслѣдователи, историки-романисты, которые, наоборотъ, начали выводить феодальные порядки изъ началъ римскихъ, и долгое время главное содержаніе всей литературы о феодализмѣ сводилось къ спору между германистами и романистами. Въ настоящее время обѣ точки зрѣнія—и германистовъ, и романистовъ—нужно считать пережитыми въ наукѣ, какъ одностороннія. Въ общемъ господствующею точкою зрѣнія въ литературѣ о феодализмѣ была германистическая, но и въ ней мы можемъ различить болѣе раннее политико-юридическое направленіе и направленіе нѣсколько болѣе позднее, экономическое (Маурeръ), въ которомъ особенно интересно стремленіе прослѣдить, какъ первоначальная сельская поземельная община (марка) превратилась въ позднѣйшую сеньерію—тема, привлекающая къ себѣ наибольшее количество аналогій изъ исторіи самыхъ различныхъ странъ. Далѣе, сами сторонники германскихъ началъ въ объясненіи происхожденія феодализма мало-по-малу должны были придти къ той мысли, что объясненія феодализма нельзя искать въ первобытной Германіи, что его нужно выводить изъ обстоятельствъ позднѣйшаго времени (Вайцъ и Ротъ). Въ концѣ концовъ современная историческая наука стремится къ общему синтезу, въ которомъ исчезаютъ противоположности германизма и романизма и односторонности исключительно политико-юридическаго или экономическаго объясненія, и потому находятъ свое мѣсто и получаютъ надлежащее значеніе всѣ имѣющіе внутреннюю цѣнность выводы, при какой бы точкѣ зрѣнія они ни были получены. Такова была точка зрѣнія знаменитаго французскаго историка Фюстель де-Куланжа, для котораго феодализмъ не былъ ни римскимъ, ни германскимъ, но котораго многіе все-таки причисляютъ къ романистамъ, за то, конечно, что онъ осо-

бенно подчеркиваетъ романскій элементъ, находившійся въ нѣкоторомъ пренебреженіи у большинства прежнихъ историковъ. Въ общемъ освѣщеніи, какое получаетъ вопросъ съ точки зрѣнія указаннаго синтеза, мы и постараемся разсмотрѣть процессъ, приведшій на Западѣ въ средніе вѣка къ возникновенію помѣстья-государства [1]).

ГЛАВА II.

Историческая почва, на которой выросъ феодальный строй.

Феодальная сеньерія, какъ продуктъ разложенія болѣе развитого государственнаго быта. — Культурный регрессъ и варваризація провинцій Западной Римской имперіи.—Нанесли ли германцы ударъ романизаціи западныхъ провинцій Римской имперіи?—Низкій культурный уровень германцевъ.—Паденіе античной культуры. — Постепенная романизація пришлыхъ варваровъ.—Взаимодѣйствіе романскаго и германскаго элементовъ въ варварскихъ государствахъ.—Особое историческое значеніе королевства франковъ. – Романскіе и германскіе элементы феодализма.

То помѣстье-государство, разсмотрѣніемъ котораго мы теперь займемся, т.-е. западно-европейская феодальная сеньерія среднихъ вѣковъ, прежде всего, не должна считаться политическою формою, смѣнившею собою еще болѣе простую и элементарную форму общежитія. Совсѣмъ даже наоборотъ: именно она является въ исторіи, какъ продуктъ разложенія

[1]) Сосредоточивая все свое вниманіе на помѣстьѣ-государствѣ, какъ уже сложившейся формѣ, я затрогиваю въ этой книгѣ процессъ феодализаціи лишь попутно. Съ болѣе подробнымъ изложеніемъ разныхъ теорій о происхожденіи феодализма можно познакомиться по вступительной главѣ книги *проф. Виноградова* «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лонгобардской Италіи» и по статьѣ о феодализмѣ *проф. Гревса* въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона (т. XXXV, стр. 495—500).

неизмѣримо болѣе развитой формы и, слѣдовательно, результатомъ нѣкотораго историческаго регресса. Слѣдя за исторіей помѣстья-государства, мы видимъ, что въ наиболѣе чистомъ видѣ, съ наиболѣе характерными чертами эта форма развилась въ средневѣковыхъ Италіи и Франціи, вообще въ бывшихъ провинціяхъ Западной Римской имперіи. Указывая на это, отмѣчу еще, что рѣчь здѣсь должна итти исключительно, именно, о западной половинѣ Римской имперіи потому, что восточная половина этой имперіи, продолжавшая свое существованіе около тысячи лѣтъ послѣ паденія западной (476—1453), не знала феодализма, хотя и въ ней развились нѣкоторыя черты, весьма сходныя съ основными чертами западно-европейскаго средневѣкового быта. Изученіе экономической исторіи Римской имперіи приводитъ насъ вообще къ тому выводу, что въ древнемъ мірѣ Западъ отставалъ въ своемъ развитіи сравнительно съ Востокомъ [1]), и что начался общій упадокъ міровой державы Рима, объединившей въ одномъ политическомъ цѣломъ Востокъ и Западъ, и далъ себя чувствовать раньше и сильнѣе опять-таки на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Предполагая извѣстными какъ главные факты, указывающіе на экономическій, культурный и политическій упадокъ Римской имперіи въ послѣдніе два вѣка ея существованія на Западѣ, т.-е. въ IV и V вв. по Р. X., такъ и общія причины этого упадка [2]), мы можемъ здѣсь ограничиться лишь самыми краткими отмѣтками отдѣльныхъ сторонъ того историческаго регресса, который переживался западною половиною римскаго міра въ упомянутую эпоху. Это было, во-первыхъ, уменьшеніе населенія, обезлюденіе страны. Это было, во-вторыхъ, ея обѣднѣніе, выражавшееся съ особою силою въ паденіи торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ ними и всего городского строя, характеризующаго періоды процвѣтанія имперіи Это было, наконецъ, возвращеніе экономическаго быта къ болѣе простымъ формамъ. По формулѣ извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Карла Бюхера [3]), достигнутая обществомъ ступень экономическаго развитія опредѣляется длиною и сложностью пути, какой проходятъ хозяйственныя блага отъ производства къ потребленію. Самая

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 192—193 и 305 и слѣд.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 357 и слѣд.

[3]) Подробнѣе см. Государство-городъ, стр. 62 и слѣд.

низкая ступень, это—всѣ тѣ случаи, когда продуктъ потребляется въ томъ же хозяйствѣ, которое его произвело: это ступень замкнутаго, домашняго хозяйства, по терминологіи Бюхера. Когда продукты начинаютъ переходить изъ одного хозяйства въ другое и между отдѣльными хозяйствами въ предѣлахъ небольшого округа съ общимъ городскимъ центромъ начинается взаимный обмѣнъ, общество переходитъ на вторую, «городскую», ступень экономическаго развитія. Хотя Бюхеръ и стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что вся древность и даже большая половина среднихъ вѣковъ не выходила изъ періода домового хозяйства, на самомъ дѣлѣ было не такъ, и въ эпоху процвѣтанія Римской имперіи хозяйство было не только городскимъ (въ бюхеровскомъ смыслѣ), но и «народнымъ», какъ тотъ же ученый называетъ слѣдующую ступень экономическаго обмѣна въ предѣлахъ уже цѣлой страны. Не нужно забывать притомъ, что и страна-то въ данномъ случаѣ,—я говорю о Римской имперіи,—была скорѣе не отдѣльною страною, а комплексомъ многихъ странъ, цѣлымъ міромъ, а потому въ условномъ значеніи слова мы могли бы здѣсь говорить даже о нѣкоторомъ подобіи хозяйства мірового [1]). Но если даже, оставивъ всѣ эти категоріи высшаго порядка, мы остановимся на мысли, что въ Западной Римской имперіи процвѣтали города съ ихъ ремеслами и торговлею, а потомъ все это стало падать и уступать мѣсто сельской жизни съ замкнутыми, домовыми хозяйствами, то иначе не будемъ въ состояніи выразить эту мысль словами, какъ сказавъ, что хозяйство перешло съ высшей степени развитія на ступень несомнѣнно низшую. Но разъ это такъ, и съ ослабленіемъ экономической дѣятельности долженъ былъ понизиться и весь тонъ культурной жизни, намъ остается только назвать это явленіе вырожденіемъ цивилизаціи, погруженіемъ въ варварство, варваризаціей.

Но и въ другомъ еще смыслѣ въ тѣ же времена (особенно въ V и VI вв.) происходила также варваризація западныхъ областей имперіи: въ эти области все болѣе и болѣе вступали варвары, какъ населеніе имперіи называло преимущественно германцевъ да какъ, впрочемъ, себя называли и сами германцы. Сначала это была инфильтрація германцевъ въ предѣлы имперіи то въ качествѣ военноплѣнныхъ, то въ

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 325.

качествѣ наемныхъ защитниковъ пограничныхъ областей и вообще дружинъ, вступавшихъ на службу у имперіи, то въ видѣ враговъ, насильно вторгавшихся въ окраинныя земли. Имперія стала терять одну провинцію за другою. Ранѣе всего былъ захваченъ германцами такъ называемый Десятинный Край (Agri Decumates), уголъ, образуемый верхними теченіями Рейна и Дуная, уже успѣвшій за время обладанія имъ Римской имперіей достаточно усвоить римскую культуру. Это было еще въ IV в., когда и на Галлію изъ-за Рейна тоже напирали германскія племена. Въ концѣ этого столѣтія началось и такъ называемое великое переселеніе народовъ, въ которомъ, кромѣ германскихъ народовъ, приняли участіе азіатскіе кочевники гунны съ разными другими племенами. Это была эпоха величайшихъ бѣдствій, когда самый Римъ, столица міра, дважды брался и разграблялся варварами, въ 410 г.—вестготами, въ 455 г.—вандалами. Какъ извѣстно, начало массовымъ переселеніямъ положили въ 375 г. вестготы, переправившіеся черезъ Дунай во Ѳракію, потомъ поднявшіе тамъ возстаніе и только въ 412 г. усѣвшіеся въ Южной Галліи и Испаніи. Въ томъ же V в. часть Галліи заняли бургунды, Африку—вандалы (430), Британію—англы и саксы (449), сѣверо-восточную Галлію—франки (486), Италію – остготы (490). Извѣстно, что когда герульскій вождь Одоакръ въ 476 г. низложилъ послѣдняго западнаго императора Ромула-Августула, незанятою варварами на Западѣ оставалась лишь полоса земли въ Галліи между Луарой и Соммой, да и тою черезъ десять лѣтъ завладѣли франки. Имперія оказалась неспособной защищать свое достояніе, и попытка, какую сдѣлалъ въ серединѣ VI в. Юстиніанъ Великій, чтобы вернуть имперіи хоть часть западныхъ провинцій, окончилась въ сущности неудачей. Въ Европѣ онъ отнялъ у остготовъ Италію (кромѣ еще и южной окраины Испаніи у вестготовъ), но едва прошло три года со смерти этого императора (565), какъ почти вся Италія попала подъ власть лонгобардовъ (568). Такимъ образомъ въ теченіе полутора вѣка (412—568) западныя провинціи имперіи превратились въ варварскія королевства. Короли германскихъ народовъ признавали, но лишь теоретически, власть имперіи надъ собою и даже получали отъ нея разные титулы, на самомъ же дѣлѣ это было отторженіе отъ

имперіи одной провинціи за другою подъ власть варваровъ, варваризація населенія и порядковъ, которыми оно жило.

Извѣстно, что къ эпохѣ образованія варварскихъ государствъ въ предѣлахъ Западной Римской имперіи ея населеніе было уже сильно романизировано. Самое убѣдительное доказательство этого мы имѣемъ передъ нашими глазами въ лицѣ современныхъ романскихъ націй, населяющихъ въ Западной Европѣ, кромѣ Италіи, Францію съ прилегающими къ ней частями Бельгіи и Швейцаріи, а также весь Пиренейскій полуостровъ. Это же обстоятельство указываетъ и на то, что занятіе германскими племенами провинцій имперіи отнюдь не нанесло удара ихъ романизаціи. Только на лѣвомъ берегу Рейна да на побережьѣ Нѣмецкаго моря германское нашествіе стерло слѣды романизаціи, такъ какъ лишь здѣсь пришельцы поселились сплошными массами. Въ остальныхъ мѣстахъ, подальше отъ своей родины, германцы селились, такъ сказать, оазисами, составляя лишь колоніи среди стараго романскаго населенія. Конечно, чистые германцы, кромѣ того, и дольше сохраняли черты своего стараго быта и устройства, хоть еще раньше они уже испытывали на себѣ культурное и политическое вліяніе Рима, да и теперь, въ эпоху образованія новыхъ государствъ, какъ и позднѣе, распространеніе цивилизаціи шло съ запада и юга на востокъ и сѣверъ, изъ странъ съ романскимъ населеніемъ въ страны съ населеніемъ германскимъ. Въ свою очередь, и германцы, впрочемъ, вносили черты своего быта и устройства въ западныя и южныя страны. Ихъ въ общемъ было слишкомъ мало сравнительно съ кореннымъ населеніемъ странъ, въ которыхъ они утвердились, слишкомъ мало именно для того, чтобы германизировать эти страны, но все-таки было достаточно, чтобы внести нѣчто новое и притомъ несомнѣнно понижающее общій экономическій и культурный уровень занятыхъ ими областей, не говоря уже о томъ, что сама по себѣ вызванная ими смута никакъ не могла содѣйствовать прогрессу общества.

Не забудемъ, на какой ступени быта мы застаемъ германцевъ въ началѣ ихъ исторіи. Это были еще охотники-звѣроловы и скотоводы, едва только утверждавшіеся въ началахъ земледѣльческаго быта. У нихъ еще не было городовъ, что особенно подчеркиваетъ Тацитъ, описавшій ихъ бытъ въ I в. нашей эры. Во всякомъ случаѣ они стояли еще на ступени и притомъ на одной изъ не особенно высо-

кихъ ступеней натуральнаго хозяйства. Это—общая ихъ характеристика въ экономическомъ отношенiи, а въ юридическомъ характерно для нихъ то, что у нихъ въ ходу была еще кровавая месть, во времена Тацита едва начавшая уступать мѣсто системѣ виръ, т.-е. откупа отъ преслѣдованiя за убiйство родственниками убитаго опредѣленнымъ матерiальнымъ вознагражденiемъ. Наконецъ, въ первые вѣка по Р. Х. у германцевъ и государство только еще складывается: у нѣкоторыхъ народовъ тогдашней Германiи не было еще общихъ постоянныхъ главъ, позднѣйшихъ королей, какъ мы ихъ называемъ; они жили мелкими группами, управляющимися мѣстными главарями, князьями, какъ принято у насъ выражаться, переводя на русскiй языкъ тацитовское слово «principes», и только въ минуту общей опасности выбирался на время воевода, котораго Тацитъ обозначаетъ словомъ «dux», равносильнымъ германскому «Herzog». Къ эпохѣ образованiя варварскихъ королевствъ на римской почвѣ политическая интеграцiя у германцевъ, однако, значительно подвинулась впередъ, и, вмѣсто массы отдѣльныхъ мелкихъ группъ, которыя были извѣстны Тациту, мы имѣемъ теперь дѣло съ очень ограниченнымъ числомъ народно-государственныхъ союзовъ съ королями во главѣ. Но этому успѣху политической интеграцiи не соотвѣтствовало никакого сколько-нибудь экономическаго прогресса: то же натуральное хозяйство, что́ и прежде, тотъ же сельскiй, земледѣльческiй бытъ, то же отсутствiе городовъ съ ихъ торгово-промышленною дѣятельностью. Отъ этой, сравнительно болѣе поздней эпохи утвержденiя германскихъ переселенцевъ среди романскаго населенiя провинцiй мы имѣемъ весьма важные юридическiе памятники, знаменитыя «Варварскiя Правды», какъ принято называть по-русски, по аналогiи съ «Русской Правдой» временъ Ярослава Мудраго, сборники законовъ отдѣльныхъ германскихъ народовъ, или Leges barbarorum. Ознакомленiе съ ихъ содержанiемъ тоже приводитъ насъ къ представленiю объ очень раннемъ бытѣ, когда главные матерiальные интересы не выходили изъ ограниченной сферы сельскихъ промысловъ, а юридическое сознанiе не шло далѣе замѣны кровавой мести денежною вирою.

Какъ бы тамъ ни было, въ Западной Европѣ совершался постепенный процессъ одичанiя общества, который создавался и внутренними, и внѣшними причинами. На анализѣ

этихъ причинъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, достаточно отмѣтить, самое явленіе. Западныя провинціи имперіи стояли,—было такое время, особенно I и II вѣка нашей эры,—на очень высокой ступени матеріальной культуры, поддерживать которую населеніе варварскихъ королевствъ оказывалось уже не въ силахъ. У него не было для этого матеріальныхъ средствъ, ни, повидимому, техническаго умѣнія, ни самой потребности, пожалуй. Прежде города были связаны одинъ съ другимъ прекрасными дорогами; въ самихъ городахъ были превосходныя сооруженія для публичныхъ надобностей; грандіозные водопроводы снабжали ихъ чистою водою. Теперь все это рушилось, потому что поддерживать оказывалось не подъ силу. Общее пониженіе потребностей, какое всегда замѣчается у людей, впадающихъ въ бѣдность, влекло за собою ослабленіе, а потомъ и почти полное прекращеніе ввоза. Общество катилось по наклонной плоскости къ возстановленію господства натуральнаго хозяйства, характеризующаго болѣе низкія ступени соціальнаго развитія. Были правители германскаго происхожденія, которыми дѣлались попытки поддержать падающую культуру, воскресить, что́ только было можно изъ римскихъ порядковъ,—вспомнимъ Теодориха Великаго около 500 г. и черезъ три столѣтія послѣ него Карла Великаго,—но общее регрессивное теченіе жизни оказывалось сильнѣе ихъ попытокъ, и послѣднія только болѣе оттѣняли контрастъ между невозвратнымъ прошлымъ и печальнымъ настоящимъ. Были случаи и полной, по мѣстамъ, гибели самыхъ слѣдовъ былой цивилизаціи. Сто́итъ только вспомнить, что́ произошло въ Британіи, когда въ первой половинѣ V в. ее оставили римскіе легіоны на произволъ судьбы, и на островъ съ материка стали переселяться англосаксы, нашедшіе здѣсь вторую родину. Иногда варвары прямо разрушали созданное вѣковыми усиліями болѣе цивилизованнаго общества. Не даромъ разграбленіе Рима въ 455 г. вандалами, сопровождавшееся гибелью произведеній римскаго художества, дало поводъ создать нарицательное имя грубаго разрушенія и истребленія—вандализмъ. Не одни вандалы, однако, страдали вандализмомъ. Сто съ небольшимъ лѣтъ спустя послѣ ихъ кратковременнаго хозяйничанья въ Римѣ пришли въ Италію лангобарды, которые были такими же вандалами въ нарицательномъ значеніи слова, какъ и вандалы настоящіе. Не слѣдуетъ забывать, что въ той или другой мѣрѣ

это явленіе повторялось повсемѣстно и въ теченіе довольно долгихъ періодовъ времени.

Сначала туземцы и пришельцы, «римляне» и варвары рѣзко различались между собою, и различіе между тѣми и другими поддерживалось долгое время тѣмъ, что каждый судился по своему праву, т.-е. романское населеніе—по законамъ римскимъ, германцы—по своимъ національнымъ «правдамъ». Но жизнь дѣлала свое дѣло: пришельцы постепенно сливались съ кореннымъ населеніемъ, слѣдовательно, романизировались сами и притомъ не въ одномъ только языкѣ, а также и въ разныхъ сторонахъ своего быта. Въ провинціяхъ имперіи варвары нашли извѣстныя экономическія и политическія учрежденія, и если одно они были не въ силахъ, да и не могли даже хотѣть, пожалуй, сохранить и поддержать, то другому волею-неволею они не могли не подчиниться. Труднѣе всего поддаются передѣлкѣ и легче всего сами подчиняютъ себѣ людей существующія въ странѣ формы экономическаго быта, отношенія производства и распредѣленія. Такъ случилось и въ данную эпоху: въ общемъ пришельцы-варвары подчинились экономическому строю имперіи въ области поземельныхъ отношеній, которыя одни могли ихъ интересовать при отсутствіи городскихъ промысловъ у нихъ самихъ. Извѣстно, что основными чертами этого экономическаго строя были сосредоточеніе земельной собственности въ немногихъ рукахъ и прикрѣпленіе сельскаго населенія къ землѣ [1]). Въ провинціяхъ господствовали крупныя помѣстья, такъ называемыя *латифундіи* (latifundia), находившіяся въ обработкѣ у прикрѣпленныхъ къ землѣ крестьянъ, *колоновъ* (coloni). Латифундіи и колонатъ пережили Римскую имперію и сохранились въ теченіе всей варварской эпохи. Германцы въ общемъ прекрасно романизировались въ сферѣ отношеній латифундіальной собственности и колонатнаго хозяйства, тѣмъ болѣе, что здѣсь не было ничего, чтó превышало бы ихъ пониманіе и ихъ умѣніе. Такъ было въ области частныхъ хозяйствъ, другое дѣло—хозяйство государственное, являвшееся дѣломъ очень сложнымъ и очень труднымъ. Всѣмъ своимъ прошлымъ и степенью своего культурнаго развитія варвары менѣе всего были приспособлены къ тому, чтобы вести это сложное и трудное дѣло, особенно

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 314 и слѣд.

при тогдашнихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, при продолжавшемся экономическомъ и культурномъ упадкѣ и въ эпоху смутъ, насилій и грабежей, которыми сопровождались гибель стараго общества и зарожденіе новаго. Вмѣстѣ съ другими сторонами прежняго быта, которымъ невозможно было удержаться при измѣненіи всего склада жизни, пришло въ полный упадокъ и государственное хозяйство, само переживавшее глубокій кризисъ въ послѣднія времена имперіи [1]). Въ варварскихъ королевствахъ нѣтъ ни настоящей казны, которая была бы продолженіемъ императорскаго фиска, ни правильныхъ налоговъ, какіе были въ имперіи и для взиманія которыхъ существовала цѣлая финансовая администрація. Теперь государство вознаграждало своихъ слугъ натурою и даже не необходимыми для жизни продуктами, какъ это уже начинало дѣлаться въ послѣднія времена имперіи [2]), а непосредственною раздачею земель.

Благодаря сохраненію въ провинціяхъ имперіи прежняго населенія и рядомъ съ нимъ появленію пришельцевъ, при общихъ измѣнившихся обстоятельствахъ въ жизни тѣхъ и другихъ, вездѣ, гдѣ только произошла такая встрѣча стараго съ новымъ, долженъ былъ происходить процессъ смѣшенія людей, т.-е. коренного и пришлаго населенія, процессъ вмѣстѣ съ тѣмъ взаимодѣйствія того, что̀ можно назвать римскими и германскими формами быта. Съ такимъ процессомъ взаимодѣйствія мы встрѣчаемся въ исторіи неоднократно. Я напомню другой знаменательный процессъ подобнаго же рода—когда въ Персидскую монархію нахлынули греки, завоевали ее и изъ отдѣльныхъ ея областей понадѣлали нѣсколько царствъ, гдѣ тоже пришельцы были въ меньшинствѣ и гдѣ равнымъ образомъ происходилъ процессъ взаимодѣйствія, заключавшійся не только въ эллинизаціи Востока, но и въ оріентализаціи самихъ эллиновъ [3]). Разница, конечно, была въ томъ, что въ данномъ случаѣ люди высшей культуры пришли къ людямъ культуры низшей, тогда какъ въ Римской имперіи дѣло стояло наоборотъ. Какъ-никакъ, а процессъ, происходившій въ германскихъ королевствахъ, бывшихъ раньше провинціями Римской имперіи, тоже былъ

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 364—365.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 365.

[3]) Монархіи древняго Востока, гл. XI и XII.

двусторонній процессъ варваризаціи романскаго населенія и процессъ романизаціи варваровъ.

Это взаимодѣйствіе, скажемъ для краткости, романскихъ и германскихъ элементовъ наблюдается во всѣхъ варварскихъ королевствахъ, но особый интересъ оно представляетъ въ государствѣ франковъ и вотъ именно почему. Во первыхъ изъ всѣхъ государствъ, основанныхъ въ V и VII вв. германцами, оно отличалось особою долговѣчностью, что даетъ намъ возможность изучать интересующій насъ процессъ на протяженіи болѣе длиннаго періода времени. Въ самомъ дѣлѣ, остготы господствовали въ Италіи лишь сорокъ лѣтъ, вандалы въ Африкѣ — сто, лангобарды въ Италіи — двѣсти, вестготы въ Испаніи — триста, а затѣмъ ихъ королевства разрушались то Византіей, то арабами, то франками, тогда какъ королевство послѣднихъ благополучно продолжало существовать, не подвергаясь никакому внѣшнему завоеванію. Во-вторыхъ, Галлія, гдѣ оставались франки, была единственной римской областью, непосредственно сосѣдившей съ Германіей, и если, благодаря этому, въ королевствѣ франковъ постоянно подновлялся германскій элементъ, то съ другой стороны, это королевство все болѣе и болѣе расширяло свои владѣнія вглубь Германіи, соединивъ подъ своею властью и чисто романскія, и чисто германскія области. Въ-третьихъ, при Карлѣ Великомъ въ составъ государства франковъ входила значительная часть всей Западной Европы, и изъ распаденія его монархіи образовались средневѣковыя Франція, Италія и Германія, въ которыхъ всѣхъ трехъ и развился интересующій насъ феодализмъ.

Выше было уже отмѣчено, что въ исторической литературѣ существовали одно время двѣ разныя школы — германистовъ и романистовъ, выводившія феодализмъ отдѣльно или изъ учрежденій германскихъ народовъ, или изъ порядковъ, существовавшихъ раньше ихъ появленія въ самой Римской имперіи. Въ сущности, въ чистомъ видѣ до временъ установленія феодализма — послѣ распаденія монархіи Карла Великаго, т.-е. безъ взаимнаго вліянія однихъ на другіе не могли сохраниться ни римскіе, ни германскіе порядки, и историческая почва, на которой фактически выросъ феодализмъ, была создана взаимодѣйствіемъ старыхъ, римскихъ и новыхъ, германскихъ началъ быта. Германисты стояли именно на той точкѣ зрѣнія, что зародыши феодальныхъ

отношеній принесли съ собою въ провинціи имперіи германскія племена, которыя выработали еще на своей первоначальной родинѣ извѣстныя черты быта, изъ которыхъ позднѣе и развился феодализмъ. Можно, и не соглашаясь съ столь рѣшительнымъ взглядомъ, тѣмъ не менѣе все-таки ставить феодализмъ въ счетъ германскому нашествію, но уже съ иныхъ точекъ зрѣнія. Напр., одно время въ общихъ исторіологическихъ соображеніяхъ видную роль играла идея, по которой будто бы отдѣльнымъ народностямъ или расамъ прирождены извѣстныя психическія качества, дѣлающія ихъ способными лишь къ извѣстнымъ формамъ быта. Это — знаменитая теорія расы [1]), давно опровергнутая и оставленная серьезными историками, которые теперь уже никогда не сказали бы, что феодализмъ былъ въ крови германцевъ, какъ результатъ присущаго имъ индивидуализма. Ближе къ истинѣ было бы сказать, что разъ феодализмъ въ общемъ былъ возвращеніемъ общества къ болѣе низкой культурной ступени историческаго существованія, то причину пониженія культуры приходится искать въ томъ, что въ провинціи имперіи явились грубые варвары, разселеніе которыхъ среди болѣе культурныхъ романовъ не могло не привести къ инымъ послѣдствіямъ, какъ общее огрубѣніе и одичаніе. Здѣсь уже нѣтъ рѣчи ни о самихъ порядкахъ германскаго быта, скоро подчинившихся вліянію романской обстановки, ни о проблематическомъ врожденномъ «геніи расы», а дѣло идетъ просто-на-просто о томъ гибельномъ для культуры вліяніи, какое на нее только и могли оказать грубые варвары, съ пониженными культурными потребностями, съ привычками къ праздности и насильственному образу дѣйствій, безъ тѣхъ навыковъ и сдержекъ, которые вообще создаются долгою жизнью въ культурныхъ условіяхъ. Что такъ именно и было, въ этомъ едва ли позволительно сомнѣваться, но это не значитъ, что варвары одни въ этомъ были виноваты, что культура, которую они разрушали, была самою здоровою и вполнѣ жизнеспособною. Приходъ германцевъ не убилъ, а только добилъ античную цивилизацію, которая, какъ сказано было выше, уже находилась въ состояніи упадка, въ силу дѣйствія внутреннихъ причинъ сама находилась на дорогѣ

---

[1]) Ср. Государство-городъ, стр. 76 и слѣд. и Монархіи древняго Востока, стр. 99 и слѣд.

постепеннаго упрощенія жизни. Одно къ одному: самая возможность перехода цѣлыхъ обширныхъ территорій подъ управленіе варварскихъ королей была однимъ изъ симптомовъ разложенія имперскаго строя, ибо здоровое и жизнеспособное государство не допустило бы, чтобы большія провинціи одна за другою отторгались отъ имперскаго единства и организовались въ самостоятельныя королевства подъ управленіемъ вождей пришлаго элемента, который въ сравненіи съ численностью коренного населенія провинцій представлялъ собою незначительное меньшинство. Кстати, не слѣдуетъ понимать дѣло такимъ образомъ, будто пришлое меньшинство отняло у туземнаго большинства всю землю, самого его обративши въ рабство. Этого, какъ общаго правила, не было, и какъ среди побѣдителей, такъ и среди побѣжденныхъ, насколько тутъ приложимы эти термины, были одинаково и знатные, и незнатные, одинаково и свободные, и несвободные. И еще можно прибавить, что пришельцы не могли влить и много новой, «свѣжей», какъ думали нѣкоторые историки, крови въ жилы стараго населенія— именно потому, что пришельцевъ все-таки было слишкомъ мало для полной переработки всего этнографическаго состава населенія старыхъ римскихъ провинцій. Они ни обновили его въ смыслѣ улучшенія человѣческой породы, какъ склонны были предполать ученые германской расы, ни испортили прежній этнографическій типъ, какъ утверждали, наоборотъ, другіе. Во всякомъ случаѣ рѣшающимъ моментомъ являлось то, что̀ найдено было германцами въ новыхъ странахъ, занятыхъ ими для своихъ поселеній.

Романистическая школа и историки, держащіеся родственныхъ ей взглядовъ, готовы были утверждать, что и безъ прихода германцевъ всѣ характерныя особенности средневѣкового строя развились бы изъ началъ, уже существовавщихъ въ обществѣ Римской имперіи. Съ этой точки зрѣнія можно было бы сказать, что приходъ германцевъ былъ одною изъ тѣхъ случайностей, которыя не оказываютъ никакого вліянія на существо процесса, совершающагося въ силу внутренней необходимости. Склонность современной исторической науки—вообще не придавать большого значенія извнѣ приходящимъ вліяніямъ, а искать, наоборотъ, причинъ, глубоко заложенныхъ въ самой внутренней жизни народа. Примѣръ—то значеніе громадной важности, какое

прежніе ученые приписывали татарамъ въ исторіи Россіи, и та безконечно малая роль, какую играютъ тѣ же татары въ соображеніяхъ новѣйшихъ русскихъ историковъ. Быть можетъ, современемъ не станутъ такъ пренебрегать явленіями, привходящими въ жизнь народовъ извнѣ, и въ частности по отношенію къ Западной Европѣ можно думать, что въ ея жизни не все пошло бы такъ, какъ было, если бы внутренній процессъ этой жизни не осложнился со стороны германскаго нашествія. Во всякомъ случаѣ, позднѣйшіе феодальные порядки не находятся, такъ сказать, въ непосредственномъ соприкосновеніи съ порядками Римской имперіи: между первыми и вторыми цѣлая полоса взаимнаго приспособленія коренного населенія провинцій и разселившихся среди него пришельцевъ однихъ къ другимъ и тѣхъ и другихъ, вмѣстѣ взятыхъ, къ новымъ условіямъ быта, вызваннымъ крушеніемъ старой государственности и зарожденіемъ новой.

Внутренняя эволюція общества западной части Римской имперіи заключалась въ постепенномъ пониженіи культурнаго уровня ея населенія, и оно шло по наклонной плоскости въ направленіи того самаго быта, въ которомъ уже находились германцы, сами, однако, поднимавшіеся съ болѣе низкихъ ступеней. Жизнь мало-по-малу сгладила разницу между тѣми и другими — при общей близости экономическаго уровня какъ народной массы въ провинціяхъ, такъ и новыхъ господъ этихъ провинцій. Приходъ варваровъ былъ содѣйствующей, а не исходной причиной общаго упадка, сдѣлавшаго возможнымъ феодальный строй. Мы, разумѣется, не можемъ гадать о томъ, что было бы съ европейскимъ Западомъ, если бы его исторія не усложнилась этимъ приходомъ, но намъ достаточно знать, что не варвары сами по себѣ были виновниками феодализаціи Запада.

ГЛАВА III.

Основные процессы образованія помѣстья-государства.

Двѣ стороны процесса образованія помѣстья-государства. -Образованіе крупной поземельной собственности вообще, въ частности въ Римской имперіи и у германцевъ.—Разложеніе германской марки.—Процессъ подчиненія мелкаго люда крупнымъ землевладѣльцамъ.—Плантаціонное хозяйство и колонатъ.—Пріобрѣтеніе крупными землевладѣльцами публичныхъ правъ. — Разложеніе сельской общины и разложеніе государства.—Большая прочность соціальнаго феодализма сравнительно съ политическимъ.—Политическая интеграція и дезинтеграція.—Неудача попытки Карла Великаго.—Роль вражескихъ нашествій на Западную Европу въ IX и X вв.

Исходя изъ понятія феодальной сеньёріи, которая была одновременно и помѣстьемъ, и государствомъ, исходя, другими словами, изъ понятія помѣстья-государства, мы должны, прежде всего, поставить себѣ два вопроса: во-первыхъ, какъ возникли помѣстья, которыя могли сдѣлаться государствами или, по крайней мѣрѣ, почти государствами, а во-вторыхъ, какъ владѣльцы этихъ помѣстій пріобрѣли потомъ права государственной власти?

Отвѣтимъ на оба эти вопроса пока вкратцѣ и въ наиболѣе общихъ чертахъ.

Начнемъ съ перваго вопроса. Возникновеніе сначала просто частной собственности на землю, а потомъ и образованіе на этой основѣ крупнаго землевладѣнія — явленіе общее исторіи всѣхъ народовъ и вездѣ играющее важную, первостепенную роль въ созиданіи внутреннихъ соціальныхъ отношеній и обусловливаемаго ими политическаго строя [1]). Римская имперія, включившая въ свой составъ цѣлый рядъ старыхъ и молодыхъ народовъ, была государствомъ, въ которомъ преобладала крупная поземельная собственность, об-

---

[1]) Многочисленные примѣры въ исторіи древности см. въ Государствѣ-городѣ, стр. 25 и слѣд., 84 и слѣд., 176 и слѣд., 257 и слѣд. и др. и въ Монархіяхъ древняго Востока, стр. 61, 190—191, 210—212, 314—315.

ширныя барскія помѣстья, такъ называемыя латифундіи [1]). Германцы въ общемъ не разрушили этого поземельнаго строя въ занятыхъ ими областяхъ; латифундіи римскихъ временъ сохранились и въ варварскихъ королевствахъ, въ однихъ случаяхъ только перемѣнивъ, въ другихъ же, наоборотъ, совсѣмъ даже не перемѣнивъ своихъ владѣльцевъ. Въ Римской имперіи былъ еще громадный земельный фондъ, состоявшій изъ массы отдѣльныхъ имѣній и принадлежавшій казнѣ, т.-е. императорскому фиску или императору, потому что къ концу имперіи существовавшая раньше разница между частнымъ имуществомъ императора, или *патримоніемъ* (patrimonium) и государственной казной, находившейся лишь въ распоряженіи императора, или *фискомъ* (fiscus) уже совсѣмъ исчезла [2]). Весьма естественно, что варварскіе короли, сдѣлавшіеся преемниками власти и правъ императора, стали смотрѣть на эти фискальныя имѣнія, какъ на свою частную собственность, и они только увеличили число частныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, потому что награждали изъ этого земельнаго фонда за службу. Вести громадное фискальное хозяйство было для нихъ дѣломъ слишкомъ сложнымъ и непривычнымъ, тѣмъ болѣе еще, что сами императоры послѣднихъ временъ имперіи на Западѣ отдавали фискальныя имѣнія въ аренду знатнымъ и богатымъ людямъ, отказываясь такимъ образомъ отъ эксплуатаціи этихъ земель при посредствѣ своихъ чиновниковъ и приказчиковъ [3]). Съ другой стороны, при отмѣченномъ выше [4]) упадкѣ денежнаго хозяйства, притомъ не только частнаго, но и государственнаго, вознаграждать за службу оставался лишь одинъ способъ—раздачей земель.

Такимъ образомъ, крупныя помѣстья уже существовали въ римскихъ провинціяхъ, когда сюда явились германцы. Они были продуктомъ длинной исторической эволюціи, и ихъ мы должны считать первою основою будущихъ феодальныхъ сеньёрій. Но такія же сеньёріи возникли и въ тѣхъ средневѣковыхъ странахъ, которыя никогда не входили въ

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 315.
[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 320—321.
[3]) Монархіи древняго Востока, стр. 323, 363 и 370.
[4]) См. выше, стр. 16.

составъ имперіи, и здѣсь онѣ являются уже своего рода новообразованіями.

Уже у германцевъ временъ Тацита была своя знать (nobiles), болѣе родовитые и богатые люди,—явленіе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ исторіи каждаго народа и потому не требующее спеціальнаго объясненія по отношенію къ германцамъ: они не составляли ни малѣйшимъ образомъ исключенія изъ общаго правила [1]). Процессъ образованія имущественнаго неравенства здѣсь тоже былъ аналогичный съ тѣми процессами, которые и въ другихъ мѣстахъ приводили къ тому же результату. Одни богатѣли, присоединяя участокъ къ участку, другіе бѣднѣли, теряя свои участки, а съ ростомъ богатства и бѣдности росли власть однихъ и подчиненіе другихъ. Одинъ изъ самыхъ важныхъ изслѣдователей средневѣкового соціальнаго и политическаго быта, Георгъ Мауреръ, въ своихъ историческихъ трудахъ какъ-разъ поставилъ вопросъ о происхожденіи феодализма на то, что́ сдѣлалось съ первоначальной германской сельской общиной, или *маркой,* въ которой господствовало общинное землевладѣніе съ уравнительнымъ пользованіемъ землею и мірскими распорядками сельскаго самоуправленія. А сдѣлалось съ нею то, что въ ней начался процессъ выдѣленія частныхъ владѣній, образованія владѣній болѣе крупныхъ и болѣе мелкихъ, распаденія общества на знать и простонародье, подчиненія послѣдняго первой, перехода мірской власти къ господамъ. Это и былъ процессъ превращенія сельской общины въ частное помѣстье, марки въ сеньёрію.

Болѣе крупная собственность поглощала мелкую одинаково и въ обществѣ Римской имперіи, и у германцевъ. Въ послѣднія времена имперіи на Западѣ наблюдается одно явленіе, которымъ объясняется очень многое въ процессѣ экспропріаціи массъ. Мелкій людъ ищетъ защиты и покровительства у знатныхъ и богатыхъ людей, а такими людьми были болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы, и нерѣдко мелкій собственникъ отдавалъ свой клочокъ земли сильному и могущественному сосѣду, лишь бы только послѣдній сдѣлался его патрономъ и позволилъ ему прокармливаться на томъ же клочкѣ земли. Законодательство имперіи боролось съ этимъ

---

[1]) Отсылаю къ мѣстамъ «Государства-города» и «Монархій», указаннымъ выше, на стр. 24.

явленіемъ, но по мѣрѣ того, какъ сама имперія разстраивалась и въ своей силѣ, и въ способахъ воздѣйствія на общество, явленіе это только росло и усиливалось — на пользу крупнаго землевладѣнія. Одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя слѣдствія: аналогичныя отношенія мы встрѣчаемъ и у германцевъ, у которыхъ тоже мы наблюдаемъ очень частые случаи съ виду добровольнаго, но по существу дѣла вынужденнаго отчужденія мелкимъ людомъ своей земли и своей независимости вмѣстѣ съ нею въ пользу мѣстныхъ богачей. Это равнымъ образомъ былъ тоже одинъ изъ источниковъ увеличенія площади болѣе крупнаго землевладѣнія и сопровождавшаго это увеличеніе усиленія власти крупныхъ землевладѣльцевъ. Само разложеніе древне-германской марки и превращеніе ея въ помѣстье шло этимъ же путемъ.

Возвратимся еще на нѣкоторое время къ римскимъ латифундіямъ. Было время,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ,—когда хозяйство въ этихъ помѣстьяхъ римскихъ богачей велось плантаціоннымъ способомъ. Собственникъ земли былъ и хозяинъ-предприниматель, въ имѣніи котораго подъ присмотромъ управляющаго или старосты работали рабы, жившіе въ общихъ казармахъ и получавшіе отъ своего господина и пищу, и одежду. Такъ впослѣдствіи велось хозяйство на американскихъ плантаціяхъ при помощи невольниковъ негровъ, откуда и стали звать этотъ способъ эксплуатаціи большихъ имѣній плантаціоннымъ [1]). Въ послѣднія времена имперіи на Западѣ плантаціонное хозяйство уступило мѣсто другому: имѣніе дѣлилось на рядъ небольшихъ хозяйствъ крестьянскаго типа, и на каждомъ такомъ надѣлѣ сидѣлъ прикрѣпленный къ землѣ наслѣдственный арендаторъ, платившій своему господину извѣстный оброкъ. Такой крестьянинъ назывался *колономъ* (colonus), а состояніе, въ которомъ находились колоны, мы обозначаемъ словомъ *колонатъ*. Какъ-разъ эта форма существовала и у германцевъ временъ Тацита. Описывая германскій бытъ, римскій историкъ подчеркиваетъ эту черту, какъ особенность изображаемаго имъ быта: рабы германцевъ не работали въ домѣ или въ хозяйствѣ своего господина, а у каждаго было свое жилище, свое хозяйство, и онъ только уплачивалъ господину оброкъ. Такимъ образомъ, и въ римскихъ провин-

---

[1]) Государство-городъ, стр. 180.

ціяхъ, и у германцевъ существовала одна и та же форма эксплуатаціи чужого труда, бывшая соединеніемъ крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ.

Въ колонатѣ мы имѣемъ дѣло не только съ экономическою формою соединенія барскаго землевладѣнія съ крестьянскимъ хозяйствомъ, но и юридическую форму личной зависимости сельскаго населенія отъ землевладѣльца, отличающуюся отъ рабства только тѣмъ, что колоны работали на своемъ хозяйствѣ, были подневольными фермерами, тогда какъ рабы, жившие на господскомъ содержаніи, были подневольными рабочими [1]). Но самое главное, это—то, что уже во времена Римской имперіи государство начало понемногу уступать крупнымъ землевладѣльцамъ чисто публичныя права надъ населеніемъ ихъ помѣстій, и это было—если, конечно, не превращеніе помѣстья въ государство, то начало этого превращенія. Именно, государственная власть уступала землевладѣльцамъ такія свои функціи, какъ полицію и юстицію, какъ взиманіе казенныхъ сборовъ и наборъ солдатъ въ армію. Съ этихъ поръ то, что̀ прежде дѣлалось чиновниками, какъ органами власти, переходило въ завѣдованіе помѣщиковъ. Они не были, разумѣется, государями надъ населеніемъ ихъ помѣстій, но имъ все-таки принадлежали всѣ главныя функціи государственной власти, которыя приводили ее, эту власть, въ непосредственное соприкосновеніе съ массою сельскаго населенія страны. Если такъ поступала государственная власть въ достигшей высокой культуры имперіи, располагавшей администраціей и финансами, бюрократически централизованной, то варварскимъ королямъ съ совершенно разстроившейся при нихъ государственной машиной не оставалось иного выбора, какъ итти по тому же пути — передачи тѣхъ или другихъ публичныхъ правъ въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ. Мы увидимъ еще, чѣмъ былъ въ данномъ случаѣ такъ называемый иммунитетъ, создавшій государства въ государствѣ путемъ изъятія отдѣльныхъ имѣній изъ общегосударственной администраціи. Если въ томъ же направленіи многое дѣлалось даже въ Византійской имперіи, гдѣ сохранились всѣ правительственные порядки прежней, единой Римской имперіи, то въ варварскихъ ко-

---

[1]) Государство-городъ, стр. 29—30, гдѣ объясняется различіе между крѣпостничествомъ и рабствомъ.

ролевствахъ это было болѣе, чѣмъ естественно. Административная машина бюрократической имперіи пришла здѣсь въ разстройство; услуги государству оплачивались натурою; необезпеченность личности вела къ развитію системы частной опеки; платежъ поземельнаго оброка разсматривался, какъ признакъ и личнаго подчиненія, да и вообще здѣсь происходило такое смѣшеніе частноправовыхъ и публичныхъ отношеній и понятій, что государство отъ этого только проигрывало, въ выигрышѣ же оказывалось крупное землевладѣніе, все болѣе и болѣе привлекавшее въ руки своихъ господъ права и привилегіи чисто публичнаго характера.

Итакъ, въ процессѣ образованія помѣстья-государства нужно различать процессы, во-первыхъ, образованія самого помѣстья, во-вторыхъ, пріобрѣтенія имъ публичныхъ правъ. Въ первомъ отношеніи образованіе помѣстья было равносильно *разложенію общины* съ замѣною сельскаго міра бариномъ, во второмъ равносильно *разложенію государства* съ замѣною тѣмъ же бариномъ чиновника, но нужна была именно встрѣча этихъ двухъ процессовъ, чтобы могло возникнуть настоящее помѣстье-государство. Когда каждый процессъ совершается отдѣльно, т.-е. одинъ безъ другого, то и результаты получаются другіе. Въ цѣломъ государствѣ, разсуждая теоретически, всѣ первоначальныя сельскія общины съ коллективнымъ землевладѣніемъ и мірскимъ самоуправленіемъ могутъ превратиться въ барскія помѣстья крупныхъ землевладѣльцевъ и господъ закрѣпощеннаго мѣстнаго населенія, но при этомъ можетъ сохраниться единство государственной власти, ревниво оберегающей свои права отъ какого бы то ни было захвата. Римская имперія была абсолютной, бюрократически управлявшейся монархіей, въ которой соціально господствовало сословіе крупныхъ землевладѣльцевъ, бывшихъ настоящими господами земли. То же самое продолжается и въ Византійской имперіи, гдѣ равнымъ образомъ былъ силенъ классъ богатыхъ землевладѣльцевъ, *динатовъ* (δυνατοί), какъ они тамъ назывались. Зачѣмъ, наконецъ, ходить такъ далеко за примѣрами, когда мы имѣемъ такой же и въ исторіи нашего отечества, Россіи? Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, была она до великаго акта 19-го февраля 1861 г., даровавшаго свободу отъ помѣщичьей власти милліонамъ крѣпостныхъ крестьянъ? Вѣдь и она была самодержавнымъ царствомъ, державшимъ въ строгомъ повиновеніи

дворянско-помѣщичье сословіе съ его населенными имѣніями, сословіе, которое еще за сто лѣтъ передъ тѣмъ было сословіемъ служилымъ, т.-е. обязаннымъ личною службою государству. Съ другой стороны, и разложеніе государства не всегда непремѣнно совершается въ формѣ западно-европейскаго феодализма. Мы увидимъ, что и въ самомъ процессѣ феодализаціи на Западѣ не все объясняется переходомъ публичныхъ правъ къ помѣщикамъ. Разлагать государство могутъ и другія силы, кромѣ крупнаго землевладѣнія, примѣромъ чему можетъ служить хотя бы и наша древняя Русь, распавшаяся въ XI в. на удѣлы послѣ періода цѣлокупнаго существованія, что́ наблюдается также и въ исторіи Польши, да и средневѣковая Германія въ періодъ своего распаденія выдѣлила не только мелкія феодальныя владѣнія, но и государства-города въ видѣ такъ называемыхъ вольныхъ имперскихъ городовъ.

Разложеніе сельской общины и образованіе на ея мѣстѣ помѣстья съ закрѣпощеннымъ населеніемъ или, по крайней мѣрѣ, съ установленіемъ извѣстной зависимости его отъ помѣщика есть процессъ феодализаціи соціальной, отличный отъ процесса феодализаціи политической, состоящей въ разложеніи государства, сопровождаемомъ переходомъ публичныхъ правъ къ крупнымъ землевладѣльцамъ. Выше мы различили въ феодализмѣ двѣ стороны: политическую и соціальную [1]). Каждую изъ нихъ въ западно-европейской исторіи можно прослѣдить отдѣльно, причемъ окажется, что соціальная сторона и раньше началась, и позже кончилась, чѣмъ политическая. Напр., по отношенію къ Франціи мы можемъ сказать, что соціальный феодализмъ въ ней ведетъ свое начало изъ тѣхъ еще временъ, когда она была римской провинціей Галліей, если не изъ временъ, еще предшествовавшихъ завоеванію ея Юліемъ Цезаремъ [2]), концомъ же соціальнаго феодализма была лишь великая революція 1789 г., отнявшая у французскихъ землевладѣльцевъ феодальныя права и освободившая послѣднихъ крѣпостныхъ. Такимъ образомъ, соціальный феодализмъ насчитываетъ во Франціи около двухъ тысячелѣтій существованія, а эпоха политическаго феодализма охватываетъ собою лишь время послѣднихъ

[1]) См. выше, стр. 8.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 315.

Каролинговъ и первыхъ Капетинговъ, т.-е. X, XI и XII, много XIII вв. [1]). Выше было упомянуто, что для многихъ современныхъ историковъ феодализмъ является не совершенно своеобразнымъ строемъ, сложившимся въ средніе вѣка на европейскомъ Западѣ, а, такъ сказать, общею ступенью развитія разныхъ народовъ [2]), и это относится именно къ соціальной сторонѣ феодализма, которую можно усмотрѣть вездѣ, гдѣ только общинный, мірской строй сельской жизни замѣнялся барскимъ. Особенно выдвинулъ эту, какъ сказано было выше, соціологическую точку зрѣнія на вопросъ извѣстный англійскій историкъ права Генри Мэнъ, который въ цѣломъ рядѣ сочиненій, переведенныхъ и по-русски [3]), прослѣдилъ данный процессъ на примѣрахъ, взятыхъ изъ арійскихъ вообще и кельтской въ частности старины. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ говорить, наприм., и о феодализмѣ у древнихъ грековъ [4]).

Другая сторона процесса — разложеніе государства. Въ исторіи господствуетъ въ общемъ процессъ интеграціи, т.-е. образованія болѣе крупныхъ объединенныхъ цѣлыхъ изъ болѣе мелкихъ группъ, тоже представляющихъ собою извѣстныя цѣльность и единство. Интеграція можетъ быть или политической, или экономической, смотря по тому, заключается ли она въ установленіи единой власти (независимо, конечно, отъ формы послѣдней), или въ установленіи хозяйственнаго обмѣна между отдѣльными общественными группами. Обѣ эти интеграціи, какъ показываетъ исторія [5]), не всегда идутъ рука объ руку, т.-е. могутъ одна другую опережать, одна отъ другой отставать, но во всякомъ случаѣ одна другую обыкновенно вызываютъ и обусловливаютъ, одна другой содѣйствуютъ и помогаютъ, и вмѣстѣ онѣ могутъ падать. Вообще экономическая интеграція странъ, окружающихъ Средиземное море, началась, благодаря морской торговлѣ финикійскихъ и греческихъ городовъ, гораздо раньше, чѣмъ

---

[1]) Болѣе подробное развитіе этой мысли въ III томѣ моей «Исторіи Западной Европы въ новое время», стр. 22 и слѣд. (по 3 изд.).

[2]) См. выше, стр. 9.

[3]) Древнее право. — Сельскія общины на Востокѣ и Западѣ. — Исторія Древнихъ учрежденій. — Древній законъ и обычай.

[4]) См. приложеніе I.

[5]) Монархія древняго Востока, стр. 39 и слѣд.

совершилась политическая интеграція этихъ странъ въ единую Римскую имперію. Но рядомъ съ центростремительными силами дѣйствуютъ въ исторіи и силы центробѣжныя, и вотъ когда начинаютъ побѣждать послѣднія, совершаются процессы дезинтеграціи, т.-е. распаденія цѣльности и единства. Въ Римской имперіи центробѣжныя силы проявили себя съ достаточною ясностью уже въ III в., когда въ разныхъ мѣстахъ одновременно царствовали провинціальные императоры [1]). Сознательное раздѣленіе имперіи на двѣ половины въ IV в., повлекшее за собою распаденіе имперіи какъ бы на два государства [2]), относится къ той же категоріи явленій дезинтеграціи. То же слѣдуетъ сказать и о паденіи имперскаго единства на Западѣ въ V в., когда отдѣльныя провинціи имперіи превратились въ самостоятельныя варварскія королевства. И въ нихъ дѣйствовалъ мѣстный сепаратизмъ, приводившій къ дезинтеграціи. Въ Франкской монархіи происходятъ дѣлежи между королевскими сыновьями, напоминающіе раздробленіе Руси между сыновьями Ярослава Мудраго. Образованіе обширной монархіи Карла Великаго было поворотомъ къ интеграціи, за которымъ, какъ бы въ видѣ реакціи сепаратизма, дробленіе пошло еще дальше, пока не остановилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на такомъ предѣлѣ, дальше котораго процессу дезинтеграціи итти уже было некуда, именно на единичномъ, болѣе или менѣе крупномъ помѣстьѣ. Соціальная сила въ государствѣ можетъ заключаться или въ недвижимомъ, или въ движимомъ имуществѣ: въ эту эпоху соціальная сила заключалась въ обладаніи землей, въ натуральномъ сельскомъ хозяйствѣ, и политическая дезинтеграція привела къ огосударствленію землевладѣнія.

Карлъ Великій сдѣлалъ попытку воскрешенія Западной Римской имперіи, но матеріалъ, который былъ въ его распоряженіи, и средства, которыми онъ пользовался, совсѣмъ не соотвѣтствовали такой грандіозной задачѣ. Въ монархіи Карла Великаго не было настоящей столицы, т.-е. не было правительственнаго центра, и Аахенъ, въ которомъ особенно охотно проживалъ Карлъ, въ сущности былъ не городомъ, а большимъ помѣстьемъ, усадьбою очень крупнаго землевладѣльца. У этой монархіи не было и настоящихъ централь-

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 354.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 355.

ныхъ учрежденій: ихъ замѣняли ежегодные съѣзды по осени областныхъ правителей и мѣстныхъ вельможъ. Государственная казна, — но и ея равнымъ образомъ не существовало: награждать за службу приходилось земельными раздачами, такъ называемымъ кормленіемъ. То же было и съ войскомъ: это, собственно говоря, было лишь конное ополченіе крупныхъ землевладѣльцевъ. А самое главное, это — то, что время Карла Великаго было эпохою повсемѣстнаго установленія такъ называемаго *сеніората,* о которомъ намъ придется еще говорить, или изъятія, въ сущности, мелкаго люда изъ-подъ непосредственной зависимости отъ государства и подчиненія этого люда крупнымъ землевладѣльцамъ. Между тѣмъ, обстоятельства времени требовали со стороны государства и общества величайшаго напряженія силъ для защиты отъ внѣшнихъ вторженій. Въ эпоху распаденія монархіи Карла Великаго на три части, изъ которыхъ потомъ образовались Франція, Италія и Германія, и дальнѣйшаго дробленія особенно двухъ первыхъ изъ этихъ частей на болѣе мелкія княжества, Западная Европа подвергалась вражескимъ нашествіямъ съ трехъ сторонъ: съ сѣвера на нее нападали норманны, съ востока мадьяры, съ юга сарацины, нападали съ цѣлью грабежа, съ цѣлью захвата земель, и такъ какъ распадавшееся государство оказывалось не въ силахъ отражать эти вражескія нашествія, защита отъ нихъ должна была совершаться враздробь: каждая мѣстность, иногда даже очень небольшая округа организовала свою защиту отдѣльно отъ ближайшихъ сосѣдей, и строившіеся съ этою цѣлью замки, бывшіе необходимыми населенію и въ виду ослабленія внутренней безопасности, сдѣлались центрами политическаго властвованія надъ окрестными жителями. Открытая усадьба помѣщика превращалась въ укрѣпленное мѣсто, и землевладѣлецъ становился военнымъ вождемъ всей округи.

Конечно, не всѣ помѣщики получили одинаковую силу: между ними тоже были и покрупнѣе, и помельче.

ГЛАВА IV.

Расхищеніе государственной власти свѣтской и духовной аристократіей послѣ Карла Великаго.

Разные ранги феодальныхъ сеньёровъ. — Кто были первоначально герцоги и графы?—Узурпація правъ государственной власти областными правителями.—Распаденіе монархіи Карла Великаго на королевства, герцогства и графства.—Образованіе духовныхъ сеньёрій.—Захватъ власти всякимъ барономъ. — Взаимоотношенія помѣстій-государствъ, поддерживавшія между ними извѣстную организацію.

Феодальные сеньёры носили различные титулы, между прочимъ герцоговъ и графовъ, указывающіе на то, что предки обладателей этихъ титуловъ были прежде государственными чиновниками, превратившими свои должности въ наслѣдственную собственность. Въ числѣ феодальныхъ сеньёровъ были также и должностныя лица духовнаго званія, епископы и аббаты, т.-е. по-нашему епархіальные архіереи и настоятели монастырей, архимандриты и игумены. Сеньёры, не носившіе этихъ свѣтскихъ и церковныхъ титуловъ, были бароны, ихъ помѣстья — бароніи или шателеніи (chatelainies). у наиболѣе мелкихъ изъ нихъ въ обладаніи было иногда только одно селеніе, даже нерѣдко только часть селенія, тогда какъ герцоги и графы, равно какъ епископы, стояли во главѣ цѣлыхъ княжествъ.

Тѣ изъ феодальныхъ сеньёровъ, которые пользовались титулами графовъ и герцоговъ, были, какъ сказано, наслѣдниками государственныхъ чиновниковъ, превратившихъ свои должности въ свою фамильную собственность. Основной единицей въ Римской имперіи была *civitas,* какъ назывался муниципальный городъ со своимъ округомъ [1]). Въ эпоху полнаго развитія муниципальнаго самоуправленія въ такихъ *цивитатахъ* центральное правительство не имѣло своихъ агентовъ,

[1]) Государство-городъ, стр. 311 и слѣд. и Монархіи древняго Востока, стр. 281.

но съ теченіемъ времени оно начало назначать въ нихъ чиновниковъ, которымъ присвоено было имя *комитовъ* (comites). Слово *comes* значитъ по-латыни, какъ извѣстно, спутникъ, товарищъ, но въ концѣ имперіи этотъ терминъ сталъ примѣняться для обозначенія нѣкоторыхъ должностей [1]), въ томъ числѣ и для обозначенія агента центральной власти въ отдѣльной цивитатѣ, игравшаго въ ней такую же роль, какую въ цѣлой провинціи игралъ ея губернаторъ (rector) или президентъ (praeses). Въ Галліи подъ франкскимъ владычествомъ въ общемъ сохранилось имперское административное дѣленіе, только бывшій муниципальный округъ сталъ называться *pagus*, а позднѣе *комитатомъ* (comitatus) по имени своего начальника, т. е. комита, въ рукахъ котораго сосредоточивались судебныя, военныя, административныя и финансовыя функціи. Германскимъ переводомъ слова *comes* было въ латинизированной формѣ *grafio*, безъ имѣющагося въ этой формѣ окончанія—*графъ*. Нѣсколько графствъ соединялось вмѣстѣ подъ управленіемъ, такъ сказать, генералъ-губернаторовъ,—если графовъ приравнять къ губернаторамъ,—и эти высшіе правители назывались по-латыни *дуками* (duces), по-германски *герцогами*, т.-е. воеводами,—термины, опять-таки существовавшіе и раньше въ имперіи для обозначенія должностныхъ лицъ, у германцевъ же временъ Тацита для обозначенія временныхъ вождей, позднѣе племенныхъ князей [2]). Замѣтимъ, что во французскихъ *duc* (герцогъ) и *comte* (графъ) сохранились старыя латинскія обозначенія *dux* и *comes*. У графовъ были помощники, иногда по одному, иногда по нѣскольку, называвшіеся раньше *миссами* (missi), т.-е. посланцами, позднѣе *вице-комитами* (vice-comites), откуда произошло французское слово *виконтъ* (vicomte), тоже одинъ изъ титуловъ, которые носились феодальными сеньёрами. Вообще слово *comes* или *графъ* входило потомъ въ составъ довольно развѣтвленной феодальной титулатуры, потому что, кромѣ графовъ и вице-графовъ, были еще *маркграфы* (маркизы), какъ назывались генералъ-губернаторы окраинъ (маркъ), *ландграфы*, т.-е. земскіе графы, *бургграфы*, или графы укрѣпленныхъ городовъ, бурговъ, и *пфальцграфы*, графы пфальцовъ, т.-е. въ сущности королевскихъ дворцовъ, ибо нѣмецкое *Pfalz*, какъ

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 269 и 275.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 269. Ср. выше, стр. 16.

даже называется цѣлая область, есть не что иное, какъ латинское *palatium* въ смыслѣ императорскаго дворца [1]).

Обозначеніе части феодальныхъ сеньёровъ названіями герцоговъ и графовъ указываетъ на то, что въ процессѣ дезинтеграціи государства своего рода этапъ составляли административныя дѣленія государства, отдѣльныя его области, правители которыхъ, дѣлаясь наслѣдственными, тѣмъ самымъ узурпировали права государственной власти. Это — явленіе довольно обычное въ исторіи, и мы можемъ указать цѣлый рядъ случаевъ, начиная съ монархій древняго Востока, когда государство разлагалось вслѣдствіе подобной узурпаціи. Весь древне-египетскій феодализмъ [2]), какъ его называютъ, есть явленіе именно этой категоріи, а въ болѣе близкія къ намъ времена то же самое представляетъ собою феодализмъ японскій. Въ XVI в., въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи, губернаторы тоже стремились къ превращенію своихъ должностей въ наслѣдственную собственность.

Въ государствѣ франковъ, которое мы теперь главнымъ образомъ имѣемъ въ виду, наслѣдственность должностей установилась, конечно, постепенно. Еще въ VII в. франкскіе короли давали обѣщаніе не назначать намѣстниковъ изъ другихъ областей, а не изъ тѣхъ, которыми они должны были управлять. Таковъ былъ смыслъ одного эдикта короля Хлотара II, изданнаго въ 614 г., и то же самое обѣщаетъ лѣтъ шестьдесятъ спустя Хильдерикъ II, какъ о томъ свидѣтельствуетъ неизвѣстный авторъ житія Св. Леодегарда. Очевидно, мѣстная аристократія ревниво оберегала государственныя должности въ своихъ округахъ отъ чужаковъ, но у власти былъ и другой мотивъ, какъ о томъ и сказано положительно въ эдиктѣ Хлотара II: съ мѣстныхъ людей есть чтó взять, въ случаѣ совершенія ими беззаконій, такъ какъ у нихъ въ области есть имѣнія, которыми они отвѣчаютъ, а кромѣ того, чужіе, ничѣмъ не связанные со страной, легче дѣлаются ея тираннами,—соображеніе, которое въ VI в. мы встрѣчаемъ и въ одной новеллѣ императора Юстиніана. Между тѣмъ, правители, сильные мѣстными вліяніями, какъ-разъ и были

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 275. Ландграфы, бургграфы и пфальцграфы встрѣчаются главнымъ образомъ въ Германіи.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 64.

опасны самой же центральной власти. По мнѣнію того же Юстиніана, наиболѣе непослушными велѣніямъ правительства категоріями лицъ были военачальники, управители императорскихъ имѣній и главы большихъ домовъ.

Уже въ серединѣ VIII в. герцоги и графы Франкскаго королевства ведутъ себя независимо и не хотятъ повиноваться высшей власти. Переходъ королевской короны отъ Меровинговъ къ Каролингамъ задержалъ на время узурпацію королевскими намѣстниками государственной власти. Новая династія обладала большими матеріальными средствами и выставила рядъ энергичныхъ личностей, но и ея средства съ теченіемъ времени изсякли отъ раздачи земель за службу, а личная энергія не всегда переходила отъ отца къ сыну. Мѣстная аристократія и при Меровингахъ, и при Каролингахъ стремилась одинаково къ несмѣняемости герцоговъ и графовъ, откуда одинъ шагъ былъ до установленія и наслѣдственной передачи этихъ должностей. Случаи обѣщанія со стороны представителей высшей власти не смѣщать правителей областей восходятъ къ VII еще столѣтію. Въ 843 г., въ годъ верденскаго договора, по которому внуки Карла Великаго подѣлили его монархію на три части, одинъ изъ этихъ внуковъ, Карлъ Лысый, получившій Францію, обѣщалъ должностнымъ лицамъ никого не смѣщать безъ справедливыхъ къ тому основаній, а тридцать четыре года спустя тѣмъ же королемъ изданъ былъ знаменитый керсійскій [1]) капитуларій, которымъ историки датировали прежде наслѣдственность должностей,—историческій документъ, изъ котораго мы узнаёмъ, напротивъ, что эта наслѣдственность была уже обычнымъ фактомъ. Ослабленіе государственнаго авторитета естественно и необходимо вело къ этому явленію, которое было въ интересахъ аристократіи, а это значитъ—поземельной знати. Сама династія Каролинговъ, на время задержавшая процессъ дезинтеграціи государства, происходила изъ рода австразійскихъ майордомовъ, т.-е. своего рода министровъ двора одного изъ королевствъ, на которыя временно распадалась монархія франковъ, — изъ рода, сумѣвшаго сдѣлать эту важную должность наслѣдственною: здѣсь даже еще при жизни своей майордомъ спѣшилъ утвердить въ этой должности своего сына, совершенно такъ же, какъ

[1]) Quierzy или Kiersy, городъ на Уазѣ.

впослѣдствіи будутъ поступать сами феодальные короли, чтобы превратить свою должность изъ избирательной въ наслѣдственную, что мы еще увидимъ дальше.

Отдѣльные правители узурпировали права не только центральной власти, но иногда и права своихъ товарищей, менѣе ловкихъ и удачливыхъ. Именно нѣкоторымъ графамъ удавалось сосредоточить въ своихъ рукахъ по нѣскольку графствъ. Укажу на два-три примѣра. Одинъ изъ нихъ очень важенъ для исторіи позднѣйшаго возсоединенія Франціи, вышедшаго, какъ извѣстно, изъ графства Парижскаго, одинъ изъ владѣльцевъ котораго въ IX в., Эвдъ или Одонъ, соединилъ подъ своею властью еще графства Орлеанское и Блуаское. Другой примѣръ — большое герцогство Аквитанское, болѣе извѣстное подъ именемъ Гюйенскаго или Гюйени (Guyenne), въ названіи котораго, впрочемъ, слышится искаженіе имени Аквитанія. Уже въ концѣ VII в. герцогъ аквитанскій былъ почти независимымъ владѣльцемъ, который въ началѣ слѣдующаго столѣтія титуловался королемъ. Въ другихъ случаяхъ крупные владѣльцы были главами народцевъ, признававшими надъ собою власть короля, каковымъ является, напр., герцогъ нормандскій послѣ того, какъ въ началѣ X столѣтія вождь норманновъ утвердился на берегахъ Ламанша.

Такъ постепенно раздроблялась на болѣе мелкія части монархія Карла Великаго послѣ того, какъ ее подѣлили между собою въ Верденѣ трое его внуковъ. Въ концѣ IX в. всѣхъ королевствъ, изъ нея образовавшихся, было семь, но дробленіе шло и дальше. Вотъ названія наиболѣе важныхъ герцогствъ и графствъ въ отдѣльныхъ странахъ. Во Франціи это были, слѣдуя географическому порядку съ запада на востокъ и съ сѣвера на югъ: герцогства Бретань и Нормандія, графство Фландрія, графство Анжу, герцогство Французское (съ графствомъ Парижскимъ), графство Шампань [1]), герцогство Аквитанія, графство Тулузское, герцогство и графство Бургундскія и два графства: Провансъ и Дофинэ, входившія уже въ составъ королевства Арелатскаго, не считая болѣе мелкихъ графствъ и равносильныхъ съ ними архіепископствъ и епископствъ, каковы были Ланское (Laon), Реймское и т. п. Въ Италіи такое же дробленіе: тутъ болѣе крупными

---

[1]) См. карту IВ.

владѣніями были маркграфство Иврейское, герцогство Фріульское, маркграфство Тосканское, герцогства Сполетское, Беневентское и Капуанское, не считая равнымъ образомъ мелкихъ владѣній, на которыя, между прочимъ, распалась и Папская область. Наконецъ, и въ Германіи наблюдается то же самое явленіе, хотя и запоздалое сравнительно съ Франціей и Италіей. Здѣсь въ X в. образовалось пять племенныхъ герцогствъ: Баварское, Швабское, Франконское, Саксонское и Лотарингское, а во второй половинѣ XII в. и позднѣе и они подверглись дробленію на болѣе мелкія части, въ которыхъ появились свои герцоги: австрійскій, померанскій, каринтійскій. Съ конца XII в. за такими владѣльцами укрѣпляется названіе «имперскихъ князей» (Reichsfürsten), и ихъ тогда считалось уже шестнадцать; владѣніями ихъ были: герцогства Баварія, Швабія, Саксонія, Лотарингія, Брабантъ, Каринтія, Богемія, Австрія и Штирія (всего 9), пфальцграфства Рейнское и Саксонское, маркграфства Бранденбургъ, Мейсенъ и Лузація, ландграфство Тюрингенское и графство Ангальтъ. Потомъ число такихъ княжествъ только увеличивалось. Въ этотъ счетъ не вошли еще владѣтельныя архіепископства и епископства, которыхъ въ Германіи образовалось особенно много, и среди которыхъ наиболѣе крупными были Бременское, Магдебургское, Вюрцбургское, Бамбергское, Аугсбургское, Зальцбургское, Тріентское, Утрехтское, Мюнстерское, Страсбургское и Базельское, а въ политическомъ отношеніи наиболѣе важными считались Майнцское, Кёльнское и Трирское.

Изъ этого обзора наиболѣе крупныхъ или чѣмъ-либо особенно важнымъ княжествъ, на которыя распались королевства, образовавшіяся изъ раздѣла монархіи Карла Великаго, мы видимъ, что среди ихъ владѣльцевъ рядомъ съ герцогами и графами стоятъ архіепископы и епископы. Особенно много было такихъ духовныхъ князей, какъ было уже сказано, въ Германіи. Дѣло въ томъ, что въ цѣляхъ противодѣйствія развивавшейся узурпаціи власти мѣстными правителями короли Саксонской династіи поручали епископамъ управлять цѣлыми графствами. Церковь, воспитанная въ римскихъ традиціяхъ, была все-таки представительницей государственнаго единства, и власть епископовъ не могла сдѣлаться наслѣдственной: предполагалось, что замѣщеніе вакантныхъ епископскихъ каѳедръ всегда будетъ находиться

въ рукахъ королевской власти, а потому и казалось наиболѣе подходящимъ дѣлать графами епископовъ. Послѣдній расчетъ, однако, не оправдался послѣ того, какъ въ дѣло назначенія епископовъ сталъ вмѣшиваться папа. Какъ бы тамъ ни было, результатомъ политики Оттона Великаго было то, что среди германскихъ владѣтельныхъ князей оказалась масса епископовъ. Но и здѣсь не нужно забывать, что въ своихъ діэцезахъ (епархіяхъ), въ какихъ бы отношеніяхъ ни находились ихъ границы къ границамъ графствъ, епископы, равно какъ и аббаты монастырей, были крупными земельными собственниками. Еще во времена Римской имперіи высшее духовенство владѣло большими земельными имуществами, а въ варварскую эпоху церковныя и монастырскія земли только росли: какъ короли, такъ и знать щедро надѣляли церковь и монастыри новыми и новыми пожертвованіями на поминъ души, а мелкій людъ, который, какъ мы видѣли, вынужденъ былъ искать себѣ сильныхъ защитниковъ [1]), охотно отдавалъ себя подъ покровительство церкви. Въ ростѣ церковнаго землевладѣнія былъ одинъ моментъ, крайне для него неблагопріятный, именно правленіе майордома Карла Мартела, секуляризовавшаго монастырскую собственность на нужды государства, но его внукъ, Карлъ Великій, снова сталъ покровительствовать духовному землевладѣнію. Мы еще увидимъ, что церковныя же имѣнія ранѣе всѣхъ другихъ стали получать отъ королей право на податныя изъятія и административную неприкосновенность (иммунитетъ), что́, конечно, только усиливало политическое значеніе епископовъ и аббатовъ. Наконецъ, независимо отъ всего этого епископы давно уже пользовались особымъ политическимъ значеніемъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились ихъ каѳедры, еще изъ временъ Римской имперіи, когда, послѣ превращенія христіанства въ господствующую религію, епископы стали пріобрѣтать разныя привилегіи вплоть до порученія многимъ изъ нихъ должности дефенсоровъ (defensores), которая была учреждена въ городахъ для охраны ихъ отъ злоупотребленій администраціи. Если сами обстоятельства времени заставили папъ сдѣлаться въ нѣкоторомъ смыслѣ свѣтскими правителями города Рима, то и въ другихъ городахъ въ годины разнаго рода вражескихъ наше-

[1]) См. выше, стр. 26 и 33.

ствій и междоусобій епископу приходилось брать на себя функціи свѣтской власти. Все это и привело къ тому, что нѣкоторые города и цѣлыя графства сдѣлались владѣніями епископовъ въ томъ расчлененія на мелкіе политическіе организмы, которое переживали бывшія области монархіи Карла Великаго при послѣднихъ Каролингахъ и послѣ нихъ.

Къ захвату государственной власти надъ отдѣльными мѣстностями стремились и при этомъ дѣйствительно достигали своей цѣли не только свѣтскіе и духовные правители областей, но и простые бароны. Слово *баронъ* (baro) германскаго происхожденія, а смыслъ его первоначально *мужъ* въ значеніи, какъ въ нашемъ древнемъ языкѣ, свободнаго человѣка, полноправнаго лица (въ отличіе отъ *мужика,* какъ чего-то менѣе самостоятельнаго), затѣмъ человѣка, пользующагося независимымъ положеніемъ, который самъ себѣ господинъ (баронъ=Freiherr) да и для другихъ, стоящихъ ниже его, тоже является господиномъ. Каждый герцогъ, каждый графъ былъ такимъ барономъ, но не каждый баронъ дѣлался герцогомъ и графомъ. Эти послѣдніе въ борьбѣ за власть должны были считаться не только съ государями, у которыхъ узурпировали права, но и съ другими богатыми, знатными и сильными людьми, другими баронами, т.-е. съ крупными землевладѣльцами вообще, тоже стремившимися къ независимости. Напр., епископамъ, дѣлавшимся владѣтельными князьями, очень хотѣлось распространить свою власть и на монастырскія земли, но аббаты монастырей, наоборотъ, стремились къ независимости, предпочитая отдавать себя подъ покровительство королей и свѣтскихъ князей, лишь бы только не попасть въ двойную, т.-е. и духовную, и политическую зависимость отъ епископовъ. Тотъ же антагонизмъ замѣчается на сторонѣ простыхъ бароновъ по отношенію къ титулованнымъ сеньёрамъ. Взять бы хотя Папскую область, какъ отдѣльное владѣніе, возникшее, благодаря передачѣ Пипиномъ Короткимъ папѣ отвоеванной у лангобардовъ части Равеннскаго экзархата: и здѣсь вокругъ вѣчнаго города образовались мелкія сеньёріи мѣстныхъ графовъ (conti), какъ они себя называли. Но это не исключительный какой-либо фактъ, а весьма распространенное явленіе во многихъ другихъ частяхъ Италіи и во Франціи. Владѣтельное княжество не было послѣднимъ этапомъ разложенія: оно само раз-

сыпалось на болѣе мелкіе политическіе организмы, на помѣстья-государства въ прямомъ смыслѣ слова.

Если бы ничто и нигдѣ не задерживало этого процесса раскрошенія, если можно такъ выразиться, отдѣльныхъ странъ на мельчайшія части, дальше которыхъ не могло уже совершаться политическое дробленіе, эти страны покрылись бы массою совершенно обособленныхъ одна отъ другой соціальныхъ группъ, въ родѣ тѣхъ, которыя вездѣ предшествуютъ государственному быту. Каждое селеніе или нѣсколько селеній, тяготѣющихъ къ господскому двору-замку, было бы нѣкоторымъ самодовлѣющимъ цѣлымъ, замкнутымъ въ самомъ себѣ общежитіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ замкнутою хозяйственною единицею, отдѣльнымъ *ойкосомъ* (οἶκος, домъ, дворъ) по терминологіи Бюхера [1]). Все, чтó нужно для существованія населенія такой рѣзко отграниченной отъ другихъ соціальной группы, производилось бы въ ней самой, и взаимныя отношенія между группами были бы лишь такія, какія существуютъ между отдѣльными государствами. До этого, однако, дѣло не дошло. Не всѣ старыя связи, существовавшія между замкнувшимися извнѣ мѣстностями, были уничтожены въ этомъ процессѣ политической и экономической интеграціи, и потребности повседневной жизни создавали новыя связи, которыя открывали путь для реинтеграціи. Такъ съ лѣтняго солнцестоянія дни все болѣе и болѣе идутъ на убыль, какъ будто день долженъ становиться все короче и короче до безпредѣльнаго господства ночи, но наступаетъ переломъ, и дни опять ростутъ, а ночь становится короче. Дезинтеграція государства дошла до крайняго предѣла, и среди хаоса феодальнаго міра стала складываться новая организація, начался процессъ реинтеграціи.

Дѣло въ томъ, что среди анархіи, къ которой неминуемо вело развитіе сувереннаго помѣстья, обладающаго правомъ войны съ другими подобными же помѣстьями, отношенія зависимости существовали не только со стороны землѣдѣльцевъ и вообще рабочаго люда въ сторону воиновъ-землевладѣльцевъ, но и эти послѣдніе стояли другъ по отношенію къ другу на разныхъ ступеняхъ зависимости. Одни были сюзеренами, другіе ихъ вассалами, а эти и сами могли имѣть вассаловъ, которые являлись въ отношеніи къ болѣе важ-

[1]) См. выше, стр. 12—13, а также «Государство-городъ», стр. 63—64.

нымъ сеньёрамъ уже подвассалами. Помѣщики-государи не только получали извѣстные доходы съ своихъ крѣпостныхъ натурою, но и самимъ имъ приходилось платить, вознаграждая своихъ слугъ доходами отъ земли, отъ угодья, отъ занятія или самимъ брать на себя извѣстную службу за подобное же вознагражденіе. Между сеньёрами устанавливалась извѣстная іерархія, сущность которой, какъ и всякой іерархіи—церковной, военной, чиновничьей,—заключалась въ градаціи положеній, причемъ каждая ступень, завися отъ высшей, вмѣстѣ съ тѣмъ держала въ зависимости отъ себя низшую, и чѣмъ выше, съ другой стороны, была та или другая ступень, тѣмъ меньше на ней мы находимъ лицъ, такъ что вся іерархическая лѣстница представляется намъ съуживающеюся по направленію къ верху. Въ этой организаціи главное заключается въ томъ, что каждая сеньёрія является *феодомъ,* зависящимъ отъ другой, высшей сеньёріи. Это понятіе феода, которымъ намъ придется еще подробнѣе заняться, и дало названіе всему сложному явленію феодализма. Здѣсь, въ этой новой сторонѣ историческаго явленія—теперь для насъ главное дѣло не въ соединеніи обладанія государственною властью съ землевладѣніемъ, а въ особомъ, условномъ характерѣ владѣнія помѣстьемъ и пользованія соединенными съ нимъ публичными правами. Суть въ томъ, что каждый государь-помѣщикъ былъ, такъ сказать, не самодержцемъ (въ смыслѣ полной независимости, а не неограниченности своей власти), а вассаломъ какого-либо высшаго сеньёра, отъ котораго на извѣстныхъ условіяхъ и «держалъ» свою сеньёрію-феодъ.

ГЛАВА V.

Полное опредѣленіе средневѣкового западно-европейскаго феодализма.

Разныя опредѣленія феодализма.—Общій изъ нихъ выводъ.—Отдѣльное перечисленіе признаковъ политическаго и соціальнаго феодализма.—Іерархизація помѣстій-государствъ.—Замѣна полной собственности условною.—Понятія бенефиція и феода.—Цензива и соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ.—Средневѣковое крѣпостничество.—Сеньёрія, какъ комплексъ крестьянскихъ хозяйствъ, экономически и юридически зависимыхъ отъ барскаго двора.—Дополненіе политическаго опредѣленія феодализма соціальнымъ.—Болѣе существенныя и менѣе существенныя стороны феодализма.—Государственность и феодализмъ.—Феодализмъ и индустріальный капитализмъ.—Дальнѣйшая программа.

Займемся теперь опредѣленіемъ термина *феодализмъ*, который намъ уже не разъ приходилось употреблять въ предъидущихъ главахъ.

Опредѣленій этого понятія въ литературѣ существуетъ нѣсколько, но главнымъ и основнымъ до сихъ поръ нужно считать то, которое дано было этому явленію французскимъ историкомъ Гизо. Я здѣсь не стану приводить этого опредѣленія цѣликомъ [1]), а отмѣчу лишь одно то, что именно Гизо поставилъ на первый планъ ту связь, какая въ феодализмѣ установилась между землевладѣніемъ и пользованіемъ правами верховной власти. Одинъ изъ русскихъ знатоковъ исторіи феодализма, проф. Виноградовъ, формулируетъ ту же самую мысль, говоря, что «феодализмъ отличается территоріальною окраскою политическихъ и политическою окраскою территоріальныхъ отношеній». Въ статьѣ «Феодализмъ въ Италіи», въ которой этотъ изслѣдователь резюмируетъ главные выводы своей диссертаціи «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лонгобардской Италіи» [2]), онъ высказываетъ вкратцѣ свой общій взглядъ въ слѣдующихъ строкахъ: «Въ трехъ отношеніяхъ, говоритъ онъ именно, феодальный строй

---

[1]) См. приложеніе I.

[2]) Статья была помѣщена въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1881 г.

наложилъ особый отпечатокъ на исторію Западной Европы: онъ привелъ къ почти полному исчезновенію полной собственности и замѣнѣ ея различными формами зависимаго владѣнія; вмѣстѣ съ уничтоженіемъ полной собственности уничтожился и классъ вполнѣ свободныхъ и государству подчиненныхъ землевладѣльцевъ, а соотвѣтственно іерархіи владѣній или держаній явилась іерархія подчиненныхъ другъ другу сеньёровъ, вассаловъ и подданныхъ; разложеніе собственности и личной свободы сопровождалось разложеніемъ государственной власти, вслѣдствіе котораго политическія права переходили къ крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ, политическія обязанности опредѣлялись землевладѣніемъ, а политическое подчиненіе сообразовалось съ іерархіей земельныхъ отношеній. Легко видѣть, прибавляетъ авторъ, что всѣ три стороны феодализма связаны по существу, но ихъ можно разсматривать раздѣльно, тѣмъ болѣе, что и въ исторіи они иногда существовали раздѣльно» [1]).

Другой русскій знатокъ исторіи феодализма, проф. Гревсъ, въ своей общей статьѣ о феодализмѣ [2]) находитъ, что «характерными признаками процесса феодализаціи являются слѣдующія господствующія теченія. Въ экономической области, продолжаетъ онъ, утверждается преобладаніе замкнутаго домового (натуральнаго) хозяйства, съ слабою потребностью въ обмѣнѣ и отсутствіемъ тенденціи къ расширенію сношеній и раздѣленію труда, съ сосредоточеніемъ центра тяжести на землевладѣніи и земледѣліи, причемъ носители перваго и второго рѣзко различаются между собою и противополагаются другъ другу: собственность и пользованіе дробятся, и не только послѣднее, но и первая пріобрѣтаютъ условный (ограниченный) характеръ. Въ области политическаго строя, —говоритъ далѣе проф. Гревсъ,—замѣчается упадокъ государственнаго единства и ослабленіе централизующей верховной власти: территорія крошится на части, и государственныя прерогативы распадаются, переходя въ руки владѣльцевъ этихъ частей; помѣщики становятся государями... Наконецъ, — заключаетъ онъ свою общую характеристику процесса феодализаціи,—въ области отношеній личности къ

---

¹) Стр. 548 тома VIII.

²) Указана выше, стр. 11, прим. Приводимое мѣсто см. на стр. 494—495.

государству и личностей между собою также устанавливается преобладаніе частно-правовыхъ (вмѣсто публично-правовыхъ) принциповъ и начала индивидуальнаго договора—вмѣсто общаго закона, личной зависимости и патроната—вмѣсто подданства или гражданства». Сопоставляя перечисленныя черты, самъ авторъ дѣлаетъ еще тотъ выводъ, что «руководителями жизни въ феодальномъ обществѣ являются тѣ представители сильнаго меньшинства, которымъ удается всего выгоднѣе приспособиться къ землѣ въ качествѣ крупныхъ собственниковъ и выработать въ себѣ способность къ крѣпкой военной защитѣ захваченныхъ политическихъ правъ и военнаго могущества».

Я приведу еще одно общее опредѣленіе феодализма, сдѣланное тоже русскимъ ученымъ, проф. Випперомъ, но на этотъ разъ не въ спеціальной работѣ о феодализмѣ, а въ учебникѣ [1]). «Подъ феодализмомъ, говоритъ онъ, мы разумѣемъ слѣдующія главныя черты управленія и хозяйства, весьма отличныя отъ современныхъ намъ. 1) Государство почти не связывало людей: не существовало общихъ взносовъ, общихъ повинностей народа цѣлой страны, большихъ сооруженій на общій счетъ. Государство было раздроблено на небольшія независимыя области, а области на почти независимыя большія имѣнія, причемъ правители областей и отчасти владѣтели имѣній, не чувствуя надъ собой верховной власти, приказывали, судили, расправлялись и воевали, какъ государи, будучи, впрочемъ, ограничены обычаемъ. 2) Только военный человѣкъ и землевладѣлецъ могъ сохранить самостоятельность. Рабочій попадалъ въ зависимость отъ охраны сильнаго и прикрѣплялся къ нему. Но и господинъ былъ связанъ со своей землей; у него не было капитала, жалованья, онъ кормился тѣмъ, чтó производилось на мѣстѣ, работой рукъ тѣхъ людей, которыхъ онъ подчинилъ или которыхъ ему подарили. Господа и рабочіе не могли сойти со своихъ мѣстъ и были связаны другъ съ другомъ: однимъ

---

[1]) *Проф. Р. Випперъ.* Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. М. 1903 г. Стр. 119. Вообще въ старыхъ учебникахъ средневѣковой исторіи отдѣлъ о феодализмѣ всегда страдалъ большими недостатками, о чемъ см. статью мою «Феодализмъ въ школьномъ преподаваніи исторіи» въ «Образованіи» за 1900 г. (янв.). Это замѣчаніе къ книгѣ проф. Виппера, конечно, не относится.

нельзя было бы существовать безъ чужой работы, другимъ нечѣмъ было откупиться отъ этой работы».

Не всѣми своими чертами эти три опредѣленія, или, вѣрнѣе, схематическія описанія феодальнаго строя совпадаютъ между собою, но главное повторяется, хотя и съ нѣсколько различными оттѣнками, если не пониманія, то выраженія одной и той же мысли. Одна изъ такихъ совпадающихъ чертъ—«разложеніе государственной власти» (проф. Виноградовъ), «упадокъ государственнаго единства и ослабленіе централизующей верховной власти» (проф. Гревсъ), то обстоятельство, что «государство почти не связывало людей» (проф. Випперъ), причемъ подчеркивается распаденіе государственной территоріи на болѣе мелкія части съ переходомъ правъ верховной власти къ владѣльцамъ этихъ частей, т.-е. «крупнѣйшимъ землевладѣльцамъ» (Виноградовъ), «помѣщикамъ» (Гревсъ), кромѣ областныхъ правителей, «владѣтелямъ большихъ имѣній» (Випперъ). Не такъ уже согласно подчеркивается замѣна публично-правовыхъ отношеній подданства частно-правовыми отношеніями вассальности (главнымъ образомъ у проф. Гревса) и установленіе іерархіи какъ владѣльцевъ, такъ и владѣній (главнымъ образомъ у проф. Виноградова), къ числу каковыхъ чертъ, не всѣми упоминаемыхъ, нужно отнести и замѣну полной собственности собственностью условною (Гревсъ) или различными видами зависимаго владѣнія (Виноградовъ). Не всѣми же къ числу характерныхъ особенностей феодализма относится рѣзкое распаденіе общества на землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ (Гревсъ), на господъ и рабочихъ (Випперъ), но эта черта не есть исключительная принадлежность феодализма. Наконецъ, не вездѣ же къ числу главныхъ признаковъ феодализма отнесено и «преобладаніе замкнутаго домового (натуральнаго) хозяйства» (Гревсъ), при которомъ все необходимое для жизни «производилось на мѣстѣ» (Випперъ). Изъ этого же обзора разныхъ перечисленій основныхъ признаковъ феодализма можно видѣть, что самое понятіе отличается сложностью, и что въ феодализмѣ нужно различать разныя стороны: политическую, соціальную, юридическую, экономическую.

Я позволю себѣ дать теперь такое опредѣленіе феодализма, которое по возможности охватывало бы всѣ стороны этого сложнаго явленія. Въ сущности, мнѣ придется повто-

рить то, что въ болѣе пространномъ видѣ мною говорилось въ главѣ IV перваго тома моей «Исторіи Западной Европы въ новое время», а въ болѣе сокращенномъ видѣ въ § 78 моей «Учебной книги исторіи среднихъ вѣковъ». Прежде всего, я предложилъ бы строго различать политическую и соціальную стороны феодализма, изъ которыхъ одною онъ былъ, такъ сказать, обращенъ къ государству, другою—къ народу [1]), и каждую изъ этихъ двухъ сторонъ нужно сначала характеризовать отдѣльно.

Беремъ сначала политическую сторону. Принимая въ расчетъ то, что было уже сказано, объ образованіи феодальной сеньёріи, и тѣ іерархическія отношенія между сеньёрами, о которой рѣчь будетъ итти еще впереди, мы можемъ опредѣлить феодализмъ, какъ распаденіе государства на мелкія владѣнія, въ которыхъ власть государя смѣшивалась съ властью помѣщика и которыя находились въ іерархической зависимости однѣ отъ другихъ» [2]). Слѣдовательно, «существенными чертами феодализма съ этой точки зрѣнія являются раздробленіе верховной власти, соединеніе ея съ землевладѣніемъ и установленіе вассальной іерархіи между государями-помѣщиками». Первые два пункта не требуютъ дальнѣйшихъ разъясненій, кромѣ развѣ указанія на то, что смѣшеніе власти государя съ властью помѣщика, вытекающее изъ соединенія государственнаго верховенства съ крупнымъ землевладѣніемъ, можетъ быть выражено еще, какъ смѣшеніе частно-правовыхъ и публично-правовыхъ отношеній и понятій. Что касается до третьяго пункта, т.-е. установленія извѣстной іерархіи между сеньёрами, въ силу которой одни изъ нихъ были вассалами другихъ, то пока ограничимся лишь самыми общими указаніями на эту особенность западно-европейскаго феодализма. Дѣло въ томъ, что сеньёры становились въ опредѣленныя отношенія одни къ другимъ. «Болѣе мелкіе владѣльцы искали защиты и покровительства у болѣе крупныхъ, а тѣ желали имѣть у себя побольше такихъ союзниковъ, которые могли бы и имъ оказывать помощь. Поэтому сеньёры заключали между собою договоры,

---

[1]) Ср. выше, стр. 8.

[2]) Въ кавычки здѣсь и далѣе взяты мѣста или изъ указанной главы «Исторіи Западной Европы», или изъ «Учебной книги исторіи среднихъ вѣковъ».

въ силу которыхъ болѣе мелкіе владѣльцы дѣлались вассалами болѣе крупныхъ, а эти послѣдніе становились ихъ сюзеренами. Такъ какъ вассальные владѣльцы могли сами быть сеньёрами по отношенію къ другимъ, т.-е. у вассаловъ могли быть свои вассалы, то феодальные владѣльцы какъ бы располагались на разныхъ ступеняхъ своего рода лѣстницы власти и подчиненія. Другими словами, между феодальными владѣніями существовала извѣстная градація зависимости однихъ отъ другихъ. Повыше стояли тѣ владѣнія, которыя болѣе походили на государства, пониже—тѣ, которыя были скорѣе простыми помѣстьями».

Указаніе на эту іерархію феодальныхъ сеньёрій можетъ быть очень удобнымъ переходомъ отъ опредѣленія политической стороны феодализма [1]) къ опредѣленію другой стороны—соціальной. Рядомъ съ соединеніемъ землевладѣнія и верховной власти и установленіемъ вассальной іерархіи владѣльцевъ отмѣчаемъ замѣну полной земельной собственности условною, причемъ не можемъ не обратить вниманія на то, что самое названіе феодализма произошло отъ обозначенія терминомъ *феодъ* именно того вида условной земельной собственности, подъ который и подходили помѣстья-государства. Дѣло въ томъ, что по общему правилу при такомъ порядкѣ вещей всякая земля «находилась не въ полномъ, а въ зависимомъ обладаніи», а именно «она бывала или феодомъ, владѣлецъ котораго владѣлъ имъ въ зависимости отъ своего сеньёра, обязанный ему службою, или бывала цензивой, которую человѣкъ держалъ въ зависимости отъ землевладѣльца, будучи обязанъ по отношенію къ нему извѣстными повинностями». Феоды, это было землевладѣніе помѣщиковъ, цензивы — землевладѣніе крестьянъ, говоря, конечно, вообще. Такимъ образомъ по отношенію къ одному и тому же участку земли (большому или маленькому, все равно) существовало какъ бы двойное право собственности, что выражалось словами *dominium directum* и *dominium utile*. Первое принадлежало тому, кто не владѣлъ непосредственно землею, отъ него зависѣвшею, но имѣлъ по отношенію къ ней извѣстныя

[1]) Предлагаемъ еще такую формулировку: «распаденіе страны на множество мелкихъ владѣній, бывшихъ одновременно и помѣстьями и государствами, и находившихся въ вассальныхъ отношеніяхъ одни къ другимъ».

права, главнымъ образомъ на службу или оброки и повинности со стороны того, кто непосредственно держалъ землю, тогда какъ второе, *dominium utile*, и заключалось въ этомъ держанiи, непосредственномъ обладанiи участкомъ и извлеченiи изъ него доходовъ. Въ сферѣ публично-правовыхъ отношенiй *dominium directum* напоминаетъ отношенiе сюзерена къ вассальному государству, напр., если не фактически, то юридически турецкаго султана къ Болгарiи, пока она оставалась вассальнымъ княжествомъ Оттоманской имперiи, въ сферѣ же отношенiй частно-правовыхъ это—нѣчто въ родѣ отношенiя землевладѣльца къ участку земли, уступленному въ аренду другому лицу.

Это двойное право на одну и ту же землю, характеризующее феодальныя отношенiя съ юридической стороны, имѣетъ свой первообразъ въ особой поземельной сдѣлкѣ, которая подъ именемъ *эмфитевзы* (embhyteusis) возникла еще въ Римской имперiи [1]) и представляла изъ себя нѣчто среднее между куплей-продажей и снятiемъ-отдачею въ аренду, причемъ эмфитевтъ дѣлался вѣчнымъ владѣльцемъ земли, но и вѣчно же долженъ былъ платить оброкъ ея первоначальному владѣльцу. Мы еще увидимъ, что юридическая природа эмфитевзы, такъ сказать, воскресла въ средневѣковой цензивѣ. Другой, параллельный видъ условной собственности въ среднiе вѣка, феодъ, имѣетъ своимъ антецедентомъ такъ называемый *бенефицiй* (beneficium).

Отмѣчая выше [2]), что варварскiе короли были не въ состоянiи вести государственное хозяйство и управленiе страной въ томъ видѣ, въ какомъ обѣ эти сферы существовали въ Римской имперiи, мы указали, между прочимъ, и на то, что имъ, этимъ королямъ, приходилось вознаграждать должностныхъ лицъ раздачею имъ земель. Мы видѣли также, что въ провинцiяхъ Римской имперiи новые ихъ государи очутились въ обладанiи громаднымъ земельчымъ фондомъ, принадлежавшимъ ранѣе казнѣ или императору, и этотъ фондъ сдѣлался источникомъ для раздачъ цѣлыхъ имѣнiй за службу въ условное временное владѣнiе, которое, однако, потомъ постепенно, оставаясь попрежнему условнымъ, превратилось во владѣнiе наслѣдственное. Самое ослабленiе центральной

---

[1]) Монархiи древняго Востока, стр. 322.

[2]) См. стр. 19.

власти, на которое тоже было указано [1]), обусловливалось тѣмъ, что подобными раздачами короли уменьшали свой земельный фондъ, чѣмъ уменьшали и матеріальныя средства, находившіяся въ ихъ распоряженіи. Такъ случилось съ династіей Меровинговъ: послѣдніе представители этого королевскаго рода обѣднѣли, и власть перешла къ богатой майордомской фамиліи, названной впослѣдствіи по имени Карла Великаго Каролингами; но и съ этими послѣдними потомъ случилось то же самое, т.-е. и они пораздали свои земли и обѣднѣли.

Такія земли, раздававшіяся за службу, назывались *бенефиціями:* латинское слово «beneficium» значитъ благодѣяніе. Напр., графъ, управлявшій областью, за свою службу получалъ бенефицій. Мало-по-малу владѣльцы бенефиціевъ, бывшихъ только королевскими пожалованіями, и въ то же время лица, занимавшія тѣ или другія должности на королевской службѣ, обратили въ свою наслѣдственную собственность не только эти должности, но и бенефиціи, которые и стали называться *феодали* (лат. feudum, франц fief) или *ленами* (нѣм. Lehn, заёмъ). Феодами могли быть одинаково и земли, и должности, но главное здѣсь, это—то, что феодъ былъ условною собственностью, налагавшею извѣстныя обязанности по отношенію къ тому, отъ кого онъ получался, но вмѣстѣ съ тѣмъ и держаніемъ, дававшимъ политическую власть. Не важно, откуда происходитъ слово,—это вопросъ спорный,—но именно отсюда произошло названіе всей системы—феодализмъ (въ нѣмецкой терминологіи ленная система, Lehnswesen).

Остановимся пока на этомъ въ опредѣленіи феода: феодъ, это—помѣстье-государство, какъ бы пожалованное однимъ сеньёромъ, высшимъ, другому, низшему, за его службу. Но земля могла быть отдана просто въ обработку за оброкъ и притомъ могла быть тоже отчуждаема въ наслѣдственное обладаніе оброчника. Такая земля называлась *цензивою* (censiva), т.-е. оброчною землею, отъ слова *census*, что́ значитъ оброкъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ оно измѣнилось въ *цинзъ (Zins)*, откуда польское *чиншъ* (czynsz), усвоенное и русскимъ языкомъ. Цензива, значитъ, есть не что иное, какъ чиншевое владѣніе, существующе и у насъ отъ польскихъ временъ въ Юго-Западномъ краѣ, и потому латинское названіе *цен-*

---

[1]) См. выше, стр. 29.

зитарія (censitarius) можно переводить словомъ *чиншевикъ*. Феодальное владѣніе было для «благородныхъ», чиншевое для простолюдиновъ, но оба они были только «держаніями». т.-е. не полною, а условною, зависимою собственностью съ примѣненіемъ понятій *dominii directi* и *dominii utilis*.

Понятіе чиншевого землевладѣнія приводитъ насъ еще къ одной особенности феодализма, уже чисто экономической, связанной съ только-что разсмотрѣнной юридической чертою. Крупное феодальное землевладѣніе въ хозяйственномъ отношеніи, такъ сказать, размѣнивалось на массу мелкихъ чиншевыхъ и иныхъ подобныхъ имъ держаній. Средневѣковой крестьянинъ обработывалъ наслѣдственный свой надѣлъ въ зависимости отъ своего сеньёра, и господствующею хозяйственною формою было хозяйство мелкое, такъ что феодализмъ характеризуется соединеніемъ крупнаго (условнаго) землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ. Формы такого соединенія могутъ быть разныя, начиная отъ краткосрочной денежной аренды въ рукахъ свободныхъ гражданъ и кончая вѣчной или наслѣдственной арендой подневольныхъ (крѣпостныхъ) крестьянъ за натуральныя повинности. Наиболѣе характерная для феодализма форма есть именно послѣдняя: прикрѣпленность земли къ крестьянину, но зато и самого крестьянина къ землѣ, ставящая и личность, и землю крестьянина подъ власть землевладѣльца, который является для него не только государемъ, но и господиномъ, въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ его употребляютъ для обозначенія рабовладѣльцевъ. Самое примѣненіе къ положенію средневѣкового крѣпостного латинскаго термина *servus*, т.-е. рабъ, указываетъ на эту сторону дѣла: въ характерѣ власти феодальнаго сеньёра надъ населеніемъ его имѣнія опять-таки наблюдается смѣшеніе понятій государственннаго властвованія и частнаго господства.

Благодаря отмѣченной чертѣ феодализма, каждая сеньёрія была не только помѣстьемъ-государствомъ, но и объединеннымъ общимъ подчиненіемъ сеньёру комплексомъ крестьянскихъ хозяйствъ, экономически и юридически зависимыхъ отъ барскаго двора. Это своего рода маленькое государство въ то же время является крупною хозяйственною единицею, слагающеюся изъ бо̀льшаго или меньшаго числа мелкихъ хозяйственныхъ единицъ: центръ этой большой единицы есть барскій дворъ, отъ котораго зависятъ, къ которому

тяготѣютъ крестьянскіе дворы, и вся эта отдѣльная экономическая система можетъ разсматриваться, какъ замкнутая хозяйственная единица, своего рода *ойкосъ* [1]).

Данное выше политическое опредѣленіе феодализма мы можемъ теперь дополнить опредѣленіемъ соціальнымъ, въ частности юридическимъ и экономическимъ. Именно мы имѣемъ передъ собою, при замѣнѣ полной собственности условною, соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ, обезпечивавшее землею массу сельскаго населенія, съ одной стороны, но зато, съ другой, сопровождавшееся личною несвободою этой массы, отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ понятіе феодализма здѣсь входятъ три признака: условность землевладѣнія, преобладаніе мелкаго хозяйства крестьянскаго при господствѣ крупнаго землевладѣнія барскаго типа и юридическая несвобода лица въ положеніи сельскаго населенія. Если, теперь, мы соединимъ оба свои опредѣленія феодализма (въ его политической и въ его соціальной сторонахъ), то получимъ, что «въ основѣ этого устройства находилось обладаніе крупною поземельною собственностью, сообщавшее владѣльцу права государственной власти, хотя и въ политической зависимости отъ высшаго владѣльца, и ставившее въ юридическую зависимость отъ него самого народную массу, которая, однако, вела самостоятельное хозяйство на мелкихъ участкахъ, такъ что въ феодализмѣ соединялись съ крупнымъ землевладѣніемъ и верховная власть и юридическая зависимость массы, и мелкое хозяйство» [2]).

Понятіе получается сложное, въ которомъ, конечно, есть болѣе существенные и менѣе существенные признаки. Многимъ бросается въ глаза прежде всего іерархическій строй общества, и въ этомъ смыслѣ, напр., Костомаровъ утверждалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что «Русь съ половины XIII вѣка до конца XV пережила періодъ феодализма». Оговорившись, что у насъ, конечно, не все повторилось, что̀ мы находимъ на Западѣ, онъ прибавляетъ, что «принимаетъ слово *феодализмъ* въ значеніи его общихъ признаковъ и разумѣетъ подъ нимъ такой политическій строй, когда весь край находится въ рукахъ владѣтелей, образующихъ

---

[1]) См. объясненіе термина выше, стр. 42.

[2]) «Исторія Западной Европы въ новое время», т. I, стр. 46 (по первому изданію, по слѣдующимъ же стр. 34).

изъ себя низшія и высшія ступени съ извѣстнаго рода подчиненностью низшихъ высшимъ и съ верховнымъ главою выше всѣхъ» [1]. Такимъ образомъ для Костомарова самое главное въ феодализмѣ—іерархическій строй владѣній, но въ сущности федерація сеньёрій, въ формѣ своего рода іерархической организаціи гегемоній, была лишь политическая надстройка надъ базисомъ, который составляли мелкіе политическіе организмы, помѣстья-государства, и въ то же время комплексы крестьянскихъ хозяйствъ, зависящихъ отъ помѣщичьяго двора. Мы можемъ представить себѣ помѣстье-государство и безъ той осложняющей черты, что оно было феодомъ и, какъ таковой, входило въ систему іерархическихъ феодальныхъ отношеній, но можемъ представить себѣ это помѣстье-государство и безъ другой усложняющей его черты, безъ крѣпостничества, т.-е. превращенія лица крестьянина въ своего рода вещь, хотя бы и прикрѣпленную къ землѣ, а не къ дому или лицу своего господина. Главное, самое существенное въ феодализмѣ есть все-таки соединеніе государственной власти съ крупнымъ землевладѣніемъ и крупнаго землевладѣнія съ зависимымъ мелкимъ хозяйствомъ, въ какомъ бы отношеніи ни стоялъ отдѣльный феодальный сеньёръ къ политическому главѣ всей страны и какова бы ни была степень личной свободы (или несвободы) земледѣльческой массы. Вотъ почему мы и сочли необходимымъ въ самомъ заглавіи книги словами «помѣстье-государство» подчеркнуть основную особенность феодальнаго быта, получившаго свое названіе отъ другого, уже второстепеннаго признака.

Феодализмъ есть особая форма политическаго и экономическаго строя, основаннаго на землѣ, на землевладѣніи, на земледѣліи, и это главное, отъ чего въ той или другой мѣрѣ зависитъ и все остальное, начиная съ замѣны отношеній подданства отношеніями вассальности съ ея іерархической градаціей и кончая замѣною свободнаго договора между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ крѣпостною зависимостью послѣдняго отъ перваго.

Внѣдреніе крѣпостничества въ феодальный строй,—крѣпостничества, могущаго существовать и внѣ феодальнаго строя,—вносило въ этотъ строй отрицаніе начала государ-

[1]) Ср. мою книгу, названную на стр. 5 (прим.).

ственности, какъ мы его понимаемъ, въ смыслѣ именно принудительнаго властвованія надъ свободными людьми [1]). Но съ такимъ же правомъ, конечно, мы можемъ отрицать существованіе настоящей государственности, наприм., и въ восточныхъ деспотіяхъ, въ родѣ, положимъ, Египта, который при фараонахъ былъ весь большимъ царскимъ помѣстьемъ, на которомъ велось обширное натуральное хозяйство [2]). Дѣло, однако, было въ томъ, что власть фараоновъ и другихъ восточныхъ царей опиралась не на одно землевладѣніе, какъ бы богаты ни были они землею. Какъ-никакъ, это были все-таки главы государства, представители если не народныхъ, то, по крайней мѣрѣ, національныхъ интересовъ, не только военачальниками и судьями, но и намѣстниками Бога на землѣ, правившими въ интересахъ, можетъ быть, и невѣрно понимаемыхъ, но все-таки всего государства. Поскольку, однако, въ пользованіе ихъ властью входилъ элементъ деспотическій, т.-е. стремленіе свои личные интересы ставить выше всего въ мірѣ (по формулѣ и Людовика XIV: «государство, это—я») и смотрѣть на государство, какъ на свое имѣніе, постольку и феодальныхъ сеньёровъ мы можемъ называть своего рода деспотическими монархами въ миніатюрѣ, какимъ былъ, впрочемъ, и любой сатрапъ въ любой восточной деспотіи. Феодальный сеньеръ менѣе всего могъ смотрѣть на себя, какъ на перваго слугу подчиненной ему соціальной группы, потому что прежде всего это былъ землевладѣлецъ, думавшій только о себѣ и вовсе не понимавшій, что обладаніе властью есть исполненіе функціи общественнаго характера и въ интересахъ общества. Впрочемъ, такое понятіе о значеніи власти могло выработаться только въ свободныхъ государствахъ-городахъ древности [3]).

Будучи отрицаніемъ государственнаго начала, какъ его понимаетъ болѣе высокое политическое сознаніе, феодализмъ, съ другой стороны,—именно въ экономическомъ отношеніи,—является одной изъ формъ извлеченія дохода въ пользу частнаго лица изъ труда народной массы. Нѣтъ нужды, что при современномъ капиталистическомъ строѣ мелкое производство

---

[1]) Ср. Государство-городъ, стр. 6.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 61, 64 и др.

[3]) См. соображенія объ этомъ по поводу политическихъ идей древности въ «Монархіяхъ древняго Востока», стр. 375 и слѣд.

замѣнилось крупнымъ и на смѣну земледѣлія пришла промышленность, все болѣе и болѣе начинаютъ говорить объ индустріальномъ, капиталистическомъ феодализмѣ. Конечно, слову здѣсь дается условное, переносное значеніе, причемъ феодалами являются въ данномъ случаѣ не обладатили земли, а обладатели крупнаго капитала, дающаго имъ возможность играть первенствующую политическую роль и извлекать доходъ изъ народнаго труда. Но, въ сущности, настоящій, историческій феодализмъ былъ полною противоположностью современнаго капитализма, какъ организація мелкаго замкнутаго, натуральнаго хозяйства.

И ростъ государственности новаго времени, и развитіе капитализма совершались какъ-разъ въ подрывъ всему, на чемъ держался феодальный строй.

Программа ближайшихъ главъ теперь такова: сначала мы познакомимся съ внутреннимъ строемъ феодальнаго помѣстья, съ составомъ и положеніемъ его населенія, съ судьбою городовъ въ эпоху развитія феодализма и съ выдѣленіемъ города изъ помѣстья-государства. Лишь послѣ этого мы перейдемъ къ разсмотрѣнію той надстройки надъ помѣстьями-государствами, которая называется феодальною монархіей.

ГЛАВА VI.

Внутренній строй феодальнаго помѣстья.

Вилла послѣднихъ временъ Римской имперіи.—Германское землевладѣніе.—Сохраненіе и побѣда римской традиціи.—Перенесеніе промышленности и торговли изъ города въ деревню.—Переходъ народнаго землевладѣнія къ помѣщичьему въ странахъ съ чисто германскимъ населеніемъ. — Черезполосность помѣщичьихъ участковъ съ крестьянскими и стремленіе помѣщиковъ къ округленію своихъ земель.—Тѣсная связь помѣщичьяго хозяйства съ крестьянскимъ.—Барщина.—Феодальное помѣстье, какъ объединенный конгломератъ держаній помѣщика и крестьянъ.—Первоначальные зàмки.—Виды крестьянскихъ поселеній.—Русская аналогія.—Аккумуляція нѣсколькихъ помѣстій въ однѣхъ рукахъ.

Итакъ, на первой очереди у насъ внутренній строй феодальнаго помѣстья. Впрочемъ, мы начнемъ нѣсколько издалека—съ помѣстья римской эпохи, которое въ романизиро-

ванныхъ областяхъ Запада и легло въ основу позднѣйшаго помѣстья средневѣкового [1]).

Въ послѣдніе два вѣка имперіи на Западѣ, т.-е. въ IV и V столѣтіяхъ, типическою формою поселеній нужно считать то, что называлось тогда *виллою* (villa). Во французскомъ языкѣ это слово, нѣсколько измѣненное впослѣдствіи, стадо обозначать городъ (ville), а производное отъ него *village*—деревню, но тотъ же французскій языкъ неизмѣненною формою *villa,* перенятою у итальянцевъ, называетъ то, что мы разумѣемъ подъ выраженіемъ *дача,* загородная усадьба. Римскій смыслъ слова былъ иной: это не мѣсто для лѣтняго мѣстопребыванія, какъ называютъ дачи поляки (letnie mieszkanie), болѣе или менѣе зажиточнаго человѣка, который и живетъ здѣсь въ качествѣ отдыхающаго отъ городской сутолоки дачника; это—хозяйственная единица, помѣстье, въ которомъ ведется сельское хозяйство, комплексъ обрабатываемыхъ и дающихъ доходъ земель. Сколько мы знаемъ особенно благодаря изслѣдованіямъ Фюстель-де-Куланжа, такая вилла распадалась на двѣ части: въ одной велъ хозяйство посредствомъ рабскаго труда самъ землевладѣлецъ или его управляющій, который и назывался *вилликомъ* (villicus или *акторомъ* (actor), другая же состояла изъ надѣловъ крестьянскаго типа, на которыхъ сидѣли въ своихъ усадебкахъ или «приписанные къ землѣ рабы» (servi glebae adscripti), т.-е. крѣпостные люди землевладѣльца, или свободные арендаторы, причемъ первые могли быть только временными воздѣлывателями своихъ участковъ, а вторые бывали и наслѣдственными. Такое помѣстье, охватывавшее и непосредственно барскую, и бывшую въ крестьянскомъ пользованіи землю, называлось еще *fundus,* а его части въ смыслѣ поземельной мѣры *унціями* (unciae), когда же въ рукахъ одного и того же владѣльца сосредоточилось нѣсколько виллъ, ихъ совокупность называлась *массою* или *saltus* [2]).

---

[1]) Въ изобиліи матеріалъ, относящійся къ этому вопросу, собранъ въ соч. проф. *М. Ковалевскаго* «Экономическій ростъ Европы до возникновенія капиталистическаго хозяйства». См. т. I, стр. 5 и слѣд., 17 и слѣд., 67 и слѣд., 90—91, 144 и слѣд., 165, 219, 241, 346 и слѣд. 380, 459 и слѣд., 653, 696-697; т. II, стр. 4, 26, 64, 93 и слѣд., 142 и слѣд., 208, 220, 261, 280 283 и слѣд.

[2]) О послѣднемъ терминѣ см. «Монархіи древняго Востока», стр. 321.

Это раздѣленіе сельскихъ территорій на виллы сохранилось и въ варварскихъ государствахъ, если только слово *villa* не сдѣлалось, какъ думаетъ французскій ученый Флаккъ, уже въ меровингскую эпоху синонимомъ слова *vicus*, деревня. Остается только прибавить, что къ концу имперіи всѣ свободные арендаторы *колоны*, какъ ихъ называли, оказались прикрѣпленными къ землѣ, сначала въ качествѣ впавшихъ въ неоплатные долги съемщиковъ земли, потомъ въ интересахъ казны, которая не хотѣла терять налоговъ въ случаѣ пустованія земельныхъ участковъ. И въ дальнѣйшей исторіи помѣстья, начиная съ VI и VII вв.. мы видимъ, что оно распадается на двѣ части, т.-е. господскую и надѣльную, которыя и носятъ названія «господчины», *доминика* (dominicum) или *доминикаты* (terra dominicata, а также terra in dominio) и крѣпостной земли (terra servilis), раздѣленной въ свою очередь на *мансы* (mansus). Въ той части помѣстья, которую землевладѣлецъ оставлялъ за собою, находились не только его жилище и помѣщенія для дворни, но и разныя хозяйственныя постройки, сараи и амбары, скотный дворъ и конюшни, всякія мастерскія для домашняго обихода: кузница, мельница, ткацкая и т. п. Другимъ названіемъ непосредственно помѣщичьей земли было *curtis*, дворъ, откуда и усадьба называлась *curtile*. Угодья, въ родѣ пустошей и лѣсовъ, когда-то бывшія общинными землями, находились въ распоряженіи самихъ господъ.

Германское землевладѣніе временъ Цезаря и Тацита имѣло иной характеръ. Въ первоначальной Германіи землею владѣли не частныя лица, а цѣлыя семейныя общины, но, во-первыхъ, у германцевъ, съ одной стороны, уже былъ нобилитетъ (nobilitas), владѣвшій болѣе обширными землями, чѣмъ свободные простолюдины, а съ другой—крѣпостные, которые обрабатывали земли знати. Это уже заключало въ себѣ основы для развитія крупной собственности съ зависимымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, но въ точности мы не можемъ сказать, какъ совершался процессъ разложенія старыхъ общинныхъ порядковъ. Во всякомъ случаѣ въ римскихъ провинціяхъ германцы сохранить ихъ въ чистотѣ не могли, а должны были приспособиться къ тому, что̀ уже нашли сложившимся въ занятыхъ ими провинціяхъ.

Было уже указано на то, что варварскіе короли вошли въ обладаніе землями, которыя принадлежали раньше импе-

раторскому фиску, и что изъ этихъ земель они производили свои бенефиціальныя раздачи [1]). Но и эти земли, которыя ранѣе всего стали называться saltus, были устроены, какъ и частно-владѣльческія виллы. Это тоже были населенныя имѣнія, въ которыхъ равнымъ образомъ земля дѣлилась на двѣ части. Сдѣлавшіяся достояніемъ королевскаго фиска виллы, между прочимъ, раздаривавшіяся королями своимъ приближеннымъ, что видно изъ сохранившихся жалованныхъ грамотъ, послужили образцомъ, по которому стало организоваться хозяйство варваровъ тамъ, гдѣ они селились цѣлыми общинами съ сохраненіемъ своихъ старыхъ порядковъ. Не забудемъ еще, что большими массами земли владѣла церковь и въ частности монастыри, которые поддерживали въ своихъ имѣніяхъ экономическіе и юридическіе порядки римской эпохи. При встрѣчѣ послѣднихъ съ тѣми, которые были принесены варварами, они одерживали верхъ, хотя и варвары внесли въ поземельныя отношенія самого крестьянства начала общинности. Дѣло въ томъ, что помѣстный строй самъ еще по себѣ не исключаетъ возможности внесенія общинныхъ порядковъ въ хозяйство на той части помѣстья, которая находилась въ распоряженіи колоновъ (откуда еще названіе для нея—*colonicae*).

Мы только что указали и на то, что въ составъ помѣщичьихъ усадебъ входили и разныя мастерскія. Такъ какъ въ эпоху варварскихъ вторженій промышленность и торговля стали падать, а то, что отъ нихъ оставалось, начало переноситься изъ города въ деревню, то барскія усадьбы сдѣлались мало-по-малу и маленькими центрами не особенно развитой, конечно, промышленной дѣятельности, давъ пріютъ ремесленникамъ, а, наприм., епископскія резиденціи и монастыри, строившіеся въ сельскихъ мѣстностяхъ, становились въ дни храмовыхъ праздниковъ и главными центрами мѣстной торговли, опять-таки сильно отстававшей отъ прежняго болѣе развитого обмѣна.

Разложеніе древне-германской марки, т.-е. поземельной общины въ коренныхъ германскихъ земляхъ или въ такихъ мѣстностяхъ, которыя получили сплошное германское населеніе, въ концѣ концовъ приводило къ образованію такого же помѣстья, которое было унаслѣдовано отъ римскихъ вре-

[1]) См. выше, стр. 25 и 51.

менъ. Въ отдѣльныхъ маркахъ все болѣе и болѣе исчезали мелкіе крестьянскіе участки, носившіе вообще со всякой полной собственностью названіе *алодовъ* [1]), и все болѣе и болѣе формировались крупныя земельныя владѣнія, причемъ, однако, въ нихъ только незначительная часть, носившая названіе *салической земли* (terra salica), оставалась въ непосредственномъ завѣдованіи владѣльца, который всю остальную землю раздавалъ участками, *гобами* (gobae), на очень различныхъ условіяхъ свободнымъ лицамъ и крѣпостнымъ, отчуждавшимся вмѣстѣ со своими гобами. Старые общинные порядки сохраняли свою силу лишь по отношенію къ пастбищамъ, лѣсамъ и водамъ, повидимому, впрочемъ, за извѣстное вознагражденіе въ пользу господина земли. Въ разныхъ мѣстахъ въ разное время наблюдаются и разныя ступени въ процессѣ перехода отъ того, что̀ можно было бы назвать народнымъ землевладѣніемъ, къ господскому, помѣщичьему. Такъ мы видимъ, что у англо-саксовъ, занявшихъ Британію и совершенно ее германизировавшихъ, вся земельная площадь и дѣлилась на *фольклandъ* (folcland), народную землю, остававшуюся подъ властью исконныхъ народныхъ обычаевъ какъ во владѣніи ею, такъ и въ пользованіи ею, и на *бокландъ* (bocland), что̀ въ буквальномъ переводѣ значитъ «книжная земля», какъ назывались земли, выдѣлившіяся въ исключительное владѣніе отдѣльныхъ лицъ, въ томъ числѣ духовныхъ сановниковъ. Сначала отдѣльныя англо-саксонскія помѣстья были, какъ оазисы, вкраплены въ окружавшую ихъ массу фольклaнда, но съ теченіемъ времени число этихъ оазисовъ стало увеличиваться, достигнувъ наибольшаго своего роста ко времени Эдуарда Исповѣдника, т.-е. къ серединѣ XI в. Въ эту эпоху, напр., семь двѣнадцатыхъ одного только изъ шейровъ (графствъ) Англіи, именно Нортумберланда, принадлежало четыремъ монастырямъ.

Господская земля, *terra dominicata* выдѣлялась обыкновенно особою межою изъ цѣлаго состава помѣстья, т.-е. отграничивалась отъ той части, гдѣ располагались мансы, колоники и какъ тамъ ни назывались еще крестьянскіе надѣлы (напр., terrae in villenagio). Тамъ, однако, гдѣ помѣстье, если можно такъ выразиться, только-что выростало на развалинахъ свободной крестьянской общины (гдѣ марка

---

[1]) Впослѣдствіи *алодъ* (aleu) противополагался феоду и цензивѣ.

превращалась въ сеньёрію), господскія земли находились въ черезполосьѣ съ крестьянскими, и многое еще оставалось въ нераздѣльномъ пользованіи: иногда въ непосредственномъ распоряженіи помѣщика находились только отдѣльныя полосы пашни въ томъ или другомъ полѣ, а равнымъ образомъ и покосъ въ подобнаго рода случаяхъ дѣлился на полосы, изъ которыхъ вперемежку съ крестьянскими нѣкоторыя были непосредственно помѣщичьи [1]). Это указываетъ на то, какъ иногда совершался процессъ образованія въ крестьянской общинѣ барскаго владѣнія, и понятно, что чѣмъ болѣе интересы помѣщика обособлялись въ хозяйственномъ отношеніи, тѣмъ сильнѣе обнаруживалось стремленіе помѣщика выдѣлить принадлежавшее ему количество земли въ особую межу, округлить свой *доменъ*, доставить ему хозяйственную самостоятельность.

Конечно, черезполосица создавала самую тѣсную связь между господскимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ, разъ господскія полосы лежали въ однихъ и тѣхъ же поляхъ вперемежку съ крестьянскими, а выгоны, покосы, лѣса оставались и въ общемъ пользованіи. Но и тамъ, гдѣ не было этихъ условій, гдѣ доменъ былъ строго выдѣленъ, связь обоихъ хозяйствъ была тѣмъ не менѣе весьма большая. Она заключалась въ томъ, что, во-первыхъ, доходы помѣщика складывались не только изъ того, что ему приносило собственное хозяйство, но и изъ оброковъ, уплачивавшихся ему съ крестьянскихъ надѣловъ, а во-вторыхъ, и обработка помѣщичьей земли совершалась руками крестьянъ, сидѣвшихъ на надѣльной землѣ. Первоначально *terra dominicata* воздѣлывалась дворовыми рабами помѣщика, т.-е. рабами, жившими въ самой хозяйственной усадьбѣ, но эта форма эксплуатаціи подневольнаго труда довольно рано стала уступать мѣсто такъ называемой *барщинѣ* (франц. corvée, нѣм. Frohndienste), т.-е. работѣ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ крестьянъ, сидѣвшихъ на своихъ надѣльныхъ участкахъ. Въ данномъ случаѣ

---

[1]) Въ помѣстьѣ Румерсгеймъ нѣмецкаго аббатства Прюмъ terra dominicata составляла одну пятую всей площади, которая была разбита на коны и полосы, лежавшія вперемежку по длинѣ коновъ, по меньшей мѣрѣ, въ трехъ поляхъ. Семь мансовъ, разбросанныхъ отдѣльными полосами по всѣмъ полямъ, принадлежали владѣльцу, остальные тридцать—крестьянамъ. *М. Ковалевскій,* II, 220. Ср. для наглядности карту II.

барщина, какъ натуральная повинность, замѣняла собою часть того оброка, который падалъ на крестьянскій надѣлъ, и такимъ образомъ за помѣщикомъ обезпечивался безплатный трудъ, бывшій необходимымъ для того, чтобы воздѣлывать «доминикату». Барщина есть притомъ трудъ крѣпостной, такъ какъ свободные держатели нерѣдко отъ нея были свободны. Если и они по обычаю являлись на опредѣленныя работы въ господскомъ хозяйствѣ, то это во многихъ случаяхъ подходило подъ категорію общественной помочи съ угощеніемъ (толоки, какъ ее у насъ называютъ). Впрочемъ, и при барщинѣ съ характеромъ рабскаго труда иногда часть содержанія шла отъ помѣщика. Наконецъ, нужно прибавить, что существованіе барщины не исключало безусловно и вольнонаемнаго труда, который, однако, все-таки въ феодальную эпоху занималъ очень второстепенное мѣсто въ общей системѣ сельскаго хозяйства.

Благодаря тѣсной связи, существовавшей между господскимъ и крестьянскимъ хозяйствомъ, феодальное помѣстье представляется намъ конгломератомъ въ извѣстномъ смыслѣ объединенныхъ между собою наслѣдственныхъ «держаній» самого помѣщика, свободныхъ чиншевиковъ и крѣпостныхъ крестьянъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ эти держанія были большею частью условныя, такъ какъ ни одинъ клочекъ земли не могъ не имѣть надъ собою высшаго сеньёра (принципъ феодальнаго права: «nulle terre sans seigneur»). Въ рѣдкихъ случаяхъ въ цѣломъ населенномъ имѣніи помѣщикъ не держалъ непосредственно ни одного участка земли; обыкновенно, напротивъ, именно и онъ принималъ участіе въ хозяйственной дѣятельности, оставляя за собою ту или другую часть земли. Какую? Дать общій отвѣтъ на этотъ вопросъ, разумѣется, нельзя: все обусловливалось обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, занимала ли *terra dominicata* одну десятую, одну восьмую, четверть, треть, половину и т. п. всей территоріи, составлявшей помѣстье. Помѣщикъ собиралъ продукты не только своего хозяйства, но и съ участковъ, гдѣ хозяйничали крестьяне. Его усадьба была своего рода экономическимъ центромъ, гдѣ ему приходилось кормить болѣе или менѣе многочисленную дворню, домашнихъ слугъ, ремесленниковъ, сельско-хозяйственныхъ работниковъ и т. п. Помѣщичьи усадьбы были вообще центрами притяженія для мелкихъ участковъ и для общинныхъ земель, еще не тро-

нутыхъ земледѣльческимъ трудомъ, гдѣ изъ помѣщичьяго центра организовались расчистки подъ новые мансы, а иногда и подъ цѣлыя деревни. Однимъ словомъ, это было замкнутое, самодовлѣющее единство, при чемъ въ эпоху вражескихъ нашествій и внутренней анархіи помѣщичья усадьба организовала и общую защиту.

Когда мы говоримъ о помѣстьѣ феодальнаго сеньёра, мы невольно вспоминаемъ замки рыцарскихъ временъ съ ихъ высокими башнями, крѣпкими стѣнами, глубокими рвами, подъемными мостами и т. п. Первоначально помѣщичьи усадьбы были открытыми, но когда явилась необходимость укрѣплять свои жилища, то не сразу стали строиться тѣ замки, которые приходятъ намъ на память, когда рѣчь заходитъ о рыцарскихъ временахъ. Еще въ началѣ XI в. укрѣпленное помѣщичье жилище отличалось большою скромностью. Гдѣ-нибудь при входѣ въ долину, при сліяніи двухъ рѣкъ, на перекресткѣ, то на пригоркѣ, то на искусственной насыпи строилось довольно простое четырехугольное зданіе, окруженное рвомъ и палисадомъ, съ одними воротами и наклоннымъ мостомъ передъ ними, при чемъ въ постройку шло много дерева, и понятно, что такіе «замки» становились, то и дѣло, жертвою пожаровъ. Не даромъ эти сооруженія предохранялись отъ огня, въ случаѣ «осады», сырыми кожами,—способъ довольно первобытный,—а если и сгорало подобное сооруженіе, выстроить новое было возможно очень скоро. Только въ горахъ и на скалахъ стали строиться болѣе прочные замки изъ камня, какіе лишь сравнительно поздно начали распространяться и въ равнинныхъ мѣстностяхъ. Это были уже болѣе сложныя и многоэтажныя зданія, въ которыя забирались иногда по приставной лѣстницѣ, и внутри которыхъ изъ яруса въ ярусъ ходили по устроеннымъ для этого трапамъ. Каковъ бы ни былъ, однако, внѣшній видъ укрѣпленной помѣщичьей усадьбы и какого бы достоинства ни были эти замки, все-таки они были центрами мѣстной защиты, усиливавшими значеніе помѣщика, какъ главы мѣстной соціальной группы: у него, какъ у крупнаго собственника, получавшаго еще оброки съ окрестныхъ крестьянъ, были средства и выстроить замокъ, и держать въ немъ вооруженную дворню, и, опираясь на свою военную силу, еще больше подчинять себѣ непосредственную округу.

Подъ бокомъ у помѣщика, рядомъ съ его доменомъ ле-

жала крестьянская земля, состоявшая изъ усадебъ и надѣловъ. Способы разселенія крестьянъ были весьма разнообразные, въ чемъ легко убѣдиться, хотя бы разсматривая интересный атласъ, приложенный къ извѣстному сочиненію Мейтцена объ этомъ предметѣ [1]). Въ однихъ случаяхъ крестьяне селились отдѣльными дворами, въ другихъ — деревнями; въ однихъ случаяхъ каждый мансъ былъ обведенъ одной межой, въ другихъ онъ былъ разбросанъ отдѣльными полосами въ разныхъ поляхъ [2]), не говоря уже о томъ, что на площади крестьянской земли могли существовать и общинные порядки. Мѣстами сохранялись и свободныя крестьянскія общины, но это были все-таки исключенія изъ общаго правила. Въ сущности, всѣ страны, гдѣ произошла феодализація, были покрыты помѣстьями, въ составъ которыхъ входили и крестьянскіе хуторки или деревни съ принадлежавшими имъ землями.

Общее описаніе феодальнаго помѣстья, какое можно составить на основаніи историческихъ работъ о средневѣковомъ землевладѣніи, очень напоминаетъ намъ и наше русское крѣпостное помѣстье съ барщиннымъ хозяйствомъ, какимъ оно существовало до 1861 г. Лично я невольно вспоминаю одно помѣстье въ средней полосѣ Россіи, гдѣ мнѣ приходилось и проживать, и гащивать, когда я былъ еще ребенкомъ, уже разбиравшимся, однако, въ людскихъ отношеніяхъ. Хотя помѣщичья усадьба (село) и находилась на окраинѣ, но оно было настоящимъ центромъ для трехъ деревень, примыкавшихъ къ нему съ одной стороны и работавшихъ на господской землѣ. Освобожденіе крестьянъ съ землею разбило былое хозяйственное единство помѣстья, быть можетъ, нѣсколько измѣнило и границы помѣщичьей и крестьянской земли (благодаря «отрѣзкамъ» отъ послѣдней сверхъ четырехдесятиннаго надѣла на душу по закону 1861 г.), но въ общемъ и теперь еще карта этой маленькой мѣстности можетъ служить нагляднымъ примѣромъ состава крѣпостного

---

[1]) *August Meitzen.* Wanderungen, Anbau und Agrarrecht der Völker Europas nördlich der Alpen. I Abth: Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen. Къ третьему тому этого труда приложенъ атласъ изъ 25 картъ и рисунковъ.

[2]) См. карту II.

помѣстья, какъ извѣстной хозяйственной единицы [1]). Прибавлю, что это у владѣльца было главное помѣстье, гдѣ онъ самъ проживалъ и хозяйничалъ: были еще два черезполосныя, гдѣ тоже земля дѣлилась на помѣщичью-хуторскую и на крестьянскую.

Вообще одно и то же лицо могло обладать сразу нѣсколькими помѣстьями, иногда разбросанными по разнымъ мѣстамъ. Особенно богатыми земельными собственниками бывали короли, наслѣдники императорскаго фиска въ первомъ періодѣ среднихъ вѣковъ, и церковь, вообще бывшая однимъ изъ главныхъ поземельныхъ собственниковъ вездѣ на Западѣ въ средніе вѣка. Напр., въ X в. во владѣніи Каролинговъ находилось 176 большихъ имѣній, которыя были разбросаны по разнымъ областямъ бывшей монархіи Карла Великаго. Цѣлая почти ихъ половина (83) помѣщалась въ области франковъ, немного менѣе трети, именно двѣ седьмыхъ (50) — въ странѣ аллемановъ, около одной восьмой (21) въ землѣ баваровъ и т. п., не считая полуторы сотни въ восточной маркѣ и т. д. Велики были и земельныя богатства высшихъ духовныхъ лицъ. Знаменитое аббатство Сенъ-Жерменъ-де-Пре, зданія котораго и теперь еще стоятъ въ Парижѣ, владѣло около 800 года двадцатью пятью имѣніями съ 1646 крестьянскими надѣлами, при чемъ подъ пахотной землей было около 22 т. гектаровъ, подъ лѣсами до $13^1/_2$ т. и 427 гектаровъ подъ виноградниками. Крупные собственники вели записи своихъ земель, службъ, доходовъ, нерѣдко сохранившіяся до нашего времени, что и даетъ намъ возможность иллюстрировать общія положенія не только конкретными примѣрами, но въ частности и цифрами [2]).

---

[1]) См. карту V. Къ сожалѣнію, для помѣстій нѣтъ атласа, подобнаго атласу Мейтцена, изображающему разные типы, главнымъ образомъ, крестьянскихъ поселеній.

[2]) См. приложеніе II.

ГЛАВА VII.

Составъ населенія феодальнаго помѣстья, преимущественно во Франціи.

Связь вопроса о поземельномъ строѣ съ вопросомъ о положеніи сельскаго населенія.—Троякаго рода отношенія между населеніемъ сеньёріи и сеньеромъ. — Средневѣковое крѣпостничество. — Сложность и запутанность юридической терминологіи среднихъ вѣковъ. — Исторія французскихъ крестьянъ въ средніе вѣка.—Ихъ положеніе въ феодальную эпоху. — Источники серважа. — Рабскій характеръ положенія сервовъ. — Несвободные дворовые люди. — Главные признаки крѣпостного состоянія.—Прикрѣпленность серва къ помѣстью.— Вопросъ о привилегированномъ положеніи королевскихъ и церковныхъ сервовъ. — Вилланы. — Происхожденіе этого класса.—Случаи сохраненія аллодіальной собственности.

Въ предыдущей главѣ мы остановились на внутреннемъ строѣ феодальнаго помѣстья, которое складывалось изъ помѣщичьяго домена и совокупности крестьянскихъ надѣловъ, но не имѣли въ виду разсматривать вопросъ, было ли такое помѣстье исключительнымъ видомъ поземельной собственности или рядомъ съ нимъ существовало свободное (аллодіальное) крестьянское землевладѣніе частнаго и общиннаго характера. Съ другой стороны, былъ оставленъ безъ детальнаго разсмотрѣнія и вопросъ, чтó представляли изъ себя крестьянскіе надѣлы въ юридическомъ смыслѣ, хотя нами и было упомянуто, что эти «держанія» были весьма разнохарактерными въ правовомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи срочности или безсрочности, личной свободы или прикрѣпленности держателя, опредѣленности оброковъ и повинностей или зависимости послѣднихъ отъ помѣщичьяго усмотрѣнія, не говоря уже объ общемъ условномъ характерѣ каждаго держанія въ составѣ феодальнаго помѣстья. Всѣ эти вопросы были оставлены въ сторонѣ для того, чтобы быть разсмотрѣнными въ связи съ вопросомъ о положеніи и правахъ населенія странъ, подвергшихся процессу феодализаціи. Общихъ отвѣтовъ на эти вопросы, конечно, дать никакъ нельзя, потому что въ разныхъ странахъ отношенія были разныя, даже въ разныхъ

мѣстностяхъ одной и той же страны, да и въ одной и той же странѣ или мѣстности въ разныя эпохи. Въ этомъ отношеніи на западѣ Европы существовала большая пестрота, и какъ крестьянская свободная собственность, такъ и личная свобода сельскаго населенія могли въ отдѣльныхъ мѣстахъ и въ разныя времена не существовать и существовать, а въ послѣднемъ случаѣ представлять немалыя различія и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Если сущность феодализаціи заключалась въ исчезновеніи полнаго права собственности на мелкіе земельные участки и въ исчезновеніи свободнаго сельскаго люда, то въ одно и то же время разныя страны переживали и разные моменты этого процесса, да и каждая отдѣльная страна въ разное время находилась на разныхъ его ступеняхъ. Въ общемъ можно признать, что въ романскихъ частяхъ Западной Европы процессъ этотъ совершался раньше, чѣмъ въ германскихъ и въ славянскихъ. Вторженіе варваровъ въ провинціи находитъ его даже уже вполнѣ завершившимся, въ результатѣ чего и были помѣщичьи латифундіи съ прикрѣпленными къ нимъ колонами, тогда какъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ германскаго міра,—наприм., у англо-саксовъ, какъ мы видѣли [1]),—процессъ этотъ только начинался. И въ исторіи развитія феодализма, и въ исторіи его разложенія юго-западныя страны Западной Европы шли впереди сѣверо-восточныхъ, гдѣ позднѣе и возникала феодализація, и начиналось развитіе новыхъ формъ жизни. Причина послѣдняго явленія—въ большей населенности первыхъ странъ, въ большей ихъ культурности, въ большей близости къ рынкамъ и торговымъ путямъ. Что касается до перваго явленія, т.-е. болѣе ранней феодализаціи романскихъ странъ сравнительно съ германскими, то и это явленіе понятно: однѣ изъ нихъ вообще ранѣе другихъ начали жить исторической жизнью.

Обращаясь теперь къ главному предмету настоящей главы, прежде всего остановимся на вопросѣ, каковы вообще могли быть при господствѣ феодализма отношенія отдѣльныхъ лицъ, населявшихъ феодальную сеньёрію, къ ея владѣльцу. Мнѣ думается, что отвѣтъ этотъ ясенъ самъ собою. Отношенія эти должны были быть, именно, троякаго рода: во-первыхъ, отношеніями между землевладѣльцемъ и подчи-

[1]) См. выше, стр. 60.

ненными ему совладѣльцами; во-вторыхъ, отношеніями, какія существуютъ между носителемъ верховной власти и его подданными, и, въ-третьихъ, отношеніями, въ какихъ находятся между собою господинъ и его рабы. Понятно, что это мы теперь дѣлаемъ такія различенія: въ дѣйствительности все это спутывалось и одно въ другое переходило, и можно даже сказать, что тенденціей сеньеровъ тамъ, гдѣ феодализмъ получилъ наибольшее развитіе, было какъ-разъ не различать, а, напротивъ, приводить всѣхъ и вся къ одному знаменателю вообще, въ частности, конечно, подводить всѣхъ жителей сеньеріи подъ одну мѣрку, къ одному уровню—крѣпостничества.

Мы различаемъ въ исторіи средневѣковыхъ общественныхъ классовъ, съ одной стороны, рабовъ, съ другой, крѣпостныхъ, отличаемъ, иными словами, крѣпостное состояніе и состояніе рабства. Во французскомъ языкѣ эти два понятія передаются словами *servage*, крѣпостничество, и *esclavage*, рабство, чему въ нѣмецкомъ соотвѣтствуютъ термины *Sclaverei* и *Leibeigenschaft* или иногда *Leibunterthänigkeit* и *Hörigkeit*. Юридическій моментъ этого различія полагается обыкновенно въ томъ, что въ крѣпостничествѣ мы имѣемъ уже смягченную форму рабства, экономическій же состоитъ въ томъ, что рабъ соотвѣтствуетъ въ свободномъ состояніи наемному рабочему, работающему въ чужомъ предпріятіи и живущему заработною платою, а крѣпостной—фермеру, нанимающему землю для веденія собственнаго хозяйства и уплачивающему за это землевладѣльцу извѣстную сумму денегъ. Собственно говоря, названіе крѣпостного состоянія *серважъ* происходитъ отъ латинскаго *servus*, что́ значитъ вообще рабъ, невольникъ, человѣкъ, лишенный личной свободы, но съ теченіемъ времени *сервами* (servi) сатли обозначать преимущественно несвободныхъ людей, прикрѣпленныхъ къ своимъ земельнымъ участкамъ (servi glebae adscripti), а не къ личности господина или его дому. Для раба въ послѣднемъ смыслѣ, т.-е. для такого невольника, у котораго не было земельнаго участка и котораго можно было продать на рынкѣ, сталъ входить въ употребленіе другой терминъ, именно *sclavus*, откуда и происходитъ французское *esclavage* или нѣмецкое *Sclaverei* (чрезъ формы esclave и Sclave, рабъ), само же оно есть не что иное, какъ *slavus*, славянинъ, — обстоятельство, указывающее на то, что въ извѣстную эпоху

главный контингентъ рабовъ, продававшихся на рынкѣ, составляли славянскіе плѣнники [1]. Въ сущности, самъ языкъ меровингской и отчасти каролингской эпохи различалъ между рабами, которые жили при дворѣ господина, и такими, которыхъ господинъ самостоятельно сажалъ на землю, какъ подневольныхъ держателей: первые назывались *servi manentes*, вторые *servi casati*. Надѣлы, которые получались для обработки такими казатными (отъ слова *casa*—домъ, т.-е. имѣющими свои дома) сервами, носили и соотвѣтственное положенію ихъ несвободныхъ хозяевъ названіе рабскихъ мансовъ, *mansi serviles*, въ отличіе отъ мансовъ, находившихся въ обработкѣ у свободныхъ арендаторовъ, такъ называемыхъ *mansi ingenuiles*. Замѣтимъ, что средневѣковые юридическіе и экономическіе памятники знаютъ еще третью категорію мансовъ, которая носила имя *мансовъ лидильныхъ*, mansus lidiles, относительно юридическаго и экономическаго положенія которыхъ, какъ и относительно самаго термина, изслѣдователи несогласны между собою, но которые занимали въ общемъ середину между сервильными и ингенуильными. Какъ бы тамъ ни было, въ сельскомъ населеніи въ періодъ феодализаціи наблюдается нѣсколько разрядовъ, своего рода переходныхъ ступеней отъ полной гражданской свободы къ полному рабству. Можно къ этому прибавить, что въ каждой сеньёріи постепенно устанавливался нѣкоторый общій уровень для ея населенія. Если рабъ, превращаясь изъ двороваго въ оброчнаго, уже тѣмъ самымъ становился свободнѣе, что не находился постоянно на глазахъ своего господина или его управляющаго, жилъ въ своемъ домѣ, работалъ въ своемъ хозяйствѣ, то, наоборотъ, свободный арендаторъ утрачивалъ свою независимось по мѣрѣ того, какъ землевладѣлецъ превращался въ государя надъ мѣстнымъ населеніемъ, который притомъ не анализировалъ составныхъ элементовъ своей власти и имѣлъ всѣ причины къ тому, чтобы надъ всѣмъ населеніемъ пользоваться одинаковыми правами. Отсюда, въ то время, какъ одна часть населенія, сервы, поднимается до положенія полусвободныхъ, другая, прежніе свободные,

[1]) Проф. Бодуэнъ-де-Куртене полагаетъ, что самое названіе славянъ дано было имъ иноплеменниками по особенно часто встрѣчающемуся составному элементу славянскихъ именъ *славъ*: Святославъ, Изяславъ, Здзиславъ, Болеславъ, Вячеславъ и т. п.

до этого положенія спускаются, а эта полусвобода и есть позднѣйшій серважъ.

Я отнюдь не выдаю эту классификацію и эту терминологію за безусловныя: наоборотъ, здѣсь все было спутано, одни и тѣ же термины могли значить не одно и то же въ отдѣльныхъ мѣстахъ и въ разныя времена, да и сама терминологія была очень обильная, такъ что одно и то же понятіе въ разныхъ мѣстахъ и въ отдѣльныя времена обозначалось очень неодинаковыми терминами, и иначе нѣтъ средства разобраться въ этой путаницѣ, какъ принявъ нѣкоторыя, болѣе опредѣленныя положенія за вехи и обозначивъ ихъ тѣми или другими, чаще другихъ встрѣчающимися и болѣе общими терминами. Такимъ свойствомъ отличается, напр., терминъ *серважъ*, являющійся синонимомъ не вполнѣ рабскаго, но далеко и не совершенно свободнаго существованія, наиболѣе характернаго для средневѣкового крестьянства. Самыми характерными признаками средневѣкового серважа были отсутствіе непосредственныхъ отношеній между населеніемъ помѣстья и тою властью, которая стояла надъ самимъ помѣщикомъ, если только самъ онъ не дѣлался государемъ, превращеніе крестьянскихъ участковъ въ несвободныя держанія и прикрѣпленность самихъ держателей къ своимъ участкамъ. Прикрѣпленные къ землѣ, несвободные держатели несвободной же земли, не знающіе надъ собою никакой высшей власти, кромѣ власти землевладѣльца, отъ котораго они держатъ землю и которому платятъ оброкъ, вотъ чѣмъ было населеніе типической феодальной сеньёріи. Между прочимъ, взаимныя отношенія между этимъ населеніемъ и землевладѣльцемъ регулировались обычнымъ правомъ,—тоже одна изъ характерныхъ особенностей крѣпостного быта.

Таковы самыя общія черты экономическаго и юридическаго, а также и политическаго положенія населенія сеньёріи, но мы еще войдемъ въ нѣкоторыя подробности и познакомимся съ наиболѣе важными конкретными чертами средневѣкового крѣпостного быта, остановившись въ данномъ случаѣ на примѣрѣ, представляемомъ Франціей. Четверть вѣка тому назадъ я посвятилъ этому предмету особую книжку подъ названіемъ «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 года» [1]) и потомъ далъ сокращенное

[1]) Варшава, 1881.

изложеніе главъ этой книжки, касающихся средневѣковой исторіи, въ XIII и XIV главахъ перваго тома своей «Исторіи Западной Европы въ новое время» [1]). Для меня, слѣдовательно, удобнѣе иллюстрировать общія положенія настоящей книги на примѣрѣ средневѣковой Франціи, имѣя для этого вполнѣ готовый матеріалъ, но, собственно, не это соображеніе заставляетъ меня обратиться именно къ данному примѣру, тѣмъ болѣе еще, что послѣ выхода въ свѣтъ моей книги о французскихъ крестьянахъ прошло немало времени, въ теченіе котораго историческая наука шла впередъ, не оставивъ внѣ поля своихъ изслѣдованій и средневѣковое французское крестьянство. Особенно я имѣю въ виду прекрасное сочиненіе *Анри Сэ* «Сельскіе классы и помѣстный строй во Франціи въ средніе вѣка» [2]), какъ трудъ, дающій наибольшее количество фактовъ и при томъ въ новѣйшемъ освѣщеніи. Главная причина того, что я обращаюсь къ примѣру Франціи, заключается въ томъ, что изъ всѣхъ западноевропейскихъ странъ ни одна въ такой степени не подвергалась процессу феодализаціи, какъ Франція, даже по сравненію съ Италіей, гдѣ процессъ пошелъ тоже очень далеко.

Въ феодальную эпоху громадное большинство сельскаго населенія Франціи находилось въ состояніи личной несвободы и именно въ состояніи серважа, такъ какъ рабство въ тѣсномъ смыслѣ слова уже исчезаетъ въ X в., а если въ видѣ исключеній мы еще и встрѣчаемъ впослѣдствіи рабовъ, то развѣ только въ южной части Франціи, да и то рабами здѣсь являются не христіане, а мавры въ лицѣ военно-плѣнныхъ и ихъ потомства. Сервы во Франціи носили названія *hommes de corps* (homines corporis) и *hommes de poté* (homines potestatis) и въ общемъ въ этомъ состояніи находились потомки прежнихъ колоновъ, рабовъ и свободныхъ поселенцевъ. Званіе серва было наслѣдственнымъ: сынъ серва обязательно

[1]) Первое изданіе вышло въ 1892 г.

[2]) *Henri Sée.* Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge. Paris. 1901. Кромѣ того, см. первые два тома „Экономическаго роста Европы“ *М. М. Ковалевскаго* (ср. выше, стр. 57), а именно въ первомъ томѣ главы VII (французское помѣстье въ эпоху Меровинговъ и Карловинговъ) и главы XVI—XXI (французское помѣстье въ IX, X и XI столѣтіяхъ и т. д.), а во второмъ—главу XIV (о крестьянскомъ движеніи во Франціи XIV в.).

становился сервомъ. Но это не было единственнымъ условіемъ, дѣлавшимъ человѣка крѣпостнымъ. Въ большей части помѣстій браки свободныхъ съ сервами обращали первыхъ въ крѣпостныхъ, и это выражалось даже въ народной поговоркѣ: si tu montes ma poule, tu deviens mon coq. Извѣстенъ, между прочимъ, такой случай: свободный женится на крѣпостной, становится самъ сервомъ, теряетъ жену и женится вторично на свободной, которая въ свою очередь тоже дѣлается крѣпостной. Къ тому же результату во многихъ мѣстностяхъ приводило и держаніе сервильной земли, и до самой революціи 1789 г. во Франціи различали среди немногихъ остававшихся тогда крѣпостными двѣ ихъ категоріи: сервовъ персональныхъ, которые были прикрѣплены къ своимъ участкамъ, и сервовъ реальныхъ, которые тотчасъ же дѣлались свободными людьми, какъ только покидали свои участки (serfs pérsonels и serfs réels, соотвѣтственно съ чѣмъ и сама sérvitude была или personnelle, или réelle). Такимъ образомъ не только люди стали раздѣляться на свободныхъ и крѣпостныхъ, но и земельные участки, и иногда человѣкъ былъ самъ сервомъ лишь потому, что садился на сервильный мансъ. Далѣе, свободный могъ попасть въ сервы и въ качествѣ неоплатнаго должника, все равно, совершилъ ли онъ заемъ, по которому не въ состояніи былъ произвести уплату, или по судебному приговору обязанъ былъ заплатить штрафъ, превышавшій его платежную способность. Бывали нерѣдкіе случаи и добровольнаго самозакрѣпощенія, особенно въ пользу церкви, монастыря, въ честь того или другого святого, дѣлалось ли это въ порывѣ благочестія или ради какихъ-либо матеріальныхъ выгодъ. Извѣстны случаи, когда сервы откупались на волю только для того, чтобы отдать себя потомъ какому-либо святому, т.-е. закрѣпоститься церкви, монастырю. Отдѣльные примѣры облацій, какъ назывались самозакрѣпощенія, особенно частые въ XI и XII в., извѣстны даже изъ послѣдующихъ вѣковъ, вплоть до XV столѣтія. Была даже особая символическая церемонія, сопровождавшая самозакрѣпощеніе: облатъ надѣвалъ на шею веревки отъ церковныхъ колоколовъ, клалъ монету на свою голову въ знакъ своего подчиненія и потомъ перекладывалъ ее на алтарь.

Такъ какъ серважъ, въ сущности, лишь экономически отличался отъ рабства и прямо изъ него происходилъ, то

сервъ и разсматривался, какъ объектъ собственности помѣщика, и въ перечисленіяхъ вещей, составлявшихъ его собственность, рядомъ съ обработанными или необработанными землями, лѣсами, лугами, водами назывались также и сервы обоего пола (servi et ancillae). Продавалось имѣніе, съ нимъ вмѣстѣ продавались и сервы, а случалось и такъ, что серва мѣняли на участокъ земли, продавали, отчуждали путемъ даренія. Если свободный закрѣпощалъ себя какому-либо святому, то почему было бы и помѣщику не подарить святому того или другого изъ своихъ сервовъ? Случалось, что сервовъ дарили и свѣтскимъ людямъ: крѣпостной могъ быть, наприм., свадебнымъ подаркомъ или вознагражденіемъ за какую-либо услугу. Впрочемъ, нужно оговориться, что если уже отчуждали серва, то обыкновенно со всей его семьей: за крѣпостными не по примѣру античнаго рабства признавали семейныя права, какъ признавали до извѣстной степени и права имущественныя. Взаимный обмѣнъ сервами тоже нерѣдко имѣлъ мѣсто, особенно въ случаѣ браковъ между крестьянами, принадлежавшими двумъ сосѣднимъ помѣщикамъ. Общимъ правиломъ было то, что сервъ не могъ вступить въ бракъ безъ разрѣшенія господина, за которое и платилъ особую пошлину, называвшуюся *maritagium* или *licentia matrimonii*[1]), но дѣло усложнялось, когда брачущіеся были изъ разныхъ помѣстій. Первоначально бракамъ между крѣпостными разныхъ помѣщиковъ ставились всякія препятствія, но съ теченіемъ времени они стали допускаться подъ условіемъ спеціальнаго выкупа, который носилъ названіе *формарьяжа* (droit de formariage, причемъ formariage есть foris maritagium, внѣшній бракъ, нѣчто въ родѣ эксогаміи). Такъ какъ согласіе на бракъ въ такихъ случаяхъ требовалось отъ обоихъ сеньёровъ, то нерѣдко сосѣдніе владѣльцы отказывались отъ формарьяжа или же замѣняли послѣдній обмѣномъ сервовъ каждый разъ, какъ изъ одного помѣстья въ другое должна была уйти невѣста. Дѣти отъ подобныхъ смѣшанныхъ браковъ дѣлились иногда пополамъ между обоими помѣщиками, причемъ могло случиться, что половина серва принадлежала потомъ одному помѣщику, другая—другому, въ смыслѣ, конечно, дарового пользованія его трудомъ.

---

[1]) Jus primae noctis было однимъ изъ злоупотребленій помѣщичьею властью.

Изъ всего предыдущаго можно видѣть, что помѣщику принадлежало настоящее право собственности на его сервовъ. Но въ какомъ смыслѣ? Принадлежалъ ли сервъ лично своему помѣщику, или лишь въ качествѣ держателя земли? На этотъ вопросъ при неопредѣленности юридическихъ отношеній въ средніе вѣка дать отвѣтъ прямой и ясный трудно: отношенія и соотвѣтствующія имъ понятія смѣшивались. Общимъ правиломъ нужно считать лишь прикрѣпленность крестьянина къ землѣ, принадлежавшей помѣщику, но въ отдѣльныхъ случаяхъ и самъ сервъ лично принадлежалъ своему господину, такъ какъ иногда сервъ одного помѣщика снималъ землю у другого или, живя гдѣ-либо внѣ помѣстья, платилъ своему сеньёру оброкъ, яснѣе же всего тутъ личная зависимость обнаруживается, когда мы имѣемъ дѣло съ дворовыми людьми, входившими въ составъ «фамиліи» сеньёра въ старомъ значеніи слова, т.-е. въ смыслѣ всего подвластнаго господину [1]): это были именно *famuli*, домашніе слуги, дворовые рабочіе, то же самое, чѣмъ были раньше *servi manentes*. Иные изъ нихъ дѣлались даже домоправителями своихъ господъ или исполняли какія-либо изъ болѣе важныхъ ихъ порученій, многіе были ремесленниками, какъ-то: кузнецами, плотниками, мельниками, портными и т. п., тоже входившими сначала въ составъ «фамиліи» господина, его домочадцами, пока не стали переселяться въ города, гдѣ начали организоваться въ профессіональные союзы и, благодаря этому, освобождаться отъ рабскаго состоянія. И у насъ въ эпоху существованія крѣпостного права были такіе же дворовые люди, приближавшіеся къ положенію античныхъ домашнхъ рабовъ. Какъ и у насъ до 19 февраля 1861 г., такъ и въ средневѣковой Франціи несвобдная дворня составляла классъ людей, численность котораго была весьма незначительна сравнительно съ крестьянами, надѣленными землею. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе укрѣплялся взглядъ, что настоящій источникъ несвободы серва заключается въ обрабатываніи сервильной земли, что не въ самомъ себѣ носитъ человѣкъ условія своей несвободы, а находится она въ землѣ, на которой онъ сидитъ, и что стоитъ только отъ земли этой отказаться, и узы крѣпостничества сами собой падаютъ.

---

[1]) Государство-городъ, стр. 155.

Главными признаками серважа въ юридическихъ и экономическихъ памятникахъ среднихъ вѣковъ выставляются, такъ сказать, или произвольная талія, которой они должны были подчиняться, или обыкновенно соединенныя условія менморта и формарьяжа, хотя въ большинствѣ случаевъ одни и тѣ же сервы были подчинены и произвольной таліи, и менморту, и формарьяжу. Если же приходится изъ этихъ трехъ понятій выбирать то, которое особенно характеризуетъ серважъ въ средневѣковой Франціи, то это будетъ, несомнѣнно, менмортъ, откуда синонимъ сервовъ—*менмортабли*.

Что́ такое формарьяжъ, мы уже видѣли, а вотъ чѣмъ былъ *менмортъ* (mainmorte, лат. manus mortua), въ буквальномъ переводѣ «мертвая рука», откуда и крѣпостные назывались, переводя терминъ по-русски, мертворучниками. Дѣло въ томъ, что помѣщикъ по общему правилу наслѣдовалъ все имущество своего крѣпостного въ томъ случаѣ, если этотъ послѣдній умиралъ безъ дѣтей, которыя жили бы при немъ, и это влекло за собою запрещеніе для серва отчуждать свой участокъ, такъ какъ этимъ могло бы нарушиться право эвентуальнаго наслѣдника въ лицѣ сеньёра. Рука серва была мертва, чтобы подарить, продать, завѣщать кому-либо свою землю, и помѣщики особенно дорожили правомъ менморта (droit de mainmorte), стараясь сохранить его за собою даже по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя покинули помѣстье. Что касается, наконецъ, до произвольной таліи, то, прежде всего, подъ названіемъ *таліи (taille)* вообще разумѣется личный оброкъ, получившій такое обозначеніе отъ способа отмѣтки послѣдовательныхъ уплатъ надрѣзами (tailler—рѣзать) на деревянныхъ палочкахъ или биркахъ, какъ это недавно и у насъ было въ крестьянскомъ обиходѣ. Поголовная подать, или *шеважъ (chevage, capitatio)* во Франціи имѣла очень древнее происхожденіе и играла роль своего рода признака личной зависимости платившаго эту подать, вслѣдствіе чего она первоначально была очень незначительной и платилась даже лицами, не жившими въ помѣстьѣ, разъ только они зависѣли отъ помѣщика. Для феодальной эпохи характерно то, что эта поголовная подать, падавшая, впрочемъ, лишь на взрослое населеніе, была совершенно произвольной, откуда ея названіе, какъ таліи *ad voluntatem*, *à merci*, т.-е. сколько помѣщикъ потребуетъ, столько *тальябли* (tail-

lables) и должны были заплатить. Лишь съ теченіемъ времени размѣръ таліи сталъ опредѣляться заранѣе разъ навсегда, или, какъ тогда говорилось, талія стала *абонироваться* (taille abonnée). Мы еще увидимъ, что по части повинностей, какія сервъ отбывалъ по отношенію къ сеньёру, это было далеко не все: были еще сеньёрьяльные поборы, вытекавшіе не изъ крѣпостническихъ, а поземельныхъ и чисто общественныхъ отношеній.

Главное, на что̀ мы пока обращаемъ вниманіе, это—указанія на чисто рабскій характеръ серважа. Понятно, что безъ соизволенія помѣщика крѣпостной и не могъ покинуть его помѣстья или бросить свой надѣлъ, какъ не имѣлъ, конечно, права, наприм., вступить въ ряды духовенства, сдѣлаться клирикомъ безъ соизволенія сеньёра. По отношенію къ бѣглымъ крѣпостнымъ у помѣщиковъ было право розыска и возвращенія ихъ назадъ, *право преслѣдованія (droit de suite* или *de poursuite)*, какъ оно называлось. Его ограничивало лишь право давности, которое во многихъ случаяхъ опредѣлялось однимъ годомъ съ однимъ днемъ,—вообще очень распространенный срокъ въ средніе вѣка. Съ теченіемъ времени, однако, право сеньёра водворять на прежнее мѣсто жительства сбѣжавшаго серва стало смягчаться, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи уже въ XII в. крѣпостнымъ стало дозволяться оставленіе помѣстья, но подъ двумя все-таки условіями, изъ которыхъ одно было особенно важно. Оно состояло въ томъ, что выселявшійся въ другое мѣсто долженъ былъ оставить господину всю свою недвижимость и движимость. Другимъ условіемъ было—заблаговременное извѣщеніе сеньёра о намѣреніи покинуть его владѣнія. Въ подобнаго рода случаяхъ, какъ говорилось, сервъ *дезавуировалъ* (désavouer—отказываться, отрекаться) своего сеньёра, и право такого отказа *(désaveu)* сдѣлалось впослѣдствіи однимъ изъ способовъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Впрочемъ, дезавуируя своего сеньёра, сервъ давалъ обѣщаніе не вредить прежнему господину и не помогать никому, кто ему наносилъ бы какой-либо вредъ. На неполную равноправность сервовъ съ другими сословіями указываетъ еще то, что въ большинствѣ случаевъ они были ограничены въ своихъ судебныхъ правахъ, т.-е. не могли вчинать исковъ, участвовать въ судѣ, выступать въ роли свидѣтелей, требовать суда Божія и т. п.

Положенiе сервовъ въ общемъ было одинаково, кто бы ни владѣлъ ими, т.-е. были ли то свѣтскiе сеньёры, или духовенство, или, наконецъ, король. Нѣкоторые думаютъ что положенiе церковныхъ и королевскихъ сервовъ было лучше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ, но другiе оспариваютъ это мнѣнiе, не видя дѣйствительныхъ основанiй его принимать [1]), какъ какое-либо общее правило. Можно сказать, что вообще какихъ-либо юридически привилегированныхъ сервовъ не существовало, хотя отдѣльные сервы иногда и возвышались надъ своимъ состоянiемъ, получая, наприм., болѣе или менѣе важныя должности—вплоть до должности королевскихъ совѣтниковъ.

Распространенность серважа въ средневѣковой Францiи была такъ велика, что онъ захватилъ въ свои рамки отчасти и городское населенiе, какъ мы это еще увидимъ позже, но распредѣленiе крѣпостничества по отдѣльнымъ областямъ Францiи было очень неравномѣрно: не вездѣ оно было одинаково сильно, не вездѣ оно держалось одинаково долго, но въ общемъ большее значенiе оно имѣло на сѣверо-востокѣ, меньшее—на юго-западѣ страны, а независимо отъ этого и чисто мѣстныя условiя оказывали свое влiянiе на силу серважа. Но какъ бы ни были здѣсь и тамъ многочисленны сервы, не изъ нихъ однихъ состояло сельское населенiе Францiи. Въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ рядомъ съ крѣпостными мы видимъ большее или меньшее количество свободныхъ крестьянъ, которые, начиная съ XI в., чаще всего обозначаются терминомъ *вилланы* (*villani* позднѣе по-французски *vilains*), т.-е. обитатели *виллы* въ смыслѣ помѣстья. Главное отличiе вилланов отъ сервовъ заключалось въ томъ, что они были свободны отъ менморта, формарьяжа и произвольной талiи. Если вилланъ и уплачиваетъ талiю, то въ опредѣленномъ размѣрѣ и въ установленные сроки, и это было такъ важно, что когда началось освобожденiе сервовъ, то на первыхъ порахъ оно сводилось именно къ фиксацiи талiи. Вилланъ, кромѣ того, держалъ землю, не въ качествѣ собственника, но тѣмъ не менѣе на вѣчномъ правѣ, и именно это держанiе и связывало его главнымъ образомъ съ помѣстьемъ, вслѣдствiе чего вилланъ часто въ докумен-

[1]) *Sée*, стр. 187 и слѣд.

тахъ называется *тенементаріемъ* (*tenementarius*, франц. *tenancier*), т.-е. держателемъ. Всѣ повинности, имъ отбываемыя, лежатъ уже не на немъ самомъ, а на его участкѣ. Съ разрѣшенія сеньера онъ можетъ отчуждать свое держаніе, которое и называется особымъ именемъ *виленацiя,* но онъ обязанъ за него платить сеньёру подъ страхомъ отнятія въ случаѣ неисправнаго платежа въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Позднѣе, въ эпоху освобожденія деревень, въ положеніе *виленажа* (vilainage) попали многіе прежніе сервы, но въ болѣе раннюю эпоху, въ IX и X вв., это состояніе образовалось изъ уступки земель сеньёрами за опредѣленный цензъ, а еще чаще изъ отдачи своей земли мелкимъ собственникомъ крупному для полученія ея обратно въ качествѣ зависимаго владѣнія, какъ это сплошь и рядомъ бывало и раньше, когда слабый искалъ покровительства и защиты сильнаго, или когда мелкій собственникъ имѣлъ слишкомъ незначительную землицу, отъ которой жить было нельзя: въ послѣднемъ случаѣ, отдавая ее крупному собственнику, онъ получалъ ее обратно съ нѣкоторой прирѣзкой. Такіе люди оставались лично свободными, но тѣмъ не менѣе все-таки попадали въ извѣстную зависимость отъ помѣщика, такъ какъ брали на сёбя извѣстныя обязательства, что, такъ сказать, понижало ихъ значеніе на лѣстницѣ общественныхъ отношеній. Другимъ источникомъ образованія класса виллановъ были такъ называемые *комплантскіе договоры* (traités de complant), въ силу которыхъ земли, не бывшія дотолѣ въ обработкѣ, шли подъ расчистку и превращались въ настоящія культурныя земли подъ условіемъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго срока, въ большинствѣ случаевъ пятилѣтняго, одна ихъ часть возвращалась землевладѣльцу, а другая оставалась во владѣніи того, кто воздѣлалъ участокъ. Очень вѣроятно, что значительная часть виллановъ образовалась изъ комплантаторовъ. Наконецъ, уже съ IX—X вв. отдѣльные участки земли отдавались за уплату строго опредѣленнаго ценза, и это были цензивы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова [1]).

Особенно охотно, начиная съ XI в., когда Франція еще была покрыта лѣсами, отдавали сеньёры земли новоселамъ (hospites, hôtes), которые должны были расчищать лѣсъ для

[1]) Ср. выше, стр. 51.

образованія пахоти и луговъ. Иногда это дѣло велось особыми предпринимателями, но безразлично, имѣлся ли налицо такой предприниматель, или распредѣленіе участковъ производилось самимъ землевладѣльцемъ, крестьянинъ, получавшій *гостизу* (hostise), какъ назывался отдѣльный участокъ, пользовался наибольшею свободою,такъ что въ иныхъ случаяхъ такихъ *госпитовъ* прямо противополагали сервамъ, какъ свободныхъ несвободнымъ, хотя фактически между ними бывали и настоящіе крѣпостные. Дѣло въ томъ, что привлечь людей на новыя мѣста и притомъ на трудную работу расчистки земли изъ-подъ лѣса можно было лишь разными льготами. Очень многіе спасались отъ неволи, дѣлаясь госпитами, что немало содѣйствовало образованію новыхъ поселеній въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ раньше были одни пустыри.

Не только свободные люди встрѣчались среди крѣпостного населенія феодальныхъ помѣстій, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удерживалась и аллодіальная собственность, такъ сказать, вкрапленная въ территоріи, состоявшія изъ условныхъ держаній. Но все-таки это будутъ только исключенія изъ общаго правила, и притомъ исключенія, которыя лишь подтверждаютъ правило.

ГЛАВА VIII.

Хозяйственная эксплуатація феодальнаго помѣстья.

Сеньёрьяльныя права, вытекающія изъ поземельныхъ отношеній и изъ узурпаціи государственной власти.—Спорность вопроса о происхожденіи отдѣльныхъ категорій этихъ правъ.—Барщины.—Право сеньёра на часть дохода съ крестьянскихъ земель и правило: «nulle terre sans seigneur».—Наслѣдственныя и купчія пошлины въ пользу помѣщика.—Поземельный цензъ или чиншъ.—Шампаръ.—Запутанность цензуальныхъ и шампартныхъ отношеній.—Право помѣщика на лѣса, пустоши и воды.—Баналитеты.—Подымное и droit de gîet. Помѣстное хозяйство, какъ основа всего экономическаго быта въ средніе вѣка.

Разсматривая составъ населенія феодальнаго помѣстья въ средневѣковой Франціи, мы нѣсколько подробнѣе коснулись лишь тѣхъ помѣщичьихъ правъ, которыя вытекали изъ

серважа, какъ формы личной несвободы крестьянина, т.-е. зависимости его, имѣвшей рабскій характеръ. Правда, въ виду того, что случаи, когда сервъ платилъ, напр., талію, не сидя на землѣ своего господина, а работая на сторонѣ, были рѣдки, собственно говоря, платежемъ облагалась не столько самая личность крѣпостного, сколько отведенный ему участокъ земли, и, такимъ образомъ, личный оброкъ переходилъ въ поземельный, но въ принципѣ нужно различать между тѣми доходами, которые помѣщикъ получалъ въ качествѣ господина-рабовладѣльца, и тѣми, которые поступали къ нему, какъ къ господину землевладѣльцу съ участковъ земли, отданныхъ имъ, наприм., свободнымъ лицамъ. Серважъ исчезалъ съ теченіемъ времени, а съ нимъ исчезали и такія права, какъ менмортъ или формарьяжъ, и все населеніе помѣстья превращалось въ вилланов, но и вилланы оставались не только обложенными въ пользу сеньёра за землю, которую держали въ зависимости отъ него, но и ограниченными въ своемъ правѣ вполнѣ по собственному усмотрѣнію распоряжаться этою землею. Было бы, однако, ошибочно думать, что всѣ сеньёрьяльныя права, кромѣ произвольной таліи, менморта и формарьяжа, были исключительно поземельнаго происхожденія: господинъ-рабовладѣлецъ и господинъ-землевладѣлецъ былъ еще, какъ мы знаемъ, и господиномъ государемъ, т.-е. не только собственникомъ крѣпостныхъ и собственникомъ земли, но и собственникомъ тѣхъ публичныхъ правъ, совокупность которыхъ составляетъ самое существо государственной власти. Въ качествѣ государя или, что то же, представителя и носителя государственной власти въ своемъ помѣстьѣ феодальный сеньёръ равнымъ образомъ пользовался извѣстными правами и доходами, которые и нужно отличать отъ чисто поземельныхъ.

Рекомендуя это, слѣдуетъ, однако, оговориться, что поступать такъ легко только въ теоріи, на практкѣ же къ тому встрѣчается масса препятствій, причины которыхъ лежатъ въ разнообразіи самыхъ правъ и ихъ терминологіи по отдѣльнымъ мѣстамъ, въ неясности историческаго ихъ происхожденія во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ, въ противорѣчивости наиболѣе важныхъ иногда извѣстій о нихъ въ памятникахъ юридическаго и экономическаго содержанія и т. п. Вотъ почему даже вопросъ о происхожденіи сеньёрьяльныхъ правъ въ общей формѣ рѣшался разными учеными въ

весьма несходныхъ между собою формулахъ. Наприм., одинъ изъ старыхъ писателей по данному вопросу, Шампіоньеръ [1]), выводилъ чисто помѣщичьи права (les droits domaniaux) изъ судебной власти землевладѣльца и въ этомъ смыслѣ толковалъ одинъ изъ основныхъ принциповъ феодальнаго права. Принципъ этотъ гласилъ: «nulle terre sans seigneur», т.-е. нѣтъ земли, надъ которой не было бы сеньёра, конечно, не въ смыслѣ непосредственнаго ея владѣльца, а въ смыслѣ высшаго господина, въ зависимости отъ котораго находился непосредственный владѣлецъ. Разъ характерною особенностью феодальной собственности была ея условность [2]), понятно, что надъ каждымъ землевладѣльцемъ долженъ былъ стоять сеньёръ, отъ котораго обладатель участка и считался держащимъ землю.

Въ болѣе позднія времена, когда феодальное право стало разрабатываться особыми спеціалистами, такъ называемыми *феодистами* (feudistes), господствующимъ взглядомъ на происхожденіе правила «nulle terre sans seigneur» было то, что въ основѣ его лежала передача земли (traditio fundi) сеньёромъ крестьянину подъ условіемъ уплаты чинша [3]), и такимъ образомъ всѣ платежи и повинности крестьянъ, отбывавшіеся ими въ силу указаннаго правила, считались вытекающими ex traditione fundi, т.-е. изъ передачи земли. Шампіоньеръ взглянулъ на дѣло иначе и сталъ толковать правило «nulle terre sans seigneur» въ томъ смыслѣ, что первоначальнымъ значеніемъ правила была лишь обязательность подсудности каждой земли какому-либо сеньёру, а въ такомъ случаѣ разные права и доходы, какіе ему принадлежали по отношенію ко всѣмъ землямъ въ чертѣ его помѣстья, оказывались бы основанными не на передачѣ земли ея собственникомъ въ собственность другому, хотя бы условную и зависимую, а на томъ, что тотъ или другой участокъ входилъ въ составъ территоріи, гдѣ сеньёру принадлежало чисто государственное право суда [4]). Полную противоположность

---

[1]) *Championnière*. De la propriété des eaux courantes. 1846.

[2]) См. выше, стр. 49—50.

[3]) Ср. выше, стр. 51—52.

[4]) Объ этой теоріи см. подробнѣе въ моихъ книгахъ «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.» (стр. 64) и «Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ» (стр. 55—57 и XII).

Шампіоньеру представляетъ собою новѣйшій историкъ сельскихъ классовъ и помѣстнаго строя въ феодальной Франціи, Сэ, который, наоборотъ, находитъ возможнымъ выводить изъ чисто поземельныхъ отношеній барскаго помѣстья такія сеньерьяльныя права, которыя большинствомъ историковъ признаются имѣющими основаніе въ судебной власти землевладѣльца, бывшей, кстати сказать, въ феодальную эпоху чуть не синонимомъ государственнаго верховенства [1]). Сэ перебираетъ мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ относительно тѣхъ или другихъ сеньёрьяльныхъ правъ стараго государственнаго происхожденія, дабы придти къ тому выводу, что такъ могло быть только въ видѣ рѣдкихъ исключеній. «Большая часть тѣхъ правъ, говоритъ онъ, которыя кажутся происшедшими изъ прежняго государственнаго обложенія (d'anciens impôts publics) и при первомъ взглядѣ на которыя можно было бы сказать, что ихъ источникъ въ расчлененіи верховной власти, въ дѣйствительности обязаны происхожденіемъ своимъ хозяйственному строю помѣстья (la constitution économique du domaine). Помѣстный строй и характеръ устройства поземельной собственности вполнѣ объясняютъ намъ происхожденіе этихъ правъ» [2]). Такимъ образомъ одинъ историкъ готовъ свести всѣ наиболѣе важныя сеньёрьяльныя права къ государственному властвованію помѣщика, другой—къ его значенію, какъ крупнаго землевладѣльца,—одно изъ доказательствъ того, до какой степени въ комплексѣ правъ, составлявшемъ власть сеньёра, были перепутаны между собою отношенія и понятія частно-правовыя съ публично-правовыми [3]). Безъ предвзятой теоріи иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ и примѣрахъ тутъ и не разберешься, но особенно важно то, что даже Сэ, со своею, на мой взглядъ, предвзятою теоріей о чисто доманіальномъ происхожденіи сеньерьяльныхъ правъ, дѣлаетъ все-таки слѣдующую оговорку: «не подлежитъ тѣмъ не менѣе сомнѣнію, что крушеніе (l'effondrement) королевской власти и непреоборимые успѣхи феодализма содѣйствовали завершенію строя и передали землевладѣльцамъ (aux seigneurs fonciers) извѣстныя права, монополія которыхъ принадлежала верховной власти госу-

---

[1]) Объ этомъ см. ниже, въ главѣ IX.

[2]) *Sée*, стр. 311—315.

[3]) Ср. выше, стр. 44 и слѣд.

дарства». Удовольствуемся этою уступкою, чтобы признать въ принципѣ двойственный источникъ правъ феодальнаго сеньера надъ некрѣпостнымъ населеніемъ ихъ помѣстій, не разбирая вопроса о томъ, какія права были одного происхожденія, какія—другого. Могло вѣдь быть и такъ, что то или другое право устанавливалось какъ-разъ въ силу того, что крупный землевладѣлецъ былъ одновременно и помѣщикъ, и государь. Если, однако, не всегда легко разбираться въ вопросѣ о *происхожденіи* отдѣльныхъ правъ, то всегда не трудно опредѣлить ихъ относительный *характеръ*. Объединяло ихъ главнымъ образомъ то, что каждое изъ нихъ приносило помѣщику-государю извѣстный доходъ, и въ этомъ смыслѣ, безразлично, получалъ ли сеньёръ ту или другую часть своего доманіальнаго дохода, какъ землевладѣлецъ или какъ обладатель судебной власти. И мы въ дальнѣйшемъ будемъ главнымъ образомъ различать въ правахъ сеньёра ихъ характеръ или, говоря точнѣе, отношеніе сеньёра ко всѣмъ обывателямъ его помѣстья, какъ хозяина, извлекающаго доходъ изъ своей земли, или какъ правителя и судьи маленькой соціальной группы, живущей на этой его землѣ.

Мы знаемъ, что подъ непосредственнымъ помѣщичьемъ хозяйствомъ была обыкновенно только часть, да и то, пожалуй, лишь меньшая часть каждаго помѣстья [1]). Для того, чтобы обрабатывать эту доминикатную, какъ ее называли, землю, нужно было имѣть рабочія руки, и вотъ первою обязанностью всѣхъ обитателей помѣстья, сидѣвшихъ на своихъ земельныхъ участкахъ, была *барщина* или *курвада* (*curvada*, франц. *corvée*), т.-е. обязательный даровой трудъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Было время, когда, какъ намъ извѣстно, все помѣстье обрабатывалось рабскимъ трудомъ, но потомъ подъ такую обработку оставлялась только часть помѣстья, причемъ необходимыя работы производились дворовыми рабами (servi manentes), пока и эта система не уступила мѣста привлеченію къ труду въ помѣщичьемъ хозяйствѣ рукъ крѣпостныхъ крестьянъ сидѣвшихъ на своиыъ надѣлахъ, а также и свободныхъ, которые отъ сеньёра держали землю [2]). Такимъ образомъ, барщина, будучи видоизмѣненнымъ остаткомъ воз-

---

[1]) См. выше, стр. 57 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 61—62.

дѣлыванія господской земли непосредственно трудомъ рабовъ, имѣла несомнѣннѣйшимъ образомъ и происхожденіе, и характеръ чисто доманіальный, безъ примѣси какого бы то ни было публично-правового элемента. На рабское происхожденіе барщины указываетъ и то обстоятельство, что иногда она спеціально обозначается, какъ «рабская работа», «opus servile», которую и производятъ, какъ «рабы—для своего господина» (sicut servi domino suo), и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ вилланы были отъ нея освобождены, хотя, по общему правилу, она распространялась и на этихъ послѣднихъ, и только дворяне ей не подлежали. Обязательность барщины для всѣхъ вообще земледѣльцевъ, державшихъ какіе-либо участки въ помѣстьѣ, указываетъ на то, что она падала главнымъ образомъ на землю, а не на лицо.

Въ общее понятіе барщины входили главнымъ образомъ работы двухъ категорій—полевыя работы и подводная повинность. Работы первой категоріи, иногда обозначавшіяся общимъ терминомъ *bianum* (*bian*), были очень разнообразны: сюда входили и вывозка удобренія, и пахота, и сѣвъ, и жатва, и свозъ сноповъ въ хлѣбный сарай, и молотьба хлѣба и т. д., а также и косьба съ уборкой сѣна (*fenagium*, *fenage*), уходъ за виноградниками и т. п. Къ этой же категоріи примыкаютъ работы въ самой помѣщичьей усадьбѣ по ремонту построекъ, рытью канавъ, очисткѣ прудовъ и пр, и пр. Подводная повинность заключалась въ обязанности перевозить въ усадьбу помѣщика строевой лѣсъ, дрова и другіе предметы, необходимые въ хозяйствѣ. Понятно, что разъ помѣщикъ былъ полнымъ господиномъ надъ личностью серва, размѣръ барщины зависѣлъ всецѣло отъ его произвола, какъ и размѣръ таліи, т. е. сервы были не только *taillables* [1]), но и *corvébles á merci*: какъ потребуютъ на ту или другую работу, нужно было итти. Но уже довольно рано обычное право стало вырабатывать извѣстныя нормы касательно какъ числа дней и сроковъ барщины въ тѣ или другія времена года, такъ и количества самой работы и другихъ ея условій, наприм., долженъ ли былъ крестьянинъ приходить на работу съ волами или лошадьми или же только самъ, долженъ ли онъ былъ получать на работѣ хозяйскіе хлѣбъ, вино и т. д. или нѣтъ и пр. и пр. Конечно, все это мѣнялось въ зависимости

---

[1]) См. выше, стр. 75.

отъ мѣста и времени, но въ общемъ развитіе сельской жизни шло въ направленіи, во-первыхъ, фиксаціи прежнихъ крѣпостныхъ барщинъ, бывшихъ неопредѣленными, и въ смыслѣ ихъ уменьшенія, во-вторыхъ. Особенно рано произошло то и другое на югѣ, гдѣ, напр., иногда барщина ни въ какомъ случаѣ не превышала восьми дней въ году, а случалось, что была равна только одному рабочему дню. Нерѣдко барщина оцѣнивалась на деньги и даже переводилась на денежный оброкъ. Постепенное ослабленіе самой барщины, переводъ ея на деньги и другія причины мало-по-малу привели къ тому, что уже въ XIV в. рядомъ съ барщиннымъ трудомъ мы встрѣчаемъ въ помѣстьяхъ и вольнонаемный трудъ поденщиковъ и постоянныхъ рабочихъ.

Повидимому, барщина никогда во Франціи не достигала такихъ размѣровъ, какъ, напр., у насъ или въ Австріи, гдѣ въ XVIII в. издавались указы, ограничивавшіе право помѣщиковъ требовать отъ крестьянъ труда не болѣе трехъ дней въ недѣлю. Не забудемъ, что держатели крестьянскихъ надѣловъ въ средневѣковой Франціи обязаны были уплачивать помѣщику еще бо̀льшіе оброки со своихъ держаній. Случаи аллодіальной собственности, какъ-никакъ, были рѣдки. и всѣ земли, на которыхъ сидѣли крестьяне, были только держанія, обрабатывались ли онѣ сервами, или вилланами. Мы только-что видѣли, какъ это было формулировано въ юридическомъ правилѣ: «nulle terre sans seigneur». Это значило, что каждый участокъ земли въ предѣлахъ сеньёріи былъ обложенъ въ пользу сеньёра извѣстными поборами, а кромѣ того, и въ распоряженіи своимъ участкомъ крестьянинъ былъ стѣсненъ разными условіями, вытекавшими изъ высшей власти сеньёра надъ участкомъ, т.-е. изъ того, что̀ называлось *dominium directum* [1]). Когда были формулированы основы феодальнаго права, во многихъ мѣстностяхъ Франціи, составлявшихъ значительно бо̀льшую часть ея территоріи, было признано, что сеньёру незачѣмъ было документально доказывать свой *dominium directum:* достаточно было, что участокъ лежалъ въ предѣлахъ сеньёріи, и если бы случилось, что какая-либо *анклава (enclave),* т.-е. участокъ, со всѣхъ сторонъ окруженный цензивами, не платилъ нѣсколько лѣтъ ценза, сеньёру ничего не стоило наложить цензъ и на этотъ

[1]) См. выше, стр. 49.

участокъ, пользуясь своимъ правомъ (droit d'enclave). Лишь въ меньшей части Франціи дѣйствовало не правило «nulle terre sans seigneur», а другое, формулированное такъ: «nul seigneur sans titre», т.-е. безъ документа нѣтъ сеньёра, или тотъ не сеньёръ, у кого нѣтъ документа. Это правило уже приглашало помѣщика доказывать какимъ-либо юридическимъ актомъ существованіе права на полученіе дохода съ чужой земли, и, разумѣется, только тамъ, гдѣ дѣйствовало это второе правило, возможны были аллодіальные участки среди крѣпостныхъ и чиншевыхъ.

Несвобода крестьянскаго землевладѣнія выражалась въ томъ, что безъ согласія помѣщика нельзя было никоимъ образомъ отчуждать свою землю, согласіе же это пріобрѣталось обыкновенно только за извѣстное вознагражденіе. Мы видѣли, чѣмъ былъ такъ называемый менмортъ [1]), которому были подчинены сервы, и вотъ какъ бы смягченную его форму по отношенію къ вилланамъ представляетъ собою *мортажій* (*mortagium*, посмертный взносъ) или *релевій (relevium, relief)*, который наслѣдникъ вилландскаго участка долженъ былъ платить помѣщику. На югѣ Франціи необходимость уплаты подобной пошлины наступала и тогда, когда умиралъ самъ помѣщикъ, и всѣ его права переходили къ наслѣднику, который получалъ по этому поводу извѣстную денежную сумму или что-либо натурой. То же самое происходило и въ томъ случаѣ, если держатель земельнаго участка продавалъ его или отчуждалъ какимъ-либо инымъ способомъ: и тогда помѣщикъ получалъ особую пошлину, которая называлась *лаудеміемъ (laudemium)* или *lods et ventes*, причемъ еще помѣщикъ могъ отобрать проданную землю, вознаградивъ покупщика возвращеніемъ ему его денегъ, если покупщикъ ему не нравился, и даже безъ вознагражденія въ случаѣ просрочки въ уплатѣ *lods et ventes*. Право выкупа продаваемой земли напоминаетъ намъ и существующее въ русскомъ законодательствѣ право выкупа родовыхъ имѣній, считающихся какъ бы принадлежащими не отдѣльному лицу, а цѣлому роду: вѣдь и здѣсь было совладѣніе двухъ лицъ, двойной *dominium* (directum и utile), какъ мы это уже видѣли [2]). Этимъ же двойнымъ доминіемъ объясняются и *релевіи*, и *лаудеміи*,

---

[1]) См. выше, стр. 75.

[2]) См. выше, стр. 49.

напоминающіе наши наслѣдственныя и купчія (крѣпостныя) пошлины въ пользу казны. Прибавимъ, что эти пошлины были фиксированы или обычнымъ правомъ помѣстья, или особыми соглашеніями между сторонами, какъ и ежегодные взносы въ пользу помѣщика, которыми были обложены всѣ земли, составлявшія условную собственность крестьянъ.

Главная ежегодная повинность называлась *цензомъ*, или, какъ можно еще по-русски передавать этотъ терминъ, *чиншемъ* [1]). Шампіоньеръ видитъ въ цензѣ прежній государственный налогъ, которымъ завладѣли крупные землевладѣльцы, но правильнѣе считать его тѣмъ же самымъ, что̀ представляетъ собою всякая арендная плата. Нерѣдко самая земля оцѣнивалась указаніемъ на связанный съ нею чиншъ. Послѣдній могъ выплачиваться либо деньгами, либо натурой, и чаще всего каждое держаніе было обременено цензомъ и той и другой категоріи. Въ сущности, однако, денежный цензъ бывалъ обыкновенно очень незначительнымъ, и цензъ, выплачивавшійся натурою, былъ много тяжелѣе. Между прочимъ, это происходило и потому, что размѣръ денежнаго ценза оставался неизмѣннымъ, тогда какъ цѣна денегъ понижалась. Вотъ почему во Франціи передъ революціей незначительность денежнаго ценза прямо обращала на себя особое вниманіе. Главная же причина этого явленія заключалась въ томъ, что въ эпоху феодализаціи и расцвѣта феодализма хозяйство оставалось натуральнымъ, деньги были рѣдки, и бо̀льшую часть своихъ доходовъ помѣщикъ получалъ натурою. Уже въ концѣ среднихъ вѣковъ денежный цензъ сдѣлался поэтому просто какъ бы символомъ зависимости крестьянскихъ участковъ отъ мѣстнаго землевладѣльца.

Наоборотъ, натуральный чиншъ былъ въ общемъ довольно тяжелъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне разнообразенъ и по продуктамъ, въ видѣ которыхъ уплачивался, и по своимъ размѣрамъ въ сравненіи съ общею доходностью земельныхъ участковъ, несшихъ на себѣ эту повинность, и, наконецъ, по своимъ названіямъ. Онъ поступалъ въ руки помѣщика и въ видѣ пшеницы или овса, и въ видѣ куръ или барановъ, откуда и названія *фрументагія, авенагія, галлинагія, мультонагія* и т. п., а иногда и въ видѣ испеченныхъ хлѣбовъ, которые въ такомъ случаѣ назывались *обліями (obliae, oublies)*. Сроки

---

[1]) См. выше, стр. 51.

уплаты и денежнаго, и натуральнаго ценза были строго опредѣленные, обыкновенно четыре раза въ годъ: около дней всѣхъ святыхъ, рождества, пасхи и св. Іоанна.

Особый видъ натуральнаго оброка за землю, замѣнявшій для многихъ держаній цензъ, представлялъ собою такъ называемый *терражъ (terrage)* или *шампаръ (campipars, champart)*. Смыслъ послѣдняго слова—«часть поля», т.-е. сеньёръ получалъ съ шампартныхъ участковъ извѣстную часть урожая, размѣръ же этой части сильно колебался отъ помѣстья къ помѣстью, а въ одномъ и томъ же помѣстьѣ — отъ участка къ участку. Въ однихъ случаяхъ въ доходъ помѣщика шелъ одиннадцатый, десятый, девятый снопъ, въ другихъ — шестой, пятый, четвертый. Шампаръ падалъ и на виноградники и тогда назывался *винажъ*, а если уплачивался въ видѣ уже выдѣланнаго вина, то былъ извѣстенъ подъ названіями *бутельяжа* или *потажа* (отъ pot, горшокъ). Подъ страхомъ штрафа крестьянинъ долженъ былъ доставлять самъ снопы въ хлѣбный сарай помѣщика въ опредѣленный срокъ, во всякомъ случаѣ до своза своихъ собственныхъ сноповъ съ поля.

Въ дѣлѣ уплаты ценза или шампара иногда царила страшная запутанность. Бывали случаи, когда тотъ или другой оброкъ уплачивался сразу двумъ сеньёрамъ, а если и одному, то не тому, въ помѣстьѣ котораго находился чиншевой или долевой участокъ. Путемъ переходовъ по наслѣдству, дареній, продажъ и т. п. повинности съ однихъ и тѣхъ же земельныхъ участковъ могли дробиться на части, уплачивавшіяся разнымъ лицамъ; а не то бывало и такъ, что, продавая свое владѣніе, помѣщикъ оставлялъ за собою право на полученіе и впредь, наприм., шампара. Взиманіе шампара было сопряжено, кромѣ того, съ большими затрудненіями и неудобствами: помѣщикъ долженъ былъ посылать особыхъ счетчиковъ сноповъ на крестьянскія поля и наблюдать за тѣмъ, чтобы и съ ихъ стороны не было обмана; эти счетчики нерѣдко придирались къ крестьянамъ, и между ними возникали разныя недоразумѣнія: свозъ сноповъ, которые шли въ пользу помѣщика, отнималъ много времени, и пока крестьянинъ возился съ ними, его снопы нерѣдко неубранными мокли на дождѣ. Весьма естественно поэтому, что натуральные оброки нерѣдко стали замѣняться во многихъ помѣстьяхъ или по отношенію къ отдѣльнымъ чин-

шевымъ или долевымъ участкамъ денежнымъ оброкомъ, или, по крайней мѣрѣ, шампаръ замѣнялся привозомъ помѣщику опредѣленнаго количества вымолоченнаго зерна (что̀ называлось ménage). Замѣна натуральныхъ платежей денежными уже указывала вмѣстѣ съ тѣмъ на то, что въ самомъ хозяйствѣ феодальнаго помѣстья совершался постепенный переворотъ.

Кромѣ земель, бывшихъ въ обработкѣ, т.-е. кромѣ помѣщичьяго и крестьянскихъ участковъ, въ помѣстьѣ могли быть лѣса, пустоши, воды. «Мы, говоритъ проф. Ковалевскій, не находимъ во Франціи термина *марка* [1]) но, тутъ же спрашиваетъ онъ, слѣдуетъ ли отсюда, что обнимаемое этимъ терминомъ понятіе нераздѣльной площади, состоящей въ пользованіи одного или нѣсколькихъ селъ, а также—частныхъ собственниковъ, было чуждо ея земельнымъ порядкамъ? «Нисколько»,—отвѣчаетъ онъ на поставленный вопросъ и показываетъ на цѣломъ рядѣ примѣровъ изъ разнообразнѣйшихъ областей Франціи, что «лѣса и пустоши были открыты праву общиннаго и частнаго въѣзда, что окрестные жители, безъ различія собственниковъ и владѣльцевъ, духовныхъ, рыцарей, свободныхъ и крѣпостныхъ, извлекали изъ этихъ лѣсовъ матеріалы для топлива и для построекъ, пасли въ нихъ стада свиней, отправляли въ нихъ право охоты и пользовались ими для своихъ заимокъ, обращая въ хутора и села непроходимыя дотолѣ дебри и пущи» [2]). Не касаясь здѣсь вопроса о происхожденіи этого права на общее пользованіе, замѣтимъ, что изъ-за нихъ происходили частые споры и судебные процессы, указывающіе на общую неопредѣленность совладѣнія этими угодьями или общиннаго пользованія ими. Множество фактовъ, и притомъ изъ исторіи не одной Франціи, указываютъ намъ на то, что крупные землевладѣльцы стремились присвоить лѣса, пустоши и воды въ свое исключительное распоряженіе вмѣстѣ съ правомъ охоты въ лѣсахъ и пустошахъ и рыбной ловли въ водахъ помѣстья, а также съ правомъ дѣлать расчистки въ лѣсахъ для образованія новыхъ дворовъ или селеній. Правда, за окрестными

---

[1]) См. выше, стр. 26.

[2]) *М. Ковалевскій.* Экономическій ростъ Европы, I, 501. Приведенными словами начинается глава «Общинныя пользованія во Франціи XII и XIII вв.» (стр. 501—540).

жителями при образованіи новыхъ пахотныхъ участковъ, наприм., въ пустошахъ сохранялось право пасти свой скотъ на чужихъ земляхъ по снятіи жатвы,—одинъ изъ распространеннѣйшихъ видовъ средневѣковыхъ общинныхъ сервитутовъ,—но, съ другой стороны, сеньёры стремились обложить въ свою пользу всякое пользованіе общинными угодьями, разъ имъ приходилось признать или допустить это пользованіе (иногда лишь послѣ длиннаго ряда препирательствъ). Споры изъ-за права пользованія общинными, какъ они и назывались, угодьями *(communia, les communaux)*, такъ сказать перешли въ настоящее время въ разногласія историковъ относительно ихъ юридическаго положенія въ средніе вѣка. Мы только-что видѣли, какъ смотритъ на дѣло проф. Ковалевскій, но если мы обратимся къ книгѣ Сэ, въ которой цѣлая глава посвящена праву пользованія угодьями и общинными землями [1]), то увидимъ, что авторъ держится противоположнаго взгляда. По мнѣнію проф. Ковалевскаго, общинныя угодья восходятъ къ эпохѣ древнѣйшихъ грамотъ Меровинговъ и Каролинговъ, которыя, говоритъ онъ, «также не создаютъ ихъ впервые, а только констатируютъ ихъ существованіе», тогда какъ Сэ, наоборотъ, отрицаетъ существованіе самыхъ даже слѣдовъ общинныхъ земель въ феодальную эпоху, признавая за терминомъ *communia* лишь извѣстнаго рода сервитуты, которыми сообща пользовались крестьяне. Дѣло для насъ, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что помѣщики присвоивали лично себѣ лѣса, пустоши и воды, хотя бы на нихъ сохранялось изстари или впервые допускалось общинное пользованіе, и что права охоты и рыбной ловли сдѣлались помѣщичьими монополіями. Сеньёры въ силу своего исключительнаго права охоты заводили особые заповѣдные лѣса, *гаренны (garennes)*, въ которыхъ и даже около которыхъ, на собственныхъ своихъ поляхъ, крестьяне подъ страхомъ строжайшихъ наказаній не имѣли права убивать и ловить никакихъ животныхъ, хотя бы отъ этого происходилъ вредъ для посѣвовъ или созрѣвшей жатвы. Чтобы охотиться самому, крестьянинъ долженъ былъ имѣть спеціальное разрѣшеніе, которое, конечно, давалось не даромъ. Рыбныя ловли тоже составляли частную собственность

---

[1]) Ея названіе: «Les droits d'usage et les biens communaux» (стр. 490—525).

сеньёра, хотя бы пользованіе ими и дозволялось сосѣднимъ жителямъ. Въ смыслѣ же лишь общиннаго пользованія крестьянамъ предоставлялось и иногда прямо оговаривалось въ документахъ право запасаться топливомъ *(affouage)* въ лѣсу, подбирая валежникъ, собирать дикорастущіе плоды и ягоды (между прочимъ желуди для свиней), опавшій осенью древесный листъ и т. п., а также, при соблюденіи особыхъ правилъ и съ разными ограниченіями, брать дерево, необходимое для постройки или починки домовъ, для выдѣлки повозокъ и земледѣльческихъ орудій, для огораживанія полей и т. п., вплоть до обжиганія угля или приготовленія обычной крестьянской обуви во Франціи — деревянныхъ башмаковъ *(sabots)*. Мѣста, заросшія кустарникомъ, и пустоши служили для общей пастьбы скота, но опять-таки на извѣстныхъ условіяхъ и въ опредѣленномъ количествѣ, наприм., въ извѣстныя лишь времена года, когда скотъ не могъ пастись сообща въ паровомъ полѣ или тотчасъ же послѣ жатвы [1]). Во всемъ этомъ право установленія порядковъ и надзора за ихъ исполненіемъ принадлежало помѣщику, хотя, конечно, на этотъ счетъ существовали и свои обычаи, причемъ иногда помѣщикъ уступалъ разныя такія пользованія не только своимъ крестьянимъ, но и крестьянамъ сосѣдняго помѣщика или, говоря вѣрнѣе, этому помѣщику для его крестьянъ. Понятно, что разъ сеньёръ былъ собственникомъ угодій, поступавшихъ въ общинное пользованіе, ему принадлежало право и изымать то или другое угодье изъ этого пользованія, налагать на него запрещеніе, *дефенсъ (defens)*. Наконецъ, все это составляло одинъ изъ источниковъ помѣщичьяго дохода: за право пользованія нужно было платить деньгами, хлѣбомъ, въ особенности овсомъ, а не то и отработкой на барщинѣ. Разнаго рода штрафы, которыми наказывались отдѣльные случаи несоблюденія установленныхъ правилъ пользованія лѣсными и пастбищными угодьями, тоже шли въ пользу помѣщика. Такимъ образомъ и по отношенію къ этимъ угодьямъ оправдывалось общее правило «nulle terre sans seigneur», если даже и смотрѣть на дѣло такъ, что лѣса, пустоши и воды составляли общинную собственность, какъ это было тамъ, гдѣ несомнѣнно сохранились

---

[1]) Послѣ жатвы изгороди между отдѣльными полями снимались и скотъ свободно ходилъ по полямъ (vaine pâture).

слѣды старой германской марки, наприм., въ самой Германіи. Во всякомъ случаѣ, общинное пользованіе и во Франціи превратилось въ своего рода крестьянскую собственность, т.-е. не самая земля, а установившіеся на ней сервитуты. При продажѣ помѣстій эти сервитуты прямо даже выговаривались въ числѣ условій, на какихъ имѣніе продавалось. Значитъ, и здѣсь было все-таки извѣстное совладѣніе помѣщика и крестьянъ, что̀ и порождало споры, какъ иногда порождались они и тѣмъ, что право пользованія принадлежало въ однихъ и тѣхъ же угодьяхъ двумъ сосѣднимъ деревнямъ. Бывали случаи, что крестьяне продавали помѣщику свое право пользованія или отказывались отъ него за какую-либо уступку со стороны помѣщика, наприм., за отказъ отъ менморта или произвольной таліи. Съ этой точки зрѣнія право пользованія общими угодьями было какъ бы принадлежностью отдѣльныхъ крестьянскихъ мансовъ. По крайней мѣрѣ, въ сознаніи держателей этихъ мансовъ право на пользованіе разными угодьями помѣстья было совершенно таково же, какъ и право на самый мансъ, и, благодаря этому, впослѣдствіи изъ общаго пользованія угодьями и возникла настоящая общинная собственность, состоявшая изъ такихъ угодій. Съ XIII в. помѣщики и крестьяне начали, наконецъ, дѣлить между собою разныя угодья, т.-е. помѣщикъ, наприм., выдѣлялъ въ свое исключительное пользованіе часть лѣса, уступая крестьянамъ другую за отказъ отъ пользованія въ выдѣленной части, и это называлось *кантонированіемъ (cantonnement)*. Какъ бы, однако, ни возникали общинныя земли, т.-е. были ли онѣ остаткомъ стараго обшиннаго землевладѣнія или образовывались уже въ рамкахъ помѣстныхъ отношеній (бывало и то, и другое), помѣщикъ получалъ или стремился получать и съ нихъ извѣстный доходъ, какъ высшій и въ послѣдней инстанціи настоящій собственникъ всего помѣстья.

Но онъ былъ не только такой всеобщій собственникъ, а также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и единственнымъ обладателемъ разныхъ другихъ доходныхъ статей помѣстья. Говоря это, я имѣю въ виду такъ называемые *баналитеты (banalités)*, къ числу которыхъ относятся мельница, хлѣбная печь и виноградное точило (для выжиманія винограднаго сока при выдѣлкѣ вина). Остановимся сначала на терминѣ. Средневѣковое латинское слово *bannum*, по-французски *le ban*, употреблялось въ разныхъ смыслахъ, вращавшихся, однако,

около понятій повелѣнія или запрещенія. Мы еще увидимъ, что значитъ *баннъ* въ военной организаціи среднихъ вѣковъ [1]), а здѣсь отмѣтимъ, наприм., что этотъ терминъ употреблялся и въ церковной жизни, когда говорилось о прещеніяхъ, наложенныхъ духовною властью (les bans de l'Eglise), или когда отмѣчалось, что то-то и то-то было сдѣлано противъ прямого запрещенія церкви, *contra bannum,* откуда возникло теперешнее слова *контрабанда,* но совсѣмъ уже въ другомъ значеніи. Тотъ же корень сохранился въ названіи непосредственнаго округа или ближайшихъ окрестностей города *banlieu,* которое и теперь еще въ ходу, и которое приходится слышать, наприм., въ Парижѣ, относительно окружающихъ его селеній съ ихъ территоріями: это округъ, на который распространялся городской *баннъ* со всѣмъ неопредѣленнымъ, но въ общемъ понятнымъ значеніемъ слова, т.-е. это территорія, на которой городскія власти въ средніе вѣка имѣли еще право повелѣвать или запрещать. Отъ существительнаго *bannum* мы имѣемъ прилагательную форму *банальный (banal)* не въ теперешнемъ смыслѣ пошлаго, а въ смыслѣ заповѣднаго монопольнаго. Банальная мельница, банальная печь, банальное точило, это—статьи помѣщичьяго дохода, въ силу чего крестьянинъ долженъ былъ молоть свое зерно на помѣщичьей мельницѣ, печь свой хлѣбъ въ помѣщичьей печи, выжимать сокъ изъ своего винограда на помѣщичьемъ точилѣ, конечно, платя за все это установленную пошлину и подвергаясь штрафу за нарушеніе этого общаго правила. Нѣкоторые историки смотрятъ на установленіе помѣщичьихъ баналитетовъ, какъ на узурпацію помѣщиками правъ, принадлежавшихъ раньше общинамъ, которыя владѣли сообща мельницею или хлѣбною печью, но другіе думаютъ, что баналитеты—явленіе, выросшее уже на почвѣ помѣстныхъ отношеній. Банальнымъ обязанностямъ былъ подчиненъ каждый держатель манса въ сеньёріи, если даже онъ былъ рыцаремъ или клеркомъ. На всей территоріи, гдѣ признавалась судебная власть помѣщика, молоть хлѣбъ должны были исключительно на помѣщичьей мельницѣ, и по отношенію къ послѣдней вся эта территорія была *банльё.* За право помола *(multura)* крестьянинъ обыкновенно оставлялъ на мельницѣ въ пользу помѣ-

---

[1]) См. въ слѣдующей главѣ.

щика или мельника-арендатора часть муки, не то извѣстную денежную плату каждый разъ, какъ привозилъ свое зерно на мельницу, если только такая пошлина не замѣнялась ежегодною платою за право производить помолъ на банальной мельницѣ. За нарушеніе баналитета можно было притомъ поплатиться не только штрафомъ, но и конфискаціей муки, смолотой на другой мельницѣ, даже осла, перевозившаго такую муку. Сначала мельникомъ былъ большею частью сервъ, который, такъ сказать, къ ней и прикрѣплялся, продаваясь вмѣстѣ съ нею, когда ее у владѣльца кто-либо покупалъ, но потомъ стали отдавать мельницы въ аренду за ежегодный чиншъ, нерѣдко при этомъ въ наслѣдственное владѣніе, иногда же только въ пожизненное или на опредѣленный срокъ. Все сказанное о мельницахъ можетъ быть отнесено и къ банальной печи, куда приносили свое тѣсто, и къ точилу, куда приносили свой виноградъ, и къ другимъ баналитетамъ, каковы, напр., заведенія для выдѣлки оливковаго масла или въ нѣкоторыхъ случаяхъ кузницы. Бывало и такъ, что сеньёръ продавалъ то или другое изъ своихъ банальныхъ правъ сосѣднему сеньёру или разрѣшалъ своимъ держателямъ выжимать виноградный сокъ на собственныхъ прессахъ, но въ послѣднемъ и аналогичныхъ случаяхъ это дѣлалось за уплату извѣстнаго отступного.

Всѣмъ перечисленнымъ не ограничивались помѣщичьи доходы. Изъ стараго крѣпостного *шеважа* [1]), или поголовной таліи произошелъ, повидимому, еще подымный сборъ, т.-е. оброкъ съ каждаго дыма, или двора: это подымное называлось *фумагіемъ* или *фюмажемъ (fumagium, fumage).* Въ данномъ случаѣ подать, бывшая прежде личною, перелагалась на жилище, какъ въ другихъ перелагалась съ лица на землю, потому что тальябельными назывались не только извѣстной категоріи люди [2]), но и земли. Далѣе, когда помѣщикъ переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто и попадалъ при этомъ въ принадлежавшую ему деревню, ея жители обязаны были дать ему и его людямъ кровъ и продовольствіе, что̀ называлось *droit de gîte,* по-латыни *gistum* или *gista.* Этимъ правомъ могли пользоваться не только сами помѣщики, т.-е. непосредственные господа крестьянъ, но и сеньёры самихъ

---

[1]) См. выше, стр. 75.

[2]) См. выше, стр. 75—76.

помѣщиковъ. И въ пользованіи *гистою,* которое было раньше совершенно произвольнымъ, обычное право выработало свои нормы, сколько чего крестьяне должны были давать, когда пріѣзжалъ помѣщикъ, сколько онъ могъ съ собою привозить людей, которыхъ крестьяне были обязаны прокормить, сколько разъ въ году могли происходить такія помѣщичьи посѣщенія и т. п. И отъ этой повинности, какъ отъ очень тягостной и хлопотливой, крестьяне нерѣдко откупались посредствомъ особыхъ годичныхъ взносовъ въ пользу помѣщика, а къ концу XIII в. *гиста* почти повсемѣстно прямо превратилась въ особый ежегодный оброкъ. Кромѣ того, помѣщикъ, и не оставляя своего мѣстопребыванія, требовалъ у крестьянъ тѣхъ или другихъ предметовъ за самимъ же имъ устанавлявшееся вознагражденіе или въ долгъ безъ опредѣленія срока уплаты, что̀ называлось правомъ *призы (droit de prise).*

Въ настоящей главѣ мы разсмотрѣли вопросъ о томъ, какъ происходила хозяйственная эксплуатація помѣстья въ феодальную эпоху, бывшая главною основою всего экономическаго быта въ средніе вѣка. Это была въ существѣ дѣла эксплуатація крѣпостного или только полусвободнаго земледѣльческаго труда и притомъ не только въ сеньёрьяльномъ, но и въ королевскомъ хозяйствѣ, такъ какъ еще въ XIII в. королевскіе финансы главнымъ образомъ складывались изъ доманіальныхъ доходовъ, т.-е. изъ того, что̀ давали сами королевскія помѣстья. Всѣми правдами и неправдами до поддѣлки жалованныхъ грамотъ и другихъ документовъ, путемъ не только обмановъ и подлоговъ, но и прямого насилія—и по отношенію къ сельской массѣ, и по отношенію къ сосѣднимъ помѣщикамъ—духовные и свѣтскіе сеньёры добивались того, чтобы имѣть подъ своею властью побольше земель, побольше людей, побольше разныхъ отдѣльныхъ «правъ», т.-е. разныхъ доходовъ, чтобы ихъ земли приносили побольше выгодъ, ихъ люди побольше платили повинностей, ихъ шампары, баналитеты и т. п. становились прибыльнѣе. Помѣщикъ на все смотрѣлъ исключительно съ точки зрѣнія своего хозяйскаго интереса, а между тѣмъ на его долю выпадала и другая роль—роль правителя, защитника и опекуна сельскаго населенія, если не государя, то какъ-бы государя людей, населявшихъ его помѣстье.

ГЛАВА IX.

Управленіе и судъ въ феодальномъ помѣстьѣ.

Факторы «огосударствленія» помѣстій.—Сеньёрьяльныя права чеканить монету, разрѣшать торги, устанавливать цѣны на товары, брать съ нихъ провозныя и промышленныя пошлины и т. п.—Воинская повинность помѣстнаго населенія.—Законодательная власть въ помѣстьѣ-государствѣ.—Доманіальное управленіе.—Земельныя описи помѣстій.—Доманіальная юстиція.—Переходъ церковной десятины въ руки помѣщиковъ.—Права помѣщика въ приходѣ.

Жители сеньёріи были не только люди, сидѣвшіе на землѣ помѣщика, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и его подданные. Мы уже видѣли [1]),—хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ только,—какъ произошло раздробленіе верховной власти въ странахъ, на которыя распалась монархія Карла Великаго. Въ этомъ процессѣ болѣе детальнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ особенно нѣкоторые наиболѣе общіе, рѣзче всего бросающіеся въ глаза факторы.

Однимъ изъ факторовъ, если можно такъ выразиться, «огосударствленія» помѣстій былъ *иммунитетъ (immunitas)*, изъятіе, начиная съ эпохи Меровинговъ, отдѣльныхъ помѣстій, сначала главнымъ образомъ духовныхъ, а потомъ и свѣтскихъ, изъ общей администраціи страны, преимущественно въ отношеніяхъ судебномъ и финансовомъ. Посредствомъ иммунитета населеніе сеньёрій освобождалось отъ подвѣдомственности и подсудности мѣстнымъ представителямъ центральной власти, и на самихъ помѣщиковъ переносилось право осуществленія разныхъ правительственныхъ функцій по отношенію ко всѣмъ «ложившимся спать и встававшимъ» (couchans et levans) на его землѣ. Съ другой стороны, дѣйствовалъ *сеніоратъ*, т.-е. постановка человѣкомъ себя подъ опеку и заступничество другого человѣка, который и былъ по отношенію къ нему *сеніоромъ (senior)*, т.-е. старшимъ, откуда произошло и наименованіе помѣщиковъ-госу-

---

[1]) См. выше, гл. IV.

дарей среднихъ вѣковъ сеньёрами. *Senior* и *seigneur,* это—лишь латинская и французская формы одного и того же слова, и если я предлагаю въ однихъ случаяхъ держаться латинскаго произношенія «сеніоръ», а въ другихъ французскаго «сеньёръ», то лишь для того, чтобы оттѣнить различіе между *сеніоратомъ* каролингской эпохи, заключавшемся въ установленіи извѣстныхъ личныхъ отношеній между двумя лицами, и *сеньёріей* эпохи феодальной, когда это была совокупность извѣстнаго количества правъ, въ основѣ которой лежало землевладѣніе. Намъ еще предстоитъ [1]) остановиться на сеніоратѣ и связанномъ съ нимъ *вассалитетѣ*, какъ называлась зависимость лица, признавшаго кого-либо старшимъ надъ собою, здѣсь же укажемъ только, что взаимныя отношенія сеніора и его *васса (vassus)* напоминаютъ въ римскомъ обществѣ взаимныя отношенія патрона и кліента [2]) или въ германскомъ обществѣ отдачу себя въ *mundeburdium* или *mundium* сильнаго человѣка, поступленіе въ число его «вѣрныхъ» (fideles) или просто *левдовъ* (*leude,* откуда нѣм. Leute), т.-е. людей. Сеніоратъ изымалъ изъ непосредственнаго подчиненія государству человѣка, отдавшагося тому или другому господину, и тѣмъ содѣйствовалъ разрушенію непосредственной связи между верховною властью государства и его подданными.

Развитіе иммунитета и сеніората сильно способствовало переходу правъ, входящихъ въ понятіе верховной власти, ко всѣмъ крупнымъ землевладѣльцамъ, разъ изъ владѣнія государства изымались и цѣлыя территоріи, и цѣлые разряды населенія.

До какой степени расползалось по швамъ каролингское государство, лучше всего можно заключить изъ того, что въ феодальную эпоху право чеканки монеты, которое всегда вообще разсматривается, какъ одинъ изъ аттрибутовъ верховной власти [3]), перешло вообще къ сеньёрамъ. Это не значило, чтобы каждый сеньёръ фактически заводилъ свой монетный дворъ, ибо монета—такая вещь, которая изготовляется для обращенія на территоріи, въ сравненіи съ ко-

---

[1]) Въ главѣ X.

[2]) Государство-городъ, стр. 28.

[3]) Для древности см. «Монархіи древняго Востока», стр. 121 и др.

торою обыкновенное помѣстье—величина слишкомъ малая, но кто былъ покрупнѣе и кто могъ навязать употребленіе своей монеты въ сосѣднихъ сеньёріяхъ, тотъ и чеканилъ. Уже въ X в. во Франціи была въ ходу сеньёрьяльная монета, и въ XI столѣтіи первые Капетинги занимались чеканкою своей монеты, какъ и другіе сеньёры покрупнѣе, и извлекая изъ этого выгоду, путемъ измѣненія вѣса и пробы изготовлявшихся на ихъ монетномъ дворѣ денегъ. Это уже не помѣщичье право, а государственное, одна изъ *регалій*, превратившаяся только въ чисто доманіальный аттрибутъ. И высшій надзоръ за торговлею перешелъ въ руки помѣстныхъ сеньёровъ. Каждый изъ нихъ могъ запретить вывозъ какихъ-либо продуктовъ изъ предѣловъ территоріи, на которую распространялась его власть, устанавливать на нихъ обязательную цѣну. Наприм., такъ называемый *banvin (bannum vini)* состоялъ въ правѣ сеньёра не разрѣшать крестьянамъ въ теченіе извѣстнаго времени продавать свое вино, оставляя за собою однимъ привилегію продажи его въ запретный періодъ, чтобы устранить конкуррентовъ съ рынка. Рынки и ярмарки тоже были въ исключительномъ завѣдованіи помѣщика, тогда какъ при Меровингахъ и Каролингахъ устройство ихъ и надзоръ за ними входили въ число функцій публичной власти. Помѣщикъ устраивалъ лотки, лари, лавки и отдавалъ ихъ внаймы, а также заставлялъ пользоваться его собственными мѣрами и вѣсами и взималъ штрафы за нарушеніе предписаній, регулировавшихъ рыночную и ярмарочную торговлю. Съ перевозимыхъ черезъ территорію, подвластную сеньёру, товаровъ взималась особая транзитная пошлина, *пеажъ (péage),* какъ бы за покровительство и защиту, оказываемыя мѣстнымъ владѣльцемъ купцамъ. Эти пеажи брались на дорогахъ при заставахъ и мостахъ, на пристаняхъ и при слѣдованіи вверхъ или внизъ по теченію рѣкъ, откуда ихъ обозначеніе, какъ *барражіевъ*, *понтенажіевъ*, *портажіевъ, монтажіевъ* (при плаваніи вверхъ по рѣкѣ) и *аваляжіевъ* (при плаваніи внизъ по рѣкѣ). На большихъ рѣкахъ, въ родѣ Гаронны, Луары и т. п., то и дѣло по обѣимъ сторонамъ встрѣчались маленькія пеажныя бюро, гдѣ взималась провозная пошлина въ пользу прибрежныхъ сеньёровъ деньгами или натурой, напр., серпами, башмаками, сыромъ и т. п. При продажѣ товаровъ въ доходъ сеньёра шли особыя пошлины, носившія общее наименованіе *tonlieux* и разныя осо-

бенныя названія, смотря по товару. Такъ, напр., соляная пошлина называлась *салагіемъ* (salagium) или *gabella salis:* это та самая *габель (gabelle),* которая впослѣдствіи, превратившись въ королевскую монополію, сдѣлалась однимъ изъ главныхъ косвенныхъ налоговъ въ старой Франціи. Взиманіе этихъ пошлинъ поручалось обыкновенно особымъ *телонеаріямъ (telonearii),* причемъ и самое названіе всякаго косвеннаго налога подобнаго рода *тонлье* есть не что иное, какъ искаженное *teloneum*, стоящее въ связи съ латинскимъ обозначеніемъ мытарей, о которыхъ такъ часто упоминается въ Новомъ Завѣтѣ [1]). Изъ этихъ же *тонлье* произошли впослѣдствіи пошлины, взимаемыя во Франціи при ввозѣ извѣстныхъ продуктовъ въ города и носящія названіе *октруа (octrois).*

Воинская повинность населенія равнымъ образомъ получила въ феодальную эпоху чисто доманіальный характеръ. Мы еще будемъ особо говорить объ обязанности нести службу, падавшей на самихъ сеньёровъ [2]), а здѣсь рѣчь идетъ лишь о крестьянахъ, въ число повинностей которыхъ входила и защита помѣстья отъ внѣшней опасности, превратившаяся въ своего рода барщину—только не для мирныхъ, а для военныхъ цѣлей. Къ этой обязанности причислялись какъ охрана господскаго замка *(droit de guet)*, такъ и участіе въ походахъ и сраженіяхъ. Въ рукахъ у помѣщика и тутъ также была принудительная власть, *bannum*, да и самое ополченіе носило во Франціи названіе *бана (ban)*,—второе ополченіе называлось *arrière-ban*, — откуда и слово *bannière*, знамя. До сихъ поръ въ наукѣ идетъ споръ, вытекало ли право сеньёра требовать отъ жителей военной службы изъ унаслѣдованія имъ правъ прежней королевской власти, или имѣло основу въ помѣстныхъ отношеніяхъ. Сэ именно думаетъ, въ противность большинству историковъ, что обязанность защищать помѣстье отъ внѣшнихъ враговъ была чисто доманіальнаго происхожденія: кто обрабатывалъ землю, тотъ долженъ былъ и защищать ее, и исполненія этой обязанности помѣщикъ могъ требовать въ качествѣ просто землевладѣльца [3]). Однимъ

---

[1]) О значеніи этого слова см. «Монархіи древняго Востока» стр. 273, примѣч. 1.

[2]) Въ главѣ XI, стр. 122 и слѣд.

[3]) *Sée*, стр. 369—370 и др.

изъ историковъ, которому названный ученый въ данномъ случаѣ возражаетъ, является Флякъ, авторъ въ высшей степени важнаго труда «Происхожденіе старой Франціи» [1]), выводящій, наоборотъ, изъ присвоенія сеньёрами разныхъ публичныхъ функцій и доходовъ, включая сюда, между прочимъ, какъ и баналитеты, такъ и военную службу обывателей.

Спорность вопроса о происхожденіи многихъ правъ сеньёра, имѣющихъ, въ сущности, публичный характеръ, какъ мы видѣли [2]),—сама по себѣ весьма знаменательный фактъ, указывающій на то, что процессъ феодализаціи и заключался, именно, въ смѣшиваніи частно-правовыхъ и публично-правовыхъ отношеній и порядковъ, «помѣстья» съ «государствомъ». Помѣщикъ былъ и законодателемъ для своихъ крестьянъ, причемъ, однако, съ одной стороны, многое здѣсь регулировалось обычнымъ правомъ, въ созданіи котораго важную роль играли фактическія отношенія, закрѣплявшіяся давностью и игравшія роль юридическихъ прецедентовъ, а съ другой, чисто юридическія нормы перепутывались съ хозяйственными распоряженіями землевладѣльца. Если уже законодательство Каролинговъ носитъ такой характеръ собранія полугосударственныхъ, полупомѣстныхъ распоряженій короля (имѣю въ виду знаменитый капитуларій Карла Великаго *de villis*), то и подавно это должно было происходить въ феодальныхъ помѣстьяхъ. Здѣсь не было ни деревенскаго вѣча, ни какого-либо собранія представителей, которые принимали бы рѣшенія обязательныя для всѣхъ. Личная воля помѣщика была закономъ, особенно когда чуть не все населеніе территоріи состояло изъ крѣпостныхъ. И дѣйствительно, трудно различить, гдѣ помѣщикъ является наслѣдникомъ прежняго рабовладѣльца, и гдѣ — однимъ изъ преемниковъ власти прежнихъ королей. Только съ теченіемъ времени обычное право,—*кутюмы (coutumes)*, какъ ихъ называютъ,— начинаетъ стѣснять и ограничивать помѣщичій произволъ, или сервы и вилланы вступаютъ въ договорныя отношенія съ помѣщикомъ, кладущія предѣлъ его произвольнымъ распоряженіямъ.

---

[1]) *Jacques Flach*. Les origines de l'ancienne France. Paris. 1886, 1893 и 1904 (три тома).

[2]) См. выше, стр. 80 и слѣд.

Не нужно думать, однако, чтобы помѣщикъ самолично хозяйничалъ и управлялъ въ своемъ помѣстьѣ, особенно если оно было хоть сколько-нибудь покрупнѣе. Въ каждомъ большомъ помѣстьѣ мы встрѣчаемъ, именно, должность нáбольшаго или старшаго, *мэра* (maire, отъ лат. major бóльшій, старшій, откуда и нѣм. Meyer), который есть прямое продолженіе *вилликa* римской эпохи [1]). Мэръ могъ быть и сервомъ, и вилланомъ, но чаще всего эта должность освобождала не только отъ разныхъ повинностей въ пользу сеньёра, но и отъ самаго серважа, по крайней мѣрѣ, на время несенія обязанностей старосты. Обыкновенно, впрочемъ, должность была пожизненной, если не de jure, то de facto, а въ иныхъ случаяхъ она становилась и наслѣдственной. Установленіе наслѣдственнаго занятія своихъ мѣстъ—одно изъ характернѣйшихъ явленій средневѣковой соціальной жизни [2]), благодаря чему и мэръ былъ не только главнымъ приказчикомъ своего помѣщика, но въ нѣкоторой степени и собственникомъ этой доманіальной должности. Не онъ притомъ получалъ жалованье отъ помѣщика, а самъ еще платилъ ему нѣчто въ родѣ аренды, такъ какъ въ распоряженіи его, кромѣ обычнаго манса, была извѣстная доля постоянныхъ помѣщичьихъ доходовъ и случайныхъ штрафовъ. Нерѣдко мэріи [3]) добивались даже «благородные». Что касается до компетенціи мэра, то онъ завѣдовалъ всѣмъ хозяйствомъ, взималъ всѣ платежи, наблюдалъ за исполненіемъ барщинныхъ повинностей, провѣрялъ правильность вѣсовъ и мѣръ, судилъ и рядилъ въ менѣе важныхъ дѣлахъ и былъ начальникомъ всѣхъ служащихъ въ помѣстьѣ, каковы лѣсные сторожа, пастухи и т. п., а также и разнаго рода *сержанты (servientes, sergeants)*. Между послѣдними отмѣтимъ встрѣчающихся на югѣ *банньеровъ* (banniers), низшихъ агентовъ полицейской власти помѣщика, его *bannum*'a. И среди доманіальныхъ сержантовъ была сильна тенденція къ превращенію своихъ должностей въ наслѣдственную собственность, какъ и у мэровъ, ибо и они также вознаграждались за свою службу частью повинностей и штрафовъ, взимавшихся съ крестьянъ.

Въ болѣе крупныхъ сеньёріяхъ, переходившихъ уже въ

[1]) См. выше, стр. 57.

[2]) См. выше, стр. 37—38.

[3]) Мы увидимъ еще, что мэрія могла быть настоящимъ феодомъ.

подобіе княжествъ или дѣйствительно бывшихъ княжествами, была еще должность *превота* (prévot, prévost, praepositus), подъ начальствомъ котораго могло быть нѣсколько мэровъ,— должность, которой на югѣ Франціи соотвѣтствовала должность *байлей* или *байюловъ (bailes, bajuli)*, причемъ и превотства, и байюльства тоже дѣлались наслѣдственными. Превотъ уже не простой управляющій имѣніемъ, а до нѣкоторой степени агентъ публичной власти, издающій распоряженія полицейскаго характера, располагающій военной силой, завѣдующій сеньёрьяльнымъ судомъ. Еще болѣе значеніе государственной должности принадлежало *бальивамъ* (bailli) и *сенешаламъ* (sénéchal), которые стояли надъ превотами въ такихъ владѣніяхъ, какъ Нормандія, Бургундія и т. п. Всѣ эти сеньёрьяльныя власти отличались произвольностью и грабительскими наклонностями, о чемъ постоянно раздаются жалобы въ средневѣковыхъ памятникахъ.

Въ видѣ слѣдовъ былой хозяйственно-административной дѣятельности управителей средневѣковыхъ помѣстій дошли до нашего времени многочисленныя помѣстныя записи, дающія намъ понятіе о составѣ владѣній и о доходахъ феодальныхъ сеньёровъ. Одна изъ такихъ писцовыхъ книгъ, «Полиптикъ аббата Ирминона», лѣтъ 60 тому назадъ дала французскому ученому Герару возможность на примѣрѣ С.-Жерменскаго аббатства, которому принадлежалъ этотъ «Полиптикъ», представить цѣлую картину помѣстнаго и крестьянскаго быта въ средніе вѣка, чтó, собственно говоря, и положило начало научной разработкѣ этого вопроса[1]). И до сихъ поръ въ изслѣдованіяхъ, касающихся сельскаго быта Франціи въ эпоху Каролинговъ, сильно пользуются этимъ важнымъ памятникомъ [2]). Тотъ же Герaръ издалъ еще нѣсколько болѣе поздній (изъ IX в.) полиптикъ Реймскаго діэцеза (епархіи) подъ заглавіемъ «Polyptychum sancti Remigii», равнымъ образомъ дающій массу матеріала для сужденія о томъ, чтó представляли собою феодальное помѣстье и его населеніе [3]). Чѣмъ ближе мы подходимъ къ исходу средневѣковой эпохи, тѣмъ

---

[1]) *Guérard*. Prolegomènes au Polyptique de l'abbé Irminon. Paris. 1844. Этотъ полиптикъ относится къ VIII вѣку.

[2]) См., напр., *М. Ковалевскій*. Экономическій ростъ Европы, т. I, гл. 8.

[3]) Тамъ же, т. I, гл. 16. Ср. приложеніе II.

въ большемъ количествѣ доходятъ до насъ подобныя земельныя описи, или *censiers* и другого рода документы, свидѣтельствующіе о томъ, чѣмъ владѣло то или другое помѣстье между прочимъ и хартіи, изъ которыхъ слагаются цѣлые хартуларіи (cartulaires). Наприм., одинъ монахъ монастыря св. Васта въ Аррасѣ по приказанію своего аббата собралъ въ концѣ XII в. и списалъ всѣ документы, на основаніи которыхъ монастырь владѣлъ такими-то и такими-то землями, получалъ такіе-то и такіе-то доходы и т. п. Что подобные памятники сохранились главнымъ образомъ отъ управленій церковными и монастырскими имѣніями, весьма понятно: среди клириковъ и монаховъ было все-таки больше грамотныхъ людей.

Отъ вопроса объ управленіи средневѣковыми помѣстьями переходимъ къ организаціи въ нихъ судебной власти.

Слово *юстиція* (justicia, justice) въ феодальную эпоху обозначало нѣчто гораздо большее, чѣмъ правосудіе, судебную власть, отправленіе судейской функціи: въ немъ выражалось почти то же самое, что заключалось въ римскомъ понятіи «имперія» [1]) или въ современномъ понятіи «суверенитета». Юстиція—не что иное, именно, какъ верховная власть, въ которой судебное право только подчеркивалось и выдвигалось на первый планъ. Помѣщикъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій судья въ своемъ помѣстьѣ, юстиціарій, что и выражалось въ названіи его *сеньеръ-жюстисье* (*seigneur-justicier*), названіе же правителя судьею—дѣло обычное на низшихъ ступеняхъ развитія [2]).

Гдѣ былъ источникъ собственно судебной власти сеньёра? Сэ, согласно съ общимъ характеромъ своего взгляда на сущность доманіальнаго режима, настаиваетъ на томъ, что первоначальная судебная власть помѣщика, всегда бывшая отличной отъ юстиціи публичной, вытекала непосредственно изъ власти господина надъ его рабами и надъ землями, составлявшими его достояніе. Поэтому-то, именно, думаетъ онъ, юстиція, какъ и всякая другая собственность, могла передаваться, дѣлиться и инфеодироваться [3]). Въ томъ, что при обычномъ смѣшеніи частно-правовыхъ и публично-правовыхъ

---

[1]) Государство-городъ, стр. 142 и Монархіи др. В., стр. 186.

[2]) Государство-городъ, стр. 37—38 и Монархія др. В., стр. 30 и 5—36.

[3]) Значеніе термина объясняется ниже, въ главѣ X.

отношеній и понятій и право суда могло и должно было превратиться въ частную собственность, нѣтъ ничего удивительнаго, но это еще не есть доказательство того, что сеньёрьяльный судъ является исключительно продолженіемъ расправы, чинившейся господиномъ надъ ихъ рабами. Да и на дѣлѣ нерѣдко,—какъ на то указываетъ самъ Сэ,—право суда принадлежало какъ-разъ не самому помѣщику, что едва ли можно объяснить такъ, какъ хочетъ это сдѣлать Сэ, будто бы всѣ случаи такого рода были результатами частныхъ сдѣлокъ между сосѣдними сеньёрами, въ силу которыхъ право суда отдѣлялось отъ обладанія помѣстьемъ. Не указываетъ на исключительно доманіальное происхожденіе сеньёрьяльнаго права суда и то еще обстоятельство, что помѣщики смотрѣли на свою юстицію, главнымъ образомъ, какъ на источникъ дохода. Что дѣло обстояло такъ, это вѣрно, и пусть даже заявленія помѣщиковъ-юстиціаріевъ, что они преслѣдуютъ преступныя покушенія на личную и имущественную безопасность населенія, дѣлались лишь для отвода глазъ отъ самой сути дѣла, но развѣ это само по себѣ есть аргументъ противъ того, что къ помѣщикамъ, съ разложеніемъ верховной власти государства, перешли въ числѣ другихъ функцій и ея судебныя функціи?

Превращеніе функціи, по существу своему публичной,—принадлежала ли она раньше органамъ судебной власти, назначеннымъ государствомъ, или самой общинѣ свободныхъ людей (тамъ, гдѣ сеньерія развилась изъ марки),—превращеніе этой публичной функціи въ частную собственность искажало самую идею суда. Юстиція сдѣлалась въ рукахъ помѣщиковъ одною изъ доходныхъ статей помѣстья, такъ какъ отправленіе суда сопровождалось полученіемъ пошлинъ, наложеніемъ штрафовъ и конфискаціями. Право господскаго суда, бывшее первоначально правомъ судить своихъ крѣпостныхъ, гдѣ бы они ни жили, въ феодальную эпоху получило характеръ строго территоріальный: *жюстисьяблями* (*justiciables*) сеньёра были всѣ держатели и обыватели, «ложившіеся спать и встававшіе» въ его сеньеріи.

По объему судебныхъ правъ или, что то же, по той степени суверенности, на которой стояли отдѣльные члены іерархической лѣстницы сеньёровъ, право суда было или высшимъ, или низшимъ, что различается главнымъ образомъ съ XII в., а позднѣе прибавилась и средняя между ними

ступень. Они такъ и назывались *haute justice*, *basse justice* и *justice moyenne*. Низшее право суда было по преимуществу доманіальнаго характера: оно простиралось на процессы, касавшіеся оброковъ и повинностей, но захватывало также дѣла по долгамъ, договорамъ, похищеніямъ чужой собственности и дракамъ безъ пролитія крови. Высшій штрафъ, который могъ налагаться въ случаяхъ подобнаго рода, не превосходилъ 60 су. Высшая юстиція, находившаяся въ рукахъ герцоговъ и графовъ и лишь въ болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ принадлежавшая сеньёрамъ и рангомъ пониже, имѣла самымъ несомнѣннымъ образомъ государственный характеръ. Ей подлежали уголовныя дѣла объ убійствахъ, разбояхъ, грабежахъ, поджогахъ и т. п., по которымъ полагалась смертная казнь, откуда названіе высшаго права суда *justicia sanguinis* (буквально: юстиція крови). Символомъ власти владѣльца высшей юстиціи (haut justicier) была висѣлица. Судъ обыкновенно производился сеньеромъ въ регулярныхъ общихъ собраніяхъ (*placita generalia*, *plaids généraux*), на которыхъ должны были присутствовать жители помѣстья подъ страхомъ уплаты штрафа за отсутствіе; но позднѣе это дѣло поручалось мэру или превоту, послѣднему—въ дѣлахъ высшей юстиціи.

Закончимъ эту главу, въ которой на первомъ планѣ поставлено присвоеніе сеньёрами отдѣльныхъ правъ государства, еще одной аналогичной чертой. Закономъ Карла Великаго была установлена обязанность всѣхъ землевладѣльцевъ платить въ пользу церкви *десятину* (*decima*, *dîme*). Такъ какъ многія церкви сдѣлались частною собственностью, то въ такую же собственность превратились въ соотвѣтственныхъ случаяхъ и десятинные сборы, а съ ними и другіе церковные доходы, наприм., плата за погребеніе и разныя благочестивыя приношенія въ церковь. Помѣщики изъ своихъ собственныхъ церквей сдѣлали нѣчто, напоминающее баналитеты: крестьянинъ долженъ былъ обращатьси къ настоятелю доманіальной церкви, а не къ какому-либо другому священнику, и сеньеры нерѣдко особенно хлопотали о томъ, чтобы границы помѣстья и прихода были по возможности однѣ и тѣ же. Самъ приходскій священникъ при такомъ порядкѣ вещей превращался въ доманіальное должностное лицо, у котораго былъ свой мансъ или бенефицій. Почему мѣсто настоятеля прихода (*curatus*, *curé*) также было не отдавать

въ аренду? И на самомъ дѣлѣ это равнымъ образомъ случалось. Самая десятина, оставшаяся, какъ это и слѣдовало по существу дѣла, въ рукахъ епископовъ и аббатовъ, начала разсматриваться послѣдними, какъ одинъ изъ ихъ доманіальныхъ доходовъ. Духовные, при всемъ томъ, старались всячески увеличивать размѣръ десятины [1]) и умножать число предметовъ, подлежавшихъ обложенію.

ГЛАВА X.

Происхожденіе феодальной іерархіи помѣстій-государствъ.

Феодальныя войны.—Божій миръ и Божіе перемиріе. — Соединеніе мелкихъ политическихъ организмовъ въ федераціи подъ гегемоніей одного изъ нихъ.—Происхожденіе вассалитета.—Признаніе вассалитета законодательствомъ Каролинговъ.—Образованіе связи между вассалитетомъ и раздачею бенефиціевъ.—Превращеніе должностей въ бенефиціи.—Что такое феодъ.

Если бы въ томъ процессѣ феодализаціи, который ранѣе всего и полнѣе всего завершился во Франціи и въ Италіи, каждое помѣстье вполнѣ сдѣлалось государствомъ, совершенно отдѣльнымъ и совершенно независимымъ, то произошло бы абсолютное распаденіе обѣихъ этихъ странъ на массу мельчайшихъ политическихъ организмовъ, отношенія между которыми имѣли бы исключительно международный характеръ, какъ это было, наприм., между государствами-городами Греціи [2]). Впрочемъ, отчасти оно такъ и было, потому что феодальные владѣльцы, крупные и мелкіе, вели между собою войны. Историки не разъ уже отмѣчали, что феодальная эпоха не могла быть эпохою большихъ войнъ между націями, потому что мѣсто такихъ войнъ заняли мѣстныя или частныя войны. Каждому сеньеру въ принципѣ принад-

---

[1]) Размѣръ ея не былъ непремѣнно одной десятой.

[2]) Государство-городъ, стр. 232 и слѣд.

лежало право войны со всякимъ другимъ сеньеромъ, кромѣ того, чьимъ вассаломъ онъ себя признавалъ. Каждая ссора между двумя сосѣдними сеньерами, каждая такая распря, или *файда,* какъ ее называли, получавшая нерѣдко характеръ фамильной вражды, переходила большею частью въ военное столкновеніе, въ которомъ принимали участіе и жители обѣихъ сеньерій: сеньеръ съ членами своей семьи и домочадцами, его вассалы и его подданные, кто по внутреннему влеченію, а кто по обязанности, налагавшейся родствомъ, вассальнымъ договоромъ или прямо подчиненностью сеньеру. Феодальная эпоха была временемъ крайняго развитія частныхъ войнъ, когда каждый сильный человѣкъ, кромѣ Бога, опирался исключительно на свой мечъ, и когда весь бытъ принялъ военную окраску. Центрами политической жизни, удалившейся изъ городовъ въ деревню, сдѣлались барскія усадьбы, которыя изъ открытыхъ дворовъ (*curtis*) превратились теперь въ укрѣпленія, начавшія и обозначаться соотвѣтственнымъ латинскимъ словомъ *castellum,* откуда французское *château,* замокъ. Населеніе замка состояло изъ господина, его родни (*parenté*) и цѣлой дружины вассаловъ и слугъ сеньера, которые вмѣстѣ составляли какъ бы особый военный классъ, господствовавшій надъ сельскимъ населеніемъ. Когда на сеньерію дѣлалось нападеніе, замокъ былъ надежною защитою, ибо въ немъ легко было отсиживаться отъ нападающихъ, если оказывалось затруднительнымъ сразу прогнать непріятеля; деревни же вообще были добычею грабежа и насилій всякаго рода, да и когда господа ссорились между собою, крестьянамъ приходилось плохо. Военное дѣло превратилось въ призваніе господствующаго класса общества, профессіей дворянскаго сословія, весь внутренній міръ и внѣшній бытъ котораго стали воинственными по преимуществу. Замокъ и рыцарь—понятія соотносительныя, и мы еще увидимъ, чѣмъ было рыцарство съ его особымъ міросозерцаніемъ, со своею своеобразною эпической и лирической поэзіей, со своими исключительными бытовыми чертами въ нравахъ и обычаяхъ вплоть до обрядностей и костюма. Феодальная эпоха—царство кулачнаго права (Faustrecht), какъ окрестили въ Германіи вторую половину XIII в., когда и до этой страны дошла очередь внутреннихъ войнъ и междоусобій, надолго сдѣлавшихъ земскій миръ предметомъ страстныхъ, но безплодныхъ мечтаній мирнаго и трудового населенія.

Единственною культурною силою, которая стремилась внести замиреніе въ эту общую анархію, порядокъ въ этотъ хаосъ, тамъ, гдѣ безсильною оказывалась это сдѣлать власть, единственною такою силою была католическая церковь, несмотря на то, что высшія духовныя лица сами были феодальными сеньерами, а ихъ резиденціи тоже превратились въ замки. Церкви, именно, принадлежала иниціатива такъ называемыхъ *Божьихъ мира* и *перемирія* (*pax Dei, treuga Dei, trève de Dieu*).

Было время, когда на всемъ громадномъ пространствѣ земель, окружающихъ Средиземное море, отдѣльные народы, царства и городовыя республики, здѣсь существовавшіе, были замирены Римомъ, и *римскій миръ* (*pax romana*), прославлявшійся писателями, царилъ на всемъ этомъ пространствѣ [1]). Но римскій миръ давно исчезъ съ государствомъ, которое его осуществило. Попытка Карла Великаго воскресить имперію кончилась полною неудачею, и въ государствахъ, вышедшихъ изъ раздѣла имперіи, королевская власть оказалась слишкомъ слабой для поддержанія внутренняго мира. Но какъ-разъ въ эту же самую эпоху въ Западной Европѣ стала складываться другая универсальная монархія, духовная монархія папства, и именно въ эту пору церковь взяла на себя иниціативу установленія внутренняго мира, который и былъ *миромъ Божіимъ*. Сопоставленіе между двумя замиреніями, которое мы сдѣлали, обязываетъ насъ, однако, оговориться, что *римскій миръ* былъ въ свое время гораздо дѣйствительнѣе *мира Божія*, установленнаго въ средніе вѣка католическою церковью, которая даже была вынуждена прибѣгнуть къ замѣнѣ полнаго мира (pax), по крайней мѣрѣ, временными перемиріями, т.-е. нѣкоторыми опредѣленными періодами общаго перемирія (treuga), когда церковью совсѣмъ не разрѣшалось воевать.

Божій миръ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ иниціативѣ епископовъ Аквитаніи и Бургундіи, но первоначально онъ былъ придуманъ и проповѣдовался на мѣстныхъ соборахъ X и XI вв., главнымъ образомъ, въ цѣляхъ огражденія церквей и монастырей съ ихъ имѣніями и подвластными имъ людьми отъ насилій и грабежей свѣтскихъ бароновъ. Ради этого епископы и аббаты съѣзжались на со-

---

[1]) *О pax romana* см. «Монархіи древняго Востока», стр. 267.

бранія мира и провозглашали анаѳемы противъ насильниковъ, пока не стали вступать между собою и со свѣтскими сеньёрами въ формальные договоры о мирѣ, причемъ каждый такой договоръ (*pactum pacis*) сталъ скрѣпляться самыми торжественными клятвами на мощахъ святыхъ, какъ это было въ обычаѣ среднихъ вѣковъ. Кромѣ отлученія отъ церкви отдѣльныхъ лицъ, въ рукахъ высшаго духовенства было еще одно сильное средство воздѣйствія—наложеніе интердикта на всю сеньёрію виновнаго въ нарушеніи мира или, какъ выражается одинъ новѣйшій историкъ, забастовка духовныхъ [1]), прекращеніе въ цѣлой округѣ мессы и таинствъ брака, крещенія и другихъ требъ, наприм., погребенія. Въ 1038 г. на соборѣ въ Буржѣ учрежденіе Божьяго мира получило правильную организацію, и устроена была для его защиты особая епархіальная милиція, въ которой должны были участвовать цѣлые приходы, предводимые клириками, по выраженію того же историка, «національная гвардія, назначеніемъ которой было держать въ респектѣ феодализмъ». Съ этого именно времени, когда идея мира пріобрѣла и общее освященіе церкви, признавшей въ немъ установленіе самого Бога, онъ и получилъ свое обычное названіе. Собственно говоря, идея была популярна лишь въ клирѣ да въ простомъ народѣ, а воинственныхъ сеньёровъ трудно было отвратить отъ войны, и вотъ въ видѣ уступки явилось смягченіе Божьяго мира подъ названіемъ только Божьяго перемирія, первые слѣды чего восходятъ къ 1027 г., когда на одномъ соборѣ было запрещено воевать съ девятаго часа субботы до перваго часа понедѣльника. Потомъ этотъ промежутокъ времени былъ удлиненъ, и вообще духовенство сочетало оба установленія, поставивъ подъ охрану мира извѣстныя лица (клириковъ, вдовъ, сиротъ и т. п.), подъ охрану же перемирія—время съ вечера середы до утра понедѣльника, а позднѣе и другіе періоды времени по годовымъ праздникамъ. Во второй половинѣ XI в. во главѣ всего этого предпріятія, направленнаго противъ феодальныхъ войнъ, стало само папство. Къ сожалѣнію, результаты всѣхъ этихъ стараній были не особенно значительны.

Церковныя постановленія объ ограниченіи войнъ напо-

---

[1]) *Achille Luchaire* въ коллективной «Histoire de France» подъ ред. *E. Lavisse*, вторая половина II тома, стр. 135.

минаютъ намъ аналогичные религіозные обычаи древней Греціи, такъ называемые амфиктіонійскіе союзы [1]), которые тоже вносили нѣкоторое замиреніе въ среду враждовавшихъ между собою государствъ-городовъ. Но есть и другая аналогія, болѣе важная: это—образованіе изъ мелкихъ политическихъ организмовъ, т.-е. государствъ-городовъ въ древности и помѣстій-государствъ въ средніе вѣка—болѣе крупныхъ политическихъ организацій въ формѣ союзовъ подъ гегемоніей одного изъ осоюзенныхъ государствъ, будетъ ли то политія, какъ въ древности, или сеньёрія, какъ въ средніе вѣка [2]). Завязывались ли новыя отношенія или еще не совсѣмъ оказывались распавшимися старыя узы, суть дѣла въ средніе вѣка была одна: нѣсколько, т.-е. большее или меньшее число сеньёрій образовывало связную политическую группу, причемъ одинъ изъ членовъ этой группы игралъ роль ея главы, былъ нѣкоторымъ образомъ ея гегемономъ, если пользоваться греческимъ терминомъ, а другіе—его подчиненными союзниками, причемъ, какъ это случалось и въ Греціи съ государствами-городами, гегемонія изъ предводительства, изъ первенства превращалась въ господство, въ главенство, какъ это было и въ исторіи Рима и союзныхъ съ нимъ общинъ. На этомъ, однако, и останавливается сходство, потому что въ средневѣковомъ политическомъ строѣ такія отношенія устанавливались не между государственными общинами, а между владѣльцами, т.-е. получали характеръ болѣе личный, и кромѣ того, сами эти личныя взаимоотношенія владѣльцевъ являлись своего рода копіей договоровъ, заключавшихся между болѣе сильнымъ человѣкомъ и болѣе слабыми людьми въ быту частномъ. Не всѣ сеньёры были одинаково богаты и сильны по величинѣ и количеству помѣстій, имъ принадлежавшихъ, да кромѣ того, большее значеніе однихъ сравнительно съ другими подчеркивалось часто титуломъ графа или герцога, и вотъ, когда отдѣльныя сеньёріи складывались въ особыя политическія организаціи, то это и происходило въ формѣ союза подъ гегемоніей наиболѣе богатаго и сильнаго сеньёра, съ которымъ, собственно говоря, каждый отдѣльный сеньёръ и заключалъ сепаратный договоръ, связывавшій всѣхъ членовъ группы между собою лишь при по-

---

[1]) Государство-городъ, стр. 237.

[2]) Государство-городъ, глава XV.

средствѣ того сеньёра, гегемонія котораго признавалась остальными. И въ послѣднемъ отношеніи наблюдается нѣкоторое сходство съ политическими объединеніями классической древности, когда, наприм., Римъ заключалъ союзы съ отдѣльными гражданскими общинами, не бывшими, наоборотъ, между собою въ союзныхъ отношеніяхъ. Наконецъ, въ виду того, что въ основѣ феодальныхъ соединеній лежали личные договары сеньёровъ, только и было возможнымъ возникновеніе іерархическихъ гегемоній: данный герцогъ или графъ, подъ гегемоніей котораго составлялся цѣлый комплексъ болѣе мелкихъ сеньерій, могъ въ свою очередь входить со всѣми своими владѣніями и владѣніями своихъ союзниковъ въ комплексъ нѣсколькихъ такихъ графствъ подъ гегемоніей еще высшаго сеньёра—короля.

Остановимся теперь на той личной связи частнаго характера, которая связывала сеньёра-гегемона съ каждымъ изъ сеньёровъ-союзниковъ, разумѣя тутъ, конечно, съ одной стороны, *сюзерена* (*suzerain*), съ другой, *вассала* (*vassal*), какъ назывались сеньёры этихъ двухъ ранговъ въ средніе вѣка. Прежде всего—вопросъ о происхожденіи этой формы отношеній. Германисты, т.-е. историки, выводящіе основы феодальнаго строя изъ древнегерманскаго быта [1]), находятъ уже въ немъ зачаточную форму отношеній, развившихся вполнѣ въ феодальную эпоху въ вассалитетѣ. Это не что иное, какъ дружина, общее понятіе о которой имѣетъ всякій, кто, наприм., знаетъ хотя бы только русскую исторію. И у русскихъ князей были дружины, составлявшіяся изъ свободныхъ военныхъ товарищей, которые стояли лишь въ отношеніяхъ личной вѣрности къ своему вождю, князю. Дружинники, это—*левды* [2]) меровингской эпохи, изъ которыхъ и вышли позднѣе вассальные владѣльцы эпохи феодальной. Такъ какъ дружину могли имѣть не только короли, но и вообще знатные люди, то это, вдобавокъ, вело къ разложенію самого государства. Такое объясненіе, несмотря на свою заманчивую простоту, теперь оставлено въ виду вообще того, что возникновеніе феодальныхъ учрежденій не было такъ просто [3]). Но аналогія все-таки въ этомъ объясненіи

---

[1]) См. выше, стр. 10.

[2]) См. выше, стр. 97.

[3]) См. выше, стр. 10 и 20—23.

схвачена вѣрно: и тутъ, и тамъ передъ нами личная связь вождя съ вольнымъ боевымъ товарищемъ, столь отличная и отъ отношенія государственнаго подданства, и отъ подчиненія, въ какомъ находится рабъ или крѣпостной у своего господина. Но формы такой связи могли быть весьма различны, вплоть до перехода ея дѣйствительно въ крѣпостное подчиненіе, общее же во всѣхъ этихъ формахъ то, что основою ихъ является частный договоръ, только съ весьма различными условіями въ смыслѣ сохраненія за подчиняющимся той или другой мѣры личнаго достоинства и въ отношеніи характера тѣхъ обязанностей, какія бралъ на себя подчиняющійся.

И въ Римѣ, и въ Галліи, изъ которой произошла Франція, и среди германцевъ свободные люди очень часто поступали на службу къ тѣмъ или другимъ лицамъ и за покровительство, которое послѣднія могли имъ оказывать, отчуждали часть своей свободы. Это называлось въ римскую эпоху *коммендировать себя* (*se commendare*). У варваровъ тоже существовала подобная *коммендація*, и въ числѣ могущественныхъ лицъ, которымъ можно было коммендироваться, былъ и король. Хотя, повидимому, король долженъ былъ оказывать покровительство всѣмъ подданнымъ государства, но тутъ устанавливались особыя отношенія, причемъ королевскими *людьми* (*leudi*) [1]) становились обыкновенно извѣстныя категоріи лицъ, какъ-то: епископы и аббаты, чиновники, лица, получившія отъ короля землю, купцы, евреи и т. п. Другими лицами, кому можно было коммендироваться въ меровингскую эпоху, являются герцоги, графы и вообще всѣ богатые и сильные люди. Обѣщая повиноваться и служить, коммендировавшійся оговаривалъ, что его служба (servitium) будетъ совершаться свободнымъ способомъ (ingenuili ordine), но самая служба должна была быть пожизненной, что тоже оговаривалось прямо въ обѣщаніи подчиненія. Мало-по-малу, однако, и здѣсь устанавливался принципъ наслѣдственности, тѣмъ болѣе, что коммендировавшійся очень часто получалъ землю, которую наслѣдникъ его только и могъ сохранить подъ условіемъ такой же коммендаціи. Выше было уже сказано, что въ этихъ личныхъ отношеніяхъ одинъ былъ *сеніоромъ* другого, который въ свою очередь назывался *левдомъ,*

---

[1]) См. выше, стр. 97.

иногда *газиндомъ* (*gasindus*), а съ конца VII в. *вассомъ* (*vassus*) [1]),—терминъ, которымъ и замѣняется мало-по-малу вышедшій изъ употребленія терминъ «левдъ». Въ каждомъ графствѣ, на какія распадалась Франкская монархія [2]), около мѣстныхъ сеніоровъ группировалось большее или меньшее число вассаловъ, а сеніоры со своими вассалами—около графа, какъ въ свою очередь графы около герцога, если таковой былъ, или около короля. Закону оставалась совершенно чуждою и неизвѣстною эта іерархія личныхъ связей между сеніорами и вассалами, но она пустила глубокіе корни въ жизнь и впослѣдствіи дополнилась системой, въ которой главную роль играли уже не личныя, а поземельныя отношенія. Это произошло тогда, когда развившаяся рядомъ съ вассалитетомъ, но совершенно сначала отъ него отличная система бенефиціевъ срослась съ нимъ въ одно неразрывное цѣлое, что наблюдается уже въ каролингскую эпоху. Послѣ смерти Карла Великаго, особенно во время распаденія его монархіи, почти уже не оставалось свободныхъ людей, которые не были бы чьими-либо вассалами. Съ другой стороны, законодательство Каролинговъ, начиная съ капитуларіевъ самого Карла Великаго, признало, какъ правовой институтъ, взаимныя отношенія сеніоровъ и вассаловъ, и даже установило извѣстные принципы этихъ отношеній, одинаково обязательные для тѣхъ и для другихъ. Карлъ Великій неоднократно заявлялъ, что каждый свободный человѣкъ имѣетъ право выбрать себѣ сеніора, въ лицѣ ли самого государя, или кого-либо изъ чиновныхъ либо совершенно частныхъ людей. Преемники Карла Великаго тоже не разъ это повторяли въ своихъ капитуларіяхъ. Одинъ капитуларій 805 г. (тіонвилльскій) признаетъ, что въ королевствѣ есть три вида присяги: судебная, вѣрноподданическая и та, которую даютъ своему сеніору, причемъ послѣдняя тоже должна была связывать на всю жизнь, развѣ только сеніоръ побьетъ вассала палкой, задумаетъ его убить или обратить въ рабство, обезчеститъ его жену или дочь и упорно будетъ отказывать ему въ покровительствѣ. Въ началѣ IX в. вообще узы вассалитета были пожизненными, пока въ живыхъ находились и самъ сеніоръ, и его вассалъ. Такимъ образомъ у самого

[1]) См. выше, стр. 97.

[2]) См. выше, стр. 38 и слѣд.

Карла Великаго были двоякаго рода подданные: тѣ, коими онъ могъ повелѣвать, какъ король (потомъ императоръ), и тѣ, по отношенію къ которымъ у него были еще особыя права, какъ ихъ сеніора, и на этой-то послѣдней категоріи лицъ, на вассалахъ, на «вѣрныхъ» (fideles), какъ они еще назывались, основывалось все управленіе государствомъ. Король призывалъ въ войско своихъ «вѣрныхъ», а тѣ приводили съ собою своихъ вассаловъ. Съ другой стороны, королевскій вассалъ считалъ себя неподсуднымъ королевскому намѣстнику, графу, а требовалъ, чтобы его судилъ самъ король въ качествѣ его сеніора.

На первыхъ ступеняхъ своего развитія вассалитетъ не былъ связанъ съ награжденіемъ коммендирующагося землею. Тѣмъ не менѣе, однако, эти личныя отношенія въ договорѣ осложнялись аграрными, потому что иногда у вассала была своя земля, съ которою онъ и коммендировался, получая ее обратно уже въ видѣ бенефиція [1]), или что самъ сеніоръ давалъ ему бенефицій, а также, что лицо, получившее бенефицій безъ вассальной присяги, тѣмъ не менѣе давало моральное обязательство, по содержанію своему близкое къ такой присягѣ. Мало-по малу системы вассалитета и бенефиціевъ слились, и если еще можно было быть вассаломъ безъ полученія бенефиція, то, наоборотъ, получить бенефицій безъ принесенія вассальной присяги сдѣлалось невозможнымъ. Впрочемъ, въ эпоху разложенія государства, когда силенъ былъ только тотъ, у кого было много людей, и когда каждый стремился обладать наибольшимъ по возможности количествомъ вассаловъ, никто, пожалуй, и не соглашался итти въ вассалы безъ земельнаго вознагражденія, безъ бенефиція. Дѣло кончилось тѣмъ, что личное отношеніе замѣнилось поземельнымъ: не столько вассалъ зависѣлъ отъ сеніора, сколько одна земля отъ другой, именно полученная въ бенефицій отъ оставшейся въ распоряженіи того, кто этотъ бенефицій пожаловалъ.

Сначала и бенефиціи были только пожизненными — до смерти получившаго или до смерти давшаго. Въ интересахъ обѣихъ сторонъ было, однако, превратить пожизненное владѣніе въ наслѣдственное: бенефиціарій, конечно, хотѣлъ оставить то, чѣмъ владѣлъ при жизни, своимъ дѣтямъ, а дав-

[1]) Ср. выше, стр. 26.

шему бенефицій было удобнѣе имѣть вассаломъ лицо, уже связанное съ сеніоромъ нѣкоторыми узами.

При установленіи такой связи между вассальной (личной) и бенефиціальной (поземельной) системами, въ которыхъ притомъ утвердился принципъ наслѣдственной передачи правъ и обязанностей, и при существованіи системы вознагражденія за исполненіе обязанностей, сопряженныхъ съ государственными должностями, землею же произошло то, что на должности герцоговъ и графовъ стали смотрѣть, какъ на своего рода придатки къ бенефиціямъ, дававшимся за исполненіе герцогскихъ и графскихъ обязанностей, а потомъ и прямо, какъ на бенефиціи, а отсюда герцоги и графы стали считаться вассалами уже по одному тому, что владѣли такими бенефиціями. Самое слово *honor* стало обозначать и должность, какъ и слѣдовало, и бенефицій, что уже привзошло въ число значеній этого слова позднѣе. Такимъ образомъ государственная должность была приравнена къ земельному бенефицію и перестала быть службою въ интересахъ всѣхъ, сдѣлавшись простой наградой «вѣрному» воину своего сеніора. Такими же вассальскими бенефиціями сдѣлались и высшія духовныя должности епископовъ и аббатовъ. Съ своей стороны, графъ видѣлъ въ вице-графѣ тоже своего вассала, а вице-графъ— въ занимавшейся имъ должности простой бенефицій.

Іерархія сеніоровъ и вассаловъ, мало-по-малу подставившаяся на мѣсто служебной іерархіи государственныхъ чиновниковъ, собственно говоря, уже при Карлѣ Великомъ была готова въ существенныхъ чертахъ, но пока государь смѣнялъ графовъ, когда и какъ ему хотѣлось, онъ оставался государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но мы видѣли, что и государственныя должности къ концу IX в. обнаружили самымъ явнымъ образомъ тенденцію сдѣлаться наслѣдственными [1]), а это уже и было разложеніемъ государства на отдѣльныя феодальныя сеньёріи.

Въ ту же самую эпоху, когда бенефицій сдѣлался наслѣдственнымъ, онъ сталъ называться *феодомъ* или *февдомъ (feodum, feudum),* но это слово, первые слѣды употребленія котораго восходятъ къ концу IX в., окончательно восторжествовало лишь въ XI в. О происхожденіи самого термина много спорили, и до сихъ поръ оно остается неяснымъ. Наи-

[1]) См. выше, стр. 37.

8*

болѣе вѣроятное объясненіе ставитъ слово *feodum* въ связь съ готскимъ *faihu, fihu* (теперешнее Vieh), что значитъ скотъ: это сначала оброкъ, уплачиваемый скотомъ за землю, потомъ и самая земля. Изъ *feodum* произошло французское слово *fief*, которому въ нѣмецкомъ соотвѣтствовало *Lehn*, заемъ. Феодъ отличался отъ бенефиція только тѣмъ, что былъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, тогда какъ бенефицій былъ владѣніемъ лишь пожизненнымъ, а потому феодъ можетъ разсматриваться, какъ собственность, зависящая, однако, не только отъ фактическаго владѣльца, которому принадлежалъ *dominium utile* [1]), но и отъ лица, по отношенію къ которому фактическій владѣлецъ былъ вассаломъ и которому принадлежалъ надъ феодомъ *dominium directum*. Феодъ, значитъ, былъ, какъ и цензива, собственностью условною, но цензива давалась лицу, коммендировавшему себя съ умаленіемъ своей свободы, такъ сказать, закабалявшему себя и притомъ бравшему на себя отбываніе разныхъ повинностей въ видѣ уплаты ценза или барщинной работы, тогда какъ феодъ находился въ обладаніи лица, коммендація котораго не наносила ни малѣйшаго ущерба личному достоинству и не шла далѣе обѣщанія вѣрности и благородныхъ службъ. Цензива была для пахотниковъ, *руптуаріевъ* [2]),—откуда французское *ротюрьеръ* (*roturier*) въ смыслѣ простолюдина,—тогда какъ феодъ былъ для родовитыхъ воиновъ, для «благородныхъ». Феодами, однако, могли быть не однѣ только земли, хотя именно земли и были главнымъ образомъ феодами. Въ феодальномъ держаніи находились, между прочимъ, должности и притомъ не только высшія, государственныя, какъ герцогская или графская, но и низшія, имѣвшія доманіальный характеръ, какъ должности мэровъ и превотовъ въ отдѣльныхъ сеньёріяхъ. Вообще инфендироваться, т. е. отдаваться въ ленное держаніе могли всякія доходныя статьи въ родѣ тѣхъ или другихъ денежныхъ и натуральныхъ сборовъ, не исключая и церковной десятины (dîme inféodée). Все это, однако, были инфеодаціи второго разряда, главнымъ предметомъ была все-таки земля, а такъ какъ вся земля вообще была раздѣлена на крупныя помѣстья, то феодами и были преимущественно эти помѣстья, обладаніе которыми

---

[1]) Ср. выше, стр. 49—50.

[2]) Ruptuarius=qui rumit terram.

было, какъ мы уже знаемъ, соединено съ пользованіемъ правами государственной власти, тоже отчуждавшимися въ качествѣ феодовъ (fief-office). Короче сказать, феодъ, это — та же сеньерія, разсматриваемая только съ другой точки зрѣнія: помѣстье было сеньёріей постольку, поскольку помѣщикъ былъ господиномъ и какъ бы государемъ по отношенію ко всѣмъ жителямъ помѣстья, и оно же было феодомъ, поскольку сеньёръ не былъ вполнѣ независимымъ владѣльцемъ, а считался вассаломъ другого, по отношенію къ нему высшаго сеньёра, отъ котораго и держалъ свою сеньёрію. Если бы процессъ раздробленія государства не сдерживался существованіемъ вассальныхъ отношеній между самими сеньёрами, такая страна, какъ Франція, окончательно раздробилась бы на массу сеньёрій, между которыми могли бы быть только «международныя» отношенія, но эти сеньёріи были или дѣлались феодами, и это вдвигало ихъ въ рамки извѣстной общей организаціи, высшимъ проявленіемъ которой была феодальная монархія.

ГЛАВА XI.

Сущность феодальныхъ отношеній въ тѣсномъ смыслѣ.

Различіе между сеньёрьяльной и феодальной системами.—Договорный характеръ феодальныхъ отношеній.—Обрядность при заключеніи договора.—Права феодальнаго землевладѣнія.—Вассальныя обязанности, связанныя съ обладаніемъ феодомъ.—Обоюдность феодальнаго договора.—Сложность феодальныхъ отношеній.—Особенности церковнаго феодализма.

Средневѣковой феодальный сеньёръ былъ господиномъ населенія своей сеньёріи и вмѣстѣ съ тѣмъ лишь однимъ изъ вассаловъ какого-нибудь болѣе крупнаго и могущественнаго сеньёра, и только выше короля уже не могло быть никакого сеньёра: король замыкалъ вершину лѣстницы. Въ сущности, это были двѣ разныя системы: доманіальная, или

сеньёрьяльная, касавшаяся внутреннихъ отношеній каждаго помѣстья, и феодальная, связывавшая отдѣльныя сеньёріи въ нѣкоторую болѣе обширную политическую организацію. Сеньёрьяльная система была завершеніемъ процесса, благодаря которому въ руки частныхъ землевладѣльцевъ постепенно перешли права государственной власти, была какъ бы результатомъ распространенія иммунитетныхъ правъ на всѣ помѣстья, т.-е. изъятія ихъ изъ вѣдѣнія общегосударственной администраціи [1]), между тѣмъ какъ феодальная система является завершеніемъ процесса, благодаря которому и государственныя должности, какъ и отдѣльныя помѣстья превратились въ зависимыя однѣ отъ другихъ наслѣдственныя держанія. Сначала иммунитетныя имѣнія были лишь какъ бы островками, оазисами, пока не превратились въ сплошную территорію цѣлой страны, но сначала и вассальныя отношенія, можно сказать, были разбросанными по всей странѣ, но разобщенными между собою узлами частныхъ договоровъ, пока эти узлы не слились въ одну общую сѣть, которая охватила собою и всѣ политическія отношенія страны. Въ рамки феодальной системы захвачены были и крупное землевладѣніе, и города, и церковь, и королевская власть.

Въ основѣ феодальныхъ отношеній лежало договорное начало. Отношеніе вассала къ его сюзерену не было отношеніемъ подданнаго къ монарху, какъ носителю государственной власти: это было отношеніе одной договаривающейся стороны къ другой, правда, считавшихся одна низшею къ другой высшей, но связанныхъ между собою обоюдными правами и обязанностями. Личный договоръ не только лежалъ въ основѣ отношеній, какъ ихъ принципъ, но и получалъ формальное выраженіе въ той обрядности, которая сопровождала установленіе вассальной связи и вводъ во владѣніе феодомъ. Умиралъ ли сюзеренъ или вассалъ, контрактъ долженъ былъ возобновляться, т.-е. вассалъ долженъ былъ вступать въ новое личное соглашеніе съ наслѣдникомъ сеньёра, если умиралъ послѣдній, или если умиралъ вассалъ, то его наслѣдникъ долженъ былъ вступать въ новое личное соглашеніе съ сеньёромъ. Это не значитъ, что условія мѣнялись. Наоборотъ, они оставались неизмѣнными, но разъ мѣнялись лица, условія должны были вновь подтверждаться, и въ этомъ

---

[1]) См. выше, стр. 96.

смыслѣ, именно, происходило новое личное соглашеніе, возобновленіе прежняго контракта.

Заключеніе феодальнаго договора сопровождалось извѣстною обрядностью. Собственно говоря, полная церемонія состояла изъ трехъ отдѣльныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой особый характеръ.

Первый актъ назывался *гомагіемъ* (*homagium* или *hominium*), по-французски *hommage* отъ *homo*, человѣкъ. Посредствомъ этого акта младшій становился «человѣкомъ» старшаго въ условномъ значеніи этого слова, т.-е. вассаломъ, служебникомъ, и въ этомъ смыслѣ гомагій былъ не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ прежней коммендаціи. Человѣкъ отдавалъ себя въ руки другого, т.-е. младшій ставилъ себя въ подчиненное положеніе, за что старшій обѣщалъ съ своей стороны покровительство и защиту. Самый обрядъ состоялъ въ томъ, что младшій съ непокрытою головою становился на колѣни передъ старшимъ, протягивалъ къ нему обѣ руки, какъ бы прося чего-либо, и произносилъ установленную формулу, заключавшую въ себѣ обѣщаніе вѣрности, послѣ чего старшій клалъ свои руки поверхъ рукъ младшаго, поднималъ его на ноги и давалъ ему поцѣлуй въ губы. За этимъ актомъ слѣдовалъ другой, называвшійся вѣрностью (*fides*, *foi*, откуда французское *hommage et foi*), т.-е. присягою на вѣрность, но это было не что иное, какъ расчлененіе коммендаціи на чисто юридическій и религіозный обряды: «вѣрность» была торжественною присягою въ церкви или, по крайней мѣрѣ, въ присутствіи священника, причемъ клятва давалась надъ евангеліемъ или надъ мощами. Уже вполнѣ самостоятельное значеніе имѣлъ третій моментъ всей церемоніи, называвшійся *инвеститурою* (*investitura*), что значитъ облеченіе, т.-е. облеченіе одеждою (отъ *in* и *vestis*): это уже былъ вводъ во владѣніе младшаго старшимъ по отношенію къ феоду, который сеньёръ жаловалъ вассалу, облеченіе его въ права, соединенныя съ владѣніемъ феодомъ, что символически выражалось врученіемъ отъ старшаго младшему или куска дерна, замѣнявшаго въ данномъ случаѣ всю жалуемую землю, или знамени, или кольца и посоха, какъ это дѣлалось при инвеститурѣ духовныхъ лицъ. Кромѣ этой обряддовой формы, феодальный договоръ имѣлъ и письменную форму: на сцену являлась и письменная запись контракта, феодальная грамота, самымъ существованіемъ своимъ еще

сильнѣе подчеркивавшая договорный характеръ феодальныхъ отношеній, т.-е. той политической связи, которая устанавливалась между сюзереномъ и вассаломъ. Здѣсь, дѣйствительно, одинъ помѣщикъ-государь какъ бы отрекался отъ своего суверенитета въ пользу другого такого же государя-помѣщика, сохраняя, однако, за своей сеньёріей внутреннюю автономію, т.-е. ея иммунитетъ, и свою власть надъ жителями сеньёріи, своими подданными.

Обладаніе феодами сдѣлалось, какъ мы видѣли, наслѣдственнымъ, но феодальный договоръ, какъ тоже было уже отмѣчено, сохранялъ чисто пожизненный характеръ: онъ долженъ былъ возобновляться по смерти сеньёра или вассала. Было, однако различіе, смотря по тому, какой поводъ былъ для возобновленія договора: если оно вызывалось смертью старшаго, его наслѣдникъ давалъ своему вассалу инвеституру даромъ, но если умиралъ вассалъ, то его наслѣдникъ долженъ былъ за возобновленіе инвеституры уплатить значительную наслѣдственную пошлину, обычно годовой доходъ съ феода (по образцу чего и папа впослѣдствіи при замѣщеніи епископскихъ каѳедръ пользовался *аннатами*). Это былъ какъ бы выкупъ феода, что и выражалось въ названіи этой пошлины *rachat*. Другимъ ея названіемъ было *релевій, рельефъ* (*relevium*, *relief)* отъ *relevare,* поднимать, т.-е. право на владѣніе феода вслѣдствіе смерти вассала какъ бы падало, и его нужно было возстановить, поднять, что и высказывалось въ терминѣ *подъемъ,* relevium, relief. Мало-по-малу *рельефъ* пересталъ уплачиваться прямыми наслѣдниками, сохранившись лишь при переходѣ феода въ боковую линію. Первоначально вассалъ не имѣлъ права отчуждать свой феодъ, но мало-по-малу это право выработалось, причемъ, однако, требовалось согласіе сеньёра и сохранялось за нимъ право выкупа феода въ непосредственное свое обладаніе путемъ уплаты продажной суммы, въ случаѣ же состоявшейся сдѣлки новый вассалъ долженъ былъ заплатить обычную пошлину, сопровождавшую всякую продажу условной собственности, т.-е. такъ называемые *lods et ventes* [1]). На феодѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, лежали разнаго рода обязанности, а потому сеньёры, дававшіе другимъ имѣнія на феодальномъ правѣ, были заинтересованы въ томъ, чтобы

---

[1]) См. выше, стр. 86.

феоды не дробились и чтобы переходили по наслѣдству къ такимъ лицамъ, которыя способны были исполнять свои вассальныя обязанности. Отсюда, прежде всего, въ принципѣ право одного только старшаго сына наслѣдовать феодъ своего отца, истинный источникъ аристократическаго майоратнаго землевладѣнія въ Западной Европѣ, хотя въ сохраненіи его дѣйствовали потомъ и другіе мотивы. Жизнь, однако, часто оказывалась сильнѣе принципа, и феоды дробились, сохраняя цѣльность лишь въ отношеніи къ высшимъ сеньёрамъ, внутри же раздѣляясь между всѣми наслѣдниками покойнаго вассала. Достигалось это тѣмъ, что лишь старшій братъ бралъ на себя непосредственное исполненіе обязанностей вассала, младшіе же держали свои доли уже въ зависимости отъ старшаго. Чѣмъ болѣе феодъ подходилъ подъ категорію простого помѣстья, тѣмъ меньше въ обладаніи имъ сохранялся принципъ нераздѣльнаго перехода къ единому наслѣднику, и наоборотъ, чѣмъ больше феодъ былъ владѣтельнымъ княжествомъ, а не простымъ имѣніемъ, тѣмъ больше въ немъ стремилось удержаться майоратное право, хотя все это можно утверждать далеко не безусловно. Вассалъ, на которомъ прежде всего лежала обязанность помогать сеньёру на войнѣ, долженъ былъ быть, конечно, взрослымъ мужчиной: ребенокъ или женщина не могли быть вассалами, когда самый вассалитетъ былъ исключительно личнымъ отношеніемъ. Когда, однако, въ отношеніяхъ этого рода на первый планъ выдвинулся моментъ поземельный, обладаніе феодомъ въ видѣ цѣлаго помѣстья и даже княжества, и вмѣстѣ съ тѣмъ установился принципъ наслѣдственнаго перехода феода отъ отца къ дѣтямъ, могли являться такіе случаи, что наслѣдство переходило къ малолѣтнему сыну или къ дочери. Сначала такіе феоды считались выморочными и возвращались къ феододателямъ, но очень рано право послѣднихъ въ подобныхъ случаяхъ стало сводиться, во-первыхъ, къ праву опеки надъ малолѣтнимъ вассаломъ (*droit de garde*) до его совершеннолѣтія, отдававшее въ руки сеньёра и распоряженіе доходами феода за все это время, и къ праву, во-вторыхъ, требовать, чтобы незамужняя наслѣдница вышла замужъ за одного изъ жениховъ, которыхъ ей рекомендовалъ сеньёръ: если она выходила замужъ за такого жениха, ея мужъ приносилъ сеньёру за нее феодальную присягу, какъ это происходило и въ томъ случаѣ, когда

наслѣдница была замужемъ еще при жизни отца, если же невѣста отказывалась отъ предлагавшихся ей жениховъ, то и наслѣдство за нею утвердиться не могло. Итакъ, феодъ былъ чисто условною собственностью и могъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ возвращаться къ феододателю, а именно 1) по выморочному праву; 2) въ случаѣ отказа наслѣдницы выйти замужъ за одного изъ предложенныхъ ей жениховъ; 3) въ видѣ послѣдствія, которое влекла за собою произвольная продажа феода; 4) въ видѣ, какъ увидимъ, наказанія за нарушеніе феодальнаго договора, и 5) въ томъ еще разѣ, когда сеньёръ пользовался правомъ выкупить продаваемый вассаломъ феодъ. Существовали, конечно, и юридическіе термины для обозначенія отдѣльныхъ перечисленныхъ категорій случаевъ: *реверсія* (*reversio*, возвращеніе), при дѣйствіи выморочнаго права, *коммиза* (*commise*) — при отобраніи за самовольную продажу, *реприза* (*reprise*)—для права выкупа и т. п.

Въ чемъ же заключались обязанности вассаловъ по отношенію къ признаннымъ ими за созереновъ сеньёрамъ? Во-первыхъ, это были разнаго рода личныя службы, лежавшія на вассалахъ; во-вторыхъ, разные взносы въ пользу сеньёровъ, какіе вассалами должны были дѣлаться. Здѣсь существовала извѣстная аналогія съ повинностями простолюдиновъ, которыя равнымъ образомъ раздѣлялись на личныя и имущественныя, т.-е. на барщины и оброки, но разница въ томъ, что личныя повинности «благородныхъ» вассаловъ заключались не въ исполненіи тѣхъ или другихъ работъ, не въ физическомъ трудѣ вообще, а въ помощи феододателю на войнѣ и на судѣ, да и денежные взносы имѣли характеръ не рабскихъ оброковъ или арендной платы за землю, а тоже услугъ, какія оказываетъ союзникъ союзнику, младшій товарищъ старшему въ извѣстныхъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ. Вотъ почему бóльшая часть обязанностей вассала подходила подъ категорію *auxilia* (вспоможеній).

Уже при Карлѣ Великомъ войско имѣло характеръ ополченія изъ вассаловъ [1]. Главною обязанностью держателей феодовъ и была военная служба въ ополченіи феододателя. Называлась она *остомъ* (*ost*, *hostis*) или *кавалькатой* (*caval-*

[1]) См. выше, стр. 33 и 114.

cata, *chevauchée*). Вассалъ обязанъ былъ являться по зову своего сеньёра на конѣ и тяжело или легко вооруженнымъ, иногда одинъ, иногда со своими людьми, и принимать участіе въ объявленномъ сеньёромъ походѣ, причемъ опредѣлялась нерѣдко и продолжительность похода извѣстнымъ, разъ навсегда установленнымъ срокомъ, напримѣръ, сорока днями, какъ это вошло въ обычай въ сѣверной Франціи. На обязанности вассала лежала и защита, въ случаѣ нужды, также замка сеньёра, и, кромѣ того, онъ долженъ былъ, когда этого требовали обстоятельства, отдавать въ распоряженіе сеньёра и свой собственный замокъ. Съ теченіемъ времени во многихъ случаяхъ вассалы стали откупаться отъ личной службы въ ополченіи сеньёра, и мы еще увидимъ, какое важное значеніе получилъ въ Англіи такъ называемый *скутаій* (*scutagium*, щитовой взносъ), замѣнившій собою личную службу вассала. Другая служба вассала была мирная: это была помощь сеньёру совѣтомъ (consilium), главнымъ образомъ, на судѣ. Вассалы одного и того же сеньёра, бывшіе между собою людьми одного и того же ранга, равными, какъ говорилось, или *пэрали* (*pairs* отъ лат. *pares*, равные), не только составляли вассальное ополченіе, но и дворъ своего сюзерена, его *курію* (*curia*, *cour*), обязанные время отъ времени появляться и гостить въ его замкѣ, принимать участіе въ его семейныхъ празднествахъ, а главное — участвовать въ общихъ дѣлахъ всей большой сеньёріи и, прежде всего, въ судѣ. Придворная служба (service de cour) была въ то же время судебной службой, какъ можно перевести французскій терминъ *service de plaid*. Это послѣднее слово и теперь еще въ ходу въ глагольной формѣ *plaider*, что значитъ выступать на судѣ въ качествѣ защитника или вообще защищать что-либо на судѣ, *плэдировать*, какъ и у насъ иногда говорится. По-латыни этому термину соотвѣтствовало слово *placitum*, что значитъ вѣче, судебное собраніе, откуда и съѣздъ вассаловъ при дворѣ сеньёра носилъ названіе *плацита*. Здѣсь выработался и феодальный *судъ пэровъ*: каждый долженъ былъ судиться своими равными, пэрами подъ предсѣдательствомъ общаго сеньёра. Вассалы, однако, не особенно охотно подчинялись своей куріальной обязанности и старались ограничить число разъ въ году, когда обязаны были съѣзжаться на судебныя сессіи. Такъ установился во многихъ мѣстахъ обычай, въ силу котораго

максимальное число пріѣздовъ ко двору сеньёровъ должно было не превышать трехъ.

Денежныя вспоможенія (*auxilia, aides féodales*), какими были обязаны вассалы, имѣли чисто казуальный характеръ, т.-е. должны были платиться въ опредѣленныхъ случаяхъ жизни сеньёра, сначала въ трехъ, потомъ въ четырехъ, откуда и названіе ихъ вспоможеніями въ трехъ (четырехъ) случаяхъ, *aides aux trois* (*quatre*) *cas*. Во-первыхъ, если сеньёръ попадалъ въ плѣнъ, вассалы должны были между собою сложиться, чтобы внести выкупную сумму, за которую можно было бы получить его освобожденіе; во-вторыхъ, когда сеньёръ праздновалъ посвященіе въ рыцари своего старшаго сына, опять вассалы складывались для возмѣщенія сопряженныхъ съ этимъ расходовъ; въ-третьихъ, подобная же складчина требовалась на приданое старшей дочери феодальнаго владѣльца, когда она выходила замужъ. Это и были обычные, столь распространенные «три случая», къ которымъ въ эпоху крестовыхъ походовъ прибавился и четвертый — когда сеньёръ бралъ крестъ и, слѣдовательно, нуждался въ экстренныхъ расходахъ. Къ числу матеріальныхъ обязанностей вассаловъ относились еще приношеніе сеньёрамъ почетныхъ, иногда довольно дорогихъ, подарковъ и содержаніе сеньёра и его свиты на свой счетъ, если онъ находился (напр., проѣздомъ) въ сеньёріи своего вассала.

Вотъ въ чемъ, собственно говоря, заключались чисто феодальныя права (сеньёра) и обязанности (вассала), т.-е. права и обязанности, вытекавшія изъ *dominium directum* и *dominium utile* по отношенію къ феоду. Впослѣдствіи, въ особенности въ послѣднія времена соціальнаго феодализма терминъ «феодальный» сталъ замѣнять терминъ «сеньёрьяльный» въ примѣненіи къ такимъ, напр., правамъ, какъ право на полученіе шампара, которое какъ-разъ и не вытекало изъ феодальнаго договора въ собственномъ смыслѣ. Это былъ договоръ не помѣщика съ крестьяниномъ, а договоръ главнымъ образомъ двухъ помѣщиковъ. Другая сторона феодальнаго договора—его обоюдность, или взаимность. Обязанностямъ вассала соотвѣтствовали извѣстныя обязанности и сеньёра: за вѣрность (*fidelitas*) онъ былъ обязанъ тоже своего рода вѣрностью—въ охранѣ своего вассала отъ всякихъ враговъ, въ защитѣ его феода отъ нападенія съ чьей-либо стороны. Феодальный договоръ былъ договоромъ взаимной вѣрности,

и у низшаго по отношенію къ высшему были не только обязанности, но и права. И сеньёръ, и вассалъ могли лишиться всякихъ правъ на феодъ въ случаѣ нарушенія своихъ обязанностей и вѣрности, если, конечно, надъ сеньёромъ былъ еще высшій сеньёръ, который могъ его судить, и если пэры приговаривали виновнаго къ наказанію. Феодальное право выработало особое понятіе *фелоніи* (*félonie*, иначе *forfaiture*) въ смыслѣ нарушенія даннаго честнаго слова, подлой измѣны и т. п., и вассалъ могъ быть наказанъ за фелонію конфискаціей (*комиизой*, *commise*) феода или временнымъ его лишеніемъ, наложеніемъ штрафа и т. п. Съ другой стороны, нарушеніе сеньёромъ своихъ обязанностей по отношенію къ вассалу, дѣйствительное или мнимое, давало послѣднему поводъ дезавуировать [1]) своего вассала. Но что было дѣлать, если вассалъ не повиновался, не являлся, напр., на судъ пэровъ или не хотѣлъ подчиниться произнесенному ими приговору? Въ такомъ случаѣ прибѣгали къ оружію, которое и должно было рѣшить дѣло. Среди феодальныхъ войнъ нерѣдки были случаи войны между сеньёромъ и вассаломъ, потому что въ самомъ феодальномъ правѣ всегда были поводы для споровъ. Общей тенденціей вассаловъ было уменьшить свою зависимость, тогда какъ сеньёры стремились къ противоположному.

Прибавимъ ко всему этому, что лишь въ своей схемѣ феодальныя отношенія отличались простотою, на дѣлѣ же въ нихъ царила большая сложность и запутанность. Данный сеньёръ *A*, у котораго были вассалы *B*, *C*, *D* и т. д., самъ могъ быть, вмѣстѣ съ другими сеньёрами *L*, *M*, *N* и т. д., вассаломъ какого-нибудь *R*, но, кромѣ него, по другому какому-либо феоду, состоять въ вассальной зависимости еще отъ какого-либо сеньёра *S*, и въ свою очередь, его собственные вассалы *B*, *C*, *D* могли имѣть своихъ вассаловъ *T*, *U*, *V*, изъ коихъ иной тоже могъ находиться въ зависимости не отъ одного сеньёра. Феодъ не былъ непремѣнно реально отграниченнымъ цѣлымъ, ибо могъ составлять часть болѣе крупнаго феода и въ свою очередь заключать въ себѣ другіе, болѣе мелкіе феоды. Происходила не только инфеодація, т.-е. передача чего-либо въ феодъ, но, такъ сказать, переуступка полученнаго феода по частямъ, или *субъинфеодація*,

---

[1]) См. выше, стр. 76.

тѣмъ болѣе, что дробному отчужденію на условіи феодальнаго договора подлежали не только части земли, но и отдѣльныя права, которыми располагалъ сеньёръ, когда, напр., отчуждалъ должность мэра, какъ самостоятельный феодъ.

Феодальныя отношенія опутали своею сѣтью и сеньёріи, во главѣ которыхъ стояли епископы и аббаты, но здѣсь были нѣкоторыя особенности, которыя видоизмѣняли и усложняли общій феодальный правопорядокъ. Духовныя лица не могли сами отбывать феодальной воинской службы, и въ данномъ случаѣ ихъ должны были замѣнять особые замѣстители, хотя была масса примѣровъ, что епископы и лично ходили на войну: не даромъ объ одномъ было сказано, что онъ былъ «bonus miles et optimus pastor» (хорошій воинъ и прекрасный пастырь). До установленія Григоріемъ VII безбрачія (целибата) духовенства, т.-е. до середины XI в., иные епископы вступали въ бракъ и потомъ хлопотали у свѣтскихъ правителей, чтобы тѣ отдавали церковныя земли въ феодъ ихъ сыновьямъ. Впрочемъ, общимъ правиломъ было то, что епископства замѣщались по установленнымъ порядкамъ, но такъ какъ епископъ, какъ-никакъ, былъ и вассаломъ какого-либо сеньёра, то требовалось на замѣщеніе каѳедры и его согласіе, если только онъ самъ не оказывалъ своего вліянія на новыя замѣщенія, пуская въ ходъ деньги для того, чтобы добиться угодныхъ ему выборовъ (*симонія*). Вновь избранный епископъ обязанъ былъ принести присягу на вѣрность, послѣ чего ему давалась инвеститура посредствомъ врученія посоха и кольца. Свѣтскіе государи особенно дорожили своимъ правомъ инвеституры, ибо этимъ путемъ держали въ зависимости отъ себя цѣлый рядъ феодовъ, которые не переходили по наслѣдству. Въ этомъ была выгодная для королей сторона церковнаго феодализма, пока папство въ лицѣ Григорія VII не задумало отнять у свѣтскихъ государей инвеституру, изъ-за чего, какъ извѣстно, и возгорѣлся знаменитый споръ за инвеституру. Невыгодная сторона церковнаго землевладѣнія для феододателей заключалась въ томъ, что съ церковныхъ феодовъ они не получали обычныхъ доходовъ. Церковь, какъ собственница земли, никогда не умирала и не имѣла права отчуждать то, что разъ дѣлалось ея достояніемъ, т.-е. и ея рука была мертва [1]) для того,

[1]) См. выше, стр. 75.

чтобы продавать или дарить, и потому феододателю не приходилось получать съ церковныхъ земель такихъ доходовъ, какъ *релевій* и *лаудемій*, т.-е. наслѣдственныхъ и купчихъ пошлинъ. Правда, эти неудобства обходились разными способами, къ числу которыхъ относились, съ одной стороны, назначеніе епископомъ, по особому условію, подставного, вмѣсто себя, человѣка, который «живетъ и умираетъ» (un homme vivant et mourant) и наслѣдникъ котораго по его смерти уплачивалъ *релевій*, а съ другой, *амортизація*, или погашеніе, т.-е. врученіе феододателю разъ навсегда извѣстной суммы денегъ за отказъ его отъ всякихъ притязаній на какія-либо пошлины. Субъинфеодація имѣла мѣсто также и на церковныхъ земляхъ: обыкновенно мелкіе феоды давались съ сохраненіемъ названія бенефиціевъ членамъ низшаго духовенства, что вносило въ самоё церковную іерархію своего рода отношенія вассалитета. Особенно было сильно стремленіе епископовъ поставить въ феодальную отъ себя зависимость монастыри, но аббаты не обнаруживали большой охоты дѣлаться епископскими вассалами, предпочитая имѣть надъ собою свѣтскихъ сеньёровъ.

ГЛАВА XII.

Реинтеграція государства на феодальныхъ началахъ.

Сеньерьяльный режимъ, какъ явленіе разложенія, и феодализмъ, какъ начало политическаго возсоединенія. — Судьбы государственности въ Италіи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ. — Дезинтеграція и реинтеграція Франціи. — Постепенное внесеніе большей опредѣленности въ границы крупныхъ сеньерій. — Возстановленіе графствъ и герцогствъ. — Государственныя задачи ихъ владѣльцевъ.—Княжескій идеалъ Франціи, какъ федераціи крупныхъ владѣній.—Работа внутренняго сплоченія феодальныхъ княжествъ.

Весь остовъ феодальныхъ отношеній между отдѣльными сеньёріями былъ, такъ сказать, готовъ, когда произошло окончательное паденіе власти послѣднихъ Каролинговъ во Франціи и въ Италіи. Герцоги и графы сдѣлались наслѣд-

ственными обладателями своихъ должностей и соединенныхъ съ ними королевскихъ бенефицiевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вассалами короля. Вице-графъ или виконтъ тоже дѣлается вассаломъ графа, и иногда графская должность даже исчезаетъ, замѣняясь вице-графской: это значитъ, что въ данной мѣстности намѣстникъ графа вытѣснилъ его самого. Если бы, напр., во Францiи дѣло на этомъ остановилось, карта феодальной эпохи вполнѣ или почти вполнѣ совпадала бы съ картою прежнихъ административныхъ дѣленiй, но мы видѣли, что дробленiе пошло дальше. Внутри графствъ были болѣе или менѣе крупныя помѣстья, уже ранѣе пользовавшiяся иммунитетомъ, владѣльцы же другихъ добиваются независимости въ упорной борьбѣ съ графами, и это содѣйствуетъ дробленiю графствъ на болѣе мелкiя владѣнiя, какъ и то обстоятельство, что и сами графы дѣлили свои области между дѣтьми на отдѣльные округа, продавали ихъ, дарили, промѣнивали, такъ что даже городъ, бывшiй прежде административнымъ центромъ, распадался на два-три владѣнiя, и общая власть графа расчленялась на цѣлый рядъ мелкихъ мѣстныхъ властей. Но при всемъ этомъ политическомъ раздробленiи, хоть и въ слабой степени, все-таки сохранялись связи однѣхъ сеньёрiй съ другими, какъ главныхъ и второстепенныхъ феодовъ, находившихся въ рукахъ или самихъ сеньёровъ, или ихъ вассаловъ. Изъ феодальныхъ отношенiй между отдѣльными сеньёрами и ихъ землями и сталъ создаваться новый порядокъ постепенной реконструкцiи государства, совершенно упраздненнаго было сеньёрьяльнымъ режимомъ.

Въ эпоху разложенiя государственной власти, сопровождавшагося развитiемъ полнѣйшаго безначалiя, единственнымъ надежнымъ принципомъ организацiи оставался вассалитетъ, оставалась «лѣстница взаимныхъ покровительства и вспоможенiя или покровительства взамѣнъ услугъ и взносовъ» [1]). Одинъ изъ новѣйшихъ и весьма авторитетныхъ историковъ французскаго феодализма, Флякъ, строго различаетъ понятiя сеньёрьяльнаго режима и феодализма [2]). «То, говоритъ онъ [3]), что господствуетъ въ сеньёрьяльномъ

---

[1]) Выраженiе *Flach'a.* Les Origines de l'ancienne France, I, 132.

[2]) Ibid., I, 7 и др.

[3]) Ibid., II, 2.

режимѣ, это—индивидуализмъ, въ феодальной системѣ, это—принципъ порядка и связности (cohésion). Существенная функція, сеньёральнаго режима есть функція разлагающая, тогда какъ въ феодализмѣ это—функція возстановляющая (renovatrice)». Вопреки мнѣнію большинства историковъ, Флякъ думаетъ, однако, что въ основѣ феодальныхъ отношеній, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, лежали связи не по землѣ, а чисто личныя связи между человѣкомъ и человѣкомъ [1]). Онъ думаетъ, что поземельныя связи, существованія которыхъ онъ не отрицаетъ и въ болѣе раннюю эпоху, окрѣпли, а главное — окрасили собою всю систему только позднѣе, когда сама она, пожалуй, уже стала склоняться къ упадку. Но будемъ ли мы такъ смотрѣть на основу феодальныхъ отношеній, или видѣть ее лишь въ землѣ, или же будемъ держаться комбинированнаго взгляда, признающаго, что ихъ происхожденіе было болѣе сложнымъ, во всякомъ случаѣ феодальныя отношенія сеньёровъ и вассаловъ поддерживали или вносили вновь какой ни на есть порядокъ въ анархію, созданную переходомъ государственной власти къ помѣщикамъ.

За періодомъ сеньёрьялизаціи, въ X—XI вв., наступилъ періодъ феодализаціи въ наиболѣе тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. за періодомъ раздробленія страны на сеньёріи наступилъ съ XII в. періодъ установленія и упроченія между ними феодальныхъ связей, завершившійся объединеніемъ страны подъ властью феодальнаго короля, какъ всеобщаго сеньёра. Этотъ именно процессъ изъ трехъ главныхъ странъ, на которыя распалась монархія Карла Великаго, совершился во Франціи. Германія, какъ мы еще увидимъ, лучше сохранила въ эту эпоху свою государственность, въ Италіи же, гдѣ сеньёрьяльный режимъ получилъ весьма сильное развитіе, процесса реконструкціи единаго государства не послѣдовало. Дѣло въ томъ, что въ той части Италіи, которая входила въ составъ монархіи Карла Великаго, престолъ очень рано сдѣлался избирательнымъ, а это повлекло за собою цѣлый рядъ смутъ, въ которыя постоянно вмѣшивались духовные и свѣтскіе сеньёры. Здѣсь не было значительныхъ объединительныхъ стремленій даже мѣстнаго свойства, которыя положили бы начало большимъ и прочнымъ княже-

[1]) Ibid., II, 427 sq., 491 sq. и др.

ствамъ. Притомъ въ серединѣ X в. политическими господами сѣверной Италіи сдѣлались нѣмцы въ лицѣ своихъ королей, императоровъ Священной Римской имперіи германской націи, а южною Италіей завладѣли въ XI в. нормандцы, и только при послѣднихъ Гогенштауфенахъ на время,—да и то на очень короткое время,—отдѣльныя части полуострова чисто механически соединились подъ единою властью. Если, далѣе и началась потомъ реконструкція государственности въ феодальной Италіи, то какъ-разъ не на феодальныхъ, а на муниципальныхъ или коммунальныхъ началахъ, т.-е. на началахъ городского быта, повторявшаго здѣсь во второй половинѣ среднихъ вѣковъ бытъ государствъ-городовъ древней Греціи. Реинтеграцію національнаго государства изъ феодальныхъ сеньёрій, раздѣлявшихъ между собою страну, и притомъ реинтеграцію при помощи феодальныхъ же отношеній мы наблюдаемъ именно во Франціи, начиная съ XII в.

Процессъ политической дезинтеграціи во Франціи привелъ страну къ раздробленію страны на массу болѣе или менѣе мелкихъ сеньёрій, помѣстій-государствъ или, что̀ то же, небольшихъ соціальныхъ группъ подъ властью собственныхъ главарей, бароновъ. Исторія какъ бы вернулась къ своему началу, къ жизни обособленными родами съ подвластною имъ челядью, отдѣльными кланами, какъ мы это видимъ въ началѣ исторіи [1]), и этимъ мѣстнымъ группамъ предстояло снова продѣлать процессъ интеграціи путемъ постепеннаго соединенія мелкихъ группъ въ болѣе крупныя,—процессъ, бывшій въ сущности именно реинтеграціей, такъ, какъ это уже была вторичная интеграція.

Первичный процессъ образованія государства,—обобщая все, что мы на этотъ счетъ знаемъ,—состоялъ въ постепенномъ объединеніи мелкихъ соціальныхъ группъ, каковъ бы ни былъ ихъ составъ и строеніе и какимъ бы характеромъ ни отличался въ нихъ элементъ власти, въ болѣе крупныя соединенія путемъ подчиненія главарей мелкихъ группъ одному изъ своей среды. Тутъ нѣтъ еще ничего опредѣленнаго, постояннаго: въ распредѣленіяхъ и перераспредѣленіяхъ группъ происходятъ постоянныя измѣненія, и соеди-

---

[1]) Государство-городъ, стр. 15 и слѣд.

ненія не отличаются устойчивостью[1]). Нѣчто подобное происходило и во Франціи, когда начался обратный процессъ возсоединенія частей въ одно цѣлое съ тѣмъ, конечно, различіемъ, что тутъ на помощь приходили отношенія и понятія, такъ или иначе сохранявшіяся изъ эпохи единаго государства.

Мы уже видѣли, что подъ первоначальными графствами феодальной эпохи не слѣдуетъ разумѣть территоріи административныхъ дѣленій этого наименованія болѣе раннихъ временъ. Границы этихъ графствъ не совпадали съ границами старыхъ паговъ по той простой причинѣ, что сами графства крошились на болѣе мелкія территоріи, границы которыхъ были равнымъ образомъ весьма измѣнчивы. По странѣ были разбросаны многочисленные центры притяженія для населенія, и округъ, тяготѣвшій къ каждому такому центру, то съуживался, то расширялся, и между такими округами существовали еще, такъ сказать, колеблющіяся и нейтральныя полосы, дѣлавшія точное отграниченіе округовъ другъ отъ друга невозможнымъ. Скорѣе даже въ самомъ началѣ тяготѣло къ какому-либо графству извѣстное количество опредѣленныхъ лицъ, чѣмъ точно отграниченная территорія, какъ это сдѣлалось впослѣдствіи. Между прочимъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и титулы нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ феодаловъ. Первоначально герцогъ нормандскій назывался герцогомъ норманновъ (dux normanorum) и только впослѣдствій герцогомъ Норманніи или Нормандіи (dux Normanniae). Или возьмемъ, наприм., еще графа анжуйскаго: сначала это былъ графъ андегавовъ (comes andegavorum) и только позднѣе графъ Андегавіи (comes Andegaviae) какъ по-латыни назывался Анжу. Равнымъ образомъ территоріальное обозначеніе Шампани (лат. Campania) въ титулѣ графа (comes Campaniae) лишь позднѣе замѣнило способъ наименованія мѣстнаго графа по городу, бывшему его мѣстопребываніемъ (Труа, Баръ, Витри).

Графамъ стоило громаднаго труда возстановить свои графства, если и не съ точностью въ ихъ старыхъ границахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ болѣе широкихъ предѣлахъ. Руководимые историческимъ преданіемъ, они путемъ покупокъ, всякаго рода соглашеній, а не то такъ и силою округляли

[1]) Ср. Государство-городъ. стр. 20 и слѣд.

свои владѣнія, иногда, лишь рѣдко возстановляя границы старыхъ графствъ, но чаще, повидимому, дѣлая захваты внѣ прежнихъ предѣловъ своихъ графствъ. Получаются даже черезполосныя территоріи, и тогда все пускается въ ходъ, лишь бы устранить черезполосицу. Наприм., графы Анжу построили на Луарѣ два замка, одинъ (Амбуазъ) по верхнему теченію, считая отъ города Тура, другой (Ланже) — по нижнему, и вотъ въ 1044 г. городъ этотъ оказывается вынужденнымъ признать надъ собою власть графа анжуйскаго. Подобнымъ же образомъ они расширили предѣлы своего графства въ другія стороны и составили очень большой феодъ, владѣльцы котораго сдѣлались герцогами нормандскими и аквитанскими и англійскими королями. Браки или особыя соглашенія тоже содѣйствовали сліянію нѣсколькихъ графствъ въ одно владѣніе, какъ это случилось съ графствомъ Mans, соединившимся съ Анжу. Въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ очутились и графства Блуа и Шартръ, виконтатъ Сансеръ и на нѣкоторое время графство Туръ, а затѣмъ фамилія этихъ графовъ пріобрѣла еще графства Труа и Бри, зерно, около котораго мало-по-малу образовалось очень большое княжество—Шампань[1]). Правда, внутри этихъ соединеній царило феодальное раздробленіе, и вассалы крупныхъ князей не всегда оказывались послушными, но и тутъ шла постоянная и упорная работа постепеннаго подчиненія строптивыхъ сеньёровъ центральной власти княжества. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны успѣхи, сдѣланные княжескою властью въ Нормандіи. Въ 911, 923 и 933 гг. тремя послѣдовательными актами французскіе короли уступили нормандскимъ вождямъ Роллону и Вильгельму Длинная-Шпага всю церковную провинцію города Руана, и вотъ обладатели новаго герцогства, опираясь на военную силу, требуютъ повиновенія себѣ непосредственно отъ всѣхъ вассаловъ, дѣлаютъ постановленія, обязательныя тоже для всѣхъ бароновъ страны, удерживаютъ въ своемъ исключительномъ обладаніи право высшаго суда (haute justice) и даже создаютъ центральную и мѣстную администрацію въ прямой зависимости отъ своей власти. Положимъ, это былъ случай исключительный, и если мы его здѣсь отмѣчаемъ, то не въ видѣ типическаго примѣра, которымъ этотъ случай и не можетъ служить, а

---

[1]) См. карту I.

имѣя въ виду позднѣйшій англійскій феодализмъ, сложившійся по образцу нормандскаго, но и въ другихъ большихъ феодахъ мѣстныя власти стремились къ тому же самому и даже прямо пытались подражать герцогу нормандскому.

Наслѣдники герцогскаго и графскаго титуловъ, какъ болѣе крупные сеньёры, имѣвшіе подъ собой большое число вассальныхъ бароновъ, весьма естественно не могли быть только помѣщиками, лишенными всякаго государственнаго смысла и недоступными пониманію болѣе широкихъ политическихъ задачъ. Бо́льшая часть изъ нихъ мечтала о томъ, чтобы выкроить себѣ во Франціи отдѣльное государство, сплотивъ подъ своею властью разрозненныя сеньёріи, изъ которыхъ однѣ были, а другія становились зависимыми отъ нихъ феодами. Переставъ называться, какъ прежде, графами короля или графами королевства, они, однако, еще въ XI вѣкѣ мало возвышались надъ другими сеньёрами и лишь въ XII в. уже усиливаются до значенія настоящихъ князей. На эту перемѣну большое вліяніе оказали крестовые походы, которые заставили бароновъ однѣхъ и тѣхъ же мѣстностей, беря крестъ и отправляясь въ далекую Палестину, сплачиваться между собою, для чего нужна была общая организація, извѣстная дисциплина и т. д. Въ эту именно эпоху развился и политическій смыслъ болѣе крупныхъ феодаловъ, и они, напр., стараются не дробить своихъ феодовъ между дѣтьми и уже съ извѣстнымъ политическимъ расчетомъ къ болѣе или менѣе сознательному и планомѣрному округленію своихъ владѣній примышляютъ одну территорію къ другой посредствомъ браковъ съ наслѣдницами, прикупокъ или промѣновъ, а въ иныхъ случаяхъ и насильственныхъ захватовъ. Это уже не простые хозяева, но и политики, понимающіе вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ предѣлахъ герцогства или графства гораздо лучше содѣйствовать поддержанію мира и порядка, чѣмъ продолженію усобицъ и анархіи. Но средства, на которыя опирались эти политики, были въ концѣ-концовъ феодальныя, ибо каждое графство, каждое герцогство все-таки оставалось федераціей или комплексомъ сеньёрій-феодовъ, среди которыхъ и одного съ ними характера была и непосредственная сеньёрія-доменъ графа или герцога. Такое государство, какъ Нормандія, представляло собою исключеніе, но и въ немъ все-таки царилъ, хотя и ослабленный, феодализмъ.

Крупные феодалы стремились внести больше порядка въ

хаосъ сеньёрьяльнаго міра не только въ своихъ княжествахъ, но и во всей Франціи. Этимъ и объясняется перенесеніе въ 987 г. на голову одного изъ такихъ князей, герцога французскаго и графа парижскаго, Гугона Капета, королевской короны, сдѣлавшейся совершенно безсильною при послѣднихъ Каролингахъ. Но какъ представляли себѣ князья, пришедшіе къ такому между собою соглашенію, самоё Францію? Они отнюдь не имѣли въ виду создать надъ собою сильнаго господина. Имъ нуженъ былъ лишь глава федераціи самостоятельныхъ княжествъ, который не грозилъ бы, однако, ихъ собственной независимости, такъ какъ теперь, въ концѣ X в., они ужъ не считали себя вассалами короля, а свои владѣнія—полученными отъ него феодами.

Такимъ образомъ возсоздавая государство изъ разрозненныхъ сеньёрій, обладатели крупныхъ феодовъ хлопотали не обо всей Франціи, а о своихъ княжествахъ сдѣлавшихся фактически независимыми отъ королевской власти, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и раскрошившихся на множество мелкихъ сеньёрій. Исторія первыхъ Капетинговъ, какъ мѣстныхъ сеньёровъ, носившихъ титулы герцоговъ французскихъ и графовъ парижскихъ, можетъ служить иллюстраціей того, что дѣлалось внутри такихъ княжествъ, гдѣ тоже государственному началу приходилось вести упорную борьбу съ своеволіемъ мелкихъ сеньёровъ. Феодальное герцогство или графство не было чѣмъ-либо готовымъ, оно постепенно само создавалось путемъ сплоченія отдѣльныхъ сеньёрій на основахъ феодальныхъ договоровъ, и французскимъ королямъ новой династіи, прежде чѣмъ начать собираніе воедино всей Франціи, нужно было произвести эту работу у себя дома, т.-е. въ своемъ доменѣ, и прежде чѣмъ другіе герцоги и графы сдѣлались вассалами Капетинговъ, какъ королей Франціи, этимъ королямъ нужно было еще справиться со своими вассалами въ окрестностяхъ Парижа или на территоріи между этимъ королевскимъ городомъ и другимъ Орлеаномъ. Вездѣ царилъ одинъ и тотъ же порядокъ, или, вѣрнѣе, безпорядокъ, и какъ-нибудь упорядочить внутреннія отношенія оказывалось возможнымъ лишь путемъ закрѣпленія и расширенія шаткихъ и слишкомъ ограниченныхъ въ пространствѣ феодальныхъ узъ. И работа вездѣ шла одна и та же—возсозданіе государства въ формѣ крупныхъ княжествъ, изъ феде-

раціи которыхъ современемъ должна была вырости и чисто феодальная монархія для всей французской націи.

ГЛАВА XIII.

Феодальная монархія.

Чѣмъ было герцогство первыхъ Капетинговъ?—Его составъ и характеръ.—Развитіе въ немъ мелкаго феодализма. — Положеніе первыхъ Капетинговъ въ остальной Франціи. — Римская и церковная основы теоретическаго пониманія королевской власти въ феодальную эпоху.—Важность обладанія традиціоннымъ королевскимъ титуломъ для Капетинговъ.—Въ чемъ собственно заключалась феодализація монархіи?.—Пэрія и королевская курія.—Ростъ королевской власти во Франціи и сохраненіе въ ней феодальныхъ чертъ.—Образованіе феодальной монархіи въ Германіи.—Раздробленіе Германіи на княжества и причины ослабленія въ ней королевской власти.—Устройство Священной Римской имперіи германской націи.

Гугонъ Капетъ, герцогъ французскій и графъ парижскій, выбранный на съѣздѣ крупныхъ сеньёровъ въ г. Санли (Senlis) въ короли Франціи, былъ одинъ изъ болѣе значительныхъ бароновъ, владѣнія котораго лежали на Сенѣ и Луарѣ съ двумя главными городами Парижемъ на Сенѣ и Орлеаномъ на Луарѣ, между которыми разстояніе—сто верстъ [1]). Въ общемъ они едва ли превышали четыре или пять тѣхъ департаментовъ изъ восьмидесяти семи, на которые раздѣляется теперешняя Франція, т.-е. составляли меньше одной двадцатой ея нынѣшней территоріи, да и то на этомъ маленькомъ пространствѣ французскому королю конца X в. приходилось дѣлиться властью со множествомъ сеньёровъ, которые были далеко не всегда покорными вассалами. Мѣсто. гдѣ стоялъ замокъ одного изъ этихъ сеньёровъ, называвшійся Монлери (Montléry), даже отмѣчается на школьныхъ историческихъ картахъ, благодаря своей особой извѣстности въ исторіи первыхъ Капетинговъ. Онъ находился, именно,

---

[1]) Для дальнѣйшаго см. карту I.

къ югу отъ Парижа по дорогѣ въ Орлеанъ, приблизительно на разстояніи одной пятой пути отъ Парижа: онъ былъ одинъ изъ многихъ, особая же его извѣстность основана на разсказѣ о томъ, какъ одинъ изъ первыхъ Капетинговъ, которому удалось наконецъ овладѣть этимъ замкомъ, умирая, особенно совѣтовалъ своему сыну беречь Монлери, доставлявшій массу хлопотъ обладателю Парижа и Орлеана. Первые Капетинги то и дѣло переѣзжали изъ одного города въ другой, изъ виллы въ виллу, изъ аббатства въ аббатство, чтобы пользоваться правомъ жить на счетъ своихъ вассаловъ и подданныхъ: враждебный сеньёръ, имѣвшій замокъ на одной изъ королевскихъ дорогъ, могъ быть прямо опаснымъ при этихъ переѣздахъ. Отъ своего отца Гугона Великаго Гугонъ Капетъ въ 956 г. за тридцать одинъ годъ до избранія своего на престолъ, наслѣдовалъ, собственно говоря, графства Парижское, Санлиское (Senlis), Орлеанское и Дрё (Dreux) и званіе срѣтскаго аббата св. Мартина Турскаго и С.-Жерменъ-де-Пре, а кромѣ того, права герцога французскаго или, вѣрнѣе, герцога франковъ (dux francorum), что значилъ послѣдній титулъ въ X в., на этотъ счетъ историки между собою несогласны, и дѣло, дѣйствительно, представляется не вполнѣ яснымъ [1]), но, несомнѣнно, онъ давалъ извѣстное преимущество въ сѣверной части королевства, которую начали называть Франціей, причемъ къ югу территорія этого герцогства граничила съ другими большими герцогствами Аквитаніей и Бургундіей. Но ко времени избранія Гугона Капета въ короли это герцогство, уже само распалось на части, и знатныя фамиліи въ бассейнѣ Сены и Луары, въ особенности графы Анжу и Блуа, не хотѣли признавать надъ собою власти «герцога Франціи». Правда, и тутъ у него были вѣрные вассалы среди духовныхъ сеньёровъ: епископы Бовэ, Нойона, Шалона, Лана (Laon), Лангра и въ особенности архіепископъ реймскій, которые помогали ему деньгами и воинами, но непосредственныя его владѣнія уменьшались уже и по той простой причинѣ, что Гугону

---

[1]) Новѣйшіе историки прямо отрицаютъ существованіе особаго территоріальнаго герцогства французскаго, принимая титулъ *dux francorum* въ смыслѣ нѣкоторой власти общей для всей страны, въ качествѣ своего рода вице-королей. См. особенно *Flach.* Les Origines de l'ancienne France, III. 210, sq. 484 sq. и др.

нужно было еще отстаивать свое право на корону, а для этого было одно только средство—раздавать феоды. Герцогство Французское было въ полномъ разложенiи при первыхъ Капетингахъ. Тамъ и сямъ у нихъ были разбросаны помѣстья, дававшiя имъ разнаго рода доходы, большею частью натурою: хлѣбомъ, виномъ, сѣномъ; послѣднее, напр., косилось въ Руврэскомъ лѣсу, теперешнемъ загородномъ паркѣ Парижа, извѣстномъ Булонскомъ лѣсу. Въ этихъ имѣнiяхъ, кромѣ Парижа и Орлеана, въ Меленѣ, Этампѣ, Понтуазѣ, Пуасси, Компьенѣ, Мантѣ, были королевскiя усадьбы, въ которыхъ сидѣли мэры и превоты, управлявшiе королевскими имѣнiями на основѣ кормленiя: они собирали доходы, и часть ихъ оставляли себѣ въ видѣ жалованья, всѣми силами вмѣстѣ съ тѣмъ стремясь къ тому, чтобы сдѣлать свои должности независимыми сеньёрiями путемъ установленiя наслѣдственной передачи мэрiй и превотствъ въ своемъ потомствѣ. Въ городахъ и бургахъ, гдѣ король не былъ единственнымъ сеньёромъ, въ Бовэ, Нойонѣ, Амьенѣ, Суассонѣ, Сансѣ (Sens) у первыхъ Капетинговъ могло быть по нѣскольку домовъ и по башнѣ, охрана которыхъ была ввѣрена виконтамъ (вицеграфамъ) и замковымъ начальникамъ, т.-е. *кастеланамъ*, или *шателенамъ* (castellani, châtelains), но и они, пользуясь частью королевскихъ доходовъ, стремились къ превращенiю своихъ виконствъ и шателенiй въ наслѣдственную собственность. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ Капетинги, на-ряду съ другими болѣе крупными сеньёрами Францiи, были графами и герцогами, развивался, какъ и повсемѣстно, мелкiй феодализмъ, уменьшавшiй непосредственные домены новой династiи, которая воцарилась во Францiи. Мельчали ихъ владѣнiя, и въ зависимости отъ этого мельчалъ самый бытъ владѣльцевъ: въ сущности это были богатые помѣщики, да и то во всей-то Францiи нѣкоторые все-таки были куда богаче и сильнѣе первыхъ Капетинговъ. Стóитъ хотя бы вспомнить герцоговъ выкроенной изъ «Францiи» Нормандiи [1]). Немало содѣйствовало такому результату и то, что первые Капетинги раздавали у себя феоды братьямъ, младшимъ сыновьямъ и даже болѣе дальнимъ родственникамъ.

Еще печальнѣе было положенiе первыхъ капетингскихъ королей внѣ предѣловъ ихъ «герцогства». Отношенiе ихъ къ

---

[1]) См. выше, стр. 132.

другимъ крупнымъ феодаламъ было такое, какъ будто это были иностранные государи. Эти короли не вмѣшивались и не могли вмѣшиваться во внутреннія дѣла территоріи, лежавшихъ за границами ихъ герцогства и даже иногда непосредственнаго домена, гдѣ нерѣдко только тогда признавалась королевская власть, когда ея требованія подкрѣплялись посылкою военной силы. Правда, крупные феодалы не оспаривали правъ короля въ теоріи, но на практикѣ дѣло обстояло иначе: отъ ихъ доброй воли зависѣло приносить феодальную присягу или нѣтъ, являться по королевскому зову въ Парижъ или нѣтъ, присылать ли своихъ людей въ войско короля или нѣтъ. Съ своей стороны, Капетинги совершенно замыкаются въ своемъ феодальномъ княжествѣ. Еще въ самомъ началѣ они иногда появлялись во владѣніяхъ своихъ сосѣдей и даже собирали въ нихъ торжественные съѣзды, но къ концу XI в. и это вывелось изъ употребленія. Мало того, иной разъ король по какому-либо феоду и самъ не прочь былъ сдѣлаться чужимъ вассаломъ.

Но этотъ феодальный сеньёръ, называвшійся французскимъ королемъ, въ то же время, какъ король, былъ носителемъ длинной исторической традиціи, для которой королевская власть была гораздо больше, чѣмъ простая сеньёрія, хотя бы и изъ наиболѣе значительныхъ. У другихъ герцоговъ и графовъ, среди которыхъ ему принадлежалъ первый рангъ, но надъ которыми онъ не имѣлъ реальной власти, не было и не могдо быть такихъ теоретическихъ правъ, какія были у наслѣдниковъ династіи Каролинговъ, которая сама получила ихъ въ наслѣдство отъ Меровинговъ въ свою очередь очутившихся въ положеніи преемниковъ римскихъ императоровъ. Здѣсь было свое непрерывное преемство, и именно примыкавшее не къ прошлому франковъ до ихъ прихода въ Галлію, а къ прошлому романизированнаго населенія этой страны, привыкшаго къ абсолютной власти императора. Въ V в. эта власть перешла къ Хлодвигу и его преемникамъ, а черезъ три вѣка Карлъ Великій сдѣлалъ попытку возстановить ее во всемъ прежнемъ объемѣ. Реальныя отношенія развивались въ обратномъ направленіи, но идеологическая традиція сохранялась, и самъ Гугонъ Капетъ не могъ не знать, принимая корону, что всѣ графы собственно только ставленники короля. По позднѣйшему извѣстію, у него произошелъ однажды очень короткій, но

весьма знаменательный разговоръ съ однимъ изъ южныхъ графовъ: «Кто поставилъ тебя графомъ?» строго спросилъ Гугонъ своего собесѣдника. «А тебя кто поставилъ королемъ?» спросилъ его тотъ. Быть можетъ, этотъ діалогъ— досужая выдумка, но онъ очень характеренъ для теоретическихъ притязаній королевскаго сана при полномъ фактическомъ безсиліи соединенной съ этимъ саномъ власти.

Кромѣ римской традиціи королевской власти, которую съ XIII в. и вполнѣ сознательно стали проводить въ жизнь *легисты*, или законники, учившіеся римскому праву съ его «quod principi placuit, legis habet vigorem» [1]), въ томъ же самомъ направленіи оказывала свое вліяніе и церковная традиція, придававшая этой въ принципѣ неограниченной власти религіозное освященіе, «нѣсть бо власть, аще не отъ Бога». Такого освященія не имѣла никакая другая свѣтская власть: король помазывался на царство, какъ древніе еврейскіе цари, и короновался, какъ прежніе христіанскіе императоры и первый франкскій король Хлодвигъ съ его преемниками. Капетинги не только не пренебрегали священнымъ вѣнчаніемъ на царство, но каждый изъ нихъ еще при жизни совершалъ этотъ актъ надъ своимъ сыномъ въ соборѣ г. Реймса, гдѣ крестился и былъ помазанъ на царство Хлодвигъ. Хотя въ рамки феодальнаго устройства вошла и церковь, однако, именно въ духовенствѣ болѣе, чѣмъ гдѣлибо, хранились государственныя традиціи прежнихъ вѣковъ, и именно въ этомъ сословіи короли находили одно время наибольшее количество помощниковъ. Нерѣдко свѣтская власть даже сознательно опиралась на церковь въ своей борьбѣ съ феодализмомъ [2]).

«Чтó составляетъ жизненный нервъ королевской власти Капетинговъ, говоритъ Флякъ, чтó обезпечиваетъ ей будущность, это — то, что у нея есть идеалъ, и что она представляетъ собою во всей чистотѣ и силѣ принципъ управленія. Этотъ идеалъ есть не что иное, какъ возстановленіе владычества франкскихъ королей надъ всей Галліей, единство власти и единство страны. Его постоянно освѣжаетъ въ сознаніи духовенство, и онъ держится, какъ традиція, въ

---

[1]) «Что благоугодно государю, имѣетъ силу закона». См. Монархіи древняго Востока, стр. 255.

[2]) Ср. выше, стр. 30—40 и 126.

нѣдрахъ королевскаго потомства. Въ то же время наслѣдственность отъ отца къ сыну сохраняетъ единство родового домена, который потомъ поможетъ осуществить этотъ идеалъ» [1]).

Такимъ образомъ власть первыхъ королей изъ династіи Капетинговъ была сложнаго состава: каждый изъ нихъ былъ прежде всего богатый помѣщикъ, потомъ графъ для цѣлаго ряда мѣстностей, затѣмъ герцогъ во «Франціи», принимая это слово въ тѣсномъ смыслѣ одного изъ большихъ герцогствъ, на которыя распалась страна: далѣе, глава всѣхъ крупныхъ феодаловъ, или феодальный монархъ, которому другіе крупные князья, раздѣлившіе между собою высшую власть надъ территоріей, были обязаны гомагіемъ, и, наконецъ, традиціонный король, имѣвшій нѣкоторыя, очень, впрочемъ, мало опредѣленныя права надъ населеніемъ всей Галліи [2]). Вотъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ у Капетинговъ и не могло быть конкуррентовъ въ странѣ, хотя бы нѣкоторые крупные сеньёры фактически были и богаче, и сильнѣе ихъ. «Если каждый воинъ стремится сдѣлаться сеньёромъ, говоритъ Флякъ, каждый сеньёръ — сдѣлаться княземъ, мы никогда не видимъ, чтобы княжескій санъ перешелъ въ королевскій. Такъ, Вильгельмъ Завоеватель овладѣваетъ короной Англіи, но остается герцогомъ Нормандіи. Вильгельмъ Аквитанскій хлопочетъ пріобрѣсти для своего сына корону Италіи, но ему и въ голову не приходитъ возвести Аквитанію на степень королевства. Одонъ (Ode, Eudes) Блуаскій очень хотѣлъ бы завладѣть королевствомъ Бургундскимъ и даже мечтаетъ объ императорской коронѣ, но отнюдь не помышляетъ сдѣлать королевство изъ Шампани [3]).

Господами Галліи продолжали считаться франки, и королевство франковъ (regnum francorum) должно было распространяться въ принципѣ на всю Галлію, и потому тотъ, кто былъ непосредственнымъ обладателемъ «Франціи», былъ самымъ важнымъ, самымъ главнымъ государемъ во всей странѣ, у котораго теоретически сохранялись старыя королевскія права по отношенію ко всему населенію страны. Особенно было важно, что въ качествѣ короля парижскій сеньёръ

---

[1]) *Flach*, III, 143.
[2]) Ibid., III, 151.
[3]) Ibid., III, 157.

считался высшимъ покровителемъ церкви во всемъ королевствѣ, гдѣ только были земли у епископовъ и аббатовъ, а гдѣ ихъ, спрашивается, не было? Какъ короли всей страны,— хотя бы мѣстные князья и не признавали за ними ничего, кромѣ первенства между равными,—Капетинги представляли собою ее извнѣ и, между прочимъ, въ ея отношеніяхъ къ папству. Во всѣхъ указанныхъ смыслахъ королевская власть высоко парила надъ феодализмомъ, по выраженію Фляка [1]), и не была по существу своему феодальной, каковою сдѣлалась въ XII в. и пробыла до XV столѣтія.

Отсюда и сохраненіе многихъ старыхъ бытовыхъ чертъ въ королевскомъ обиходѣ, а именно и въ придворномъ церемоніалѣ, который велъ свое происхожденіе отъ Карла Великаго, заимствовавшаго его изъ Византіи, и въ названіяхъ придворныхъ чиновъ, и въ томъ, что придворная капелла была разсадникомъ будущихъ епископовъ и аббатовъ, и въ титулатурѣ, дѣлавшей королей «всегда августѣйшими» (semper augustus) и т. п., и въ фразеологіи дипломовъ, изготовлявшихся королевской канцеляріей, и въ представленіи, что обязанность короля защищать страну отъ внѣшнихъ враговъ, охранять миръ внутри, оказывать всѣмъ справедливость, покровительствовать слабымъ и угнетеннымъ и т. д.

Весьма естественно, что короли хотѣли осуществлять свои теоретическія права на самомъ дѣлѣ, но матеріальныя средства у нихъ для этого были лишь такія, какими обладали и другіе крупные сеньёры, и не было другого, такъ сказать, основного метода, какъ обобщеніе феодальныхъ отношеній, въ чемъ, собственно говоря, и состояла феодализація монархіи. Именно, она заключалась не въ томъ, что королемъ сдѣлался одинъ изъ сеньёровъ, а въ томъ, что этотъ сеньёръ, получившій титулъ короля, сталъ возстановлять вконецъ пришедшую въ упадокъ государственную власть, практически опираясь на феодальныя же отношенія, т.-е. пользуясь тѣми правами, какія феодальный контрактъ давалъ всѣмъ сеньёрамъ по отношенію къ ихъ вассаламъ, распространяя свой сюзеренитетъ на всѣхъ крупныхъ феодаловъ, раньше не признававшихъ себя его вассалами, и расширяя самое содержаніе своего сюзеренитета. Изъ двухъ элементовъ королевской власти при первыхъ Капетингахъ, фео-

---

[1]) La royauté plane au-dessus de la féodalité. Ibid., III. 317.

дальнаго и традиціоннаго, съ XII в. сталъ брать перевѣсъ первый, и это какъ-разъ послужило лучшимъ средствомъ для политическаго объединенія Франціи. Дѣйствительность второй половины среднихъ вѣковъ стояла въ полномъ противорѣчіи съ традиціоннымъ идеаломъ королевской власти. Чтобы стать чѣмъ-либо реальнымъ, ей нужно было приноровиться къ существующимъ отношеніямъ, приспособляя ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ осуществленію своихъ притязаній, а для этого было только одно средство: король долженъ былъ превратиться во всеобщаго феодальнаго сеньёра, *seigneur fieffeux*, по отношенію къ которому всѣ его пэры, т.-е. равные ему по княжескому рангу феодалы, приносятъ присягу въ вѣрности и которому такимъ образомъ принадлежатъ *dominium directum* или *éminens* (domaine éminent) по отношенію ко всей странѣ. Этотъ король, «первый между равныыи» (primus inter pares), — уже не монархъ, у котораго есть какія-либо, хотя и мало опредѣленныя и плохо осуществляемыя права надъ всѣмъ населеніемъ страны, а глава цѣлой іерархіи феодальныхъ сеньёровъ, у котораго есть подданные только въ доменахъ, а внѣ ихъ есть только вассалы, имѣющіе тоже своихъ вассаловъ, но уже не находящихся ни въ какихъ прямыхъ, непосредственныхъ отношеніяхъ къ королю. Все свое будущее, начиная съ XII в., феодальная монархія видѣла въ закрѣпленіи за собою вассальной вѣрности другихъ крупныхъ сеньёровъ и полагала свою миссію въ томъ, чтобы быть высшею охранительницею феодальныхъ отношеній въ странѣ, пользуясь, однако, и всѣми случаями, чтобы пріумножать королевскіе домены путемъ браковъ, прикупокъ, возвращенія выморочныхъ феодовъ или конфискацій феодовъ по суду, какъ это дѣлали и другіе крупные сеньёры [1]). Еще въ концѣ XII в., черезъ двѣсти лѣтъ послѣ воцаренія Гугона Капета, королевскіе домены едва были вдвое больше первоначальнаго владѣнія [2]), и ростъ ихъ начался только съ XIII столѣтія, причемъ первымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ была Нормандія, конфискованная Филиппомъ-Августомъ у Іоанна Безземельнаго.

Итакъ, у феодальнаго монарха есть пэры, равные ему младшіе товарищи, между которыми онъ только первый, какъ

---

[1]) См. выше, стр. 133.

[2]) См. карты II и V.

есть свои пэры у каждаго сеньёра. Эти pares собираются при королевскомъ дворѣ для обсужденія общихъ дѣлъ и для суда, составляютъ *королевскую курію* (curia regis, cour royale), въ которой участвуютъ и болѣе мелкіе вассалы короля. Въ сущности, такія же куріи были и у другихъ сеньёровъ. Когда Филиппъ-Августъ вызвалъ на судъ пэровъ Іоанна Безземельнаго въ качествѣ своего вассала по Нормандіи и тотъ не явился на зовъ, именно такой судъ пэровъ постановилъ конфискацію этого феода, хотя потомъ приведеніе въ исполненіе этого приговора и потребовало войны.

Постепенное устроеніе феодальной монархіи шло во Франціи параллельно съ постепеннымъ же объединеніемъ отдѣльныхъ крупныхъ княжествъ, бывшихъ раньше въ распаденіи: эти большія частныя государства объединялись внутри, а извнѣ ихъ объединяла общая монархія, права которой осуществлялись однимъ изъ этихъ частныхъ государствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ этихъ частныхъ государствъ дѣлались достояніемъ Капетинговъ, которые посылали управлять ими своихъ превотовъ или сенешаловъ, а иногда отдавали въ видѣ удѣловъ *(апанажей, apanages)* членамъ своей семьи. Весь дальнѣйшій ростъ королевской власти во Франціи совершался на этой почвѣ путемъ расширенія феодальныхъ связей, собиранія отдѣльныхъ феодовъ подъ непосредственною властью короля, устройства въ нихъ собственной администраціи по образцу той, которая была въ его первоначальномъ доменѣ. Потомъ эта феодальная монархія превратилась въ сословную, о чемъ еще рѣчь впереди, сословная же— въ абсолютную, когда король сталъ воплощать въ себѣ все государство (знаменитое «l'état, c'est moi»), «государство, это — я» Людовика XIV), но и въ эту эпоху французскій король продолжалъ смотрѣть на себя, какъ на «перваго дворянина» своего королевства, а на свою государственную власть, какъ на частную собственность своего рода, вполнѣ аналогичную съ правами любого дворянина на его помѣстье. Не забудемъ, что до самаго конца старой монархіи во Франціи въ королевскихъ помѣстьяхъ (доменахъ) сохранялись всѣ старыя сеньёрьяльныя права, и даже существовалъ серважъ, уничтоженный лишь эдиктомъ 1779 г., всего, значитъ, лишь за десять лѣтъ до взрыва великой революціи. Мало того: абсолютная монархія во Франціи въ XVII и XVIII вв. защищала всею своею властью и мощью соціальный феода-

лизмъ, т.-е. совокупность сеньёрьяльныхъ правъ, тяготѣвшихъ надъ населеніемъ.

Франція XII — XIII вв. — типическая представительница феодальной монархіи, и на примѣрѣ Франціи удобнѣе всего прослѣдить какъ процессъ сеньёрьяльнаго распаденія страны, такъ и процессъ возстановленія въ ней федеративнаго единства на почвѣ развитія феодальныхъ отношеній. Но это и не единственный примѣръ въ своемъ родѣ. Рядъ аналогичныхъ явленій мы имѣемъ и въ исторіи Германіи съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь процессъ феодализаціи въ широкомъ смыслѣ слова и позднѣе начался, и совершался гораздо медленнѣе, чѣмъ во Франціи.

Между годомъ верденскаго договора, по которому произошло раздѣленіе монархіи Карла Великаго, и годомъ, когда во Франціи прекратилась его династія, прошелъ промежутокъ времени въ полтора вѣка (843—987 гг., т.-е. 144 года), въ теченіе которыхъ Франція и раскрошилась на массу мелкихъ сеньёрій. Въ Германіи царствованіе Каролинговъ прекратилось еще раньше, въ самомъ началѣ X в. (911 г.), но королевская власть здѣсь въ эту эпоху была еще сильна. Мы видѣли уже, что къ тому времени и въ Германіи образовались племенныя герцогства [1]), между которыми особую роль въ X—XIII вв. играли Саксонія, Франконія и Швабія, такъ какъ владѣльцы ихъ послѣдовательно носили королевскую корону. Правда, дробленіе не остановилось на образованіи большихъ герцогствъ, обладатели которыхъ, дѣлаясь королями, могли сажать въ другихъ герцогствахъ своихъ родственниковъ, чтобы обезпечить за собою ихъ повиновеніе, но до середины XIII столѣтія, когда прекратилась въ Германіи швабская династія, извѣстная больше подъ названіемъ дома Гогенштауфеновъ, раздробленіе самихъ герцогствъ на отдѣльныя княжества не нарушало въ большой мѣрѣ единства государства. Появлялись новые герцоги; графы и епископы выбивались изъ-подъ власти герцоговъ, дѣлаясь отдѣльными князьями, — титулъ, которымъ они стали обозначаться съ XI в., — но, отказывая въ повиновеніи герцогамъ, они становятся лишь въ непосредственныя отношенія къ королю, что для послѣдняго даже было выгоднѣе: легче было держать въ повиновеніи большее количество болѣе

---

[1]) См. выше, стр. 39.

мелкихъ князей, чѣмъ очень ограниченное число крупныхъ герцоговъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ этихъ князей были епископы, не могшіе изымать свои земли въ наслѣдственныя владѣнія. Къ концу XII в. всѣ такіе «имперскіе князья» *(Reichsfürsten)*, какъ ихъ стали называть, считались уже непосредственными вассалами короля, держащими отъ него свои лены. Число такихъ князей росло,—если въ концѣ XII в. ихъ было 16, то въ XIV—уже 44,—и росло оно потому, что либо въ это званіе возводились отдѣльные сеньёры *(Herren*, господа) самимъ королемъ съ согласія другихъ князей, либо многіе и самовольно начинали себя титуловать князьями, не говоря уже о томъ, что число княжествъ росло и отъ семейныхъ раздѣловъ: въ концѣ концовъ въ Германіи княжества стали считаться цѣлыми сотнями, какъ это было, напр., въ XVIII столѣтіи.

Это дробленіе усилилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась власть князей, превратившаяся въ настоящее территоріальное, или земское верховенство *(Landeshoheit)* съ середины XIII в., когда послѣ прекращенія династіи Гогенштауфеновъ началось великое междуцарствіе (1254—1273), сопровождавшееся господствомъ «кулачнаго права». Дальнѣйшая исторія Германіи была сплошь процессомъ постепеннаго разложенія ея внутренняго единства и въ смыслѣ увеличенія количества княжествъ, на которыя она распадалась, и въ смыслѣ усиленія независимости князей отъ центральной власти [1]).

Три главныя причины обусловили побѣду центробѣжныхъ силъ въ Германіи надъ силами центростремительными, надъ централизирующею силою государства, силою королевской власти.

Первая была та, что въ Германіи не установилось наслѣдственности власти въ одномъ родѣ, и не образовалось постояннаго территоріальнаго владѣнія, которое было бы для Германіи тѣмъ же, чѣмъ сдѣлалось графство Парижское для Франціи. Капетинги съумѣли сохранить въ своей фамиліи королевскую власть, бывшую избирательной въ принципѣ, но сдѣлавшуюся наслѣдственною фактически. Ихъ счастьемъ было то, что отцу всегда наслѣдовалъ уже взрослый старшій сынъ, а уже отъ ихъ политическаго умѣнія зави-

[1]) См. мою «Исторіи Западной Европы въ новое время», т. I, гл. 11, т. II, гл. 13 и 28 и т. III, гл. 4 (вторая половина).

сѣло то, что съ согласія другихъ феодаловъ сынъ еще при жизни отца вѣнчался на царство и становился какъ бы его соправителемъ. Въ Германіи избирательный престолъ переходилъ изъ одной фамиліи въ другую. Первымъ свободно избраннымъ королемъ былъ здѣсь франконскій герцогъ, большая часть области котораго лежала на востокъ отъ средняго теченія Рейна, къ сѣверу и югу отъ Майна на всемъ протяженіи этой рѣки [1]). Послѣ этого на цѣлое столѣтіе (919—1024) дѣлаются королями герцоги Саксоніи, лежавшей къ сѣверу отъ Франконіи до самой Даніи, по обѣ стороны Везера до Эльбы на востокѣ и почти до Рейна на западѣ. Затѣмъ опятъ на цѣлое столѣтіе (1024—1125) королевская власть снова возвращается къ франконскимъ герцогамъ, а затѣмъ, послѣ краткаго перерыва, занятаго царствованіемъ опять саксонца, переходитъ на столѣтіе слишкомъ (1138—1254) къ Гогенштауфенамъ, бывшимъ герцогами Швабіи, которая лежала къ югу отъ Франконіи по верхнимъ теченіямъ Рейна и Дуная до самыхъ Альповъ. Ни одна изъ этихъ династій не упрочила за собою и за своимъ родовымъ герцогствомъ королевской короны, и ни Франконія, ни Саксонія, ни Швабія не сдѣлались тѣмъ, чѣмъ для Франціи было герцогство Французское (впослѣдствіи Иль-де-Франсъ).—Вторая причина была та, что, начиная съ Оттона Великаго, германскіе короли постоянно стремились обладать сѣверной Италіей и императорской короной Рима. Въ серединѣ X столѣтія Германія превратилась въ «Священную Римскую имперію германской націи», и германскій король сдѣлался римскимъ императоромъ. Національно-германская королевская власть была принесена въ жертву универсальному римскому императорству, ибо въ погонѣ за Италіей и за императорской короной нѣмецкіе короли пренебрегали упроченіемъ своего положенія въ Германіи и дѣлали феодализму уступку за уступкой, лишь бы имѣть на своей сторонѣ силы своихъ вассаловъ въ походахъ за Альпы.—Наконецъ, третья причина была въ томъ, что въ великой борьбѣ средневѣковой духовной монархіи папъ съ свѣтскими государями главными представителями свѣтской власти, въ качествѣ носителей универсальнаго императорства, выступили короли Германіи, на которыхъ и обрушилась вся сила папства, нашедшаго себѣ притомъ союзниковъ

---

[1]) Франконія, какъ и Франція, есть «страна франковъ».

въ германскихъ феодалахъ. Великое междуцарствіе XIII в. было естественнымъ результатомъ этой политики, и Германія распалась на цѣлый рядъ отдѣльныхъ земель и среди нихъ на множество духовныхъ княжествъ, изъ которыхъ значительное число дотянуло свое существованіе до секуляризаціи начала XIX в. [1]). Въ западной части Германіи, гдѣ вообще дробленіе было сильнѣе, чѣмъ въ восточной части, особенно по Рейну, развился настоящій мелкій политическій феодализмъ, т.-е. образовались настоящія помѣстья-государства такъ называемаго *имперскаго рыцарства (Reichsritterschaft)*, которое не подчинялось никакимъ князьямъ, признавая свою зависимость лишь отъ императора.

Послѣ великаго междуцарствія во главѣ Германіи стоялъ выборный императоръ. Съ XII в. установилось, какъ правило, что этого императора имѣли право выбирать лишь семь князей. Изъ нихъ трое были князья духовные, архіепископы Майнца, Кёльна и Трира, лежавшихъ по Рейну и его притоку Мозелю, а четверо—свѣтскіе, именно—герцоги швабскій, баварскій и саксонскій и пфальцграфъ рейнскій, владѣнія котораго лежали по обѣ стороны Рейна на югъ отъ впаденія въ него Майна. Въ 1356 г. золотая булла Карла IV замѣнила герцоговъ швабскаго и баварскаго маркграфомъ бранденбургскимъ и королемъ богемскимъ, сохранивъ для этихъ князей-избирателей, или *курфюрстовъ* (Kurfürsten, principes electores, откуда и титулъ *электоры*, по-французски *électeurs)* старую цифру 7 [2]). Съ середины XIII в. курфюрсты отступили отъ прежняго обычая выбирать въ имераторы болѣе сильныхъ князей и держаться подолгу при выборахъ все одного и того же княжескаго рода: теперь стали выбирать менѣе значительныхъ князей и довольно часто мѣнять династіи, пока въ серединѣ XV в. корона не укрѣпилась за домомъ Габсбурговъ. Въ эту эпоху и развивается въ Германіи территоріальный суверенитетъ князей (Landeshoheit), они дѣлаются земскими «господами» (Landesherren), непосредственными, или *иммедіатными (immediati)* чинами имперіи (reichsunmittelbare Stände) въ вассальной зависимости отъ императора. Каждый такой непосредственный чинъ былъ въ

---

[1]) Исторія Зап. Европы, IV, гл. 9.

[2]) Послѣ тридцатилѣтней войны и въ XVIII в. ихъ было восемь и девять (прибавились Баварія и Ганноверъ).

полномъ смыслѣ болѣе крупнымъ феодальнымъ сеньёромъ, или, какъ это понятіе выражалось по-нѣмецки, *леннымъ господиномъ*, у котораго были свои вассалы или подвассалы *(Aftervassalen)*, находившіеся къ имперіи лишь въ посредственныхъ отношеніяхъ и потому называвшіеся *медіатными (mediati)*. Это была цѣлая іерархія политическихъ положеній, которую еще въ XIII в. систематизировало «Саксонское Зерцало», сборникъ тогдашняго нѣмецкаго права, установивъ цѣлую градацію «воинскихъ щитовъ» (Heerschildordnung), высшую ступень въ которой занималъ король, за нимъ вторую и третью—духовные и свѣтскіе князья, за которыми на четвертой стояли *свободные господа (freie Herren, liberi barones)* и т. д. Эта ступень *фрейгерровъ* и соотвѣтствовала имперскому рыцарству, въ рукахъ котораго еще передъ французской революціей было около двухъ тысячъ феодальныхъ помѣстій.

ГЛАВА XIV.

Особенности феодальной монархіи въ Англіи.

Важность англійскаго феодализма.—Соціальная феодализація въ Англіи до середины XI в.—Сохраненіе въ странѣ народно-государственнаго строя передъ нормандскимъ завоеваніемъ.—Распространеніе феодальныхъ учрежденій путемъ завоеваній.—Завоеваніе Англіи нормандцами.—Почему въ Англіи не развился политическій феодализмъ?—Сепаратистическія стремленія англійскихъ феодаловъ.—Реставрація государственности при Генрихѣ II.—Характеръ феодальной монархіи въ Англіи.—Феодальныя хартіи и Magna charta libertatum.—Общій выводъ о феодальной монархіи.

Познакомившись съ процессомъ и результатами феодализаціи монархіи въ двухъ странахъ, образовавшихся изъ имперіи Каролинговъ, мы продолжимъ разсмотрѣніе того же самаго процесса въ Англіи, на которую не распространялись порядки, вырабатывавшіеся въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи Карла Великаго, но въ которую въ серединѣ XI в. былъ путемъ завоеванія занесенъ уже въ готовомъ видѣ француз-

скій или, вѣрнѣе говоря, нормандскій феодализмъ. Намъ не только интересно познакомиться еще съ однимъ примѣромъ феодализаціи монархій, тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ нѣсколько своеобразныхъ чертъ, но и важно, кромѣ того, это ознакомленіе и потому, что въ разсмотрѣніи вопроса о происхожденіи и развитіи сословно-представительныхъ учрежденій придется постоянно имѣть въ виду англійскій политическій и соціальный строй передъ возникновеніемъ парламента.

Англія, какъ единое королевство, образовалась лишь въ 827 г., когда подъ властью вессекскаго короля Эгберта соединились воедино всѣ южныя части острова, занятыя англо-саксами, пришедшими сюда съ материка въ V в. Сначала англо-саксы жили мелкими княжествами, постоянно между собою воевавшими, потомъ стали соединяться въ королевства, которыхъ одно время было семь, потомъ три, наконецъ одно. Но граинцы прежнихъ княжествъ сохранились въ дѣленіи страны на *шэйры (shires)*, соотвѣтствующіе *пагамъ* королевства франковъ, какъ остались и областныя вѣча, или *гемоты*, несмотря на то, что образовалось и общегосударственное вѣче, *витенагемотъ*. Римская провинція Британія ко времени прихода англо-саксовъ была романизирована слабо; римскіе легіоны удалились еще раньше; кельты были частью истреблены, частью оттѣснены въ Шотландію или даже прямо вытѣснены съ острова (въ Бретань), а христіанство такъ основательно исчезло, что странѣ пришлось его принимать совершенно заново, что̀ случилось лишь въ самомъ концѣ VI в. Всѣ эти общеизвѣстные факты отмѣчаются для того, чтобы подчеркнуть полное отсутствіе римскихъ основъ въ политическомъ и соціальномъ развитіи Англіи: основы эти были германскими и притомъ въ большей чистотѣ, нежели у германцевъ на континентѣ, вошедшихъ мало-по-малу въ составъ Франкскаго королевства съ его порядками, во многихъ отношеніяхъ унаслѣдованными отъ Римской имперіи. Тѣмъ не менѣе и въ Англіи совершался процессъ соціальной феодализаціи, въ общемъ весьма сходный съ тѣмъ, который происходилъ въ тѣ же вѣка на континентѣ [1]). Именно и здѣсь шло развитіе частнаго покро-

---

[1]) Желающіе познакомиться съ этимъ предметомъ ближе могутъ обратиться къ книгѣ проф. *Петрушевскаго* «Очерки изъ исторіи

вительства и частной власти и снизу, т.-е. путемъ коммендаціи, и сверху, т.-е. путемъ королевскихъ пожалованій. Понятію сеніора въ англо-саксонскомъ обществѣ соотвѣтствовало понятіе *глафорда (hlaford*, нѣчто въ родѣ «хлѣбодавца»), откуда черезъ стяженіе произошло позднѣйшее слово *лордъ (lord)*. Коммендація и въ Англіи сопровождалась раздачею бенефиціевъ, какъ это дѣлалось и на континентѣ. Результатомъ было то, что и здѣсь общество мало-по-малу разбилось на меньшинство, состоявшее изъ глафордовъ, и большинство, состоявшее изъ ихъ людей, *homines*, какъ говорилось въ написанныхъ по-латыни памятникахъ. Съ своей стороны государственная власть признала за глафордами право суда надъ ихъ людьми, причемъ эта передача государствомъ юрисдикціи частнымъ людямъ и духовнымъ корпораціямъ получила названіе *соки (soca*, полнѣе *saca et soca, sac and soc)*, суть же дѣла заключалась, однако, въ томъ, что глафордъ только замѣнялъ королевскаго чиновника въ качествѣ предсѣдателя въ чисто народномъ судѣ или назначалъ для этого своего агента, и глафорду же достались всѣ судебные доходы, начиная съ штрафовъ. Кромѣ того, короли жаловали частнымъ лицамъ и духовнымъ корпораціямъ и разные свои доходы, т.-е. разныя фискальныя права. Въ сущности, это былъ континентальный иммунитетъ, только опять-таки подъ другимъ названіемъ, именно *freols-boc'a*, какъ обозначалась иммунитетная хартія на національномъ языкѣ. Передачей юрисдикціи и фискальныхъ правъ и создавался привилегированный *боклантъ, boc-land* [1]), т.-е. земля, выдѣлявшаяся королевскою грамотою, или *бóкомъ (boc*, собственно книга) изъ народной земли, или *фольксланда*, остававшейся подъ дѣйствіемъ общаго права. Наконецъ, когда въ странѣ явился настоящій государственный налогъ, получившій названіе *датскихъ денегъ (Danegeld)*, такъ какъ установился для борьбы съ датскими набѣгами, то правительство на глафордовъ же возложило отвѣтственность за уплату ихъ людьми этого налога, чѣмъ еще болѣе расширило ихъ власть. Къ концу англо-саксонскаго періода, благодаря всему этому, значительная часть бывшихъ прежде свободными крестьянъ

англійскаго государства и общества въ средніе вѣка». Спб. 1903, I. 41 и слѣд.

[1]) См. выше, стр. 60.

превратилась въ полусвободныхъ *вилланове,* какъ и въ Англіи сталъ называться этотъ классъ, и довольно большое число сельскихъ общинъ превратилось въ помѣстья или, по англійской терминологіи, *мэноры* (manor), мало чѣмъ отличавшіеся подконецъ отъ другой категоріи помѣстій, которыя, возникнувъ на пустопорожнихъ земляхъ тѣхъ или другихъ сильныхъ людей или монастырей, съ самаго начала были заселены рабами-земледѣльцами или полусвободными крестьянами.

Происходившій такимъ образомъ процессъ феодализаціи не получилъ, однако, въ Англіи всеобъемлющаго характера. Во-первыхъ, если и образовалось подобіе континентальнаго помѣстья въ видѣ мэнора англо-саксонской эпохи, то рядомъ съ мэнорами продолжали еще существовать и совершенно свободныя сельскія общины. Во-вторыхъ, отъ каждой сельской общины, была ли она свободной или мэноріальной, отправлялись, какъ и въ былыя времена чисто-народнаго быта, по четыре наиболѣе уважаемыхъ человѣка со священникомъ и старостою на вѣчевыя сходки (гемоты) сотенъ и шэйровъ [1]), имѣвшія судебное и административно-хозяйственное значеніе и собиравшіяся каждый мѣсяцъ (сотенное собраніе, *hundredgemoot)* и два раза въ годъ *(shiremoot).* Въ-третьихъ, королевская власть еще не успѣла превратиться въ простой сюзеренитетъ, какъ то было на материкѣ, и продолжало существовать обще-государственное народное собраніе, *витенагемотъ,* правда, сильно аристократизировавшееся [2]), но отнюдь не имѣвшее характера феодальнаго съѣзда королевскихъ вассаловъ при дворѣ своего сюзерена.

Едва ли, однако, можно сомнѣваться въ томъ, чтобы дальнѣйшая феодализація общественнаго и государственнаго строя не привела постепенно и Англію къ тѣмъ же результатамъ, какіе наблюдаются на материкѣ, т.-е. чтобы и здѣсь этимъ процессомъ не были разрушены и центральная власть, и общенародныя учрежденія мѣстной жизни, и чтобы Англія не раздробилась на рядъ сеньёрій разныхъ ранговъ съ общимъ характеромъ помѣстья-государства. Отъ этой перспективы Англія была, однако, спасена нормандскимъ завоеваніемъ.

Извѣстно, что часть воинственныхъ норманновъ, производившихъ опустошенія со второй половины IX в. во мно-

---

[1]) *Сотня (centena, hundred)*—подраздѣленіе *шэйра.*

[2]) См. ниже, въ главѣ объ англійскомъ парламентѣ.

гихъ мѣстахъ Западной Европы, основала въ началѣ X в. на нижнемъ теченіи Сены особое герцогство. Здѣсь норманны постепенно офранцузились, подчинившись мѣстному населенію и въ языкѣ, и въ другихъ сторонахъ культуры, и превратились въ нормандцевъ, сохранившихъ только общее имя со своими скандинавскими сродичами. Ихъ новая родина, ставшая называться Нормандіей, феодализировалась, но нормандскій феодализмъ отличался отъ аналогичныхъ съ нимъ порядковъ въ другихъ частяхъ Франціи большею силою и непосредственностью герцогской власти. Потомки суровыхъ «сѣверныхъ людей» и на почвѣ Франціи сохранили воинственный духъ и любовь къ приключеніямъ своихъ предковъ-викинговъ и въ серединѣ XI в. произвели нѣсколько завоеваній, причемъ всюду, въ той или другой формѣ, устанавливали порядки, развившіеся въ самой Нормандіи. Двумя главными завоеваніями нормандскихъ рыцарей были южная Италія, гдѣ они основали особое государство съ феодальнымъ устройствомъ, получившее впослѣдствіи названіе королевства Обѣихъ Сицилій, и Англія, о которой у насъ теперь идетъ рѣчь, и въ которую они тоже внесли феодальные порядки. Южно-итальянскіе нормандцы грозили даже Византійской имперіи, а когда начались крестовые походы, то и въ нихъ вмѣстѣ съ французскими нормандцами приняли дѣятельное участіе. Въ эту эпоху феодальные порядки французскаго происхожденія заносились путемъ завоеванія и въ другія новыя страны: въ 1096 г. организовано было на феодальныхъ началахъ Іерусалимское королевство, основанное крестоносцами въ Палестинѣ, а когда участники четвертаго крестоваго похода завоевали Византійскую имперію и на ея мѣстѣ основали имперію Латинскую, то и она получила феодальную организацію. Мало того: въ Іерусалимскомъ королевствѣ, напр., феодализмъ былъ, такъ сказать, искусственно систематизированъ, получивъ болѣе логическое развитіе и болѣе стройный характеръ. Не даромъ же такъ называемыя «Іерусалимскія ассизы» являются однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ феодальнаго права. Что завоеватели Неаполя и Сициліи, Англіи, Святой Земли и Византіи приносили съ собою феодальные порядки своей родины, весьма понятно: нормандскія и крестоносныя ополченія состояли изъ феодальныхъ сеньёровъ, которые не могли иначе представить себѣ результаты завоеванія, какъ въ видѣ

пріобрѣтенія новыхъ феодовъ и установленія тѣхъ же отношеній къ королевскоой власти, какія существовали на ихъ родинѣ. Но въ то же время, конечно, вводя феодальные порядки въ завоеванныхъ странахъ, побѣдители не могли не считаться съ тѣми отношеніями, которыя они находили въ этихъ странахъ. Такъ именно и случилось въ Англіи. Въ нее внесенъ былъ нормандскій феодализмъ, отличавшійся въ самой Франціи нѣкоторыми особенностями, но и англійскій строй имѣлъ свои особенности, которыхъ не знала континентальная Европа, да кое-что особенное вытекало, кромѣ того, и изъ самаго факта завоеванія большой страны пришлыми рыцарями.

Дѣло происходило такъ. Царствовавшій въ Англіи въ серединѣ XI в. Эдуардъ Исповѣдникъ приходился по своей матери родственникомъ нормандскаго герцога Вильгельма, которому, не имѣя потомства, и завѣщалъ корону, тѣмъ болѣе, что самъ получилъ воспитаніе въ Нормандіи, гдѣ очень пристрастился къ французской культурѣ. Англо-саксонскій витенагемотъ, по смерти Эдуарда, избралъ своего короля, Гарольда, который, однако, былъ побѣжденъ Вильгельмомъ при Гастингсѣ въ 1066 г. и самъ былъ убитъ въ этомъ историческомъ сраженіи. Вильгельмъ, прозванный послѣ этого Завоевателемъ, смотрѣлъ на себя, какъ на законнаго наслѣдника англо-саксонскихъ королей, къ которому должны были перейти и всѣ ихъ права, вслѣдствіе чего на всѣхъ, сопротивлявшихся его власти, смотрѣлъ, какъ на мятежниковъ, заслуживающихъ быть наказанными конфискаціей имуществъ, тогда какъ всѣ, добровольно ему подчинившіеся, наоборотъ, получили отъ него торжественное обѣщаніе въ томъ, что̀ за ними будутъ сохранены всѣ ихъ права. Но Вильгельмъ совершилъ завоеваніе Англіи не одинъ: съ нимъ пришло множество нормандскихъ бароновъ и сеньёровъ изъ другихъ частей Франціи, и онъ, конечно, долженъ былъ ихъ наградить, что̀ и совершилось чрезъ пожалованіе имъ земель, конфискованныхъ у англо-саксонскихъ глафордовъ. Выходило, слѣдовательно, такъ, что въ смыслѣ раньше установившихся порядковъ все оставалось по старому, и только новыми были теперь король и его бароны, вступившіе въ права своихъ англо-саксонскихъ предшественниковъ, въ иныхъ же случаяхъ въ своихъ прежнихъ правахъ сохранилось не мало и старыхъ глафордовъ. Перемѣна была, значитъ,

не такого рода, чтобы ею могла быть задержана или остановлена феодализація соціальнаго быта Англіи, да и на самомъ дѣлѣ этотъ процессъ продолжался въ странѣ и при нормандскихъ короляхъ со всѣми своими послѣдствіями, т.-е. съ распространеніемъ и укрѣпленіемъ помѣстнаго, мэноріальнаго строя, хотя бы въ принципѣ король и считался верховнымъ собственникомъ земли, а всѣ бароны были только ея держателями на феодальномъ правѣ. Но въ Англіи мэноръ не сдѣлался сеньёріей въ смыслѣ помѣстья-государства, къ чему тоже могъ бы притти, т.-е. здѣсь не произошло развитія политическаго феодализма, и причина этого была какъ-разъ въ самомъ фактѣ нормандскаго завоеванія.

Вильгельмъ Завоеватель явился наслѣдникомъ власти англо-саксонскихъ королей, которая уже значительно ослабѣвала, и завоеваніе ее только укрѣпило. Англія не сразу послѣ гастингской битвы покорилась завоевателямъ: пришельцы, т.-е. нормандскіе бароны и сеньёры изъ другихъ частей Франціи являлись чѣмъ-то въ родѣ вооруженнаго лагеря среди враждебнаго туземнаго населенія, а это заставляло ихъ сплачиваться около своего вождя, въ которомъ, съ другой стороны, и побѣжденные хотѣли видѣть защитника и покровителя противъ насилій и грабительствъ со стороны пришлыхъ чужеземцевъ. Правда, новые бароны, получившіе феоды въ завоеванной странѣ, склонны были видѣть въ своемъ вождѣ лишь верховнаго сюзерена всѣхъ земель въ королевствѣ, который, однако, не долженъ былъ бы вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла, но именно прежнее населеніе въ борьбѣ, которая начала обнаруживаться между королевскою властью и баронами при всей необходимости для послѣднихъ солидарности со своимъ вождемъ, становилось на сторону государственной власти противъ помѣстныхъ притязаній. Главное же было въ томъ, что и самъ Вильгельмъ Завоеватель принялъ свои мѣры противъ возможности политическаго раздробленія страны.

Первою изъ этихъ мѣръ былъ особый способъ раздачи феодовъ. Незадолго до смерти Вильгельма Завоевателя, въ 1086 г., была составлена подробная перепись всѣхъ земельныхъ владѣній въ королевствѣ, получившая въ слѣдующемъ столѣтіи названіе *Книги страшнаго суда (Domesday book, Думсдэбукъ)*, изъ которой мы узнаемъ, что непосредственно отъ короля держало свои земли 1400 человѣкъ, отъ кото-

рыхъ держало, въ свою очередь, зе́мли 7900 лицъ, и что все это были держанія высшаго ранга. Такимъ образомъ, и въ Англіи составились классы вассаловъ самого короля и подвассаловъ, или вассаловъ королевскихъ вассаловъ. Первые, т.-е. непосредственные держатели (tenentes in capite), впослѣдствіи называвшіеся вообще *баронами* и раздѣлявшіеся на *крупныхъ бароновъ (barones majores)* и *мелкихъ бароновъ (barones minores)*, были всѣ прибывшими съ Вильгельмомъ Завоевателемъ чужеземцами, тогда какъ большинство подвассаловъ, получившихъ впослѣдствіи общее наименованіе *рыцарей (milites)*, было англо-саксонскаго происхожденія. Крупные бароны, получившіе особенно большіе участки земли, могли бы легко сдѣлаться мелкими государями въ своихъ феодахъ, но Вильгельмъ никогда не надѣлялъ ихъ большими сплошными территоріями въ одномъ какомъ-либо шэйрѣ, напр., а если и давалъ цѣлыя десятки и даже сотни имѣній, то обыкновенно лишь разбросанными по многимъ шэйрамъ. Наприм., у королевскаго брата Роберта было 793 мэнора, но они были разбросаны по двадцати шэйрамъ, у другого брата, Одона,—439 мэноровъ въ семнадцати шэйрахъ и т. п. можетъ быть, строгой преднамѣренности и не было въ такой раздачѣ, а дѣло объясняется разновременностью и постепенностью пожалованій феодовъ, но результатъ былъ тотъ, что крупные бароны не имѣли доманіальной власти надъ большими территоріями, въ которыхъ могла бы развиться ихъ сеньёрьяльная независимость.

Несомнѣнно, уже сознательною была другая мѣра Вильгельма Завоевателя, вполнѣ гармонировавшая и съ нормандскими порядками. Во всѣхъ французскихъ феодальныхъ владѣніяхъ между сюзереномъ и вассалами его вассаловъ не существовало никакихъ непосредственныхъ юридическихъ отношеній, но въ Нормандіи таковыя существовали, что́ Вильгельмъ Завоеватель сдѣлалъ общимъ правиломъ и для Англіи. Въ 1086 г. прибыли къ королю въ Салисбери, говоритъ средневѣковая хроника, «его витаны («мудрые», высшій служебный персоналъ) и всѣ владѣвшіе землею люди, какіе только были во всей Англіи; чьими бы людьми они ни были, и всѣ преклонились передъ нимъ и сдѣлались его людьми и поклялись клятвой вѣрности ему, что будутъ вѣрны ему противъ всѣхъ людей» [1]). Такимъ образомъ присягою связаны были

[1]) *Петрушевскій*. Очерки, I, 67.

и бароны и рыцари, т.-е. вассалы бароновъ, и если обычными феодальными правами король пользовался лишь по отношенію къ держаніямъ бароновъ, то военную службу обязаны были нести и рыцари, такъ что военная служба въ Англіи сдѣлалась исключительно королевской службой (regale servitium). Этимъ феодальныя отношенія были поставлены въ служебныя отношенія къ государству.

Наконецъ, особенно важно и то, что Вильгельмъ Завоеватель сохранилъ и обезпечилъ на будущее время всѣ общенародныя учрежденія англо-саксовъ, которыя еще не были затронуты предыдущей феодализаціей. Шэйръ въ общемъ соотвѣтствовалъ графству франкскаго государства, и у насъ даже принято переводить слово *shire* словомъ *графство*, но въ Англіи это графство сохранило свою организацію свободной и самоуправляющейся подъ верховнымъ контролемъ центральной власти админстративной единицы со своими двумя ежегодными собраніями, разсматривавшими разныя мѣстныя дѣла общаго интереса.

Такимъ образомъ, перенесеніе Вильгельмомъ Завоевателемъ формъ континентальнаго феодализма въ Англію, гдѣ уже происходилъ свой процессъ феодализаціи, послужило здѣсь не раздробленію страны на помѣстья-государства, а укрѣпленію центральной власти противъ всякихъ захватовъ со стороны бароновъ, несмотря на то, что, съ другой сторооы, въ эпоху нормандскихъ королей соціальная феодализація, т.-е. развитіе мэноріальной системы, наоборотъ, сильно подвинулась впередъ [1]).

Англійскіе феодалы дѣлали, однако, попытки превращенія въ независимыхъ владѣльцевъ. Начались онѣ еще при жизни Завоевателя и продолжались при его ближайшихъ преемни-

---

[1]) Ср. *М. Ковалевскій.* «Экономическій ростъ Европы», т. II, первыя три главы. «Съ нормандскимъ нашествіемъ, говоритъ онъ, прекратился тотъ свободный переходъ крестьянъ съ мѣста на мѣсто, который практиковался въ англо-саксонскую эпоху, и въ то же время положеніе рабовъ поднялось до уровня крѣпостныхъ, благодаря рѣшительному торжеству земельныхъ отношеній надъ личными», стр. 52. «Помѣстье уже въ XIII в. со своею вотчинно-судебной организаціей заступило совершенно мѣсто села-прихода въ сферѣ административной», стр. 58 См. особенно третью главу «Крѣпостное хозяйство въ Англіи конца XIII и первой половины XIV вѣка».

какъ, двухъ его сыновьяхъ: Вильгельмѣ II Рыжемъ (1087—1100) и Генрихѣ I (1100—1135), но скорѣе это были феодальныя коалиціи, направленныя противъ тиранническаго правленія всѣхъ трехъ королей. По смерти Генриха I въ Англіи началось междоусобіе изъ-за короны, въ которомъ приняли участіе Матильда, дочь Генриха I, бывшая замужемъ за графомъ анжуйскимъ изъ фамиліи Плантагенетовъ, и сынъ дочери Вильгельма Завоевателя, Стефанъ, отъ ея брака съ графомъ блуаскимъ. Династической усобицей воспользовались феодальные бароны для достиженія своихъ цѣлей, и началась анархія. Вотъ какъ описываетъ это время средневѣковая хроника: «въ провинціи раздоры знати продолжали свирѣпствовать. Въ каждой провинціи стараніями партій возникло множество зàмковъ, и въ Англіи было столько королей, вѣрнѣе тиранновъ, сколько было владѣльцевъ зàмковъ, и каждый имѣлъ право бить собственную монету и, подобно королю, творить судъ надъ подданными. А такъ какъ каждый стремился къ такому преобладанію, что нѣкоторые не могли допускать существованія кого-либо выше себя, а другіе,—даже равныхъ себѣ, то они сражались со смертельной ненавистью, огнемъ и мечемъ разоряли прекраснѣйшія области, и въ странѣ, которая нѣкогда была самой плодородной, они истребили весь хлѣбъ» [1]). Въ другой хроникѣ говорится еще такъ объ этомъ смутномъ времени англійской исторіи: «всѣ сдѣлались клятвопреступниками и нарушили свою вѣрность королю, ибо каждый богатый человѣкъ построилъ себѣ зàмки и укрѣпилъ ихъ противъ короля, и земля наполнилась зàмками. Они сильно притѣсняли несчастный народъ, заставляя его работать при сооруженіи этихъ зàмковъ, а когда постройка ихъ была окончена, они наполняли ихъ дьяволами и лихими людьми... И это положеніе вещей продолжалось девятнадцать лѣтъ [2]), пока Стефанъ былъ королемъ, и все становилось хуже и хуже. Они постоянно взимали подать съ городовъ, которую они называли tenserie, и когда несчастные жители ничего больше не имѣли, чтò могли бы дать имъ, они грабили и жгли всѣ города, такъ что можно было пройти цѣлый день и не

---

[1]) Цитирую по переводу проф. *Петрушевскаго.* Очерки, I, 109—110,
[2]) Отъ 1135 до 1154 года.

встрѣтить ни одного человѣка, поселеннаго въ городѣ, ни воздѣланныхъ земель» [1]).

Это—настоящая картина феодальной анархіи и кулачнаго права, какую представляетъ намъ Францiя въ X—XI вв., Германія въ серединѣ XIII в., въ эти двѣ эпохи разложенія государства въ обѣихъ странахъ. Когда Матильда и Стефанъ примирились на томъ, что Стефанъ останется королемъ, но наслѣдникомъ престола назначитъ сына Матильды, Генриха Плантагенета, началось возстановленіе королевской власти: по требованію Стефана, коронѣ должны были быть возвращены королевскія права, неправильно присвоенныя баронами: всѣ незаконно построенные зàмки—а ихъ насчитывалось болѣе 1100,—должны были быть снесены; частные военные отряды подлежали распущенію; имѣнія, кѣмъ-либо захваченныя не по праву, подлежали возвращенію законнымъ владѣльцамъ; миръ и безопасность должны были быть возстановлены для церкви и всей страны, и должна была быть отчеканена одна для всего королевства монета. Новая династія Плантагенетовъ, вступившая на престолъ по смерти Стефана въ 1154 г., повела, въ лицѣ Генриха II, реставрацію государственности въ Англіи энергично и умѣло. Старыя отношенія дали ему возможность начать въ союзѣ съ народною массою борьбу противъ узурпаціи баронами королевскихъ правъ, и цѣлымъ рядомъ реформъ онъ противопоставилъ притязаніямъ бароновъ, прежде всего, сдѣлавшееся опять королевскимъ войскомъ въ видѣ общенароднаго ополченія съ замѣною военной службы собственно вассаловъ особымъ денежнымъ налогомъ, называвшимся *щитовымъ взносомъ* или *скутагіемъ* (*scutagium*); далѣе, всесословное самоуправленіе графствъ и, наконецъ, расширеніе реформированной на основѣ присяжнаго разслѣдованія компетенціи королевскаго суда, равно какъ и финансовыхъ правъ короны, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ поземельныя отношенія вилланов были окончательно подчинены помѣстнымъ судамъ, т.-е. мэноріальнымъ куріямъ. Правда, всѣ эти мѣры отнюдь не касались внутреннихъ отношеній помѣстнаго строя, общимъ ихъ результатомъ все-таки было то, что въ будущемъ этотъ помѣстный строй не могъ уже разрушать единство и полновластіе государства. Англійская монархія вышла изъ нормандскаго завоеванія и баронской анархіи

[1]) Тоже у проф. *Петрушевскаго*. I, 110—111.

середины XII в. монархіей феодальной, но съ своеобразными чертами. Политическій феодализмъ не получилъ въ странѣ такого развитія, какой имѣлъ на материкѣ, но это не помѣшало тому, чтобы на многія стороны жизни не наложена была феодальная окраска. Нигдѣ въ другой странѣ Европы не былъ проведенъ съ такою послѣдовательностью принцицъ королевскаго верховенства въ землевладѣніи, въ силу чего всѣ землевладѣльцы были только держателями короля, непосредственно или посредственно отъ него имѣвшими свои феоды, но этотъ универсальный собственникъ всѣхъ земель въ Англіи былъ не феодальнымъ сюзереномъ, а настоящимъ государемъ. Далѣе, всѣ помѣщики Англіи были или вассалами короля, или вассалами его вассаловъ, обязанными какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ извѣстными повинностями, что было и на материкѣ, по отношенію къ своимъ феододателямъ. Съ нѣкоторыми подробностями этихъ отношеній мы сейчасъ еще познакомимся, а здѣсь отмѣтимъ лишь слѣдующее. Еще въ первой половинѣ XVII в., при первыхъ Стюартахъ, каждый землевладѣлецъ платилъ при вступленіи во владѣніе старую пошлину королю и для отчужденія хотя бы одного акра долженъ былъ купить себѣ особое разрѣшеніе, а малолѣтніе наслѣдники попадали подъ королевскую опеку, оплачивавшуюся значительной долей доходовъ, наслѣдницы же стѣснялись въ своемъ правѣ выходить замужъ, за кого хотѣли [1]). Несмотря на все желаніе лендлордовъ избавиться отъ этихъ остатковъ средневѣковой старины, первые Стюарты держались за нее крѣпко, и только въ первую революцію эти королевскія права были отмѣнены, а затѣмъ въ самомъ же началѣ реставраціи Стюартовъ и Карлъ II подтвердилъ революціонный актъ, объявивъ отмѣненными феодальныя права короны и уничтоживъ особую палату (court of wards), которая ими завѣдовала [2]). Самъ король въ Англіи и непосредственно былъ очень крупнымъ землевладѣльцемъ, мэноріальные интересы котораго были такіе же, какъ и у другихъ бароновъ, и, кромѣ того, въ широкой мѣрѣ пользовался развитіемъ соціальнаго феодализма, какъ единственнымъ способомъ, при тогдашнемъ экономическомъ бытѣ,

---

[1]) Ср. выше, стр. 121.

[2]) Объ этомъ см. въ концѣ главы 39 второго тома моей «Исторіи Западной Европы въ новое время».

требовать отъ бароновъ всѣхъ тѣхъ службъ, безъ которыхъ королю невозможно было бы осуществлять свои верховныя права по управленію всей страной. Это была вообще особая комбинація государственныхъ и феодальныхъ началъ, въ которой на долю феодализма выпала служба государственности, въ свою очередь, однако, принимавшей феодальную окраску.

Феодальная окраска, какую приняла въ Англіи государственная жизнь при нормандской и анжуйской династіяхъ, явствуетъ еще изъ того, что борьба противъ королевскаго деспотизма получила здѣсь характеръ борьбы бароновъ противъ короля изъ-за нарушенія имъ ихъ правъ въ области преимущественно феодальныхъ отношеній, и что споры между обѣими сторонами улаживаются путемъ договоровъ, какъ бы въ видѣ дальнѣйшаго развитія первоначальныхъ, частныхъ феодальныхъ контрактовъ. Я сейчасъ буду говорить о средневѣковыхъ англійскихъ хартіяхъ и о самой важной изъ нихъ, такъ называемой «Великой хартіи вольностей», постольку лишь, впрочемъ, поскольку и она содержаніемъ своимъ отражаетъ на себѣ феодальные порядки эпохи своего происхожденія.

Первая хартія, которою въ Англіи королевская власть вынуждена была себя ограничить по отношенію къ церкви, феодальнымъ владѣльцамъ и остальному народу, была издана еще Генрихомъ I въ годъ его коронаціи (1101). Между прочимъ, король обѣщалъ въ ней уничтожить дурные обычаи (malas consuetudines) своихъ предшественниковъ,—а перечисленіе ихъ указываетъ на то, что все это были излишнія требованія, вытекавшія изъ феодальныхъ отношеній,—причемъ объявлялось, что и королевскіе бароны должны были въ аналогичныхъ случаяхъ не притѣснять своихъ людей. Существенное содержаніе хартіи — феодальное, ибо о церкви и о народѣ въ ней говорилось весьма мало сравнительно со статьями, въ которыхъ опредѣлялись права короля и обязанности его бароновъ. Другая хартія вольностей подобнаго же содержанія была дана и основателемъ династіи Плантагенетовъ, Генрихомъ II, и тоже при коронованіи.

Самою важною изъ всѣхъ этихъ хартій, безспорно, является *Великая хартія вольностей* (*Magna charta libertatum*), какъ извѣстно, вынужденная у Іоанна Безземельнаго въ 1215 г. возставшими противъ него баронами, на сторону которыхъ стали также высшее духовенство и лондонскіе

горожане [1]). Мнѣ придется еще говорить о ней, какъ о фундаментѣ, на которомъ было построено все зданіе англійской политической свободы [2]), но здѣсь мы ограничимся лишь чисто феодальными статьями хартіи. Онѣ касаются, именно, правъ и доходовъ короля при переходѣ феодовъ по наслѣдству, опеки надъ малолѣтними наслѣдниками, выхода наслѣдницъ замужъ и вдовьей части умершихъ бароновъ, т.-е. все такихъ пунктовъ, которымъ принадлежало видное значеніе вообще въ феодальномъ правѣ [3]) и о которыхъ рѣчь равнымъ образомъ шла въ хартіяхъ Генриха I и Генриха II. Мы знаемъ уже, что въ Англіи къ обычнымъ вассальнымъ «пособіямъ» (auxilia) прибавился еще такъ называемый *скутагій*, или щитовой взносъ, замѣнявшій личную службу бароновъ и рыцарей. 12 статья хартіи постановляла, что ни скутагій, ни какой-либо другой налогъ (auxilium) не будутъ иначе налагаться, «какъ лишь по общему согласію королевства» (nisi per commune consilium regni nostri), за исключеніемъ, впрочемъ, трехъ извѣстныхъ случаевъ, когда нужно было выкупить короля изъ плѣна, когда посвяшался въ рыцари старшій сынъ короля и когда старшая его дочь въ первый разъ вступала въ бракъ [4]), да и то пособіе это должно было быть «разумнымъ». «При созывѣ же общаго совѣта королевства, говорится далѣе въ статьѣ 14, для назначенія пособія въ другихъ случаяхъ, кромѣ трехъ вышеозначенныхъ, или для назначенія щитового взноса, мы будемъ приглашать архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и крупныхъ бароновъ нашихъ призывными грамотами за личною нашею печатью [5]), а кромѣ того, черезъ шерифовъ и бальифовъ нашихъ будемъ приглашать окружною грамотою всѣхъ тѣхъ, которые держатъ феоды непосредственно отъ насъ, къ опредѣленному дню, т.-е. по мень-

---

[1]) Русскіе переводы этой хартіи см. въ брошюрахъ *Н. Ясинскаго* «Исторія Великой хартіи въ XIII столѣтіи» (1888) и проф. *Петрушевскаго* «Великая хартія вольностей» (изд. «Донской Рѣчи»), отрывки въ изд. *Кокошкина* «Тексты конституцій (1905 Сборникъ I), гдѣ помѣщенъ еще статутъ 1297 г. о «неналоженіи податей».

[2]) См. ниже, въ главѣ XX.

[3]) Ср. выше, стр. 121—122.

[4]) См. выше, стр. 124.

[5]) Позднѣе такія повѣстки стали называться *writ*'ами.

шей мѣрѣ за сорокъ дней до срока и въ опредѣленное мѣсто, при этомъ во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указывая на причину приглашенія, и когда такимъ образомъ будутъ разосланы приглашенія, дѣло въ назначенный день подлежитъ рѣшенію согласно съ мнѣніемъ присутствующихъ, хотя бы и не всѣ изъ приглашенныхъ явились». Обѣ эти статьи (12 и 14) имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи возникновенія англійскаго парламента, для насъ же тутъ важно, что англійскимъ баронамъ начала XIII в. удалось добиться того, чтобы свои денежныя пособія королю, вытекавшія изъ феодальныхъ отношеній, вообще платились только по общему уговору на специально для этого созываемомъ собраніи. Въ свою очередь королевскіе вассалы обязывались соблюдать по отношенію къ своимъ вассаламъ всѣ обычаи и вольности, пожалованные имъ самимъ. Знаменитая 39 статья хартіи 1215 г., которою обезпечивалась въ Англіи личная неприкосновенность каждаго свободнаго человѣка, равнымъ образомъ утверждала эту неприкосновенность чисто феодальнымъ судомъ пэровъ, т.-е. равныхъ подсудимому [1]): «ни одинъ свободный человѣкъ, говорится въ этой статьѣ, пусть не подвергается аресту, заключенію въ тюрьмѣ, конфискаціи владѣній, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ; мы не пойдемъ на него (войною), не пошлемъ за нимъ (войска), развѣ лишь по законному рѣшенію его равныхъ (parium, пэровъ) и по закону страну».

Но какая гарантія была у бароновъ, что все это будетъ исполняться? По статьѣ 61 Великой хартіи бароны должны были «избрать двадцать пять бароновъ въ королевствѣ, какихъ пожелаютъ, обязанныхъ всѣми своими силами соблюдать, поддерживать и принуждать къ тому, чтобы соблюдали миръ и вольности», пожалованныя королемъ «для лучшаго прекращенія возникшаго между нимъ и его баронами раздора»: эти двадцать пять бароновъ должны были блюсти, чтобы хартія не нарушалась, и если бы король не возстановилъ нарушенное право, они могли при содѣйствіи всей страны «принуждать и преслѣдовать его всѣми способами, какими бы могли», не касаясь только особы короля, королевы и ихъ дѣтей; при этомъ разрѣшалось еще всѣмъ желающимъ приносить присягу въ повиновеніи двадцати пяти ба-

[1]) См. выше, стр. 123.

ронамъ. Благодаря статьямъ 12, 14 и 61, вся тогдашняя «конституція» Англіи имѣла феодальный характеръ. Мы видѣли, что для взиманія феодальныхъ пособій король обязывался созывать собраніе, имѣвшее характеръ чисто феодальнаго сейма, а теперь видимъ еще, что и обезпеченіе добытыхъ правъ было чисто феодальное: будучи по существу дѣла договоромъ между королемъ и баронами, хотя и получивъ форму королевской милости, хартія ставилась подъ охрану особаго комитета изъ бароновъ, которому въ сущности давалось право возстанія. Вѣдь и единолично вассалъ могъ отказать въ повиновеніи своему сеньёру, если послѣдній не исполнялъ обязанностей своихъ по отношенію къ вассалу. Правда, мы увидимъ еще, что въ хартіи 1215 г. была и другая сторона—нефеодальная, но первенство и главенство принадлежитъ статьямъ феодальнымъ. Что касается въ частности договорнаго характера хартіи и выговореннаго права сопротивленія незаконнымъ требованіямъ короля, то обѣ эти особенности характеризуютъ и знаменитую «Золотую буллу» короля венгерскаго Андрея, современника Іоанна Безземельнаго: послѣдній царствовалъ отъ 1199 до 1216 г., его венгерскій современникъ отъ 1205 до 1235, и венгерская «Золотая булла» (1222) лишь на семь лѣтъ была моложе англійской «Великой хартіи вольностей».

Подведемъ теперь общіе итоги подъ тѣмъ, что̀ было сказано о феодальной монархіи во Франціи, въ Германіи и въ Англіи.

Въ феодальной монархіи король является однимъ изъ крупныхъ владѣльцевъ страны, который опирается на свое непосредственное земельное владѣніе и стоитъ во главѣ другихъ господъ земли, располагающихся по ступенямъ лѣстницы вассальныхъ отношеній. Яснѣе всего эта черта феодальной монархіи наблюдается во Франціи, гдѣ въ эпоху первыхъ Капетинговъ король былъ только «первымъ между равными» (primus inter pares) и лишь постепенно сдѣлался всеобщимъ «феодальнымъ сеньеромъ» (seigneur fieffeux). Нѣкоторое подобіе такой, какъ во Франціи, монархіи представляетъ намъ и Германія, да и въ Англіи въ эпоху усобицы 1135—1154 г. чуть-было королевская власть не была низведена на подобную же роль. Яснѣе всего выступаетъ намъ и политическая іерархичность вассаловъ и подвассаловъ опять-таки во Франціи, гдѣ въ непосредственныхъ

отношеніяхъ къ королю находились лишь его собственные вассалы, тогда какъ вассалы его вассаловъ и тѣмъ еще болѣе вассалы послѣднихъ съ нимъ самимъ первоначально не имѣли никакихъ точекъ соприкосновенія. Въ Германіи тоже существовали иммедіатные и медіатные чины имперіи, вассалы и подвассалы. Наконецъ, нѣчто подобное мы видѣли и въ Англіи, гдѣ одни землевладѣльцы были непосредственными вассалами короля (tenentes in capite), его баронами, а другіе—вассалами наиболѣе крупныхъ изъ этихъ бароновъ (milites). Правда, въ Англіи феодализмъ не нарушилъ единства государства и вассальная зависимость «рыцарей» отъ бароновъ не сдѣлалась средостѣніемъ между королемъ и мелкими феодальными элементами, но и здѣсь существовали классы людей, стоявшіе подъ частною властью и разобщенные съ властью государственной, т.-е. все несвободное крестьянство, вилланы, на которыхъ не распространялись и благодѣянія Великой хартіи. Наконецъ, если въ Англіи не было политическаго феодализма, то нигдѣ такъ, какъ въ Англіи, не былъ послѣдовательно проведенъ принципъ всеобщей зависимости всѣхъ земель отъ короля.

Сверхъ всего этого, примемъ еще въ расчетъ, что и государственное хозяйство феодальной монархіи имѣло тоже феодальный же характеръ. Двумя главными источниками королевскихъ доходовъ были или домены, т.-е. собственныя помѣстья короля, приносившія ему доходъ, какъ помѣщику, — хотя бы и особенно крупному среди другихъ такихъ же помѣщиковъ, — или разнаго рода фискальныя права, принадлежавшія королю, какъ феодальному сеньёру по отношенію къ его вассаламъ. Когда королю не хватало доманіальныхъ доходовъ, онъ долженъ былъ обращаться къ феодальнымъ пособіямъ, которыя, однако, уплачивались и неохотно, и потому неаккуратно. Въ сословной монархіи, являющейся дальнѣйшимъ развитіемъ монархіи феодальной, для полученія налоговъ требуется уже согласіе плательщиковъ, которыми притомъ въ данномъ случаѣ являются уже не только феодальные сеньёры, но и горожане.

ГЛАВА XV.

Положеніе городовъ въ феодальномъ строѣ.

Городской характеръ античной цивилизаціи.—Паденіе городского быта въ началѣ среднихъ вѣковъ.—Разныя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ.—Гдѣ возникаютъ средневѣковые города?—Города подъ властью сеньёровъ—Какъ происходило и въ чемъ заключалось освобожденіе городовъ изъ-подъ сеньёрьяльной власти?—Противоположность началъ феодальнаго и городского быта.—Новыя экономическія условія второй половины среднихъ вѣковъ.—Новый общественный строй въ городахъ.

Процессъ феодализаціи захватилъ на Западѣ въ средніе вѣка и королевскую власть, и церковь, и сельскій бытъ, и бытъ городской. Собственно говоря, сельскій бытъ и былъ настоящею почвою, на которой выросъ и развился сеньёрьяльный строй, и города лишь постольку могли войти въ этотъ строй, поскольку сами упали на степень селъ.

Античная цивилизація была по преимуществу цивилизаціей городскою. Древняя исторія Европы была эпохой развитія государствъ-городовъ, союзовъ между отдѣльными городами на началахъ гегемоніи и исополитіи, попытокъ соединенія абсолютной монархіи съ внутреннимъ самоуправленіемъ городовъ (въ царствѣ Селевкидовъ и въ Римской имперіи), и сама Римская имперія была одно время громадной федераціей муниципіевъ, «урбанизировавшей» и тѣ области, въ которыхъ раньше еще не было городовъ [1]). Съ III в. по Р. Х. начался постепенный упадокъ городского быта, на внутреннюю свободу котораго наложила свою тяжелую руку бюрократія, экономическія же основы котораго расшатались отъ дѣйствія общихъ причинъ, приведшихъ имперію вообще и въ особенности западныя ея провинціи къ обѣднѣнію, а мѣстами даже и къ обезлюденію. Германцы, на своей первоначальной родинѣ еще не доросшіе до городского быта, своимъ

---

[1]) Государство-городъ, главы 1, 6, 15 и 19.—Монархіи древняго Востока, главы 12 и 18.

приходомъ въ западныя провинціи могли только добить и безъ того начавшіе впадать въ безсиліе города, и вся жизнь стала возвращаться къ натуральному хозяйству, отнявшему экономическое первенство у городовъ, отдавшему его селамъ, гдѣ уже раньше была готова въ наиболѣе существенныхъ своихъ частяхъ помѣстная система, истинная основа сеньёрьяльнаго строя среднихъ вѣковъ [1]).

Въ эпоху крестовыхъ походовъ, т.-е. въ XI—XIII вѣкахъ, городской бытъ снова возродился на Западѣ и даже сталъ развиваться въ такихъ странахъ, гдѣ въ римскую эпоху его не было и быть не могло. Этотъ важный фактъ, конечно, долженъ былъ обратить на себя пристальное вниманіе историковъ, первымъ вопросомъ со стороны которыхъ было: откуда взялся средневѣковой городской бытъ? Хотя самъ по себѣ этотъ бытъ и не будетъ разсматриваться нами въ настоящей главѣ, какъ, впрочемъ, и вообще въ этой книгѣ, тѣмъ не менѣе мы остановимся вкратцѣ на разныхъ отвѣтахъ, которые даны были въ исторической наукѣ на только-что указанный вопросъ, такъ какъ отвѣтъ на него можетъ освѣтить намъ и другой вопросъ: чѣмъ были и стали города въ эпоху развитія и расцвѣта феодализма? [2]).

Какъ и по отношенію къ феодализму [3]), историческая литература заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ неодинаковыхъ отвѣтовъ на вопросъ о происхожденіи средневѣкового города. Прежде всего, и здѣсь мы должны отмѣтить разногласія романистовъ и германистовъ, изъ которыхъ первые объясняютъ средневѣковой городской бытъ сохраненіемъ муниципіевъ римской эпохи, тогда какъ вторые хотятъ видѣть въ средневѣковыхъ городахъ одинъ изъ результатовъ самобытнаго развитія основныхъ началъ чисто германскаго быта. A priori мы еще могли бы согласиться съ первымъ объясненіемъ, если бы дѣло касалось лишь городовъ Италіи и Франціи,

---

[1]) Ср. выше, гл. II и III.

[2]) Въ русской литературѣ можно указать двѣ книжки, въ которыхъ излагаются теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ: *А. Дживелеговъ.* Городская община въ средніе вѣка (этого соч. не слѣдуетъ смѣшивать съ другимъ того же автора: «Средневѣковые города въ Западной Европѣ») и *И. Бондаренко.* Англійскій городъ въ средніе вѣка. См. также приложеніе IV.

[3]) Ср. выше, стр. 10—11.

но для городовъ тѣхъ частей Германіи и Англіи, гдѣ уже не было никакихъ римскихъ муниципіевъ, болѣе вѣрнымъ должно быть признано a priori второе объясненіе. Съ другой стороны, мы знаемъ, что порядки главныхъ странъ Западной Европы, выдѣлившихся изъ монархіи Карла Великаго, были результатомъ взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ учрежденій и отношеній [1]), и что поэтому въ общемъ едва ли правильно настаивать на исключительно римскомъ или германскомъ происхожденіи средневѣкового городского быта: здѣсь были или, по крайней мѣрѣ, могли быть и римскія, и германскія основы, такъ сказать, въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ. Вообще историки, дававшіе отвѣтъ на вопросъ, насъ теперь интересующій, исходили изъ гипотезъ и общихъ соображеній, всегда подлежащихъ въ той или другой мѣрѣ спору. Правильно вопросъ могъ бы рѣшиться лишь въ томъ случаѣ, если бы мы могли обслѣдовать исторію массы отдѣльныхъ городовъ въ разныхъ странахъ Западной Европы и потомъ подвести общіе итоги этого обслѣдованія, но дѣло въ томъ, что такому методу непреодолимыя препятствія ставитъ скудность источниковъ, дѣлающая невозможнымъ изобразить вполнѣ ясно и безъ пробѣловъ эволюцію отдѣльныхъ городовъ на раннихъ стадіяхъ ихъ историческаго существованія.

Первый, кто высказался за сохраненіе въ началѣ среднихъ вѣковъ римскаго муниципальнаго быта, былъ нѣмецкій юристъ Савиньи въ своей «Исторіи римскаго права въ средніе вѣка» (1815), но хотя теорія эта теперь можетъ считаться оставленною, тѣмъ не менѣе съ защитою ея, и не такъ еще давно (1891), выступилъ нѣмецкій ученый Кунце въ спеціально посвященной вопросу книгѣ [2]). На чемъ, однако, основана такая теорія? Главныхъ аргументовъ, въ сущности, здѣсь два: сохраненіе терминовъ римской эпохи въ обозначеніи разныхъ сторонъ средневѣкового городского быта и аналогія учрежденій городовъ римской и средневѣковой эпохъ. На послѣдній аргументъ можно возразить ссылкою на общеизвѣстный выводъ изъ массы наблюденій, что одинаковыя условія порождаютъ и одинаковыя слѣдствія, тогда какъ по первому

---

[1]) См. выше, стр. 10 и особенно 18 и слѣд.

[2]) *Kuntze.* Die deutschen Städtegründungen, oder Römerstädte und deutsche Städte im Mittelalter.

пункту можно сказать, что сохраненіе терминологіи тоже еще вовсе не доказываетъ, чтобы въ сознаніи современниковъ старымъ терминамъ соотвѣтствовали и прежнія понятія. Строить свою аргументацію исключительно на сохраненіи словъ, забывая, что послѣднія могутъ измѣнять свое значеніе, въ высшей степени рискованно. На самомъ дѣлѣ такъ собственно и было, и античные термины получали чисто феодальный смыслъ. «Выраженіе *municipia,* говоритъ Флякъ, стало обозначать замки: *municipes*—вооруженныхъ людей, ихъ защищающихъ; *curiales*—вассаловъ и слугъ, живущихъ при дворѣ сеньёра; *curia* — этотъ самый дворъ; *senatores*—благородныхъ или свободныхъ, какъ *consulatus* обозначаетъ графство, *consul*—графа или крупнаго сеньёра, *proconsul*—виконта, *praetor*—превота, *quaestores*—сеньёрьяльныхъ агентовъ» [1]). Термины—муниципальнаго происхожденія римской эпохи, смыслъ ихъ—средневѣковой, феодальный.

Слабая сторона германистическихъ теорій происхожденія средневѣковыхъ городовъ заключается въ томъ, что каждый историкъ, имѣющій свою теорію, стремится вывести средневѣковой городъ изъ одного какого-либо источника. Для Маурера, о взглядѣ котораго въ вопросѣ о происхожденіи феодализма говорилось выше [2]), этотъ источникъ есть не что иное, какъ деревенская община, сама вышедшая изъ первоначальной марки: для Белова дѣло представляется нѣсколько сложнѣе, такъ какъ между деревенской общиной и городомъ онъ вставляетъ періодъ развитія господской власти; у Нича городской бытъ выростаетъ въ лонѣ сеньёрьяльныхъ учрежденій, изъ такъ называемаго двороваго права (Hofrecht); по мнѣнію Зома, въ основѣ средневѣкового города лежитъ рынокъ и т. д. и т. д. Это разнообразіе и эта противорѣчивость отвѣтовъ, даваемыхъ учеными изслѣдователями на одинъ и тотъ же вопросъ, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что и процессъ образованія городовъ былъ гораздо разнообразнѣе и сложнѣе, чѣмъ это хотятъ представить историки, выступающіе съ тѣми или другими односторонними теоріями. Какъ и въ вопросѣ о происхожденіи феодализма, такъ и въ вопросѣ о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ, современные историки склоняются къ синтетиче-

---

[1]) *Flach.* Les origines de l'ancienne France, II, 229.

[2]) См. стр. 10.

скимъ взглядамъ, дающимъ каждому объясненію свое условное и потому ограниченное значеніе и комбинирующимъ разныя объясненія для выработки болѣе всеобъемлющей теоріи [1]). На такой точкѣ зрѣнія въ наше время стоятъ особенно Флякъ во Франціи и Кейтгенъ въ Германіи [2]).

Съ синтетической точки зрѣнія притомъ, конечно, приходится и различать между отдѣльными случаями, не приводя всѣхъ ихъ къ одному знаменателю. Разно, именно, приходится рѣшать вопросъ относительно городовъ, возникшихъ на римской и на германской почвѣ, и далѣе — относительно старыхъ и новыхъ городовъ. Иногда средневѣковой городъ стоялъ на мѣстѣ римскаго города и сохранялъ его названіе, конечно, уже видоизмѣненное, но это еще не значитъ, чтобы одинъ былъ непосредственнымъ продолженіемъ другого: отъ многихъ городовъ къ эпохѣ установленія феодализма сохранились только названіе, двѣ-три башни, обрывки стѣнъ, кое-какія развалины. Оно и понятно, разъ мы вспомнимъ результаты варварскихъ нашествій, разъ, напр., въ серединѣ IV в. при Юліанѣ, когда варварскія вторженія только-что начинались, въ одной Галліи насчитывалось до сорока пяти городовъ, разоренныхъ варварами, да и то это было лишь начало, такъ какъ за германскими варварами послѣдовали еще норманны, сарацины, венгры. Въ эпоху установленія феодализма каждая страна покрывается замками, и даже старые города превращаются въ замки, т.-е. населеніе оставляетъ открытыя слободы, чтобы сосредоточиваться въ цитаделяхъ или спасаться въ новыхъ, наскоро построенныхъ укрѣпленіяхъ. Благодаря этому, и старые города принимаютъ совершенно новый обликъ *бурговъ* (*burgus*), укрѣпленныхъ замковъ, около которыхъ ютятся укрѣпленныя же слободы, *форбурги* (*burgi forenses*). Такой «бургъ» и дѣлался ядромъ, около котораго выросталъ потомъ настоящій городъ, все равно, былъ ли бургъ построенъ на мѣстѣ стараго города,

[1]) Разсмотрѣвъ разныя теоріи происхожденія средневѣковыхъ городовъ, *Flach* (II, 224—225) говоритъ: «Le cycle des théories générales semble désormais clos en Allemagne. La part de vérité que chacune d'elles recèle est suffisamment dégagée pour que l'histoire spéciale des villes puisse être écrite à leur lumière et préparer les éléments d'une synthèse définitive».

[2]) *Keutgen*. Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung. 1895.

или на совершенно новомъ мѣстѣ, причемъ подобнымъ ядромъ въ послѣднемъ случаѣ могъ быть замокъ или монастырь, какъ могли быть, кромѣ того, и какая-либо деревня, прежде существовавшая, или вновь основанное поселенiе.

Главное — то, что вездѣ въ городахъ устанавливалась сеньёрьяльная власть графа или епископа. И если бы еще на этомъ дѣло остановилось! Каждый сколько-нибудь значительный городъ, если таковой только сохранялся, былъ расчлененъ на отдѣльные укрѣпленные кварталы, и въ каждомъ была своя особая предержащая власть феодальнаго характера. Возьмемъ, наприм., городъ Арль (Arles) на нижнемъ теченiи Роны. Это былъ городъ еще римской эпохи, когда онъ назывался Арелате, и по его имени даже стало обозначаться одно изъ королевствъ, образовавшихся при распаденiи монархiи Карла Великаго. Въ Арлѣ, именно, было шесть отдѣльныхъ кварталовъ и шесть сеньёровъ, изъ которыхъ два были главные (графъ прованскiй и мѣстный архiепископъ) и четыре второстепенныхъ. Въ эпоху политической феодализацiи каждое должностное лицо, каждый богатый землевладѣлецъ стремился урвать въ свою пользу частицу государственной власти съ тѣми или другими фискальными правами, и вотъ графъ, епископъ, тотъ или другой мѣстный сеньёръ вступаютъ въ сдѣлку, дробятъ между собою власть надъ городомъ, надъ его кварталами, надъ тѣми или другими категорiями жителей, по тѣмъ или инымъ категорiямъ отношенiй, а тутъ еще является необходимость инфеодацiи части этихъ правъ вассаламъ, безъ которыхъ трудно было бы поддерживать свою власть надъ населенiемъ города и защищать обладанiе своею въ немъ частью отъ соперниковъ. Поэтому рядомъ съ главными сеньёрами въ городахъ мы видимъ и второстепенныхъ, такъ что, наприм., у епископа есть свой вассалъ, *видамъ* (*vidame*, *vice-dominus*, намѣстникъ господина), у графа свой, въ лицѣ вице-графа, виконта, у нетитулованнаго сеньёра — *авуэ* (*avoué*, *advocatus*), у всѣхъ — еще шателены, т.-е. начальники замковъ [1]), превоты, мэры, бальивы, какъ и въ деревняхъ.

Дѣло въ томъ, что въ городахъ устанавливался совсѣмъ такой же режимъ, какъ и въ деревняхъ, т.-е. устанавливался сеньёрьяльный строй, нѣсколько лишь болѣе сложный.

---

[1]) См. выше, стр. 137.

Замокъ или замки, возникавшіе въ городахъ, служили для защиты населенія, но они же были и главными оплотами угнетенія мѣстныхъ обывателей, увеличивавшагося еще и вслѣдствіе междоусобій, которыя были такъ нерѣдки между сеньёрами одного и того же города.

Вотъ почему первою цѣлью, какую ставили себѣ жители городовъ, когда возставали противъ своихъ сеньёровъ, было разрушить ненавистный замокъ. До такой степени было важно, для поддержанія своихъ притязаній, имѣть въ городѣ укрѣпленное жилище, что даже наиболѣе зажиточные горожане, обогатившіеся, напр., торговлею, строили себѣ своего рода блокгаузы, въ которыхъ можно было бы защищаться во время сеньёрьяльныхъ усобицъ или сопротивляться чрезмѣрнымъ требованіямъ сеньёровъ. Господству послѣднихъ надъ населеніемъ городовъ не мало способствовало и то, что само населеніе это состояло изъ отдѣльныхъ разрозненныхъ группъ, зависѣвшихъ отъ разныхъ сеньёровъ и нерѣдко отожествлявшихъ свои интересы съ интересами своихъ сеньёровъ, да и въ каждой группѣ были разныя категоріи положеній, начиная мелкимъ вассалитетомъ и кончая настоящимъ крѣпостничествомъ, т.-е. тутъ были и рыцари, и клирики, и торговцы, и ремесленники свободнаго состоянія, и прямо сервы. Сеньёръ, конечно, не могъ не различать этихъ категорій, тѣмъ болѣе, что въ его бургѣ или кварталѣ могли проживать люди, зависѣвшіе отъ другихъ сеньёровъ, наприм., на территоріи епископа—«люди» графа, виконта, шателена и т. п., но общимъ стремленіемъ каждаго сеньёра было по возможности всѣхъ подчинить своему произволу, всѣхъ сдѣлать людьми своей власти (homines potestatis), всѣхъ прикрѣпить къ своей сеньёріи. Каждый изъ нихъ смотрѣлъ на свой городъ или на свою часть города, какъ на помѣстье, какъ на частную собственность, которую можно подарить, продать, завѣщать, раздѣлить между нѣсколькими владѣльцами и т. п. Равнымъ образомъ, и отдѣльные жители бурговъ, *буржуа*, какъ они назывались (*burgenses*, откуда и нѣм. Bürger), дарились своими сеньёрами церквамъ, продавались, завѣщались и т. п. Управленіе городами было чисто сеньёрьяльное съ раздѣленіемъ юрисдикціи и финансовыхъ правъ между нѣсколькими сеньёрами.

Дѣлая эту общую характеристику сеньёрьяльнаго режима въ городахъ, мы имѣли въ виду преимущественно Францію,

гдѣ режимъ этотъ сдѣлалъ наибольшіе успѣхи по отношенію къ старымъ городамъ. Въ Италіи въ общемъ лучше сохранились традиціи старой муниципальной свободы, больше была развита торговля, благодаря которой и жители были зажиточнѣе и независимѣе, раньше образовались среди населенія отдѣльныя группы, объединенныя общими интересами и яснымъ ихъ сознаніемъ. Феодализація въ Германіи не заходила такъ далеко, какъ во Франціи, но и здѣсь въ городахъ водворялся сеньёрьяльный режимъ. Только въ Англіи, гдѣ развитіе сеньёрьяльнаго режима ограничилось одними помѣстьями, не охвативши большихъ территоріальныхъ дѣленій (шэйровъ, графствъ), и города не ушли изъ-подъ общей государственной администраціи.

Въ эпоху крестовыхъ походовъ въ отдѣльныхъ странахъ Западной Европы замѣчаются ростъ населенія городовъ и развитіе въ нихъ торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается и стремленіе къ освобожденію изъ-подъ сеньёрьяльной власти. Это была именно эпоха «коммунальной революціи», эпоха вооруженной борьбы городскихъ общинъ, *коммунъ* (*communae*), какъ онѣ назывались на сѣверѣ Франціи, противъ сеньёровъ,—борьбы, впервые описанной и объясненной французскимъ историкомъ Огюстеномъ Тьерри въ его «Письмахъ объ исторіи Франціи» [1]). Вообще элементъ вооруженнаго возстанія горожанъ противъ феодальныхъ владѣльцевъ играетъ главнѣйшую роль въ изображеніи этого движенія у Тьерри. Наоборотъ, новѣйшій французскій историкъ Люшэръ особенно подчеркиваетъ элементъ обоюднаго соглашенія въ дѣлѣ освобожденія горожанъ отъ сеньёрьяльнаго режима. Въ сущности, конечно, было и то, и другое, но какимъ бы путемъ,—возстаніемъ или мирными переговорами,—ни добивались горожане того, къ чему стремились, въ процессѣ высвобожденія городовъ изъ-подъ сеньёрьяльной власти нужно различать, собственно говоря, два процесса.

Мы видѣли, что феодальная сеньёрія соединяла въ себѣ основныя черты помѣстья и государства. Подчиненіе городовъ сеньёрьяльному режиму заключалось въ томъ, что самъ городъ дѣлался составною частью сеньёріи или даже сово-

---

[1]) Та часть этого сочиненія, въ которой идетъ рѣчь о коммунальной революціи, существуетъ въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ «Городскія коммуны во Франціи въ средніе вѣка».

купностью составныхъ частей нѣсколькихъ сеньёрій: сеньёріи епископа, который владѣлъ одною частью города, сеньёріи графа, которому принадлежала другая часть, сеньёріи шателена, бывшаго господиномъ третьей, и т. д. Это приравнивало горожанъ къ сельскимъ жителямъ, къ вилланамъ, и въ городахъ могли быть еще даже настоящіе сервы. Выдѣленіе города изъ помѣстья, пріобрѣтеніе горожанами правъ свободныхъ обывателей, прекращеніе надъ ними произвольной власти помѣщика, это была одна сторона процесса, но въ то же время сеньёръ все-таки оставался государемъ города и его части, и вотъ другой процессъ состоялъ въ томъ, что самъ городъ превращался въ государство, дѣлался самъ коллективной сеньёріей, такъ сказать, «собирательнымъ барономъ». Это значило, что города, ставшіе политически вполнѣ свободными, вошли тоже въ рамки феодальной монархіи, какъ самостоятельныя территоріи, имѣвшія только республиканскій строй, но во всемъ остальномъ равноправныя съ сеньёріями: съ высшимъ сеньёромъ, съ королемъ, ихъ связывала присяга, подобная феодальной; когда высшій сеньёръ приглашалъ къ своему двору вассаловъ, рядомъ съ ними являлись и выборныя власти свободныхъ городовъ, называвшіяся *консулами, мэрали, эшевенами* [1]) и т. п.; наравнѣ съ баронами города могли раздавать земли подъ условіемъ вассальной службы и даже имѣть своихъ собственныхъ сервовъ, какъ и любой сеньёръ. Такіе города-сеньёріи были, однако, далеко не во всѣхъ странахъ Запада: мы встрѣчаемъ ихъ въ сѣверной и средней Италіи, на югѣ и сѣверѣ Франціи, въ Германіи, преимущественно въ прирейнскихъ и придунайскихъ областяхъ, да на сѣверѣ, въ приморской полосѣ страны, но въ Англіи такихъ государствъ городовъ, при сохраненіи въ этомъ королевствѣ государственнаго единства, не было. Въ указанныхъ частяхъ Италіи до извѣстной степени феодальный бытъ даже прямо былъ вытѣсненъ городскимъ развитіемъ, и освободившійся изъ-подъ сеньёрьяльной власти городъ превратилъ въ свою территорію всѣ окрестныя помѣстья, включивъ въ составъ своего населенія и феодальные элементы всей своей округи.

Наоборотъ, во Франціи и въ Германіи коммуны, упо-

---

[1]) *Эшевенъ, échevin* отъ лат. *scabinus* (откуда и нѣмецкое *Schöffen,* судебный засѣдатель)—членъ городского совѣта.

требляя это слово въ широкомъ, общемъ смыслѣ, были лишь республиканскими оазисами среди феодальныхъ владѣній, управлявшихся монархически, и не выдѣлялись изъ состава большихъ политическихъ цѣлыхъ, каковыми были сами Францiя и Германiя. Во всякомъ случаѣ, освобожденiе отъ сеньёрьяльной власти создало двѣ категорiи городовъ. Къ одной принадлежали города, остававшiеся въ непосредственномъ подчиненiи у тѣхъ или другихъ государей, каковы были французскiя *bonnes villes du roi*, т.-е. королевскiе города или нѣмецкiе *земскiе города* (*Landstädte*), находившiеся подъ властью князей, тогда какъ другiе сдѣлались сами городами-государствами, какъ это было съ французскими *коммунами* или нѣмецкими *имперскими городами* (Reichsstädte). Хотя вольные города Францiи и Германiи и вдвинулись, такъ сказать, въ общiя рамки феодальнаго строя, въ сущности въ нѣдрахъ городовъ стали развиваться порядки, бывшiе отрицанiемъ всего того, что легло въ основу феодализма и составляло его силу.

Разсматривая въ этой главѣ средневѣковой городъ лишь въ его отношенiи къ феодальному мiру, мы совершенно обходимъ вопросъ о внутреннемъ строѣ и бытѣ города, т.-е. о его учрежденiяхъ и о его хозяйствѣ, но не можемъ все-таки совсѣмъ не коснуться и этой темы, поскольку городъ выработалъ въ своей жизни принципы, дiаметрально противоположные феодальнымъ.

Остановимся прежде всего на экономической сторонѣ предмета. Въ хозяйственной эволюцiи западныхъ странъ развитiе и господство доманiальнаго строя отмѣчаютъ собою ступень замкнутаго натуральнаго хозяйства съ очень слабымъ развитiемъ обмѣна между отдѣльными мѣстностями. Отдѣльныя феодальныя помѣстья были самодовлѣющими хозяйственными единицами, мало соприкасавшимися съ внѣшнимъ мiромъ [1]). Даже обрабатывающая промышленность, ремесла, замкнулась въ помѣщичьихъ усадьбахъ [2]). Преувеличивать, впрочемъ, не слѣдуетъ представленiе такого состоянiя общества въ экономическомъ отношенiи, ибо полная изоляцiя была, конечно, немыслима.

Какъ-никакъ, не вездѣ былъ камень, годный для вы-

---

[1]) См. выше, стр. 12 и 63.

[2]) См. выше, стр. 58.

дѣлки жерноловъ, и его приходилось привозить главнымъ образомъ изъ окрестностей Парижа, какъ соль привозилась преимущественно изъ Гіени, желѣзо — изъ Испаніи, деготь—изъ Норвегіи и т. п. Притомъ отдѣльныя помѣстья стали съ теченіемъ времени производить больше, чѣмъ было нужно для собственнаго потребленія, и избытокъ вывозился въ города, гдѣ кое-какая промышленность все-таки существовала. Не были сеньёріи одна отъ другой вполнѣ изолированы и потому, что феодализмъ устанавливалъ между ними и съ центромъ княжества или королевства извѣстную политическую связь, у которой была и своя матеріальная, финансовая, экономическая сторона. Но, какъ бы тамъ ни было, въ основѣ всего помѣстнаго строя лежали земля, обладаніе землею, обработка земли, сельское хозяйство, тогда какъ въ основу городского быта легли, въ качествѣ главныхъ занятій, промышленность и торговля съ создаваемымъ ими движимымъ имуществомъ, капиталомъ, обладаніе которымъ мало-по-малу сдѣлалось такою же соціальною силою, какою прежде было лишь одно обладаніе землею.

Въ XI в. въ Западной Европѣ замѣчается впервые значительное приращеніе населенія и, что особенно важно, уплотненіе его въ мѣстныхъ центрахъ, около старыхъ епископскихъ резиденцій, и даже, что еще знаменательнѣе, образованіе новыхъ населенныхъ мѣстъ. Однимъ изъ симптомовъ начинавшагося перенаселенія при тогдашнихъ условіяхъ сельскаго хозяйства были сами крестовые походы, въ смыслѣ исканія новыхъ земель для поселенія и вмѣстѣ съ тѣмъ движенія, содѣйствовавшаго экономическому росту Европы, такъ какъ они оживили общеніе отдѣльныхъ странъ между собою и съ отдаленнымъ Востокомъ. Германскій натискъ на Востокъ (Drang nach Osten), въ земли, населенныя славянами, указываетъ на ту же причину. Наконецъ, о томъ же самомъ свидѣтельствуетъ и внутренняя колонизація, совершавшаяся въ тѣхъ странахъ, гдѣ при тогдашней хозяйственной техникѣ было уже мало земель, раньше находившихся въ обработкѣ, для пропитанія растущаго населенія. Эта внутренняя колонизація состояла въ томъ, что сеньёры сами разными льготами привлекали новыхъ жителей въ свои владѣнія, сажая пришельцевъ на пустопорожнія мѣста и основывая такимъ образомъ новые поселки, извѣстные подъ названіемъ *sauvetés* (убѣжищъ),

villes neuves (новыхъ городовъ и т. п.). Слово *ville neuve* можно толковать и въ смыслѣ «новаго помѣстья», и въ значенiи «новаго города» [1]), но въ эту эпоху новые поселки, жители которыхъ пользовались разными льготами и привилегiями, дѣлались именно городами. Часто это былъ сначала лишь небольшой поселокъ съ рынкомъ, вдоль подъѣздныхъ путей къ которому мало-по-малу возникали цѣлыя улицы домовъ. Въ старые и новые города стали переселяться ремесленники, стали спасаться бѣгствомъ и крѣпостные, какъ извѣстно, дѣлавшiеся послѣ одного года съ однимъ днемъ безвѣстнаго отсутствiя свободными людьми [2]).

Освобожденiе городовъ отъ сеньёрьяльной власти сопровождалось и освобожденiемъ ихъ отъ феодальнаго права. Раньше всего произошло раскрѣпощенiе сервовъ въ городахъ, гдѣ существовалъ серважъ, и самое пребыванiе въ городѣ стало дѣлать человѣка свободнымъ по нѣмецкой поговоркѣ: «die Stadtluft macht frei» (городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ): сейчасъ только было отмѣчено, что города сдѣлались мѣстами убѣжища для бѣглыхъ сервовъ. Впервые же въ городахъ исчезла та условная собственность, которая составляетъ столь характерную черту соцiальнаго феодализма [3]). Наконецъ, въ городахъ же произошло отдѣленiе государственной власти отъ землевладѣнiя, и для нея найдено было новое основанiе—въ согласiи гражданъ. Вообще города сдѣлались разсадниками новой культуры, не той, которая ютилась въ монашеской кельѣ или рыцарскомъ замкѣ, а культуры, какъ и античная культура, городской и свѣтской.

Непосредственнымъ результатомъ развитiя городовъ и возникновенiя особаго городского сословiя было усложненiе сословнаго состава общества феодальной монархiи, а потомъ и ея превращенiе въ монархiю сословную съ особыми представительными учрежденiями.

---

[1]) См. выше, стр. 57.
[2]) См. выше, стр. 76.
[3]) См. выше, стр. 49 и слѣд.

ГЛАВА XVI.

Сословный строй феодальнаго общества.

Различіе между общественными классами и сословіями.—Названія средневѣковыхъ сословій.—Феодальная основа сословнаго строя второй половины среднихъ вѣковъ.—Положеніе духовенства въ средневѣковомъ государствѣ и обществѣ.—Ранняя знать западноевропейскихъ государствъ.—Происхожденіе феодальнаго дворянства.—Дворянство, какъ военное сословіе, и рыцарское званіе. Городская знать.—Безправность крестьянской массы.—Обязанности отдѣльныхъ сословій по отношенію къ государству.—Сословность въ основѣ государственной организаціи конца среднихъ вѣковъ.

Въ средневѣковомъ обществѣ на Западѣ, начиная съ феодальной эпохи, мы различаемъ четыре сословія: духовенство, дворянство, горожанъ и крестьянъ, и эти четыре сословія сохраняются тамъ въ теченіе всего новаго времени до политическихъ переворотовъ съ конца XVIII в., которые положили начало разрушенію сословнаго строя и превращенію общества въ безсословное гражданство, раздѣленное лишь на соціальные классы. Нѣтъ надобности останавливаться подробно на различіи, существующемъ между сословіями и классами. Классъ, это—совокупность лицъ одной и той же экономической категоріи, въ смыслѣ одинаковости имущественнаго положенія и рода занятій, тогда какъ въ сословіи на первомъ планѣ—юридическій моментъ особыхъ правъ, принадлежащихъ тѣмъ или другимъ лицамъ въ силу ихъ рожденія отъ родителей извѣстнаго общественнаго ранга. Такъ какъ данное лицо принадлежитъ къ тому или другому общественному классу лишь по своему имущественному состоянію и роду занятій, то въ данномъ случаѣ все зависитъ отъ фактическихъ отношеній, и одинъ и тотъ же человѣкъ, въ разные періоды своей жизни, можетъ принадлежать къ разнымъ классамъ общества. Совсѣмъ другое дѣло—сословіе: принадлежность къ нему обусловливается рожденіемъ въ извѣстной семьѣ, и человѣкъ самъ по себѣ, уже въ силу своего происхожденія обладаетъ опредѣленными правами, отличающими одно сословіе отъ другого. Дѣлая такое различеніе, мы должны, однако, помнить, что

оно не можетъ считаться безусловнымъ. Во-первыхъ, между классами, съ одной стороны, и сословіями, съ другой, бываютъ своего рода переходныя ступени, когда, напр., извѣстный классъ, какъ таковой, т.-е. именно какъ имущественный классъ, а не какъ наслѣдственное сословіе, пользуется какими-либо привилегіями по закону, напр., исключительнымъ правомъ выбирать народныхъ представителей. Во-вторыхъ, сама сословность можетъ имѣть разныя степени наслѣдственной замкнутости, то переходя въ кастовое устройство, какое мы находимъ въ Индіи, то, наоборотъ, въ значительной мѣрѣ являясь лишь осложненіемъ чисто классоваго раздѣленія. (Наприм., въ Римской имперіи для того, чтобы принадлежать къ сенаторскому сословію, прямо по закону нужно было имѣть извѣстный имущественный цензъ [1]). Въ-третьихъ, принадлежность къ сословію въ извѣстныхъ случаяхъ обусловливается и не однимъ происхожденіемъ. Послѣдняго совершенно уже не могло быть по отношенію къ католическому духовенству вслѣдствіе установившагося въ немъ целибата— въ огличіе, наприм., отъ нашего духовенства, превратившагося въ настоящее наслѣдственное сословіе. Средневѣковой католическій клирикъ вступалъ въ сословіе или, вѣрнѣе, принимался въ него изъ другихъ сословій вслѣдствіе того, что давалъ извѣстные обѣты и бралъ на себя исполненіе извѣстныхъ обязанностей. Въ концѣ среднихъ вѣковъ и дворянство стало открывать свои ряды новымъ членамъ въ силу пожалованія дворянскаго достоинства королемъ, и это достоинство можно было пріобрѣтать потомъ даже покупкой. Но какъ въ одномъ случаѣ, т.-е. при вступленіи въ духовенство, такъ и въ другомъ, т.-е. при пріобрѣтеніи дворянства требовалась извѣстная санкція, только и сообщавшая сословныя права: перемѣна въ положеніи лица не была чисто фактической, какая наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда удачливый пролетарій превращается въ богатаго буржуа, а была перемѣной именно юридической. Наконецъ, не нужно забывать и того, что въ каждомъ сословіи могутъ быть различаемы свои классы и даже особыя подраздѣленія сословнаго же характера.

Итакъ, мы сказали, что въ средневѣковомъ обществѣ было четыре сословія: духовное, дворянское, городское и крестьян-

---

[1]) Монархіи древняго Востока, стр. 318.

ское. Первое изъ нихъ было унаслѣдовано еще изъ Римской имперіи и сохранило названіе *клира (clerus),* которое получило еще въ греческой половинѣ имперіи. Клиръ дѣлился на высшій и низшій, причемъ высшіе члены духовенства, т.-е. архіепископы, епископы, аббаты монастерей и члены капитуловъ, т.-е. особыхъ коллегій при каѳедральныхъ (епископскихъ) церквахъ, или такъ называемые каноники входили въ число феодальныхъ сеньёровъ, низшій же клиръ составляли приходскіе священники, церковнослужители и всѣ кормившіеся около церкви, равно какъ рядовые монахи [1]).

Свѣтскіе сеньёры составляли зерно второго сословія, которое мы обыкновенно, по аналогіи съ нашими сословными отношеніями, называемъ дворянствомъ, прилагая этотъ терминъ къ высшему сословію западно-европейскихъ странъ и притомъ феодальнаго происхожденія, но не примѣняя его къ обозначенію аналогичныхъ общественныхъ классовъ въ другихъ случаяхъ, даже, наприм., на самомъ Западѣ, когда рѣчь заходитъ о высшемъ наслѣдственномъ сословіи, образовавшемся въ городовыхъ республикахъ. Терминомъ «дворянство» мы переводимъ обыкновенно нѣмецкое *Adel,* французское *noblesse,* два равносильныхъ обозначенія, для которыхъ въ русскомъ языкѣ есть еще соотвѣтственное слово—«знать». Это были очень старые термины: первый восходитъ еще къ римскимъ временамъ, второй мы можемъ прослѣдить до самыхъ раннихъ извѣстій о саксахъ, военный классъ у которыхъ составляли *эделинги.* Есть еще одно слово, которымъ обозначались въ феодальную эпоху лица дворянскаго сословія, и оно, пожалуй, наиболѣе характерно, такъ какъ имъ подчеркивалось «благородство», «хорошее происхожденіе»: это—слово *gentilhomme (gentilis homo),* т.-е. родовитый человѣкъ, аналогію чему представляютъ греческіе эвпатриды и римскіе патриціи [2]). Повидимому, и польское *шляхта* (*szlachta* отъ нѣм. *Geschlecht,* родъ) значитъ то же самое.

Третьимъ сословіемъ были горожане. Терминомъ *tiers état,*—что̀ и значитъ «третье сословіе»,—стали называться въ

---

[1]) Нашему различенію между бѣлымъ и чернымъ духовенствомъ соотвѣтствовало средневѣковое—между *секулярнымъ* (*saecularis,* свѣтскій) и *регулярнымъ* (*regularis,* подчиненный правиламъ устава) клиромъ.

[2]) Государство-городъ, стр. 27—28.

концѣ среднихъ вѣковъ представители городского сословія во французскихъ генеральныхъ штатахъ, но потомъ имъ стали обозначать во Франціи вообще всю націю, кромѣ привилегированныхъ, т.-е. духовенства и дворянства, но и первоначальное его значеніе до извѣстной степени сохранилось за нимъ въ отождествленіи третьяго сословія съ буржуазіей, когда въ XIX в. (и даже въ 1789 г.) ей стали противополагать вообще народныя массы и въ частности рабочій пролетаріатъ, какъ «четвертое сословіе». Болѣе общимъ терминомъ для городского населенія, какъ сословія, стоявшаго на соціальной лѣстницѣ выше сельскихъ жителей, былъ тотъ, который заключалъ въ себѣ указаніе на мѣсто жительства людей данной категоріи: такъ какъ средневѣковый городъ былъ *бургомъ*, укрѣпленнымъ поселеніемъ, то и жители его стали называться *burgenses,* по-французски *bourgeois,* по-нѣмецки *Bürger,* и лишь съ теченіемъ времени слово *буржуа* стало обозначать высшій классъ городского населенія, «среднее сословіе» между дворянствомъ и «простонародьемъ», а слово *бюргеръ,* имѣя значенія, одинаковыя съ французскимъ *bourgeois,* сдѣлалось переводомъ латинскаго *civis,* гражданинъ, синонимомъ французскаго *citoyen*. По аналогіи съ западноевропейскимъ терминомъ возникло и польское *мѣщане* (*mieszczanie* отъ *miasto,* городъ), принятое въ XVIII в. и въ русскій языкъ для обозначенія, однако, лишь низшихъ классовъ городского населенія. Городское сословіе въ средніе вѣка не представляло однородной массы: въ немъ выдѣлились высшій классъ, буржуазія, и низшій, «простонародье» или, вѣрнѣе, «мелконародье» (le menu peuple, ut. popolo minuto въ отличіе отъ popolo grasso, «жирный народъ»).

Самый низъ общественной лѣстницы въ средніе вѣка занимало крестьянство. Этому послѣднему русскому термину, обозначающему земледѣльческій классъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ обезпеченный землею, соотвѣтствуетъ французское *paysans* (откуда англ. *peasants*) и нѣмецкое *Bauern,* одно, заимствованное отъ мѣста жительства, ибо это есть не что иное, какъ *pagenses,* жители паговъ, т.-е. округовъ [1]), по аналогіи съ чѣмъ образовалось и итальянское *contadini,* отъ *contado,* графство (ср. нѣм. Landleute), другое, взятое изъ главнаго занятія сельскихъ жителей, такъ какъ *bauen* зна-

[1]) См. выше, стр. 35.

читъ воздѣлывать землю (ср. франц. *laboureurs*, земледѣльцы). Слово *вилланы (villani, vilains)* сдѣлалось во вторую половину среднихъ вѣковъ наиболѣе обычнымъ обозначенiемъ крестьянъ во Францiи, хотя оно и имѣло другое, болѣе спецiальное значенiе [1]).

Если мы отвлечемся, съ одной стороны, отъ понятiя церкви, бывшей общею для всѣхъ странъ религiозною организацiей, а съ другой, не будемъ принимать въ расчетъ городъ, только позднѣе обособившiйся отъ сеньёрьяльнаго рѣжима, то все общество на Западѣ представится намъ расчлененнымъ на меньшинство, состоявшее изъ обладателей феодовъ, и на большинство, жившее на земляхъ этого меньшинства и находившееся отъ него въ зависимости. Сама церковь въ лицѣ высшаго клира вошла въ ряды господствовавшаго феодальнаго класса, какъ и городское населенiе выдѣлялось сначала сравнительно мало изъ остальной массы, зависѣвшей отъ этого класса. Тамъ, гдѣ страна раздѣлилась политически на множество отдѣльныхъ сеньёрiй, какъ это было во Францiи, и тамъ, гдѣ, какъ въ Англiи, помѣстье никогда не дѣлалось государствомъ, раздѣленiе общества главнымъ образомъ на землевладѣльческое дворянство и на подчиненную ему крестьянскую массу одинаково было самымъ главнымъ и основнымъ фактомъ общественнаго устройства. Вступленiе духовенства въ ряды феодальной аристократiи только осложняло этотъ фактъ, и лишь выдѣленiе горожанъ въ особое сословiе было уже началомъ разрушенiя феодальнаго строя.

Первенствующимъ сословiемъ феодальнаго общества было духовенство, т.-е., въ сущности, высшiй клиръ. Такое положенiе было, прежде всего, результатомъ установившихся въ среднiе вѣка отношенiй между церковью и государствомъ. Въ исторiи этихъ отношенiй вообще можно различить отдѣльные перiоды, когда церковь, какъ организованное общество христiанъ, находилась въ языческомъ государствѣ, ее преслѣдовавшемъ, потомъ, когда, сдѣлавшись само христiанскимъ и признавъ церковь, государство взяло ее подъ свое покровительство, превратившееся въ Византiи въ опеку, и наконецъ, когда церковь на Западѣ не только эманципировалась отъ государства, но даже обнаружила стремленiе поставить

---

[1]) См. выше, стр. 77.

его подъ свое верховенство. Какъ-разъ въ эпоху наибольшей силы феодализма, разлагавшаго государство и ослаблявшаго королевскую власть, папство, превратившее западную церковь въ единую и централизованную духовную монархію,—несмотря на побѣду феодализма въ самомъ княжескомъ владѣніи папъ,—предъявило государству свою теорію главенства римскаго первосвященника надъ всѣми государями и князьями католическаго міра. Развитіе феодализма дѣлало для свѣтской власти въ высшей степени трудною борьбу съ духовнымъ главою этого міра и облегчало папству его побѣды. Отсюда и произошло, что законы церкви считались обязательными для государства, но обязательность законовъ государства для духовенства, наоборотъ, оспаривалась. То же самое происходило и въ области суда: по многимъ дѣламъ свѣтскія лица были подсудны церковному суду, но духовенство претендовало ни въ какомъ случаѣ не подлежать суду государства. Наконецъ, церковь облагала всѣхъ вѣрующихъ извѣстными поборами въ свою пользу, но своихъ ближайшихъ членовъ, т.-е. клиръ, считала свободными отъ обязанности платить государственные налоги [1]). Въ дезорганизованномъ феодализаціей государствѣ церковь была единственною прочно организованною силою, обладавшею притомъ громаднымъ моральнымъ вліяніемъ на вѣрующую совѣсть и единственно хранившею въ себѣ сѣмена образованности. Немудрено, что клиръ, какъ сословіе, лучше другихъ организованное, болѣе другихъ образованное и пользовавшееся особымъ нравственнымъ авторитетомъ, должно было занимать первенствующее положеніе въ обществѣ. Но кромѣ того, это было и особенно богатымъ землями сословіемъ, постоянно пріобрѣтавшимъ новыя имѣнія, никогда не терявшимъ старыхъ [2]). Достаточно отмѣтить тотъ фактъ, что въ Англіи передъ реформаціей духовенству вообще принадлежало около половины всей почвы въ странѣ, причемъ бо̀льшая часть этой половины, а именно цѣлая треть всего количества земли въ Англіи была достояніемъ монастырей. Феодальное землевладѣніе ставило высшій клиръ въ ряды знати, и весьма естественнымъ было то, что дворянство стало стремиться запол-

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. подробнѣе въ моей «Исторіи Западной Европы», т. I, гл. 22.

[2]) См. выше, стр. 40.

нять высшія мѣста въ церковной іерархіи членами своихъ семействъ, такъ что сдѣлалось даже обычаемъ, чтобы кто-либо изъ членовъ извѣстной аристократической фамиліи посвящался Богу. Тамъ, гдѣ, какъ это было именно въ Германіи, до эпохи французской революціи сохранились духовныя княжества, еще въ XVIII в. владѣтельные прелаты избирались изъ канониковъ или *соборныхъ господъ* (Domherren), въ число которыхъ могли вообще попадать только лица изъ извѣстныхъ фамилій (stiftsfähige Familien), иногда съ точнымъ обозначеніемъ минимальнаго числа благородныхъ предковъ, которое должно было быть у принимавшагося въ капитулъ. Во Франціи передъ самой революціей тоже громадное большинство епископствъ было въ рукахъ представителей дворянскихъ фамилій, кромѣ двухъ-трехъ, самыхъ бѣдныхъ и потому носившихъ названіе «лакейскихъ» (évêchés de laquais). Это срастаніе духовной и свѣтской аристократіи—фактъ очень старый, начало котораго относится къ среднимъ вѣкамъ. Съ феодализмомъ проникли въ церковь и нравы феодальнаго дворянства—угнетеніе подвластныхъ и духъ неповиновенія властямъ [1]).

Феодализмъ далъ организацію и землевладѣльческому классу, превративъ его въ наслѣдственное дворянство съ особыми исключительными правами и съ особою сословною честью. Варварскія королевства, основавшіяся въ провинціяхъ Римской имперіи, унаслѣдовали отъ нея классъ *поссессоровъ*, помѣщиковъ, который мало-по-малу сталъ сливаться съ пришлою германскою знатью въ одно аристократическое сословіе. О существованіи знати у германцевъ говоритъ еще Тацитъ, и все указываетъ на то, что это была знать родо-

[1]) Это общее положеніе можно было бы иллюстрировать цѣлымъ рядомъ примѣровъ, изъ которыхъ сошлюсь хотя бы на такой случай. Однажды мать Людовика IX, Біанка Кастильская, узнала о томъ, что каноники собора Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris) засадили въ свою тюрьму чуть не населеніе цѣлой деревни и подвергли узниковъ всякимъ истязаніямъ. Сердобольная королева заступилась за нихъ, но не имѣла успѣха. Тогда она лично отправилась къ тюрьмѣ и приказала открыть дверь. Лица, ее сопровождавшія, боялись, однако, это сдѣлать, страшась церковнаго проклятія, и воля королевы была исполнена лишь тогда, когда сама Біанка выхватила у одного изъ своихъ воиновъ алебарду и ею ударила въ тюремную дверь.

вая, основанная на происхожденіи, подобная греческимъ эвпатридамъ, римскому патриціату [1]). Самымъ характернымъ фактомъ въ исторіи этой ранней германской знати является различная расцѣнка просто свободныхъ и знатныхъ людей въ «варварскихъ правдахъ» при назначеніи виры (или вергельда) за убійство: за убіеніе свободнаго человѣка назначалась одна плата, за убіеніе знатнаго—другая, значительно бо̀льшая, у саксовъ, напр., даже въ шесть разъ. По мѣрѣ объединенія мелкихъ группъ въ болѣе обширныя организаціи значеніе родовой знати, поставлявшей главарей для мелкихъ группъ, должно было падать, и, наоборотъ, должно было рости значеніе герцога или короля, стоявшаго во главѣ болѣе крупнаго политическаго цѣлаго, въ которомъ объединились прежнія мелкія группы. Это именно и произошло, напр., въ государствѣ франковъ, въ которомъ развилось другое основаніе для привилегированнаго положенія въ обществѣ: такимъ основаніемъ сдѣлалось не что иное, какъ личная близость къ королю или вообще королевская сдужба. Отмѣченное явленіе опять-таки имѣетъ свои аналогіи, и одну изъ нихъ представляетъ собою, напр., замѣна въ Римѣ старой родовой аристократіи, патриціата, новой служилой аристократіей нобилитетомъ [2]). Въ королевствѣ франковъ вира за простого франка была 200 солидовъ, за римлянина 100 солидовъ, но если франкъ или римлянинъ были на королевской службѣ, были членами дружины, за нихъ платилось втрое больше, т.-е. уже 600 и 300 солидовъ. Аналогичное явленіе наблюдается и у англосаксовъ, у которыхъ *тэнъ* (*tegn*), тоже слуга королевскій, оцѣнивался въ шесть разъ дороже простого человѣка. Ни франкскіе *антрустіоны*, ни англо-саксонскіе *тэны*, однако, не передавали первоначально своихъ правъ по наслѣдству, но, какъ и въ другихъ привилегированныхъ положеніяхъ, и здѣсь развилась тенденція обезпечивать за своимъ потомствомъ разъ занятое положеніе, превращая его если не de jure, то de facto въ наслѣдственное. Соціальная исторія англо-саксовъ свидѣтельствуетъ намъ еще, что привилегированнымъ положеніемъ тэна, какъ королевскаго слуги, замѣнилось болѣе раннее привилегированное положеніе родовитаго человѣка, называвшагося *эрломъ* (*eovl*), и что, съ

[1]) Государство-городъ, стр. 27—28.

[2]) Государство-городъ, стр. 105, 143 и 201.

другой стороны, званіемъ *тэна* сталъ съ теченіемъ времени обозначаться вообще каждый человѣкъ, владѣющій большимъ количествомъ земли, хотя бы онъ и не былъ королевскимъ дружинникомъ. Это указываетъ на то, что въ основѣ ранней средневѣковой знати лежали сначала происхожденіе изъ извѣстнаго рода, потомъ выдвинувшаяся на первый планъ королевская служба и наконецъ обладаніе извѣстнымъ количествомъ земли. Кто въ королевствѣ англо-саксовъ владѣлъ пятью обычными надѣлами земли, т.-е. мансами (*гайдали*, *hides*), тотъ и былъ *тэнъ*, но разъ онъ пріобрѣталъ это званіе, то уже въ третьемъ поколѣніи и потомокъ его становился *тэномъ*, хотя бы у него лично и не было ни клочка земли. Съ другой стороны, тэнъ, владѣвшій сорока гайдами, назывался по старому эрломъ и передавалъ свое званіе потомкамъ, сохранявшимъ его и въ томъ случаѣ, когда лишались земли.

Если теперь мы примемъ въ расчетъ все, что говорилось раньше о возникновеніи и развитіи крупнаго землевладѣнія и объ установленіи наслѣдственности бенефиціевъ-феодовъ и государственныхъ должностей [1]), то и увидимъ, какъ сложилось феодальное дворянство. Въ основѣ его, конечно, лежало обладаніе землею: въ сущности, нерѣдко совсѣмъ не нужно было быть знатнаго рода или находиться на королевской службѣ для того, чтобы сдѣлаться сеньёромъ, и дѣйствительно, многіе феодальные владѣльцы вели свое происхожденіе отъ счастливыхъ воиновъ-авантюристовъ, создававшихъ себѣ выдающееся положеніе, благодаря личной удали и ловкости. Съ ослабленіемъ королевской власти государственная служба уже не могла быть попрежнему источникомъ сословнаго возвышенія, но тѣмъ не менѣе и эта служба съиграла свою роль въ образованіи феодальнаго дворянства, поскольку въ немъ мы различаемъ немалое количество потомковъ королевскихъ бенефиціаловъ и чиновниковъ. Наконецъ, обычай наслѣдственной передачи особыхъ правъ и преимуществъ, сопряженныхъ съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, возстановилъ во всей его неприкосновенности и понятіе «благородства» въ смыслѣ особыхъ качествъ, присущихъ человѣку изъ «хорошаго рода». Это— обычная исторія отдѣленія людей бѣлой кости, въ жилахъ

---

[1]) См. выше, стр. 37.

которыхъ течетъ голубая кровь, отъ людей съ костью черною и съ обыкновенною красною кровью [1]). Впослѣдствіи и безземельный дворянинъ, не занимавшій никакой государственной должности, былъ все-таки дворяниномъ и стоялъ въ іерархической лѣстницѣ сословій выше землевладѣльца и должностного лица изъ плебеевъ.

Благородное происхожденіе требовало и благороднаго образа жизни. Мало-по-малу выработалось представленіе о занятіяхъ, приличныхъ и, наоборотъ, неприличныхъ для дворянина,—представленіе, которое пережило цѣлый рядъ политическихъ перемѣнъ и играло роль еще въ XVIII в., когда, напримѣръ, во Франціи дворянинъ, занимающійся торговлею, разсматривался, какъ человѣкъ, унижающій свое званіе и тѣмъ наносящій своего рода оскорбленіе всему сословію. Занятіями, приличествующими дворянину, считались сельское хозяйство, охота, война. Право охоты было даже одною изъ дворянскихъ привилегій, ведшихъ свое начало изъ сеньёрьяльныхъ правъ феодальной эпохи. Что касается до войны, какъ одного изъ благородныхъ занятій, то можно сказать, что дворянство было въ средневѣковомъ обществѣ сословіемъ военнымъ по преимуществу. Въ современной соціологіи категоріи натуральнаго и денежнаго хозяйства замѣнили еще недавно бывшія въ ходу, унаслѣдованныя отъ Сенъ-Симона и Огюста Конта и еще клавшіяся Спенсеромъ въ основу классификаціи обществъ категоріи военнаго и промышленнаго строя. Съ точки зрѣнія такой классификаціи средневѣковой общественный строй былъ именно военнымъ: въ обществѣ господствовалъ военный классъ, и военная служба была главною связующею силою между отдѣльными государями-помѣщиками, т.-е. феодальными сеньёрами. Въ эпоху полнаго разложенія государства, когда царило, какъ выражались въ Германіи въ концѣ среднихъ вѣковъ, *кулачное право* (Faustrecht) между отдѣльными владѣльцами феодовъ происходили постоянныя войны, да и впослѣдствіи, когда въ феодальную анархію сталъ вноситься нѣкоторый порядокъ, нравы высшаго свѣтскаго сословія продолжали оставаться военными. Объ этомъ у насъ уже шла рѣчь выше [2]), и здѣсь остается

---

[1]) Государство-городъ, стр. 32.

[2]) См. стр. 106 и слѣд.

только отмѣтить еще ту связь, которая прямо установилась между дворянствомъ и военнымъ званіемъ въ такъ называемомъ рыцарствѣ.

Слово *рыцарь* мы взяли изъ польскаго языка, гдѣ оно звучитъ *rycerz* и само есть не что иное, какъ искаженіе нѣмецкаго *Ritter,* что̀ значитъ всадникъ. Главную силу средневѣкового войска составляла конница, имѣть же коня и выступать въ походъ коннымъ могъ только человѣкъ болѣе или менѣе зажиточный: и въ древности не даромъ названіе всадниковъ носили люди, принадлежавшіе къ болѣе богатымъ классамъ, каковы были аѳинскіе *гиппеи* (всадники) по конституціи Солона или *ordo equester* (всадническое сословіе) въ Римѣ. Какъ и въ древности, такъ и въ средніе вѣка названіе всадника, *риттера*, по-французски *chevalier* (отъ cheval, лошадь) и т. п. сдѣлалось обозначеніемъ привилегированнаго общественнаго положенія. Въ Германіи образовалось даже цѣлое сословіе *имперскаго рыцарства* (*Reichsritterschaft*), особаго дворянства, не находившагося въ подчиненіи у земскихъ державцевъ, т.-е. князей, въ отличіе отъ *земскаго дворянства* (Landesadel), которое какъ-разъ подчинялось власти этихъ болѣе крупныхъ феодаловъ. По нѣмецкому образцу и польская шляхта часто обозначалась, какъ рыцарство: это были синонимы — *szlachta* и *rycerstwo.* По-латыни, въ средніе вѣка то же понятіе передавалось болѣе общимъ терминомъ *miles*, т.-е. воинъ, и мы уже знаемъ, что, напримѣръ, въ Англіи спеціально рыцарями (milites) назывались подвассалы [1]).

Правда рыцарство въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, именно рыцарство въ значеніи званія, которое нужно было еще заслужить и посвященіе въ которое сопровождалось разными обрядностями, не было сословіемъ въ буквальномъ смыслѣ слова, и первоначально званіемъ рыцарей могли пользоваться, за свои военныя заслуги, и неблагородные, но съ теченіемъ времени вступленіе въ званіе рыцаря все болѣе и болѣе дѣлалось привилегіей «благородства», т.-е. дворянскаго происхожденія, какъ и позднѣе, въ эпоху постоянныхъ армій офицерскія мѣста были открыты только для дворянъ. Принадлежность къ рыцарству, въ особомъ,

---

[1]) Англійское обозначеніе (наприм., «рыцарей отъ графствъ» въ парламентѣ)—knights одного корня съ нѣм. Knecht.

спеціальномъ смыслѣ этого термина, какъ извѣстно, налагала на каждаго носителя этого званія и особыя обязанности, требовала отъ каждаго рыцаря соблюденія извѣстныхъ правилъ поведенія — въ теоріи, по крайней мѣрѣ, — предполагала въ человѣкѣ наличность извѣстныхъ качествъ, спеціально корпоративной доблести, оберегаемой и особою корпоративною честью, и всѣ эти требованія перешли потомъ въ кодексъ сословной дворянской чести со всѣми его хорошими правилами (вѣрность разъ данному слову и т. п.) и со всѣми его предразсудками (неприличность для дворянина тѣхъ или другихъ занятій и т. д.). При всемъ разнообразіи видоизмѣненій, которымъ подвергался этотъ кодексъ подъ вліяніемъ разныхъ новыхъ условій жизни, напримѣръ, позднѣйшаго придворнаго быта, основными качествами, которыхъ онъ, этотъ кодексъ, требовалъ отъ «благороднаго», были тѣ же самыя, какія прежде всего предполагаются въ доблестномъ воинѣ. Въ теоріи и придворная служба въ разныхъ должностяхъ, близкихъ по своему значенію къ отдѣльнымъ видамъ личнаго услуженія, не роняла, подобно, положимъ, торговлѣ, достоинства дворянина.

Съ совершенно инымъ характеромъ выступаетъ передъ нами городской нобилитетъ среднихъ вѣковъ. Хотя въ составъ его (особенно въ Италіи) и входили феодальные элементы, основной тонъ жизни задавала здѣсь не война, а торговля, занятіе какъ-разъ считавшееся не соотвѣтствующимъ званію дворянина. Въ средневѣковомъ городѣ,—котораго, нужно прибавить, мы лишь слегка касаемся въ этой книгѣ,—тоже выработались свои сословныя различія, но городская знать и по своимъ чувствамъ, и по образу жизни значительно отличалась отъ феодальнаго дворянства. Это были два разныя сословія, которыя, по общему правилу, какъ мы увидимъ, не сливались въ одну группу въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ второй половины среднихъ вѣковъ: единственное исключеніе представляетъ собою англійскій парламентъ, гдѣ слились, въ нижней палатѣ, въ одно цѣлое рыцари съ горожанами. Конечно, между феодальными дворянами, съ одной стороны, и городскими нобилями или патриціями, съ другой, было много общихъ чертъ, вообще отличающихъ господствующіе классы и въ частности характеризующихъ ту или другую

эпоху или страну, но противоположности военнаго и промышленнаго строя не могли не сказываться, даже прямо должны были сказаться на всемъ обликѣ обоихъ общественныхъ классовъ. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда городская знать достигала значенія правительствующаго сословія, какъ это было въ республикахъ, подобныхъ Венеціи или Генуѣ, дворянство съ пренебреженіемъ относилось къ бюргерамъ, какъ къ «подлому», выражаясь нашимъ старымъ терминомъ, чину людей и во многихъ мѣстахъ дворянинъ, женившійся на «мѣщанкѣ», тѣмъ самымъ ронялъ свое достоинство и принижалъ его даже въ своемъ потомствѣ: выше уже было, наприм., отмѣчено, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ для занятія извѣстной духовной должности нужно было имѣть опредѣленное количество благородныхъ предковъ, т.-е. какія-нибудь, положимъ, бабушка, происходившая не отъ дворянъ, могла быть для своего внука непреодолимымъ препятствіемъ къ тому, чтобы онъ могъ сдѣлаться каноникомъ [1]).

Сословность разбивала общество на группы съ особыми правами и привилегіями. Собственно говоря, самая многочисленная общественная группа, крестьянство, находилась какъ-бы внѣ этого сословнаго строя по полной своеі, въ эпоху наибольшаго развитія крѣпостничества, безправности. Понятно, что при существованіи среди крестьянъ, въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, разныхъ соціальныхъ категорій [2]) и при неодинаковости общаго положенія крестьянской массы въ отдѣльныхъ странахъ или въ отдѣльныя эпохи это утвержденіе о безправности сельскаго населенія нужно принимать съ извѣстными оговорками, но даже въ тѣхъ случаяхъ, когда обычай или законъ обезпечивали за крестьянами тѣ или другія личныя и имущественныя права, на практикѣ господствовалъ произволъ сильнаго, и крестьянинъ нерѣдко не находилъ защиты отъ насилій не только своего господина, но и постороннихъ господъ. Крестьянинъ былъ существомъ низшей породы, и выраженія, аналогичныя «хамову отродью» или «быдлу» [3]) встрѣчаются и на Западѣ для пренебрежительнаго обозначенія крестьянства

---

[1]) См. стр. 183.

[2]) См. выше, стр. 68 и слѣд.

[3]) Bydło по-польски значитъ скотъ.

Вспомнимъ хотя бы французское слово *vilain*, которое получило смыслъ отрицательной характеристи тоже въ связи съ ассоціаціей мужицкаго и подлаго, непорядочнаго.

При такомъ взглядѣ на вещи достоинство человѣка измѣряется принадлежностью его къ тому или другому сословію. Въ средневѣковыхъ памятникахъ мы нерѣдко встрѣчаемся съ тою мыслью, что самъ Богъ создалъ разныя сословія, указавъ каждому его мѣсто и его назначеніе. Можно было бы привести цѣлый рядъ отрывковъ, въ которыхъ говорится, что Богъ духовенству давъ предназначеніе молиться за всѣхъ, дворянству—всѣхъ защищать, а простонародью—работать и своею работою содержать первыя два сословія. Разумѣется, это было выраженіемъ взглядовъ двухъ первенствующихъ общественныхъ группъ, крестьяне же, когда среди нихъ возникала мысль о необходимости опредѣленія своего положенія, высказывались на этотъ счетъ иначе. Въ полномъ соотвѣтствіи съ различной расцѣнкой достоинства отдѣльныхъ сословій жизнь выработала и разныя правовыя для нихъ нормы. Средневѣковое право было насквозь сословнымъ: дворянинъ и крестьянинъ судились разными судами и даже въ извѣстныхъ случаяхъ по разнымъ законамъ какъ въ области гражданскаго, такъ и въ области уголовнаго права. Лучшей иллюстраціей подобнаго рода отношеній можетъ служить хотя бы указаніе на то, что во Франціи, въ случаѣ судебнаго поединка между благороднымъ и простолюдиномъ, первый сражался на конѣ и въ полномъ вооруженіи, второй—пѣшій и съ простой дубиною, вмѣсто оружія.

Одною изъ особенностей положенія народной массы въ періодъ наибольшаго развитія сеньёрьяльнаго режима была полная ея дезорганизованность, отсутствіе въ отдѣльныхъ селеніяхъ какого бы то ни было общиннаго быта и общественнаго духа. Только со времени освобожденія городовъ и въ особенности со времени появленія горожанъ на политическихъ съѣздахъ при королевскихъ дворахъ возникло у городского населенія сознаніе общности интересовъ и явилась извѣстная организація для ихъ защиты, чтó у духовенства и дворянства каждой отдѣльной страны существовало гораздо раньше, благодаря церковнымъ учрежденіямъ и феодальнымъ связямъ. Только крестьяне и въ этомъ отношеніи оставались позади общаго движенія. Правда, во второй половинѣ среднихъ вѣковъ и у нихъ развивается извѣстная общественность, но

она не идетъ далѣе установленія общинной связи между односельчанами, кромѣ, разумѣется, случаевъ массовыхъ стихійныхъ возстаній, которыя обыкновенно очень скоро подавлялись вслѣдствіе именно своей неорганизованности [1]). Иное дѣло—высшія сословія: духовенство, имѣвшее свои церковные соборы и появлявшееся вмѣстѣ съ дворянствомъ на феодальныхъ съѣздахъ, само это дворянство, связывавшееся феодальными отношеніями въ одно цѣлое съ королемъ во главѣ, города, устроившие у себя общинный бытъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ (именно въ Италіи и въ Германіи) заключавшіе между собою союзы [2]), были такъ или иначе организованы, и въ извѣстную пору своей жизни само средневѣкое государство получило такое устройство, какъ будто все дѣло сводилось къ установленію своего рода modi vivendi между тремя высшими сословіями, имѣвшими каждое особые интересы, пользовавшимися каждое неодинаковыми правами и стремившимися каждое къ различнымъ цѣлямъ. Государство, какъ союзъ трехъ самостоятельныхъ сословій подъ общимъ главенствомъ короля,— вотъ та форма, въ которую постепенно перешла на пути реинтеграціи государства феодальная монархія, бывшая въ сущности, какъ мы видѣли, своеобразной федераціей свѣтскихъ и духовныхъ сеньёрій съ прибавкою къ нимъ, въ извѣстную пору, и коммунъ, этихъ въ нѣкоторомъ родѣ «коллективныхъ бароновъ» [3]).

---

[1]) Объ этомъ см. ниже, въ главѣ XXIV, гдѣ разсмотрѣны средневѣковыя крестьянскія возстанія.

[2]) Этой стороны политическаго быта среднихъ вѣковъ, имѣющей свою аналогію и въ античномъ мірѣ (см. Государство-городъ, гл. XV), мы не могли коснуться въ этой книгѣ по отдаленности даннаго предмета отъ ея главной темы.

[3]) См. выше, стр. 173.

ГЛАВА XVII.

Происхожденіе сословно-представительныхъ учрежденій.

Эпоха сословной монархіи.—Отличіе средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій отъ современныхъ намъ парламентовъ.—Возникновеніе представительныхъ учрежденій въ средніе вѣка.—Феодальная основа сословно-представительныхъ сеймовъ.—Присоединеніе къ ней городскихъ элементовъ.—Исключеніе изъ правъ представительства крестьянской массы.—Сословность, какъ причина непрочности средневѣковыхъ сеймовъ.—Договорный характеръ ихъ рѣшеній.—Конгрессивность нѣкоторыхъ изъ этихъ собраній.—Политическая гарантія сословной монархіи.—Компетенція сословныхъ сеймовъ.—Различія, представляемыя отдѣльными сословно-представительными учрежденіями.

Между эпохой монархіи феодальной и эпохой монархіи абсолютной въ исторіи Западной Европы существовала цѣлая эпоха такъ называемой сословной монархіи, главнымъ образомъ XIII, XIV и XV вѣка, когда выросшія на феодальной и муниципальной почвѣ сословія получили новую организацію, и въ лицѣ своихъ представителей стали играть роль въ рѣшеніи наиболѣе важныхъ дѣлъ цѣлыхъ странъ, объединившихся изъ прежнихъ крупныхъ и мелкихъ феодальныхъ сеньёрій и городскихъ коммунъ. Сословная монархія есть именно уже объединенное государство, въ которомъ власть такъ или иначе распредѣлена между королемъ и такъ называемыми государственными чинами, т.-е. между сословіями духовенства, дворянства и горожанъ. Начало этой эпохи нужно отнести еще ко второй половинѣ XII вѣка, когда возникли первыя сословно-представительныя учрежденія въ государствахъ Пиренейскаго полуострова (въ Леонѣ и Кастиліи въ 1188 г.), принимая за исходный моментъ появленіе на политическихъ собраніяхъ городскихъ представителей. Затѣмъ то же самое происходитъ въ XIII в. въ Каталоніи (1218 г.), Германіи (1237 г.), Португаліи (1254 г.), Англіи (1265 г.), Арагонѣ (1274 г.). Наконецъ, къ XIV в. относится образованіе генеральныхъ штатовъ во Франціи

(1302 г.) и сеймовъ въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ княжествахъ (большею частью въ серединѣ столѣтія). Середина XV вѣка была уже временемъ наибольшаго развитія сословнаго представительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и первыхъ признаковъ будущаго ихъ упадка въ слѣдующихъ двухъ вѣкахъ, XVI и XVII [1]). Вообще очень немногія изъ сословно-представительныхъ учрежденій, возникшихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, пережили XVII и XVIII столѣтія, эпоху наибольшаго развитія абсолютизма, и въ измѣненномъ видѣ продолжаютъ существовать и понынѣ: это, главнымъ образомъ, англійскій парламентъ и венгерскій государственный сеймъ, остальные же теперешніе «парламенты» большею частью самаго новаго происхожденія, преимущественно въ XIX вѣкѣ.

Между сословной монархіей среднихъ вѣковъ и теперешней монархіей конституціонной есть пункты сходства и пункты различія. Главные пункты сходства, это—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ—ограниченіе королевской власти и притомъ выборнымъ представительствомъ страны, которое принимаетъ участіе въ дѣлахъ законодательства, податного обложенія и управленія. Но есть и важные пункты различія. Прежде всего, въ современныхъ намъ конституціяхъ представительство основано не на сословномъ началѣ, какъ это было въ средніе вѣка: теперешнее представительство называется народнымъ представительствомъ, ибо выборные депутаты являются въ наши парламенты представлять все населеніе страны, всю націю въ политическомъ смыслѣ слова (откуда и такой еще терминъ, какъ національное представительство), хотя бы при этомъ и не существовало всеобщей подачи голосовъ на выборахъ, участіе же въ избирательномъ правѣ обусловливалось, напримѣръ, тѣмъ или другимъ имущественнымъ цензомъ. Лишь нѣкоторые остатки сословности сохраняются въ организаціи такъ называемыхъ верхнихъ палатъ, но по существу дѣла столь распространенную въ наше время двухпалатную систему никоимъ образомъ не слѣдуетъ понимать по аналогіи съ сословными палатами средневѣковыхъ представительныхъ учрежденій, и въ этомъ отношеніи особенно поучительно обратиться къ исторіи англійскаго парламента, въ которой съ полною ясностью прослѣживается пре-

---

[1]) См. ниже, въ главу XXV.

вращеніе сословнаго представительства въ національное [1]). Съ другой стороны, самый характеръ представительства измѣнился отъ среднихъ вѣковъ къ нашему времени: въ новыхъ конституціяхъ депутатъ не связанъ въ своей дѣятельности никакими повелительными наказами (императивными мандатами) отъ избирателей, въ средніе же вѣка свобода представителей была какъ-разъ часто ограничиваема такими инструкціями, не позволявшими имъ выйти изъ извѣстныхъ рамокъ, и даже нерѣдко бывало, что въ случаѣ какихъ-либо непредусмотрѣнныхъ наказомъ предложеній со стороны правительства представители входили въ сношенія со своими избирателями для предварительнаго обсужденія новаго вопроса.

Это—по части состава и сàмаго характера средневѣкового и современнаго представительства. Переходя къ вопросу о компетенціи того и другого, мы должны раньше всего отмѣтить, что наибольшее сходство между обоими заключается въ правѣ представителей давать свое согласіе на податное обложеніе или отказывать въ немъ, но и тутъ наблюдается большая разница въ томъ, что теперешніе парламенты занимаются также и распредѣленіемъ денегъ, поступающихъ въ государственную казну, между отдѣльными рубриками расходовъ, чего въ средневѣковыхъ сеймахъ, вообще говоря, не было. Особенно же важно то, что въ области законодательства сословно-представительнымъ учрежденіямъ принадлежалъ только совѣщательный голосъ, и иниціатива законовъ оставалась всецѣло въ рукахъ правительства, тогда какъ новымъ парламентамъ принадлежатъ и право законодательнаго почина, и рѣшающій вмѣстѣ съ этимъ голосъ. Наконецъ, теперешнія представительныя учрежденія пользуются широкимъ правомъ контроля надъ самимъ управленіемъ государства, чего опять-таки у средневѣковыхъ сеймовъ не было: самое большее, чтò они могли дѣлать, это—жаловаться государю на разныя злоупотребленія властей и просить о принятіи мѣръ къ ихъ прекращенію. Что касается назначенія на высшія государственныя должности, которое въ извѣстныхъ случаяхъ въ настоящее время происходитъ подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ представительныхъ учрежденій, то въ средніе вѣка и здѣсь королевская власть оставалась вполнѣ самостоятельной. Изъ

---

[1]) См. ниже, въ главѣ XX.

всего этого не трудно сдѣлать тотъ общій выводъ, что компетенція сословнаго представительства была гораздо у́же компетенціи представительства національнаго, и опять-таки исторія англійскаго парламента покажетъ намъ, какъ произошло впервые — въ нѣдрахъ старой же организаціи — это расширеніе компетенціи [1]).

И средневѣковое, и современное представительства, какія бы черты различія мы между ними ни находили, все-таки можетъ разсматриваться, какъ нѣкоторая особая форма государственнаго устройства. Въ общемъ государства можно раздѣлить на такія, въ которыхъ населеніе совсѣмъ не участвуетъ въ дѣлахъ правленія, и на такія, которыя, наоборотъ, это участіе осуществляютъ, и вотъ между государствами этой второй категоріи мы различаемъ случаи непосредственнаго участія народа, въ политическомъ смыслѣ слова, т.-е. «гражданъ» [2]) въ государственныхъ дѣлахъ, и случаи участія посредствомъ представителей. Повидимому, идея представительства сама по себѣ очень проста и должна была бы притти въ голову людей очень рано, но на самомъ дѣлѣ она, какъ и самое явленіе, очень поздняго происхожденія, и родиной ея была только средневѣковая Западная Европа.

Новѣйшая теорія представительнаго правленія ведетъ свое начало отъ Монтескьё, который такъ объяснялъ — логически, но не исторически — ея происхожденіе: «такъ какъ въ свободномъ государствѣ всякій, имѣющій свободную душу, долженъ былъ бы быть управляемъ самъ собою, то слѣдовало бы, чтобы весь народъ въ полномъ своемъ составѣ обладалъ законодательною властью, но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ, а въ маленькихъ сопряжено со множествомъ неудобствъ, то нужно, чтобы народъ посредствомъ своихъ представителей дѣлалъ то, чего самъ дѣлать не въ состояніи». Мысль, дѣйствительно, очень простая, но какъ-разъ она никому не приходила въ голову, напр., въ древности, когда государство разрасталось и граждане, разсѣянные по большой территоріи, уже не въ состояніи были сходиться на городской площади для рѣше-

[1]) См. ниже въ главѣ XXI.

[2]) Ср. опредѣленіе гражданина у Аристотеля. Государство-городъ, стр. 124 и слѣд.

нія государственныхъ дѣлъ. Непосредственное народовластіе античнаго міра было, такъ сказать, расчитано именно на небольшія городовыя республики, а кàкъ только государство разрасталось, то и характеръ народнаго вѣча искажался, само оно падало, и на замѣну ему ничего не возникало [1]). Непосредственное народное вѣче существовало первоначально и въ маленькихъ германскихъ государствахъ (civitates Тацита), но по мѣрѣ образованія болѣе крупныхъ варварскихъ королевствъ всенародныя вѣча все болѣе и болѣе правращались въ чисто аристократическіе съѣзды съ сохраненіемъ въ нихъ участія присутствующихъ по личному праву, а не въ качествѣ выборныхъ отъ какой-либо части населенія. Мы имѣемъ право говорить для всей древности и для ранняго средневѣковья лишь о недоразвившихся эмбріонахъ представительной системы [2]), настоящее же представительство возникло и развилось лишь въ эпоху сословной монархіи.

Какъ ни разнообразны были средневѣковыя сословно-представительныя учрежденія, мы наблюдаемъ въ нихъ многія общія черты.

Первое—ихъ чисто феодальная основа. Мы знаемъ, что около феодальныхъ сеньёровъ собирались съѣзды ихъ вассаловъ для совѣта и суда, такъ называемыя куріи, и что такія же куріи существовали при короляхъ; таковою же былъ

---

[1]) «Государство-городъ» и «Монархіи древняго Востока», во многихъ мѣстахъ.

[2]) На представительномъ началѣ была, напр., построена аѳинская «буле», пятьсотъ членовъ которой были депутатами отъ отдѣльныхъ «демовъ». См. Государство-городъ, стр. 137. Легче могла бы выработаться представительная система въ античныхъ федераціяхъ, особенно, напр., въ такомъ союзѣ, какъ Ахейскій, но на самомъ дѣлѣ этого не произошло, и тотъ же общеахейскій сеймъ (τό κοινὸν τῶν 'Αχαιῶν) далеко не былъ представительнымъ. См. тамъ же, стр. 248. Нѣкоторое отношеніе къ вопросу имѣютъ такъ называемыя провинціальныя собранія послѣднихъ временъ Римской имперіи (о нихъ см. Монархія древняго Востока, стр. 283—284), и Гизо даже съ нихъ начинаетъ обзоръ представительныхъ учрежденій въ своей «Histoire des assemblées représentatives en Europe», но на самомъ дѣлѣ это былъ лишь зародышъ, изъ котораго только могло бы еще, да и то при особенно благопріятныхъ условіяхъ вырости настоящее представительство.

и англійскій «великій совѣтъ», будущая верхняя палата парламента [1]). Правда, рядомъ съ феодальными элементами въ составъ такихъ совѣтовъ входили и церковные, въ лицѣ епископовъ и аббатовъ, но не нужно забывать, что вѣдь и сановники католической церкви были вмѣстѣ съ тѣмъ и феодальными сеньёрами, и потому довольно безразлично, участвовали ли, напр., духовные лорды въ верхней палатѣ въ качествѣ сановниковъ церкви или же королевскихъ вассаловъ наравнѣ со свѣтскими баронами. Другая черта—та, что участники аристократическихъ съѣздовъ, изъ которыхъ выросли сословно-представительные сеймы, являлись къ двору короля каждый по личному своему праву, а не по избранію на сей конецъ кѣмъ бы то ни было: это вассалъ просто исполнялъ свою обязанность помогать сюзерену совѣтомъ, отнюдь это не былъ депутатъ отъ какой-либо части населенія или отъ какой-либо мѣстности. Еще ранѣе, въ эпоху варварскихъ королевствъ, при короляхъ тоже происходили съѣзды вельможъ, въ которыхъ каждый участвовалъ также по личному же праву, ведшему свое начало изъ права всѣхъ вообще свободныхъ являться на народное вѣче.

Такимъ былъ, напр., англійскій витенагемотъ [2]), сначала всенародное вѣче, потомъ аристократическій съѣздъ, получившій при нормандскихъ короляхъ феодальную окраскую подъ названіемъ «великаго совѣта»; послѣдній въ свою очередь легъ въ основу палаты лордовъ, гдѣ и до сихъ поръ члены занимаютъ свои мѣста по личному наслѣдственному праву. На этой феодальной основѣ представительная система развилась только позднѣе, безъ остатка въ нѣкоторыхъ случаяхъ поглотивъ участіе по личному праву.

Образованіе на феодальной основѣ сословно-представительныхъ собраній относятъ обыкновенно къ тому времени, когда въ съѣздахъ духовныхъ и свѣтскихъ вассаловъ при особѣ короля начинаютъ принимать участіе и горожане: съ этого именно момента политическія собранія утрачиваютъ свой однородно-феодальный характеръ, и кладется одинъ изъ первыхъ камней въ фундаментъ чисто-представительной системы. Нужно, однако, оговориться, что далеко не сразу города стали посылать на эти собранія спеціально выбран-

---

[1]) См. выше, стр. 123, 143, 161 и др. См. также гл. XX.

[2]) См. выше, стр. 151 и особенно ниже въ главѣ XX.

ныхъ депутатовъ: во многихъ случаяхъ первыми представителями городовъ были ихъ должностныя лица, т.-е. консулы, мэры, эшевены, бургомистры, ратманы, и они такимъ образомъ тоже занимали свои мѣста въ собраніяхъ въ качествѣ мѣстныхъ властей, и какъ сеньёры, или въ силу своихъ должностей, какъ это можно говорить, напр., объ епископахъ, если ихъ право основывалось главнымъ образомъ на ихъ значеніи въ церкви. Съ теченіемъ времени, однако, въ городскомъ сословіи, какъ и въ двухъ высшихъ, личное участіе (или участіе по должности) замѣнилось участіемъ по праву спеціальнаго избранія.

Появленіе горожанъ на государственныхъ сеймахъ было преимущественно результатомъ освобожденія городовъ изъ-подъ феодальной власти и того самостоятельнаго положенія, которое они заняли въ государствѣ. Не слѣдуетъ, однако, думать, что городское представительство было вполнѣ демократическимъ: и городскія должности, и представительство на сеймахъ находились въ рукахъ городского патриціата, простой же народъ не пользовался избирательнымъ правомъ. Еще менѣе могли претендовать на участіе въ сословномъ представительствѣ деревни, т.-е. крестьянская масса. Въ эпоху возникновенія сословно-представительныхъ учрежденій крестьянство находилось еще въ крѣпостной зависимости отъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньёровъ, и феодализмъ, въ широкомъ смыслѣ этого слова, такимъ образомъ исключалъ громадное большинство населенія изъ пользованія политическимъ правомъ представительства. По общему правилу, въ сословныхъ сеймахъ участвовали только духовенство, дворянство и буржуазія, или бюргерство, городское сословіе [1]), т.-е. владѣльческіе классы средневѣкового общества. Правда, были исключенія, но очень рѣдкія, и всѣ они относятся къ болѣе позднему времени. Наприм., во Франціи сельскіе жители вмѣстѣ съ горожанами стали принимать участіе въ выборахъ въ генеральные штаты лишь въ концѣ XV вѣка, когда возникъ и терминъ *третье сословіе (tiers état*, т.-е. *tertius status)* для обозначенія всѣхъ не принадлежащихъ къ первымъ двумъ сословіямъ, но въ такъ называемыхъ провинціальныхъ штатахъ (états provinciaux), многіе изъ которыхъ во Франціи просуществовали до самой революціи 1789 г.,

[1]) См. объясненіе термина выше, на стр. 171.

представительство такъ-таки навсегда и осталось трехсословнымъ. То же самое наблюдаемъ мы и въ германскомъ общеимперскомъ сеймѣ *(рейхстагѣ)* и въ земскихъ сеймахъ отдѣльныхъ княжествъ *(ландтагахъ)*, вслѣдствіе чего послѣдніе, какъ извѣстно, и не пользовались довѣріемъ крестьянъ. Только въ одной Швеціи, гдѣ не существовало крѣпостного состоянія крестьянъ, рядомъ съ духовенствомъ, дворянствомъ и горожанами стали занимать мѣсто и крестьяне, какъ особая, четвертая палата,—устройство, унаслѣдованное въ 1809 г. и Финляндіей, въ которой только теперь (1906 г.) старый сословный сеймъ, состоявшій изъ четырехъ палатъ, уступилъ мѣсто одной палатѣ, избираемой путемъ всеобщаго голосованія.

Раздѣленіе средневѣковыхъ представительныхъ учрежденій на сословныя палаты и исключеніе изъ представительства всей крестьянской массы несли въ себѣ зародыши будущаго упадка этой политической формы. Сословія, имѣвшія представительство, постоянно ссорились между собою, къ великой выгодѣ для королевской власти, передъ которою, благодаря этому, открывалась возможность широкаго примѣненія къ политикѣ извѣстнаго правила: «divide et impera» (разъединяй и господствуй). Между феодализмомъ и городскимъ бытомъ была непримиримая вражда [1]); она стала отражаться и на несогласіяхъ между дворянами и горожанами на сеймахъ. Не существовало также большого лада и между обоими высшими сословіями, такъ какъ дворянство завидовало, наприм., привилегіямъ и земельному богатству клира; не даромъ въ XVI в. государи, принявшіе религіозную реформацію, отбирали у церкви и монастырей ихъ земли, опираясь именно на дворянство и при этомъ дѣлясь съ ними изрядною частью того, что́ было отобрано. Съ другой стороны, широкая народная масса, особенно крестьянство, не имѣла никакого интереса поддерживать сословно-представительныя учрежденія, тѣмъ болѣе, что въ нихъ часто принимались вредныя и обременительныя для большинства народа рѣшенія.

Связь сословныхъ сеймовъ съ феодальнымъ строемъ заключается и въ договорномъ характерѣ тѣхъ постановленій, которыя на нихъ принимались. Договаривались ли сословія съ монархомъ или между собою, договаривались ли каждый

---

[1]) См. выше, стр. 174—176.

лично за себя, какъ самостоятельный «чинъ», или по уполномочію своихъ избирателей, диктовавшихъ ему, на что̀ соглашаться, на что̀ не соглашаться, во всѣхъ случаяхъ мы восходимъ, какъ къ первообразу этихъ отношеній, къ феодальному контракту, т.-е. къ договору между сеньёромъ и вассаломъ. Это имѣло мѣсто не только по существу дѣла, но и съ чисто формальной точки зрѣнія, примѣромъ чего можетъ служить хотя бы англійская «Magna charta libertatum» 1215 г. со всѣми ея подтвержденіями [1]). Въ англійскомъ парламентѣ, кромѣ того, нерѣдко происходили настоящіе торги между королемъ и народными представителями, приводившими къ договору, на какихъ условіяхъ (наприм., при отказѣ отъ такого-то злоупотребленія властью) король могъ бы получить деньги. Не забудемъ, что сословно-представительныя учрежденія во многихъ случаяхъ возникали въ ту эпоху, когда государство не было еще достаточно объединено, когда въ немъ чисто механически соединялись отдѣльныя феодальныя княжества, сеньёріи и коммуны, согласить которыя между собою можно было только путемъ взаимныхъ уступокъ. Французскіе генеральные штаты на первыхъ порахъ прямо-таки напоминаютъ собою международный конгрессъ, съѣздъ самостоятельныхъ носителей верховной власти въ своихъ территоріяхъ, сеньёрьяльныхъ и коммунальныхъ. Германскій имперскій сеймъ (рейхстагъ), тотъ даже совсѣмъ превратился въ своего рода съѣздъ владѣтельныхъ князей и пословъ отъ городовыхъ республикъ (имперскихъ городовъ). Англійскій парламентъ, какъ учрежденіе, возникшее въ странѣ, уже прочно объединившейся подъ единою высшею властью, былъ совершенно лишенъ конгрессивнаго характера; но тамъ, гдѣ еще существовало въ той или другой мѣрѣ феодальное раздробленіе, элементъ конгрессивности всегда,—тоже въ той или другой мѣрѣ—можетъ быть обнаруженъ при изученіи соотвѣтственнаго учрежденія. Образованіе конгрессивнаго сейма для нѣсколькихъ отдѣльныхъ княжествъ могло быть даже средствомъ ихъ объединенія въ одно политическое цѣлое съ сохраненіемъ и мѣстной самостоятельности. Таковы были генеральные штаты въ Нидерландахъ, составившихся изъ 17 отдѣльныхъ княжествъ, причемъ въ каждомъ изъ нихъ были свои мѣстные

---

[1]) См. выше, стр. 160 и слѣд. и ниже, въ гл. XX.

штаты и общія рѣшенія имѣли характеръ договора между самостоятельными государствами [1]).

Феодальный договоръ, какъ мы знаемъ, связывалъ обѣ стороны. Между прочимъ, если сюзеренъ нарушалъ свой долгъ по отношенію къ вассалу, послѣдній могъ его дезавуировать, т.-е. разрывалъ съ нимъ основанную на феодальной присягѣ связь, сохраняя за собою свой феодъ. Обоюднымъ характеромъ договора освящалось и средневѣковое право возстанія противъ злоупотребленій власти, право, теоретически защищавшееся въ XVI вѣкѣ писателями, извѣстными подъ названіемъ «монархомаховъ» [2]). Намъ знакома уже [3]) 61 статья англійской «Великой хартіи вольностей», въ сущности формально выговаривавшей право возстанія вассаловъ, какъ своего рода гарантію того, что хартія не будетъ нарушаться, и это не единственный примѣръ въ такомъ родѣ. То же самое можно сказать еще, какъ было въ своемъ мѣстѣ упомянуто, о «Золотой буллѣ» венгерскаго короля Андрея [4]). Другой примѣръ—старинная присяга, какую при вступленіи во власть давали владѣльцы Брабанта, одной изъ нидерландскихъ «провинцій», въ томъ, что не будутъ нарушать законовъ страны и правъ и привилегій ея сословій подъ страхомъ отказа со стороны послѣднихъ отъ принесенной государю присяги (такъ называемая «Joyeuse entrée»). Даже въ началѣ XVII вѣка чешскій сеймъ вынудилъ у своего короля актъ (знаменитую «Грамоту величества» 1609 г.), въ которой тоже значилось право возстанія противъ власти въ случаѣ неисполненія ею даннаго обѣщанія.

Главнымъ предметомъ уговоровъ между монархомъ и сословіями на съѣздахъ ихъ представителей были тѣ взносы, которые подданные должны были дѣлать въ королевскую казну. Мы знаемъ уже, какое важное значеніе въ этомъ отношеніи принадлежитъ статьямъ 12 и 14 англійской «Великой хар-

---

[1]) Развитіе конгрессивности въ представительномъ учрежденіи средневѣкового типа (только на почвѣ не феодальнаго, а удѣльнаго раздробленія) очень удобно прослѣдить на старомъ польскомъ сеймѣ. См. мой «Историческій очеркъ польскаго сейма». Ср. также нѣкоторыя указанія ниже, въ главѣ XXII.

[2]) См. въ слѣдующей главѣ.

[3]) См. выше, стр. 162—163.

[4]) См. выше, стр. 163 и въ главѣ XXII.

тіи» [1]), и даже тѣ писатели, которые впослѣдствіи готовы были сводить на-нѣтъ значеніе сословно-представительныхъ учрежденій, не рѣшались поднять руку на сословное право самообложенія [2]). Затѣмъ шло менѣе прочно установленное въ средніе вѣка право участія въ законодательствѣ, во всякомъ случаѣ, однако, настолько ясное, что уже въ XIII в. въ Англіи формулировано было новое ученіе о законѣ, не имѣвшее ничего общаго съ принципомъ римскаго права, дѣлавшимъ источкомъ закона одно волеизъявленіе государя. Въ Германіи, въ эпоху наибольшаго значенія ландтаговъ, тоже признавалось за правило, что старые законы могутъ быть измѣняемы и новые вводимы лишь «съ общаго совѣта и согласія всѣхъ» (omnium consilio et consensu) «съ полномочіями и по совѣту чиновъ» (mit Vollwort und Rath der Stände), «съ вѣдома и по волѣ земства» (mit Wissen und Willen der Landachaft). Менѣе важное значеніе принадлежало этимъ сеймамъ въ области контроля надъ дѣйствіями администраціи.

Въ частностяхъ своего устройства и своей судьбы отдѣльныя сословно-представительныя учрежденія далеко не были похожи однѣ на другія. Начать съ того, что самыя названія ихъ были неодинаковы. Въ государствахъ Пиренейскаго полуострова они назывались *кортесами* множ. число отъ *corte*, т.-е. дворъ [3]). Англійскій государственный сеймъ усвоилъ себѣ имя *парламента,*—терминъ, бывшій вообще въ ходу въ XIII в. для обозначенія «собраній, гдѣ говорятъ», причемъ въ нѣкоторыхъ республикахъ Италіи такъ называлось городское народное вѣче, а во Франціи подъ этимъ именемъ стала разумѣться преобразованная въ высшее судебное и административное учрежденіе королевская курія [4]); то же названіе было усвоено и сословно-представительными учрежденіями Шотландіи и Ирландіи. Во Франціи аналогичное собраніе получило имя *генеральныхъ штатовъ (états généraux)*, которое было перенесено и на центральный сеймъ въ Нидерландахъ, сохранившись потомъ и за высшимъ учрежденіемъ позднѣйшей республики, которую принято называть Голлан-

---

[1]) См. выше, стр. 161—162.

[2]) См. въ слѣд. главѣ (о Боденѣ).

[3]) По-русски правильнѣе было бы говорить «корты».

[4]) Parlamentum, англ. parliament, ит. parlamento, франц. parlement; во Франціи было нѣсколько такихъ судебныхъ палатъ.

діей. Въ Германіи, гдѣ рядомъ съ *имперскимъ сеймомъ* существовали въ отдѣльныхъ княжествахъ еще *земскіе сеймы*, всѣ они обозначались словомъ *Tag*, что̀, собственно, значитъ день: отсюда имперскій сеймъ—*рейхстагъ*, на которомъ засѣдали *имперскіе чины* (Reichsstände), а земскій сеймъ,—*ландтагъ*, на которомъ засѣдали *земскіе чины* (Landstände), латинскій переводъ *dieta* (отъ dies, день); скандинавское соотвѣтствіе—*риксдагъ* [1]). Наконецъ, у западныхъ славянъ, т.-е. у чеховъ и поляковъ для того же понятія употреблялось слово *сеймъ*, которое мы заимствовали у поляковъ же (sejm), и которое, происходя отъ со-имать, т.-е. брать вмѣстѣ, соединять, имѣетъ и другія формы: соймъ (теперь у украинцевъ) и снѣмъ (древ.-рус. и современное чешское sněm). Комбинаціи элементовъ, входившихъ въ составъ сословно-представительныхъ учрежденій, были тоже разныя. Въ Англіи образовалось только двѣ палаты, изъ которыхъ въ одной стали засѣдать высшее духовенство и высшее дворянство, а въ другой слились въ одно цѣлое представители низшаго дворянства, другихъ землевладѣльцевъ и горожанъ. Въ другихъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ (чины—ordines, états, Stände) духовенство составляло особую палату съ участіемъ въ ней, въ извѣстныхъ случаяхъ, и низшаго клира, въ Англіи не имѣвшаго своего представительства въ парламентѣ. Что касается до дворянства, то иногда правомъ участія въ сословно-представительныхъ собраніяхъ пользовались только высшіе его слои, какъ это было въ Кастиліи и первоначально во Франціи, а въ иныхъ случаяхъ было отдѣльное представительство высшаго и низшаго дворянства, что̀ наблюдается, наприм., въ Арагонскомъ королевствѣ, гдѣ *нобли (nobles)* имѣли палату, отдѣльную отъ *кабаллеровъ (caballeros)*. Наконецъ, мы уже видѣли, что когда во Франціи въ генеральныхъ штатахъ появились представители отъ сельскаго населенія, то они слились съ представителями горожанъ въ одинъ чинъ, или штатъ *(status, état)* подъ названіемъ третьяго, тогда какъ въ Швеціи крестьянскіе представители составили отдѣльную отъ городскихъ палату. Совершенно особый характеръ получила представительная палата въ Польшѣ, такъ

---

[1]) Tag въ смыслѣ съѣзда употребляется и теперь, наприм., въ словѣ «Parteitag», съѣздъ партіи.

называемая *посольская изба (izba poselska)*, въ которой участвовала только одна шляхта.

Еще болѣе разнообразна была исторія всѣхъ этихъ учрежденій, какъ это мы и увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

ГЛАВА XVIII.

Политическая теорія сословной монархіи.

Соціально-политическій строй среднихъ вѣковъ и его идеологія.—Зависимость политическихъ теорій ранняго средневѣковья отъ античныхъ традицій.—Общій характеръ политическихъ теорій схоластическаго періода.—Живучесть традицій абсолютизма въ средніе вѣка.—Идея о смѣшанномъ образѣ правленія въ средніе вѣка.—Политическая идея Брактона.—Взглядъ на монархію у Ѳомы Аквинскаго и Птолемея Лукkскаго.—Поэма о битвѣ при Льюисѣ.—Зерцало короля Эдуарда III».—Фортескью и его «Похвалы англійскимъ законамъ».—Монархомахи XVI в.—Взглядъ Бодена на значеніе сословно-представительныхъ собраній.—Изображеніе сословной монархіи у Монтескье.—Защита средневѣковой монархіи у реакціонныхъ писателей XIX вѣка.

Сословная монархія, общее понятіе о которой дано въ предыдущей главѣ, имѣла своихъ теоретиковъ, рядъ которыхъ тянется отъ среднихъ вѣковъ до XIX столѣтія, т.-е. отъ эпохи возникновенія этой формы до эпохи ея окончательнаго крушенія.

Каждый общественный и государственный строй имѣетъ свою идеологію,—разумѣя подъ этимъ терминомъ совокупность существующихъ въ данномъ обществѣ идей, въ которыхъ заключаются какъ теоретическое пониманіе, такъ и практическая оцѣнка наличныхъ соціальныхъ и политическихъ формъ. Нѣтъ нужды, что эти идеи часто не получаютъ ясной и точной формулировки, остаются лишенными какой бы то ни было систематизаціи и не находятъ внѣшняго выраженія въ письменности,—онѣ все-таки существуютъ въ умахъ отдѣльныхъ лицъ, разнообразясь смотря потому, къ какому общественному классу принадлежатъ тѣ или другіе люди, руководятъ, далѣе, ихъ поведеніемъ, хотя бы и безъ строгой систематичности, и такъ или иначе обнаруживаются въ разныхъ

проявленіяхъ общественной мысли. Изучая исторію политическихъ идей, получившихъ уже теоретическую обработку въ литературѣ, мы всегда наблюдаемъ, до какой степени сама жизнь отражается на этихъ идеяхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти идеи, повидимому, имѣютъ строго отвлеченный характеръ и являются передъ нами въ видѣ чисто логическихъ выводовъ изъ болѣе раннихъ, но столь же отвлеченныхъ идей. Нисколько не отрицая въ исторіи политическихъ ученій важнаго значенія чисто логической преемственности отдѣльныхъ принциповъ отъ однѣхъ, болѣе раннихъ теорій къ другимъ, болѣе позднимъ, мы должны всегда помнить, что какъ бы ни были сильны въ этой области идейныя традиціи или умственныя вліянія однѣхъ эпохъ на другія, жизнь вноситъ всегда нѣчто свое даже въ такія теоріи, которыя на первый взглядъ кажутся развивающимися внѣ всякаго общенія съ жизнью. Каждая эпоха, когда общественное развитіе остается еще недостаточно подвинувшимся впередъ, чтобы могла проявиться самостоятельность въ области идейнаго творчества,—пробавляется обыкновенно теоретическими взглядами, унаслѣдованными отъ прежнихъ временъ, но при этомъ неизбѣжно въ пониманіе и оцѣнку этихъ взглядовъ вносится нѣчто, вполнѣ обусловливающееся условіями и потребностями данной эпохи. Для того, чтобы политическая теорія уже цѣликомъ отразила на себѣ соціальный и политическій строй своего времени, необходимо не только, чтобы этотъ строй представлялъ собою черты, рѣзко отличающія его отъ всего, что́ нишло свое выраженіе въ ходячихъ политическихъ идеяхъ, унаслѣдованныхъ отъ прежняго времени, но и чтобы, сверхъ того, умственное развитіе народа могло выдвинуть изъ общественной среды отдѣльныхъ лицъ, которыя были бы въ состояніи, строя политическія теоріи, не повторять только вычитанное у предшественниковъ, но и пользоваться, какъ матеріаломъ, живою дѣйствительностью.

Раннее средневѣковье было какъ-разъ неблагопріятно для самостоятельнаго политическаго мышденія. Это была эпоха страшнаго культурнаго упадка, полной варваризаціи общества не только въ соціально-экономическомъ, а ровно и въ политическомъ отношеніяхъ, но и въ отношеніи духовномъ, т.-е. въ сферахъ литературы, искусства, науки и философіи. Умственное достояніе общества не только не увеличивалось и не улучшалось, но прямо сокращалось и понижалось. Уменьша-

лось, именно, число образованныхъ людей и самый составъ знанiй и идей образованности становился все бѣднѣе и въ количественномъ, и въ качественномъ смыслахъ, что̀ влекло за собою и общее затемненiе общественнаго самосознанiя. Дѣло шло не о томъ, чтобы итти впередъ, а о томъ, чтобы спасать отъ полнаго крушенiя и окончательнаго уничтоженiя осатки старой культуры. Когда въ жизни возникали новые вопросы, на которые требовалось получить компетентные отвѣты, мысль естественно обращалась въ то время къ готовымъ рѣшенiямъ, какiя только можно было найти у старыхъ авторитетовъ, и приспособляла вычитанныя у античныхъ писателей идеи и формулы къ новымъ отношенiямъ и условiямъ. Поэтому въ политическихъ взглядахъ ранняго средневѣковья мы и находимъ гораздо больше заимствованiй изъ книжныхъ теорiй, чѣмъ отраженiй окружающей дѣйствительности, хотя, конечно, безусловно и этого нельзя сказать. Какъ-никакъ, а главная, основная тема средневѣковой политической литературы, именно вопросъ о взаимныхъ отношенiяхъ церкви и государства, или, что̀ то же, духовной и свѣтской властей, папства и имперiи, имѣетъ чисто средневѣковое происхожденiе и, слѣдовательно, отражаетъ на себѣ спецiально средневѣковыя условiя и отношенiя политической жизни. Съ этою оговоркою, однако, если мы отвлечемся отъ религiозныхъ и церковныхъ интересовъ эпохи, а сосредоточимъ все свое вниманiе на государствѣ самомъ въ себѣ и самомъ по себѣ, то увидимъ, что въ своихъ опредѣленiяхъ политическихъ понятiй и въ своихъ формулировкахъ политическихъ принциповъ средневѣковая мысль долгое время лишь пробавлялась тѣмъ, что̀ можно было въ тѣ времена вычитать въ тѣхъ или другихъ произведенiяхъ античной литературы.

Въ планъ настоящей книги не входитъ разсмотрѣнiе политическихъ идей среднихъ вѣковъ вообще, потому что какъ-разъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ не имѣли прямого отношенiя ни къ феодальной, ни къ сословной монархiи. Схоластическiя теорiи, возникавшiя въ связи съ вопросами церковной жизни, говоря о государствѣ и о свѣтской власти, не входили въ подробности того, какъ организовано было современное имъ государство, какой характеръ имѣла современная имъ свѣтская власть. Публицисты схоластическаго перiода пользовались исключительно

отвлеченными понятіями государства, монархіи и т. п. и, оперируя ими, не заботились о томъ, насколько дѣйствительность соотвѣтствовала или не соотвѣтствовала этимъ понятіямъ. Поэтому и историкамъ средневѣковыхъ политическихъ теорій, въ этой чисто свѣтской ихъ сторонѣ, приходится главнымъ образомъ, отмѣчать зависимость тѣхъ или другихъ понятій и принциповъ отъ тѣхъ или другихъ античныхъ авторовъ, а не отъ тогдашней политической дѣйствительности, давая послѣдней мѣсто лишь при отвѣтѣ на вопросъ, почему средневѣковые публицисты усвоивали такія-то и такія-то, а не иныя какія-либо идеи изъ всего того, что́ давала имъ классическая древность. И здѣсь, кромѣ того, приходится ссылаться не только на болѣе или менѣе случайное сохраненіе въ обиходѣ однѣхъ книгъ и утрату другихъ, но и на то, что лишь извѣстныя идеи могли привиться въ средневѣковомъ обществѣ, другія же никоимъ образомъ не могли въ немъ сдѣлаться сколько-нибудь популярными.

Древность была и республиканская, и монархическая. Средніе вѣка примыкали къ древности монархической и находились подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ какъ фактически, такъ и идейно: древность республиканская оказала свое вліяніе на Западную Европу лишь въ новое время, послѣ эпохи ренессанса. Варварскія королевства, смѣнившія Римскую имперію, были монархіи, въ организаціи которыхъ своеобразно сочетались элементы старой императорской власти и молодой власти германскихъ конунговъ съ постепеннымъ усиленіемъ первыхъ, пока процессъ феодализаціи не разложилъ монархію въ рядѣ сеньёрій. Но и въ феодальную эпоху, даже тамъ, гдѣ совершилось полное разложеніе королевской власти, во Франціи, монархическая традиція продолжала жить и при королевскомъ дворѣ, и въ народномъ сознаніи. Этой живучести идеи много способствовала и католическая церковь, которая окрѣпла, начиная съ IV в., подъ сѣнью монархическихъ же учрежденій Римской имперіи и въ своихъ политическихъ взглядахъ всегда оставалась глубоко монархической, даже тогда, когда стремилась превратить императора и королей въ ставленниковъ и приказчиковъ верховнаго первосвященника, папы. Немудрено, что первые авторы политическихъ трактатовъ въ средніе вѣка были поголовно монархисты. Въ томъ изъ древней литературы,

что непосредственно или чаще всего посредственно (напр., чрезъ блаженнаго Августина) было извѣстно этимъ писателямъ, они находили преимущественно теоретическія указанія на то, что наиболѣе естественной и вмѣстѣ съ тѣмъ самой совершенной формой правленія нужно считать монархію [1]). При этомъ монархія имѣлась ими въ виду исключительно неограниченная, идейная традиція которой восходитъ къ греческимъ писателямъ IV в. до Р. Хр. [2]) и къ эпохѣ установленія императорской власти въ Римѣ [3]). Среди политической безурядицы, съ особою силою проявившейся въ эпоху полнаго господства феодальныхъ началъ, сильная и твердая, самостоятельная и неограниченная королевская власть казалась лучшимъ средствомъ для внесенія въ общество внутренняго мира и порядка, для поддержанія среди людей безопасности и спокойствія, законности и правосудія. Отъ одного писателя къ другому переходили поэтому аргументы, которыми укрѣплялась въ умахъ читателей мысль о превосходствѣ неограниченной монархіи надъ всѣми другими образами правленія, и въ числѣ древнихъ философовъ, якобы стоявшихъ на этой точкѣ зрѣнія, значился даже Аристотель, съ подлинными политическими взглядами котораго стали знакомиться только со второй половины XIII в. Конечно, эти аргументы,—въ коихъ рядомъ съ указаніями на единство самого Творца вселенной и Вседержителя мы находимъ ссылку и на единаго царя въ пчелиномъ ульѣ, каковымъ долгое время считали такъ называемую пчелиную матку,—должны были имѣть особую силу для людей, жаждавшихъ выхода изъ феодальной безурядицы, когда «каждый баронъ, по выраженію Бомануара, юриста XIII в., былъ полнымъ господиномъ въ своей бароніи». Когда стало на Западѣ изучаться римское право, завершившее свое развитіе въ эпоху императорскаго абсолютизма, его монархическіе принципы равнымъ образомъ содѣйствовали укрѣпленію въ обществѣ монархической идеи: юри-

---

[1]) См. объ этомъ *М. Ковалевскій*. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Ростъ государства и его отраженіе въ исторіи политическихъ ученій. М. 1906 г. Т. I, стр. 136 и слѣд.

[2]) Монархіи древняго Востока, стр. 141—143.

[3]) Тамъ же, стр. 228—265.

сты, изучавшіе это право, или легисты, законники, какъ ихъ называли во Франціи, прямо усвоили себѣ извѣстное изреченіе: «quod principi placuit, legis habet vigorem», что благоугодно государю, имѣетъ силу закона [1]). Съ этой точки зрѣнія государь считался какъ бы «живымъ закономъ на землѣ» (animata lex in terris), лицомъ, стоящимъ выше законовъ и даже не обязаннымъ повиноваться законамъ (legibus absolutus) и т. п.

Изъ тѣхъ же античныхъ источниковъ, изъ которыхъ средневѣковые политическіе писатели заимствовали свою идеализацію абсолютной монархіи, они познакомились и съ понятіемъ смѣшаннаго образа правленія, въ которомъ тѣмъ или другимъ способомъ сочетаются воедино начало монархіи, аристократіи и демократіи. Уже во времена Аристотеля нѣкоторые считали наилучшимъ политическимъ устройствомъ смѣшанное изъ всѣхъ политическихъ устройствъ, а у первыхъ стоиковъ это была, повидимому, одна изъ любимыхъ политическихъ идей [2]). Извѣстно, что съ этой же точки зрѣнія, во II в. до Р. Х. греческій историкъ Полибій пытался даже объяснить прочность римскаго государственнаго устройства [3]). О той же смѣшанной формѣ, но уже какъ о самой непрочной, говорилъ также и Тацитъ, считая ее вообще одною изъ существующихъ формъ правленія между людьми [4]). Въ пользу смѣшаннаго устройства высказывался въ свое время, далѣе, Цицеронъ, взгляды котораго вообще оказали большое вліяніе на политическую теорію блаж. Августина, въ свою очередь сильно вліявшаго на средневѣковыхъ публицистовъ, но именно отмѣченной черты блаж. Августинъ какъ-разъ и не усвоилъ изъ ученія Цицерона, а потому и средневѣковые публицисты долгое время ничего не знали объ этой формѣ. Только во второй половинѣ XIII вѣка, когда (собственно въ шестидесятыхъ годахъ) «Политика» Аристотеля была переведена на латинскій языкъ и такимъ образомъ сдѣлалась непосредственно извѣстной западнымъ ученымъ, которые до конца XIV вѣка совсѣмъ не знали по-гречески, могла проникнуть въ политическую литературу

---

[1]) Тамъ же, стр. 255.

[2]) Государство-городъ, стр. 226.

[3]) Тамъ же, стр. 335—337.

[4]) Монархіи древняго Востока, стр. 239.

Запада идея смѣшаннаго государственнаго устройства и получить вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой литературѣ особое значеніе въ виду того, что этой идеей думали освѣтить нарожденіе на Западѣ такой формы монархіи, которая никоимъ образомъ не укладывалась въ рамки прежней теоріи королевскаго абсолютизма.

Въ то самое время, какъ во Франціи легисты,—въ XIII в. уже занимающіе разныя должности на королевской службѣ,—проводили въ жизнь принципъ: «что благоугодно государю, имѣетъ силу закона», равнымъ образомъ формулировался и другой взглядъ на происхожденіе закона,—взглядъ, по которому въ созданіи закона должны участвовать и подданные. При Генрихѣ III англійскій судья Брактонъ развивалъ идеи ограниченной монархіи. Соглашаясь съ тѣмъ, что король выше всѣхъ въ государствѣ, онъ находилъ, однако, что надъ королемъ есть еще не только Богъ, но и законъ, который, собственно говоря, и дѣлаетъ короля королемъ и въ которомъ заключается граница его власти, причемъ о существованіи закона и заключающейся въ немъ границы власти королю должны напоминать его товарищи, comites, т.-е. графы и бароны. Но что же въ такомъ случаѣ самъ законъ, какъ онъ устанавливается? Вотъ буквальный отвѣтъ на этотъ вопросъ, даваемый англійскимъ юристомъ XIII вѣка: «силу закона имѣетъ (legis habet vigorem) то, что правильно постановляется королевскою властью съ совѣта и согласія вельможъ и общаго соглашенія всей земли» [1]). Вчитываясь въ эту фразу, невольно обращаешь вниманіе прежде всего на начальныя слова: «legis habet vigorem», имѣющія видъ прямого заимствованія изъ абсолютистской формулы римскихъ юристовъ: «quod principi placuit legis habet vigorem». Затѣмъ нельзя оставить неотмѣченнымъ и того, что, по формулѣ Брактона, въ созданіи закона рядомъ съ королемъ участвуютъ еще два фактора, а именно, вельможи и вся остальная государственная община, страна, земля или земщина, какъ бы мы ни стали, однимъ словомъ, переводить стоящее въ приведенномъ текстѣ слово «respublica». Таково было наиболѣе раннее, насколько мы знаемъ, опредѣленіе того, что мы

---

[1]) Legis habet vigorem quicquid de consilio et consensu magnatum et reipublicae communi sponsione auctoritate regis juste fuerit definitum.

называемъ теперь сословной монархіей, притомъ взятое изъ самой жизни. а не найденное въ книжныхъ теоріяхъ.

Въ томъ же самомъ вѣкѣ, когда жилъ Брактонъ, изъ только что переведенной по-латыни «Политики» Аристотеля ученымъ людямъ сдѣлалась извѣстною его мысль о смѣшанномъ образѣ правленія, подъ который и стали подводить новую форму монархіи — съ участіемъ въ дѣлахъ законодательства и управленія какъ вельможъ, т.-е. аристократическаго элемента, такъ и простого народа, т.-е. элемента демократическаго. Знаменитый схоластическій богословъ XIII в. Ѳома Аквинскій и Птолемей Луккскій, продолжатель его трактата «Объ управленіи государей» (De regimine principum), въ этомъ отношеніи представляютъ для насъ особый интересъ. Съ точки зрѣнія Ѳомы Аквинскаго, лучшею формою правленія (optima politia) является та, которая «искусно смѣшана изъ королевской власти (bene commixta ex regno), поскольку главенствуетъ (praeest) одинъ, изъ аристократіи, поскольку многіе начальствуютъ (principantur) въ силу своего значенія (secundum virtutem), и изъ демократіи, т.-е. власти народа, поскольку начальствующія лица (principes) могутъ выбираться изъ самой же народной среды (ex popularibus) и выборъ ихъ принадлежитъ самому народу». Съ этой точки зрѣнія въ названномъ трактатѣ различаются два вида власти государей, или «принципата», которымъ и даются названія королевскаго (principatum regni) и политическаго (principatum politicum) и въ которыхъ мы узнаемъ, съ одной стороны, неограниченную, или абсолютную монархію, съ другой, монархію ограниченную, или, говоря по теперешнему, конституціонную, въ данномъ случаѣ въ ея средневѣковой, сословной формѣ. Разница между ними въ томъ, что въ однихъ государствахъ закономъ считается воля самого государя, въ другихъ же правителямъ нельзя «дѣлать какихъ-либо нововведеній помимо писаннаго закона». Подобнаго рода монархію авторъ трактата видитъ въ Германіи, въ Венгріи и во Франціи, гдѣ государство (civitas), по его словамъ, живетъ «политически» (politice) въ смыслѣ ограниченія власти государя извѣстными законами (circumscripta potentia regis sive imperatoris dui sub certis legibus sunt astricti).

Въ приведенныхъ взглядахъ Ѳомы Аквинскаго и его продолжателя мы имѣемъ дѣло, собственно, не столько съ отраженіемъ окружавшей ихъ дѣйствительности, сколько

съ примѣненіемъ къ ней одной изъ мыслей, вычитанной у Аристотеля. Другіе политическіе писатели конца среднихъ вѣковъ и между ними великій итальянскій патріотъ и поэтъ Данте, написавшій о монархіи спеціальный трактатъ («De Monarchia»), не обратили никакого вниманія на идею древнихъ о смѣшанномъ образѣ правленія и соотвѣтственно съ этимъ промолчали о современной имъ сословной монархіи, которая, какъ мы сейчасъ видѣли, въ трактатѣ «De regimine principum» была истолкована въ смыслѣ именно смѣшенія монархіи, аристократіи и демократіи.

Настоящее, взятое изъ самой жизни ученіе о сословной монархіи получило начало въ Англіи, гдѣ и сама монархія эта получила наибольшее развитіе. Къ той же самой эпохѣ, когда Брактонъ формулировалъ свой взглядъ на законъ, относится написанная по-латыни, большая—чуть не въ цѣлую тысячу стиховъ, эпическая поэма съ чисто политическимъ содержаніемъ, описывающая именно борьбу англійскихъ бароновъ съ королемъ Генрихомъ III, потерпѣвшимъ отъ нихъ пораженіе въ знаменитой битвѣ при Льюисѣ въ 1264 г. [1]). Особый интересъ этого произведенія, написаннаго во славу добытой Англіей политической свободы, заключается въ томъ, что въ ней умѣло и выпукло сопоставлены два политическихъ міросозерцанія, точки зрѣнія королевскаго абсолютизма и національной свободы,—послѣдней хотя бы и въ аристократическихъ формахъ [2]). Между прочимъ, авторъ поэмы доказываетъ необходимость участія народа въ выборѣ королевскихъ совѣтниковъ, чтобы отстранить отъ власти фаворитовъ изъ иностранцевъ, которыми окружалъ себя Генрихъ III. «Пусть, сказано тамъ, наприм., — пусть вся государственная община (communitas regni) даетъ ему свои совѣты и пусть прежде всего будетъ ему извѣстно мнѣніе людей, которые лучше другихъ знаютъ законы. Населеніе графствъ во всякомъ случаѣ не такъ невѣжественно, чтобы не быть знакомыми лучше пришельцевъ съ обычаями страны. Кто какими-либо законами управляется, тотъ и знаетъ ихъ лучше. Разъ вопросъ касается интересовъ на-

---

[1]) См. ниже въ главѣ XX.

[2]) У *М. Ковалевскаго,* въ соч., назв. выше, приведены отрывки на стр. 210 и слѣд., а также см. у *Петрушевскаго.* Очерки изъ исторіи Англійскаго государства, стр. 206 и слѣд.

рода, то, конечно, онъ всегда будетъ больше, чѣмъ кто-либо другой, о нихъ и пещись и дѣйствовать ради сохраненія своего спокойствія... А изъ этого и слѣдуетъ, что государственной общинѣ и должно рѣшать вопросъ, кто можетъ сдѣлаться совѣтникомъ короля и по большому праву, и ради пользы самого государства». Отдавая первое мѣсто «общинѣ» (называемой также въ поэмѣ и universitas), авторъ находитъ далѣе нужнымъ, чтобы королевскій санъ (regis dignitas) управлялся закономъ», ибо считаетъ «законъ свѣточемъ, безъ котораго вождь (народа) только будетъ сбиваться съ истиннаго пути». — «Обыкновенно говорятъ, читаемъ мы еще въ поэмѣ: какъ король хочетъ, такъ и законъ идетъ, но истина хочетъ иначе, ибо законъ стоитъ, а король падаетъ». Хорошій государь, разсуждаетъ далѣе авторъ, будетъ любить своихъ вельможъ. Если бы даже онъ, подобно пророку, все зналъ, что́ дѣлается въ королевствѣ и что ему нужно, и въ такомъ случаѣ онъ не станетъ скрывать своихъ намѣреній отъ тѣхъ, которые будутъ исполнять его повелѣнія. Поэтому «онъ будетъ совѣтоваться съ подданными о разныхъ мѣропріятіяхъ, осуществить которыя одинъ онъ не въ состояніи».

Аналогичныя идеи въ слѣдующемъ, XIV столѣтіи развивалъ архіеп. кентерберійскій Ислепъ въ политическомъ трактатѣ «Зерцало короля Эдуарда III».—«Ты, обращается онъ къ этому королю, стремившемуся, какъ извѣстно, къ неограниченному самодержавію,—ты долженъ знать, что, по свидѣтельству мудрыхъ философовъ, передающихъ слова Божіи, власть короля должна быть ограничена установленіями, созданными закономъ, и не по внѣшности только, но и по существу, чтобы всѣ видѣли, что король боится Господа Бога и повинуется его волѣ». Можно было бы привести цѣлый рядъ и другихъ литературныхъ произведеній XIV и XV вѣковъ въ доказательство того, какъ популярна была въ Англіи идея ограниченной монархіи, но это завело бы насъ слишкомъ далеко, тѣмъ болѣе, что цѣльнаго ученія о сословной монархіи мы не найдемъ ни у кого ранѣе юриста XV вѣка Фортескью.

Джонъ Фортескью, сначала адвокатъ, потомъ судья, наконецъ (съ 1460 г.) канцлеръ королевства при Генрихѣ VI, отправившійся съ послѣднимъ въ изгнаніе послѣ захвата англійскаго престола Ланкастерской династіей въ лицѣ Эду-

арда IV, былъ превосходнымъ знатокомъ современныхъ ему политическихъ отношенiй, понимавшимъ, что причиной низложенiя названнаго короля съ престола [1]) были его неоднократныя попытки установить въ странѣ абсолютизмъ. Въ изгнанiи, гдѣ Фортескью, между прочимъ, сдѣлался наставникомъ старшаго сына Генриха VI, онъ хорошо познакомился съ состоянiемъ Францiи подъ королевскимъ управленiемъ въ духѣ настоящаго абсолютизма и съ соотвѣтственной политической доктриной, и это только укрѣпило его въ томъ убѣжденiи, что на землѣ нѣтъ выше порядковъ, какъ тѣ, которые установились на его родинѣ. Послѣдняя мысль и легла въ основу его знаменитаго сочиненiя «Похвалы англiйскимъ законамъ» (De laudibus legum Angliae), своего рода апологiи этихъ законовъ противъ нападокъ, которымъ они подвергались со стороны лицъ, знакомыхъ только съ моднымъ въ то время римскимъ и родственнымъ ему каноническимъ правомъ. Возвратившись, послѣ окончательнаго торжества Ланкастерскаго дома, на родину, Фортескью написалъ еще трактатъ «О различiи между абсолютной и ограниченной монархiей», равнымъ образомъ свидѣтельствующiй о превосходномъ знанiи авторомъ предмета, о коемъ въ трактатѣ идетъ рѣчь. Заимствовавъ у Өомы Аквинскаго раздѣленiе правленiй на королевское (dominium regale), основанное на личной силѣ правителя, и политическое (dominium politicum), требующее народнаго согласiя, Фортескью пришелъ къ тому выводу, что въ Англiи нѣтъ ни того, ни другого, но есть третiй видъ,— правленiе въ одно и то же время и королевское, и политическое dominium regale et politicum, такъ какъ Англiя имѣетъ и короля, и законы, издаваемые съ согласiя всѣхъ. Абсолютная монархiя (absolute monarchy), это—та, въ которой сила закона имѣетъ то, что благоугодно государю, но въ Англiи какъ-разъ этого-то и нѣтъ, потому что безъ согласiя подданныхъ король не можетъ ни измѣнять законы, ни налагать подати на народъ: въ этомъ и заключается сущность ограниченной монархiи (limited monarchy). «Статуты, говоритъ Фортескью, создаются отнюдь не по волѣ одного государя, какъ это можно сказать относительно законовъ въ государствахъ, управляемыхъ только по-королевски, т.-е. абсолютно. Устройство этихъ королевствъ имѣетъ въ

[1]) См. въ гл. XX.

виду выгоды одного лишь правителя, къ немалой невыгодѣ управляемыхъ, и въ нихъ отчасти по нерадивости государя, отчасти же по его недѣятельности и лѣни, законы создаются неосмотрительно и поэтому заслуживаютъ названіе больше искаженія законовъ, чѣмъ настоящихъ законовъ. Въ Англіи дѣло обстоитъ иначе. Здѣсь статуты создаются совсѣмъ инымъ способомъ, а именно не по волѣ одного только государя, но съ согласія всего королевства, и потому они уже не могутъ наносить ущербъ народнымъ интересамъ, а наоборотъ, только способствуютъ общему благу». Фортескью прибавляетъ къ сказанному, что такіе статуты непремѣнно будутъ исполнены опытности и мудрости, ибо создаются многими, которые «попадаютъ въ парламентъ только по избранію, что̀, прибавляетъ онъ еще, хорошо извѣстно всѣмъ, знакомымъ съ его устройствомъ и составомъ». Черезъ своихъ же представителей народъ соглашается и на платимые имъ королю налоги. «Король, читаемъ мы у него дальше, не можетъ ни самъ по себѣ, ни черезъ своихъ министровъ взимать подати, субсидіи и какіе бы то ни было еще сборы помимо согласія всего королевства, выраженнаго парламентомъ», ибо, по мнѣнію автора «Похвалъ англійскимъ законамъ», брать у кого-либо что-нибудь изъ его достоянія безъ его согласія и безъ вознагражденія противно законамъ».

Стараясь всячески защитить и прославить новую форму монархіи, въ которой государь (король) правитъ по республикански («политически»), Фортескью въ пользу своей теоріи приводитъ и разные авторитеты, и кое-какіе историческіе примѣры. Общее правило, имъ устанавливаемое, не исключаетъ для него самого возможности случаевъ, когда государь долженъ править и по-королевски. «Не всѣ, какіе только бываютъ въ жизни, случаи могутъ имѣться въ виду обычаями или законами, и потому всѣ такіе случаи должны быть предоставлены личному усмотрѣнію короля». Въ частности Фортескью признавалъ за королемъ особыя права въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ государственной жизни, каковы въ особенности внѣшняя война и внутреннія смуты.

Таково было политическое ученіе Фортескью, оказавшее,—нужно еще и это отмѣтить,—свое вліяніе и на послѣдующую политическую литературу Англіи вплоть до самаго Локка, т.-е. до конца XVII вѣка. На материкѣ и въ сосѣдней съ Англіей Шотландіи идея ограниченной сосло-

віями монархіи нашла цѣлый рядъ защитниковъ въ XVI столѣтіи, въ эпоху религіозной реформаціи, когда рядомъ съ богословскими и церковными спорами происходила борьба между королевскою властью, стремившеюся къ абсолютизму, и сословно-представительными учрежденіями, дѣлавшими усилія отстоять свое существованіе и свое значеніе въ государствѣ [1]). Эти защитники политической свободы противъ монархическаго абсолютизма получили названіе «монархомаховъ», т.-е. борцовъ съ монархами [2]).

Монархомахи, несмотря на свое названіе и на проповѣдь идеи народовластія, т.-е. принадлежности верховной власти народу, отнюдь не были ни республиканцами, ни демократами. Народъ они понимали въ смыслѣ совокупности правящихъ классовъ, или сословій, представленныхъ въ государственныхъ сеймахъ, а государство мыслили въ формѣ ограниченной монархіи, въ которой между государемъ и народомъ существуетъ договоръ, ограничивающій власть перваго и сохраняющій за вторымъ право участвовать самостоятельно въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. У нѣкоторыхъ изъ этихъ писателей мы прямо встрѣчаемся съ мыслью о превосходствѣ смѣшаннаго образа правленія надъ чистыми формами монархіи, аристократіи и демократіи. Такъ, наприм., смотрѣлъ на дѣло авторъ вышедшей въ свѣтъ въ 1573 г. «Франко-Галліи», Готманъ (Hotman), пытавшійся въ этой книгѣ доказать исторіей, будто во Франціи королевская власть всегда была ограничена правами народа. Вышедшая нѣсколькими годами позже «Тяжба противъ тиранновъ» (Vindiciae contra tyrannos), приписывавшаяся прежде Ланге, теперь приписываемая Дю-Плесси-Морнэ, равнымъ образомъ заключаетъ въ себѣ ту идею, что измѣненіе старыхъ законовъ, установленіе новыхъ и контроль за ихъ исполненіемъ принадлежатъ народу, подъ которымъ авторъ разумѣетъ не весь народъ, приравниваемый имъ къ звѣрю» (bellua), а высшія сословія въ лицѣ его представителей. Одна изъ особенностей тиранніи, противъ которой направленъ весь трактатъ, это—

---

[1]) См. ниже, главу XXV.

[2]) Болѣе подробно о писателяхъ, о которыхъ идетъ рѣчь, см. въ моей «Исторіи Западной Европы», т. II, глава 25. См. также книгу *Треймана* «Die Monarchomachen», перев. по-русски подъ заглавіемъ «Тираннoборцы» (1906).

то, что тираннъ всегда избѣгаетъ собранія государственныхъ чиновъ. Около того же времени въ Шотландіи Бьюкананъ въ своемъ трактатѣ «О правѣ королевской власти у шотландцевъ» (De jure regni apud Scotos) проводилъ мысль о томъ, что законъ выше короля, и что между государемъ и народомъ существуетъ договоръ, обязательный для обѣихъ сторонъ.

Особенность всѣхъ сочиненій монархомаховъ заключается въ ихъ оппозиціонномъ духѣ и въ томъ, что противъ абсолютизма они ищутъ спасенія въ политическихъ революціяхъ, сводившихся ими къ расторженію узъ, связывающихъ короля съ народомъ, разъ первый изъ нихъ нарушаетъ договоръ, въ силу котораго онъ только и пользуется властью. Идея договора имѣла не только теоретическое происхожденіе въ средневѣковой политической литературѣ, но и въ самой жизни, начиная съ феодальнаго контракта между сюзереномъ и вассаломъ и кончая тѣми соглашеніями, которыя совершались между королевскою властью и сословіями на государственныхъ сеймахъ [1]). Понятно, что съ точки зрѣнія «монархомаховъ», въ ученіяхъ которыхъ средневѣковая сословная монархія уже начинаетъ превращаться въ представительную монархію новаго времени, старые законы не могли измѣняться, а новые создаваться безъ согласія представительныхъ собраній. Въ полномъ несогласіи съ этими писателями выступаетъ ихъ современникъ Жанъ Боденъ, авторъ трактата «О государствѣ» (De la république), хотя и онъ стоитъ еще на точкѣ зрѣнія государственныхъ чиновъ, какъ одного изъ необходимыхъ органовъ государства.

«Нѣтъ во всемъ мірѣ короля,—говоритъ, между прочимъ, Боденъ въ своемъ трактатѣ,—нѣтъ во всемъ мірѣ короля, который могъ бы произвольно устанавливать налоги со своихъ подданныхъ совершенно такъ же, какъ не можетъ онъ и отнимать у нихъ ихъ имущество». Мы еще увидимъ [2]), что на родинѣ Бодена, во Франціи, сословному представительству не удалось пріобрѣсти того широкаго участія въ законодательствѣ, какое характеризуетъ англійскій парламентъ, но въ принципѣ и генеральные штаты должны были имѣть голосъ въ дѣлѣ установленія налоговъ. Бодену казалось вполнѣ

---

[1]) См. выше, стр. 118 и слѣд.

[2]) Въ главѣ XIX.

естественнымъ, что государь не имѣетъ права распоряжаться достояніемъ народа, не получивъ на то собственнаго его согласія, и его аргументъ въ пользу права генеральныхъ штатовъ участвовать въ установленіи налоговъ тотъ же, что и у Фортескью по отношенію къ парламенту [1]). Но зато Боденъ отказывалъ генеральнымъ штатамъ въ законодательной дѣятельности. «Король—говоритъ онъ—отнюдь не связанъ рѣшеніями генеральныхъ штатовъ и можетъ дѣлать какъ-разъ противное тому, что составляетъ ихъ желаніе, разъ того потребуютъ естественный разумъ и справедливость». Исходнымъ пунктомъ ученія Бодена была мысль объ абсолютномъ единствѣ и полной неограниченности верховной власти, вслѣдствіе чего онъ даже принципіально отрицалъ возможность смѣшанныхъ формъ правленія. Хотя, однако, въ монархіи верховная власть и принадлежитъ всецѣло одному, къ управленію, по мнѣнію Бодена, можетъ быть допущенъ и народъ, если король дастъ ему, въ лицѣ сословныхъ представителей, извѣстную долю участія въ государственныхъ дѣлахъ. Онъ даже находитъ,—совсѣмъ какъ монархомахи,—что только тиранны ненавидятъ государственные чины, «законный же государь, напротивъ, находитъ въ нихъ наиболѣе прочную опору для своей власти». Кромѣ того, сословія, участвующія въ генеральныхъ штатахъ, не лишая короля ни малѣйшимъ образомъ хотя бы частицы его суверенитета, по мнѣнію Бодена, могутъ дѣлить съ нимъ обязанности по управленію. Общій выводъ, который можно сдѣлать изъ взглядовъ этого писателя, тотъ, что сословная монархія, какъ онъ ее понималъ, не есть какая-то смѣшанная форма государственнаго устройства, а лишь форма совмѣстнаго управленія государствомъ и королемъ, и сословіями при сохраненіи за первымъ всей полноты верховной власти [2]).

Сословная монархія имѣла своихъ теоретиковъ и защитниковъ и въ слѣдующихъ вѣкахъ, хотя, начиная съ XVII столѣтія, политическая литература развивалась или въ направленіи строгаго абсолютизма, или въ направленіи конституціонной монархіи, уже отрѣшавшемся въ гораздо большей степени, чѣмъ у монархомаховъ XVI вѣка, отъ сведневѣко-

---

[1]) См. выше, стр. 215.

[2]) О Боденѣ см. еще въ моей «Исторіи Западной Европы», т. II, гл. 30.

вой сословности. Зато XVIII вѣкъ далъ такого теоретика сословной монархіи, какъ Монтескьё.

Съ этимъ послѣднимъ именемъ въ исторіи политическихъ идей связано представленіе о родоначальникѣ конституціонной монархіи новѣйшаго времени, начиная съ перваго ея опыта, сдѣланнаго во Франціи въ концѣ XVIII вѣка. Обыкновенно, когда излагаютъ политическія идеи автора «Духа Законовъ», имѣютъ въ виду знаменитую шестую главу одиннадцатой книги этого памятника политической литературы XVIII в., заключающую въ себѣ изображеніе англійской конституціи, какъ устройства наилучшимъ образомъ обезпечивающаго, по мнѣнію Монтескьё, политическую свободу. Но въ ученіи Монтескьё есть и другая сторона: классифицируя всѣ государства на демократическія, аристократическія, монархическія и деспотическія, онъ подъ монархіей вообще разумѣетъ, въ сущности, только средневѣковую сословную ея форму, отожествляя понятіе деспотизма съ понятіемъ абсолютизма. Не воспроизводя здѣсь всего, что́ объ этомъ говорится въ «Духѣ Законовъ» [1]), я отмѣчу лишь нѣкоторыя черты пониманія этимъ писателемъ сущности монархіи. Однимъ изъ условій образованія монархическаго правленія (рядомъ съ существованіемъ основныхъ законовъ и хранилища законовъ) онъ называетъ «посредствующія, подчиненныя и зависимыя власти», причемъ признаётъ «самымъ естественнымъ», чтобы это мѣсто занято было въ государствѣ дворянствомъ: «гдѣ нѣтъ монарха,—говоритъ онъ,—тамъ нѣтъ дворянства, и гдѣ нѣтъ дворянства, тамъ нѣтъ монарха, а есть только деспотъ; уничтожьте въ монархіи прерогативы сеньёровъ, духовенства, дворянства и городовъ, и у васъ скоро будетъ или демократія, или деспотія [2]). И въ другомъ мѣстѣ Монтескьё говоритъ, что «монархическое правленіе предполагаетъ извѣстныя преимущества, ранги и даже наслѣдственное дворянство». «Нужно,—возвращается онъ къ этой мысли еще въ одномъ мѣстѣ,—нужно, чтобы законы дѣлали наслѣдственнымъ это званіе (дворянство) не для того, чтобы оно отдѣляло могущество государя отъ сла-

---

[1]) Болѣе подробно см. въ моей «Исторіи Западной Европы», томъ III, глава 13.

[2]) Еще одно мѣсто: «монархіи портятся, когда отнимаютъ постепенно прерогативы сословій и привилегій городовъ».

бости народа, но чтобы служить между обоими связью». Сословное начало, защищаемое здѣсь Монтескьё, нашло свое мѣсто и въ его изображеніи англійской конституціи въ видѣ обоснованія и оправданія аристократической и наслѣдственной верхней палаты. Связь сословности съ феодализмомъ,—историческому изученію котораго Монтескьё, какъ извѣстно, положилъ начало [1]),—особенно явствуетъ изъ того, что авторъ «Духа Законовъ» защищаетъ феодальныя права дворянства: «дворянскія земли,—говоритъ онъ,—должны пользоваться привилегіями, какъ и лица благороднаго происхожденія. Нельзя отдѣлить достоинство монарха отъ достоинства его королевства, и равнымъ образомъ нельзя разлучить достоинство дворянина съ достоинствомъ его феода». Либералъ и даже родоначальникъ либерализма новѣйшаго времени въ одной сторонѣ своего ученія, въ другой, только что разсмотрѣнной сторонѣ, Монтескьё былъ несомнѣнный консерваторъ, и если вообще въ эпоху торжества абсолютизма проповѣдь представительства имѣла прогрессивный характеръ, то проповѣдь сословности въ то время, когда уже это начало стало падать въ жизни, всегда соединялась съ реакціонными стремленіями.

Вотъ почему, напримѣръ, въ Германіи начала XIX вѣка, когда жизнью былъ поставленъ вопросъ о введеніи конституціоннаго строя по новому образцу, созданному французской революціей, реакціонеры противопоставляли ему средневѣковые сословные сеймы [2]). Въ этомъ же духѣ писали и публицисты реакціоннаго направленія. Напримѣръ, Людвигъ Галлеръ, видѣвшій въ государственной власти лишь личную и притомъ наслѣдственную собственность правителей, полученную ими по милости Божіей, въ то же время полагалъ, что и у подданыхъ есть права, которыя государи должны уважать, какъ тоже охраняемыя религіей, но что это не «права человѣка и гражданина» французской революціи, а историческія права сословій, корпорацій и т. п. Будучи вообще большимъ поклонникомъ средневѣковыхъ формъ жизни, Галлеръ съ принципомъ сословности соединялъ и чисто феодальный взглядъ на государство: его идеаломъ было патримоніальное княжество, основанное на независимомъ земле-

---

[1]) См. выше, стр. 10.

[2]) Исторія Зап. Евр., т. IV, гл. 16.

владѣніи, хотя бы и съ участіемъ во властвованіи земскихъ чиновъ. Другой писатель той же эпохи, Адамъ Мюллеръ, даже подъискалъ теоретическое обоснованіе для своего сословнаго государства: по его мнѣнію, въ обособленныхъ сословіяхъ воплощаются отдѣльныя жизненныя начала политическаго бытія народовъ, а жизненнымъ объединеніемъ противоположныхъ началъ служитъ живое лицо монарха [1]). Аналогичныя же идеи о сословно-представительной монархіи съ преобладаніемъ въ ней феодальнаго дворянства развивалъ въ своихъ сочиненіяхъ и прусскій реакціонный публицистъ середины XIX вѣка Фридрихъ-Юлій Шталь [2]).

ГЛАВА XIX.

Французскіе генеральные штаты.

Интересъ, представляемый исторіей генеральныхъ штатовъ.—Различіе въ политическомъ развитіи Франціи и Англіи.—Политическія собранія во Франціи въ до-феодальную и въ феодальную эпохи.—Прецеденты участія горожанъ въ политическихъ собраніяхъ до 1302 г.—Значеніе собранія 1302 г.—Ростъ королевской власти къ эпохѣ возникновенія генеральныхъ штатовъ. — Непосредственные прецеденты генеральныхъ штатовъ.—Первые генеральные штаты начала XIV в.—Революціонная попытка середины XIV в.—Причины ея неудачи.—Усиленіе монархическихъ идей.—Новая попытка реформъ въ началѣ XV в.—Незаконченность организаціи генеральныхъ штатовъ въ первой половинѣ XV столѣтія.—Вопросъ о штатахъ 1439 г.—Большая живучесть провинціальныхъ штатовъ.—Замѣна генеральныхъ штатовъ собраніями нотаблей.—Послѣдніе генеральные штаты передъ окончательнымъ торжествомъ абсолютизма.

Изъ всѣхъ средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій Запада мы остановимся нѣсколько подробнѣе лишь на французскихъ генеральныхъ штатахъ и на англійскомъ парламентѣ, какъ на двухъ учрежденіяхъ, далеко, во многихъ отношеніяхъ, не похожихъ одно на другое и по-

---

[1]) Тамъ же, т. IV, гл. 13.

[2]) Тамъ же, т. V, гл. 25.

тому,—кромѣ иныхъ причинъ, дѣлающихъ ихъ особенно интересными для историка,—путемъ сопоставленія и сравненія весьма хорошо освѣщающихъ разныя стороны вопроса о сословномъ представительствѣ среднихъ вѣковъ вообще.

Изучая исторію французскихъ генеральныхъ штатовъ, выносишь изъ ихъ разсмотрѣнія нѣкоторое впечатлѣніе, какъ отъ чего-то постоянно формирующагося и никакъ, однако, не могущаго окончательно сформироваться. Въ теченіе трехъ вѣковъ (1302—1615 гг.) своего существованія они не выработали себѣ вполнѣ опредѣленной формы и не пріобрѣли никакого сколько-нибудь устойчиваго значенія, а когда королевская власть и совсѣмъ перестала ихъ собирать, то это какъ-будто даже и не внесло никакой существенной перемѣны въ общій политическій строй страны. Къ сказанному можно прибавить, что въ первые полтора вѣка своего существованія (1302—1439 гг.) генеральные штаты играли гораздо болѣе важную роль, чѣмъ въ послѣднія полтора столѣтія (1439—1615 гг.), т.-е. это было учрежденіе, которое, такъ сказать, остановилось въ своемъ развитіи, не пріобрѣло для себя прочныхъ основъ и не устояло передъ натискомъ королевскаго абсолютизма, и именно въ этомъ отношеніи генеральные штаты являются полною противоположностью парламента. Главный и основной фактъ политической исторіи Франціи во второй половинѣ среднихъ вѣковъ заключается въ постепенномъ, хотя и не постоянномъ, ростѣ королевской власти, которая изъ слабой и даже призрачной въ XII в. дѣлается мало-по-малу сильной и наконецъ превращается въ абсолютную въ XVII столѣтіи. Теоретически королевская власть во Франціи была неограниченною въ сознаніи какъ самихъ ея носителей, такъ и большинства населенія, причемъ съ XII—XIII вв. притязанія королей находили еще идейную и практическую поддержку въ духовенствѣ, въ особенности же у такъ называемыхъ легистовъ [1]). Въ борьбѣ, которую эта власть вела съ феодальнымъ міромъ, она встрѣчала сочувствіе и содѣйствіе въ народныхъ массахъ, преимущественно въ городскомъ населеніи, и если на первыхъ порахъ, въ эпоху коммунальной революціи, короли становились то на сторону того или другого сеньёра, то на сторону того или другого города, съ теченіемъ времени они все-таки поняли, что какъ бы ни выгодно было

---

[1]) См. выше, стр. 138 и слѣд.

въ отдѣльныхъ случаяхъ находиться въ союзѣ съ этимъ или съ тѣмъ сеньёромъ, общимъ направленіемъ ихъ политики должно было оказывать поддержку городамъ. Начало этой, болѣе сознательной политики относятъ къ царствованію Филиппа II Августа, т.-е. къ концу XII и началу XIII в., а сто лѣтъ спустя Филиппъ IV Красивый кладетъ начало и правильному созыву городскихъ представителей, которые потомъ, во все время существованія генеральныхъ штатовъ, выступаютъ въ роли антагонистовъ феодальнаго дворянства, хотя бы и не всегда въ роли союзниковъ королевской власти. (Впрочемъ, и оппозиціонное настроеніе городовъ проявлялось лишь тогда, когда королевская власть не шла на встрѣчу ихъ желаніямъ). Наоборотъ, каждый разъ, когда эта власть хоть сколько-нибудь искала содѣйствія въ третьемъ сословіи, она его находила, и въ этомъ отношеніи исторія генеральныхъ штатовъ представляетъ тотъ интересъ, что и по ней можно до извѣстной степени прослѣдить вѣковой союзъ королевской власти съ третьимъ сословіемъ, который могущественно содѣйствовалъ постепенному ея росту и возвышенію. Вообще генеральные штаты возникли, какъ учрежденіе, задачею котораго не могло быть ограниченіе королевской власти, безъ того уже слабой и обставленной въ своей дѣятельности всякими препятствіями, а было, наоборотъ, содѣйствіе королямъ въ ихъ стремленіи упорядочить внутреннія отношенія страны. Можно даже прямо сказать, что генеральные штаты обязаны своимъ происхожденіемъ королевской иниціативѣ, отнюдь не иниціативѣ самихъ общественныхъ силъ страны. Какъ-никакъ, при тогдашнемъ феодальномъ и муниципальномъ раздробленіи Франціи созвать носителей государственной власти на мѣстахъ въ общее собраніе для принятія рѣшеній, которыя были бы обязательны для всей страны, было единственнымъ средствомъ, къ какому только вообще оставалось прибѣгать королевской власти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она находила свои собственныя, т.-е. бывшія въ ея исключительномъ распоряженіи средства недостаточными. Генеральные штаты въ исторіи Франціи явились поэтому учрежденіемъ, которое сильно способствовало объединенію страны въ одно политическое цѣлое, превращенію федераціи сеньёрій и коммунъ въ настоящее государство. Въ концѣ концовъ, разсматриваемые съ этой точки зрѣнія французскіе генеральные штаты могутъ быть признаны учрежденіемъ, въ

извѣстномъ отношеніи способствовавшимъ возвышенію королевской власти. Когда послѣдняя получила возможность иными способами разрѣшать тѣ же задачи, какія разрѣшала раньше, опираясь на сословное представительство, она и перестала прибѣгать къ созывамъ генеральныхъ штатовъ, и наконецъ они совсѣмъ вышли изъ употребленія.

Совершенно иной былъ ходъ исторіи англійскаго парламента. Въ Англіи не было политическаго феодализма, который раздроблялъ бы страну на рядъ мелкихъ государственныхъ организмовъ. Напротивъ того, Англія была въ XIII в. единымъ по тогдашнему времени правильно устроеннымъ государствомъ, и въ немъ королевская власть была очень даже сильна, имѣя притомъ вездѣ на мѣстахъ свои органы, вездѣ проводившіе въ жизнь волю правительства [1]). Если и въ Англіи парламентъ вносилъ въ жизнь страны извѣстныя объединяющія начала,—какъ это дѣлаютъ вообще всякія представительныя учрежденія,—то не въ этомъ заключалась его историческая роль, а въ томъ, что онъ началъ серьезно ограничивать королевскую власть, бывшую de facto вполнѣ абсолютною. О парламентѣ уже никоимъ образомъ вообще нельзя сказать, чтобы онъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ королевской инициативѣ и служилъ опорою королевской власти. Мало того: если во Франціи короли въ борьбѣ съ феодализмомъ имѣли на своей сторонѣ—и въ самомъ сословномъ представительствѣ, и внѣ его, въ самой жизни страны—городскіе элементы населенія, то въ Англіи комбинація общественныхъ силъ получалась совершенно иная, ибо здѣсь правительственный деспотизмъ, одинаково тяжело лежавшій на всѣхъ сословіяхъ, заставлялъ объединяться въ общей оппозиціи и духовенство, и дворянство, и горожанъ. Отсюда и то различіе, которое наблюдается между политическимъ развитіемъ обѣихъ странъ. Какъ англійскій феодализмъ не былъ похожъ на феодализмъ французскій [2]), такъ и не были похожа одна на другую сословная монархія во Франціи и въ Англіи. Исторія королевской власти въ этой послѣдней странѣ есть исторія постепеннаго ограниченія монархическаго абсолютизма дружно дѣйствующими въ данномъ направленіи имущими классами, тогда какъ во Франціи, наоборотъ, исторія коро-

---

[1]) См. выше, главу XIV.

[2]) См. главы XIII и XIV.

левской власти есть исторія постепеннаго образованія абсолютной монархіи, по отношенію къ которой сословная монархія являлась лишь необходимымъ эталомъ отъ монархіи феодальной, такъ какъ само сословное представительство, состоявшее изъ враждебныхъ другъ другу элементовъ, оказалось безсильнымъ наложить какія-либо прочныя ограниченія на королевскую власть. Наконецъ, для полноты сравненія, отмѣтимъ и ту разницу между французскими генеральными штатами и англійскимъ парламентомъ, что первые какъ родились, такъ и умерли учрежденіемъ узко сословнаго характера, тогда какъ англійскій парламентъ уже къ концу среднихъ вѣковъ завершилъ эволюцію отъ сословности къ безсословности [1]).

Руководствуясь этими общими указаніями, мы и въ дальнѣйшемъ, гдѣ рѣчь уже будетъ итти о деталяхъ, вездѣ будемъ наблюдать отмѣченное коренное различіе между двумя политическими эволюціями, французскою и англійскою. Въ исторіи сословной монархіи, какъ особой формы правленія, генеральные штаты одной страны и парламентъ другой представляются какъ бы двумя полярными явленіями, образчиками двухъ разныхъ типовъ эволюціи сословной монархіи—къ абсолютизму, съ одной стороны, и къ конституціонализму съ другой. Кто хочетъ изучить условія, приведшія сословно-представительныя учрежденія среднихъ вѣковъ къ почти повсемѣстному на континентѣ паденію въ новое время, тому слѣдуетъ рекомендовать заняться исторіей генеральныхъ штатовъ, и, наоборотъ, кто желаетъ прослѣдить развитіе современнаго конституціоннаго режима до его самыхъ раннихъ корней въ строѣ средневѣковой сословной монархіи съ ея феодальною еще подкладкою, тотъ, конечно, найдетъ все, что ему нужно, въ одной исторіи англійскаго парламента. Впрочемъ, о важности этой исторіи у насъ будетъ еще итти рѣчь впереди [2]).

Генеральные штаты и парламентъ были почти ровесни-

---

[1]) Французскій историкъ *Е. Бутми* въ своей извѣстной книгѣ «Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи» (русск. пер. М. 1904) постоянно отмѣчаетъ, даже по незначительнымъ поводамъ, разницу между политическими учрежденіями Англіи и своей родины.

[2]) См. начало главы XX.

ками: оба учрежденія возникли и стали формироваться около 1300 г., генеральные штаты нѣсколько позже, парламентъ нѣсколько раньше. Обыкновенно за годъ первыхъ генеральныхъ штатовъ признается 1302 г., но въ сущности нельзя сказать, чтобы эта дата имѣла для Франціи положимъ, такое же значеніе, какое для Россіи получилъ 1906 г., ибо и до 1302 г. во Франціи существовали политическія собранія и притомъ даже иногда не безъ участія городовъ.

Цѣлый рядъ свидѣтельствъ указываетъ намъ на то, что, собственно говоря, въ исторіи средневѣковой Франціи не было ни одного сколько-нибудь продолжительнаго періода, въ теченіе котораго въ той или другой формѣ не происходили бы политическія собранія. При Меровингахъ и Каролингахъ это были такъ называемыя «мартовскія» и «майскія поля», выросшія изъ старинныхъ общенародныхъ вѣчъ, а затѣмъ и въ періодъ наибольшаго феодальнаго раздробленія, отъ IX до XIII в., мы болѣе или менѣе повсемѣстно имѣемъ дѣло съ политическими собраніями для обсужденія и рѣшенія дѣлъ, интересовавшихъ ту или другую часть страны. Въ общей исторіи всѣхъ этихъ собраній, начиная съ самыхъ по времени отдаленныхъ, обращаетъ на себя вниманіе ихъ болѣе или менѣе аристократическій составъ, и если даже мы можемъ констатировать на нихъ присутствіе народа, то скорѣе въ видѣ кортежа, сопровождавшаго вельможъ, чѣмъ въ смыслѣ какой-либо самобытной политической силы; въ подобнаго рода случаяхъ народъ, являвшійся на собраніяхъ, могъ только аккламировать предлагавшіяся рѣшенія, но отнюдь не принималъ никакого участія ни въ обсужденіи разсматривавшихся на собраніяхъ вопросовъ, ни тѣмъ болѣе въ принятіи тѣхъ или другихъ постановленій [1]). Съ успѣхами феодализма всѣ прежнія политическія собранія получали все болѣе и болѣе феодальный характеръ, и то, чѣмъ генеральные штаты отличаются отъ болѣе раннихъ съѣздовъ, заключается какъ-разъ въ томъ, что генеральные штаты, хотя и выросли на феодальной почвѣ, не были учрежденіемъ исключительно феодальнымъ, благодаря, какъ было уже отмѣчено, участію въ нихъ и городского сословія [2]).

Не слѣдуетъ однако представлять себѣ дѣло такимъ обра-

---

[1]) См. выше, стр. 196.

[2]) См. выше, стр. 197.

зомъ, чтобы и появленіе городскихъ представителей на съѣздѣ 1302 г. было безусловною новостью, т.-е. не имѣло вообще никакихъ прецедентовъ въ предшествовавшихъ политическихъ собраніяхъ, происходившихъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ Франціи. Уже въ серединѣ XII в. (въ 1141 г.) на одномъ феодальномъ съѣздѣ упоминаются делегаты отъ города Буржа. Въ XIII столѣтіи подобнаго рода упоминанія дѣлаются болѣе частыми. Наприм., въ 1212 г. знаменитый Симонъ Монфортскій, отецъ еще болѣе знаменитаго дѣятеля, носившаго то же имя [1]), созывалъ въ Памье (въ южной Франціи) собраніе епископовъ, знати и именитыхъ гражданъ, которое даже выработало статуты. Послѣ уступки Лангедока Людовику VIII было еще подобное же собраніе съ участіемъ горожанъ въ Безье [2]). Въ 1229 г. депутаты отъ города Тулузы участвовали въ собраніи, происходившемъ въ Мо и вырабатывавшемъ условія договора съ графомъ тулузскимъ. Въ 1254 г. Людовикъ Св. предписалъ сенешалю бокерскому (Бокеръ тоже въ южной Франціи) посовѣтоваться въ одномъ дѣлѣ съ прелатами, баронами и «людьми изъ хорошихъ городовъ» (hominibus bonarum villarum). Черезъ девять лѣтъ, при томъ же королѣ, происходитъ совмѣстное совѣщаніе въ Аженэ дворянъ и муниципальныхъ властей (1263), а еще черезъ шесть лѣтъ (въ 1269 г.) въ сенешальствѣ Каркассона многіе города тоже были представлены въ одномъ собраніи.

Такимъ образомъ, когда въ 1302 г. внукъ Людовика Св. Филиппъ IV Красивый созвалъ принимаемые историками за первые генеральные штаты, горожане время отъ времени въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ уже принимали участіе въ обсужденіи государственныхъ вопросовъ. Что касается до обстоятельствъ, которыя заставили названнаго короля созвать въ Парижѣ въ апрѣлѣ 1302 г. чины государства, то объ этомъ говорится въ любомъ учебникѣ средневѣковой исторіи. Филиппъ IV пришелъ въ острое столкновеніе съ папою Бонифаціемъ VIII,— одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ борьбы свѣтской и духовной власти въ средніе вѣка,—и вотъ, желая имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе страны и заручиться

---

1) О немъ см. въ слѣд. главѣ.

2) Лангедокъ достался французскому королю послѣ извѣстнаго крестоваго похода противъ еретиковъ южной Франціи (альбигойцевъ и вальденсовъ).

поддержкой націи въ борьбѣ своей съ папою, Филиппъ IV созвалъ три сословія «для совѣщанія о нѣкоторыхъ дѣлахъ въ высшей степени важныхъ для короля и королевства, для всѣхъ и для каждаго». Извѣстно также, что этимъ созывомъ онъ достигъ своей цѣли: поставленный на собраніи очень остро вопросъ о томъ, зависитъ ли французская корона отъ папы, какъ претендовалъ Бонифацій VIII, или же король Франціи въ свѣтскихъ дѣлахъ зависитъ только отъ Бога,—и былъ рѣшенъ въ желательномъ для Филиппа IV смыслѣ. Самую сильную поддержку онъ нашелъ, въ частности, въ собравшейся въ Парижѣ свѣтской знати, къ которой въ данномъ случаѣ энергично присоединилось и представительство городского сословія, впервые появившееся на этомъ собраніи съ самостоятельною ролью, а затѣмъ и духовенство тоже признало состоявшееся въ благопріятномъ для свѣтской власти рѣшеніе. Такова, въ сущности, исторія перваго собранія генеральныхъ штатовъ: они созываются по инціативѣ короля, въ его интересахъ, какъ независимаго отъ папы, сувереннаго, или «самодержавнаго» (въ смыслѣ самобытности, а не неограниченной власти) государя, и въ борьбѣ, которую этотъ государь ведетъ съ папою, играютъ роль своего рода оружія въ его рукахъ. Такая роль сословнаго съѣзда по приглашенію короля вполнѣ соотвѣтствовала тогдашнему политическому положенію Франціи. Несмотря на значительныя приращенія къ королевскому домену въ XIII в., Франція около 1300 г. далеко не была еще единымъ государствомъ. Скорѣе это все еще былъ конгломератъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньёрій и городскихъ республикъ и каждый разъ, когда королю предстояло выступать не въ качествѣ непосредственнаго владѣльца домена, а въ качествѣ государя всей страны, въ то время носившей имя Франціи, ему нужно было входить въ соглашенія со всѣми тѣми людьми, въ рукахъ которыхъ была хоть частица политической власти, т.-е. и съ прелатами, и съ сеньёрами, и съ властями добившихся независимости городовъ. Такъ и въ 1302 г., чтобы говорить съ папою отъ имени всей Франціи, въ качествѣ ея національнаго государя, Филиппъ IV не могъ поступить иначе, какъ созвавъ государственные чины. Мы увидимъ, что условія, среди которыхъ былъ созванъ первый парламентъ въ Англіи, и сама непосредственная причина его созыва были совершенно иныя.

Съ другой стороны, изучая исторію генеральныхъ штатовъ, нужно имѣть въ виду, что ко времени ихъ возникновенія королевская власть во Франціи сдѣлала уже значительные успѣхи, какъ въ смыслѣ расширенія королевскаго домена и области, признававшей его сюзеренитетъ, такъ и въ смыслѣ роста самого существа этой власти по отношенію къ подданнымъ и вассаламъ. Прежде всего, стоитъ только бросить самый бѣглый вглядъ на историческія карты Франціи въ концѣ XII и въ началѣ XIV в. [1]), чтобы видѣть, какъ за полтора вѣка, протекшіе отъ вступленія на престолъ Филиппа II Августа (1180 г.) до смерти послѣдняго изъ сыновей Филиппа IV Красиваго и вмѣстѣ съ нею прекращенія старшей линіи Капетинговъ (1328 г.) увеличился королевскій доменъ. Здѣсь не мѣсто перечислять отдѣльныя пріобрѣтенія Капетинговъ въ XIII в., изъ которыхъ первымъ, особенно крупнымъ, была Нормандія (1214 г.): достаточно отмѣтить общій результатъ той политики «собиранія Франціи», начало которой положено было въ эту эпоху, да упомянуть развѣ еще только о томъ, что въ первой же половинѣ XIII в. французскіе короли впервые стали твердою ногою и на югѣ страны. Дѣло въ томъ, что при первыхъ Капетингахъ весь Югъ совершенно выходилъ изъ-подъ всякаго вліянія Парижа, и что долгое время существовали даже какъ бы двѣ Франціи, сѣверная и южная, отличавшіяся и по языку: въ сѣверной господствовало нарѣчіе, пользовавшееся утвердительной частицей *oïl* (лат. *hoc illud*, теперешнее *oui*, да), тогда какъ въ южной господствующимъ было нарѣчіе, употреблявшее для утвержденія частицу *oc* (лат. *hoc*), откуда и самыя названія обоихъ языковъ: *langue d'oïl* и *langue d'oc*, причемъ послѣднее обозначеніе превратилось потомъ въ собственное имя одной изъ южныхъ провинцій Франціи—Лангедокъ. Мы еще увидимъ, что это дѣленіе играло свою роль и въ исторіи генеральныхъ штатовъ, безъ чего, пожалуй, здѣсь объ этой подробности можно было бы и не упоминать. Одновременно съ ростомъ территоріи, находившейся въ непосредственной зависимости отъ короля, и самый характеръ королевской власти сталъ измѣняться въ направленіи постепеннаго превращенія ея изъ чисто феодальнаго сюзеренства въ общенаціональное учрежденіе, задачею котораго было блюсти внутренній міръ, охранять порядокъ

---

[1]) См. карты IV и V.

и поддерживать правосудіе. Въ этомъ отношеніи успѣхи королевской власти выразились, прежде всего, въ томъ, что въ 1258 г. она уже нашла возможнымъ выступить съ запрещеніемъ частныхъ войнъ, раздиравшихъ королевство. Правда, король не всегда былъ въ состояніи силою поддерживать среди феодаловъ повиновеніе своей волѣ, и запрещеніе частныхъ войнъ приходилось подтверждать, какъ это и было сдѣлано въ 1296 и 1304 гг., но важно было то, что королевская власть уже могла выступить съ подобнаго рода вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла тѣхъ частей территоріи, которыя оставались еще въ рукахъ вассаловъ. Многіе феодальные сеньёры, которые раньше готовы были признавать короля первымъ между равными, но никакъ не хотѣли быть его вассалами [1]), теперь «авуировали» его, т.-е. признавали его своимъ сюзереномъ. Легисты, начавшіе съ XIII в. наполнять ряды королевскихъ слугъ и въ центральномъ управленіи, и на мѣстахъ, гдѣ только у короля были свои земли, съ своей стороны охотно вмѣшивались во внутренія отношенія вассальныхъ сеньёрій, объявляя, напримѣръ, что такія-то и такія-то дѣла суть спеціально «королевскіе случаи» (cas royaux), т.-е. подсудны лишь королевскимъ судьямъ и т. п. Къ этой же эпохѣ относится возникновеніе парижскаго парламента, судебно-административнаго учрежденія, сдѣлавшагося органомъ постепеннаго объединенія значительной части Франціи и въ судебномъ отношеніи, и въ дѣлѣ управленія. Извѣстно, что, въ сущности, это была старая королевская курія [2]), къ первоначальному, чисто феодальному составу которой присоединились легисты, съ теченіемъ времени, собственно говоря, и сдѣлавшіеся настоящими господами этого учрежденія. И здѣсь, и на мѣстахъ, т.-е. въ роли королевскихъ превотовъ, сенешаловъ, бальивовъ и т. п. [3]) они упорно подкапывали феодализмъ во имя пониманія монархической власти во времена Римской имперіи: «что благоугодно государю, имѣетъ силу закона». О томъ же общемъ измѣненіи характера королевской власти ко времени возникновенія генеральныхъ штатовъ свидѣтельствуетъ и ростъ фискальности во Франціи въ эту эпоху. Уже съ начала XIII в. «для защиты королев-

[1]) См. выше, стр. 134—138 и 141—143.

[2]) См. выше, стр. 143.

[3]) Объ этихъ терминахъ см. выше, стр. 102.

ства» королевская власть стала требовать болѣе обширныхъ, чѣмъ прежде, службъ и не только отъ вассаловъ, но и вообще отъ всѣхъ вѣрноподданныхъ (fideles), и случалось, что цѣлыя общины откупались отъ особенно тяжелыхъ повинностей, входя по этому поводу въ особыя соглашенія съ королевскими агентами. Понятно, что сначала это было возможно лишь въ доменахъ, но съ теченіемъ времени,—и это уже вполнѣ выяснилось къ концу XIII в.,—и на земляхъ вассаловъ короли стали устанавливать разнаго рода поборы. И въ этой области отношеній легисты проводили въ жизнь свой излюбленный принципъ неограниченнаго монархизма, и когда, напримѣръ, въ 1300 г. жители Але (Alais) обратились къ знатокамъ законовъ съ вопросомъ, какъ нужно смотрѣть на фискальное право короля, то получили отвѣтъ въ смыслѣ безусловной власти короля издавать налоговые законы, когда того требуетъ tuitio regni, т.-е. защита королевства. Въ принципѣ всѣ одинаково должны были принимать участіе въ защитѣ государства [1]), но фактически допускался денежный выкупъ этой повинности, т.-е. устанавливались, такъ сказать, замѣнные налоги, которые и требовались съ населенія въ случаѣ надобности [2]). Это, впрочемъ, на первыхъ порахъ не исключало частныхъ переговоровъ съ отдѣльными вассалами или городскими общинами, и только позднѣе стала входить въ употребленіе общая раскладка взносовъ самою королевскою властью, а взиманіе налоговъ—производиться прямо королевскими агентами.

Особенно часто на необходимость субсидій ссылался въ теченіе всего своего царствованія Филиппъ IV. Можно даже, пожалуй, сказать, что онъ какъ бы поставилъ себѣ прямую задачу—постепенно пріучить населеніе королевства къ платежу налоговъ, хотя бы и дѣлалъ онъ это все-таки съ извѣстною осторожностью. Провозглашая въ своихъ ордоннансахъ принципъ королевскаго полновластія, король вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ своимъ агентамъ тайные наказы о томъ, чтобы избѣгать рѣзкихъ столкновеній. Съ другой стороны, Филиппъ IV былъ очень изобрѣтателенъ въ отношеніи формъ обложенія, прибѣгая и къ принудительнымъ займамъ, съ виду якобы добровольнымъ, беря деньги въ долгъ безъ отдачи, устана-

---

[1]) Ср. выше, стр. 99—100.

[2]) Ср. англійскій *скутажй*, о которомъ см. стр. 158.

вливая пошлины на торговыя сдѣлки (знаменитыя *мальтоты, maltotes,* откуда названіе сборщиковъ податей *maltotiers*), требуя въ казну своего рода прямой подоходный налогъ, уже существовавшій раньше въ городскихъ общинахъ. Сеньёры постоянно протестовали противъ фискальнаго хозяйничанья королевской власти въ ихъ владѣніяхъ, но противъ ихъ оппозиціи найдено было удачное средство: деньги съ населенія поручалось сначала взыскивать самимъ сеньёрамъ чрезъ ихъ собственныхъ агентовъ, при чемъ кое-что изъ получавшагося такимъ образомъ оставалось на мѣстѣ, въ рукахъ самихъ сеньёровъ и ихъ сборщиковъ. Независимо отъ этого королевская власть прибѣгала и къ другому средству утишать неудовольствіе сеньёровъ: оно заключалось въ разнаго рода уступкахъ и поблажкахъ въ ихъ пользу. Вотъ именно на почвѣ этихъ самыхъ финансовыхъ отношеній и приходилось королямъ вступать въ переговоры съ мѣстными собраніями сеньёровъ, добиваться ихъ коллективнаго согласія и дѣлать имъ уступки, закрѣплявшіяся въ отдѣльныхъ случаяхъ даже особыми хартіями. Съ своей стороны, желая оградить себя отъ чрезмѣрныхъ притязаній фиска, бароны непрочь были нерѣдко заключать между собою мѣстныя лиги, привлекая къ нимъ кое-когда и горожанъ, и отъ имени такихъ собраній посылать къ королю депутаціи.

Къ концу XIII в. обычай общихъ и частныхъ съѣздовъ во Франціи, повидимому, получилъ особое значеніе, и кромѣ обычной королевской куріи [1]), время отъ времени происходили еще собранія по особымъ королевскимъ приглашеніямъ — безъ установленныхъ сроковъ, безъ постояннаго состава, безъ опредѣленной компетенціи. При Людовикѣ IX и Филиппѣ III эти собранія происходили довольно часто, а также созывалъ ихъ и Филиппъ IV, замѣняя въ иныхъ случаяхъ ихъ созывъ посылкою королевскихъ агентовъ для переговоровъ. Въ 1290 г. comitum, baronum ac universitatum seu communitatum nuntii были посланы для переговоровъ къ папѣ. Нѣкоторые историки склонны думать, что, собственно говоря, съѣздъ 1302 г. ничѣмъ и не отличался отъ другихъ подобныхъ собраній, бывшихъ прежде: въ самомъ фактѣ созыва сословій не было ничего необычайнаго, и лишь одно отличаетъ это собраніе отъ бывшихъ раньше, а именно то, что оно является

---

[1]) См. выше, стр. 146.

первымъ, которое было описано или описаніе котораго дошло до нашего времени. За собраніемъ 1302 г. даже оспаривается теперь право на названіе *генеральныхъ*, т.-е. общихъ штатовъ, такъ какъ въ немъ участвовала, какъ мы увидимъ, далеко не вся тогдашняя Франція.

Если и до 1302 г. были съѣзды, ничѣмъ не отличавшіеся отъ собранія 1302 г., кромѣ того, что послѣднее было описано, то все-таки мы должны выдѣлить его, какъ первое, рѣшавшее вопросъ общенаціональной важности, причемъ особенно обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ въ представительствѣ страны нуждался прежде всего самъ же король. То же было и въ слѣдующемъ (1303) году, когда Филиппъ IV повторилъ созывъ штатовъ въ связи съ вопросомъ о церковномъ соборѣ, который долженъ былъ бы рѣшить распрю короля съ папой. Еще разъ въ 1308 г. Филиппъ IV прибѣгалъ къ такому же опять собранію, ища поддержки въ своемъ предпріятіи противъ монашеско-рыцарскаго ордена тампліеровъ (храмовниковъ), который, какъ извѣстно, подвергся суду, позволившему королю конфисковать громадныя имущества этого военно-духовнаго учрежденія. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, Филиппъ IV и въ концѣ своего царствованія издавалъ ордоннансы о налогахъ, испрашивая на это согласіе чиновъ или входя въ переговоры на мѣстахъ. Послѣдній способъ оказывался даже болѣе удобнымъ, такъ какъ было гораздо легче столковаться съ маленькими собраніями (états) отдѣльныхъ бальяжей и сенешальствъ, чѣмъ съ болѣе значительнымъ съѣздомъ чиновъ въ Парижѣ. Настоящимъ образомъ въ первый разъ вопросъ о налогахъ рѣшался на такомъ большомъ съѣздѣ лишь въ 1314 г., что̀ и послужило на будущее время прецедентомъ для сословій, когда ихъ представители утверждали, что безъ ихъ согласія налоги съ населенія взиматься не могутъ. Какъ-разъ въ этомъ году умеръ Филиппъ IV, отличавшійся деспотическимъ характеромъ, тогда какъ сыновья его, одинъ за другимъ царствовавшіе до 1328 г., были, наоборотъ, люди слабохарактерные, всегда готовые итти на уступки. Въ это именно время противъ притязаній королевской власти стали составляться мѣстныя лиги, требовавшія разныхъ уступокъ. Людовикъ X, старшій сынъ Филиппа IV, вынужденъ былъ подписать рядъ провинціальныхъ хартій съ обѣщаніями дѣйствовать по старинѣ, хотя, съ другой стороны,

обѣщанія эти сопровождались большею частью оговорками, а главное—не заключали въ себѣ никакихъ гарантій въ томъ, что будутъ въ точности исполняться. Помимо этихъ частныхъ соглашеній происходили и общія собранія въ силу уже создавшагося обычая обращаться къ общественному мнѣнію страны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда королевская власть находила это для себя полезнымъ. Иногда она даже прибѣгала къ этому средству довольно часто. Въ 1317 г. мы видимъ одно собраніе изъ прелатовъ, сеньеровъ, парижской буржуазіи и докторовъ университета въ Парижѣ и рядомъ съ нимъ особое собраніе делегатовъ отъ ряда сѣверныхъ городовъ, а кромѣ того, отдѣльно собраніе въ Буржѣ, за которыми осенью того же года былъ еще одинъ подобный же съѣздъ. И позднѣе нерѣдко происходили частныя собранія. Что особенно важно при этомъ отмѣтить, такъ это то, что уже въ разсматриваемую эпоху обнаружилась полная разрозненность въ стремленіяхъ и образѣ дѣйствій отдѣльныхъ сословій. Какъ-никакъ, а въ дѣлѣ образованія сословныхъ съѣздовъ иниціатива исходила отъ королевской власти, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда противъ послѣдней самостоятельно возникали мѣстныя лиги, сословія выступали разрозненно, безъ общей программы, безъ однородной тактики.

Тѣмъ не менѣе обязательность для королевской власти обращаться за субсидіями къ штатамъ вполнѣ утвердилась уже при Филиппѣ VI, съ которымъ во Франціи началась новая династія, извѣстная подъ именемъ Валуа (младшая вѣтвь Капетинговъ), вступившая на престолъ послѣ трехъ бездѣтныхъ сыновей Филиппа Красиваго [1]). Когда новый король въ 1337 г. наложилъ своею властью подати на Нормандію, мѣстные чины отказались исполнить королевское требованіе, сославшись при этомъ на свою провинціальную хартію, и королю пришлось вступить съ Нормандіей въ переговоры. То же самое повторилось и въ 1339 г. При Филиппѣ VI часто собирались и генеральные штаты, о которыхъ, впрочемъ мы знаемъ крайне мало. Въ общемъ, собранія, на которыхъ вотировались субсидіи, происходили нерѣдко по отдѣльнымъ провинціямъ, а въ 1346 г. одно общее собраніе было для «Лан-

[1]) Права фамиліи Валуа на престолъ были признаны собраніемъ духовныхъ и дворянъ безъ горожанъ, почему это собраніе и не считается генеральными штатами.

гедойля», а другое для «Лангедока» [1]), кромѣ того послѣднее и повторилось въ слѣдующемъ (1347) году и можетъ быть особо отмѣчено двумя чертами: во-первыхъ, здѣсь въ первый разъ для Юга упоминается участіе «хорошихъ городовъ», а во-вторыхъ, на собраніи уже многіе выступили съ общей критикой правительственной политики. Впрочемъ, для даннаго времени это была общая черта: на всѣхъ собраніяхъ, какъ мѣстныхъ, такъ и общихъ, постоянно раздавались жалобы на фискальный характеръ королевской власти, и сословія дѣлались все недовѣрчивѣе, требовательнѣе и скупѣе. О настоящей борьбѣ съ королевскою властью, однако, и въ ту пору не могло быть еще и рѣчи. Она возникла только въ серединѣ XIV в. подъ непосредственнымъ вліяніемъ тѣхъ неудачъ, которыя постигли Францію въ это время въ войнѣ съ англичанами, и тѣхъ бѣдствій, какія вообще испытывала страна отъ этой злосчастной войны.

На собравшихся въ 1355 г. въ Парижѣ штатахъ, собственно говоря, одного Langue-d'oil'я, особенно выдвинулся парижскій суконщикъ Этьенъ Марсель, принадлежавшій по своей профессіи къ одному изъ наиболѣе вліятельныхъ и богатыхъ цеховъ французской столицы [2]). Руководимые имъ штаты прямо высказались противъ абсолютизма. Правда, денегъ правительству они дали, но лишь подъ условіемъ, что сами же займутся и взиманіемъ ихъ, и расходованіемъ, и что это согласіе на субсидіи будетъ имѣть силу только одинъ годъ. Къ этому было присоединено еще постановленіе, въ силу котораго штаты должны были собраться черезъ три мѣсяца для контроля надъ употребленіемъ вотированныхъ суммъ, а потомъ и еще разъ для той же цѣли. Мало того. Король обѣщалъ и на будущее время итти рука объ руку со штатами въ случаѣ военныхъ надобностей, а сами штаты даже задумали вмѣшаться непосредственно въ организацію арміи. Наконецъ, въ собраніи подверглись обсужденію и были приняты нѣкоторыя мѣры, такъ сказать, самопомощи противъ произвола королевскихъ чиновниковъ. Была, однако, одна бѣда: сколько было нужно собрать штатамъ денегъ

---

[1]) См. выше, стр. 229.

[2]) Онъ былъ купеческимъ старшиной (prèvôt des marchands) города Парижа.

не удалось, такъ какъ на мѣстахъ приказаніямъ, шедшимъ отъ штатовъ, повиновались очень плохо, и этотъ недостатокъ авторитетности у центральнаго политическаго собранія страны, бывшій самъ результатомъ еще малой сплоченности отдѣльныхъ провинцій въ одно государственное цѣлое, явился одною изъ причинъ всей неудачи, какая постигла попытку 1355 г. Впрочемъ, парижскіе штаты этого года въ полномъ смыслѣ и не были общегосударственнымъ сеймомъ, ибо на нихъ былъ представленъ одинъ только «языкъ oil»; въ Лангедокѣ было другое собраніе, на которомъ, кстати сказать, происходило въ общемъ приблизительно то же самое. Разумѣется, и это дѣленіе государства на двѣ части съ особыми штатами въ каждой изъ нихъ не могло содѣйствовать успѣху въ борьбѣ съ королевскою властью: областной сепаратизмъ, являющійся наслѣдіемъ феодальнаго раздробленія, былъ однимъ изъ обстоятельствъ, въ данномъ случаѣ очень выгодныхъ для королевской власти.

Общее положеніе дѣлъ во Франціи было между тѣмъ весьма критическое. Въ 1356 г. французское войско потерпѣло страшное пораженіе отъ англичанъ, и самъ король попалъ въ плѣнъ [1]). Народъ считалъ главными виновниками этого бѣдствія дворянъ, противъ которыхъ и началось въ странѣ сильное движеніе. Среди парижской буржуазіи, которой пришлось потомъ играть важную роль въ событіяхъ, произошло тогда раздѣленіе на болѣе консервативно настроенную и на рѣзко оппозиціонную части, и во главѣ второй сталъ Этьенъ Марсель, которому много содѣйствовалъ еще епископъ ланскій [2]) Робертъ Лекокъ. Собрались штаты съ особенно большимъ числомъ участниковъ: ихъ было восемьсотъ, и изъ нихъ добрая половина представляла города. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ собранія было выбрать коммиссію изъ 80 членовъ, которая взяла на себя трудную работу пересмотра разныхъ правительственныхъ злоупотребленій и созданія плана необходимыхъ преобразованій. Когда эта задача коммиссіей была исполнена, сословія приняли ея предположенія и вступили въ переговоры съ дофиномъ, т.-е. старшимъ сыномъ плѣн-

---

[1]) Битва при Пуатье и плѣненіе Іоанна Добраго.

[2]) Ланъ (Laon) городъ въ Сѣверной Франціи.

наго короля [1]), управлявшимъ государствомъ, относительно дальнѣйшаго направленія внутренней политики. Между прочимъ, штаты выразили желаніе, чтобы дофинъ взялъ тѣхъ совѣтниковъ, которые были бы указаны ему самими штатами. Сначала дофинъ пошелъ-было на уступки, но потомъ сталъ обнаруживать упрямство, не желая чѣмъ-либо поступиться изъ своей власти. И на этотъ разъ лангедокскіе штаты собирались отдѣльно, но они оказались гораздо болѣе сговорчивыми, чѣмъ парижское собраніе.

Послѣднее повторилось и въ 1357 г. Особаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что въ этомъ собраніи обнаруживалась рознь сословій и недостаточное пониманіе многими депутатами важности представительства. Присутствовавшіе здѣсь сеньёры не скрывали своего неудовольствія по поводу стремленій и поведенія буржуазіи, которая платила дворянству тѣмъ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторые города жаловались, что посылка депутатовъ обходится имъ очень дорого. И эти штаты, далѣе, не нашли поддержки въ населеніи, жаловавшемся на то, что ему приходится «только больше платить» и что потому отъ штатовъ никакой пользы нѣтъ. Со стороны королевской власти тоже нисколько незамѣтно было желанія поддерживать штаты, напротивъ, съ этой стороны имъ оказывалось только одно противодѣйствіе. На собраніе 1358 г. дворяне уже совсѣмъ не явились, а когда штаты высказались противъ созыва мѣстныхъ собраній для рѣшенія общихъ дѣлъ королевства, то власть, наоборотъ, и стала усиленно пользоваться этимъ, болѣе для нея удобнымъ средствомъ получать то, что ей было нужно. Тогда-то и произошло въ Парижѣ революціонное движеніе, во главѣ котораго наиболѣе видную роль игралъ Этьенъ Марсель, и какъ-разъ въ это же время вспыхнуло крестьянское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ жакеріи, о чемъ рѣчь будетъ итти еще въ другомъ мѣстѣ [2]). Соединенія между этими двумя демократическими движеніями, однако, состояться не могло, притомъ же сеньёры употребили всѣ усилія, чтобы подавить жакерію.

---

[1]) Впослѣдствіи Карлъ V. Дофинами (фр. dauphin, лат. delphinus) наслѣдники французской короны стали называться со времени присоединенія провинціи Дофинэ.

[2]) Въ главѣ XXIV.

Попытка ограничить королевскую власть, сдѣланная въ 1356—1358 гг., не удалась. Одною изъ главныхъ причинъ этой неудачи было то, что въ данную эпоху ростъ королевской власти былъ явленіемъ, которое въ общемъ болѣе благопріятно, чѣмъ неблагопріятно, отражалось если не на положеніи народной массы, то въ ея сознаніи. Жакерія 1358 г. показала, что главныхъ своихъ недруговъ народъ видѣлъ въ сеньёрахъ, противъ которыхъ только возстаніе и было направлено. На короля, наоборотъ, смотрѣли, какъ на защитника слабыхъ и обездоленныхъ, охотно приписывая лишь дурнымъ совѣтникамъ все, что въ дѣйствіяхъ, исходившихъ сверху, не соотвѣтствовало народнымъ представленіямъ и ожиданіямъ. Съ другой стороны, сознательная оппозиція плохо велась и не находила достаточной поддержки въ тѣхъ слояхъ общества, гдѣ все-таки могла бы встрѣтить нѣкоторое сочувствіе. Сословія на собраніяхъ этого времени совѣщались отдѣльно, а если и соединялись для совмѣстныхъ совѣщаній, какъ это было въ 1357 г., то только для того, чтобы рѣзко обнаружить полное различіе въ мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же отдѣльныхъ сословій. Мало того: при этомъ прямо еще оговаривалось напередъ, что ни одинъ чинъ не долженъ быть связанъ рѣшеніями другихъ. Въ концѣ концовъ высшія сословія мало-по-малу даже стали покидать штаты, и третій чинъ оказался предоставленнымъ своимъ собственнымъ силамъ. Разрозненность оппозиціонныхъ силъ обусловливалась еще и тѣмъ, что общаго государственнаго сейма для всей Франціи не было: штаты собирались отдѣльно для Лангедока и для Сѣвера, причемъ на Сѣверѣ, кромѣ болѣе или менѣе объединившаго его собранія, были еще конкурировавшія съ нимъ собранія въ отдѣльныхъ провинціяхъ. Если главную оппозиціонную силу представляли собою въ эти годы города, то лишь при большей или меньшей солидарности послѣднихъ возможенъ былъ какой-либо успѣхъ столь важнаго предпріятія, какимъ была общая реформа государства по программѣ парижской буржуазіи. Какъ-разъ и этого условія не было налицо, такъ какъ въ стремленіяхъ отдѣльныхъ городовъ проявился очень рѣзко духъ крайняго партикуляризма. Общій результатъ и былъ тотъ, что изъ попытки ничего не вышло. Правда, штаты соглашались на налоги лишь подъ условіемъ удовлетворенія всѣхъ ихъ жалобъ и королевская власть издавала ордонансы, въ кото-

рыхъ эти жалобы находили болѣе или менѣе полное удовлетвореніе, но при всемъ томъ изъ самаго существа королевской власти отнюдь ничего не уступалось и не было издано ни одной хартіи, которая хоть сколько-нибудь ограничивала бы эту власть. Въ исторіи французскихъ генеральныхъ штатовъ мы вообще встрѣчаемся съ тѣмъ явленіемъ, что жалобы сословій даютъ поводъ и доставляютъ матеріалъ для королевскихъ ордонансовъ, отмѣнявшихъ тѣ или другіе непорядки и злоупотребленія, даже объявлявшихъ разныя преобразованія, но, съ другой стороны, ни разу сами сословія не требовали общей хартіи, которая гарантировала бы, что и впредь правительство не будетъ злоупотреблять своею властью.

Карлъ V, которому, въ качествѣ дофина, пришлось считаться съ движеніемъ пятидесятыхъ годовъ XIV в., былъ уже настоящимъ идеологомъ королевской власти и окружалъ себя писателями, которые проводили идеи .монархизма. Правда, основной тонъ этимъ стремленіямъ задавала заимствованная у Аристотеля идея правильнаго образа правленія («la bonne policie»), исключающаго произволъ и насилія и, слѣдовательно, тиранію и тамъ, гдѣ во главѣ государства стоитъ одинъ, но отсюда дѣлался лишь тотъ выводъ, что король не долженъ брать съ подданныхъ налоговъ безъ ихъ собственнаго на то согласія. Потомъ, однако, и въ эту общую мысль стали вноситься оговорки: налоги идутъ на удовлетвореніе государственныхъ необходимостей, судьею которыхъ является самъ король, и его отнюдь нельзя еще считать тиранномъ, если онъ обходится безъ собраній.

Въ началѣ XV в. во Франціи, какъ извѣстно,опять возникло движеніе, требовавшее реформъ, но на этотъ разъ вышедшее не изъ высшей буржуазіи, какъ за полвѣка передъ тѣмъ, а изъ среды мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ. Снова стало обнаруживаться недовольство правительствомъ, снова стали раздаваться жалобы на непорядки и злоупотребленія, начали происходить бунты и создаваться организаціи съ цѣлью добиться необходимыхъ реформъ. Собравшіеся въ 1413 г. въ Парижѣ штаты интересны тѣмъ, что на нихъ совѣщанія происходили не по сословіямъ, какъ это дѣлалось обыкновенно прежде, а по церковнымъ провинціямъ и притомъ еще такъ, что городъ Парижъ и его университетъ составляли особыя коллегіи. Штаты и на этотъ разъ

выбрали особую коммиссію, которой поручено было выработать общій планъ реформъ. Между тѣмъ въ городѣ произошелъ бунтъ, во главѣ котораго, какъ главный руководитель возставшихъ, выдвинулся Кабошъ: его именемъ даже былъ окрещенъ составленный штатами ордонансъ (*ordonance cabochienne*), долженствовавшій успокоить страну. Несмотря на то, что весь этотъ документъ проникнутъ крайнимъ недовѣріемъ къ власти, и въ немъ не сдѣлано было ни малѣйшей попытки ни ограничить эту власть, ни установить надъ нею какой-либо контроль. Политическимъ идеаломъ составителей ордонанса 1413 г. была монархія, умѣряемая слугами короля, его совѣтниками, которые должны были быть выборными. Однако, и это осталось безъ исполненія. «Кабошьеновъ» ордоннансъ не удовлетворилъ, и они продолжали волноваться; противъ нихъ ополчилась крупная буржуазія, движеніе было подавлено, давши въ результатѣ столь же мало для развитія штатовъ, какъ и движеніе середины XIV в., т.-е. ровно ничего.

Если теперь мы обратимся къ вопросу, успѣли ли генеральные штаты, за сто слишкомъ лѣтъ своего несомнѣннаго существованія съ начала XIV в., сложиться въ учрежденіе съ прочными и опредѣленными формами, какъ это было съ англійскимъ парламентомъ къ исходу первой половины XIV столѣтія, то должны будемъ дать на этотъ вопросъ только отрицательный отвѣтъ. И въ первой половинѣ XV в. штаты продолжали оставаться учрежденіемъ, чрезвычайно гибкимъ, допускавшимъ массу временныхъ и случайныхъ комбинацій. При Карлѣ VII,—слѣдовательно, уже въ серединѣ XV столѣтія,—попрежнему собирались отдѣльно штаты обѣихъ языковыхъ областей Франціи, съ тѣмъ отличіемъ, впрочемъ, что лангедокскіе штаты все болѣе и болѣе получали характеръ чисто провинціальныхъ штатовъ, мало чѣмъ или даже совсѣмъ не отличавшихся отъ другихъ подобныхъ же мѣстныхъ сословно-представительныхъ собраній, какія существовали и въ отдѣльныхъ провинціяхъ сѣверной Франціи. Въ послѣдней, какъ, впрочемъ, и въ южной, подобныя мѣстныя собранія созывались даже по отдѣльнымъ превотствамъ (prévôtés) и сенешальствамъ (sénéchaussés), т.-е. по болѣе мелкимъ дѣленіямъ страны, чѣмъ такія провинціи, какъ Нормандія или какъ Лангедокъ. Областной сепаратизмъ былъ такъ великъ, что нерѣдко прямо высказывалось не-

желаніе засѣдать въ генеральныхъ штатахъ. Отъ вступленія своего на престолъ до взятія Парижа (1422—1436 [1]) Карлъ VII созывалъ сѣверные и южные штаты четыре раза и лишь одинъ разъ, въ 1428 г., въ одномъ мѣстѣ, въ Шинонѣ, но и тутъ Лангедокъ жаловался, недоумѣвая, зачѣмъ его представители должны были засѣдать совмѣстно съ другими, а часть лангедокскихъ депутатовъ, пріѣхавшихъ на собраніе, даже прямо разъѣхалась по домамъ. Замѣтимъ, что это было время войны съ англичанами и какъ-разъ тотъ моментъ, когда на сцену выступила Іоанна д'Аркъ. Послѣ взятія Парижа Карлъ VII созвалъ штаты въ Орлеанѣ въ 1439 г., и лангедокскихъ депутатовъ на нихъ уже совсѣмъ не было. Цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ серединѣ XV в. штаты вообще скорѣе клонились къ упадку, чѣмъ обѣщали дальнѣйшее развитіе началъ общегосударственнаго представительства, какъ-никакъ, а все-таки лежавшихъ въ основѣ этого учрежденія. Былъ случай, когда собраніе не состоялось; былъ другой, когда оно раздѣлилось на два; однажды штаты продолжались лишь одинъ день, въ другой разъ—только четыре дня. Между тѣмъ, быть можетъ, никогда правительство въ такой степени не нуждалось въ содѣйствіи общественныхъ силъ, какъ при Карлѣ VII. Сначала тяжелая, унаслѣдованная еще изъ XIV в. война съ англичанами, крайне неудачная для Франціи, потомъ, когда эта «столѣтняя» война, наконецъ, окончилась, страшное разореніе страны, разумѣется, заставляли правительство искать опоры и поддержки въ націи, какъ это видно изъ довольно частаго созыва генеральныхъ штатовъ въ это время (15 разъ). Королевская власть готова была даже признавать, въ извѣстныхъ границахъ, авторитетъ штатовъ, но сами сословія не дѣлали ничего для того, чтобы воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ въ интересахъ представительства: депутаты не переставали жаловаться на непорядки, не переставали протестовать противъ злоупотребленій власти, но сами ни разу не дѣлали попытки взять дѣло въ свои руки. Въ распоряженіи штатовъ было могущественное орудіе—право вотированія субсидій,—право, въ принципѣ не подлежавшее сомнѣнію, но они имъ со-

[1]) Парижъ, какъ извѣстно, вмѣстѣ со всею сѣверною Франціей былъ захваченъ англичанами.

всѣмъ не пользовались, вотировали субсидіи безъ предъявленія какихъ бы то ни было условій и совсѣмъ не обнаруживали стремленія къ контролю надъ расходованіемъ этихъ субсидій. Дѣло доходило до того, что Карлъ VII назначалъ взиманіе налоговъ, между прочимъ, таліи [1]), не спрашивая согласія штатовъ.

Орлеанскіе штаты 1439 г. даже въ историческихъ учебникахъ отмѣчаются, какъ собраніе, совершившее своего рода самоубійство, согласившись установить разъ навсегда особый налогъ для содержанія постояннаго войска, нужда въ которомъ была сознана въ эпоху столѣтней войны и сопровождавшей ее внутренней анархіи. Нѣкоторые историки сомнѣваются, однако, въ томъ, чтобы дѣло происходило именно такъ, т.-е. чтобы сами штаты 1439 г. формально отреклись отъ своего права, установивъ постоянную *королевскую талію (taille royale).* Между прочимъ, они ссылаются на тотъ фактъ, что и въ 1440 г. было собраніе штатовъ, которое едва ли было бы собрано, если бы въ предыдущемъ году состоялось такое постановленіе, о какомъ говорятъ. Было ли, впрочемъ, введеніе постоянной королевской таліи дѣломъ штатовъ 1439 г., или же оно явилось результатомъ общаго разстройства и безсилія сословнаго представительства въ эту эпоху, фактъ остается фактомъ: съ середины XV в. во Франціи существовалъ постоянный налогъ, уже не зависѣвшій отъ согласія или несогласія сословныхъ представителей. Только за лангедокскими штатами осталось старое право, но и они, подобно генеральнымъ штатамъ, не пріобрѣли ни законодательной власти, ни права контроля надъ суммами, поступавшими въ казну.

Бо̀льшую живучесть обнаруживали и бо̀льшимъ значеніемъ пользовались въ серединѣ XV в. провинціальные штаты, которые къ этому времени образовались почти повсемѣстно во Франціи. Въ этихъ собраніяхъ участвовали по личному своему праву духовные и дворяне, одни—вслѣдствіе занятія извѣстныхъ церковныхъ должностей, другіе — въ силу обладанія феодами, причемъ предполагалось, что сеньёръ, владѣлецъ феода, является представителемъ и всего населенія своего помѣстья, но рядомъ съ этимъ личнымъ участіемъ суще-

[1]) Taille, о чемъ ср. стр. 75.

ствовало и представительство, болѣе соотвѣтствовавшее самой этой идеѣ. Именно оно стало развиваться въ городахъ, хотя и тутъ долгое время наблюдается тотъ порядокъ, что членами собраній были или городскія должностныя лица, или особые уполномоченные по выбору, произведенному самими же городскими властями, или даже просто именитые граждане, муниципальные нотабли. Кромѣ общественныхъ элементовъ, въ провинціальныхъ штатахъ мы встрѣчаемся и съ правительственными, въ лицѣ особыхъ королевскихъ коммиссаровъ,—въ генеральныхъ штатахъ, кстати замѣтимъ, не имѣвшихъ мѣста. Вообще, говоря о представительной системѣ, особенно въ примѣненіи къ генеральнымъ штатамъ, мы должны прибавить, что она вырабатывалась постепенно путемъ иногда едва уловимыхъ переходовъ отъ участія по личному праву къ участію по праву избранія въ средѣ извѣстнаго сословія и что общихъ сколько-нибудь опредѣленныхъ правилъ для производства выборовъ не существовало [1]). Провинціальные штаты вотировали налоги, которые должны были итти въ королевскую казну отъ данной области,—и вмѣстѣ съ этимъ сами же занимались раскладкою ихъ между отдѣльными частями территоріи. Нерѣдко эти мѣстныя сословно-представительныя учрежденія прямо выражали при этомъ нежеланіе подчиняться въ финансовыхъ вопросахъ генеральнымъ штатамъ и стремились играть болѣе важную, чѣмъ послѣдніе, роль. Королевская власть, однако, не поощряла теперь областной автономіи, такъ какъ общей тенденціей королевской политики, своего рода правительственной традиціей, было, наоборотъ, сплачивать страну въ одно государственное цѣлое. Когда, начиная съ середины

---

[1]) Это—предметъ, очень мало, собственно говоря, извѣстный. Ср. *Paul Viollet*. Histoire des institutions politiques et administratives de la France. P. 1903, III, 187 sq. Первая попытка королевской власти ввести безусловно выборное представительство относится къ созыву штатовъ 1484 г. Иногда депутаты въ генеральные штаты выбирались на провинціальныхъ штатахъ. Духовные и дворяне, лично участвовавшіе въ собраніи, считали себя въ правѣ рѣшать дѣла прямо отъ своего имени, но городскіе представители признавали себя въ полной зависимости отъ своихъ довѣрителей.

XV в., генеральные штаты перестали часто собираться, король уже самъ распредѣлялъ, какая сумма должна была падать на ту или другую провинцію. Что касается до провинціальныхъ штатовъ, то и они впослѣдствіи не вездѣ сохранились. Съ 1451 г. вообще они все рѣже и рѣже собираются въ центральной Франціи: роль ихъ здѣсь стала переходить къ королевскимъ «выборнымъ» (élus), откуда провинціи, утратившія свои сословно-представительныя учрежденія, получили названіе *pays d'élection* въ отличіе отъ *pays d'états*, въ которыхъ сохранились штаты. Это раздѣленіе французскихъ провинцій на двѣ категоріи продолжало существовать до самой революціи 1789 г. [1]), и все различіе между ними сводилось главнымъ образомъ къ тому, что въ однѣхъ провинціяхъ раскладкой налоговъ между отдѣльными мѣстностями занимались собранія областныхъ чиновъ, въ другихъ — особые агенты королевской власти. Интересно и то, что въ провинціальныхъ штатахъ передъ революціей 1789 г. такъ-таки и не было выборныхъ представителей отъ крестьянскаго населенія, которое, наоборотъ, уже пользовалось избирательнымъ правомъ по отношенію къ генеральнымъ штатамъ въ послѣднія времена ихъ существованія [2]).

Въ серединѣ XV вѣка, когда англійскій парламентъ за первыя два столѣтія своего существованія успѣлъ достигнуть важныхъ результатовъ, позволившихъ ему пережить трудную эпоху усиленія королевской власти, имѣвшаго мѣсто и въ Англіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ, французскіе генеральные штаты были уже учрежденіемъ, такъ сказать, безъ будущаго. Несмотря на всѣ задержки, какія королевская власть во Франціи встрѣчала на своемъ пути (феодальная реакція при первыхъ Валуа, потомъ бѣдствія столѣтней войны и т. п.), она все болѣе и болѣе дѣлалась главнымъ и самымъ сильнымъ факторомъ политической жизни страны [3]).

---

[1]) Въ концѣ XVIII в. они существовали лишь въ нѣкоторыхъ окраинныхъ провинціяхъ.

[2]) Участіе только нѣкоторой части крестьянъ въ выборахъ относится къ 1484 г., а въ 1560 г. крестьяне подавали голоса уже повсемѣстно.

[3]) См. объ этомъ подробнѣе въ книгѣ «Западно-европейская абсолютная монархія въ XVI, XVII и XVIII вв.».

Сами штаты въ XV в. уже ничего не предпринимаютъ противъ возрастающихъ притязаній и вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе расширяющихся и укрѣпляющихся правъ короны. Правда, въ сознаніи націи попрежнему держится принципъ необходимости въ согласіи сословій на установленіе налоговъ, но, какъ мы видѣли, нація не воспользовалась своимъ правомъ, чтобы пріобрѣсти сколько-нибудь серьезныя политическія права и добиться гарантій въ томъ, что эти права будутъ уважаться короною. По мнѣнію французскаго общества, вся бѣда въ дѣлѣ дурного управленія страной, на которое не переставали жаловаться, заключалась въ томъ, что король былъ окруженъ плохими совѣтниками, т.-е. зло заключалось не въ порядкахъ, но въ лицахъ, а если и возникала мысль о необходимости какихъ-либо общихъ мѣръ для устраненія изъ правительственной практики произвола и злоупотребленій всякаго рода, то дальше сохраненія старыхъ правъ и привилегій ничего придумать не могли. Счастливое окончаніе столѣтней войны особенно возвысило королевскую власть; король изгналъ изъ государства внѣшняго врага и уничтожилъ внутреннюю анархію, со стороны же штатовъ народъ видѣлъ лишь одно: они только устанавливали новые налоги, а больше ничего не дѣлали,—какой же отъ нихъ былъ прокъ? Можно даже сказать, что штаты прямо не пользовались популярностью, и этимъ объясняется, что сами представители сословій иногда не очень-то охотно ѣхали на свои собранія. Во всякомъ случаѣ, главнымъ результатомъ штатовъ XV в. было то, что они создали во Франціи постоянные налоги и постоянную армію, опираясь на которые королевская власть мало-по-малу и сдѣлалась абсолютною.

Людовикъ XI, тираннъ и деспотъ, былъ уже принципіальнымъ абсолютистомъ, громко заявлявшимъ о неограниченности своей власти: не даромъ для Фортескью, защищавшаго начала политической свободы, это былъ типъ деспота. Онъ уже только одинъ разъ во все свое царствованіе созвалъ штаты, именно въ 1468 г., а во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда нуждался въ содѣйствіи общественныхъ силъ, прибѣгалъ къ собраніямъ свѣдущихъ людей («gens entendus et expers») или *нотаблей (notables)*, какъ стали называться приглашавшіяся королемъ, по его личному выбору, лица изъ трехъ сословій. Съ 1468 г. по 1484 г. штаты затѣмъ ни разу не были созваны, и если собраніе 1484 г. было первое, которое

вполнѣ заслуживаетъ названіе «генеральнаго», потому что на немъ была, дѣйствительно, представлена вся Франція, то, съ другой стороны, эти генеральные штаты всею своею дѣятельностью свидѣтельствовали только о своей полной непригодности. На собраніи 1484 г. сословія или ссорились между собою,—между прочимъ, вслѣдствіе заносчивости дворянъ по отношенію къ третьему сословію, которое впервые здѣсь такъ стало называться, — или занимались разными мелочами и деталями, да мѣстными дѣлами, не имѣвшими общегосударственнаго значенія. Послѣ ихъ роспуска Франціи пришлось болѣе двадцати лѣтъ ждать новаго собранія, но и то, которое состоялось наконецъ въ 1506 г. и, между прочимъ, вотировало королю Людовику XII титулъ «отца народа», было скорѣе собраніемъ нотаблей, чѣмъ настоящими генеральными штатами. Францискъ I во все свое болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее царствованіе (1515—1547) уже совсѣмъ не созывалъ штатовъ, довольствуясь время отъ времени собраніями нотаблей.

Нѣкоторое оживленіе дѣятельности штатовъ относится ко второй половинѣ XVI в., эпохѣ реформаціоннаго движенія, религіозныхъ войнъ и феодально-муниципальной реакціи противъ королевской власти [1]). Въ началѣ ея мы видимъ генеральные штаты 1560 г., замѣчательные въ особенности тѣмъ, что въ выборахъ въ нихъ впервые принимала широкое участіе масса сельскаго населенія въ общемъ составѣ «третьяго сословія», но главнымъ образомъ знаменательно то, что избиратели наиболѣе охотно посылали въ это собраніе разнообразныхъ агентовъ королевской власти. Далѣе стоитъ отмѣтить (опять отдѣленныя большими промежутками времени и отъ предыдущихъ штатовъ и между собою) собранія 1576 и 1588 гг. въ самый разгаръ религіозной и политической борьбы, когда и въ самой Франціи, и внѣ ея политическіе писатели изъ кальвинистовъ, такъ называемые «монархомахи» [2]), формулировали идею народовластія, понимавшагося тогда въ смыслѣ принадлежности верховной власти представленнымъ на госу-

---

[1]) Объ этихъ штатахъ и штатахъ 1614—1615 г. см. главу второго тома моей «Исторіи Западной Европы въ новое время». Ср. также ниже, въ гл. XXIII.

[2]) См. выше, стр. 216.

дарственныхъ сеймахъ сословіямъ. На штатахъ 1567 г. дворянство и духовенство прямо заявляли, что воля трехъ сословій, собранныхъ въ штатахъ, суверенна, но третье сословіе не примкнуло къ этому рѣшенію. На слѣдующемъ собраніи (1588) уже всѣ три сословія высказались за это, но рѣшеніе ихъ не воплотилось ни въ какихъ сознательныхъ формахъ. При Бурбонахъ, вступившихъ въ лицѣ Генриха IV на французскій престолъ въ 1589 г., генеральные штаты собирались лишь два раза, а именно въ 1614 и 1789 годахъ, отдѣленные первый отъ второго періодомъ въ 175 лѣтъ. Послѣдніе генеральные штаты, превратившіеся въ безсословное «національное собраніе», какъ извѣстно, похоронили старую абсолютную монархію, а что касается штатовъ 1614 г., распущенныхъ въ 1615 г., то о нихъ можно прямо сказать, что они сами себя похоронили. Они были созваны въ тяжелую минуту, когда во Франціи, послѣ насильственной смерти Генриха IV (1610), въ несовершеннолѣтіе его сына Людовика XIII, происходили внутреннія смуты, и правительство снова нуждалось въ содѣйствіи общественныхъ силъ. Но что́ оно встрѣтило въ собраніи сословій? Опять внутреннюю рознь, какъ и прежде, опять полную неспособность вести общее дѣло. Когда во время открытія этихъ штатовъ ораторъ третьяго сословія въ своей рѣчи, обращенной къ королю, сравнилъ монарха съ отцомъ, имѣющимъ трехъ сыновей, изъ коихъ старшій — духовенство, второй — дворянство, а младшій — третье сословіе, то дворянство громко заявило о своемъ возмущеніи такимъ нахальствомъ со стороны людей, годныхъ лишь къ тому, чтобы быть слугами, а между тѣмъ осмѣливающихся лѣзть въ братья къ благороднымъ. Съ своей стороны, обиженное третье сословіе обнаружило полную готовность на какое угодно полновластіе короля, лишь бы не зависѣть отъ высокомѣрнаго и хищнаго дворянства. Понятно, что при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ сословій никакая органическая работа даже чисто совѣщательнаго характера была невозможна, и правительство послѣ 1615 г. больше уже не созывало сословнаго представительства, если не считать созыва штатовъ 1789 г., когда сама абсолютная монархія оказалась неспособною вести націю по пути историческаго развитія.

ГЛАВА XX.

Возникновеніе представительства въ Англіи.

Особый интересъ исторіи англійскаго парламента. — Особенности англійскаго парламента сравнительно съ французскими генеральными штатами. — Роль великаго совѣта послѣ нормандскаго завоеванія и послѣ изданія «Великой хартіи вольностей». — Безумный парламентъ 1258 г. — Созывъ Симономъ Монфортскимъ перваго настоящаго парламента въ 1265 г. — Начало представительства въ Англіи. — Парламентъ 1295 г. — Раздѣленіе парламента на двѣ палаты. — Составъ верхней и нижней палатъ. — Кто былъ представленъ въ нижней палатѣ? — Отношеніе центральнаго представительства къ мѣстному самоуправленію.

Въ исторіи средневѣкового сословнаго представительства, внѣ всякаго сомнѣнія, первое мѣсто должно принадлежать англійскому парламенту. Во-первыхъ, это одно изъ очень немногихъ представительныхъ учрежденій, возникшихъ въ средніе вѣка и сохранившихся — въ измѣненномъ видѣ — до нашего времени, въ теченіе почти шести съ половиною вѣковъ. Съ англійскимъ парламентомъ эту особенность раздѣляютъ развѣ только венгерскій государственный сеймъ, да мекленбургскій ландтагъ. Во-вторыхъ, исторія англійскаго парламента, разсматриваемая съ извѣстной точки зрѣнія, есть исторія постепеннаго превращенія средневѣкового сословнаго представительства въ современное намъ представительство національное, и мы увидимъ еще, что этотъ переходъ совершился въ Англіи уже къ началу XV в. Въ то время, какъ въ другихъ европейскихъ странахъ почти всѣ представительныя учрежденія возникли лишь въ новѣйшее время, послѣ великой французской революціи и подъ ея вліяніемъ, т.-е. являются учрежденіями совершенно новыми, основанными на теоретическихъ началахъ, выработанныхъ политической философіей XVIII в., въ Англіи народное представительство начала XX столѣтія есть продуктъ непрерывнаго развитія отношеній, лежавшихъ въ основѣ чисто средневѣковой, какъ мы ее называемъ, сословной монархіи. Въ-третьихъ, рѣдко какое-либо представительное учрежденіе когда-либо и гдѣ-

либо играло такую важную роль въ исторіи страны и столь прочно пользовалось самыми широкими правами въ законодательствѣ, вотированіи налоговъ и надзорѣ надъ дѣйствіями властей. Съ этой стороны исторія англійскаго парламента есть исторія постепенныхъ завоеваній представительнымъ учрежденіемъ все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ правъ у короны, сначала пользовавшейся властью совершенно абсолютною. Развитіе англійскаго парламента шло путемъ почти непрерывной борьбы съ королевскою властью, и шагъ за шагомъ, несмотря на временныя остановки и задержки, парламентъ пріобрѣталъ все новыя и новыя права. Наконецъ, когда началось на континентѣ, съ конца XVIII в. паденіе абсолютной монархіи, англійскій парламентъ являлся готовымъ образцомъ, которому можно было слѣдовать въ дѣлѣ устроенія новыхъ порядковъ, основанныхъ на представительной системѣ. Въ серединѣ XVIII в., въ своемъ «Духѣ законовъ» аристократически, даже феодально настроенный Монтескье, — который подъ монархіей, въ отличіе отъ деспотіи, разумѣлъ лишь монархію сословную, когда-то существовавшую и въ его отечествѣ, Франціи [1]),—именно въ англійской конституціи нашелъ свой политическій идеалъ, и вся конституціонная теорія новѣйшаго времени даже прямо ведетъ свое начало отъ той главы «Духа законовъ», которая посвящена изображенію англійской конституціи. Нѣтъ нужды, что это изображеніе не вполнѣ соотвѣтствовало дѣйствительности: Монтескье кое что въ англійской конституціи понялъ не совсѣмъ такъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ, а кое-что и проглядѣлъ [2]),—но самыя общія основанія этой конституціи онъ понялъ вѣрно. Пусть онъ ошибался также, говоря, что свое государственное устройство англичане нашли въ лѣсахъ Германіи, но онъ былъ правъ, и не только для своего времени, высказывая ту мысль, что это устройство наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ свободу гражданина.

Слѣдя за исторіей англійскаго парламента, небезполезно сопоставлять отдѣльныя явленія этой исторіи съ тѣми фактами, которые рѣзче всего бросаются въ глаза при изученіи происхожденія и судебъ французскихъ генеральныхъ штатовъ, потому что, сравнивая оба учрежденія, мы въ тѣхъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 219—220.

[2]) См. мою «Исторію Западной Европы», т. III, гл. 13.

чертахъ несходства, которыя при этомъ открываются, находимъ самыя надежныя указанія на то, въ чемъ заключаются наиболѣе характерныя особенности какъ устройства, такъ и исторіи обоихъ учрежденій. Объ этомъ уже кое-что было сказано выше [1]), но это не мѣшаетъ намъ и здѣсь нѣсколько остановиться на этой темѣ.

Въ предыдущей главѣ мы видѣли, что въ числѣ причинъ, не дававшихъ генеральнымъ штатамъ возможности сдѣлаться прочнымъ и вліятельнымъ въ странѣ учрежденіемъ, была конкурренція съ ними разныхъ мѣстныхъ сословно-представительныхъ собраній, провинціальныхъ штатовъ [2]). Это былъ одинъ изъ результатовъ раздробленія страны на мелкіе политическіе организмы. Въ Англіи мы подобнаго явленія не наблюдаемъ. Не говоря уже о томъ, что территорія Англіи во много разъ меньше территоріи Франціи и, слѣдовательно, должна была гораздо легче объединиться въ одно политическое цѣлое, не нужно еще забывать, что въ Англіи никогда не было такого политическаго феодализма, который раскрошилъ Францію на великое множество сеньёрій [3]) и по отношенію къ которому даже образованіе болѣе крупныхъ княжествъ, этихъ будущихъ провинцій, было значительнымъ шагомъ по направленію къ объединенію страны [4]). Съ другой стороны, управленіе въ отдѣльныхъ частяхъ Франціи было цѣликомъ основано на феодальныхъ началахъ, и объединеніе страны шло по пути замѣны сеньёрьяльныхъ приказчиковъ королевскими чиновниками, которые сами въ первомъ періодѣ феодальной монархіи были, въ сущности, такими же приказчиками, какіе существовали и у другихъ сеньёровъ [5]). Въ Англіи королевская администрація имѣла съ самаго начала государственный характеръ и всегда поддерживала единство страны, но рядомъ съ этой администраціей здѣсь еще существовало, какъ наслѣдіе отдаленнаго прошлаго, извѣстное, если можно такъ выразиться, самоуправленіе отдѣльныхъ графствъ, на каковыя дѣлилась страна [6]). Во

[1]) См. стр. 224 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 243.

[3]) См. выше, стр. 154.

[4]) См. выше, стр. 131 и слѣд.

[5]) См. выше, стр. 102 и 137.

[6]) См. выше, стр. 149, 151, 156 и др.

Франціи какъ-разъ этого-то и не было. Только города, выдѣлившіеся изъ феодальнаго строя въ самостоятельныя единицы, пользовались извѣстнымъ самоуправленіемъ, а внѣгородскія, земскія территоріи управлялись агентами сеньёрьяльной, княжеской или королевской власти. Въ Англіи города не выдѣлялись изъ земства [1]), и послѣднее не было всецѣло въ управленіи приказчиковъ и чиновниковъ, благодаря чему центральное политическое учрежденіе, парламентъ, такъ сказать, опиралось на мѣстныя свободныя учрежденія, вѣдавшія дѣла соотвѣтственныхъ графствъ, пріучавшія населеніе къ самоуправленію, но никогда не претендовавшія на соперничество съ центральнымъ учрежденіемъ. Напротивъ, эти мѣстныя учрежденія были необходимымъ дополненіемъ и какъ бы своего рода фундаментомъ центральнаго представительства. Они даже существовали много раньше парламента, и основа представительной системы, которая нашла свое завершеніе въ палатѣ общинъ, какъ-разъ и выработалась въ жизни отдѣльныхъ графствъ. Вмѣстѣ съ этимъ невыдѣленность въ Англіи города изъ земства имѣла слѣдствіемъ то, что здѣсь представители феодальнаго землевладѣнія, мелкіе бароны и рыцари, не раздѣлялись въ общегосударственномъ представительномъ учрежденіи на дворянскую и городскую палаты, какъ это было во Франціи: въ мѣстной жизни отдѣльныхъ графствъ дворяне-помѣщики и горожане привыкли сообща рѣшать всѣ наиболѣе важныя дѣла, ихъ интересовавшія, какія только входили въ ихъ компетенцію, и то, что не было разъединено на мѣстахъ, конечно, не должно было разъединяться и въ центральномъ учрежденіи. Въ этихъ же мѣстныхъ свободныхъ учрежденіяхъ феодально-земскіе и городскіе элементы привыкли объединяться въ одно мѣстное общество и по отношенію къ агентамъ центральной власти. Въ то время, какъ французское представительство до конца дней своихъ оставалось сословнымъ, и королевской власти во Франціи приходилось имѣть дѣло въ разъединенными и часто одно другому враждебными классами, въ Англіи сословный принципъ сталъ очень рано исчезать изъ устройства парламента, и въ послѣднемъ королевская власть всегда находила противъ себя болѣе или менѣе объединенную оппозицію. Такой результатъ получался въ общемъ итогѣ не

[1]) См. выше, стр. 172.

только изъ того обстоятельства, что сильная королевская власть одинаково тяготѣла надъ всѣми сословіями, тѣмъ самымъ заставляя ихъ совокупными силами бороться противъ правительственнаго произвола [1]), но изъ того еще, что сохранившіяся отъ англо-саксонской эпохи свободныя учрежденія въ отдѣльныхъ графствахъ послужили мѣстами, въ которыхъ на почвѣ общихъ интересовъ происходила встрѣча феодальныхъ и нефеодальныхъ элементовъ общества. Англія XIII в., когда возникъ парламентъ, гораздо болѣе была государствомъ, въ современномъ значеніи слова, нежели Франція даже болѣе поздняго времени, и притомъ государствомъ, въ которомъ, благодаря сохраненію старыхъ мѣстныхъ учрежденій народнаго характера, порядокъ, устанавливавшійся сверху, сочетался со свободою, шедшей снизу, отъ общинныхъ и земскихъ учрежденій, какъ бы ни были послѣднія несовершенны. Коротко говоря, въ Англіи государственный строй, національное единство и общественная свобода не были такъ разъѣдены политическимъ феодализмомъ, какъ это произошло во Франціи, сколько бы чертъ сходства ни находили мы между соціальнымъ феодализмомъ въ той и въ другой странѣ.

Переходимъ теперь къ самой исторіи англійскаго парламента.

Разсматривая особенности феодальной монархіи въ Англіи [2]), мы уже имѣли возможность познакомиться съ тѣми политическими собраніями въ этой странѣ, которыя предшествовали образованію парламента. Это были именно витенагемотъ англо-саксонской эпохи и такъ называемый великій совѣтъ послѣ завоеванія Англіи нормандцами. Мы знаемъ далѣе, что первое изъ названныхъ учрежденій является аристократизированнымъ продолженіемъ первоначальнаго общенароднаго вѣча [3]): въ этомъ отношеніи политическое развитіе Англіи шло по тому же пути, какъ и политическое развитіе другихъ срадневѣковыхъ государствъ и въ частности Франціи въ эпоху мартовскихъ и майскихъ полей [4]). Нормандское завоеваніе не положило конца витенагемоту: оно

---

[1]) См. выше, стр. 160.

[2]) См. главу XIV.

[3]) См. выше, стр. 151 и 197.

[4]) См. выше, стр. 196 и 226.

только придало ему феодальный характеръ и сообщило новое имя—*великаго совѣта* (*mangnum concilium*). Салисберійское собраніе 1086 г., на которомъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ [1]), королевскіе «витаны» и всѣ люди, владѣвшіе землею, приняли присягу въ вѣрности Вильгельму Завоевателю, было тоже своего рода витенагемотомъ или великимъ совѣтомъ, т.-е. съѣздомъ всѣхъ аристократическихъ элементовъ страны, характеризующимся притомъ участіемъ въ немъ отдѣльныхъ лицъ по праву, принадлежавшему каждому изъ нихъ въ силу ихъ общественнаго положенія, а не въ силу избранія кѣмъ-либо въ депутаты. Наконецъ мы видѣли также, что статьями 12 и 14 Великой хартіи 1215 г. королевская власть прямо обѣщала для извѣстной цѣли созывать общій совѣтъ (commune concilium) королевства [2]), который и есть все тотъ же magnum concilium, продолжающій собою англо-саксонскій витенагемотъ, только уже готовящійся теперь сдѣлаться парламентомъ или, вѣрнѣе говоря, какъ ниже будетъ показано, одною изъ его составныхъ частей, палатою лордовъ.

Эта преемственность витенагемота, «великаго совѣта» и парламента въ одной и именно древнѣйшей изъ составныхъ частей послѣдняго охотно отмѣчается нѣкоторыми англійскими историками, указывающими при этомъ, что въ прошломъ ихъ родины не было ни одного сколько-нибудь продолжительнаго періода, когда населеніе страны въ той или другой формѣ было бы совсѣмъ лишено политическихъ собраній [3]). Витенагемотъ, бывшій очень небольшимъ по своему составу, игралъ даже довольно видную роль въ дѣлѣ управленія государствомъ, и принимавшіяся на этомъ собраніи рѣшенія раз-

---

[1]) Стр. 155.

[2]) См. выше, стр. 161.

[3]) Особенно рѣзко выражена была эта мысль Э. Фриманомъ въ его краткомъ очеркѣ развитія англійской конституціи, русскій переводъ котораго напечатанъ въ книгѣ *Э. Фримана и В. Стёббс*а «Опыты по исторіи англійской конституціи» (1880). Соотвѣтственныя мѣста можно найти на стр. 47, 54—55 и 57 означенной книги, а также они были приведены въ началѣ восьмой главы перваго тома моей «Исторіи Западной Европы въ новое время». Другой историкъ, Стёббсъ, такъ далеко не идетъ въ утвержденіи непрерывности и чуть даже не тожественности трехъ названныхъ въ текстѣ учрежденій.

сматривались, какъ волеизъявленія короля и его вельможъ, или князей (haec est voluntas regis et principum ejus). Нормандское завоеваніе положило конецъ широкой компетенціи витенагемота, безъ котораго король не могъ предпринять ни одного важнаго дѣла и которому даже принадлежало право низложенія недостойнаго короля; съ Вильгельма Завоевателя въ странѣ утвердился настоящій абсолютизмъ, но обычай рѣшать важнѣйшія дѣла въ государствѣ все-таки по совѣту и согласію вельможъ сохранился и послѣ этого. Роль, однако, видоизмѣненнаго витенагемота была уже совершенно иная: приблизившись по своему составу къ феодальной куріи, т.-е. сдѣлавшись фактически съѣздовъ непосредственныхъ вассаловъ короля, такъ называемыхъ tenentium in capite [1]), онъ, подъ новымъ своимъ названіемъ, уже не игралъ прежней роли. Знатокъ исторіи англійской конституціи, Стёббсъ, полагаетъ, что функціи національныхъ совѣтовъ съ середины XI в. были болѣе номинальнаго, чѣмъ реальнаго свойства, а другой историкъ англійскаго парламента, Гнейстъ, даже утверждаетъ, что это были лишь простые придворно-военные парады. Новое значеніе эти собранія королевскихъ вассаловъ получили только при Іоаннѣ Безземельномъ въ силу §§ 12 и 14 Великой хартіи, да и самому ея изданію уже предшествовали оппозиціонные съѣзды графовъ и бароновъ. Въ 1201 г., когда Іоаннъ Безземельный потребовалъ, что бы они отправились съ нимъ въ Нормандію, они съѣхались на совѣщаніе (colloquium), на которомъ постановили объявить королю, что поѣдутъ съ нимъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ возвратитъ имъ ихъ права. Въ 1213 г. Іоанномъ самимъ было созвано собраніе, на которое онъ пригласилъ, кромѣ епископовъ и бароновъ, еще представителей отъ деревень, расположенныхъ въ королевскихъ доменахъ, и хотя цѣлью этого собранія было рѣшеніе одного частнаго вопроса (опредѣленіе суммы денегъ, какую король долженъ былъ возвратить церкви изъ взятыхъ у нея незадолго передъ тѣмъ), оно самовольно занялось обсужденіемъ всѣхъ наиболѣе важныхъ въ то время государственныхъ дѣлъ. Въ томъ же году было еще и другое собраніе высшаго духовенства и бароновъ, на которомъ шла рѣчь о возвращеніи «давно утраченныхъ вольностей» (libertates diu amissas ad statum pristinum revocare). Есть еще

---

[1]) См. выше, стр. 155.

извѣстіе, что опять въ томъ же 1213 г. Іоаннъ Безземельный черезъ своихъ шерифовъ приглашалъ въ Оксфордъ бароновъ и рыцарей, а также по четыре довѣренныхъ лица отъ каждаго графства (quatuor discretos homines de comitatu) для обсужденія съ ними дѣлъ королевства, но мы даже не знаемъ, состоялось ли это собраніе, въ которомъ впервые должны были участвовать и представители отъ шэйровъ. Въ слѣдующемъ 1214 г. бароны сами устроили тайный съѣздъ, результатомъ коего и было сначала рѣшеніе силою добиться у короля уступокъ, а потомъ и появленіе самой Великой хартіи вольностей.

Объ этомъ важномъ памятникѣ англійскаго государственнаго права мы уже говорили выше [1]), но тамъ мы обратили главное вниманіе на феодальный его характеръ. Этой своей стороной хартія была обращена, такъ сказать, къ прошлому Англіи послѣ нормандскаго завоеванія, но у документа была и другая сторона, которою она была обращена къ послѣдующему времени, къ дальнѣйшему развитію англійскихъ государственныхъ учрежденій.

Въ сущности, конечно, и статьи 12 и 14 Великой хартіи имѣютъ чисто феодальный характеръ: великій совѣтъ попрежнему оставался феодальнымъ сеймомъ, королевской куріей, въ которой должны были участвовать главнымъ образомъ лишь вассалы короля. Между тѣмъ въ Англіи этой эпохи,—какъ мы знаемъ и о чемъ подробнѣе еще будетъ сказано ниже,— были старинныя общенародныя мѣстныя учрежденія, въ которыхъ уже существовало и даже играло большую роль выборное начало, но бароны въ 1215 г. не воспользовались для организаціи общаго собранія, ограничивающаго королевскую власть, этими учрежденіями. Съ другой стороны, однако, авторы хартіи очень хорошо понимали, что не въ состояніи будутъ отстоять свои сословные, феодальные интересы, если не привлекутъ на свою сторону и другіе элементы населенія страны. Поэтому они поспѣшили распространить выторгованныя у короля вольности и на своихъ собственныхъ вассаловъ и даже обезпечить извѣстныя права за всѣми классами народа вообще. Въ этомъ отношеніи особенно знаменательна статья 39 хартіи, гарантировавшая личную неприкосновенность каждому свободному человѣку и дополнявшаяся обѣщаніемъ (дан-

---

[1]) См. стр. 160—163.

нымъ въ слѣдующей статьѣ) никому не отказывать въ правѣ и справедливости или не замедлять ихъ оказаніе. Особенно постарались вельможи королевства привлечь на свою сторону города. § 12 хартіи распространялъ право самообложенія и на Лондонъ (simili modo, сказано тамъ, fiat de auxiliis de civitate Londoniarum), а слѣдующимъ затѣмъ параграфомъ спеціально подтверждались «всѣ старинныя вольности и свободные обычаи» столицы государства, равно какъ и другихъ городовъ, бурговъ, селеній и портовъ страны. Такой же характеръ имѣетъ и статья 41, обѣщающая всѣмъ купцамъ полную свободу передвиженія, съ уплатою лишь старинныхъ, справедливыхъ и установленныхъ обычаемъ пошлинъ. Или вотъ еще § 30, строго запрещающій агентамъ королевской власти брать у какого бы то ни было свободнаго человѣка лошадей или повозки безъ собственнаго его на то согласія. Уже въ этихъ статьяхъ намѣчалось будущее и феодальнаго «великаго совѣта»: ему предстояло или оставаться въ прежнемъ положеніи чуть-что, на самомъ дѣлѣ, не «придворно-военнаго парада», или преобразоваться въ духѣ тѣхъ широкихъ принциповъ, которыми обезпечивались личныя и имущественныя права всѣхъ свободныхъ людей въ странѣ.

Изданіе Великой хартіи вольностей, вынужденное у Іоанна Безземельнаго мятежными баронами, какъ извѣстно, не рѣшило еще вопроса о томъ, быть ли Англіи абсолютною или представительною монархіей. И самъ этотъ король, и сынъ его Генрихъ III дѣлали попытки взять назадъ всѣ обѣщанія, заключавшіяся въ хартіи, что̀ только затягивало политическій кризисъ, переживавшійся страною. Рядомъ съ вопросомъ о сохраненіи или несохраненіи королемъ неограниченной власти стоялъ еще другой вопросъ—о томъ именно, въ чью пользу установится ограниченіе королевской власти въ случаѣ, если бы оно состоялось, въ пользу ли олигархіи магнатовъ или же и болѣе широкихъ круговъ общества. До самаго конца XIII в. шла въ Англіи упорная борьба за хартію межлу королями, не желавшими ее соблюдать, и баронами, ее отстаивавшими и заставлявшими королей снова ее подтверждать, и въ послѣдній разъ такое подтвержденіе хартіи («confirmatio chartarum») относится къ 1297 г., уже къ царствованію второго послѣ Іоанна Безземельнаго короля, Эдуарда I, когда и онъ точно такъ же былъ вынужденъ своими вассалами идти на уступки.

мѣсто это учрежденіе заняло въ политической жизни страны, другими словами, какія права оно съумѣло отвоевать у королевской власти, которая,—что не разъ уже нами повторялось,—въ Англіи была такъ сильна, какъ нигдѣ на континентѣ, гдѣ только мы встрѣчается съ феодальными формами быта.

Окончательное признаніе королевскою властью въ Англіи Великой Хартіи и принципа представительства «общинъ» въ 1295 и 1297 гг. далеко не было завершеніемъ начавшейся въ первыхъ годахъ XIII в. борьбы общества противъ королевской власти. Ею, этою борьбою, то затихавшею, то обострявшеюся, наполнены и слѣдующіе вѣка—до конца XVII-го столѣтія, когда вторая англійская революція окончательно разрѣшила вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ прерогативы короля и привилегій парламента. Ближайшій ко времени возникновенія парламента вѣкъ, XIV столѣтіе, является, подобно XVII вѣку, эпохой наиболѣе рѣзкихъ столкновеній королевской власти и національнаго представительства. Объ остротѣ этихъ столкновеній свидѣтельствуетъ уже одно то, что дважды въ теченіе XIV вѣка, въ 1327 и въ 1399 годахъ, въ Англіи были низлагаемы съ престола короли, Эдуардъ II и Ричардъ II, и что второе изъ этихъ низложеній сопровождалось по волѣ парламента возведеніемъ на престолъ новой династіи—Ланкастеровъ. Слѣдуетъ еще упомянуть при этомъ о насильственной смерти Эдуарда II, а быть можетъ, и Ричарда II, если только послѣдній не уморилъ себя самъ голодомъ въ тюрьмѣ, въ которой былъ обреченъ доживать свои дни. Только въ XVII в. повторяется еще разъ эта исторія—низложеніе двухъ королей (Карла I и Іакова II), даже публичная казнь одного изъ нихъ и перемѣна династіи послѣ низверженія другого. Въ общемъ послѣдніе Плантагенеты стремились къ удержанію за собою полноты власти, но постоянная нужда въ деньгахъ вслѣдствіе разныхъ военныхъ предпріятій (при Эдуардѣ III, напр., началась столѣтняя война съ Франціей) заставляла ихъ часто созывать парламентъ. Ланкастерская династія, обязанная своимъ вступленіемъ на престолъ парламенту, старалась жить съ нимъ въ мирѣ, тѣмъ болѣе, что и при ней была постоянная нужда въ деньгахъ на военныя цѣли (окончаніе столѣтней войны лишь при третьемъ королѣ этой династіи, Генрихѣ VII). Острая борьба прекратилась, но парламентъ при каждомъ

можно такъ выразиться, сочетать принципъ государственнаго единства, осуществлявшійся потомъ во Франціи путемъ подавленія всякой мѣстной самостоятельности, съ широкимъ земскимъ и отчасти городскимъ самоуправленіемъ, которое во Франціи всегда отличалось сепаратистическими тенденціями. Мѣстное самоуправленіе въ Англіи было наслѣдіемъ англо-саксонской эпохи, поддержаннымъ и даже получившимъ дальнѣйшее развитіе, благодаря такимъ королямъ, какъ Вильгельмъ Завоеватель и особенно Генрихъ II, всякими способами противодѣйствовавшіе установленію политическаго феодализма со всѣми его вредными послѣдствіями для государства и для народа. Знаменитая судебная реформа Генриха II дала широкія полномочія, въ дѣлѣ охраны мира и права, мѣстнымъ организаціямъ, средоточіемъ коихъ въ каждомъ графствѣ было старое народное собраніе съ его всесословнымъ составомъ. Кромѣ полиціи и суда, это собраніе и выбранныя на нихъ должностныя лица вѣдали и другія дѣла, напримѣръ, финансовыя и войсковыя. Какъ и во Франціи [1]), короли въ Англіи одно время даже непосредственно договаривались съ графствами на счетъ субсидій, не только по отношенію къ раскладкѣ налоговъ между отдѣльными населенными мѣстами или способа взиманія налоговъ, но и относительно даже самаго размѣра суммы, если послѣдняя не была установлена великимъ совѣтомъ. Факты подобнаго рода встрѣчаются въ до-парламентской исторіи Англіи. Аналогія съ французскими порядками идетъ даже такъ далеко, что и въ Англіи можно указать случаи, когда король, вмѣсто того, чтобы договариваться съ отдѣльными шэйрами на мѣстахъ, дѣлалъ это въ одномъ мѣстѣ. Такъ въ 1213 г. Іоанномъ Безземельнымъ были созваны (но собрались ли, неизвѣстно) по четыре довѣренныхъ человѣка отъ графства [2]). Другой такой случай относится къ 1254 г., когда въ Вестминстеръ были вызваны по два выбранныхъ въ графствахъ рыцаря для рѣшенія, какое пособіе они желали бы дать королю. Есть и иныя указанія того же рода. Если бы въ Англіи не установилось строгаго государственнаго единства, короли могли бы и впредь прибѣгать то къ одному, то

---

[1]) См. выше, стр. 233.

[2]) Уже было упомянуто выше, стр. 255.

къ другому способу переговоровъ съ графствами, т.-е. либо на мѣстахъ, либо въ одномъ мѣстѣ, но случаи 1213 и 1254 гг. были лишь прецедентами созыва представителей графствъ въ парламентъ, и разъ послѣдній получилъ извѣстную, болѣе или менѣе опредѣленную организацію, графства увидѣли въ немъ свое средоточіе и объединеніе всѣхъ своихъ силъ, а потому никому на мѣстахъ и въ голову не приходило, чтобы народное собраніе отдѣльныхъ шэйровъ могло дѣлать то же самое, что̀ дѣлалъ и парламентъ, или принципіально отказывать ему въ повиновеніи. Въ этомъ случаѣ между отношеніями, какія въ Англіи существовали у парламента и народныхъ собраній въ шэйрахъ, съ одной стороны, а съ другой, у генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ во Франціи и особенно у вальнаго (общаго) сейма и воеводскихъ (областныхъ) сеймиковъ въ Польшѣ [1]) нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

ГЛАВА XXI.

Постепенное расширеніе компетенціи англійскаго парламента.

Борьба англійскаго парламента съ королевской властью въ XIV и XV вѣкахъ.—Какъ часто собирался парламентъ въ Англіи въ средніе вѣка? — Причины успѣховъ парламента въ пріобрѣтеніи имъ новыхъ правъ.—Его компетенція въ податномъ обложеніи.—Участіе палатъ въ законодательствѣ и пріобрѣтеніе ими законодательнаго почина (билли).—Вмѣшательство парламента въ дѣла управленія.—Призрачность нѣкоторыхъ правъ парламента.—Права членовъ парламента.—Ударъ развитію парламента, нанесенный войною алой и бѣлой розъ. — Парламентъ въ эпоху Тюдоровъ. — Двѣ революціи XVII вѣка.

Задачею предыдущей главы было представить—въ общихъ чертахъ, конечно,—какъ возникъ англійскій парламентъ и какую организацію онъ получилъ. Теперь наша задача—разсмотрѣть,—опять, разумѣется, въ общихъ чертахъ,—какое

---

[1]) См. ниже въ главѣ XXII.

графства представительство и не бывшихъ мѣстомъ жительства кандидатовъ въ парламентъ. Такое ограниченіе, правда, нерѣдко нарушавшееся, было отмѣнено лишь въ 1571 г., а до того времени господствовало правило, чтобы каждый избирательный округъ и, слѣдовательно, городъ, если онъ былъ таковымъ, выбиралъ въ парламентъ только мѣстныхъ жителей.

Было бы ошибочно думать, основываясь на названіи «рыцарей отъ графства» (the knights of the shire, duo milites de comitatu), будто они представляли только извѣстный общественный классъ, именно, рыцарей и стоявшихъ съ ними на одномъ уровнѣ мелкихъ бароновъ. Эти «рыцари» были представителями всѣхъ вообще свободныхъ землевладѣльцевъ шэйра, кромѣ наиболѣе крупныхъ, были представителями и непосредственныхъ держателей феодовъ отъ короля, и держателей феодовъ отъ лордовъ, и простыхъ землевладѣльцевъ, такъ называемыхъ *фригольдеровъ (fryholders, libere tenentes)*, или «свободныхъ держателей», составлявшихъ, всѣ въ своей совокупности, «общину» даннаго графства и имѣвшихъ право участвовать въ его народномъ собраніи, *фолькмоотъ (folkmoot)*. Въ такой «общинѣ» сливались воедино феодальные и нефеодальные землевладѣльцы, военные и невоенные держатели земли, дворяне и недворяне, средней руки помѣщики (такъ называемая *джентри*) и мелкіе собственники, а это все мѣшало образованію сословной исключительности, даже убивало ее въ корнѣ, благодаря чему Англія вообще такъ рано и распрощалась съ сословнымъ строемъ. Если даже младшіе сыновья лордовъ дѣлались простыми «общинниками», то гдѣ же было образоваться сословнымъ перегородкамъ между родственными элементами средняго и мелкаго землевладѣнія? Королевская политика всегда стремилась къ установленію этого, въ извѣстномъ смыслѣ, равноправія въ общественныхъ классахъ, стоявшихъ выше опредѣленнаго уровня зажиточности. Напримѣръ, Эдуардъ I издалъ указъ, чтобы всѣ свободные землевладѣльцы, получающіе доходъ въ 20 фунтовъ, чьими бы держателями они ни были, принимали рыцарское званіе и брали на себя рыцарскія службы королю. Это было уже введеніемъ въ политическую жизнь принципа имущественнаго ценза, противнаго строго сословному строю. Конечно, палата общинъ отнюдь не имѣла характера чисто демократическаго представительства, ибо

ни крестьяне въ своей массѣ, ни рабочіе не были въ ней представлены, такъ что съ экономической точки зрѣнія это было представительство работодателей, органомъ ихъ интересовъ, но, съ другой стороны, сословныя перегородки въ этомъ обществѣ совершенно исчезли уже къ концу среднихъ вѣковъ, т.-е. въ Англіи XV вѣка не было той сословности, которая во Франціи держалась до самаго конца XVIII столѣтія. Лучшимъ показателемъ этой важной перемѣны въ соціальномъ строѣ Англіи можетъ служить тотъ фактъ, что статутъ Генриха VI, изданный въ 1430 г., признавалъ право участвовать въ собраніяхъ графствъ, а слѣдовательно, и въ выборахъ въ парламентъ всѣхъ получавшихъ съ земли 40 шиллинговъ дохода. Такимъ образомъ уже въ первой половинѣ XV в. англійскій парламентъ не былъ учрежденіемъ сословнымъ въ такомъ смыслѣ, какъ французскіе генеральные штаты.

Еще одна особенность англійскаго парламента должна быть здѣсь отмѣчена и подчеркнута. Англія, территорія которой много меньше Франціи, и которая совсѣмъ не подвергалась феодальному раздробленію, какъ эта послѣдняя, очень рано была уже вполнѣ объединеннымъ государствомъ съ сильною центральною властью, имѣвшею свои органы на мѣстахъ, хотя и не уничтожавшею самодѣятельности мѣстныхъ обществъ. Когда образовалось въ Англіи центральное представительство всѣхъ общинъ страны, какъ земскихъ, такъ и городскихъ, оно восприняло по отношенію къ послѣднимъ такую же силу, какая и раньше принадлежала центральной власти, но въ то же время мѣстное самоуправленіе не только не вступало въ соперничество съ центральнымъ представительствомъ страны, а скорѣе служило для послѣдняго своего рода фундаментомъ, поскольку палата общинъ сама получала всю свою силу отъ представленныхъ въ ней мѣстныхъ міровъ. Во Франціи мы видимъ не то: въ ея генеральныхъ штатахъ были представлены отдѣльныя сословія по всей Франціи, а не отдѣльные мѣстные міры со всѣми ихъ соціальными элементами, въ тѣхъ же случаяхъ, когда именно выступали на сцену интересы отдѣльныхъ мѣстностей, генеральнымъ штатамъ на мѣстахъ какъ-разъ не хотѣли повиноваться, и мѣстные, такъ называемые провинціальные штаты вступали въ соперничество съ центральнымъ представительствомъ. Уже средневѣковая Англія, такимъ образомъ, съумѣла, если

ходскаго духовенства не нашли себѣ мѣста въ парламентѣ, хотя сначала въ немъ и появлялись, засѣдая то вмѣстѣ съ высшимъ клиромъ, то въ постепенно складывавшейся палатѣ общинъ, гдѣ бы и было его настоящее мѣсто. Мало-помалу оно совсѣмъ, однако, перестало появляться, тѣмъ болѣе, что для защиты своихъ интересовъ имѣло особыя собранія духовенства, двѣ такъ называемыя *конвокаціи*, одну въ Кентербери, другую въ Іоркѣ, обѣ подъ предсѣдательствомъ мѣстныхъ іерарховъ. Особый «штатъ» духовенства, какъ во Франціи, въ Англіи такимъ образомъ не сложился, какъ не сложился и особый «штатъ» дворянства. Крупные бароны обособились отъ мелкихъ бароновъ и отъ рыцарей, которыхъ сближали между собою общіе интересы, какъ средняго землевладѣльческаго класса, но онъ не составилъ и отдѣльнаго «штата» низшаго дворянства, какъ это кое-гдѣ встрѣчалось, а слились съ горожанами, съ тѣми cives et burgenses, которые, какъ и сами они, были выборными представителями мѣстнаго населенія и одинаково приглашались черезъ шерифовъ. Связи между рыцарями и горожанами устанавливались еще на мѣстахъ ихъ жительства. Въ Англіи города большею частью не выдѣлялись изъ графствъ, въ которыхъ находились, не выдѣлялись изъ общеземской жизни, рыцари имѣли дома въ городахъ, горожане—земли въ графствахъ, и въ обоихъ сословіяхъ устанавливались взаимныя родственныя связи посредствомъ браковъ. Въ судебныхъ собраніяхъ подъ предсѣдательствомъ странствующихъ судей рыцари и горожане тоже встрѣчались между собою на общей почвѣ и представители обоихъ классовъ, земскаго и городского, кромѣ того, нерѣдко выбирались въ парламентъ одновременно и въ одномъ и томъ же мѣстѣ.

Верхняя палата имѣла наполовину церковный, наполовину феодальный составъ. Это было собраніе духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, изъ которыхъ каждый владѣлъ по меньшей мѣрѣ $13^1/_3$ рыцарскихъ леновъ, но одно это владѣніе еще не давало права быть членомъ палаты лордовъ, ибо требовалось еще личное королевское приглашеніе, возведеніе человѣка королемъ въ лорды, король же могъ сдѣлать лордомъ и не своего tenentem in capite, а, положимъ, любого опытнаго законовѣда, могущаго давать полезные совѣты. Право королевской власти возводить въ званіе пэра королевства (другое обозначеніе лордства) существуетъ въ Ан-

гліи и донынѣ, но разъ сдѣлавшійся лордомъ сохраняетъ это званіе и даже передаетъ его старшему сыну или вообще своему законному наслѣднику. Наслѣдственость пэріи не сдѣлалась, однако, въ Англіи основою особыхъ правъ сословнаго характера: лордомъ по смерти отца дѣлается только старшій сынъ, а младшіе остаются обыкновенными смертными. Во всякомъ случаѣ палата лордовъ носитъ на себѣ многія черты своего феодальнаго происхожденія, чего уже нельзя сказать о палатѣ общинъ, въ которой феодальные элементы растворились въ элементахъ нефеодальныхъ, были всецѣло поглощены учрежденіемъ, выросшимъ какъ-разъ на почвѣ старыхъ англосаксонскихъ, до-феодальныхъ отношеній и всѣхъ тѣхъ отношеній болѣе новыхъ, которыя были продуктомъ тоже антифеодальной, государственнической, если можно такъ выразиться, политики королей изъ нормандской и анжуйской династій. Палата общинъ вообще не имѣетъ ничего общаго съ французскимъ «третьимъ чиномъ» и именно по своей всесословности, превратившейся въ безсословность. Это—палата «общинъ», т.-е. представительство мѣстныхъ міровъ, организованныхъ союзовъ свободныхъ людей, universitatum или communitatum, какъ они обозначались по-латыни, откуда и англійское ихъ названіе *commons,* общее средоточіе шэйровъ и городовъ. Англія дѣлилась на 37 графствъ, и каждое высылало по два рыцаря, итого 74, да города высылали нѣсколько десятковъ депутатовъ, цифра которыхъ въ разное время была разная, тѣмъ болѣе, что если короли стремились увеличивать число городовъ и бурговъ съ отдѣльными отъ шэйровъ представителями, находя, что горожане вообще сговорчивѣе рыцарей, то сами города и бурги какъ-разъ не очень-то дорожили правомъ представительства въ парламентѣ въ виду необходимости на свой счетъ содержать депутатовъ. Къ концу среднихъ вѣковъ число городскихъ депутатовъ въ три раза превышало число рыцарей отъ графствъ (226 однихъ на 74 другихъ), но это не мѣшало играть руководящую роль въ палатѣ общинъ именно рыцарямъ, оказывавшимся и болѣе независимыми, и болѣе опытными въ дѣлахъ, не говоря уже о томъ, что интересы землевладѣнія и прямыя, родственныя связи объединяли нерѣдко дѣятельность рыцарей и лордовъ. Вліяніе землевладѣльческаго класса было бы еще бóльшимъ, если бы рыцари могли выбираться депутатами отъ городовъ, имѣвшихъ особое отъ

царей и горожанъ, но теперь уже вызывались такимъ способомъ для участія въ общегосударственномъ собраніи лишь выборные люди, представители. Сама идея представительства, самая система выборовъ къ этому времени уже существовали и въ сознаніи населенія, и въ практикѣ мѣстной жизни. Нормандское завоеваніе не уничтожило въ Англіи старинной организаціи приходовъ, сотенъ и графствъ, какъ въ извѣстномъ смыслѣ самоуправляющихся общинъ съ учрежденіями, въ которыхъ принимало участіе само населеніе [1]). Когда жизнь потребовала, чтобы въ великомъ совѣтѣ націи было дано мѣсто не однимъ только духовнымъ и свѣтскимъ вельможамъ, нечего было ломать голову надъ тѣмъ, кого же призвать изъ другихъ группъ населенія: «рыцари отъ графствъ уже существовали, они уже принимали участіе въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ, и ихъ оставалось только привлечь къ дѣламъ, касающимся всего королевства. Нормандскіе короли не только не уничтожили старой организаціи судовъ въ отдѣльныхъ графствахъ, но, наборотъ, всячески ее укрѣпляли, какъ оплотъ противъ развитія сеньёрьяльной юстиціи. На каждое судебное собраніе графства должны были являться прелаты, бароны, свободные землевладѣльцы и староста съ четырьмя односельчанами изъ каждой деревни. Когда во второй половинѣ XII в. въ Англіи были учреждены странствующіе королевскіе судьи съ весьма широкими полномочіями, то въ мѣста, гдѣ они открывали сессіи своего суда, должно было собираться чуть не все мѣстное населеніе—и дворяне, и не дворяне, и сельскіе жители, и жители городскіе, кто по личной обязанности, кто по полномочію сосѣдей. Главную роль на этихъ собраніяхъ сталъ играть классъ рыцарей, и изъ него брались люди, которымъ поручались разныя функціи мѣстнаго самоуправленія. Такимъ образомъ, въ Англіи уже рано существовало довольно развитое земство, и въ немъ уже были и выборы, и представительство, что́ и сдѣлалось однимъ изъ благопріятныхъ условій дальнѣйшаго политическаго развитія страны. Во Франціи не было ничего подобнаго, и мы знаемъ, что Франція лишь мало-по-малу, да и то съ большимъ трудомъ, выработала у себя дѣйствительно представительную систему [2]).

---

[1]) См. выше, стр. 156.

[2]) См. выше, стр. 243.

Раздѣленіе англійскаго парламента на двѣ палаты, верхнюю и нижнюю, какъ принято ихъ называть, или на *палату лордовъ* (house of lords) и *палату общинъ* (house of commons), какъ онѣ еще обозначаются, произошло не сразу. Въ общемъ процессъ группировки разнородныхъ элементовъ, вошедшихъ въ образованіе парламента, по категоріямъ «лордовъ» и «общинъ» завершился лишь въ началѣ сороковыхъ годовъ XIV столѣтія, черезъ полвѣка послѣ «парламента-образца» 1295 г. Въ данномъ отношеніи историками обыкновенно отмѣчается одно извѣстіе, касающееся 1343 г. и свидѣтельствующее о томъ, что въ этомъ году лорды собрались въ «бѣлой палатѣ», а *коммонеры* (commoners)—въ «крашеной», и слѣдовательно, въ настоящее время существованіе въ англійскомъ парламентѣ двухъ палатъ насчитывается уже болѣе пяти съ половиною вѣковъ [1]). Произошло это только постепенно. Сначала въ парламентѣ комбинація соціальныхъ элементовъ была приблизительно такая же, какъ и во французскихъ генеральныхъ штатахъ: отдѣльно духовенство, отдѣльно дворянство, т.-е. бароны и рыцари, и отдѣльно же горожане. Такое раздѣленіе по сословіямъ наблюдается въ первыхъ парламентахъ 1295, 1296, 1305 и 1308 гг., но оно не удержалось, и послѣ ряда другихъ комбинацій, быть можетъ, оставшихся намъ и неизвѣстными, получилась та, которая и утвердилась въ серединѣ XIV в. Прежде всего (не въ хронологическомъ, конечно, смыслѣ) должно было произойти сліяніе въ одну палату высшаго клира и крупныхъ бароновъ: уже много раньше, задолго до призыва въ парламентъ представителей отъ графствъ и городовъ, духовные и свѣтскіе вельможи засѣдали вмѣстѣ, когда съѣзжались по королевскому зову на великіе совѣты, и у нихъ такимъ образомъ составилась привычка собираться вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что у тѣхъ и у другихъ, какъ у самыхъ крупныхъ землевладѣльцевъ страны, были общіе интересы, да и приглашались они въ сессіи парламента одинаковымъ образомъ, посредствомъ личныхъ повѣстокъ. Они-то и образовали палату лордовъ: это—прежній великій совѣтъ, чисто олигархическое учрежденіе. Какъ высшее дворянство обособилось отъ низшаго, такъ обособилось и высшее духовенство отъ своихъ низшихъ собратій. Представители при-

---

[1]) Commoners=общинники.

вскорѣ послѣ возстановленія полноты королевской власти, продолжалъ дѣйствовать въ духѣ прежней политики, и при немъ продолжалась борьба не только за новыя идеи, вошедшія въ обиходъ въ серединѣ XIII в., но даже за самое соблюденіе Великой хартіи. Такъ какъ этотъ король постоянно нуждался въ деньгахъ для своихъ военныхъ предпріятій, то ему нельзя было совсѣмъ не созывать великій совѣтъ, какъ того требовали 12 и 14 статьи хартіи 1215 г., причемъ по частнымъ вопросамъ и для отдѣльныхъ совѣщаній имъ приглашались также и выборные отъ графствъ и городовъ. Собранія подобнаго рода происходили въ 1275, 1282, 1283 и 1290 годахъ, а въ 1295 г., вынужденный внѣшними неудачами и затрудненіями и необходимостью получить особенно большія субсидіи, Эдуардъ I собралъ—въ первый разъ послѣ 1265 г.—парламентъ въ той формѣ, какую послѣдній получилъ при Симонѣ Монфортскомъ. Такимъ образомъ Англіи пришлось прождать цѣлыя тридцать лѣтъ, прежде чѣмъ снова повторился парламентъ 1265 года. Въ призывныхъ грамотахъ на это собраніе прямо говорилось, что «всѣхъ касающіяся дѣла всѣми должны и одобряться» (ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur), и къ этому прибавлялось, что выборные отъ графствъ и городовъ должны имѣть совершенно достаточныя полномочія (plenam et sufficientem potestatem) говорить и дѣйствовать отъ ихъ имени. Между старымъ великимъ совѣтомъ и вновь привлеченными къ государственнымъ дѣламъ «общинами» полагалось въ этомъ документѣ то различіе, что первый призывался какъ бы давать приказанія (ad tractandum, ordinandum et faciendum), а вторыя — лишь къ исполненію принятыхъ постановленій (ad faciendum quod tunc de communi consilio ordinaretur). Парламентъ 1295 г. считается даже за образецъ парламента (a model parliament), благодаря тому, что въ немъ очень полно было представлено тогдашнее англійское общество. Отъ каждаго шэйра, отъ каждаго города (de qualibet civitate), отъ каждаго бурга (de qualibet burgo) въ этотъ парламентъ было призвано по два рыцаря или по два горожанина («cives» и «burgenses»). Въ той же формѣ повторился парламентъ и въ слѣдующемъ году, а еще годъ спустя произошло окончательное подтвержденіе Великой хартіи и изданъ важный статутъ о неналоженіи податей [1]).

---

[1]) См. переводъ его, указанный выше (стр. 161, прим. 1).

Итакъ, къ концу XIII в. Англія уже имѣла правильное представительство, основанное на выборномъ началѣ. Конечно, активнымъ и пассивнымъ избирательнымъ правомъ въ Англіи этой эпохи пользовалось далеко не все населеніе, особенно въ виду существованія въ странѣ несвободнаго крестьянства, но тѣ общественные классы, которые обладали этимъ правомъ, дѣйствительно выбирали своихъ представителей въ парламентъ. Нѣтъ надобности прибѣгать къ гипотезѣ, дѣлающей одного Симона Монфортскаго виновникомъ возникновенія въ Англіи этой системы. Именно она вовсе не была занесена въ Англію изъ южной Франціи, гдѣ Симонъ Монфортскій могъ познакомиться съ представительствомъ, основаннымъ на выборахъ, по тому примѣненію, какое оно уже имѣло въ сословномъ сеймѣ Арагона, ибо выборная система уже раньше существовала въ самой же Англіи, въ ея мѣстныхъ учрежденіяхъ англо-саксонскаго происхожденія. Одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей исторіи государственнаго строя въ Англіи, Стёббсъ, справедливо различаетъ въ исторіи представительства три отдѣльныя стороны: во-первыхъ, самый принципъ представительства, который былъ извѣстенъ англичанамъ изъ практики судовъ въ сотняхъ [1]) и шэйрахъ; во-вторыхъ, одинаковое примѣненіе этого принципа ко всѣмъ классамъ общества и, въ-третьихъ, порядокъ самаго производства призыва. Послѣдній, т.-е. собственно форма, въ какой совершалось приглашеніе прислать выборныхъ людей, былъ уже предуказанъ статьей 14 Великой хартіи, которая обѣщала разсылку личныхъ приглашеній всѣмъ прелатамъ и крупнымъ баронамъ и созывъ мелкихъ бароновъ окружными грамотами на имя агентовъ королевской власти на мѣстахъ [2]). Правомъ быть приглашенными чрезъ шерифовъ и бальифовъ по этой статьѣ пользовались только непосредственные вассалы короля, и притомъ каждый изъ нихъ имѣлъ личное право на это, какъ tenens in capite. Со времени созыва первыхъ настоящихъ парламентовъ эта форма приглашенія черезъ агентовъ королевской власти была распространена и на другіе общественные классы, главнымъ образомъ на ры-

[1]) См. выше, стр. 151. примѣч. 1.

[2]) См. выше, стр. 161—162.

ство бароновъ, почти весь среднiй классъ государства (fere omnis communa mediocris regni) и особенно жители Лондона и пяти портовъ Англiи поспѣшили возобновить борьбу. Въ битвѣ при Льюисѣ въ маѣ 1264 г. Симонъ Монфортскiй нанесъ пораженiе королевскому войску и даже взялъ въ плѣнъ и самого короля, и его наслѣдника, и наиболѣе видныхъ сторонниковъ абсолютизма. Эта-то знаменитая битва и была воспѣта въ поэмѣ, упоминавшейся уже нами въ XVIII главѣ при обзорѣ теоретическихъ взглядовъ, высказывавшихся въ средніе вѣка касательно ограниченной монархiи [1]. Авторъ поэмы былъ несомнѣнный приверженецъ Симона Монфортскаго, и его политическимъ идеаломъ была такая монархiя, въ которой государь, ограниченный закономъ, правитъ народомъ, совѣтуясь съ людьми, пользующимися общественнымъ довѣрiемъ, и приглашая къ участiю въ государственныхъ дѣлахъ равнымъ образомъ представителей всей страны.

Это была политическая система и самого побѣдителя при Льюисѣ. Послѣ побѣды надъ королемъ Симонъ Монфортскiй, признанный протекторомъ королевства, занялъ въ государствѣ положенiе, напоминающее диктатуру. Первымъ дѣломъ онъ разослалъ отъ королевскаго имени приказы, чтобы въ каждомъ шэйрѣ мѣстное собранiе выбрало по четыре рыцаря и чтобы всѣ такiе выборные въ очень короткiй срокъ явились въ Лондонъ для участiя, совмѣстно съ прелатами и свѣтскими вельможами, въ парламентѣ, который долженъ былъ заняться обсужденiемъ дѣлъ короля и королевства. Назначенный такимъ образомъ съѣздъ состоялся, и результатомъ его дѣятельности былъ актъ, извѣстный подъ названiемъ «Формы правленiя государя-короля и королевства», въ сущности отдававшiй Генриха III подъ опеку особаго комитета изъ девяти совѣтниковъ, причемъ было сказано, что данное «распоряженiе было составлено съ согласiя, по желанiю и повелѣнiю государя-короля, а также прелатовъ, бароновъ и общины, здѣсь тогда присутствовавшей». Въ слѣдующемъ, 1265 году Симонъ Монфортскiй, опять отъ имени короля, созвалъ парламентъ съ еще болѣе широкимъ участiемъ «общины всей земли». Епископовъ и бароновъ въ этомъ собранiи было очень мало—только одни

---

[1]) См. выше, стр. 212.

приверженцы Симона, но зато въ немъ участвовало болѣе сотни аббатовъ и другихъ духовныхъ лицъ того же ранга, по два рыцаря отъ каждаго графства, по два же представителя отъ разныхъ городовъ и бурговъ, а также пяти портовъ. Парламентъ 1265 г. и принято поэтому считать первымъ настоящимъ парламентомъ Англіи. Онъ былъ созванъ не такъ, какъ тридцать семь лѣтъ спустя созваны были первые генеральные штаты во Франціи, не по королевской инициативѣ, а противъ короля, но аналогія заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ произошло присоединеніе къ старому феодальному сейму новыхъ, городскихъ элементовъ съ тѣмъ лишь различіемъ, что въ Англіи представительство было не только городскимъ, но и земскимъ, чего во Франціи не было.

Парламентъ 1265 г. засѣдалъ около двухъ мѣсяцевъ, но скоро междоусобіе возобновилось, и въ августѣ того же года Симонъ Монфортскій потерпѣлъ пораженіе отъ королевскаго войска и самъ палъ въ бою при Evesham'ѣ [1]), оплаканный народомъ, какъ мученикъ за его свободу. Все, что было сдѣлано при участіи Симона Монфортскаго съ 1258 г., было отмѣнено. Въ 1266 г. въ этомъ смыслѣ Генрихомъ III былъ даже изданъ особый ордоннансъ, носящій названіе «Dictum de Kenilworth» по имени городка, около котораго онъ былъ составленъ. Это было совершеннѣйшее возстановленіе прежней власти короля, во всей ея полнотѣ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и обѣщалось соблюденіе королемъ всѣхъ дарованныхъ раньше грамотъ и вольностей, скрѣпленныхъ добровольною его присягой. Любопытно, что въ этомъ уже документѣ запрещалось признавать Симона святымъ и праведнымъ и распускать слухи о совершаемыхъ имъ посмертныхъ чудесахъ. Однако, само дѣло Симона не умерло, и умиротвореніе государства отъ междоусобія, продолжавшагося еще нѣкоторое время послѣ злополучной битвы 1266 г., произошло на собраніи парламента въ 1267 г., на которое были приглашены и представители отъ графствъ. Нужно, впрочемъ, все-таки еще оговориться, что окончательно нововведеніе Симона Монфортскаго утвердилось въ государственной жизни Англіи не сразу и далеко не безъ новой борьбы съ королевскою властью.

Преемникъ Генриха III, Эдуардъ I, вступившій на престолъ

[1]) Это собственное имя въ русскихъ оригинальныхъ и переводныхъ историческихъ книгахъ передается, къ сожалѣнію, различно: Эвсгамъ, Ивзгэмъ, Ивзэмъ, Эвшамъ, Ившэмъ.

большой дружбѣ и союзѣ. Король согласился на это предложеніе, но для того, чтобы фактически завладѣть добычей, ему нужны были деньги, для полученія же ихъ приходилось собрать вельможъ и вассаловъ (proceres et fideles) на великій совѣтъ и пойти на уступки по отношенію къ ихъ требованіямъ.

Въ этомъ парламентѣ,—какъ уже около даннаго времени стали называться собранія прелатовъ и бароновъ,—между прочимъ заявлено было требованіе, чтобы великій совѣтъ собирался періодически, и была образована коммиссія для реформъ въ области управленія государствомъ. Особый комитетъ изъ 24 бароновъ, наполовину назначенный королемъ, наполовину избранный баронами и имѣвшій въ своемъ составѣ Симона, выработалъ цѣлый, можно сказать, проектъ олигархической конституціи, получившій названіе *оксфордскихъ провизій*, по мѣсту, гдѣ произошелъ этотъ знаменательный фактъ. При королѣ долженъ былъ быть образованъ постоянный комитетъ изъ пятнадцати членовъ, и послѣдній долженъ былъ не только руководить королемъ посредствомъ своихъ совѣтовъ, но и «исправлять все, что найдетъ нужнымъ подвергнуть исправленію». Далѣе, три раза въ годъ долженъ былъ собираться «парламентъ» изъ этихъ пятнадцати членовъ и еще двѣнадцати выбранныхъ для этого баронами, но дѣйствующихъ отъ имени всей общины страны (pur tut le commun de la tere). Всѣ высшія должностныя лица въ государствѣ должны были находиться подъ контролемъ этого высшаго баронскаго комитета, а въ каждомъ шэйрѣ должно было быть выбрано по четыре рыцаря для принятія отъ населенія жалобъ на злоупотребленія королевскихъ чиновниковъ и для возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ нихъ въ случаѣ совершенія ими незаконныхъ дѣйствій. Генрихъ III и наслѣдникъ престола, будущій Эдуардъ I, дали торжественное обѣщаніе осуществить эти «провизіи», но на самомъ дѣлѣ вовсе не были намѣрены исполнить свое обѣщаніе. Въ ихъ глазахъ оксфордское собраніе было какимъ-то, въ сущности, безумнымъ, сумасшедшимъ, бѣшенымъ скопищемъ, откуда и историческое названіе этого собранія: «безумный парламентъ» (insane parliamentum), данное ему приверженцами короля. Оксфордскими постановленіями, кромѣ того, оказались недовольными въ Англіи и еще очень многіе, начиная самими же крупными баронами

въ сущности исключавшимися изъ парламента, но въ особенности мелкіе бароны и рыцари, а также и просто свободные жители городовъ и селъ. Въ 1259 г. англійское рыцарство или, по выраженію современной хроники, «община баккалавровъ Англіи» (communitas bacheleriae Angliae) заявило, что бароны не исполнили своихъ обѣщаній относительно пользъ и нуждъ государства, такъ какъ позаботились только о собственныхъ выгодахъ да какъ бы повредить королю. Подъ вліяніемъ этого протеста, нашедшаго поддержку и въ старшемъ сынѣ короля, баронскій комитетъ издалъ новыя «провизіи», извѣстныя подъ названіемъ вестминстерскихъ и заключавшія въ себѣ удовлетвореніе наиболѣе насущныхъ требованій рыцарства относительно преобразованій въ управленіи и судѣ.

Это выступленіе, въ лицѣ рыцарства, «общины всей земли» (communitas totius terrae), какъ въ эту эпоху выражались о странѣ или націи, показало, что тяжба не могла происходить только между королемъ и баронской олигархіей, и обѣ стороны, дѣйствительно, скоро поняли, что въ своей распрѣ хорошо было бы имѣть союзниками эту общественную силу. Въ 1261 г. сдѣлалось вполнѣ очевиднымъ, что король стремится къ уничтоженію порядковъ, придуманныхъ «безумнымъ парламентомъ», и вотъ баронское правительство, въ числѣ вождей котораго былъ Симонъ Монфортскій, уже раньше не вполнѣ раздѣлявшій его олигархическія тенденціи, приказало шерифамъ пригласить отъ каждаго шэйра по три рыцаря въ Сентъ-Альбансъ; немедленно и Генрихъ III разослалъ шерифамъ такое же предписаніе, назначивъ только мѣстомъ съѣзда Виндзоръ. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, съѣзжались ли куда-нибудь рыцари, по три отъ графства, по этимъ приглашеніямъ, знаменательно только то, что обѣ враждующія стороны хлопотали о такомъ съѣздѣ.

Между тѣмъ папа разрѣшилъ Генриха III отъ присяги, которою онъ подтвердилъ свое обѣщаніе соблюдать оксфордскія провизіи, и, опираясь на это, король отказался исполнять конституцію «безумнаго парламента». Результатомъ была междоусобная война, начатая противъ короля его зятемъ. Правда, была сдѣлана попытка рѣшенія спора третейскимъ судомъ, но такъ какъ Людовикъ Св., приглашенный обѣими сторонами въ судьи, постановилъ приговоръ, которымъ остались недовольны противники короля, то большин-

Особенно рѣзкою борьбою за хартію отличалось царствованіе сына Іоанна Безземельнаго, Генриха III, при которомъ и возникъ парламентъ. Все это царствованіе прошло въ ссорѣ государя съ подданными, но впервые рѣшительный оборотъ приняла эта ссора лишь тогда, когда во главѣ феодально-олигархической оппозиціи противъ абсолютистической политики Генриха III сталъ знаменитый Симонъ Монфортскій, французъ по происхожденію, получившій въ Англіи лейстерскій феодъ съ графскимъ титуломъ и вошедшій въ родство съ королемъ, вслѣдствіе брака своего съ его сестрою. Извѣстно, что у династіи Плантагенетовъ, царствовавшей въ то время въ Англіи, были обширныя владѣнія, цѣлыя большія области во Франціи [1]), и это сильно способствовало наплыву въ Англію съ континента иноземцевъ, пользовавшихся у Генриха III особымъ расположеніемъ, къ крайнему неудовольствію англичанъ. Феодальная оппозиція противъ Генриха III получила даже чисто національный характеръ, ибо въ числѣ требованій, какія предъявлялись королю баронами, было удаленіе отъ двора, отъ государственныхъ должностей, изъ самой страны иноземныхъ авантюристовъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ королевскаго самодержавія. Королевскій зять, Симонъ Монфортскій, самъ бывшій выходцемъ изъ Франціи, не по примѣру другихъ пришельцевъ сталъ во главѣ феодальной оппозиціи и съигралъ главную роль въ рѣшительной борьбѣ, происшедшей между властью и націей въ серединѣ XIII в. Его отецъ, тоже Симонъ, былъ начальникомъ военной экспедиціи противъ южно-французскихъ еретиковъ, съ которой началось подчиненіе Лангедока Парижу [2]), но самъ онъ не остался на родинѣ, а переселился въ Англію, гдѣ скоро очень хорошо устроился. Сначала онъ пользовался большимъ фаворомъ у Генриха III, такъ что англійскіе бароны даже прямо требовали исключенія его изъ королевскаго совѣта, но потомъ онъ разссорился съ своимъ шуриномъ и, какъ было сказано, сталъ самъ во главѣ оппозиціонной англійской знати. Кризисъ разразился въ 1258 г.

Папа, только-что расправившійся въ Германіи и въ Италіи съ династіей Гогенштауфеновъ, предложилъ сицилійскую корону старшему сыну Генриха III, бывшаго съ нимъ въ

---

[1]) См. карту IV.

[2]) Ср. выше, стр. 229.

удобномъ случаѣ отстаивалъ свои права противъ королевской власти.

Мы видѣли, какъ сравнительно рѣдко созывались во Франціи генеральные штаты [1]). Англійскій парламентъ, наоборотъ, собирался необыкновенно часто. Въ концѣ XIII и въ первыя три четверти XIV вѣка, когда онъ только-что организовался, въ теченіе ста пяти лѣтъ, занятыхъ царствованіями трехъ первыхъ Эдуардовъ (1272—1377), онъ собирался сто девятнадцать разъ, т.-е. больше чѣмъ одинъ разъ въ годъ, и при Ланкастерахъ, въ первой половинѣ XV столѣтія, тоже происходили почти ежегодныя собранія парламента. Только съ начала династическаго и аристократическаго междоусобія въ Англіи, извѣстнаго подъ названіемъ войны алой и бѣлой розы, созывы парламента сдѣлались болѣе рѣдкими: въ двадцать два года царствованія Эдуарда IV (1461—1483)—только четыре раза, въ послѣднія тринадцать лѣтъ Генриха VII Тюдора, т.-е. во всю вторую половину его царствованія (1485—1509)—всего два раза, за тридцать семь лѣтъ правленія его сына Генриха VIII (1509—1546)—двадцать одинъ разъ, при Елизаветѣ (1558—1603) въ сорокъ пять лѣтъ—тринадцать разъ, т.-е. съ болѣе или менѣе значительными промежутками. Ста девятнадцати парламентамъ въ сто пять лѣтъ при трехъ Эдуардахъ можно еще противопоставить всего пятьдесятъ восемь парламентовъ въ сто восемнадцать лѣтъ царствованія Тюдоровъ (1485—1603), въ первомъ случаѣ больше одного парламента на одинъ годъ, во второмъ—на два года чуть не меньше одного парламента. Въ XVII столѣтіи дѣло доходило даже до того, что въ царствованіе первыхъ двухъ Стюартовъ созывовъ парламента не было однажды семь лѣтъ (1614—1621), въ другой разъ—одиннадцать (1629—1640). Всѣ эти сопоставленія цифръ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ, какую жизненность обнаружилъ парламентъ въ первые же два вѣка своего существованія не только по сравненію съ генеральными штатами, но и по сравненію съ собственнымъ своимъ существованіемъ съ середины XV в.

Конечно, съ другой стороны, эти цифровыя данныя еще ничего не говорятъ о самомъ существѣ дѣла, такъ какъ категорія количества вообще не покрываетъ собою категоріи

---

[1]) См. выше, стр. 233 и слѣд. и 244 и слѣд.

качества. Дѣло еще въ томъ, что за первые два вѣка своего существованія, какъ было уже отмѣчено, парламентъ сдѣлалъ громадные успѣхи въ самомъ существѣ своего государственнаго значенія. Причины этого послѣдняго явленія должны быть понятны послѣ всего того, что мы знаемъ о возникновеніи самого парламента и объ образованіи въ немъ двухъ несословныхъ палатъ. Континентальныя собранія чиновъ гибли вслѣдствіе несолидарности представленныхъ въ нихъ сословій, тогда какъ въ Англіи господствовала величайшая солидарность всѣхъ элементовъ общества въ отстаиваніи своихъ правъ противъ деспотизма королевской власти. Происхожденіе парламента въ Англіи, отъ начертанія въ Великой хартіи 12 и 14 ея статей до созыва Симономъ Монфортскимъ парламента 1265 г., было оппозиціоннымъ, и этотъ оппозиціонный характеръ былъ сохраненъ и впослѣдствіи англійскимъ парламентомъ. Онъ не раздѣлился, какъ мы видѣли, на сословныя палаты, но сгруппировался въ двѣ камеры, въ каждой изъ которыхъ были, такъ сказать, перемѣшаны между собою разныя сословія, въ одной высшіе, въ другой низшіе ихъ слои. Это помѣшало развитію въ обѣихъ палатахъ замкнутости и исключительности и возникновенію между ними принципіальнаго антагонизма. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ въ своихъ отношеніяхъ къ королевской власти обѣ палаты были солидарны, и именно тогда, когда эта солидарность по тѣмъ или другимъ причинамъ ослабѣвала, начинало колебаться и значеніе самого парламента. Основу всего средневѣкового представительства въ Англіи сославлялъ обширный классъ крупныхъ, среднихъ и болѣе мелкихъ землевладѣльцевъ, съ двумя главными группами которыхъ сливались, въ верхней палатѣ—высшее духовенство, въ нижней—городскіе элементы. Общій тонъ парламенту задавался землевладѣльческимъ классомъ, идеями и стремленіями котораго начинали невольно, вслѣдствіе совмѣстной дѣятельности въ той или другой палатѣ, проникаться какъ духовенство, такъ и горожане. Въ Англіи не образовалось особаго духовнаго чина въ парламентѣ, и онъ такимъ образомъ лишенъ былъ спеціальнаго органа для проведенія клерикальныхъ интересовъ. Верхняя палата объединяла интересы наиболѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, каковыми были и епископы съ аббатами монастырей. Послѣдніе дѣйствовали солидарно со свѣтскими своими товарищами, и только тогда, когда духо-

венству, какъ таковому, стало грозить распространеніе въ странѣ антицерковной проповѣди (Виклифъ и лолларды), духовные лорды стали искать специальной опоры въ королевской власти. Съ другой стороны, въ Англіи не образовалось и особаго «третьяго чина», городского, какимъ былъ сначала французскій tiers état. Происшедшее, какъ мы видѣли, въ палатѣ общинъ сліяніе землевладѣльческихъ и городскихъ элементовъ создало особую, внутренне солидарную силу, съ которою королевской власти постоянно приходилось считаться. Оно, это сліяніе, не было искусственнымъ, оно было властно продиктовано самою жизнью, тѣми условіями соціальнаго и политическаго быта Англіи, которыхъ, напримѣръ, какъ-разъ недоставало Франціи, и политика властвованія посредствомъ раздѣленія (divide et impera), съ такимъ удобствомъ примѣнявшаяся во Франціи къ вѣчно враждовавшимъ между собою дворянству и буржуазіи, въ Англіи не могла имѣть мѣста. И противъ парламента въ Англіи король не могъ даже опереться на мѣстныя силы отдѣльныхъ графствъ: солидарность царствовала и здѣсь, потому что, въ сущности, одни и тѣ же элементы были хозяевами и мѣстнаго самоуправленія, и центральнаго представительства. Англія въ эпоху возникновенія своего сословнаго представительства была единымъ національнымъ государствомъ, а не конгломератомъ провинцій, какъ Франція въ соотвѣтственный историческій моментъ, и у этой націи, на всемъ пространствѣ государства, были извѣстныя общія права, извѣстная свобода въ устроеніи мѣстныхъ дѣлъ, извѣстныя политическія традиціи, составлявшія общее же достояніе: когда нація находила, что ее затрогиваютъ въ ея правахъ и интересахъ, она посылала въ парламентъ своихъ избранниковъ, далеко не похожихъ на французскихъ представителей духовенства, дворянства и горожанъ, которые въ большинствѣ случаевъ не умѣли возвышаться надъ узко сословными и тѣсно провинціальными стремленіями и предразсудками.

Основнымъ правомъ англійскаго парламента, какъ можно видѣть изъ всего предыдущаго изложенія, было право вотировать субсидіи. Англичане съ великимъ упорствомъ добивались и добились-таки въ концѣ концовъ этого права, конечно, не сразу. Великая хартія, его санкціонировавшая своею 12 статьею, въ теченіе всего XIII в. оспаривалась королями, да и потомъ нерѣдко нарушалась. Въ серединѣ XV в. право вотированія

субсидій уже считалось, однако, безспорнымъ, и парламентъ привыкъ имъ пользоваться, какъ средствомъ заставлять итти королевскую власть на уступки: деньги давались или обѣщались лишь подъ условіемъ удовлетворенія такихъ-то и такихъ-то жалобъ, отмѣны тѣхъ или иныхъ злоупотребленій и т. п. Это право парламента особенно ревниво оберегала палата общинъ и даже пріобрѣла въ данномъ отношеніи особую привилегію сравнительно съ палатой лордовъ. Въ 1407 г. незадолго передъ тѣмъ вступившій на престолъ основатель Ланкастерской династіи, Генрихъ IV, обратился лично къ духовнымъ и свѣтскимъ лордамъ съ просьбою о субсидіяхъ и получилъ благопріятный отвѣтъ. Общины тогда заявили протестъ, выразивши желаніе, чтобы на будущее время верхняя палата не занималась подобнымъ дѣломъ въ королевскомъ присутствіи, и чтобы ни лордамъ, ни общинамъ не дозволялось сообщать королю о субсидіяхъ, которыя будутъ назначены съ согласія лордовъ коммонерами, какъ представителями главныхъ плательщиковъ, раньше чѣмъ обѣ палаты между собою на этотъ счетъ договорятся, да и самое извѣщеніе короля должно происходить не иначе, какъ черезъ оратора, или *спикера* палаты общинъ. Лорды согласились съ такимъ толкованіемъ взаимныхъ отношеній обѣихъ палатъ, и вотъ уже пять вѣковъ палата общинъ въ дѣлѣ вотированія субсидій имѣетъ привилегію, которой лишена палата лордовъ. Когда двумя съ третью столѣтіями позже Карлъ I, не добившись ничего отъ собраннаго имъ весною 1640 г. и скоро распущеннаго парламента, попытался-было получить деньги отъ одной палаты лордовъ, которую и собралъ въ качествѣ «великаго совѣта», то лорды ему отказали въ его просьбѣ на томъ именно основаніи, что деньгами населенія могутъ распоряжаться только его представители въ палатѣ общинъ. Кромѣ того, парламентъ въ первой половинѣ XV в. расширилъ свое финансовое право, начавъ спеціализировать суммы, назначавшіяся для государственныхъ расходовъ, и даже добиваться контроля надъ ихъ расходованіемъ.

Вторымъ правомъ парламента было участіе въ законодательствѣ. Съ самаго начала обѣ палаты подавали королю жалобы (gravamina) и прошенія (petitiones), ставя иногда въ зависимость отъ ихъ удовлетворенія самое согласіе на субсидіи. Съ общаго согласія короля, палаты лордовъ и палаты общинъ, какъ «трехъ чиновъ королевства» (the three estates

of realm) издавались статуты, инициатива которыхъ или шла отъ короля, или заключалась въ той или другой парламентской петиции. Парламентъ могъ отвергнуть королевское предложеніе, но и король имѣлъ право не согласиться на исполненіе того, о чемъ у него просилъ парламентъ, откуда и возникло такъ называемое нынѣ королевское *veto*, de jure до сихъ поръ существующее въ англійскомъ государственномъ правѣ, но уже два вѣка не употребляющееся на практикѣ (съ 1707 г.). Мало-по-малу выработалась даже необидная для парламента формула отказа: «король посмотритъ», по-французски «le roi s'avisera», такъ какъ послѣ нормандскаго завоеванія французскій языкъ долго оставался оффиціальнымъ. Если, наоборотъ, король давалъ согласіе (формулой: «soit fait comme est désiré», т.-е. «да будетъ, какъ того желаютъ»), то на основании петиции создавался въ королевской канцеляріи новый статутъ, помѣчавшійся такимъ-то годомъ царствованія такого-то короля. Случалось, однако, что, превращая петиции въ статуты, королевскіе чиновники вносили въ нихъ болѣе или менѣе существенныя измѣненія, и это дѣлалось иногда предметомъ особыхъ жалобъ. Въ первой половинѣ XV в., при второмъ ланкастерскомъ королѣ, Генрихѣ V, найдена была форма, устранявшая этотъ недостатокъ законодательной процедуры. Общины выставляли на видъ, что въ законодательствѣ онѣ являются не только просителями, но и стороною, дающею свое согласіе на законъ, а потому какія бы то ни было измѣненія въ просимомъ палатами и утверждаемомъ королемъ статутѣ находятся въ несоотвѣтствіи съ правами парламента. Генрихъ V согласился съ этимъ доводомъ и обѣщалъ впредь ничего не измѣнять въ петиціяхъ при ихъ утвержденіи, сохранивъ, однако, за собою прежнее право ихъ и отвергать. Благодаря этому, парламентскія петиціи, цѣликомъ и безъ измѣненій принимаемыя или отвергаемыя королемъ, сдѣлались своего рода законопроектами по парламентской инициативѣ, а затѣмъ онѣ мало-по-малу даже приняли и форму готовыхъ законопроектовъ, дабы королевскіе судьи и клерки не имѣли уже никакихъ поводовъ что-либо измѣнять подъ предлогомъ, наприм., необходимости редакціонныхъ поправокъ. Наконецъ, при Генрихѣ VI было и прямо установлено, чтобы именно въ такой формѣ парламентъ высказывалъ свои законодательныя пожеланія. Такъ выработалось право обѣихъ палатъ на инициативу законовъ: возникалъ ли

законопроектъ въ общинахъ или у лордовъ, онъ изъ одной палаты поступалъ въ другую и въ случаѣ одобренія ею шелъ на королевское утвержденіе. Сами законопроекты получили названіе *биллей*: *bill*, это — искаженное латинское *libellus*, книжечка, тетрадка.

Кромѣ вопросовъ финансовыхъ и законодательныхъ, парламентъ нерѣдко занимался уже въ XIV и XV вв. вопросами внутренняго управленія. Въ Англіи не разъ возникала даже такая мысль, чтобы король былъ ограниченъ въ своемъ правѣ лишь по собственному усмотрѣнію назначать членовъ *тайнаго совѣта (privy council)*, бывшаго средоточіемъ всего управленія; даже дѣлались прямыя попытки въ этомъ направленіи [1]), подобно тому, какъ это случалось и во Франціи [2]). Не добившись превращенія королевскаго совѣта въ свой постоянный исполнительный комитетъ (въ родѣ теперешняго парламентскаго министерства, все-таки, однако, и теперь не назначаемаго непосредственно палатами), парламентъ въ концѣ концовъ выработалъ особый способъ вліять на королевскую политику посредствомъ устраненія дурныхъ совѣтниковъ короля. Въ Англіи, какъ извѣстно, постепенно создалось такое теоретическое представленіе, что «король-де не можетъ поступать несправедливо» (the king cannot wrong), а потому за всѣ несправедливости правительства должны отвѣчать дурные совѣтники короны. Во исполненіе послѣдняго принципа парламентъ сталъ возбуждать противъ дурныхъ совѣтниковъ судебныя преслѣдованія, и нижняя палата въ подобныхъ случаяхъ превращалась въ обвинительную власть, судила же верхняя палата въ силу принципа, что каждый долженъ былъ судиться своими пэрами [3]). Съ устраненіемъ изъ англійской жизни сословнаго начала для всѣхъ долженъ былъ быть одинъ и тотъ же судъ присяжныхъ, но за лордами и королевскими совѣтниками сохранилась старая привилегія. Случалось, однако, что въ законахъ страны, т.-е. въ парламентскихъ статутахъ, не было ни одного такого, подъ который можно было бы подвести ставимыя въ вину королевскимъ совѣтникамъ дѣянія, и вотъ во второй половинѣ XV в. парламентъ сталъ прибѣгать къ суду законодательнымъ поряд-

---

[1]) См. выше, стр. 258 и др.

[2]) См. выше, стр. 235 и 237.

[3]) См. выше, стр. 123.

комъ. Основной принципъ современнаго намъ уголовнаго права при этомъ прямо нарушался; законъ не долженъ имѣть обратнаго дѣйствія, т.-е. никто не можетъ быть наказываемъ за совершеніе поступка, который по закону не былъ наказуемъ въ моментъ его совершенія. Въ Англіи второй половины XV в., въ эпоху страстной и безпощадной борьбы «двухъ розъ», думали иначе, и парламентомъ была создана особая процедура такъ называемыхъ *биллей объ опалѣ (bills of attainder):* въ случаѣ надобности создавался палатами спеціальный законъ, подъ него подводилось то или другое ранѣе этого совершонное дѣяніе, общины обвиняли, лорды судили, и «виновный» наказывался. Въ рукахъ парламента «bills of attainder» были страшнымъ орудіемъ противъ ненавистныхъ министровъ, и не одинъ человѣкъ несъ свою голову на плаху по такому биллю. Самый замѣчательный случай—казнь, въ 1641 г., фаворита Карла I, графа Страффорда, за то, что онъ стремился править страною безъ парламента. Въ настоящее время такой процедуры не существуетъ, но парламентъ попрежнему въ правѣ судить королевскихъ министровъ въ случаѣ нарушенія ими законовъ.

Таковы были права, принадлежавшія палатамъ лордовъ и общинъ уже въ первой половинѣ XV вѣка. Нужно, однако, оговориться, что многія изъ нихъ обходились и нарушались даже еще въ XVII столѣтіи. Деньги короли иногда занимали у богатыхъ людей (наприм., у евреевъ), и такіе принудительные займы позволяли имъ обходиться безъ парламента. Въ области законодательства королевская власть нерѣдко злоупотребляла прокламаціями, т.-е. общими распоряженіями съ принудительною силою, считала себя въ правѣ даже и отмѣнять статуты, чаще пріостанавливать ихъ дѣйствія (суспендивная власть) или освобождать отъ ихъ примѣненія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыя ихъ категоріи (диспенсивная власть). Парламентъ могъ осудить министра, а король, пользуясь своимъ правомъ помилованія преступниковъ, могъ его освободить отъ наказанія, какъ это случилось, наприм., въ началѣ XVII в. съ знаменитымъ лордомъ-канцлеромъ Бэкономъ Веруламскимъ, отцомъ опытной философіи, осужденнымъ за лихоимство верхнею палатою, но помилованнымъ монархомъ. Все это дѣлало нѣкоторыя права парламента до извѣстной степени призрачными, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, создавалась почва для новыхъ столкнове-

ній, для новой борьбы, разыгравшейся потомъ главнымъ образомъ уже въ XVII в., когда рядомъ съ отмѣченными поводами выдвинулись на сцену и многіе другіе.

Понятно, что члены парламента могли безпрепятственно осуществлять его права и тѣмъ самымъ исполнять свои обязанности лишь подъ условіемъ личной неприкосновенности и свободы рѣчи. Особое положеніе лордовъ создавало для нихъ въ обоихъ отношеніяхъ нѣкоторыя привилегіи, мало-по-малу перенесшіяся и на коммонеровъ. Обыкновенно въ началѣ каждой сессіи выбранный палатою общинъ спикеръ обращался къ королю съ просьбою подтвердить всѣ прежнія привилегіи членовъ палаты. Отказа въ этомъ не было, кажется, никогда, хотя нисколько не мѣшало королямъ нарушать установившіеся обычаи. Все зависѣло отъ личности короля, сильнаго или слабаго, да отъ общаго настроенія общества. Даже самъ парламентъ со времени войны двухъ розъ сдѣлался покорнымъ орудіемъ въ рукахъ королевской власти, а объ отдѣльныхъ лицахъ и говорить нечего. До конца XVI в. повѣрка правильности выборовъ была поручаема королевскимъ чиновникамъ, а не самой палатѣ, чего она тоже добивалась. Правда, возможность ареста членовъ парламента обусловливалась лишь его на то согласіемъ, и сама палата могла одна исключать и наказывать своихъ провинившихся членовъ, но о полной свободѣ рѣчи въ парламентѣ въ то время еще не думали, а съ другой стороны, сколько исторія XVI и XVII в. знаетъ примѣровъ ареста членовъ парламента только за рѣчи, не понравившіяся королю.

Война алой и бѣлой розы, продолжавшаяся три десятилѣтія (1455—1485), нанесла сильный ударъ парламенту. Это была борьба двухъ династическихъ и аристократическихъ партій, изъ которыхъ каждая, когда ей доставалась побѣда, собирала свой парламентъ, подвергала противниковъ казнямъ, тюремному заключенію, изгнанію, конфискаціи имуществъ и совершала всякія другія насилія: въ эту эпоху и возникъ «bill of attainder», бывшій отличнымъ орудіемъ деспотизма, отнюдь, конечно, не свободы. Война алой и бѣлой розы, далѣе, была чисто феодальнымъ междоусобіемъ, въ которомъ гибли на поляхъ битвъ и на эшафотахъ, отъ ранъ и отъ болѣзней въ большомъ количествѣ члены правящаго класса, исчезали съ лица земли многія старинныя дворянскія фамиліи, такъ называемый цвѣтъ общества. Число свѣтскихъ лордовъ, засѣ-

давшихъ въ парламентѣ, за это время сильно уменьшилось, а, какъ-никакъ, въ нихъ-то была значительная доля былой силы не одной верхней палаты. Наконецъ, анархія прямо-таки утомила націю, и та стала жаждать прежде всего порядка и сильной власти, которая одна могла бы вывести страну изъ этой анархіи. Были, впрочемъ, потомъ и другія причины, приводившія къ ослабленію парламента [1]). Поэтому съ средины XV в. онъ сталъ, какъ мы видѣли, созываться рѣже [2]), ростъ правъ его остановился, и даже эти права какъ бы пошли на убыль. Его, однако, не постигла судьба французскихъ генеральныхъ штатовъ, и въ томъ, что короли все-таки продолжали его созывать, хотя и пользуясь имъ со вступленія на престолъ Тюдоровъ, какъ однимъ изъ орудій своего деспотизма,—былъ залогъ его будущаго воскресенія къ новой жизни. Послѣ временнаго упадка при Тюдорахъ, съ восшествіемъ на престолъ династіи Стюартовъ парламентъ возобновилъ свою старую борьбу съ королевскою властью, стремившеюся къ абсолютизму. Съ Ричарда II (1377—1399), при которомъ впервые принципіально и ребромъ былъ поставленъ вопросъ объ абсолютизмѣ и роли представительства въ Англіи, до Стюартовъ, возобновившихъ этотъ вѣковой споръ въ столь же рѣзкой и непримиримой постановкѣ, въ теченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ оставались нерѣшенными многіе вопросы о взаимныхъ отношеніяхъ королевской власти и парламента. Въ XVII вѣкѣ ихъ пришлось рѣшать двумъ революціямъ и даже отстаивать за парламентомъ тѣ права, которыя онъ могъ считать безспорными въ срединѣ XV столѣтія. Въ концѣ концовъ верхъ одержалъ парламентъ, какъ и прежде, благодаря солидарности, царствовавшей между націей и ея представительствомъ, между обѣими палатами парламента, между общественными классами, бывшими въ нихъ представленными. Правда, въ первой революціи дѣло не обошлось безъ междоусобія, раздѣлившаго націю на два враждебныхъ лагеря и даже страну на двѣ враждебныя территоріи, но во второй революціи мы поражаемся общею національною солидарностью, сдѣлавшею невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе Іакова II на престолѣ. Изъ борьбы съ абсолютизмомъ вышелъ побѣдителемъ парламентъ, и это случилось какъ-разъ въ

[1]) См. ниже, въ главѣ XXIII.

[2]) См. выше, стр. 273.

то самое время, когда во Франціи, наоборотъ, царствовалъ самый типичный представитель абсолютизма.

Съ рѣшеніемъ этого вѣкового спора средневѣковой англійскій парламентъ превратился въ парламентъ современный.

ГЛАВА XII.

Очеркъ сословно-представительныхъ учрежденій въ другихъ странахъ.

Французскіе генеральные штаты и англійскій парламентъ, какъ два противоположно-крайніе члены ряда западныхъ сословно-представительныхъ учрежденій.—Кастильскіе и арагонскіе кортесы.—Сравненіе между германскимъ рейхстагомъ и французскими генеральными штатами.—Земскіе сеймы въ нѣмецкихъ княжествахъ и въ Чехіи.—Нидерландскіе генеральные штаты.—Венгерскій государственный сеймъ.—Государственные чины въ скандинавскихъ королевствахъ.—Особенности польскаго сейма.—Насколько соотвѣтствуютъ сословно-представительному устройству сеймы великаго княжества Литовскаго и земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ?

Въ трехъ послѣднихъ главахъ мы остановились болѣе подробно изъ всѣхъ средневѣковыхъ сословно представительныхъ учрежденій Запада, на французскихъ генеральныхъ штатахъ и на англійскомъ парламентѣ, какъ на двухъ яркихъ противоположностяхъ въ общемъ ряду другихъ подобныхъ учрежденій [1]). Мы видѣли, въ чемъ заключалась эта противоположность, и повторять то, что было здѣсь сказано, не будемъ. Достаточно только напомнить, что изъ всѣхъ средневѣковыхъ представительныхъ учрежденій, наиболѣе успѣшнымъ опытомъ участія общественныхъ элементовъ въ государственныхъ дѣлахъ оказался англійскій парламентъ, однимъ изъ наименѣе успѣшныхъ, если не сказать — самымъ неуспѣшнымъ — французскіе генеральные штаты. Остальныя учрежденія этой категоріи, общій обзоръ которыхъ мы теперь сдѣлаемъ, размѣщаются между двумя названными крайними членами ряда.

---

[1]) См. выше, стр. 224—225 и 249—252.

На первое мѣсто въ этомъ обзорѣ мы ставимъ сословно-представительныя учрежденiа на Пиренейскомъ полуостровѣ, какъ вообще возникшiя раньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, въ XIII — XV вв. здѣсь было вообще три главныхъ государства: Кастилія (и Леонъ), занимавшая большую часть полуострова, всю его середину отъ сѣвернаго берега полуострова до южнаго, и по бокамъ отъ нея со стороны восточнаго берега Арагонъ (и Каталонія), со стороны западнаго—Португалія. Потомъ Кастилія и Арагонъ слились въ одну Испанскую монархію, но уже абсолютную, безъ всякой силы сословнаго представительства, которое не удержалось и въ Португаліи. Какъ и вездѣ, въ пиренейскихъ государствахъ образованію сословно-представительныхъ учрежденій предшествовали государственные сеймы болѣе ранней формаціи и восходящіе еще къ соборамъ Вестготской монархіи, но настоящимъ образомъ можно говорить о кортесахъ лишь съ появленія на нихъ представителей городовъ. XII и XIII столѣтія были эпохой наибольшаго развитія городского быта въ Кастильской монархіи. Здѣсь каждая городская коммуна (communidad) была отдѣльною политической единицей, въ составъ которой, кромѣ самого города, входили и окружавшія его населенныя мѣста: она имѣла свой выборный городской совѣтъ, выборные судъ и администрацію, свою собственную милицію, сама завѣдовала своими хозяйственными дѣлами и т. п., словомъ, пользовалась тѣмъ, что на Пиренейскомъ полуостровѣ обозначалось словомъ fueros [1]). Это были какъ бы маленькія республики съ довольно демократическимъ строемъ, съ равенствомъ всѣхъ жителей передъ закономъ, съ всеобщимъ и прочнымъ голосованіемъ при избраніи должностныхъ лицъ общины. Такія права кастильскія общины пріобрѣли, благодаря своей военной организаціи въ борьбѣ съ маврами, у которыхъ цѣлыми вѣками пришлось отвоевывать страну, а кромѣ того, города получали свои *фуэро* и отъ королей, видѣвшихъ въ нихъ лучшихъ союзниковъ противъ могущественной и непокорной свѣтской и духовной знати. Когда, однако, аристократическіе элементы страны были достаточно ослаблены, приблизительно въ началѣ XV в., королевская политика приняла

---

[1]) Множ. число отъ fuero (лат. forum, получившее въ Испаніи значеніе суда, права, потомъ привилегій и вольностей).

иное направленіе, уже неблагопріятное для муниципальныхъ вольностей. Однимъ изъ факторовъ, поддерживавшихъ политическое значеніе городовъ, были съ конца XIII в. такъ называемыя *германдады*, союзы городовъ въ отдѣльныхъ частяхъ монархіи съ прямою цѣлью охраны *fueros'*овъ отъ всякихъ покушеній со стороны короля и знати. Случалось, что частные союзы объединялись въ общую германдаду, но вообще это движеніе не отличалось прочностью, и о серединѣ XVI в. можно говорить, какъ объ эпохѣ уже упадка германдадъ.

Кастильскіе города такимъ образомъ составляли демократическій противовѣсъ аристократическимъ сословіямъ высшаго духовенства и дворянства. Роль перваго изъ этихъ двухъ сословій, весьма значительная въ IX — X вв., когда духовенство придавало самимъ народнымъ соборамъ теократическую окраску, затѣмъ начавшая склоняться къ упадку въ XI—XII столѣтіяхъ, въ интересующую насъ эпоху была второстепенною сравнительно съ ролью свѣтской знати. Кастильское дворянство, въ высшихъ слояхъ котораго съ XIV в. охотно начинаютъ титуловаться по французскому образцу герцогами, графами, маркизами, виконтами, не достигло того положенія, какимъ пользовались французскіе феодальные сеньёры, не обладало суверенитетомъ и верховной юрисдикціей, хотя каждый *грандъ* имѣлъ право воевать не только съ другими грандами, но и съ самимъ королемъ. У кастильскихъ грандовъ не было, кромѣ того, развито чувство сословной солидарности: каждый былъ самъ по себѣ и стоялъ самъ за себя, общей же дворянской организаціи въ параллель къ городскимъ германдадамъ не было. Это имѣло своимъ результатомъ, что, вступивъ въ концѣ XII в. въ кортесы, представители городовъ съумѣли сдѣлать это учрежденіе главнымъ образомъ орудіемъ муниципальныхъ интересовъ и стремленій въ ущербъ дворянству и духовенству, во всякомъ случаѣ были главною силою сословнаго представительства,— явленіе, котораго мы не наблюдаемъ въ другихъ странахъ, гдѣ обыкновенно какъ-разъ горожане на государственныхъ сеймахъ играли второстепенную и даже подчиненную роль [1]).

[1]) Второстепенную въ Англіи (см. стр. 267), подчиненную во Франціи (см. стр. 247), а въ Польшѣ и совсѣмъ не было горожанъ.

XIII столѣтіе и большая часть слѣдующаго вѣка и были эпохой наибольшаго процвѣтанія муниципальныхъ вольностей и кортесовъ, При Іоаннѣ I (1379 — 90) горожане занимали четыре мѣста въ королевскомъ совѣтѣ, бывшемъ въ это время чѣмъ-то въ родѣ депутаціи кортесовъ, и имъ хотѣлось даже совершенно вытѣснить оттуда представителей другихъ сословій присутствовавшихъ въ королевскомъ совѣтѣ въ томъ же числѣ. Подобныя притязаніи горожанъ и повлекли за собою сближеніе королевской власти съ грандами. Короли стали пользоваться всѣми поводами, чтобы вмѣшиваться во внутреннія дѣла коммунъ, оказывать давленіе на муниципальные выборы, вліять, вплоть до подкуповъ, на избраніе депутатовъ въ кортесы, въ то самое время, когда въ самихъ городахъ искажался первоначальный демократическій строй, и какъ муниципальныя должности, такъ и депутатскія мѣста въ кортесахъ монополизировались въ рукахъ немногихъ знатныхъ фамилій. Дѣло въ томъ, что благодаря политическому значенію городовъ, не только простые *hidalgos* (дворяне), но даже и гранды стали переселяться въ города и добиваться тамъ муниципальныхъ должностей, что̀ внесло большія измѣненія во внутреннюю жизнь прежнихъ демократическихъ общинъ. Съ другой стороны, уже со второй половины XIV в. короли начали отчуждать домены въ пользу церкви и дворянства, и нѣкоторые города, стоявшіе раньше въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ королю, получили духовныхъ и свѣтскихъ сеньёровъ, считавшихъ себя ихъ естественными представителями въ кортесахъ. Наконецъ, такъ какъ разсылка пригласительныхъ грамотъ въ кортесы входила въ число королевскихъ прерогативъ, то ослабить значеніе городского представительства оказалось возможнымъ и путемъ сокращенія числа приглашаемыхъ коммунъ. Сами кортесы приложили къ этому руку, постановивъ, въ 1480 г., чтобы впредь депутатовъ присылали лишь 17 городовъ, къ которымъ впослѣдствіи была присоединена еще завоеванная у мавровъ въ 1492 г. Гренада. Между привилегированными и непривилегированными городами создалось этимъ соперничество, также эксплуатировавшееся королями въ интересахъ усиленія ихъ власти. Тѣмъ не менѣе и въ эпоху упадка муниципальной жизни города̀ продолжали играть первенствующую роль въ кортесахъ, что̀ доказывается, между прочимъ, постепеннымъ исчезновеніемъ изъ этого учрежденія

представителей высшихъ сословій, — фактъ, опять-таки въ высшей степени своеобразный.

Другая бѣда кастильскихъ кортесовъ заключалась въ томъ, что они не выработали себѣ правильной организаціи, что въ нихъ не были регламентированы ни ихъ составъ, ни сроки собраній, ни порядокъ веденія дѣлъ: вѣдь это открывало передъ королями возможность полнаго произвола приглашать или не приглашать отдѣльныхъ лицъ и цѣлые, какъ мы видѣли, города, созывать или не созывать кортесы и съуживать участіе сословныхъ представителей въ законодательствѣ, въ установленіи налоговъ и въ рѣшеніи разныхъ политическихъ вопросовъ.

Другимъ королевствомъ на Пиренейскомъ полуостровѣ было Арагонское, съ которымъ находились въ соединеніи Валенсія (тоже королевство) и Каталонія (княжество), ревниво охранявшія свою отдѣльность, такъ что когда, случалось, созывались одновременно и въ одно мѣсто сословные представители этихъ трехъ соединенныхъ государствъ, то они никогда не засѣдали вмѣстѣ, а то или другое сословіе каждаго изъ государствъ — совершенно отдѣльно. Первенствующимъ арагонскимъ сословіемъ было дворянство, весьма богатое, необычайно сплоченное въ сильную сословную корпорацію. Высшій слой этого дворянства представлялъ настоящую феодальную знать съ широкими административными и судебными правами надъ населеніемъ ихъ земель, съ не менѣе широкими привилегіями по отношенію къ королю, которому дворяне могли объявлять войну, котораго могли даже низлагать, чтобы выбрать новаго, но непремѣнно изъ арагонской же знати. Если такъ называемая «генеральная привилегія», своего рода подобіе Великой хартіи, изданная королемъ Петромъ III въ 1283 г., ставила подъ охрану закона личность и имущество всѣхъ арагонскихъ сословій, то другая такая же хартія, дарованная Альфонсомъ III въ 1287 г. и извѣстная подъ названіемъ «Привилегіи уніи», прямо признавала за дворянствомъ право защищать свои привилегіи и вольности съ оружіемъ въ рукахъ. Только послѣ того, какъ одно дворянское возстаніе было побѣждено королемъ, имѣвшимъ въ данномъ случаѣ на своей сторонѣ сочувствіе и поддержку народа, указанная привилегія была отмѣнена послѣ полувѣкового существованія въ качествѣ одного изъ основныхъ законовъ королевства (1348). Въ арагонскихъ кортесахъ только

формально первенство принадлежало духовенству, составлявшему первое *brazo* кортесовъ, но зато дворянство имѣло двойное представительство, составляя два *brazos*, одно изъ представителей высшаго дворянства, другое—изъ низшаго. Наконецъ, четвертымъ чиномъ были представители городовъ, хотя и пользовавшихся, какъ и въ Кастиліи, самоуправленіемъ, но не такимъ широкимъ, также заключавшихъ между собою германдады, но безъ такого важнаго значенія, какое принадлежало кастильскимъ городскимъ союзамъ: мѣсто послѣднихъ занимали здѣсь дворянскія конфедераціи.

Арагонскіе кортесы выработали себѣ болѣе опредѣленныя и прочныя формы, чѣмъ то можно сказать о кастильскихъ. Вступая на престолъ, новый король обязанъ былъ присягать въ томъ, что будетъ соблюдать права, привилегіи и вольности королевства (fueros), и присяга подданныхъ въ вѣрности приносилась королю только послѣ этого акта. Измѣненіе старыхъ законовъ и изданіе новыхъ возможно было только съ согласія всѣхъ четырехъ чиновъ (brazos), и несогласіе хотя бы одного изъ нихъ останавливало все дѣло, что̀ сильно тормазило законодательство: не даромъ на каждый законъ, принятый кортесами, смотрѣли, какъ на какое-то чудо, но въ сущности и здѣсь примѣнялся тотъ же принципъ, что и въ Англіи, гдѣ для каждаго закона требовалось согласіе обѣихъ палатъ. Кортесы, далѣе, могли принимать жалобы не только на министровъ, но и на самого короля, послѣ чего разбирать ихъ долженъ былъ верховный судья Арагона (justicia mayor de Aragon), и постановленное имъ рѣшеніе голосовалось потомъ въ кортесахъ. Срокъ созыва кортесовъ былъ разъ въ два года, а въ перерывахъ роль замѣстительницы играла такъ называемая «депутація королевства», состоявшая изъ восьми членовъ, избиравшихся по два въ каждомъ *brazo* передъ роспускомъ кортесовъ. Этотъ комитетъ уполномоченныхъ отъ кортесовъ, собиравшійся ежедневно, имѣлъ своею задачею не только охрану вольностей королевства отъ всякихъ на нихъ посягательствъ, но и завѣдываніе государственной казной. Когда въ 1348 г. была отмѣнена анархическая «Привилегія уніи», особая забота о соблюденіи арагонской конституціи была возложена на существовавшую и раньше должность верховнаго судьи. Она замѣщалась по королевскому назначенію, и до 1441 г. король могъ еще отрѣшать верховнаго судью отъ

этой должности, но потомъ она сдѣлалась пожизненною. Права верховнаго судьи нѣкоторыми сравнивались съ правами спартанскихъ эфоровъ или римскихъ трибуновъ плебса, но и самъ «хустисія» находился подъ надзоромъ особыхъ «инквизиторовъ», выбиравшихся по жребію въ количествѣ одного отъ каждаго изъ четырехъ *brazos* королевства: обязанность ихъ была слѣдить за дѣйствіями этого сановника и докладывать о нихъ кортесамъ, сохранявшимъ за собою право подвергать и его своему суду. Этотъ очеркъ арагонской конституціи показываетъ, что маленькое королевство въ восточной части Пиренейскаго полуострова пользовалось болѣе широкою политическою свободою, чѣмъ сама Англія, но свобода эта, съ другой стороны, какъ и въ Кастиліи, оказалась не особенно прочною [1]).

Въ 1469 г. наслѣдница кастильской короны Изабелла вышла замужъ за арагонскаго инфанта Фердинанда, что̀ и подготовило сліяніе обоихъ этихъ королевствъ въ единую Испанскую монархію, завершившееся при внукѣ ихъ, Карлѣ I (Карлъ V, какъ «римскій императоръ»). Это было уже началомъ упадка кортесовъ [2]).

Въ средневѣковой Германіи собранія чиновъ бывали двоякаго рода: общій сеймъ для всей имперіи, или *рейхстагъ* и мѣстные сеймы въ отдѣльныхъ земляхъ, т.-е. княжествахъ, *ландтаги* [3]). Отнюдь не слѣдуетъ думать, чтобы германскіе рейхстагъ и ландтаги вполнѣ соотвѣтствовали французскимъ генеральнымъ и провинціальнымъ штатамъ, хотя и можно проводить аналогію между общими и мѣстными собраніями

---

[1]) Въ каталонскихъ кортесахъ депутаты отъ городовъ появились въ началѣ XII в., но постояннымъ ихъ участіе сдѣлалось только съ конца вѣка (1283), когда было рѣшено созывать кортесы ежегодно, какъ собраніе трехъ чиновъ. И здѣсь король приносилъ присягу въ соблюденіи *fueros*'овъ, равно какъ и здѣсь безъ кортесовъ нельзя было издавать законовъ, налагать подати и т. п. Аналогичный характеръ имѣли и валенсійскіе кортесы. Что касается до Португаліи, то она имѣла тоже свои кортесы, гдѣ городскіе представители появляются впервые въ серединѣ XIII вѣка.

[2]) См. въ главѣ XXIV.

[3]) Ср. выше, стр. 145, 147 и 203. И теперь общій парламентъ всей Германіи называется рейхстагомъ, а парламенты отдѣльныхъ государствъ, составляющихъ Германію, ландтагами.

чиновъ въ обѣихъ странахъ. Разница заключается въ томъ, что историческіе процессы, совершавшіеся въ Германіи и во Франціи, были діаметрально противоположными. Въ то время, какъ Франція изъ федераціи феодальныхъ сеньёрій и княжествъ все болѣе и болѣе превращалась въ единое королевство, Германія, наоборотъ, изъ относительно единаго государства все болѣе и болѣе превращалась въ федерацію крупныхъ и мелкихъ княжествъ. Если на первыхъ порахъ генеральные штаты и были въ нѣкоторомъ родѣ конгрессомъ самостоятельныхъ государей, между которыми была раздѣлена власть надъ территоріей страны, то все-таки не это было характернымъ признакомъ ихъ дальнѣйшаго развитія. Наоборотъ, характерная особенность развитія рейхстага именно въ томъ и заключается, что по мѣрѣ дезинтеграціи, совершавшейся въ Германіи, онъ все болѣе и болѣе становился изъ аристократическаго сейма единой феодальной монархіи подобіемъ международнаго конгресса самостоятельныхъ государей и городовыхъ республикъ. Поэтому и въ отношеніяхъ мѣстныхъ сеймовъ къ общему сейму заключается разница: французскіе провинціальные штаты были именно учрежденіями областного характера въ сначала объединяющемся, а потомъ и вполнѣ объединенномъ государствѣ, тогда какъ ландтаги являлись съ характеромъ не областныхъ, а именно государственныхъ сеймовъ для отдѣльныхъ княжествъ, на которыя мало-по-малу распалась страна. Рейхстагъ, въ концѣ своего существованія, это—уже до извѣстной степени международный конгрессъ; ландтаги въ качествѣ государственныхъ сеймовъ въ отдѣльныхъ княжествахъ, это—то же самое, что генеральные штаты во Франціи, парламентъ въ Англіи, кортесы въ отдѣльныхъ королевствахъ Пиренейскаго полуострова, а въ такомъ случаѣ и французскіе провинціальные штаты будутъ соотвѣтствовать не нѣмецкимъ ландтагамъ, а, напримѣръ, собраніямъ въ отдѣльныхъ англійскихъ шэйрахъ. Ни въ отдѣльномъ шэйрѣ Англіи, ни въ отдѣльной области Франціи, разъ она была королевскимъ доменомъ, не было своего особаго, мѣстнаго государя, и ни англійскія, ни французскія областныя собранія не созывались какими-либо мѣстными монархами, каковые въ Германіи были, наоборотъ, подъ общимъ названіемъ князей и особыми—курфюрстовъ, герцоговъ, графовъ, маркграфовъ, ландграфовъ, равно какъ архіепископовъ, епископовъ и аббатовъ. Германія, взятая въ

цѣломъ, не была даже сословной монархіей: изъ феодальной монархіи она превратилась въ странную федерацію, которую государствовѣды XVII — XVIII вв. даже затруднялись подвести подъ какую-либо изъ извѣстныхъ въ политической наукѣ категорій, сословными же монархіями въ Германіи были отдѣльныя княжества, на которыя она распалась. Правда, съ другой стороны, и князья съ имперскими городами считались тоже сословіями, чинами, Stände, какъ и духовенство, дворянство и бюргерство въ отдѣльныхъ земляхъ, и первые только были *имперскими чинами*, *Reichsstände*, другіе же — *земскими чинами*, *Landstände*, но въ данномъ случаѣ мы употребляемъ одинъ и тотъ же терминъ *чинъ*, Stand въ несовсѣмъ одинаковомъ смыслѣ. Имперскіе чины, это было, такъ сказать, сословіе государей, земскіе чины—совокупность сословій, находившихся въ подданствѣ у этихъ государей. Сначала въ отдѣльныхъ княжествахъ монархическая власть, въ нихъ установившаяся, была ограниченная, потомъ сдѣлалась абсолютной, и въ первый изъ этихъ двухъ періодовъ ограничивали власть князей земскіе чины, собиравшіеся въ лицѣ своихъ представителей на ландтаги.

Конечно, все, что выше сказано о средневѣковомъ германскомъ рейхстагѣ, относится къ тѣмъ вѣкамъ, когда въ имперіи образовались отдѣльныя княжества съ самостоятельными сословно-представительными учрежденіями, начало которыхъ слѣдуетъ отнести къ XIV вѣку. На рейхстагъ болѣе ранней эпохи, особенно на имперскіе сеймы до великаго междуцарствія эта характеристика не распространяется, да и окончательное превращеніе рейхстага въ съѣздъ представителей верховной власти въ отдѣльныхъ земляхъ (съ 1661 г. не самихъ носителей этой власти, а ихъ пословъ) относится къ той эпохѣ, когда ландтаги были уже учрежденіями отцвѣтшими, притомъ отцвѣтшими не въ пользу единства Германіи и авторитетности ея рейхстага, а въ пользу княжескаго абсолютизма [1]). Во всякомъ случаѣ, рейхстагъ не былъ и въ эпоху бо̀льшаго единства Германіи сословно представительнымъ учрежденіемъ въ усвоенномъ нами смыслѣ слова:

---

[1]) По затронутому здѣсь предмету отсылаю, кромѣ стр. 144—148 этой книги, къ моей «Исторіи Западной Европы въ новое время», гдѣ соотвѣтственный матеріалъ можно найти въ т. I, гл. 11, т. II, гл. 2 и 13 и т. III, гл. 4.

князья засѣдали въ немъ не какъ представители, а по личному праву въ качествѣ вельможъ государства, сдѣлавшихся потомъ даже государями, а послы городовъ являлись тамъ не столько представителями всего бюргерскаго сословія, сколько уполномоченными отдѣльныхъ городовыхъ республикъ и, слѣдовательно, въ сущности, представителями мѣстной государственной власти.

На основаніи такого пониманія дѣла мы имѣемъ полное право, разсматривая учрежденія сословной монархіи въ Германіи, болѣе не касаться имперскаго сейма, значеніе котораго было совсѣмъ иное, а говорить только о земскихъ сеймахъ въ отдѣльныхъ княжествахъ.

Наибольшая интенсивность процесса, приведшаго Германію къ «мелкодержавію» (Kleinstaaterei) приходится на четыре столѣтія, протекшія отъ великаго междуцарствія средины XIII в. до окончанія тридцатилѣтней войны въ серединѣ XVII в. (начало междуцарствія въ 1254 г., конецъ тридцатилѣтней войны въ 1648 г.). Въ эту же эпоху возникли въ Германіи, развились и успѣли отцвѣсти и земскіе сеймы, позволяющіе намъ смотрѣть на нѣмецкія княжества эпохи, какъ на маленькія сословныя монархіи. Такой же сословной монархіей была въ тѣ времена и славянская Чехія, въ политическомъ отношеніи входившая въ составъ «Священной Римской имперіи германской націи», имѣвшая собственнаго короля, который считался въ числѣ первыхъ семи, наиболѣе важныхъ князей имперіи [1]), и даже стоявшая во главѣ всей Германіи, когда носителемъ императорской короны былъ король чешскій, а не другой какой-либо имперскій князь [2]).

Нѣмецкіе земскіе сеймы возникли преимущественно въ XIV в. и достигли наибольшаго значенія къ серединѣ слѣдующаго столѣтія. Подобно тому,—какъ это наблюдается и по отношенію къ французскимъ провинціальнымъ штатамъ,—ландаги стали организоваться въ разныхъ областяхъ Германіи не въ одно и то же время, и опять-таки, какъ во Франціи,

---

[1]) Семь *курфюрстовъ* (*Kurfürsten*), или избирателей (electores), выбиравшихъ императора. Ср. выше, стр. 147.

[2]) Въ началѣ XIV в. въ Чехіи воцарилась Люксембургская династія, къ которой принадлежали Карлъ IV, Вацлавъ и Сигизмундъ, занимавшіе римско-германскій императорскій престолъ между 1346 и 1437 гг.

въ которой границы отдѣльныхъ провинцій не сразу установились, а потому и мѣстныя собранія были учрежденіями, колеблющимися въ отношеніи подвѣдомственныхъ имъ территорій,—совершенно такъ же и въ Германіи происходили частыя измѣненія въ сферѣ дѣйствія и самомъ составѣ земскихъ сеймовъ. Въ общемъ въ ландтагахъ, какъ и въ другихъ аналогичныхъ учрежденіяхъ, участвовали *духовенство, земское дворянство (Landesadel)* и представители *земскихъ городовъ (Landstädte)*. Каждый князь былъ посредственнымъ чиномъ имперіи, земскіе чины стояли къ ней въ непосредственныхъ отношеніяхъ, внутри же самого княжества они играли роль трехъ сословій, безъ согласія которыхъ мѣстный государь, *земскій державецъ (Landesherr)*, какъ его называли, не могъ измѣнять старые законы или издавать новые, устанавливать налоги и вообще предпринимать что-либо важное. Такимъ образомъ власть князей была ограниченною двояко, т.-е. и сверху, со стороны общеимперскихъ учрежденій,— особая черта германскаго государственнаго устройства,—и снизу, собственнымъ сословнымъ представительствомъ, какъ и въ другихъ государствахъ этого времени. Первое обстоятельство вносило извѣстное осложненіе во взаимныя отношенія князей и земскихъ чиновъ, такъ какъ надъ ними всѣми существовала высшая инстанція, къ которой можно было обращаться съ жалобами на княжескія притѣсненія, но это опять-таки вытекало изъ особенностей государственнаго устройства Германіи, а не изъ самаго существа сословной монархіи. Понятно, что при крайней пестротѣ нѣмецкихъ княжествъ въ смыслѣ и величины ихъ, и состава населенія, и другихъ внутреннихъ отношеній не вездѣ ландтаги пользовались одинаковымъ значеніемъ [1]), но о томъ, что многіе

---

[1]) Въ составѣ ихъ были тоже мѣстныя и временныя отличія. Напр., одно время духовенство и дворянство, обыкновенно, засѣдали вмѣстѣ, но потомъ раздѣлились, а въ Саксоніи устанавливалось даже подобіе двухъ англійскихъ палатъ: господъ (Herren) изъ высшаго духовенства и высшаго дворянства и другой палаты изъ представительства рыцарей и городовъ. Послѣдніе были вообще представлены своими должностными лицами. Въ Фрисландіи въ составѣ третьяго чина были даже представители крестьянства, лучше чѣмъ гдѣ-либо сохранившаго личную свободу и сельское самоуправленіе. Тироль тоже имѣлъ крестьянскихъ представителей и даже въ видѣ особой

изъ нихъ играли видную роль, свидѣтельствуетъ хоть бы то, что въ XVI вѣкѣ религіозная реформація, получившая въ Германіи вообще монархическій характеръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вводилась съ согласія земскихъ чиновъ, какъ это тогда же было и въ Швеціи съ Даніей, и въ Англіи.

Ограничимся этими общими свѣдѣніями о германскихъ ландтагахъ, чтобы остановиться нѣсколько подробнѣе на государственномъ сеймѣ Чехіи. Онъ заслуживаетъ особаго вниманія, во-первыхъ, потому, что Чехія, съ которою были соединены Моравія, Силезія и Лузація, представляла собою большое государство, въ сравненіе съ коимъ не могло итти ни одно изъ нѣмецкихъ княжествъ; во-вторыхъ, въ виду того, что это было государство славянское съ формами быта, отличными отъ господствовавшихъ въ Германіи, и, наконецъ, вслѣдствіе особаго развитія, какое получили политическія права тамошняго сейма.

Чехія была одною изъ немногихъ славянскихъ странъ, гдѣ мы встрѣчаемся съ формами, тожественными съ западноевропейскимъ феодализмомъ или очень съ нимъ близкими [1]). Здѣсь уже въ XII в. наблюдаются всѣ тѣ учрежденія, сочетаніе которыхъ въ одно, такъ сказать, цѣлое и составило феодальную систему. Въ XIII в. въ странѣ прямо стали вводиться нѣмецкія феодальныя установленія, особенно же перенесеніемъ на чешскую почву феодальныхъ формъ, выработавшихся къ тому времени въ Германіи, отличалось въ исторіи этой страны XIV столѣтіе. Можно сказать, что съ указанной эпохи въ Чехіи водворилось ленное право нѣмецкаго происхожденія, и что въ ней существовалъ настоящій феодъ германскаго образца (feudum verum secundum jus theutonicum). Какъ и вездѣ на Западѣ, чешскіе паны въ XIV в. вели борьбу, съ одной стороны, съ королевскою властью, съ

палаты. Въ Ольденбургѣ, вмѣсто сейма, князь договаривался о налогахъ непосредственно съ отдѣльными общинами. Депутаты связаны были инструкціями отъ пославшихъ ихъ мѣстностей, и кто былъ несогласенъ съ принятымъ рѣшеніемъ, могъ покинуть собраніе. Сначала требовалось единогласіе; но потомъ установился принципъ большинства, хотя и позднѣе кое-гдѣ города объявляли, что рѣшеніе двухъ высшихъ чиновъ ихъ не связываетъ.

[1]) Другая страна—Литовско-Русское государство, о чемъ см. въ приложеніи III.

другой—съ городами. Когда въ началѣ этого столѣтія прекратилась національная династія Пржемысловичей, паны выбрали на престолъ четырнадцатилѣтняго мальчика, сына тогдашняго императора Генриха VII Люксембургскаго, обязавъ своего молодого короля дать грамоту, ограничивавшую его права (1310). Новая династія особенно усердно и насаждала въ Чехіи нѣмецкое право, содѣйствовавшее усиленію знати, но къ этой же эпохѣ относится и превращеніе ея въ сословную монархію. Чешскій сеймъ состоялъ изъ высшаго духовенства, шляхты и горожанъ, причемъ прелаты и «паны», такъ называлась высшая шляхта, засѣдали въ немъ поголовно, т.-е. по личному праву, а низшая шляхта, такъ называемые «владыки», и мѣщане посылали сюда своихъ представителей. Какъ и въ другихъ странахъ, это учрежденіе развилось изъ болѣе раннихъ съѣздовъ духовенства и дворянства, благодаря присоединенію къ нимъ городскихъ депутатовъ, что̀ въ Чехіи случилось въ первый разъ въ 1281 г.

Впрочемъ, при первомъ же королѣ Люксембургской династіи, Іоаннѣ, представители мѣщанства на общія собранія не приглашались, а устраивались особые съѣзды городскихъ депутатовъ для вотированія налоговъ. Подъ вліяніемъ гуситскаго движенія, во время котораго высшія церковныя должности подолгу оставались незанятыми, а церковныя имѣнія захватывались шляхтою, духовенство мало-по-малу лишилось своего политическаго значенія, но зато въ эту эпоху произошло рѣзкое дифференцированіе шляхты на пановъ и владыкъ и проявилось сильное стремленіе первыхъ захватить исключительно въ свои руки все управленіе государствомъ. Въ концѣ XIV в. паны-олигархи даже силою принудили своего короля Вацлава особою грамотою дать обѣщаніе управлять страною лишь при непосредственномъ участіи панскаго совѣта, назначать на высшія должности только пановъ, отнюдь не владыкъ и мѣщанъ, и не допускать членовъ этихъ двухъ сословій въ высшій земскій судъ, бывшій постоянной делегаціей сейма (1395), и только при Сигизмундѣ I была сдѣлана уступка въ видѣ допущенія въ названный судъ въ ограниченномъ количествѣ и владыкъ. Усиленію сейма и олигархическихъ правъ высшей шляхты много способствовало то, что чехамъ въ XIV и XV вѣкахъ не разъ приходилось выбирать королей (1306, 1310, 1438, 1452, 1458, 1471), а въ сере-

динѣ XIV в. было даже очень продолжительное безкоролевье. (1439—1452). Слабую сторону составляли раздоры сословій на сеймѣ, бывшіе, конечно, отраженіемъ несогласій, существовавшихъ и въ самой націи помимо распрей между католиками и гуситами-утраквистами. Еще высшая и низшая шляхта приходили ко взаимнымъ соглашеніямъ, но они влекли за собою только ущербъ для мѣщанства. Въ 1500 г. паны и владыки сдѣлали даже попытку совсѣмъ исключить городскихъ представителей изъ сейма, что̀ вызвало со стороны городовъ сопротивленіе и привело даже къ войнѣ шляхты съ городами, отстаивавшими при этомъ и другіе свои интересы (торговыя и промышленныя привилегіи и самоуправленіе), которымъ представители обоихъ дворянскихъ сословій начали сильно вредить. Въ 1508 г. шляхта вынуждена была итти на уступки и признать за городами третій голосъ на сеймахъ, но по другимъ вопросамъ борьба продолжалась до 1517 г. Въ 1526 г. чехамъ опять пришлось выбирать себѣ короля, что̀ исполнила на этотъ разъ сеймовая коммиссія изъ 24 членовъ, по 8 отъ пановъ, владыкъ и мѣщанъ, и избранный на престолъ Габсбургъ, зять предпослѣдняго царствовавшаго передъ тѣмъ чешскаго короля (Владислава II), Фердинандъ I [1]), выдалъ государственнымъ чинамъ грамоту, заключавшую формальное признаніе, что вступилъ онъ на престолъ не по наслѣдственному праву, а вслѣдствіе его избранія на престолъ чинами [2]). При такомъ положеніи дѣлъ власть чешскаго короля, при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени мало чѣмъ отличалась отъ власти венеціанскаго дожа, будучи связана договорными статьями (*pacta conventa*) и постояннымъ стремленіемъ знати еще болѣе, гдѣ только можно было, обрѣзать королевскія права. Чины даже добивались того, чтобы имѣть право собираться безъ королевскаго созыва и чтобы рѣшенія, принятыя сеймомъ, записывались въ такъ называемыя «земскія доски», какъ законы, не нуждаясь въ какомъ-либо еще королевскомъ утвержденіи.

При всемъ томъ, однако, чешскій сеймъ, какъ это часто

---

[1]) Младшій братъ Карла V, который получилъ австрійскія владѣнія Габсбурговъ и былъ также выбранъ на венгерскій престолъ.

[2]) Впослѣдствіи, впрочемъ, онъ склонилъ чеховъ признать наслѣдственное право его фамиліи на чешскую корону.

бывало въ средніе вѣка, не имѣлъ строго опредѣленной конституціи: составъ его былъ весьма измѣнчивъ, а права большею частью не были закрѣпляемы твердыми законами. Отношеніе сейма къ областнымъ «съѣздамъ», какъ они по-чешски и назывались, оставалось тоже неяснымъ, и такъ какъ стало входить въ обычай, что съѣзды отъ себя делегировали пословъ на сеймъ, то послѣдній иногда не считалъ себя въ правѣ рѣшать дѣла, когда не изъ всѣхъ округовъ въ немъ были депутаты [1]). Въ отдѣльныхъ областяхъ, въ концѣ концовъ, знать прямо даже стала стремиться къ большей независимости отъ центральнаго представительства.

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ о чешскомъ государственномъ сеймѣ, можно главнѣйшими особенностями его развитія назвать: 1) исчезновеніе изъ числа чиновъ духовенства, 2) распаденіе дворянства на два чина, 3) весьма слабое, и даже прямо подвергавшееся опасности быть устраненнымъ, участіе городовъ, 4) очень большія права сейма по отношенію къ королевской власти при 5) недостаточно твердомъ его авторитетѣ въ отношеніи къ окружнымъ съѣздамъ. Того, что составляло силу англійскаго парламента, сліянія въ одной палатѣ низшаго дворянства и мѣщанства, съ одной стороны, и безусловнаго главенства центральнаго представительства надъ мѣстными организаціями, чешскому сейму какъ-разъ и недоставало. Паны, подѣлившіеся съ владыками частью своихъ привилегій, чтобы помѣшать ихъ сближенію съ мѣщанами, отнюдь вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣли отрекаться отъ своего вліянія на мѣстахъ въ пользу центральнаго собранія чиновъ.

Англія вообще, какъ мы видѣли, счастливо разрѣшала задачу объ установленіи нормальныхъ отношеній между государствомъ и его областями, что̀ отчасти объясняется и малыми размѣрами самой страны. Въ другихъ случаяхъ мы очень часто видимъ, какъ мѣстныя стремленія мѣшали центральному сословному представительству занять подобающее положеніе въ странѣ.

Теперь мы остановимся еще на одной сословно-представительной организаціи, имѣвшей безусловно федеративный

---

[1]) Въ этомъ отношеніи чешскому сейму грозила судьба польскаго на что, наприм., особенно напираетъ *E. Denis* въ — «Fin de l'indé pandence bohême».

характеръ. Въ XVI в. въ странѣ, носящей названіе Нидерландовъ, образовался подъ верховною властью Габсбургско-Бургундскаго дома конгломератъ 17 отдѣльныхъ княжествъ, бывшихъ маленькими сословными монархіями. Въ 1549 г. ихъ общій государь, императоръ Карлъ V, обнародовалъ актъ, въ силу котораго эти 17 провинцій сливались въ одно наслѣдственное владѣніе его дома, для чего требовалось уничтоженіе мѣстныхъ законовъ о престолонаслѣдіи: въ отдѣльныхъ княжествахъ были свои чины (штаты), и съ ними для этого нужно было вступить въ переговоры. Этимъ, однако, не создавалось единое государство, ибо попрежнему общій государь Нидерландовъ въ одномъ мѣстѣ. былъ герцогомъ брабантскимъ, въ другомъ—графомъ голландскимъ и т. п., и каждое княжество имѣло особое сословно-представительное учрежденіе, свои законы и т. д. Тѣмъ не менѣе по многимъ вопросамъ соединеннымъ провинціямъ пришлось устраивать общіе съѣзды, получившіе названіе *генеральныхъ штатовъ* (états généraux, Generalstaaten), оставшееся за ними и тогда, когда семь изъ этихъ провинцій заключили между собою сепаратную унію (1579), а затѣмъ вскорѣ объявили себя независимой республикой (1581) въ силу нарушенія государемъ его договора съ націей [1]). Одна изъ статей утрехтской уніи постановляла, что для объявленія войны, заключенія мира и введенія какого-либо налога или побора въ пользу цѣлаго нужно единогласное рѣшеніе всѣхъ провинцій союза, и что лишь остальные вопросы могутъ рѣшаться большинствомъ голосовъ. Для принятія общихъ постановленій на генеральные штаты просто-на-просто съѣзжались въ одинъ городъ всѣ мѣстные штаты (больше восьмисотъ человѣкъ), но потомъ была организована постоянная депутація отъ мѣстныхъ чиновъ, сохранившая названіе генеральныхъ штатовъ. Это не былъ государственный сеймъ, а скорѣе совѣтъ посланниковъ, соглашенія которыхъ должны были ратифицироваться ихъ государями, въ данномъ случаѣ мѣстными штатами, ибо члены генеральныхъ штатовъ ревниво оберегали суверенность пославшихъ ихъ областей. Вотъ нѣкоторымъ образомъ подобныя же стремленія обнаруживали нерѣдко и отдѣльныя провинціи единыхъ государствъ. Это—явленіе довольно распространенное въ средніе вѣка, и сами

---

[1]) См. выше, стр. 216—217.

государи, подъ властью которыхъ соединялись разрозненныя прежде области, обыкновенно не думали о томъ, чтобы путемъ установленія общихъ сеймовъ ихъ объединять. Напр., въ монархіи Гогенцоллерновъ, составившейся изъ маркграфства Бранденбургскаго, герцогства Прусскаго и другихъ болѣе мелкихъ княжествъ, существовали мѣстные ландтаги безъ всякаго объединенія въ общемъ сеймѣ [1]).

Остановимся еще и на венгерскомъ государственномъ сеймѣ [2]), который не постигла въ новое время судьба другихъ сословно-представительныхъ учрежденій на континентѣ. Начало конституціоннаго развитія Венгріи нужно отнести къ тому времени, когда въ 1222 г. изъ рукъ короля Андрея II она получила знаменитую «Золотую буллу» съ формальнымъ предоставленіемъ подданнымъ права возстанія въ случаѣ нарушенія королемъ законовъ страны. Мы знаемъ, что аналогичная статья была въ первоначальномъ текстѣ англійской Великой хартіи [3]), но при дальнѣйшихъ ея подтвержденіяхъ эта статья въ ней не удержалась, въ Венгріи же «jus resistendi et contradicendi»,—такъ это право было названо въ буллѣ [4]),—удержалось, какъ основной государственный законъ, отмѣненный сеймомъ только въ 1687 г., когда вмѣстѣ съ тѣмъ признана была и въ принципѣ наслѣдственность венгерской короны, бывшая до того времени только фактической. Булла была дана духовенству и дворянству, которымъ обѣщала ежегодный созывъ сейма. Организація послѣдняго складывалась постепенно, но первоначально онъ былъ строго феодальнымъ съ правомъ личнаго въ немъ участія всего дворянства. Представительство замѣнило такое участіе только при Сигизмундѣ I (1392 — 1437), занимавшемъ и чешскій, и римско-императорскій престолы, но тогда вопросъ не по-

---

[1]) Впервые «соединенный ландтагъ» испытанъ былъ въ Пруссіи въ 1847 г., но революція 1848 г. дала иное направленіе дѣлу. Въ главѣ XXIV мы упоминаемъ о попыткахъ устроить общія совѣщанія въ Габсбургской монархіи, гдѣ, однако, изъ этого ничего не вышло.

[2]) Кромѣ венгерскаго сейма, въ монархіи св. Стефана были еще сеймы хорватскій и трансильванскій.

[3]) См. выше, стр. 162.

[4]) Въ статьѣ 31 буллы «право сопротивленія и противорѣчія» давалось епископамъ, баронамъ (jobagiones) и дворянамъ (nobiles) всѣмъ вмѣстѣ и каждому въ отдѣльности на вѣчныя времена.

лучилъ прочнаго рѣшенія, ибо черезъ столѣтіе (при Владиславѣ II, 1490—1516) возобладалъ опять принципъ личнаго участія. Что касается до городовъ, то они были допущены въ сеймъ только закономъ 1405 г. (при Сигизмундѣ же), да и то лишь такъ называемые вольные королевскіе города, т.-е. такіе, которые не находились подъ частной юрисдикціей. Окончательно составъ сейма былъ опредѣленъ еще позже, а именно въ началѣ XVII в., вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Матѳія (1608). Соотвѣтственный законъ точно устанавлялъ, кто имѣетъ право на мѣсто и голосъ въ сеймѣ и на званіе чина (status или ordo). Это были прелаты, свѣтскіе бароны, дворянство и вольные королевскіе города. Первые два чина имѣли право на личное участіе, два остальные участвовали черезъ своихъ пословъ, дѣлился же сеймъ не на четыре палаты, а только на двѣ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, съ названіемъ ихъ только не палатами, а «столами»: былъ *высокій столъ вельможъ* (*excelsa tabula procerum*) и *знатный столъ чиновъ* (*inclyta tabula statuum*), хотя окончательно такое раздѣленіе установилось лишь къ концу XVII в. Аналогія венгерскаго сейма съ англійскимъ парламентомъ дополняется еще тѣмъ, что и здѣсь центральное сословно-представительное учрежденіе опиралось на самоуправленіе отдѣльныхъ графствъ, или *комитатовъ* (*comitatus*), имѣвшихъ свои собранія и другія учрежденія.

Сословно-представительныя собранія существовали и въ скандинавскихъ государствахъ. Въ Даніи съ середины XIII в. началась упорная борьба образовавшихся здѣсь могущественныхъ духовенства и дворянства противъ королевской власти и въ то же время сокращеніе правъ свободнаго крестьянства. Въ странѣ издавна существовали мѣстныя народныя собранія, *тинги* (*thing*), а кромѣ того съ XII в. и общій съѣздъ свободныхъ людей подъ названіемъ *датскаго двора* (*dannehof*), но фактически главная роль перешла къ аристократіи, не имѣвшей въ Даніи противовѣса и въ городахъ вслѣдствіе крайне слабаго ихъ развитія. Дѣло дошло до того, что при избраніи на престолъ Христофора II (1320) сословія потребовали у него скрѣпленія подписью и торжественной клятвой грамоты (haandfaestning), крайне ограничивавшей его власть, а когда онъ не сталъ исполнять своихъ обѣщаній, то былъ низложенъ, и на его мѣсто былъ избранъ другой король (Вальдемаръ) съ еще болѣе ограниченными

правами. Въ 1332—1340 гг. духовенство и дворянство даже совсѣмъ не выбирали короля. Правда, общіе сеймы прежняго времени продолжали собираться, но съ конца XIV в. уже очень рѣдко, такъ какъ ихъ права захвачены были *господскими съѣздами* (herredag), состоявшими изъ двухъ высшихъ сословій, органомъ которыхъ сдѣлался и прежній королевскій совѣтъ, цѣликомъ захваченный духовенствомъ и дворянствомъ и изъ королевскаго превратившійся въ государственный (*rigsraad*). Со введеніемъ въ Даніи религіозной реформаціи, лишившей епископовъ и монастыри ихъ земель, дворянство даже сдѣлалось единственнымъ господствующимъ сословіемъ въ странѣ. Только въ XVII в. въ городахъ, обогатившихся торговлею, началось движеніе противъ дворянства, и въ союзѣ съ обездоленнымъ духовенствомъ горожане стали дѣйствовать въ пользу государственной реформы, которая сдѣлала бы сеймъ представительствомъ трехъ сословій съ включеніемъ и въ государственный совѣтъ представителей какъ горожанъ, такъ и духовенства. Извѣстно, однако, что задуманный въ этомъ смыслѣ государственный переворотъ привелъ Данію къ абсолютизму.

Шведскій государственный сеймъ (*риксдагъ*, т.-е. то же, что рейхстагъ) выдѣляется изъ всѣхъ сословно-представительныхъ учрежденій Запада тѣмъ, что въ немъ, кромѣ обычнаго вездѣ представительства трехъ сословій, мы видимъ еще и представительство отъ крестьянъ, вслѣдствіе чего онъ и дѣлился на четыре чина,—особенность, которая изъ старинной шведской конституціи была унаслѣдована и государственнымъ устройствомъ Финляндіи подъ русскимъ владычествомъ. Швеція была одною изъ немногихъ странъ, въ которой не было феодализма и крѣпостничества, несмотря на то, что и здѣсь въ свое время образовалась сильная духовная и свѣтская аристократія.

Этотъ обзоръ сословно-представительныхъ учрежденій Запада мы окончимъ самою общею характеристикою польскаго сейма. Онъ заслуживаетъ нашего вниманія двумя своими, рѣзко выразившимися особенностями, своею односословностью и своею конгрессивностью. Польскій вальный (общій) сеймъ состоялъ, подобно англійскому парламенту и венгерскому сейму, изъ двухъ палатъ: *сената*, въ которомъ засѣдали духовные и свѣтскія вельможи, занимавшіе высшія должности въ государствѣ (онѣ не были наслѣдственными),

и *посольской избы izba poselska*), состоявшей изъ депутатовъ, или «пословъ», выбиравшихся на воеводскихъ сеймикахъ мѣстною шляхтою. Первая особенность польскаго сейма въ томъ и состояла, что представительная его палата была исключительно шляхетской. Почти одна только шляхта поголовно могла участвовать и въ сеймахъ, выбиравшихъ короля послѣ того, какъ Польша превратилась въ избирательную монархiю (1572). Съ середины XV в. началась эта роль шляхты, какъ господствующаго сословiя, въ концѣ концовъ захватившаго въ свои руки все государство и превратившаго его въ *рѣчь посполитую* (*rzecz pospolita* по-польски значитъ республика) съ пожизненнымъ президентомъ-королемъ, лишеннымъ всякой реальной власти. Шляхта, однако, не съумѣла организовать свое правленiе и сеймъ, собиравшiйся каждые два года на шесть недѣль, оказался учрежденiемъ безсильнымъ. Извѣстно, что̀ такое—*liberum veto*, т.-е. право каждаго посла своимъ заявленiемъ: «не позволяю» (nie pozwalam) «сорвать» сеймъ, т.-е. сдѣлать дальнѣйшiя его засѣданiя невозможными, а принятыя имъ уже рѣшенiя недѣйствительными. Хотя это злоупотребленiе вошло въ обычай лишь въ серединѣ XVII в., но основанiе, изъ котораго вышло *liberum veto*, было очень старымъ. Польша вышла изъ удѣльнаго раздробленiя сразу, въ началѣ XIV в., причемъ прежнiя удѣльныя княжества, *дѣльницы* (*dzielnice*) превратились въ такъ называемыя *воеводства* съ сохраненiемъ старой своей организацiи. Когда королевская власть, въ серединѣ XV в., была вынуждена испрашивать у шляхты согласiя на объявленiе войны, сборъ налоговъ, изданiе новыхъ законовъ, то сначала для этого королю приходилось объѣзжать отдѣльныя воеводства и собирать въ нихъ шляхту на сеймики, какъ это дѣлалось и въ другихъ странахъ [1]), и только позднѣе стали собирать пословъ отъ отдѣльныхъ сеймиковъ въ одно мѣсто. На сеймахъ середины XVI в. сдѣлана была попытка прочно установить авторитетъ вальнаго (общаго) сейма надъ воеводскими сеймиками, но это не удалось, и вальный сеймъ превратился какъ бы въ международный конгрессъ шляхетскихъ республикъ, на которомъ и требовалось единогласiе для дѣйствительности принимаемыхъ рѣшенiй: послы снабжались инструкцiями и отчитывались передъ посылавшими ихъ сей-

---

[1]) См. выше, стр. 231, 233, 270 и др.

миками, а послѣдніе могли не принять того, что было принято сеймомъ. Вѣдь и въ нидерландскихъ генеральныхъ штатахъ требовалось для дѣйствительности нѣкоторыхъ рѣшеній единогласіе представителей провинціальныхъ штатовъ [1]): польскій сеймъ въ этомъ отношеніи только пошелъ дальше, распространивъ такое требованіе на всякія дѣла и признавъ, что всѣ рѣшенія одного сейма составляютъ одно цѣлое. Тенденція провинціальныхъ собраній эманципировать себя отъ подчиненія центральному собранію—фактъ, довольно часто встрѣчающійся въ исторіи не одной Польши [2]), а то, что въ этомъ отношеніи представляетъ собою Польша, только лучше оттѣняетъ нѣкоторую конгрессивность нѣкоторыхъ средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій.

Въ заключеніе этой главы—еще одинъ вопросъ: именно, существовали ли сословно-представительныя учрежденія въ русской исторіи?

Ставя такой вопросъ, можно имѣть въ виду, во-первыхъ, сеймъ Литовско-русскаго государства, во-вторыхъ, наши старинные земскіе соборы.

Новѣйшія изслѣдованія западно-русской исторіи приводятъ насъ къ тому общему выводу, что въ великомъ княжествѣ Литовскомъ развился настоящій феодализмъ и что наиболѣе сильные общественные элементы получили здѣсь представительство въ сеймѣ, съ которымъ великому князю приходилось дѣлиться своею властью [3]). Это были именно католическіе епископы, князья, паны и шляхтичи, бывшіе непосредственными вассалами великаго князя. При слабости промышленности и торговли города не получили здѣсь развитія, и потому мѣщанство было по общему правилу исключено изъ сейма,—явленіе, которое намъ извѣстно и по другимъ странамъ [4]), хотя своеобразное исключеніе все-таки было: представители столицы государства, Вильны, бывшей и самымъ богатымъ городомъ въ странѣ, все-таки засѣдали въ сеймѣ съ ограниченнымъ, правда, лишь мѣщанскими дѣлами голо-

---

[1]) См. выше, стр. 297.

[2]) См. выше, стр. 237, 238, 240—241 и др.

[3]) *М. Любавскій.* Статья о литовско-русскомъ феодализмѣ въ «Энц. слов.» (Брокгауза-Ефрона) и его же книги подъ заголовкомъ «Литовско-русскій сеймъ».

[4]) См. выше, стр. 285, 294 и др.

сомъ [1]). Такимъ образомъ и на в. кн. Литовское мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на сословную монархію, начавшую вырабатываться на феодальной основѣ, но еще не вполнѣ завершившую свое развитіе, благодаря неразвитости городского элемента [2]).

Наконецъ, сравненіе земскихъ соборовъ Московскаго государства съ средневѣковыми сословными сеймами Запада давнымъ-давно уже стало, такъ сказать, само напрашиваться [3]). Сословный составъ земскихъ соборовъ, выразившійся въ томъ, что выборы въ него происходили по сословіямъ, хотя въ соборахъ и не образовалось сословныхъ палатъ, далѣе, участіе въ соборахъ главнымъ образомъ высшаго духовенства, землевладѣльческаго сословія и горожанъ, а иногда и крестьянъ съ личнымъ участіемъ высшихъ сословій и представительнымъ низшихъ, неопредѣленность мѣста и сроковъ соборовъ въ зависимости созыва ихъ отъ воли царя, наконецъ, участіе сословныхъ представителей въ дѣлахъ законодательства, податного обложенія, управленія и даже суда, все это и многое другое, менѣе важное,— такія черты, которыя позволяютъ подвести и наши земскіе соборы подъ одну категорію учрежденій съ западными сословными сеймами. Правда, многое въ земскихъ соборахъ не было похоже на западные порядки, но вѣдь и на Западѣ не было единаго образца, вѣдь и тамъ царило значительное разнообразіе, позволяющее намъ дѣлать лишь такія общія характеристики, которыя всегда нуждаются въ оговоркахъ, и тамъ чуть не каждое учрежденіе имѣло свои особенности, не встрѣчающіяся или рѣдко представленныя въ другихъ мѣстахъ. Вотъ почему особенныя черты нашихъ земскихъ соборовъ не могутъ служить препятствіемъ къ тому, чтобы между ними и сословными сеймами запада проводить какую-либо рѣзкую разграничительную черту. Мало того, въ извѣстныхъ отношеніяхъ нѣкоторые западные сеймы могутъ напоминать намъ скорѣе земскіе соборы Московскаго государства, чѣмъ аналогичныя учрежденія сосѣднихъ странъ.

---

[1]) Въ Польшѣ Краковъ тоже пользовался привилегіей на избирательныхъ сеймахъ.

[2]) Съ люблинской уніи 1569 г. въ исторіи этого государства начинается новый періодъ, котораго мы не касаемся.

[3]) См. приложеніе VII.

Въ частности, въ видѣ примѣра здѣсь можно указать на французскіе генеральные штаты, между которыми и земскими соборами уже не разъ отмѣчалось особливое сходство въ смыслѣ главнымъ образомъ невыработанности юридическихъ отношеній между властью государя и компетенціей сословнаго представительства.

ГЛАВА XXIII.

Сеньёрьяльный режимъ въ эпоху сословной монархіи.

Сословная монархія, какъ организація политическаго господства владѣльческихъ классовъ общества.—Тѣсная связь королевской власти съ феодальной аристократіей.—Сохраненіе сеньёрьяльнаго режима въ королевскихъ доменахъ.—Важное значеніе отсутствія крестьянскаго элемента въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.—Стремленіе феодальняго дворянства къ сохраненію и даже расширенію своей власти надъ сельскимъ населеніемъ.—Феодальныя реакціи въ эпоху сословной монархіи.—Оцѣнка дѣятельности сословныхъ сеймовъ съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ въ XVIII в.—Внутреннія измѣненія въ сеньёрьяльномъ устройствѣ конца среднихъ вѣковъ.

На сословную монархію, какія бы формы она ни принимала, мы имѣемъ право смотрѣть, какъ на своеобразную организацію политическаго господства владѣльческихъ классовъ общества. Это господство можетъ имѣть, конечно, разную организацію, разъ только сами эти классы въ томъ или другомъ видѣ принимаютъ участіе въ дѣлахъ правленія, пользуясь властью ради осуществленія своихъ экономическихъ, политическихъ и культурныхъ стремленій и не давая безусловно и безконтрольно хозяйничать въ странѣ ни самому главѣ государства, наслѣдственному или выборному, ни зависящимъ исключительно отъ него агентамъ власти, которые всѣ могутъ имѣть—и на самомъ дѣлѣ нерѣдко обнаруживаютъ—стремленія, не совпадающія съ стремленіями тѣхъ или другихъ общественныхъ элементовъ. Во многихъ случаяхъ чиновничество, бюрократія, даже прямо готова видѣть

въ себѣ какъ бы самодовлѣющій классъ общества и искать оправданія для своего безпредѣльнаго и безотвѣтственнаго господства въ служеніи интересамъ государства. Нечего говорить, что исторія полна примѣрами и того, что королевская власть, отожествляя интересы своихъ носителей съ интересами государства, равнымъ образомъ оказывалась въ противорѣчіи со стремленіями отдѣльныхъ классовъ общества. Сословная монархія и была одною изъ тѣхъ формъ государственнаго устройства, въ которыхъ королевская власть является ограниченной въ пользу владѣющихъ классовъ общества, раздѣленнаго сословными перегородками на особыя группы съ одинаковыми правами и привилегіями, одинаковыми интересами и стремленіями, одинаковыми традиціями и предразсудками, да и сама государственная идея понимается тутъ въ смыслѣ сохраненія за каждымъ сословіемъ его правъ, осуществленія его интересовъ и соотвѣтствія съ его традиціями.

Преобладающимъ элементомъ средневѣковыхъ сословныхъ сеймовъ была, несомнѣнно, феодальная аристократія, къ которой до извѣстной степени (и даже прямо въ значительной мѣрѣ) слѣдуетъ причислять и высшихъ членовъ духовнаго сословія. Что́ бы ни говорили о политической роли городовъ во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, въ государственныхъ сеймахъ почти всѣхъ странъ, не исключая въ данномъ случаѣ и Англіи [1]), она, эта роль, была второстепенной, и основной тонъ задавали здѣсь представители феодальнаго землевладѣнія. Хотя въ идеѣ монархъ долженъ стоять внѣ какого бы то ни было общественнаго класса и выше ихъ всѣхъ, являясь воплощеніемъ государственнаго принципа на службѣ общенаціональнымъ интересамъ, на самомъ дѣлѣ средневѣковая королевская власть была своего рода функціей феодальной аристократіи—только въ обладаніи одной фамиліи. Правда, въ иныхъ отношеніяхъ между стремленіями королевской власти и феодальной аристократіи существовало непримиримое противорѣчіе, ибо одна стремилась къ абсолютизму, съ которымъ другая не хотѣла мириться, но это противорѣчіе касалось именно только политическихъ отношеній или политической стороны феодализма. Мы уже не разъ видѣли, что въ послѣднемъ нужно различать политическую и соціальную сто-

[1]) Исключеніе составляетъ Кастилія, о чемъ выше, стр. 284.

роны [1]): вотъ и выходитъ такъ, что между королями и дворянствомъ антагонизмъ существовалъ лишь по отношенію къ вопросу о томъ, должна ли королевская власть быть неограниченной или же и дворянство должно участвовать въ государственномъ властвованіи. Другое дѣло — область соціальныхъ отношеній: здѣсь королевская власть и феодальная аристократія стояли на одной и той же, обѣимъ имъ общей почвѣ. Каждый королевскій родъ былъ лишь однимъ изъ аристократическихъ родовъ страны, а во Франціи, наприм., король былъ сначала только первымъ между равными, что даже въ эпоху абсолютной монархіи позволяло королямъ смотрѣть на себя, какъ на первыхъ дворянъ королевства. Далѣе, каждый король былъ въ то же время однимъ изъ наиболѣе крупныхъ или прямо самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ странѣ, но его домены были такія же сеньёріи, помѣстья, какъ и имѣнія высшаго духовенства и дворянства. Однимъ словомъ, король былъ ближайшимъ образомъ однимъ изъ членовъ родовитаго землевладѣльческаго сословія, у него, конечно, могли быть свои особые политическіе интересы, какъ у главы государства, но не было какихъ-либо особыхъ интересовъ, какъ у крупнаго землевладѣльца, обладавшаго населенными имѣніями и извлекавшаго изъ нихъ доходы. Вотъ почему, подкапываясь подъ политическія права и преимущества аристократіи, королевская власть оставляла неприкосновенными ея соціальное положеніе, ея вытекавшія изъ соціальнаго феодализма привилегіи и весь сеньёрьяльный режимъ. Еще въ эпоху сословной монархіи, когда король не имѣлъ абсолютной законодательной власти, сохраненіе всѣхъ остатковъ соціальнаго феодализма мы можемъ объяснять себѣ, какъ результатъ аристократической политики сословныхъ сеймовъ, но то же самое, въ сущности, мы видимъ и въ эпоху абсолютной монархіи, когда между королевскою властью и феодальною аристократіей установился такой modus vivendi, что дворянство какъ бы добровольно отказывалось отъ самостоятельнаго политическаго значенія въ пользу монархіи, а королевская власть за это отказывалась отъ всякаго вмѣшательства во взаимныя отношенія помѣщиковъ и ихъ крестьянъ [2]). Такимъ образомъ, и въ эпоху

---

[1]) См. выше, стр. 8 и особенно 48 и слѣд.

[2]) См. ниже, въ главѣ XXVI.

полнаго господства феодализма, и во времена сословной монархіи, равно какъ и въ періодъ монархіи абсолютной, королевская власть на Западѣ тѣснѣйшимъ образомъ была связана съ феодальной аристократіей.

Средніе вѣка не знали различія между государственными имуществами и личною собственностью короля. Вступая на престолъ, каждый французскій король сливалъ, какія у него могли быть частныя имѣнія съ королевскими доменами, которыя въ свою очередь становились какъ бы частною собственностью короля. Правда, со стороны сословныхъ сеймовъ иногда дѣлались попытки вмѣшательства въ доманіальныя отношенія королевской власти, поскольку доходы съ доменовъ могли итти на удовлетвореніе общихъ государственныхъ нуждъ и, слѣдовательно, уменьшать тѣмъ самымъ размѣры вотируемыхъ субсидій, но попытки эти вообще серьезнаго значенія не имѣли, главное же, это—то, что онѣ не задѣвали вопроса о способѣ хозяйничанья въ доменахъ. Королевскія помѣстья, въ общемъ, управлялись и эксплуатировались тѣмъ же порядкомъ, какъ и частновладѣльческія земли. Поскольку въ имѣніяхъ дворянства и духовенства съ монастырями сохранялся старый сеньёрьяльный режимъ, постольку о сохраненіи его можно говорить и по отношенію къ доменамъ короля. Лучшимъ доказательствомъ этому можетъ служить то, что тамъ, гдѣ въ XVIII вѣкѣ существовали крѣпостничество или его остатки въ частныхъ имѣніяхъ, тамъ они встрѣчаются и въ доменахъ. Вспомнимъ, наприм., что въ Пруссіи начало отмѣны крѣпостной зависимости доманіальныхъ крестьянъ было положено лишь въ 1701 году, и что во Франціи серважъ въ королевскихъ доменахъ былъ отмѣненъ лишь Людовикомъ XVI, въ министерство Неккера, въ 1778 году, т.-е. наканунѣ революціи, вообще покончившей во Франціи съ соціальнымъ феодализмомъ. Не отмѣняя въ своихъ имѣніяхъ стараго сеньёрьяльнаго режима, короли эпохи сословной монархіи стояли на одномъ и томъ же соціальномъ уровнѣ, какъ и дворяне-помѣщики, потомки феодальныхъ сеньёровъ, продолжавшіе въ извѣстной мѣрѣ пользоваться политическою властью чрезъ участіе въ сословныхъ сеймахъ.

Охрана сеньёрьяльнаго режима сословной монархіи тѣмъ болѣе была возможна, что единственное сословіе, которое было заинтересовано въ его отмѣнѣ или, по крайней мѣрѣ,

въ его смягченіи, крестьянство было, какъ мы видѣли [1]), исключено изъ тогдашнихъ представительныхъ сеймовъ и такимъ образомъ лишено возможности защищать свои интересы. Все, что только по отношенію къ вопросамъ сельской жизни предпринималось на собраніяхъ высшихъ сословій, большею частью клонилось къ невыгодѣ для крестьянъ, откуда ихъ постоянное недовѣріе къ этимъ собраніямъ [2]). Оно сказывается, наприм., въ заявленіяхъ нѣмецкихъ крестьянъ передъ великой крестьянской войной 1524—1525 гг., въ заявленіяхъ, сущность которыхъ сводится къ тому, что отъ ландтаговъ нечего ожидать удовлетворенія просьбъ и жалобъ, такъ какъ они умѣютъ только накладывать на народъ новыя тягости. Спеціально по вопросу о сохраненіи сеньёрьяльнаго режима очень характерный фактъ представляетъ собою редактированіе, во Франціи, мѣстныхъ законовъ, въ которомъ извѣстную роль играли провинціальныя собранія, состоявшія, какъ мы видѣли, лишь изъ духовныхъ, дворянъ и буржуа. Дѣло въ томъ, что во Франціи каждая область, иногда очень маленькая, имѣла свое особое обычное право. Въ серединѣ XV в., по иниціативѣ королевской власти, было приступлено къ составленію оффиціальныхъ сборниковъ этихъ, какъ онѣ назывались, *кутюмъ* (*coutumes*), и это дѣло тянулось очень долго, такъ что нѣкоторые кутюмы (немногія, правда) получили свою редакцію чуть не передъ самой революціей 1789 г. Во всякомъ случаѣ дѣйствующимъ во Франціи передъ революціей правомъ были сборники кутюмъ (coutumiers), редактированіе которыхъ относится ко второй половинѣ XV вѣка и даже къ слѣдующимъ затѣмъ десятилѣтіямъ. Чтò же представляетъ собою это кутюмное право? Это было средневѣковое феодально-сеньёрьяльное право, донесшее до конца XVIII в. понятія и принципы, формулированные въ эпоху полнаго господства дворянъ-землевладѣльцевъ, обладавшихъ чуть не всею полнотою государственной власти въ своихъ помѣстьяхъ.

Въ виду того особаго интереса, какой имѣетъ для насъ исторія англійскаго парламента, весьма любопытно справиться, какимъ образомъ это учрежденіе относилось къ существовавшему въ странѣ въ эпоху его возникновенія крѣ-

---

[1]) См. выше, стр. 198—199.

[2]) См. объ этомъ и въ слѣдующей главѣ.

постничеству. «Статуты и протоколы (парламента), читаемъ мы у одного новѣйшаго изслѣдователя вопроса [1]), рѣдко говорятъ о вилланахъ и едва ли хоть разъ настроены благопріятно для нихъ», и онъ приводитъ цѣлый рядъ указаній на статуты временъ Эдуарда III и Ричарда II, то «значительно ухудшавшихъ положеніе крѣпостныхъ», то, «проведенныхъ въ интересахъ лордовъ и противъ вилланов». Не будемъ останавливаться на разсмотрѣніи самихъ этихъ статутовъ, такъ какъ это повлекло бы за собою необходимость объясненія разныхъ деталей, и продолжимъ изложеніе взгляда историка на этотъ предметъ. «Въ палатѣ общинъ, говоритъ онъ, засѣдали рыцари графствъ. Легко понять, что ихъ петиціи почти неизмѣнно враждебны вилланамъ. Въ своемъ желаніи держать въ повиновеніи крестьянъ «деревенскіе джентльмены» шли даже впереди правительства, и король нерѣдко долженъ былъ отвѣчать вѣжливымъ отказомъ на крѣпостническія домогательства мэноріальныхъ [2]) лордовъ». Нѣсколько фактовъ опять подтверждаютъ это заключеніе. «Когда строптивые крестьяне, читаемъ мы и еще у цитируемаго историка, вступаютъ въ сообщества и грозятъ бунтомъ, то рыцарямъ графствъ и правительству желательно установить для мятежниковъ суммарный процессъ и упростить доказательство [3]) вилланскаго состоянія. Статуты остаются въ силѣ и послѣ подавленія крестьянскаго движенія, потому что одержавшіе верхъ представители порядка чувствуютъ себя такъ удобно подъ покровомъ широкихъ полномочій чрезвычайнаго законодательства». Нужно вспомнить и парламентское законодательство XIV в. о сельскихъ рабочихъ, проникнутое крѣпостническими тенденціями: мы будемъ о немъ еще говорить въ другой связи [4]).

Въ эпоху сословной монархіи феодальное дворянство стремилось не только къ сохраненію, но даже и къ расширенію своей власти надъ сельскимъ населеніемъ. Мы увидимъ еще [5]), что конецъ среднихъ вѣковъ, послѣ крестовыхъ

---

[1]) *А. Савинъ.* Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. М. 1903, стр. 31 и слѣд.

[2]) Отъ слова *мэноръ* (manor), о которомъ см. выше, стр. 151.

[3]) На судѣ.

[4]) См. въ главѣ XXIV, стр. 325—326.

[5]) Въ главѣ XXIV, стр. 315—316.

походовъ, былъ временемъ въ однѣхъ странахъ раскрѣпощенія, въ другихъ, наоборотъ, закрѣпощенія крестьянъ, и что въ послѣднемъ отношеніи сословные сеймы кое-гдѣ съиграли роль фактора, содѣйствовавшаго этому процессу. Самый поразительный примѣръ такого явленія представляетъ собою венгерскій сеймъ, который въ 1514 г. особымъ законодательнымъ актомъ обрекъ крестьянское населеніе страны на вѣчное рабство въ наказаніе зя поднятое незадолго передъ тѣмъ возстаніе. На силу этого закона венгерское дворянство ссылалось еще въ концѣ XVIII в., когда императоръ Іосифъ II, какъ король венгерскій, издалъ указъ, освобождавшій крестьянъ Венгріи отъ крѣпостной зависимости. Извѣстно также, что введеніе въ Польшѣ крѣпостничества, около того же времени, также не обошлось безъ ряда сеймовыхъ постановленій чисто шляхетскаго происхожденія. Въ Германіи, какъ это извѣстно даже изъ учебниковъ, равнымъ образомъ усиленіе крѣпостничества относится ко временамъ развитія земскихъ сеймовъ въ отдѣльныхъ княжествахъ [1]). То же самое можно сказать о Чехіи, о Даніи и т. д. Если для восточной половины европейскаго Запада это время было эпохой закрѣпощенія, то для западной, наоборотъ, это была эпоха раскрѣпощенія. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что послѣднее не было результатомъ какихъ-либо общихъ законодательныхъ актовъ, а совершалось постепеннымъ ходомъ самой жизни, вносившей тѣ или другія измѣненія въ сеньёрьяльный режимъ. Отдѣльные сеньёры просто вынуждены были итти на уступки передъ настоятельными требованіями самой очевидной необходимости, но когда наступалъ благопріятный моментъ, они всегда были готовы брать назадъ сдѣланныя уступки, и въ подобнаго рода случаяхъ сословные сеймы тоже были всегда къ ихъ услугамъ.

Особенно попытками возстановленія стараго сеньёрьяльнаго режима отличаются происходившія время отъ времени феодальныя реакціи. Къ числу такихъ реакцій нужно, напр., отнести тѣ, которыми ознаменовались первыя и послѣднія времена династіи Валуа во Франціи, т.-е. середину XIV и вторую половину XVI вѣковъ. Въ первую изъ названныхъ эпохъ обострѣніе сеньёрьяльнаго режима вызвало даже большое

---

[1]) См. въ главѣ XXIV, стр. 336—337.

крестьянское возстаніе, извѣстное подъ названіемъ жакеріи [1]). Другая феодальная реакція въ томъ же столѣтіи характеризуетъ исторію Англіи послѣ такъ называемой черной смерти. Каждый разъ, когда происходила такая феодальная реакція, она направлялась обыкновенно и противъ всѣхъ успѣховъ, сдѣланныхъ королевской властью, и противъ народной свободы въ деревняхъ. Это были частичныя и, конечно, большею частью кратковременныя, возвращенія къ средневѣковой анархіи. Особенно плохо приходилось сельскому населенію въ эпохи дворянскихъ возстаній и междоусобій, которыя были вообще нерѣдки въ эпоху сословной монархіи въ отдѣльныхъ странахъ. Всякое ослабленіе центральнаго правительства сопровождалось усиленіемъ безнаказанности насилій дворянъ надъ беззащитнымъ крестьянствомъ и даже прямо умноженіемъ попытокъ вернуть прежнюю неограниченную власть надъ населеніемъ.

Въ общемъ можно, слѣдовательно, сказать, что сословная монархія сама по себѣ вовсе не была враждебна сеньёрьяльному режиму, если не итти далѣе этой формулировки ихъ взаимныхъ отношеній и не сказать прямо, что сословно-представительныя учрежденія благопріятствовали сохраненію, а въ иныхъ мѣстахъ и усиленію власти помѣщиковъ надъ сельскимъ населеніемъ. Послѣ этого можно понять и то недовѣріе къ сословнымъ сеймамъ, которое, наприм., въ XVIII в. проявляли представители такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма». Въ то время, какъ философія естественнаго права стремилась подчинить идеѣ общаго блага частные интересы отдѣльныхъ лицъ и господствующихъ сословій, формы, въ которыхъ тогда проявлялась политическая свобода, казались многимъ не чѣмъ инымъ, какъ вредными путами, наложенными на народъ. Извѣстный дѣятель французской революціи, Кондорсе, въ написанной имъ біографіи Вольтера прямо оправдываетъ его отъ обвиненія въ пристрастіи къ единоличному правленію указаніемъ на то, что «философа никогда не обманывали ни французская магистратура, ни шведскіе и польскіе дворяне, называвшіе свободой иго, подъ которымъ они хотѣли давить народъ». Пониманіе свободы въ сословіяхъ, пользовавшихся правомъ политическаго представительства, было, дѣйствительно, своеобразное: свобода для

---

[1]) См. въ гл. XXIV, стр. 333.

господъ и рабство для народа. Вспомнимъ хотя бы ту же Польшу, на которую ссылался Вольтеръ: «золотая вольность» (złota wolność), бывшая политическимъ идеаломъ шляхты и доводившаяся ею даже до анархіи, какъ основы самаго существованія Польши (извѣстное изреченіе: «Polska nierządem stoi», Польша стоитъ безнарядьемъ) уживалась съ полнымъ порабощеніемъ хлопа. Говоря въ эпоху сословной монархіи о свободѣ того или другого народа, вообще имѣли въ виду только именно высшія его сословія, а не народную массу. Вотъ почему, напр., въ свое время арагонскій король Альфонисъ III могъ говорить: «Народъ нашъ свободенъ, онъ не подчиненъ тому игу, подъ которымъ находятся кастильцы»,— могъ такъ говорить, имѣя въ виду бóльшую свободу арагонскихъ чиновъ сравнительно съ кастильскими, хотя крестьянская масса въ Арагонѣ была закрѣпощена еще въ то время, когда въ Кастиліи крестьяне уже стали пользоваться личною свободою.

Сеньёрьяльный режимъ, въ смыслѣ помѣщичьяго господства надъ крестьянами въ отдѣльныхъ населенныхъ имѣніяхъ, можетъ уживаться съ довольно неодинаковыми политическими режимами, чуждыми демократизму. Мы увидимъ еще, что онъ уживался и съ королевскимъ абсолютизмомъ, хотя бы бюрократія въ данномъ случаѣ и являлась,—въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ,—соперницей помѣщичьей власти и хотя бы у центральнаго правительства все-таки обнаруживалось больше побужденій вмѣшиваться во взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ, чѣмъ то могло быть у сословныхъ сеймовъ. Если поэтому въ эпоху сословной монархіи и происходили мѣстами перемѣны, ведшія къ ослабленію сеньёрьяльнаго режима, то причины этого приходится искать не въ сознательной и преднамѣренной правительственной политикѣ, направленной къ улучшенію крестьянскаго быта, не въ какихъ-либо законодательныхъ мѣрахъ, не въ усиліяхъ администраціи, а во внутреннихъ процессахъ жизни самого общества, въ измѣненіяхъ чисто-экономическаго характера, въ ней происходившихъ. Политика государственной власти, законодательство, административная практика,—все это скорѣе тормазило наступленіе тѣхъ результатовъ, какіе должны были получаться отъ дѣйствія жизненныхъ явленій историческаго процесса.

Даже въ началѣ XVII столѣтія, когда, напр., во Фран-

ціи устанавливался абсолютизмъ, послѣ трехъ вѣковъ, въ теченіе которыхъ собирались генеральные штаты, еще сохранялись въ жизни общества порядки и права феодальнаго происхожденія. Наиболѣе знатные и богатые дворяне жили въ зàмкахъ или городскихъ домахъ въ Парижѣ, какъ настоящіе царьки, окруженные родней, кліентелой изъ болѣе мелкаго дворянста, многочисленными слугами, и все это составляло «домъ» важнаго господина, нерѣдко очень многочисленный. Извѣстенъ разсказъ о герцогѣ Рошфуко, который явился къ Людовику XIII, во время осады имъ Ларошели, съ полутора тысячами дворянъ и рекомендовалъ пришедшій съ нимъ отрядъ словами: «среди нихъ нѣтъ ни одного, кто не приходился бы мнѣ родней». Въ этой аристократической кліентелѣ встрѣчались и люди либеральныхъ профессій, состоявшіе на частной службѣ специально у того или другого сеньёра, духовныя лица, врачи, адвокаты, стихотворцы и т. п., и даже нѣкоторые извѣстные писатели «состояли» у того или другого герцога или графа. Менѣе важные дворяне, а также и младшіе сыновья знатныхъ фамилій тоже окружали себя большимъ штатомъ, нерѣдко всякимъ сбродомъ до бѣглыхъ солдатъ включительно и наводили страхъ на всю округу на извѣстномъ разстояніи отъ своего замка, не затрудняясь совершать насилія надъ низшими агентами мѣстной власти, не говоря уже о простолюдинахъ. Понятно, что такой образъ жизни, праздный и расточительный, требовалъ большихъ средствъ, а источникомъ ихъ были принадлежавшія дворянину помѣстья съ его собственнымъ, барскимъ хозяйствомъ и съ разными повинностями, лежавшимм на крестьянскомъ населеніи сеньёріи.—Ту же картину аристократическаго быта мы встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ сеньёрьяльный режимъ и сословно-представительныя учрежденія взаимно дополнялись, являясь лишь двумя сторонами одного и того же порядка вещей. Въ нѣкоторыхъ странахъ, гдѣ получили развитіе торговля и промышленность, гдѣ возникли города и заняли подобающее имъ мѣсто въ сословныхъ сеймахъ, сеньёрьяльный режимъ не могъ оставаться такимъ, какимъ мы его знаемъ въ эпоху полнаго господства натуральнаго хозяйства: городъ, какъ-никакъ, вліялъ на деревню, и въ ней все по старому оставаться не могло. Иное дѣло—болѣе отсталыя страны, гдѣ сохранилось господство натуральнаго хозяйства и гдѣ города играли

лишь очень слабую роль въ политической жизни, а иногда даже и не играли никакой. Здѣсь, въ этихъ странахъ,—каковы были, наприм., Венгрія и Польша, развившія у себя аристократическія формы быта,—продолжалъ неизмѣнно царить въ деревняхъ сеньёрьяльный режимъ со всѣми своими наиболѣе характерными особенностями, т.-е. слабымъ развитіемъ самого помѣщичьяго хозяйства, ведущагося при помощи барщиннаго труда, съ безправнымъ положеніемъ крестьянства прикрѣпленнаго къ земельнымъ участкамъ, отданнымъ отдѣльнымъ семьямъ для самостоятельнаго веденія на нихъ хозяйства за оброкъ въ пользу помѣщика, съ вотчинной полиціей и юстиціей, какъ неизбѣжными спутниками помѣстнаго права, и т. п. Не было даже надобности въ особенно крупной собственности, чтобы быть паномъ надъ какой-либо деревней, и мелкопомѣстная шляхта, часто сама состоявшая на службѣ у сосѣдняго магната, тоже находилась въ классѣ господъ по отношенію къ крестьянскому населенію.

Тамъ, гдѣ сеньёрьяльный режимъ продолжалъ держаться, какъ своего рода соціальная надстройка на экономическомъ базисѣ натуральнаго хозяйства, и освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости вообще заставляло себя очень долго ждать. Наоборотъ, гдѣ, несмотря на всѣ задерживавшія этотъ процессъ условія политическаго строя, въ жизни страны происходило уже въ значительной мѣрѣ внѣдреніе въ старыя отношенія формъ развивавшагося въ городахъ денежнаго хозяйства, тамъ и освобожденіе крестьянъ начиналось раньше, шло быстрѣе, совершалось полнѣе. Въ иныхъ случаяхъ развитіе въ странѣ сословнаго представительства приходилось на эпоху начинавшагося уже разложенія натуральнаго хозяйства, и тогда освобожденіе крестьянъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ симптомовъ этого разложенія, совершалось одновременно съ установленіемъ сословнаго представительства, а въ иныхъ случаяхъ, наоборотъ, процессы образованія сеньёрьяльнаго режима на базисѣ натуральнаго хозяйства и образованія сословнаго сейма на почвѣ земельной аристократизаціи общества совершилась параллельно, одинъ отъ другого завися, одинъ на другой вліяя. Сама по себѣ сословная монархія, какъ организованное господство, главнымъ образомъ, землевладѣльческихъ сословій, т.-е. духовенства и дворянства, составлвшихъ въ обществѣ, такъ сказать, помѣщичій классъ, была неблагопріятна интересамъ вообще народной массы,

въ частности крестьянства, и разныя судьбы сельскаго населенія въ эту эпоху въ такой странѣ, какъ Англія, и въ такой странѣ, какъ Венгрія, зависѣли уже не отъ того, какъ организовался въ странѣ государственный сеймъ и какихъ онъ добился правъ отъ королевской власти, а отъ другихъ причинъ, лежавшихъ въ самой основѣ народной жизни въ данномъ государствѣ.

ГЛАВА XXIV.

Начало раскрѣпощенія крестьянства въ исходѣ среднихъ вѣковъ.

Времена закрѣпощенія и раскрѣпощенія крестьянъ въ Западной Европѣ.—Несовпаденіе хронологіи обоихъ процессовъ въ разныхъ странахъ.—Различія въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ средніе вѣка и въ новѣйшее время.—Роль государственной власти въ этомъ процессѣ.—Юридическая и экономическая стороны крестьянскаго раскрѣпощенія въ исходѣ среднихъ вѣковъ.—Его причины и результаты.—Освобожденіе крестьянъ въ отдѣльныхъ странахъ.—Крестьянскія движенія въ концѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени (жакерія во Франціи, возстаніе Уота Тайлера въ Англіи и великая крестьянская война въ Германіи).

Въ предыдущихъ главахъ намъ уже приходилось упоминать о временахъ закрѣпощенія и раскрѣпощенія западно-европейскаго крестьянства [1]). Въ общемъ главною эпохою закрѣпощенія была первая половина среднихъ вѣковъ, эпоха же раскрѣпощенія начинается около крестовыхъ походовъ и тянется до середины XIX в., когда революція 1848 г. нанесла послѣдній ударъ крѣпостничеству въ нѣкоторыхъ странахъ, въ особенности въ Австріи. Если, однако, отъ этого общаго представленія мы обратимся къ болѣе детальному разсмотрѣнію предмета, то увидимъ, что общая формула требуетъ значительныхъ поправокъ. И закрѣпощеніе, и раскрѣпощеніе не происходили одновременно по всей Европѣ,

---

[1]) См. выше, стр. 310 и др.

и потому эпохи обоихъ процессовъ въ отдѣльныхъ странахъ не совпадаютъ между собою. Въ данномъ отношенiи можно подмѣтить своего рода запаздыванiе обоихъ процессовъ по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться съ запада на востокъ. Позднѣе всего крѣпостное право изъ большихъ европейскихъ государствъ было отмѣнено въ Россiи [1]), но и установилось оно здѣсь позже, чѣмъ у нашихъ западныхъ сосѣдей, въ концѣ XVI в., когда оно уже существовало и въ Польшѣ (съ конца XV в.), и въ Венгрiи (съ начала XVI в.), и въ германскихъ государствахъ. Между тѣмъ въ эту же самую эпоху цѣлый рядъ западно-европейскихъ странъ уже не зналъ крѣпостного состоянiя крестьянской массы или сохранялъ лишь нѣкоторые остатки этого состоянiя. Конечно, это не было случайностью. Отдѣльныя страны Европы переживали однѣ и тѣ же стадiи развитiя въ разное время. Если одну изъ такихъ общихъ стадiй представляетъ собою образованiе барскихъ помѣстiй съ прикрѣпленнымъ къ землѣ крестьянскимъ населенiемъ, то для упроченiя въ странѣ такого соцiальнаго уклада, очевидно, нужна наличность извѣстныхъ условiй, которыя могутъ возникнуть только на извѣстной ступени экономическаго и политическаго развитiя. Крѣпостничество тѣсно соединено съ господствомъ натуральнаго хозяйства и начинаетъ падать съ успѣхами денежнаго хозяйства. Западъ Европы продѣлалъ эту эволюцiю раньше Востока, а въ частности, наприм., такая страна, какъ Италiя, съ развитiемъ въ ней торговли и городского быта, раньше, чѣмъ, положимъ, Германiя, да и въ послѣдней тоже западныя области—раньше, чѣмъ восточныя.

Разсматривая теперь, какъ началось въ Западной Европѣ раскрѣпощенiе крестьянъ, мы должны остановиться еще на томъ глубокомъ различiи, какое существуетъ между освобожденiемъ крестьянъ въ новѣйшее время и въ исходѣ среднихъ вѣковъ. Начиная, главнымъ образомъ, съ французской революцiи, мы имѣемъ цѣлый рядъ законодательныхъ актовъ, посредствомъ которыхъ сразу въ цѣломъ государствѣ крѣпостные получали личную свободу, какъ это было, наприм., въ Россiи въ силу манифеста 19 февраля 1861 г. [2]). Ничего

---

[1]) Еще позднѣе въ Румынiи, именно въ 1864 г.

[2]) Ср. ниже (въ главѣ XXVII) даты отмѣны крѣпостничества послѣ французской революцiи.

подобнаго не было въ средніе вѣка: крѣпостное состояніе исчезло здѣсь постепенно, иногда путемъ незамѣтныхъ переходовъ, по частямъ, въ разное время и не только въ отдѣльныхъ областяхъ одной и той же страны, но и въ отдѣльныхъ деревняхъ, даже, пожалуй, и по отношенію къ отдѣльнымъ семьямъ одного и того же селенія. Вотъ почему такъ трудно уловить этотъ процессъ и дать ему точную и вполнѣ опредѣленную историческую формулировку. Первоначально раскрѣпощеніе крестьянской массы отнюдь, значитъ, не было результатомъ какихъ-либо общихъ законодательныхъ актовъ, да таковыхъ и быть не могло, ибо въ противномъ случаѣ или такъ выходило бы, что сами сеньёры накладывали на себя руки въ своихъ сословно-представительныхъ собраніяхъ, или же было бы нужно предполагать, что королевская власть была настолько независима и сильна, съ одной стороны, и настолько отрѣшена отъ всякой феодальной окраски и проникнута государственной идеей общаго блага, съ другой, что уже могла притти къ рѣшенію (и исполнить его) освободить всѣхъ крѣпостныхъ. Мы, наоборотъ, знаемъ какимъ характеромъ отличались сословные сеймы среднихъ вѣковъ [1]), и увидимъ еще, что даже въ эпоху абсолютной монархіи королевская власть сомнѣвалась въ своемъ правѣ и даже въ простой возможности отнять у дворянъ распоряженіе даровымъ трудомъ и самою личностью крестьянъ [2]). Нѣтъ, начало раскрѣпощенія сельскаго люда имѣло совсѣмъ другой характеръ: это были отдѣльныя освобожденія отдѣльныхъ семей, отдѣльныхъ деревень и. т. п. на очень различныхъ иногда условіяхъ, въ силу особыхъ каждый разъ изволеній сеньёровъ, особыхъ ихъ во многихъ случаяхъ соглашеній съ крестьянами, а нерѣдко и вынужденнаго со стороны господъ признанія того, чего съумѣла добиться та или другая крестьянская семья, та или другая деревня. Конечно, въ этомъ процессѣ могли играть роль и отдѣльные акты, исходившіе отъ королевской власти, но лишь поскольку эти акты были, въ сущности, волеизъявленіями обладателя королевскихъ доменовъ, а не государя страны. Намъ придется еще разсмотрѣть королевскій указъ 1315 г. во Франціи, въ наиболѣе общей формѣ провозглашавшій въ странѣ принципъ личной

---

[1]) См. выше, стр. 308 и слѣд.

[2]) См. ниже, въ главѣ XXVII.

свободы всѣхъ, но настоящее значенiе этого шага мы поймемъ только тогда, когда сопоставимъ этотъ указъ съ другимъ, изданнымъ королевскою властью въ той же Францiи четырьмя съ половиною вѣками позднѣе и заключавшимъ въ себѣ лишь приглашенiе сеньёрамъ послѣдовать примѣру монарха, который давалъ наконецъ свободу своимъ сервамъ, какiе еще оставались тогда въ доменахъ [1]). Еще въ XVIII в. государственная власть видѣла въ крѣпостныхъ частную собственность помѣщиковъ и приписывала ей совершенно тотъ же характеръ, какой имѣло помѣщичье право на землю и другiе виды собственности.

Далѣе, при разсмотрѣнiи исторiи раскрѣпощенiя крестьянства на Западѣ, мы должны еще различать двѣ стороны этого процесса, а именно сторону юридическую и сторону экономическую. Въ крѣпостничествѣ рядомъ съ отношенiемъ лица къ лицу, т.-е. съ властью господина надъ крѣпостнымъ существовало еще отношенiе обоихъ этихъ лицъ къ землѣ, къ опредѣленному земельному участку, на которомъ одно изъ этихъ лицъ вело хозяйство, вмѣстѣ съ тѣмъ отбывая въ пользу другого лица извѣстныя повинности. Въ крѣпостномъ состоянiи крестьянинъ былъ прикрѣпленъ къ землѣ, но и земля была прикрѣплена къ крестьянину, и потому личное освобожденiе крѣпостного отъ господской власти помѣщика могло сопровождаться одинаково и сохраненiемъ старой связи между крестьяниномъ и его участкомъ, и наоборотъ, расторженiемъ этой связи. Мало того. Возможенъ былъ и такой случай, когда земля открѣплялась отъ крѣпостного, прежде нежели послѣднiй получалъ самъ личную свободу, и примѣръ этого представляетъ собою, еще въ первыя два десятилѣтiя XIX в., Мекленбургъ, гдѣ крестьяне были крѣпостными, но крестьянскаго хозяйства уже почти не существовало. Другими словами, крестьянинъ могъ быть освобожденъ, но прежняя его земля могла быть при этомъ за нимъ оставлена, въ наслѣдственномъ даже владѣнiи, или же онъ могъ быть освобожденъ безъ всякаго права на свою прежнюю землю, т.-е., еще иначе говоря, освобожденiе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости могло и сопровождаться и не сопровождаться ихъ обезземеленiемъ. Наконецъ, въ самомъ этомъ обезземеленiи необходимо различать случаи прекращенiя юридической связи между крестья-

---

[1]) Ср. стр. 307 и см. ниже въ гл. XXVII.

ниномъ и его надѣломъ съ фактическимъ сохраненіемъ надѣла за крестьяниномъ на арендномъ правѣ и случаи прекращеніи экономической между ними связи путемъ отобранія у крестьянина его участка и превращенія его такимъ образомъ изъ хозяина въ батрака. Ходъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостничества на Западѣ былъ столь разнообразенъ и сложенъ, что мы встрѣчаемся въ немъ дѣйствительно съ довольно разнообразными формами, но главный путь былъ всетаки такой: сначала освобожденіе личности съ охраненіемъ традиціонной связи ея съ землею, затѣмъ ослабленіе этой связи въ силу замѣны владѣнія арендою и потомъ уже, во многихъ случаяхъ, прекращеніе и этой связи вслѣдствіе превращенія арендатора въ батрака.

Разъ таковъ былъ общій характеръ и самый ходъ крестьянскаго освобожденія въ концѣ среднихъ вѣковъ,—гдѣ только оно имѣло мѣсто, конечно,—то и самыя его причины не могутъ быть отнесены къ числу тѣхъ крупныхъ политическихъ событій, которыя, подобно революціямъ новѣйшаго времени, заставляли правительства предпринимать тѣ или другія мѣры для ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній. Иниціатива въ отдѣльныхъ случаяхъ освобожденія могла итти и дѣйствительно очень нерѣдко шла со стороны самихъ сеньёровъ. Сюда нужно, во-первыхъ, отнести случаи дарованія помѣщиками разныхъ льготъ населенію ихъ имѣній, съ одной стороны, для привлеченія въ нихъ новыхъ жителей, если въ распоряженіи помѣщиковъ были еще пустопорожнія земли [1]), а съ другой, чтобы удержать въ своихъ владѣніяхъ крестьянъ, когда послѣдніе обнаруживали стремленіе уходить на новыя мѣста. Крѣпостные часто спасались отъ неволи бѣгствомъ, и по распространенному обычаю стоило пробыть въ безвѣстномъ отсутствіи одинъ годъ съ однимъ днемъ, чтобы навѣки сбросить съ себя узы неволи [2]). Особенно надежное убѣжище для бѣглыхъ крѣпостныхъ представляли собою города, самый «воздухъ» которыхъ, по извѣстной поговоркѣ, «дѣлалъ человѣка свободнымъ» [3]), но убѣжище и свободу можно было найти также и на земляхъ сеньёровъ, заводившихъ новые поселки. Во-вторыхъ, сами сеньёры при-

[1]) Ср. выше, стр. 175—176, особенно 78—79.

[2]) См. выше, стр. 76.

[3]) См. выше, стр. 176.

ходили иногда къ убѣжденію о необходимости замѣны старыхъ крѣпостническихъ формъ болѣе мягкими порядками, особенно если при этомъ не происходило никакой матеріальной потери. Очень часто, именно, вся перемѣна отношеній заключалась въ томъ, что крестьянскія повинности переводились, такъ сказать, съ лица на землю, и освобожденный отъ крѣпостной зависимости крестьянинъ, въ сущности, продолжалъ платить не меньше того, что ему приходилось платить въ состояніи серважа. Особенно же часто, какъ это наблюдается во Франціи,—и это уже было нѣкоторымъ шагомъ впередъ, крестьянскія повинности «абонировались», т.-е. изъ произвольныхъ становились опредѣленными, и сервъ превращался уже тѣмъ самымъ въ менѣе зависимаго виллана [1]). Въ связь съ этимъ, въ-третьихъ, нужно поставить всѣ случаи, когда сеньёры отказывались отъ тѣхъ или другихъ своихъ правъ или даже прямо отъ своей господской власти за извѣстный выкупъ. Конечно, все это дѣлалось, главнымъ образомъ, тогда, когда сеньёры видѣли себя просто вынужденными итти на уступки или ожидали для себя какихъ-либо выгодъ. Въ свою очередь, крестьяне тоже употребляли разныя средства, чтобы уйти изъ-подъ неограниченной власти сеньёра. Кромѣ простого бѣгства, было еще такъ называемое во Франціи *дезавуированіе* сеньёра, т.-е. заявленіе, что сервъ болѣе ненамѣренъ оставаться въ прежнемъ положеніи [2]). Правда, это давало поводъ къ многочисленнымъ процессамъ, но по мѣрѣ усиленія королевскихъ судовъ во Франціи засѣдавшіе въ нихъ легисты охотно разрѣшали споры по крѣпостническимъ отношеніямъ въ пользу личной свободы крестьянъ, принципъ которой они заимствовали изъ ученія римскихъ юристовъ о томъ, что «по естественному праву всѣ люди родятся свободными». (Замѣтимъ мимоходомъ, что въ Германіи роль юристовъ, изучавшихъ римское право и проводившихъ его въ жизнь, въ качествѣ княжескихъ совѣтниковъ, чиновниковъ и судей, была совершенно обратная: здѣсь во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ свободы и несвободы, при существованіи разныхъ переходовъ и неодинаковыхъ степеней зависимости, они разрѣшали споры въ крѣпостническомъ духѣ, какъ будто бы всякая зависимость была чѣмъ-то въ родѣ римскаго рабства).

---

[1]) См. выше, стр. 77—79.

[2]) См. выше, стр. 76.

Сводя къ общей формулѣ выясненіе причинъ начальнаго фазиса въ крестьянскомъ раскрѣпощеніи на Западѣ, мы должны, конечно, прежде всего видѣть въ немъ общій хотя и постепенно складывавшійся результатъ столь же постепенно нараставшихъ измѣненій въ хозяйственномъ быту феодальныхъ помѣстій. Пока безраздѣльно господствовало натуральное хозяйство, до тѣхъ поръ барщина и оброки натурою въ количествѣ, потребномъ сеньёру для содержанія себя, своей семьи, домочадцевъ, дворни, были незамѣнимыми способами полученія дохода, но стоило только возникнуть городу, живщему покупнымъ хлѣбомъ, появиться продуктамъ промышленности, покупаемымъ за деньги и т. п., какъ прежнія формы полученія дохода оказывались уже недостаточными, и землевладѣльцы начинали изыскивать новые способы, во многихъ отношеніяхъ нерѣдко лишь идя при этомъ на встрѣчу желаніямъ самихъ крестьянъ. Съ другой стороны, и сами начавшіяся освобожденія вызывали и еще новыя и новыя освобожденія, такъ какъ примѣръ оказывался заразительнымъ не только для крестьянъ, но и для ихъ господъ: трудно было удерживать въ прежнемъ повиновеніи населеніе сеньёріи, разъ тутъ же подъ бокомъ, въ сосѣднемъ помѣстьѣ, устанавливались новые порядки.

Лучше всего мы будемъ, однако, въ состояніи оцѣнить дѣйствіе разныхъ факторовъ освобожденія крестьянъ въ разсматриваемую нами эпоху сословной монархіи, если остановимся на томъ, какъ оно происходило въ отдѣльныхъ странахъ, и, такимъ образомъ, будемъ имѣть передъ глазами нѣсколько болѣе конкретныхъ примѣровъ, достаточно, впрочемъ, типичныхъ для того, чтобы имѣть и болѣе общее значеніе.

Такъ какъ крестьянское раскрѣпощеніе является одною изъ сторонъ паденія феодализма, то ранѣе всего процессъ этотъ и совершился тамъ, гдѣ раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, произошло, въ ущербъ феодализму, развитіе городского быта. Такой страной была прежде всего Италія, въ частности сѣверная и средняя ея части. Здѣсь именно почти повсемѣстно борьба городовъ съ феодальными сеньёрами оканчивалась побѣдою первыхъ со включеніемъ побѣжденныхъ дворянъ въ составъ населенія городскихъ общинъ, получившихъ республиканскую организацію и распространившихъ свою власть на земскіе округа, въ которыхъ сами онѣ находились. Этотъ процессъ сопровождался личнымъ

освобожденіемъ крестьянскаго населенія подчиненныхъ городамъ округовъ, но въ то же время и открѣпленіемъ крестьянъ отъ ихъ надѣловъ. Здѣсь мы и видимъ самое раннее явленіе разложенія сеньёрьяльнаго строя: крупное землевладѣніе остается, но сеньёръ переселяется въ городъ, а крестьяне изъ наслѣдственныхъ владѣльцевъ своихъ участковъ превращаются постепенно въ краткосрочныхъ арендаторовъ, большею частью половниковъ, нерѣдко и въ безземельныхъ батраковъ. При этомъ городскія власти наблюдали за тѣмъ, чтобы крестьяне отбывали свои повинности, между прочимъ, въ интересахъ доставленія въ города потребнаго количества хлѣба и необходимаго для обрабатывающей промышленности сырья. Главною эпохою этого процесса было XIII столѣтіе, а въ XIV—XV вѣкахъ и въ южной Италіи исчезло крѣпостничество, а вмѣстѣ съ тѣмъ получила большое распространеніе временная аренда. Въ общемъ причины такихъ измѣненій для значительной части Италіи лежали въ экономическомъ вліяніи города съ его денежнымъ хозяйствомъ и въ его же вліяніи политическомъ, съ его враждебнымъ отношеніемъ къ феодальнымъ формамъ и къ крѣпостничеству. Неаполитанское королевство, бывшее абсолютной монархіей [1]), въ дѣлѣ эманципаціи крестьянъ вообще значительно отставало отъ тѣхъ частей полуострова, гдѣ образовались городовыя республики. И вообще для всей Западной Европы можно принять за общее правило, — какія бы отдѣльныя исключенія имъ ни допускались,—что однимъ изъ результатовъ экономическаго и политическаго вліянія городского быта было исчезновеніе или, по крайней мѣрѣ, ослабленіе крѣпостничества [2]).

Это же самое явленіе мы наблюдаемъ и въ Кастиліи, гдѣ, какъ извѣстно, городской бытъ получилъ очень раннее, но и очень значительное развитіе [3]). Какъ-разъ крѣпостничество прекратилось въ этомъ государствѣ раньше, чѣмъ въ другихъ королевствахъ Пиренейскаго полуострова, чему отчасти способствовали и крестьянскія возстанія (не всегда, впрочемъ, сопровождавшіяся успѣхомъ). Содѣйствовала процессу освобожденія и возможность для крѣпостныхъ ухода въ мѣстности, постепенно отвоевывавшіяся у мавровъ и по-

---

[1]) Италія вообще была незнакома съ формой сословной монархіи.

[2]) Ср. выше, стр. 176.

[3]) См. выше, стр. 284.

лучавшія христіанское населеніе: это—тоже одно изъ условій, встрѣчающихся и въ исторіи другихъ странъ, хотя бы и въ формѣ внутренней колонизаціи [1]). Во вновь заселяемыя мѣстности народъ привлекался льготами и привилегіями, что заставляло сеньёровъ удерживать своихъ крестьянъ разнаго рода уступками. Такія уступки въ Кастиліи стали даже дѣлаться предметомъ спеціальныхъ «фуэро» для отдѣльныхъ селеній и цѣлыхъ мѣстностей, начиная еще съ IX в. Въ XII столѣтіи личная несвобода въ Кастиліи уже совершенно исчезаетъ, хотя пользованіе правомъ свободнаго перехода было еще сопряжено съ потерею движимаго имущества; только въ XIII в. это ограниченіе тоже исчезло. Въ королевствѣ образовались даже особыя вольныя крестьянскія общины, получившія названіе *бегетрій* (*behetriae*); по собраннымъ въ серединѣ XIV в. статистическимъ свѣдѣніямъ для точнаго опредѣленія королевскихъ и помѣщичьихъ правъ на разные крестьяснкіе платежи и повинности на 2207 селеній, насчитывавшихся тогда въ королевствѣ, бегетрій было 735, т.-е. около трети вышеуказанной цифры.

Если таковъ былъ ходъ раскрѣпощенія крестьянской массы въ Кастиліи, то въ Арагонѣ съ его сильно аристократическимъ строемъ было совершенно иначе. Господство дворянства въ кортесахъ давало ему возможность держать крѣпко въ своихъ рукахъ власть надъ сельскимъ населеніемъ вплоть до права распоряжаться жизнью своихъ подданныхъ (постановленія кортесовъ 1245 и 1381 гг.). Эманципація крестьянъ произошла здѣсь уже позднѣе. Начало ей было положено, да и то только въ Каталоніи, т.-е. въ с. в. углу полуострова лишь въ царствованіе Фердинанда Католика. Въ XIV и XV в. положеніе крестьянъ въ этомъ княжествѣ даже было худшимъ сравнительно съ предыдущимъ временемъ, потому что денежная нужда очень нерѣдко заставляла арагонскихъ королей закладывать и даже продавать духовенству и свѣтской знати свои домены, отчуждая вмѣстѣ съ тѣмъ и власть свою надъ населеніемъ этихъ имѣній, а лица, ихъ пріобрѣтавшія, старались всячески извлекать изъ нихъ побольше выгодъ. Крестьяне начали бунтовать, и королевская власть даже сдѣлала попытку привлечь крестьянство на свою сторону во время одного конфликта съ знатью. Въ 1462 г. воз-

[1]) См. выше, стр. 175.

станіе крестьянъ—и притомъ не однихъ крѣпостныхъ, но и бывшихъ свободными—охватило всю эту маленькую страну. Одновременно съ этимъ происходившее междоусобіе короля (Іоанна II) съ чинами княжества окончилось побѣдою королевской власти, но крестьяне не только не добились своего, а даже попали еще въ худшее положеніе. Въ 1484 г. поэтому вспыхнуло въ Каталоніи новое крестьянское возстаніе, заставившее дворянъ на этотъ разъ обратиться къ посредническому суду уже царствовавшаго тогда Фердинанда Католика. Король въ 1486 г. рѣшилъ тяжбу въ пользу крѣпостныхъ крестьянъ, признавъ за ними личную свободу и право ихъ на занимавшіеся ими участки по уплатѣ извѣстнаго выкупа и дальнѣйшаго платежа ежегодной ренты, а также отмѣнивъ сеньёрьяльную юстицію съ подчиненіемъ и бывшихъ прежде крѣпостными общему управленію и суду [1]).

Въ концѣ среднихъ вѣковъ крѣпостничество исчезло и въ Англіи, хотя исключительные случаи его существованія можно констатировать даже еще въ XVII столѣтіи, случаи, впрочемъ, неизмѣримо болѣе рѣдкіе, нежели во Франціи еще передъ самой революціей 1789 г., повидимому, прямо даже единичные въ видѣ какихъ-то пережитковъ, которыхъ и не стоитъ принимать въ расчетъ при общей характеристикѣ англійскаго общественнаго строя. Во всякомъ случаѣ разсматриваемый процессъ растянулся въ Англіи на очень продолжительное время, а чѣмъ продолжительнѣе и потому медленнѣе совершался какой-либо процессъ,—разъ только онъ не можетъ быть предметомъ непосредственнаго наблюденія,—тѣмъ вообще расплывчатѣе наше о немъ представленіе,—замѣчаніе, относящееся, конечно, не къ одной Англіи. Поэтому весьма естественно, что многое въ интересующемъ насъ процессѣ подлежитъ спору, такъ что въ концѣ концовъ, о позднемъ вилланствѣ въ Англіи, какъ говоритъ

---

[1]) Проф. *Пискорскій*, между прочимъ разсказывающій этотъ эпизодъ въ книгѣ «Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка» (Кіевъ. 1901), говоритъ въ заключеніе: «такимъ образомъ было уничтожено крѣпостное право въ Каталоніи. Медленный процессъ его разложенія, который могъ затянуться на неопредѣленное время вслѣдствіе нежеланія сеньёровъ разстаться съ выгодами крѣпостного труда и зависимости и колебаній королевской политики по крестьянскому вопросу, былъ ускоренъ крестьянскими возстаніями» (стр. 220).

одинъ русскій изслѣдователь вопроса, «мы знаемъ много мнѣній и мало фактовъ» [1]).

Кромѣ общихъ причинъ, медленно разлагавшихъ англійское вилланство путемъ постепенныхъ частныхъ перемѣнъ въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ,—какъ это происходило и въ другихъ странахъ, гдѣ только процессъ этотъ имѣлъ мѣсто,—существовали въ Англіи и нѣкоторыя особенныя причины, оказывавшія, однако, дѣйствіе на всю страну. Извѣстно, какое опустошеніе произвела въ Англіи бывшая тамъ въ 1348—1349 гг. чума («черная смерть»): полагаютъ, что она уменьшила населеніе страны на цѣлую половину. «Тогда прекратились доходы, тогда земля вслѣдствіе недостатка въ колонахъ осталась невоздѣланной», пишетъ одинъ современный этому бѣдствію хроникеръ. Вездѣ уменьшилось число держателей земли, и недоставало рабочихъ рукъ для барскихъ хозяйствъ». «Такъ великъ былъ недостатокъ рабочихъ, свидѣтельствуетъ еще одинъ хроникеръ, что третья часть земли, и даже больше того, по всему королевству оставалась невоздѣланной». Рабочія руки, къ крайнему неудовольствію землевладѣльцевъ, сдѣлались очень дороги, и многіе свободные арендаторы и вилланы даже оставляли свои участки, чтобы жить заработной платой. Землевладѣльцы стали удерживать ихъ на мѣстахъ разными уступками и льготами, но такъ какъ и это недостаточно помогало, то они обратились къ законодательному, общему для всей страны способу прекратить то, что̀ они называли «злонамѣренностью» рабочаго люда. Въ серединѣ 1349 г. вышелъ королевскій ордоннансъ [2]), предписывавшій каждому мужчинѣ и каждой женщинѣ свободнаго или крѣпостного (servilis) состоянія, разъ у нихъ не было такихъ-то и такихъ-то занятій или собственныхъ средствъ къ жизни, «поступать на службу къ тому, кто ихъ зоветъ и притомъ за такую плату деньгами или натурой, какую въ мѣстностяхъ, гдѣ они обязаны служить, обыкновенно давали раньше» (за послѣднія 5—6 лѣтъ). За сеньёрами при этомъ

---

[1]) *А. Савинъ.* Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. М. 1903. Стр. 1. Первая глава этой книги, посвященная «концу вилланства», содержитъ въ себѣ отчасти изложеніе и разборъ ученыхъ споровъ по вопросу.

[2]) Приведенъ почти цѣликомъ на стр. 32 и слѣд. второй части книги проф. *Петрушевскаго* «Возстаніе Уота Тайлера» (М. 1901)

признавалось преимущественное право «удерживать у себя вилланов или держащихъ у нихъ вилланскую землю, но такъ, однако, чтобы эти сеньёры удерживали лишь стольких, сколько имъ необходимо, а не больше». За отказъ отъ работы или досрочный уходъ съ работы грозило тюремное заключеніе. Въ 1351 г. въ такомъ же смыслѣ былъ изданъ и парламентскій статутъ болѣе детальнаго еще содержанія, а потомъ и въ послѣдующіе годы это законодательство подтверждалось и дополнялось, наприм., мѣрами противъ бѣгства вилланов въ города. Въ свою очередь для борьбы за свои интересы и права сельчане устраивали тайныя организаціи. Впрочемъ, и многіе наниматели, особенно изъ болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, сами же нарушали предписанія законовъ, сманивая рабочихъ у своихъ сосѣдей болѣе высокой заработной платой. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, но все это не могло не нанести тяжелаго удара сеньёрьяльному режиму, потому что теперь безработный вилланъ сдѣлался рабочимъ каждаго нанимателя, а нуждающійся въ рабочихъ наниматель—хозяиномъ каждаго безработнаго виллана. «Юридическія категоріи свободы и крѣпости растворились въ болѣе широкой экономической категоріи хозяина и рабочаго» [1]). Крѣпостная зависимость виллана отъ лорда была ослаблена, несмотря на то, что духъ законодательства былъ крѣпостническій [3]), и отношенія между лордомъ и его вилланами стали подлежать вѣдѣнію общаго права и общихъ судовъ. Съ другой стороны, то обстоятельство, что главное содержаніе законодательства касается найма на сельско-хозяйственныя работы, указываетъ на то, что имъ имѣлись въ виду интересы не натуральнаго уже, а денежнаго хозяйства, т.-е. къ этому времени старый мэноріальный строй является передъ нами уже достаточно разложившимся. При общемъ крѣпостническомъ характерѣ рабо-

---

[1]) *А. Савинъ,* стр. 25.

[2]) См. во второй части только-что названной книги проф. *Петрушевскаго* стр. 313—357, гдѣ разсматривается вопросъ, была ли сдѣлана лордами мэноровъ попытка возстановить барщину вилланов послѣ черной смерти. «Безъ преувеличенія можно сказать, замѣчаетъ этотъ изслѣдователь, что того крѣпостного права, какое обрушилось на англійскаго виллана послѣ черной смерти, предки этого виллана не знали никогда» (стр. 341): авторъ видитъ здѣсь «очень сильную феодальную реакцію». Ср. также общій выводъ на стр. 350.

чаго законодательства середины XIV в. оно вовсе не ставило своею цѣлью превращеніе рабочаго въ виллана, ибо «прикрѣпляло его не къ тому или другому землевладѣльцу, а ко всему землевладѣльческому классу [1]), а это уже было выходомъ изъ рамокъ собственно феодальнаго строя. Въ исторіи Англіи черной смерти уже предшествовалъ періодъ замѣны вилланскихъ натуральныхъ повинностей денежными платежами, развитія барскаго хозяйства при помощи наемнаго труда, возникновенія срочной денежной аренды, т.-е. все такихъ явленій, которыя показываютъ, что старый сеньёрьяльный режимъ въ странѣ былъ сильно поколебленъ процессомъ перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, а вмѣстѣ съ нимъ поколеблено и старое феодальное крѣпостничество. Послѣдствія черной смерти только содѣйствовали дальнѣйшему разложенію старыхъ вилланскихъ отношеній и крѣпостническихъ держаній въ пользу личной свободы крестьянъ и развитія между ними срочной денежной аренды.

Крѣпостническія отношенія въ Англіи нерѣдко дѣлались предметомъ судебныхъ тяжбъ, и въ числѣ факторовъ, содѣйствовавшихъ разложенію вилланства, нужно имѣть въ виду и то «покровительство свободѣ» (favor libertatis), которое заключали въ себѣ очень часто судебные приговоры. Юристы учили именно, что крѣпостное состояніе противно и естественному праву, и слову Божію. Если уже нельзя сразу и повсемѣстно его отмѣнить, разсуждали англійскіе судьи, то, по крайней мѣрѣ, нужно всегда и вездѣ, гдѣ представляется возможность, оказывать покровительство свободѣ, хотя бы, наприм., пользуясь процессуальными упущеніями и промахами господъ. Процессы о вилланствѣ случались въ Англіи еще въ XV и XVI столѣтіяхъ, что доказываетъ равнымъ образомъ существованіе крѣпостныхъ и при Тюдорахъ, кромѣ, конечно, и другихъ свидѣтельствъ о томъ же. Характерно, однако, что бо̀льшая часть извѣстій о крѣпостныхъ XVI в. связана съ указаніями на ихъ отпущенія на волю, но причемъ эти же указанія заключаютъ въ себѣ и мотивы отпущеній: они дѣлались за деньги и составляли нѣкоторую часть обычнаго сеньёрьяльнаго дохода, ссылки же на естественное право и слово Божіе были здѣсь только реторическими украшеніями отпускныхъ грамотъ. Въ сельскомъ населеніи страны въ XVI в. крѣпостные составляли уже во всякомъ случаѣ очень

---

[1]) *Д. Петрушевскій.* II, 282.

небольшую часть, и любопытно, что послѣдніе «бондмены», какъ ихъ звали, почти не несли барщины, а нерѣдко въ городахъ занимались ремеслами и торговлею, чѣмъ и пріобрѣтали средства откупа на волю.

Раскрѣпощеніе сельскаго населенія во Франціи [1]) началось приблизительно тогда же, какъ и въ Англіи, но затянулось на болѣе продолжительное время. Въ XVIII столѣтіи въ большей части провинцій дѣйствовали *свободныя кутюмы (coutumes franches)*, не допускавшія крѣпостническихъ отношеній, но были въ видѣ исключенія и такія мѣстности, въ которыхъ дѣйствующее право *(coutumes serves)* знало серважъ, хотя, конечно, не во всѣхъ сеньёріяхъ такихъ провинцій это состояніе было, а тамъ, гдѣ были сервы, отнюдь не все населеніе изъ нихъ состояло. Мы ихъ встрѣчаемъ въ королевскихъ доменахъ, гдѣ они были освобождены лишь передъ самой революціей, но больше всего «послѣдніе сервы» встрѣчаются въ XVIII в. на земляхъ духовенства. Только меньшая часть ихъ была прикрѣплена къ землѣ безусловно:—это были такъ называемые *serfs personnels*, тогда какъ большинство находилось въ состояніи *servitude réelle*, при которой можно было освободиться, покинувъ землю,— обстоятельство, отчасти объясняющее намъ, почему сохранялся серважъ; очень многіе не хотѣли покупать личной свободы своимъ обезземеленіемъ.

Мы уже видѣли въ другомъ мѣстѣ, что во Франціи переходъ отъ серважа къ состоянію свободы совершался очень часто черезъ промежуточное состояніе *виленажа*, которое имѣетъ только имя общее съ англійскимъ вилланствомъ, но отличается отъ него большею близостью къ свободѣ [2]). Въ XII в., говоритъ Сэ, новѣйшій историкъ сеньёрьяльнаго строя во Франціи, — свободные вилланы составляли только меньшинство, а въ XIV в. они уже составляютъ громадное большинство сельскаго населенія» [3]). Разбирая вопросъ о причинахъ этого явленія, онъ не придаетъ большого значенія религіознымъ мотивамъ и юридическому правосознанію, ко-

---

[1]) Въ моемъ «Очеркѣ исторіи французскихъ крестьянъ» см. главу V подъ заглавіемъ »Эпоха освобожденія деревень», а также книгу *Sée* (ср. выше, стр. 71).

[2]) См. выше, стр. 77—79.

[3]) *Sée*, стр. 329.

торые, какъ многіе прежде думали, руководили сеньёрами, освобождавшими сервовъ. На первый планъ Сэ ставитъ желаніе сеньёровъ удерживать сервовъ въ своихъ помѣстьяхъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстностяхъ развилось право крестьянъ дезавуировать своихъ господъ. Дѣйствовало и то соображеніе, приводимое въ грамотахъ, что работа на себя производительнѣе работы на другого. Вторымъ мотивомъ было полученіе выкупной платы за освобожденіе на волю. Наконецъ, сами крѣпостные всячески добиваются свободы, иногда даже путемъ бунтовъ. Въ 1347 г. арх. Безансонскій мотивировалъ отпущеніе своихъ сервовъ на волю тѣмъ, что «менмортабли работаютъ нерадиво, говоря, что они работаютъ для другого, — будь они увѣрены, что они кое-что оставятъ своимъ роднымъ, они трудились бы и пріобрѣтали бы съ большею охотою». Съ другой стороны, въ отпускныхъ хартіяхъ дѣлаются и такія заявленія: «я взялъ за это отпущеніе и эту свободу» (pro hac manumissione et franchesia) столько-то денегъ, «которыя и обратилъ въ свою пользу и выгоду» (in utilitatem meam et commodum meum), или «мы дали эту свободу ради нашей выгоды» (por nostre proffit). Въ XI в. освободительныя грамоты были еще рѣдки и касались только отдѣльныхъ лицъ и семействъ, но въ XII в. онѣ дѣлаются болѣе частыми и даются уже не только отдѣльнымъ лицамъ, но и цѣлымъ группамъ, явленіе, усиливающееся въ XIII в., причемъ своихъ сервовъ освобождаютъ нерѣдко и короли, одинъ изъ послѣднихъ Капетинговъ, Людовикъ X, готовъ былъ провозгласить свободу всѣхъ жителей королевства въ знаменитомъ ордоннансѣ 1315 г. [1]). Еще въ XIII в. Бомануаръ, писавшій объ обычномъ правѣ, дѣйствовавшемъ въ Бовези, утверждалъ, что «по естественному праву во Франціи всякій свободенъ», играя при этомъ словами «franc» (свободный) и «France» (selon le droit naturel chacun est franc en France). Въ 1311 г. Филиппъ IV Красивый, освобождая за деньги сервовъ Валуа, тоже объявлялъ, что «всякое человѣческое существо, созданное по образу нашего Господа, должно быть свободно по естественному праву». Ссылкою на этотъ принципъ и начинается ордоннансъ 1315 г.: «такъ какъ по естественному праву каждый долженъ родиться свободнымъ

---

[1]) Приведенъ цѣликомъ въ «Очеркѣ исторіи французскихъ крестьянъ», стр. 85 и слѣд.

(franc),... мы, принимая во вниманіе, что наше королевство названо королевствомъ франковъ (francs), и желая, чтобы вещь дѣйствительно соотвѣтствовала названію, ...повелѣли и повелѣваемъ, ...чтобы такія рабскія состоянія были замѣнены свободой (franchise)... на хорошихъ и похвальныхъ условіяхъ, ... дабы и другіе сеньёры, владѣющіе сервами, взяли примѣръ съ насъ въ возвращеніи имъ свободы». Такимъ образомъ, однако, король только приглашалъ сеньёровъ послѣдовать его примѣру [1]). Съ другой стороны, въ ордоннансѣ агентамъ королевской власти рекомендуется «условливаться и договариваться (съ сервами) относительно выкуповъ, посредствомъ которыхъ, какъ сказано въ документѣ отъ имени короля, мы были бы достаточно вознаграждены (suffisante récompensation nous soit faicte) за тѣ выгоды, которыя эти рабскія состоянія могли бы доставить намъ и преемникамъ нашимъ». Чувствуя, что немногіе, пожалуй, польстятся на подобную «франшизу», Людовикъ X писалъ потомъ коммиссарамъ, которымъ было поручено это дѣло: «такъ какъ можетъ случиться, что нѣкоторые вслѣдствіе дурного совѣта или недостатка благоразумія не увидятъ въ этомъ великаго благодѣянія и великой милости и скорѣе захотятъ оставаться въ бѣдности рабскаго состоянія, чѣмъ освободиться, то мы приказываемъ и поручаемъ вамъ, разсмотрѣвши имущество такихъ лицъ и условія рабства каждаго, взять для покрытія расходовъ нашей настоящей войны съ каждаго столько, сколько можно безъ обиды взять и сколько потребно для нуждъ нашей войны».

Объ условіяхъ освобожденія вообще можно сказать, что даромъ это почти никогда не дѣлалось. Освобождаемый сервъ, дезауировавшій своего господина, оставлялъ въ его пользу свою землю. Въ другихъ случаяхъ свобода покупалась ежегоднымъ оброкомъ деньгами или натурой. Чаще, однако,— и въ XIII в. это было чуть не общимъ правиломъ,—сеньёръ требовалъ единовременнаго взноса очень различной величины, иногда соглашаясь разсрочить выкупную сумму на нѣсколько лѣтъ. Самое освобожденіе понималось при этомъ лишь въ смыслѣ отмѣны по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, семьямъ, деревнямъ тѣхъ повинностей, которыя считались

---

[1]) Короли въ этомъ отношеніи начали подавать примѣры еще лѣтъ за двѣсти до ордоннанса 1315 г.

самыми характерными признаками серважа: это была, какъ мы знаемъ, произвольная талія, «мертвая рука» и формарьяжъ [1]). Случалось при этомъ и такъ, что освобожденіе имѣло неполный, лишь частичный характеръ, т.-е. крестьянинъ освобождался только отъ чего-либо одного, что́ вносило въ его раскрѣпощеніе нѣкоторую длительную постепенность съ большими промежутками времени: напр., одно селеніе освободилось отъ произвольной таліи въ 1250 г., а отъ «мертвой руки» лишь въ 1337 г. Но и полное освобожденіе отъ трехъ названныхъ видовъ неволи не влекло за собою отмѣны платежей поземельнаго характера, какъ это иногда и оговаривалось въ отпускной грамотѣ. Глубокихъ измѣненій въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ и существенныхъ условіяхъ пользованія землею, собственно говоря, всѣ эти освобожденія не производили. Вотъ почему извѣстны случаи, когда сами сервы отказывались отъ предлагавшихся имъ сеньёрами хартій. Для общей характеристики процесса небезъинтересно знать, что въ эту эпоху, даже еще въ XIII в. были случаи и закрѣпощенія людей, пользовавшихся прежде личною свободою. Наконецъ, отмѣтимъ еще, что въ самомъ феодальномъ правѣ были препятствія, нерѣдко затруднявшія освобожденія въ отдѣльныхъ случаяхъ. «Нельзя, говоритъ въ XIII в. Бомануаръ, освободить своего серва безъ позволенія того, отъ кого имѣешь феодъ, ибо права, которыя я имѣю надъ сервомъ, принадлежатъ къ моему феоду, и, слѣдовательно, если я освобождаю серва, я уменьшаю свой феодъ». Поэтому часто освобождавшійся сервъ долженъ былъ платить не только своему непосредственному господину, но и сеньёру послѣдняго, или же, по крайней мѣрѣ, вассалъ обязанъ былъ заручиться согласіемъ своего феододателя на освобожденіе серва.

Однако, при всемъ томъ старый доманіальный режимъ тоже начиналъ разлагаться. Дѣло заключалось не только въ томъ, что права держателей земли на ихъ участки становились все болѣе прочными, но и въ томъ, что доходныя статьи одного и того же помѣстья нерѣдко отчуждались путемъ продажи въ разныя руки, въ однѣ—цензъ, въ другія—шампаръ, въ третьи—еще что-нибудь, да вдобавокъ, бывало и такъ, что, наприм., шампаръ одного помѣстья принадлежалъ не одному лицу, а нѣсколькимъ. Были феоды, которые за-

---

[1]) См. выше, стр. 75.

ключались не въ земляхъ, а въ оброкахъ и повинностяхъ. Одновременно начался и процессъ пріобрѣтенія дворянскихъ земель ротюрьерами. Съ XIII в., далѣе, началась также во многихъ случаяхъ отдача части барской земли въ аренду, и вообще стала появляться срочная крестьянская аренда, денежная или половническая на 24, 12, 9 и даже 6 лѣтъ. Наконецъ, какъ и въ Англіи, разложеніе стараго доманіальнаго строя приводитъ къ образованію,—по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и уже въ XIV в.—класса сельскихъ рабочихъ, т.-е. поденщиковъ и батраковъ, по отношенію къ которымъ и во Франціи послѣ чумы 1348 г. были приняты законодательныя мѣры, подобныя англійскимъ.

Съ исторіей раскрѣпощенія крестьянъ на Западѣ тѣсно связаны крестьянскія движенія, принимавшія нерѣдко весьма крупные размѣры. Имъ, несомнѣнно, слѣдуетъ отвести извѣстное мѣсто среди факторовъ раскрѣпощенія [1]), хотя, съ другой стороны, неудачныя возстанія нерѣдко только ухудшали общее положеніе сельской массы, такъ что значеніе ихъ было двоякое: все зависѣло отъ большей удачи или неудачи. Въ свою очередь эти возстанія могутъ служить также и симптомами начинавшагося разложенія сеньёрьяльнаго режима. По крайней мѣрѣ, когда онъ только еще устанавливался, онъ не встрѣчалъ противъ себя такой сильной оппозиціи, какую вызывалъ въ болѣе позднія времена своего разложенія, хотя и тутъ приходится оговориться и указать, что были случаи— но не въ раннее средневѣковье, а къ исходу среднихъ вѣковъ,—когда и попытки закрѣпощенія встрѣчали болѣе или менѣе сильное сопротивленіе. Однимъ словомъ, исторія средневѣковыхъ крестьянскихъ возстаній, къ которымъ примыкаютъ и крестьянскія движенія XVI в. въ Венгріи [2]) или въ Германіи, представляетъ довольно значительное разнообразіе.

До XIV в. во Франціи вообще крестьянскіе бунты были сравнительно рѣдки. Первое значительное движеніе отмѣчается въ Нормандіи въ 997 г. Въ XI столѣтіи бóльшее значеніе имѣли еще вспышки въ Бретани (1024 г.) и въ Бургундіи (1032). Большею частью, впрочемъ, это были бунты въ отдѣльныхъ помѣстьяхъ въ родѣ того, который былъ въ 1268 г. въ имѣніи Iteville, принадлежавшемъ собору Париж-

[1]) См. выше, стр. 319 и слѣд.

[2]) См. выше, стр. 310.

ской Богоматери. Когда во Франціи было установлено Божіе перемиріе [1]), деревни стали устраивать вооруженныя организаціи для его защиты. Освобожденіе коммунъ тоже не могло не отразиться мѣстами на настроеніи крестьянъ, впрочемъ, больше только убѣгавшихъ въ города. Самый же значительный взрывъ крестьянскаго неудовольствія произошелъ во Франціи въ серединѣ XIV в., одновременно съ революціоннымъ движеніемъ въ парижской буржуазіи [2]), и извѣстенъ подъ названіемъ *жакеріи* (jacquerie). Названіе это, сдѣлавшееся во французскомъ языкѣ нарицательнымъ словомъ, подобнымъ нашей «пугачевщинѣ», произошло отъ полупрезрительной клички, дававшейся дворянами крестьянамъ «Jacques Bonhomme» (Яковъ или Яшка Простакъ).

Положеніе крестьянъ во Франціи въ первой половинѣ XIV в. значительно ухудшилось. Еще при сыновьяхъ Филиппа IV и, между прочимъ, при Людовикѣ X, авторѣ ордонианса 1315 г., въ странѣ происходила сильная феодальная реакція. Въ то же время, особенно съ царствованія Филиппа IV, къ сеньёрьяльнымъ поборамъ присоединились поборы королевскаго фиска [3]). При новой династіи, вступившей на престолъ въ 1328 г., феодальная реакція усилилась, и къ этому присоединились бѣдствія скоро начавшейся «столѣтней» войны съ англичанами, разорявшей крестьянъ увеличеніемъ налоговъ и выкупами сеньёровъ, попадавшихъ въ плѣнъ, кромѣ, конечно, и непріятельскаго вторженія въ страну и неистовствъ надъ сельскимъ населеніемъ, какія себѣ позволяли свои же. Наконецъ, Францію, какъ вообще и всю почти Европу, посѣтила страшная черная смерть, и здѣсь вызвавшая аналогичныя явленія съ тѣми, которыя наблюдаются въ тогдашней Англіи. Все это съ усилившимися вымогательствами дворянства,—которое навлекало противъ себя еще и обвиненіе въ томъ, что не умѣетъ защищать отечество [4]),—и вызвало въ деревняхъ страшное озлобленіе. Король, самъ позволившій крестьянамъ силою отражать нападенія грабителей, былъ въ плѣну, а дофинъ находился въ ссорѣ съ подданными, и вотъ въ началѣ лѣта 1358 г. вспых-

[1]) См. выше, стр. 108.
[2]) См. выше, стр. 235 и слѣд.
[3]) См. выше, стр. 231 и слѣд.
[4]) См. выше, стр. 236.

нуло возстанiе, охватившее значительную область на сѣверѣ Францiи [1]) и даже вошедшее въ нѣкоторое общенiе съ городскимъ движенiемъ, которымъ руководилъ Этьенъ Марсель. Мѣстные и сосѣднiе (даже англiйскiе) сеньёры при помощи наваррскаго короля Карла Злого подавили это возстанiе въ морѣ крови. Это былъ стихiйный взрывъ безъ предварительной организацiи, безъ вождей, безъ настоящихъ союзниковъ (горожанъ испугалъ разгулъ дикихъ страстей у жаковъ), а результатомъ варварскаго его подавленiя было только ухудшенiе на значительное время экономическаго и юридическаго положенiя крестьянъ.

Черезъ четверть вѣка общее крестьянское возстанiе, которое одинъ русскiй историкъ, о немъ писавшiй, назвалъ «англiйской пугачевщиной» XIV столѣтiя [2]), произошло и въ Англiи. Историки всегда его ставили въ прямую и непосредственную связь съ внутренними событiями, переживавшимися Англiей подъ влiянiемъ моровой язвы 1348—1349 г. Въ русской исторической литературѣ оно вызвало недавно (1897—1901 гг.) основательное изслѣдованiе проф. Д. М. Петрушевскаго [3]), который, между прочимъ, видитъ въ немъ, этомъ возстанiи подъ начальствомъ Уота Тайлера, одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ въ соцiальной исторiи Англiи, бросающiй свѣтъ на процессъ разложенiя феодальнаго строя не только въ этой странѣ, но, пожалуй, и вообще на европейскомъ Западѣ [4]). Признавая несомнѣннымъ, что передъ возстанiемъ лендлордами сдѣлана была попытка возстановить послѣ черной смерти уже выкупленную барщину [5]), нашъ изслѣдователь вопроса о причинахъ, ходѣ и характерѣ возстанiя 1381 г., не считаетъ ее однако, какъ это обыкновенно дѣлается, причиною, тѣмъ болѣе главною причиною этого событiя. Онъ отрицаетъ также, чтобы тутъ были заранѣе составленный заговоръ, заранѣе выработанная программа, заранѣе образовавшаяся организацiя, ибо возстанiе, по его

---

[1]) Бовези, Иль-де-Франсъ, и Шампань и Пикардiя.

[2]) Проф. *М. Ковалевскiй* въ спецiальной работѣ подъ этимъ заглавiемъ («Русская Мысль» за 1895 г.).

[3]) См. выше, стр. 325, примѣч.

[4]) Отсюда подзаголовокъ книги проф. *Петрушевскаго* «Очерки изъ исторiи разложенiя феодальнаго строя въ Англiи».

[5]) См. выше, стр. 325 и слѣд.

мнѣнію, «вспыхнуло на почвѣ аффекта, какъ протестъ противъ притѣсненій и вымогательствъ правительственныхъ агентовъ, въ концѣ истощившихъ терпѣніе народной массы», непосредственной же причиной были «политическія условія даннаго момента и предшествующая возстанію исторія отношеній правительства и народа, давшая въ результатѣ весьма острое политическое настроеніе, для котораго нуженъ былъ только поводъ, чтобы прорваться бурнымъ потокомъ ненависти и злобы противъ королевскихъ измѣнниковъ». Такимъ образомъ, по своему происхожденію и началу движеніе 1381 г. было чисто политическимъ, но «немедленно же оно приняло и соціальный характеръ, вскорѣ оттѣснившій на второй планъ его первоначальную политическую сторону, и превратилось въ широкій протестъ противъ феодальнаго строя во имя свободы личности, свободы труда и земли, свободы торговли, свободы всего гражданскаго оборота» [1]). Къ вытекавшей отсюда совершенно реальной программѣ большинства возставшихъ весьма скоро присоединилась совершенно «идеологическая» программа меньшинства, исходными пунктами которой были общіе соціально религіозные принципы совершенно коммунистическаго характера, программа, стоящая въ тѣсной связи съ сектантскимъ движеніемъ второй половины XIV в , извѣстнымъ подъ названіемъ лоллардизма. Политическія требованія возстанія 1381 г. отличались крайнею расплывчатостью, но зато требованія соціальныя были весьма конкректными и свидѣтельствовали о томъ, что были продиктованы самою жизнью подъ вліяніемъ соціальной борьбы между нанимателями и рабочими или между сеньёрами и вилланами, явившейся слѣдствіемъ экономическаго кризиса послѣ черной смерти. Крестьяне, возставшіе подъ предводительствомъ Уота Тайлера, овладѣли Лондономъ. Молодой король Ричардъ II долженъ былъ лично явиться къ инсургентамъ и пообѣщать имъ исполненіе ихъ требованій, къ чему народъ отнесся съ большимъ довѣріемъ, не поколебавшимся и послѣ того, какъ Уотъ Тайлеръ былъ убитъ въ присутствіи короля лондонскимъ мэромъ. Требованія крестьянъ сводились именно къ тому, чтобы въ Англіи разъ навсегда было покончено съ крѣпостнымъ состояніемъ и вообще безправіемъ народной массы. Королевское обѣщаніе, какъ извѣстно, не

---

[1]) *Д. Петрушевскій*, I, 376 и 380; II, 350—351.

было исполнено: возстаніе было въ концѣ концовъ подавлено съ страшною жестокостью, и парламентъ отказалъ въ своемъ согласіи на обѣщанныя со стороны короля и уже отчасти кое въ чемъ приводившіяся въ исполненіе уступки. На королевское посланіе о необходимости итти на эти уступки парламентъ отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что грамоты, данныя королемъ крестьянамъ, не имѣютъ силы, что крѣпостные составляютъ собственность своихъ господъ, у которыхъ король не имѣетъ права что-либо брать безъ ихъ согласія, и что они скорѣе готовы умереть, чѣмъ пойти на то, что̀ имъ предлагается.

Въ англійскомъ крестьянскомъ движеніи 1381 г. особую, очень интересную сторону представляетъ собою привнесеніе въ него сектантско-религіознаго элемента, между прочимъ, въ лицѣ «сумасшедшаго попа» Джона Болла, проповѣдовавшаго соціальное равенство. То же самое мы наблюдаемъ лѣтъ черезъ сорокъ и въ Чехіи во время гуситскаго движенія, гдѣ также возникли соціально-мистическія секты, вербовавшія своихъ сторонниковъ въ народныхъ массахъ. Вѣдь одной изъ сторонъ гуситскаго движенія въ Чехіи былъ какъ-разъ крестьянскій протестъ противъ происходившаго въ странѣ (между прочимъ путемъ сеймовыхъ постановленій) закрѣпощенія сельскаго населенія.

Еще больше народная оппозиція противъ крѣпостническихъ стремленій дворянства съ характеромъ и религіознаго движенія, враждебнаго католической церкви, выступаетъ наружу въ великой крестьянской войнѣ 1524—1525 гг., сопровождавшей начало церковной реформаціи [1]). Этому грандіозному взрыву предшествовали еще во второй половинѣ XV в. броженіе въ деревняхъ, проявлявшееся нерѣдко въ мѣстныхъ бунтахъ, потомъ образованіе крестьянскихъ союзовъ и чѣмъ ближе къ 1524—1525 г., тѣмъ болѣе сильная агитація. Причины этого явленія лежали въ ухудшеніи экономическаго и юридическаго положенія сельскаго населенія Германіи, о которомъ здѣсь распространяться мы не будемъ. Одно изъ условій заключалось въ общемъ направленіи дѣятельности дворянства, отбиравшаго у крестьянъ общинныя земли, увеличивавшаго размѣръ ихъ повинностей, закабаляв-

---

[1]) См. главы 9—11 второго тома моей «Исторіи Западной Европы въ новое время».

шихъ при помощи услужливыхъ юристовъ крестьянъ, бывшихъ прежде свободными, и т. п. Законники толковали всякую зависимость крестьянъ въ смыслѣ рабства по римскому праву и принципы этого послѣдняго примѣняли къ пониманію поземельныхъ отношеній, усматривая въ dominium directum настоящее право собственности, а въ dominium utile лишь наёмъ чужой земли [1]), что̀ облегчало и обезземеленіе народной массы въ формѣ отобранія у нея общинныхъ угодій. Имперскій сеймъ 1500 г. запретилъ крестьянамъ жаловаться на собственныхъ господъ, а въ ландтагахъ сельское населеніе не имѣло представительства. Волновавшіеся въ 1514 г. вюртембергскіе крестьяне настаивали на томъ, чтобы у нихъ были свои представители въ мѣстномъ земскомъ сеймѣ. «Ландтагъ, говорили они, только тогда можетъ помочь намъ, если въ немъ будутъ участвовать крестьяне, потому что духовные, дворяне и горожане не станутъ заботиться о насъ». Они даже отрядили на сеймъ въ Штутгардтъ своихъ депутатовъ, но сеймъ былъ перенесенъ въ Тюбингенъ, гдѣ уже безъ нихъ было сдѣлано постановленіе, запрещавшее крестьянамъ присылать своихъ представителей въ ландтагъ. Сословному представительству крестьяне вообще не довѣряли. Когда тѣмъ же вюртембергскимъ мятежникамъ въ 1525 г. было предложено передать спорные вопросы на рѣшеніе ландтага, одинъ изъ ихъ вождей запальчиво возражалъ: «сеймовъ было много, а какая отъ нихъ польза? Всякій разъ, возвращаясь домой, на вопросъ о томъ, что̀ далъ сеймъ, только и можешь отвѣтить, что ничего не знаешь, кромѣ одного—нужно тотчасъ же заплатить деньги». Крестьянскія требованія 1524—1525 гг., изложенныя въ разныхъ «статьяхъ», были направлены противъ крѣпостничества и всякаго безправія во имя «евангельской свободы». Какъ извѣстно, и это народное движеніе окончилось полнѣйшимъ разгромомъ крестьянъ и прямымъ ухудшеніемъ ихъ положенія, кромѣ немногихъ мѣстъ (Тироля, Бадена, Гессена), гдѣ имъ были сдѣланы кое-какія уступки. Побѣдители 1525 г. менѣе, чѣмъ когда бы то ни было, обнаруживали склонность къ умѣренности и съ особою силою стали налегать на полученіе доходовъ съ земли съ помощью крѣпостного труда, оставивъ, правда, неотстроенными раз-

[1]) См. выше, стр. 49—50.

рушенные крестьянами во время войны замки и отставъ отъ прежняго военнаго быта. Въ новое время крѣпостничество въ Германіи только усилилось сравнительно съ средними вѣками, и одною изъ причинъ этого явленія было, безъ сомнѣнія, пораженіе крестьянъ въ начатой ими войнѣ 1524—1525 гг.

ГЛАВА XXV.

Упадокъ сословно-представительныхъ учрежденій въ новое время [1]).

Общія причины упадка сословно-представительныхъ учрежденій.— Возвышеніе королевской власти къ концу среднихъ вѣковъ и начало абсолютизма новаго времени.—Начало новаго государственнаго хозяйства.—Перемѣна въ военномъ строѣ.—Вліяніе религіозной реформаціи на возвышеніе королевской власти.—Судьба испанскихъ кортесовъ.—Борьба сословнаго представительства съ королевскою властью въ эпоху религіозной реформаціи.—Прекращеніе созыва генеральныхъ штатовъ во Франціи.—Упадокъ земскихъ чиновъ въ Чехіи, въ Венгріи и въ нѣмецкихъ княжествахъ въ XVII в.—Судьба государственныхъ сеймовъ въ Даніи и Швеціи.—Сохраненіе представительныхъ учрежденій въ Англіи.

Мы уже видѣли, что̀, собственнно говоря, составляло слабую сторону средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій [2]). Это былъ, во-первыхъ, ихъ въ общемъ аристократическій составъ. Преобладаніе въ нихъ принадлежало землевладѣльческимъ сословіямъ духовенства и дворянства, продолжавшимъ господствовать надъ массою сельскаго населенія, которая такимъ образомъ и не была заинтересована въ поддержкѣ представительныхъ учрежденій. Изъ городского населенія были представлены въ этихъ собраніяхъ опять-таки лишь высшіе его слои. Во-вторыхъ, государственные сеймы обыкновенно раздѣлялись на сословныя палаты, заботившіяся только о своихъ сословныхъ интересахъ, что̀ приводило ихъ къ столкновеніямъ между собою, ослаблявшимъ

---

[1]) Для этой и слѣд. главъ подробнѣе см. гл. V, VI, IX, XIII, XV и XIX «Западно-европейской абсолютной монархіи».

[2]) См. выше, стр. 199.

ихъ значеніе передъ лицомъ королевской власти. Горожане были въ постоянной враждѣ съ высшими сословіями, а въ эпоху религіозной реформаціи сказался на исторіи сословно-представительныхъ учрежденій и антагонизмъ между духовенствомъ и дворянствомъ. Государи, принимавшіе церковную реформу, сопровождали ее отобраніемъ въ казну, или такъ называемой секуляризаціей церковныхъ и монастырскихъ имѣній, дѣлясь, однако, этою своею добычею съ дворянствомъ, что ослабляло первый чинъ государства, но зато до извѣстной степени и второй ставило иногда въ зависимость отъ власти государей; подобное явленіе мы наблюдаемъ въ протестантскихъ княжествахъ Германіи, въ Англіи, въ Швеціи и т. п. Гдѣ королевская власть была очень слаба, тамъ церковныя земли прямо захватывались дворянами (Чехія и Шотландія). Рядомъ съ аристократичностью представительныхъ собраній и малою солидарностью въ нихъ отдѣльныхъ сословій мы можемъ иногда поставить еще недостаточную сплоченность въ одно цѣлое отдѣльныхъ провинцій государства, что ослабляло центральныя представительныя учрежденія, не давая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ пустить сколько-нибудь глубокіе корни въ жизнь всей страны.

Съ другой стороны, какъ-разъ въ эпоху сословной монархіи вездѣ происходило усиленіе королевской власти, которая начинаетъ прямо тяготѣть къ абсолютизму. Это почти общая черта переходнаго періода отъ средневѣковья къ новому времени, которую мы здѣсь отмѣчаемъ, не входя въ анализъ общихъ причинъ, приведшихъ къ этому почти повсемѣстному явленію. Развитіе королевскаго абсолютизма было явленіемъ новаго времени, а въ средніе вѣка, кромѣ начальныхъ періодовъ, когда только складывались новыя государства, онъ былъ явленіемъ скорѣе спорадическимъ (въ Неаполитанскомъ королевствѣ, одно время въ Англіи). Эпоха образованія феодализма прямо характеризуется, какъ мы знаемъ, разложеніемъ государственности, а съ нею и ослабленіемъ власти государей въ пользу областныхъ правителей и крупныхъ землевладѣльцевъ. Феодальная система сдѣлалась потомъ основой, на которой выросъ весь строй сословной монархіи съ ея представительными собраніями, не дававшими въ той или другой степени простора полному проявленію деспотическихъ стремленій королей. Абсолютизмъ могъ восторжествовать только на счетъ политическаго феодализма, сослов-

наго представительства и мѣстнаго партикуляризма, который имѣлъ свои корни въ феодальномъ раздробленіи и находилъ поддержку въ аристократическихъ элементахъ общества, дорожившихъ своимъ мѣстнымъ вліяніемъ. Все, что ослабляло эти старыя силы, шло на пользу королевской власти, находившей опору и въ народной массѣ съ ея традиціонной вѣрою въ санъ, освященный религіей, съ ея привычкою къ повиновенію фактически существующей власти. Усложненіе государственной жизни требовало умноженія и усиленія правительственныхъ функцій, созданія особаго государственнаго хозяйства, отличнаго отъ прежняго почти исключительно доманіальнаго хозяйства королей, равно какъ образованія военной силы помимо оказавшихся недостаточными феодальныхъ дружинъ и городскихъ милицій прошлаго, а распоряженіе и этою военною силою, и матеріальными средствами казны, и постепенно вновь создавшимся правительственнымъ механизмомъ могло сосредоточиться только въ однѣхъ рукахъ, съ какими бы попытками государственныхъ чиновъ захватить все это или часть этого въ свои руки мы ни встрѣчались. Королевская власть дѣйствовала постоянно, тогда какъ чины собирались только время отъ времени, большею частью на сравнительно короткіе сроки, а чтобы въ промежутки между отдѣльными сессіями чиновъ существовали какія-либо ихъ делегаціи, такъ это относилось къ числу самыхъ рѣдкихъ исключеній [1]). Нельзя также сказать, чтобы и въ тѣхъ случаяхъ, когда чины до-нельзя ослабляли королевскую власть, какъ это было въ Арагонѣ, въ Чехіи, въ Польшѣ, они обнаруживали большое умѣніе организовать свое правленіе: они или недостаточно проявляли пониманія самаго существа этой задачи, или просто оказывались неспособными возвыситься надъ сословными и мѣстными интересами въ пользу интересовъ общенаціональныхъ и общегосударственныхъ.

Традиціи абсолютизма со-временъ еще Римской имперіи питались и поддерживались на западѣ Европы и сочувствіемъ народныхъ массъ къ королевской власти, какъ высшей блюстительницѣ права и справедливости, и церковнымъ ученіемъ о власти «Божіей милостью», и литературными отголосками римскихъ политическихъ ученій о неограниченности монар-

---

[1]) См. выше, стр. 287.

хической власти, и въ частности заимствованнымъ юристами изъ римскаго права взглядомъ на волю государя, какъ источникъ закона [1]). Въ теоріи считали себя абсолютными монархами и короли Франціи, даже изъ первыхъ Капетинговъ [2]) и германско-римскіе императоры въ то время, когда вынуждались на уступки непокорнымъ вассаламъ. Идея независимой и неограниченной верховной власти была одною изъ постоянныхъ руководительницъ ихъ политики даже тогда, когда дѣйствительность была полнымъ ея опроверженіемъ: это былъ въ такихъ случаяхъ идеалъ будущаго, надъ осуществленіемъ котораго постоянно и работала королевская власть вездѣ ища союзниковъ и создавая себѣ орудія, изъ чего было только можно. Мы знаемъ цѣлый рядъ средневѣковыхъ государей, умныхъ и ограниченныхъ, сильныхъ и слабыхъ, но нерѣдко одинаково деспотичныхъ, и нужно было только извѣстное сочетаніе общественныхъ условій для того, чтобы деспотическія стремленія носителей королевскаго титула могли осуществиться и во внѣшнихъ формахъ самой организаціи высшей власти. Феодализмъ, составлявшій основу политическаго значенія землевладѣльческаго класса, былъ неблагопріятенъ для возможности осуществленія безсознательнаго или сознательнаго абсолютизма королей: для этого нужна была совсѣмъ иная политическая почва.

Страною, раньше другихъ и полнѣе другихъ сбросившею съ себя формы политическаго феодализма, была Верхняя и Средняя Италія. Сначала здѣсь феодализмъ привелъ къ полному исчезновенію территоріальнаго единства, но потомъ мѣстныя сеньёріи превратились въ республиканскія государства-города, во многомъ повторявшія исторію государствъ-городовъ античной Греціи. Къ числу явленій, аналогичныхъ и тамъ, и здѣсь, относятся борьба аристократіи и демократіи и, какъ одинъ изъ ея исходовъ, возникновеніе тиранніи путемъ насильственнаго захвата власти честолюбцами, опиравшимися на простонародное большинство. Это явленіе, такъ хорошо извѣстное даже изъ краткихъ учебниковъ греческой исторіи, повторяется и въ исторіи Италіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ: это была эпоха образованія во многихъ городахъ Италіи совершенно новаго характера княжеской

---

[1]) См. выше, стр. 209.

[2]) См. выше, стр. 140 и слѣд.

власти, *принципата*, какъ принято ее называть. Итальянскій *причипе* (*principe*) XIV—XV в. не имѣетъ уже почти ничего общаго съ феодальнымъ княземъ. Это не государь-помѣщикъ, опирающійся прежде всего на свое земельное могущество, на своихъ вассаловъ, которые составляютъ въ случаѣ надобности его военную силу, на свое происхожденіе отъ благородныхъ и владѣтельныхъ предковъ; напротивъ, это—государь торгово-промышленнаго города, экономически и политически господствующаго надъ тяготѣющимъ къ нему округомъ, часто прямо личными своими качествами создавшій себѣ положеніе властителя надъ людьми, въ отношеніяхъ которыхъ къ нему нѣтъ и тѣни вассальныхъ узъ, опирающійся притомъ не на землевладѣніе, какъ основу политической власти, а на добровольное или вынужденное согласіе гражданъ и распоряжающійся военной силой изъ наемныхъ солдатъ, которые нерѣдко являются и его помощниками въ дѣлѣ основанія принципата. Римскіе юристы, а за ними и средневѣковые, объясняли неограниченную власть императора тѣмъ, что народъ переносилъ на него все свое право и всю свою державную власть (omne suum jus et omne imperium): власть итальянскаго причипе имѣла какъ бы такое именно происхожденіе безъ основы въ крупномъ землевладѣніи и безъ примѣси вассальныхъ отношеній, и понятно, что при такомъ князѣ, переносившемъ на себя всю политическую власть въ государствѣ, не могло быть никакого сословного представительства, ибо оно было бы непремѣнно аристократическимъ, а принципатъ и возникалъ вѣдь на развалинахъ аристократическаго правленія, какъ демократическая диктатура, подобная греческой тиранніи и римскому цезаризму. Такой итальянскій причипе и былъ первообразомъ абсолютнаго монарха новаго времени: недаромъ государи Запада съ конца XV в. нерѣдко были, въ сущности, учениками итальянскихъ князей-тиранновъ. Теоретикомъ зарождавшагося абсолютизма сдѣлался въ первой четверти XVI вѣка знаменитый Макіавелли, трактатъ котораго «Государь» (Il principe) сталъ, какъ принято о немъ выражаться, настольною книгою государей этой эпохи, и не безъ значенія нужно считать тотъ фактъ, что въ монархомахической литературѣ [1]) второй половины XVI

[1]) См. выше, стр: 217.

столѣтія встрѣчаются, между прочимъ, полемика съ Макіавелли.

Главное, что̀ заставляло средневѣковыхъ государей созывать государственные чины, это была необходимость имѣть согласіе подданныхъ на налоги: слѣдовательно, если представлялась возможность имѣть деньги инымъ путемъ, сословныхъ представителей можно было не собирать. Государи разсматриваемой эпохи иногда не стѣснялись въ способахъ пополненія своей казны съ нарушеніемъ положительныхъ законовъ и выработавшагося раньше практикой обычнаго права, и, наприм., въ Англіи, гдѣ власть парламента въ финансовыхъ дѣлахъ стояла очень прочно, и Тюдоры, а потомъ и Стюарты охотно прибѣгали къ принудительнымъ займамъ [1]). Другая сторона дѣла — организація на новыхъ началахъ государственнаго хозяйства. Въ феодальную эпоху послѣднее сливалось съ хозяйствомъ доманіальнымъ: король былъ самымъ крупнымъ помѣщикомъ страны, и доходы государственной казны были доходами помѣщичьяго хозяйства. Конечно, ростъ государственности требовалъ много денегъ, и короли переходной эпохи организуютъ государственное хозяйство по образцу частнаго хозяйства иного уже типа—купеческаго, въ частности банкирскаго, иногда при прямомъ участіи спеціалистовъ этого дѣла. Съ развитіемъ вообще денежнаго хозяйства къ концу среднихъ вѣковъ деньги получили такую силу, какой раньше не имѣли. Флорентійскій банкирскій домъ Медичи доставилъ своимъ хозяевамъ княжеское положеніе, и въ XVI в. мы видимъ членовъ этой фамиліи папами и королевами. Отъ того, давали ли аугсбургскіе Фуггеры денегъ въ долгъ императору Карлу V или отказывали ему въ желаемой имъ ссудѣ, зависѣло въ значительной мѣрѣ направленіе политики этого государя въ отдѣльные періоды его царствованія. Самое важное для насъ теперь во всемъ этомъ, это — то, что, благодаря возможности доставать въ долгъ большія суммы денегъ, необходимость обращаться къ созыву сословныхъ представителей уменьшалась. А съ деньгами можно было имѣть и войско. Феодальныя дружины и городскія ополченія среднихъ вѣковъ отжили свое время. Италія первая показала примѣръ кондотьерства, образованія наемныхъ отрядовъ

---

[1]) См. выше, стр. 279.

изъ людей, дѣлавшихъ военную службу своимъ ремесломъ: кондотьеры были своего рода военные предприниматели, и еще въ XVII в. въ Германіи мы имѣемъ передъ собою такую крупную фигуру кондотьера, какъ Валленштейнъ. Пользоваться услугами кондотьеровъ для государей было неудобно, но зато можно было, въ качествѣ примѣровъ для подражанія, пользоваться тѣми образцами новой организаціи военныхъ силъ, какіе вырабатывались въ кондотьерствѣ. Феодальныя дружины и городскія ополченія все-таки стояли въ тѣсной связи съ сословнымъ строемъ, легшимъ въ основу и самыхъ представительныхъ учрежденій, постоянная армія новаго времени уже была силою, совершенно оторванною отъ общественной почвы. Поэтому она и могла сдѣлаться орудіемъ именно только самой государственной власти. Недаромъ упадокъ генеральныхъ штатовъ во Франціи въ числѣ своихъ причинъ имѣетъ образованіе въ странѣ постояннаго королевскаго войска. Когда въ Англіи Карлъ I въ 1629—1640 г. сдѣлалъ попытку править страною безъ парламента, одинъ изъ его совѣтниковъ и наставниковъ въ абсолютизмѣ, знаменитый графъ Страффордъ, впослѣдствіи приговоренный долгимъ парламентомъ къ смертной казни, болѣе всего хлопоталъ о томъ, чтобы создать сильную и послушную королевскую армію, на которую можно было бы опереться въ борьбѣ съ неуступчивымъ парламентомъ. При томъ направленіи, какое приняла международная политика съ начала итальянскихъ войнъ конца XV и первыхъ десятилѣтій XVI в., большія арміи сдѣлались прямою государственною необходимостью, и только Англію отъ давленія этой необходимости спасало ея островное положеніе.

Не безъ вліянія въ этомъ процессѣ усиленія королевской власти оказалась и религіозная реформація XVI в. Государи, принимавшіе церковную реформу, дѣлались главами мѣстныхъ церквей; англійскій король даже прямо такъ и титуловался. Это ставило въ зависимость отъ нихъ духовенство страны, первый и самый богатый чинъ. Секуляризація церковной и монастырской собственности страшно обогащала казну государей. Если бы англійскій король Генрихъ VIII, конфисковавшій монастырскія имѣнія, которыя покрывали цѣлую треть территоріи королевства, удержалъ ихъ въ своихъ рукахъ, а не роздалъ очень много своимъ любимцамъ и при-

ближеннымъ, Тюдоры, пожалуй, могли бы еще рѣже собирать парламентъ, чѣмъ они это дѣлали на самомъ дѣлѣ [1]).

Таково было общее положеніе дѣлъ, приведшее къ упадку сословно-представительныя учрежденія въ XVI и XVII вв. и даже къ прекращенію, во многихъ случаяхъ, самаго ихъ созыва. Иногда дѣло не обходилось безъ борьбы, но только въ одной Англіи XVII вѣка такая борьба кончилась настоящимъ образомъ не въ пользу королевской власти.

На пиренейскомъ полуостровѣ раньше всего произошло усиленіе королевской власти въ Кастиліи и Португаліи, но главнымъ поворотнымъ пунктомъ въ исторіи развитія здѣсь абсолютизма была эпоха Фердинанда Арагонскаго и Изабеллы Кастильской, бракъ которыхъ въ 1469 г. привелъ къ образованію единой Испанской монархіи. Это еще отнюдь не было тогда сліяніемъ Кастиліи и Арагона въ одно цѣлое, и каждая область сохраняла свою отдѣльность, а потому, при существованіи въ обѣихъ странахъ кортесовъ, общаго сословно-представительнаго учрежденія въ Испаніи не образовалось. Но, съ другой стороны, и мѣстные чины пришли въ упадокъ. Въ Кастиліи Изабелла воспользовалась для упроченія въ странѣ порядка стариннымъ учрежденіемъ германдадъ [2]) и къ большому неудовольствію дворянства учредила такъ называемую священную германдаду, получившую одобреніе отъ кортесовъ 1476 г. Это создало постоянную военную силу, ставшую орудіемъ королевской власти, тѣмъ болѣе, что супругъ королевы сдѣлался великимъ магистромъ кастильскихъ духовно-рыцарскихъ орденовъ съ ихъ громадными доходами. Кодификація кастильскихъ законовъ въ 1484 г. была проведена въ то же время въ духѣ абсолютизма, и изъ «Королевскихъ ордоннансовъ Кастиліи» были, наприм., опущены постановленія кортесовъ о неприкосновенности депутатовъ. Но что́ особенно характерно, такъ это—то, что съ 1480 по 1498 г. кастильскіе кортесы ни разу не были созваны. Завоеваніе Гранады, послѣдняго мусульманскаго владѣнія на полуостровѣ, было предпринято (1481) и окончено (1492) безъ кортесовъ, безъ созыва которыхъ Фердинандъ Католикъ началъ и войну въ Италіи. Деньги на эти военныя предпріятія добывались также безъ ихъ согласія. Въ Арагонѣ дѣла

---

[1]) См. выше, стр. 273.

[2]) См. выше, стр. 284.

шли для абсолютизма не такъ успѣшно, но и здѣсь уничтоженіе крѣпостного состоянія каталонскихъ крестьянъ королевскимъ указомъ [1]) свидѣтельствуетъ о наступленіи новаго порядка вещей.—Царствованіе Фердинанда и Изабеллы было, кромѣ того порою религіознаго террора, направленнаго противъ еретиковъ, мавровъ и евреевъ и въ общемъ находившаго сочувствіе въ фанатическихъ массахъ, и знаменитая испанская инквизація тоже не мало содѣйствовала водворенію въ странѣ абсолютизма. Внукъ «католическихъ» супруговъ, Карлъ I, былъ настоящимъ абсолютистомъ, мечтавшимъ о всемірной монархіи. Желаніе его пріобрѣсти императорскую корону (онъ въ 1519 г. и сдѣлался римско-германскимъ императоромъ Карломъ Пятымъ) вызвало въ кастильцахъ неудовольствіе, и кортесы 1520 г. даже протестовали противъ его намѣренія покинуть Испанію и попробовали отказать ему въ просимыхъ субсидіяхъ, но оппозиція была побѣждена подкупами, угрозами и прямыми насиліями (напр., устраненіемъ изъ кортесовъ нѣсколькихъ депутатовъ). Политика Карла вызвала, однако, въ странѣ общее движеніе, во время котораго раздавались даже и республиканскія ноты—почему бы не устроиться на манеръ Флоренціи, Генуи или Венеціи. Дѣло окончилось настоящимъ возстаніемъ городовъ, къ которому присоединилась и часть духовенства, тогда какъ дворянство заняло нейтральную позицію, которую оставило, однако, какъ только находившійся въ Германіи король поманилъ его выгодными обѣщаніями. Это привело націю къ раздѣленію на двѣ партіи, народную, стоявшую за расширеніе конституціонныхъ вольностей, и аристократическую, хотя и послѣдняя думала, что тоже отстаиваетъ свободное устройство государства. Въ 1521 г. возстаніе было подавлено, но Карлъ не уничтожилъ кортесовъ, ограничившись лишь, да и то нѣсколько позднѣе (1538), запрещеніемъ членамъ аристократіи появляться на ихъ собраніяхъ. При сынѣ Карла, Филиппѣ II, очередь дошла и до Арагона, гдѣ также вспыхнуло противъ королевскаго деспотизма возстаніе (1590), скоро подавленное при помощи кастильскаго войска (1591). Въ слѣдующемъ году были собраны арагонскіе кортесы, по требованію короля передѣлавшіе старую конституцію въ такомъ направленіи, что сами кортесы стали простымъ призракомъ.

---

[1]) См. выше, стр. 324.

Отъ прежнихъ вольностей (fueros) осталась одна мѣстная обособленность съ нѣкоторыми признаками автономіи (особенно въ Каталоніи, но только до 1716 г., въ Наваррѣ, въ такъ наэываемыхъ Баскскихъ провинціяхъ). Въ сущности Испанія въ XVI в. изъ сословной монархіи превратилась въ монархію абсолютную съ бюрократическими центральными учрежденіями, допускавшими мѣстныя вольности лишь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Кастильскіе кортесы, напр., собирались до 1789 г., но чѣмъ они были? Это была теперь односословная депутація лишь очень немногихъ городовъ [1]), въ которыхъ послѣ разгрома 1521 г. господами положенія сдѣлались мѣстные дворяне: на собранія кортесовъ стали являться весьма часто какъ-разъ дворяне, которымъ ничего не стоило вотировать субсидіи, разъ дворянство-то и было освобождено отъ налоговъ.

Въ другихъ государствахъ Западной Европы, гдѣ только происходила въ XVI — XVII вв. борьба представительныхъ учрежденій съ королевскою властью, стремившеюся къ абсолютизму, она сопровождалась борьбою религіознаго протестантиизма съ католицизмомъ или болѣе свободныхъ формъ протестантизма съ его формами менѣе свободными. Особенно замѣчательно столкновеніе монархической и народной реформацій въ Англіи въ эпоху рѣшительной борьбы парламента съ абсолютизмомъ въ серединѣ XVII в. Связь политическихъ движеній этой эпохи съ религіозными даетъ первымъ изъ нихъ извѣстную окраску, но и вторыя равнымъ образомъ испытали на себѣ вліяніе первыхъ. Сами монархическія реформаціи первой половины XVI в. были проведены при содѣйствіи представительныхъ собраній въ нѣкоторыхъ княжествахъ Германіи, въ Швеціи (вестеросскій сеймъ 1527 г.), въ Даніи (сеймъ въ Одензе въ томъ же году), въ Англіи, гдѣ парламентъ впослѣдствіи ссылался на этотъ прецедентъ въ доказательство своего права вмѣшиваться въ религіозныя дѣла. Во второй половинѣ XVI в. народная реформація объединяется съ политической оппозиціей государственныхъ чиновъ и проникается не только идеями свободы вѣры, но и народовластія. Однако, и на этихъ двухъ вопросахъ въ эту эпоху сказывается вліяніе сословности. Польская протестантская шляхта въ свободѣ вѣры видѣла одно изъ слѣдствій

[1]) См. выше, стр. 285.

«золотой вольности» своего сословія и не думала распространять ее на хлоповъ. Когда Генрихъ IV во Франціи обезпечилъ нантскимъ эдиктомъ 1598 г. за гугенотами вѣротерпимость, религіозныя права дворянству были даны въ большемъ объемѣ, чѣмъ другимъ сословіямъ. Самое пониманіе народовластія у защитниковъ политической свободы, извѣстныхъ подъ названіемъ монархомаховъ, было сословнымъ: народъ, это—только высшія сословія, представленныя на государственныхъ сеймахъ [1]). Но какъ бы ни понималось въ эту эпоху народовластіе, идея эта получила большое значеніе въ борьбѣ сословнаго представительства съ королевскою властью. Во второй половинѣ XVI в. такая именно борьба велась въ Шотландіи, въ Нидерландахъ, во Франціи. Въ первой изъ этихъ странъ произошелъ въ 1559 г. политическій переворотъ, соединенный съ религіозной реформаціей: побѣда была на сторонѣ парламента. Въ Нидерландахъ дѣло дошло до отпаденія отъ законнаго государя семи соединенныхъ провинцій [2]), принявшихъ протестантизмъ. Во Франціи политическая оппозиція дворянства, среди котораго было очень много протестантовъ, и городовъ, стоявшихъ на сѣверѣ за католицизмъ, окончилась, наоборотъ, не въ пользу этихъ двухъ сословій.

У насъ уже шла рѣчь о французскихъ генеральныхъ штатахъ второй половины XVI в., послѣ которыхъ они созывались только одинъ разъ, въ 1614 году [3]), не считая 1789 г. Добавимъ, что штаты этой эпохи каждый разъ заявляли о необходимости предоставить имъ болѣе дѣятельное участіе въ дѣлахъ королевства. Орлеанскіе штаты 1560 г. и собраніе свѣтскихъ чиновъ въ Пуасси въ 1561 г. выразили желаніе, чтобы это было учрежденіе постоянное, періодически собираемое, и чтобы король дѣлился съ нимъ своею властью. Вскорѣ начались религіозныя войны, во время которыхъ тоже были созываемы штаты. Собранные въ 1576 г. въ Блуа чины были настроены реакціонно-католически, но и они требовали того же, къ чему стремились и протестанты. Напримѣръ, сословные представители стали дѣлать различіе между законами короля и законами королевства, между вре-

---

[1]) См. выше, стр. 216.

[2]) См. выше, стр. 297.

[3]) См. выше, стр. 246—247

менными распоряженіями власти и постановленіями штатовъ, которые никѣмъ не могли бы быть отмѣняемы, кромѣ самихъ штатовъ, и даже не нуждались бы въ королевскомъ утвержденіи въ случаѣ единогласія сословій; были даже голоса въ пользу предоставленія штатамъ участія въ назначеніи членовъ тайнаго совѣта короля, т.-е. министровъ. Третье сословіе еще спеціально требовало возстановленія муниципальныхъ вольностей. Однако, ничего изъ этого не вышло, ибо подъ знаменемъ идеи народовластія въ гораздо большей степени шла феодальная и муниципіальная реакція, приводившая страну къ анархіи и дезорганизаціи. Въ 1588 г. въ странѣ началась открытая революція съ Парижемъ во главѣ, гдѣ главная роль перешла къ католической демагогіи. Собравшіеся въ томъ же году въ Блуа штаты раздѣляли идеи католическихъ проповѣдниковъ народовластія и во имя этого принципа требовали передачи верховной власти сословному представительству страны. Католическіе проповѣдники, повторяя доводы кальвинистическихъ писателей эпохи, развивали ту мысль, что король получаетъ власть отъ народа, что между ними обоими существуетъ договоръ, что нарушеніе первымъ этого договора освобождаетъ второй отъ присяги, что генеральные штаты могутъ судить короля, что народу по отношенію къ королю принадлежитъ даже право жизни и смерти, и что всякій имѣетъ право убить не только тиранна, незаконно захватившаго власть, но и законнаго правителя, тираннически пользующагося властью, разъ представители народа объявятъ его врагомъ общества. Мы знаемъ, однако, что штатамъ этой эпохи ничего не удалось добиться.

Нѣсколько позднѣе, и тоже въ связи съ религіозной реформаціей, разыгралась политическая борьба въ Чехіи, имѣвшая для государственныхъ чиновъ этой страны роковой исходъ. Въ 1526 г. въ Чехіи вступила на престолъ династія Габсбурговъ въ лицѣ Фердинанда I [1]), причемъ сеймъ выработалъ и вписалъ въ «земскія доски», какъ государственный законъ, такъ называемыя *pacta conventa*, на основаніи которыхъ долженъ былъ царствовать новый государь. Онъ, между прочимъ, долженъ былъ принять власть лишь послѣ присяги на вѣрность законамъ, обычаямъ и вольно-

---

[1]) Брата Карла I, сдѣлавшагося государемъ Австріи и Венгріи. См. выше, стр. 295.

стямъ націи и не долженъ былъ пытаться при своей жизни заставить выбрать и короновать своего преемника. Среди части дворянъ, желавшихъ усиленія королевской власти, Фердинандъ нашелъ поддержку, позволившую ему обойти желанія чиновъ, и вотъ съ 1526 г. начинается упорная работа королевской власти въ Чехіи въ направленіи къ абсолютизму. «Благодаря эгоизму благородныхъ и соперничеству сословій,—говоритъ одинъ историкъ Чехіи въ это эпоху,— Фердинандъ былъ всегда увѣренъ, что найдетъ въ сеймѣ себѣ союзниковъ» [1]), т.-е. здѣсь повторилась та же исторія, что́ и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ создавались правильные финансы, образовывалось наемное войско, необходимое въ виду турецкой грозы, шедшей съ Востока. Искусно пользовался Фердинандъ I и религіозными распрями, происходившими въ странѣ. Зато преемники Фердинанда (Максимиліанъ II, Рудольфъ II и Матѳій) нѣсколько, что называется, ослабили вожжи, и сословія, сильно стѣсненныя первымъ Габсбургомъ, опять стали стремиться къ осуществленію чисто номинальной и избирательной монархій съ сеймами, собирающимися безъ королевскаго созыва, съ чиновничествомъ, отвѣтственнымъ передъ ними, и т. п. Особенно стремились къ этому протестанты, видѣвшіе въ политической свободѣ главную гарантію ихъ религіозныхъ правъ и понимавшіе, что свободу трудно осуществлять при государяхъ, обладавшихъ многими коронами (римско-германской императорской, венгерской королевской и т. д.). Дѣло портилось только несогласіемъ сословій, ревнивой заботой дворянъ не давать простора развитію городовъ и пріобрѣтенію ими вольностей, что́ прямо толкало третье сословіе Чехіи въ объятія королевской власти. Крестьянство прямо, къ тому же еще, волновалось подъ вліяніемъ нестерпимаго хозяйничанья дворянъ.

Въ началѣ XVII вѣка обстоятельства сложились даже весьма благопріятно для притязаній чешскаго сейма. Извѣстно, что совершенно попавшій въ руки іезуитовъ Рудольфъ II возбудилъ противъ себя всѣ свои народы, которые и стали отъ него отлагаться въ пользу его родного брата Матѳія. Вѣрность чеховъ Рудольфъ сохранилъ, пошедши на крайнія уступки, потребованныя у него чинами и притомъ единодушно какъ протестантами, игравшими при этомъ главную роль,

---

[1]) *E. Denis.* Fin de l'indépendance bohême. P. 1890. II, 33.

такъ и католиками (хотя и это имъ потомъ не помѣшало тоже признать своимъ королемъ Матѳія). Протестантскому дворянству удалось даже угрозою возстанія вынудить у своего короля въ 1609 году знаменитую *Грамоту величества* (*Majestät*, какъ она называется у чеховъ), утверждавшую въ странѣ свободу вѣры на очень широкихъ основахъ (напр., съ формальнымъ обезпеченіемъ ея и за крестьянами) и свободу культа въ дворянскихъ усадьбахъ и городахъ. Гарантія исполненія этой хартіи заключалась въ учрежденіи особаго сословнаго (по 10 отъ каждаго чина) комитета *дефенсоровъ* (защитниковъ, которому давалось право не только управлять религіозными дѣлами протестантовъ (и пражскихъ университетовъ), но и созывать особое представительное собраніе своихъ единовѣрцевъ, собирать войско и взимать особые сборы на его содержаніе [1]). Католики были, однако, этимъ недовольны, и борьба королевской власти съ чинами, продолжавшаяся и при Матѳіи, осложнилась раздорами между двумя вѣроисповѣдными лагерями, а это втягивало Чехію и въ общую борьбу католицизма и протестантизма, въ которой уже подготовлялась тридцатилѣтняя война (1618—1648). Какъ извѣстно, война даже и началась съ междоусобія въ Чехіи, которое имѣло своимъ исходнымъ событіемъ выступленіе дефенсоровъ на защиту религіозной свободы, нарушенной католиками. Въ Прагѣ вспыхнула настоящая революція, охватившая потомъ и всю страну, и когда въ это самое время скончался Матѳій, чешскій сеймъ, пользуясь своимъ правомъ избранія короля, отрѣшился на этотъ разъ отъ династіи Габсбурговъ, чтобы провозгласить своимъ королемъ курфюрста пфальцскаго Фридриха V, вмѣсто Фердинанда II, сдѣлавшагося преемникомъ Матѳія въ другихъ габсбургскихъ земляхъ, а вскорѣ затѣмъ и на императорскомъ престолѣ Германіи (1619). Но и въ этой революціи чешскія сословія,— симпатіи которыхъ вдобавокъ дробились между разными формами протестантизма, имѣвшими далеко не одинаковые политическіе и соціальные принципы,—не обнаружили достаточной солидарности. Фердинандъ II рѣшилъ силою овладѣть королевствомъ и не встрѣтилъ сопротивленія въ народныхъ массахъ, въ тѣхъ самыхъ народныхъ массахъ, которыя за

---

[1]) Гарантіи въ этомъ родѣ получили въ 1598 г. и французскіе протестанты по нантскому эдикту Генриха IV.

двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, въ гуситскую эпоху, проявили такую отчаянную храбрость при аналогичныхъ обстоятельствахъ. Чтобы привлечь крестьянъ на свою сторону, Фердинандъ II обѣщалъ имъ освобожденіе отъ крѣпостного состоянія, и съ крестьянами вступили точно также въ переговоры и возставшіе дворяне, отказывавшіеся, однако, отъ мысли дать имъ свободу. Сельское населеніе не осталось, конечно, спокойнымъ: начались крестьянскіе бунты, направлявшіеся, однако, противъ господскихъ же замковъ. Въ 1620 г. при Бѣлой горѣ (около Праги) чешское войско потерпѣло пораженіе. и самостоятельность Чешскаго королевства прекратилась. Началась свирѣпая католическая реакція, сопровождавшаяся гоненіемъ всего національно-чешскаго, и издано было въ 1627 году «Новое земское уложеніе», отнимавшее у сейма участіе въ законодательствѣ и ограничивавшее его роль только вотированіемъ налоговъ.

Весьма интересно то, что въ XVI и началѣ XVII в., когда чины все-таки еще играли кое-какую роль въ отдѣльныхъ земляхъ австрійскихъ Габсбурговъ, ихъ общіе государи пытались устраивать совмѣстные съѣзды сословныхъ представителей отъ разныхъ королевствъ, входившихъ въ составъ этой монархіи. Монархія Габсбурговъ была не единымъ государствомъ, а конгломератомъ государствъ, каковымъ оставалась до самаго начала XIX в., когда впервые возникъ и самый титулъ «австрійскаго» императора: предшественники австрійскихъ государей XIX в. были избирательными императорами въ Германіи, какъ Священной Римской имперіи германской націи [1]), а по наслѣдственнымъ землямъ были одновременно королями чешскими (или богемскими), королями венгерскими, эрцгерцогами австрійскими, графами тирольскими и т. п., причемъ вездѣ были свои чины. Это была личная унія, которую уже Фердинандъ I пытался замѣнить федеративною связью. Первую попытку въ этомъ направленіи онъ сдѣлалъ въ 1530 г., пригласивъ въ Линцъ делегатовъ отъ отдѣльныхъ сеймовъ для обсужденія общихъ мѣръ противъ турокъ, но изъ этого ничего не вышло, такъ какъ въ сеймахъ это не только не встрѣтило сочувствія, но прямо общее раздраженіе: въ монархіи Габсбурговъ отдѣльныя государства еще менѣе были склонны поступиться своей автономіей, чѣмъ въ

[1]) Ср. выше, стр. 147.

иныхъ странахъ отдѣльныя провинціи. И судьба сословной монархіи въ разныхъ габсбургскихъ земляхъ была разная. Венгрія въ такой мѣрѣ, какъ Чехія, не пострадала отъ габсбургскаго абсолютизма. Правда, послѣ неудачнаго возстанія въ концѣ XVII в. королевство св. Стефана, de jure остававшееся избирательной монархіей, должно было признать надъ собою наслѣдственную власть династіи Габсбурговъ и отказаться отъ права сопротивленія [1]), санкціонированнаго Золотой буллой (1687 г.), но старинныя учрежденія и вольности страны не только были сохранены, но даже подтверждены и послѣ новаго возстанія, въ началѣ котораго сеймъ въ 1707 г. объявилъ императора Іосифа I отрѣшеннымъ отъ престола. Съ Венгріей Габсбургамъ приходилось считаться потому, что значительная ея часть долгое время оставалась подъ властью турокъ и ее пришлось отвоевывать. Сохранилось нѣкоторое значеніе и за штатами въ Бельгіи, доставшейся австрійскимъ Габсбургамъ въ началѣ XVIII в. [2]).

Говоря выше о замѣнѣ Рудольфа II Матѳіемъ, мы упомянули, что она произошла одновременно и въ Венгріи, и въ главной нѣмецкой части монархіи Габсбурговъ, въ эрцгерцогствѣ Австріи. Здѣсь, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ княжествахъ, тоже были свои чины, и они также не жили въ полномъ мирѣ со своими государями. Впрочемъ, нѣмецкіе ландтаги никогда не имѣли такихъ широкихъ правъ, какими пользовались сеймы въ Чехіи или въ Венгріи, а тридцатилѣтняя война, во время которой князья привыкли назначать налоги и собирать войска, не спрашивая на то согласія земскихъ чиновъ, лишила ихъ и той доли значенія, какою они пользовались раньше, тѣмъ болѣе, что вестфальскій миръ 1648 г. сдѣлалъ князей вполнѣ суверенными государями въ своихъ земляхъ. Рѣдко гдѣ сеймы еще сохранили кое-какое значеніе, въ Брауншвейгѣ, въ Вюртембергѣ и въ Мекленбургѣ; въ послѣднемъ ландтаги до сихъ поръ, — единственный въ наше время случай,—удержали свою средневѣковую организацію. Въ большинствѣ случаевъ ландтаги, гдѣ они сохранились, утратили всякое значеніе, примѣромъ чему можетъ служить бывшій при курфюрстѣ Августѣ Силь-

[1]) См. выше, стр. 298.

[2]) См. о чинахъ австрійскихъ (раньше испанскихъ) Нидерландовъ выше, стр. 297.

номъ случай съ саксонскими чинами: когда сеймъ однажды вздумалъ протестовать противъ чрезмѣрныхъ поборовъ этого князя, его членовъ заперли въ томъ зданіи, гдѣ они совѣщались и продержали тамъ, пока они несмирились. Изъ княжествъ, въ которыхъ прямо прекратилось созываніе ландтаговъ, слѣдуетъ упомянуть Бранденбургъ, сдѣлавшійся въ XVII в. зерномъ Прусской монархіи. Фридрихъ-Вильгельмъ (1640—1688), прозванный «Великимъ курфюрстомъ», въ своемъ стремленіи создать большую армію, требовавшую увеличенія налоговъ, встрѣтилъ-было сопротивленіе со стороны бранденбургскаго ландтага, но сломилъ его, и съ 1653 г. въ этомъ маркграфствѣ земскіе чины больше уже не собирались. Онъ же велъ еще борьбу съ чинами и другихъ своихъ владѣній (герцогства Клевскаго, герцогства Прусскаго и т. п.), вездѣ дó-нельзя стѣсняя ихъ права.

Аналогичная судьба постигла и сеймы скандинавскихъ государствъ. Въ Даніи, доведенной въ серединѣ XVII в. хозяйничаньемъ дворянства до полнаго истощенія государственной казны, сеймъ 1660 г., на которомъ долженъ былъ рѣшаться вопросъ о томъ, какъ поправить печальное положеніе дѣлъ, обнаружилъ полную неспособность что-либо сдѣлать. Дворянство думало лишь о томъ, чтобы свалить все бремя налоговъ на другія сословія, а горожане и духовенство выступили противъ дворянства, обвиняя его за всѣ бѣды, какимъ только подверглась страна. Результатомъ. однако, былъ настоящій государственный переворотъ, вводившій наслѣдственность короны и отмѣнявшій избирательную капитуляцію, подписанную королемъ. Изданнымъ въ этомъ духѣ «Королевскимъ закономъ» царствовавшій въ то время въ Даніи Фридрихъ III обязывалъ и преемниковъ своихъ блюсти на будущія времена свято и ненарушимо неограниченную королевскую власть. Нѣсколько позднѣе аналогичный переворотъ произошелъ и въ Швеціи, гдѣ знать вызывала противъ себя тоже очень сильное раздраженіе въ другихъ сословіяхъ. Въ 1682 г. самъ сеймъ торжественно заявилъ, что королю (въ это время царствовалъ Карлъ XI) всецѣло принадлежитъ законодательная власть безъ участія государственныхъ чиновъ. Это было затѣмъ подтверждено сеймовымъ постановленіемъ 1693 г., передававшимъ королю формально абсолютную власть. Впрочемъ, какъ извѣстно, самодержавіе въ Швеціи удержалось не надолго. Съ 1718 по 1772 годъ въ Швеціи опять

была олигархическая конституція, но недовольство всѣхъ сословій дворянствомъ опять позволило одному изъ королей (Густаву III въ 1772 г.) произвести монархическій переворотъ съ сильнымъ ограниченіемъ компетенціи сейма.

Вообще XVII вѣкъ былъ періодомъ крайне неблагопріятнымъ для сословно-представительныхъ учрежденій: вспомнимъ только прекращеніе генеральныхъ штатовъ въ 1614—1615 г., ударъ, нанесенный чешскому сейму въ 1620 г., послѣдній созывъ бранденбургскихъ земскихъ чиновъ въ 1653 г., государственный переворотъ въ Даніи въ 1660 г., торжество абсолютизма въ Швеціи въ 1682 г., потерю венгерскимъ сеймомъ его прежнихъ привилегій въ 1687 г. Въ томъ же XVII столѣтіи и англійскій парламентъ подвергался смертельной опасности отъ абсолютистической политики Стюартовъ, доведшей страну до междоусобія. Но въ Англіи парламентъ изъ борьбы вышелъ побѣдителемъ.

На этомъ въ нашемъ очеркѣ упадка сословно-представительныхъ учрежденій и можно было бы остановиться, если бы и въ исторіи англійскаго парламента не было періода временнаго упадка, совпадающаго главнымъ образомъ съ царствованіемъ династіи Тюдоровъ. Остановиться на причинахъ этого явленія тѣмъ болѣе необходимо, что онѣ еще съ одной стороны освѣщаютъ намъ исторію постепеннаго разложенія сословной монархіи въ новое время.

Нѣкоторыя причины ослабленія, съ середины XV в., того значенія, какое къ тому времени пріобрѣлъ англійскій парламентъ, были нами уже выяснены въ другомъ мѣстѣ [1]). Это были, прежде всего, слѣдствія войны алой и бѣлой розы, съ которой начинаются болѣе рѣдкіе созывы парламента [2]) и, наоборотъ, частыя нарушенія его правъ, и во время которой погибли многія аристократическія фамиліи, игравшія особую роль въ прежнихъ парламентахъ, а народъ все больше и больше стремился къ созданію сильной власти для прекращенія анархіи. Тюдоры и вступили на престолъ при такомъ положеніи вещей, сдѣлавъ изъ парламента, въ сущности, послушное орудіе своей власти, прямо во многихъ отношеніяхъ деспотической.

Это, однако, еще не все. Въ комбинаціи общественныхъ

---

[1]) См. выше, стр. 280—281.

[2]) См. выше, стр. 273.

силъ тоже произошли перемѣны, оказавшіяся весьма благопріятными для усиленія королевской власти. Во-первыхъ, въ этой власти стало искать для себя опоры духовенство. Оно со времени проповѣди Виклифа и появленія сектантства (лоллардизма) было очень обезпокоено, тѣмъ болѣе, что бароны стали очень сильно заглядываться на церковныя и монастырскія имѣнія. Происшедшее затѣмъ сближеніе духовныхъ лордовъ съ королевскою властью только и могло создать то положеніе вещей, при которомъ Генрихъ VIII Тюдоръ безпрепятственно, въ тридцатыхъ годахъ XVI в., объявилъ себя главою англиканской церкви, секуляризировалъ монастырскую собственность и началъ мудрить надъ догматами и культомъ. Созданная королевской реформаціей англиканская церковь стала отличаться монархическо-аристократическимъ характеромъ. Далѣе, свѣтскіе лорды послѣ гибели многихъ старыхъ феодальныхъ фамилій въ войнѣ двухъ розъ тоже сильно пострадали: въ верхней палатѣ перваго парламента при Генрихѣ VII ихъ было только 29. Тюдоры усердно создавали новыхъ лордовъ: одинъ Генрихъ VIII ихъ назначилъ 66, а всѣ Тюдоры въ общей сложности—полторы сотни. Ихъ брали изъ старинныхъ рыцарскихъ родовъ, члены которыхъ издавна служили при дворѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь пожалованнымъ пэрамъ дарились помѣстья изъ громаднаго земельнаго фонда бывшихъ монастырскихъ имуществъ. Обязанные своимъ возвышеніемъ и обогащеніемъ королямъ, новые лорды тоже были настроены весьма роялистически, и старыя традиціи оппозиціоннаго баронства были имъ уже чужды. Они притомъ сдѣлались и приверженцами королевской реформаціи: возвращеніе католицизма грозило бы имъ отобраніемъ у нихъ монастырскихъ имѣній, а секуляризованныя земли раздавались еще при Елизаветѣ, т.-е. во второй половинѣ XVI в. Наконецъ, секуляризація почти трети всѣхъ земель королевства привела къ цѣлому экономическому перевороту: новые владѣльцы стали измѣнять въ помѣстьяхъ хозяйственные порядки, замѣнять пахотныя земли лугами и пастбищами для овецъ, ограничивать мѣстное населеніе въ пользованіи пустошами и лѣсами, превращать мелкія крестьянскія держанія въ болѣе крупныя фермерскія. Это вообще была эпоха обезземеленія крестьянства и развитія пауперизма съ бродяжничествомъ, разбоями и другими подобными слѣдствіями нищеты и вынужденной праздности. Только въ шестидесятыхъ

годахъ XVI в. противъ соціальной опасности, все болѣе и болѣе грозившей имущимъ классамъ, былъ выработанъ рядъ законодательныхъ мѣръ, каковы: созданіе особаго налога въ пользу бѣдныхъ, доставленіе имъ работы общественными учрежденіями, устройство рабочихъ домовъ для бродягъ и т. п. Имущіе классы, встревоженные аграрными безпорядками и другими признаками народнаго недовольства, ради поддержанія общественнаго порядка не препятствовали усиленію королевской власти. Такимъ образомъ, и духовные, и свѣтскіе лорды, и землевладѣльческій классъ (джентри), главнымъ образомъ бывшій представленнымъ въ нижней палатѣ, имѣли въ XVI в. свои интересы поддерживать королевскую власть. Парламенты временъ Тюдоровъ поэтому и были послушными, даже раболѣпными собраніями, и самый деспотическій король этой династіи, Генрихъ VIII, пользовался парламентомъ для рѣшенія своихъ семейныхъ дѣлъ и вопросовъ церковной реформаціи, для суда надъ переставшими ему нравиться министрами и т. п., тѣмъ самымъ расширяя компетенцію палатъ и создавая противъ своей воли прецеденты для будущихъ временъ.

И на этомъ примѣрѣ англійскаго парламента XVI в. мы видимъ, такимъ образомъ, что къ ослабленію представительнаго учрежденія привели соціально-классовые интересы. Но уже въ самомъ концѣ XVI в. стало замѣчаться возвращеніе парламента къ его прежнимъ традиціямъ, когда стали создаваться новыя комбинаціи общественныхъ силъ, повернувшія національное представительство на старую дорогу борьбы съ королевскою властью. Это и почувствовали на себѣ смѣнившіе Тюдоровъ Стюарты.

ГЛАВА XXVI.

Остатки соціальнаго феодализма и сословнаго строя при абсолютной монархіи.

Неодинаковая судьба политическаго и соціальнаго феодализма.—Постепенное внѣдреніе королевскаго абсолютизма въ феодальный строй и слѣды послѣдняго въ абсолютной монархіи XVIII в.—Полюбовный раздѣлъ между королевской властью и феодальной аристократіей.—Дворянскія привилегіи въ эпоху абсолютной монархіи.—Помѣстное землевладѣніе въ эту эпоху и роль дворянства въ мѣстной жизни.—Вотчинная полиція и юстиція.—Сохраненіе сеньерьяльныхъ правъ.—Крѣпостные крестьяне въ эпоху королевскаго абсолютизма.

Мы подошли теперь къ временамъ полнаго расцвѣта абсолютизма на Западѣ въ XVII и XVIII вв., когда королевская власть сдѣлалась главной силой въ государствѣ. Слѣдя за судьбами средневѣкового феодализма, мы имѣемъ право сказать, что политической его сторонѣ пришелъ конецъ, какъ пришелъ конецъ и политической роли духовной и свѣтской знати въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, но о другой сторонѣ феодализма, о соціальной, приходится сказать иное: она, переживъ эпоху сословной монархіи, съумѣла вполнѣ ужиться и съ абсолютизмомъ. Въ своемъ мѣстѣ мы именно различили въ феодализмѣ двѣ стороны: политическою стороною онъ былъ обращенъ къ государству, соціальною—къ народу [1]). Судьба этихъ двухъ сторонъ въ исторіи была различная: одна падала съ развитіемъ новой государственности, другая послѣднею даже, наоборотъ, поддерживалась. Государственная власть, выросшая на развалинахъ политическаго феодализма, не могла, конечно, терпѣть, чтобы помѣстье было тоже своего рода государствомъ, но она ничего не имѣла противъ того, чтобы помѣщикъ попрежнему оставался господиномъ надъ крестьянами. Абсолютные короли ревниво оберегали свою власть отъ какихъ бы то ни

[1]) См. выше, стр. 8.

было политическихъ притязаній аристократіи, но равнодушно относились къ тому, что эта аристократія пользовалась тягостными для народа привилегіями.

Однимъ словомъ, политическій феодализмъ падалъ, соціальный оставался. Что сеньёрьяльный строй и крѣпостное право могли существовать рядомъ съ абсолютизмомъ и абсолютизмъ съ ними, примѣровъ тому не мало. Въ сущности, мы находимъ эту комбинацію еще въ Римской имперіи съ ея абсолютизмомъ высшей власти, съ ея латифундіальнымъ землевладѣніемъ, съ ея прикрѣпленными къ землѣ колонами. Не иное что наблюдаемъ мы и въ нашей собственной исторіи до 19 февраля 1861 г. Такая же комбинація характеризуетъ политическій и соціальный строй большихъ государствъ средней Европы, т.-е. и монархію Габсбурговъ, и монархію Гогенцоллерновъ до паденія въ нихъ крѣпостничества и абсолютизма. Въ другихъ странахъ къ эпохѣ установленія неограниченной монархіи уже совершилось разложеніе сеньёрьяльнаго строя, и крѣпостничество исчезло, но слѣды соціальнаго феодализма все-таки продолжали еще оставаться во многихъ сторонахъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ отношеній. Настоящая болѣе рѣшительная ликвидація этихъ отношеній началась лишь съ великой французской революціи.

Государственности новаго времени, принявшей форму абсолютной монархіи, пришлось, такъ сказать, внѣдриться въ политическій и соціальный строй, созданный феодализмомъ. Новыя формы государственнаго быта вынуждены были такъ сказать, вживаться въ старыя отношенія, приспособляться къ нимъ, въ то же время ихъ къ себѣ самимъ приспособляя, и постепенно ихъ вытѣснять, воспринимая, однако, отъ нихъ все-таки извѣстную окраску. Въ исторіи такой процессъ наблюдается всегда, когда въ старомъ обществѣ возникаетъ новая власть, и однимъ изъ самыхъ крупныхъ примѣровъ подобнаго внѣдренія новаго начала въ старый строй является, положимъ, возникновеніе и развитіе императорской власти въ Римѣ [1]). То же мы имѣемъ и въ исторіи возникновенія и развитія абсолютизма, постепенно привившагося къ королевской власти феодальнаго происхожденія. Каждая династія, строившая новое зданіе абсолютной монархіи вмѣстѣ съ тѣмъ была и наслѣдницею старыхъ отношеній, интере-

---

[1]) См. Монархіи древняго Востока, гл. XIV и XVI.

совъ и традицій, въ сущности разрушавшихся новою идеею и тѣмъ не менѣе упорно державшихся въ жизни. Сама королевская власть не могла, наприм., отдѣлаться вполнѣ отъ слѣдовъ своего феодальнаго происхожденія.

Возьмемъ французскую королевскую династію въ ея трехъ послѣдовательныхъ фамиліяхъ—Капетинговъ, Валуа и Бурбоновъ. Отъ ея родоначальника Гугона Капета до послѣднихъ временъ старой монархіи прошло восемь столѣтій, и все существо королевской власти сильно измѣнилось: первые Капетинги были лишь «первыми между равными», т.-е. какъ бы сами стояли въ рядахъ феодальной знати, тогда какъ наиболѣе характерный изъ Бурбоновъ, Людовикъ XIV, отождествлялъ себя съ государствомъ [1]) и, слѣдовательно, признавалъ себя стоящимъ выше всѣхъ отдѣльныхъ сословій общества. Тѣмъ не менѣе, послѣдніе Бурбоны считали себя по-старому первыми дворянами французскаго королевства. Тутъ было противорѣчіе: монархъ, возвышавшійся надъ всѣми сословіями страны, которыя состояли въ его подданствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы принадлежалъ къ одному изъ этихъ же сословій, т.-е. стоялъ въ однихъ рядахъ съ другими дворянами, хотя бы и въ качествѣ перваго изъ нихъ. Западно-европейская монархія въ эпоху абсолютизма оставалась дворянской по преимуществу. Даже такой вольнодумецъ, какъ Фридрихъ Великій, не могъ отдѣлаться отъ дворянскихъ предразсудковъ въ своемъ отношеніи къ бюргерству и къ простонародной массѣ. Только въ иныя времена и при иныхъ условіяхъ мы знаемъ такого «короля-мѣщанина», какимъ былъ Людовикъ-Филиппъ, короля безъ всякой сословно-дворянской окраски.

Феодальныя начала продолжали также жить и въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ абсолютной монархіи. Напр., во Франціи вмѣстѣ съ королевскою властью и выросъ, вмѣстѣ съ нею и палъ парижскій парламентъ, въ основѣ котораго лежала королевская курія [2]) феодальной эпохи. Сначала это было собраніе королевскихъ вассаловъ, пэровъ королевства, къ которымъ присоединился въ XIII в. новый элементъ, легисты, такъ усердно проводившіе въ жизнь монархическій принципъ римскаго права. Здѣсь не мѣсто ни описывать это учрежденіе

[1]) Знаменитое «l'état, c'est moi» (государство, это—я).

[2]) См. выше, стр. 143.

ни разсказывать его исторію. Достаточно сказать, что такихъ палатъ во Франціи было нѣсколько, что имъ принадлежало право охранять силу законовъ, дѣлать королю представленія и даже отказывать во внесеніи ордоннансовъ въ свои регистры. Характерно то, что абсолютному королю могли оказывать сопротивленіе, въ сущности, его же чиновники, которыхъ онъ не могъ и отстранять отъ должности. Происходило это потому, что члены парламента были наслѣдственными собственниками своихъ должностей, а были они таковыми по той причинѣ, что эти должности были ихъ отцами и дѣдами куплены у короля за деньги. Феодализмъ отличается смѣшеніемъ понятій и отношеній частнаго и государственнаго права. Французскій король смотрѣлъ на верховную власть, какъ на собственность своей династіи и, если можно было продать помѣстье, то отчего же, казалось бы, нельзя было продать частицу своей судебной власти, разъ «всякая юстиція имѣетъ свой источникъ въ королѣ» (toute justice émane du roi)? Въ томъ же самомъ смыслѣ обладаніе королевскою властью и обладаніе дворянскимъ феодомъ подводились подъ одну категорію правъ: объ этомъ мы читаемъ, напр., у Монтескье [1]), который вообще былъ проникнутъ феодальными взглядами. Значитъ, основа у монархическаго права и у дворянскихъ привилегій, по этому толкованію, полагалась одна.

Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, что абсолютизмъ XVIII в. имѣлъ феодальный оттѣнокъ; въ этомъ отношеніи онъ отличался отъ такъ называемаго цезаризма, отъ диктатуры съ демократической основой, отъ единоличной неограниченной власти, отрѣшенной отъ старыхъ историческихъ традицій и отъ чисто сословныхъ связей [2]). Отсюда понятно и то, что сочетаніе политическаго абсолютизма съ соціальнымъ феодализмомъ, столь характерное для «стараго порядка», было результатомъ своего рода полюбовнаго раздѣла, который былъ произведенъ между абсолютной королевской властью и феодальной аристократіей.

Между эпохами феодализма и абсолютизма лежитъ эпоха сословной монархіи, эпоха соправительства королевской власти и сословій. Отдѣльные сеньёры перестали быть государями

---

[1]) См выше, стр. 220.

[2]) Монархіи древняго міра, стр. 202—203.

поодиночкѣ, но всѣ вмѣстѣ, лично или черезъ представителей, они продолжали участвовать въ государственномъ властвованіи. Абсолютизмъ лишилъ ихъ политическихъ правъ, но какъ бы въ награду за эту потерю взялъ подъ свою охрану ихъ соціальныя привилегіи. Западно-европейскіе короли особенно охотно брали подъ свою защиту интересы народныхъ массъ лишь тогда, когда искали себѣ союзниковъ въ борьбѣ съ политическими притязаніями знати, но едва только эти притязанія прекращались, едва дворянство политически смирялось, въ особенности же когда оно обращалось въ придворную знать, вся сила государства направлялась на поддержку ихъ правъ и привилегій соціальнаго характера. Сословные сеймы, какъ мы знаемъ, съ большою настойчивостью поддерживали и сеньёрьяльный режимъ, и крѣпостничество [1]), но совершенно такъ же поступалъ и абсолютизмъ до возникновенія въ немъ, въ серединѣ XVIII в., новаго направленія въ духѣ «просвѣщенія», характеризующаго это столѣтіе. Вся задача королевской политики заключалась въ томъ, чтобы всѣ сословія держать въ одинаковомъ повиновеніи и повиновеніе самаго сильнаго и самаго опаснаго изъ нихъ покупать, помогая ему держать въ повиновеніи крестьянскую массу, жившую на его, этого сословія, земляхъ. Этою своею властью дворянство такъ дорожило, что ради ея сохраненія готово было прямо жертвовать политической свободой даже тогда, когда находилось въ полномъ обладаніи ею. Лучшій примѣръ—польскіе паны второй половины XVIII в., которые сами шли подъ «варварскій деспотизмъ московитовъ», обезпечивавшій имъ, однако, пользованіе крѣпостнымъ правомъ. Только тамъ, гдѣ было больше государственнаго пониманія, государи хотѣли, чтобы у дворянства были не только права, но и обязанности по отношенію къ государству.

Дворянскія привилегіи въ эпоху абсолютной монархіи состояли въ исключительномъ правѣ занимать высшія должности на государственной службѣ, быть свободными отъ обязанности платить налоги, владѣть спеціально дворянскими, или «рыцарскими» имѣніями и т. п. Эти привилегіи не вездѣ существовали въ одинаковой мѣрѣ и въ однихъ и тѣхъ же сочетаніяхъ. Въ Пруссіи дворяне были въ принципѣ обязаны служить государству и платили налоги, но зато одни только

---

[1]) См. выше, стр. 307 и слѣд.

и могли владѣть рыцарскими помѣстьями, тогда какъ во Франціи дворянство было избавлено отъ службы и налоговъ, но зато дворянскую землю могъ пріобрѣсти и ротюрьеръ. Все зависѣло отъ чисто мѣстныхъ причинъ и условій. То же самое можно сказать и о положеніи сеньёрьяльнаго режима въ разныхъ странахъ въ эпоху абсолютной монархіи.

Крѣпче всего онъ держался въ восточной части Западной Европы, независимо отъ формъ правленія, и въ абсолютныхъ монархіяхъ Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ, и въ польско-литовской шляхетской республикѣ. Основою его здѣсь было преобладаніе сельскаго быта надъ городскимъ, земледѣлія надъ промышленностью и торговлею, натуральнаго хозяйства надъ денежнымъ. Помѣстье здѣсь еще имѣло вообще средневѣковой обликъ: земля дѣлилась на барскую и крестьянскую; барская земля обрабатывалась барщиннымъ трудомъ; крестьяне, кромѣ того, платили оброки натурой; надъ ними помѣщикъ имѣлъ власть господина; въ помѣстьѣ ему принадлежали равнымъ образомъ судъ и расправа. Несмотря на значительное развитіе бюрократіи, абсолютная монархія пользовалась помѣщичьимъ элементомъ и въ организаціи мѣстнаго управленія. Гдѣ только не одни чиновники завѣдовали мѣстными дѣлами, но допускались къ нимъ и общественныя силы, тамъ участіе въ дѣлахъ принимали только одни дворяне. Черезъ нихъ же государство вступало въ отношенія съ подвластной имъ крѣпостной массой. Мѣстные мелкіе сеймы опять-таки имѣли преимущественно дворянскій характеръ.

Конечно, въ это время такое помѣстье уже не было государствомъ, но кое-что за нимъ все-таки сохранялось изъ области публичнаго права. Полиція и юстиція суть несомнѣннѣйшие аттрибуты государства, и разъ послѣднее признаётъ, что въ извѣстныхъ дѣлахъ надъ населеніемъ помѣстья судъ и расправа могутъ принадлежать помѣщику, тѣмъ самымъ за помѣстьемъ признается нѣчто большее, чѣмъ простая поземельная собственность: это—собственность, обладаніе которою даетъ извѣстную власть надъ населеніемъ тому, кому эта собственность принадлежитъ. Такъ было, наприм., въ Пруссіи. До реформъ начала XIX в. рыцарскимъ имѣніемъ (Rittergut) могъ владѣть только дворянинъ, но когда дворянскія земли было разрѣшено покупать и бюргерамъ, послѣдніе вмѣстѣ съ ними пріобрѣтали также и права вотчинной полиціи

и юстиціи. Крѣпостное состояніе въ это время въ Пруссіи было уничтожено (1807), и была задумана общая реформа мѣстнаго управленія, но ей не суждено было совершиться, такъ что только революція 1848 г. привела къ отмѣнѣ здѣсь вотчинной полиціи и юстиціи. Во всякомъ случаѣ на это учрежденіе мы имѣемъ право смотрѣть какъ на нѣкоторый обломокъ феодальнаго помѣстья-государства, заблудившійся среди бюрократическихъ учрежденій абсолютной монархіи. Полицейскія и судебныя права сохранялись и за французскими сеньёріями наканунѣ революціи. Попрежнему сеньёрьяльная юстиція во Франціи дѣлилась на высшую, среднюю и низшую [1]) и сохранялось понятіе «подсудныхъ» (justiciables) того или другого сеньёра [2]).

Еще болѣе реальное значеніе имѣли въ разсматриваемую эпоху права дворянъ надъ крестьянскими землями. И наканунѣ революціи во Франціи, какъ въ болѣе раннія времена, лишь нѣкоторыя провинціальныя кутюмы допускали существованіе свободной (или алодіальной) крестьянской собственности по правилу: «nul seigneur sans titre» [3]), но болѣе распространеннымъ правиломъ было: nulle terre sans seigneur» [4]). Мы знаемъ, что̀ это значило и какія повинности лежали на крестьянской землѣ по отношенію къ сеньёру, которому она была «подсудна». Весь строй отношеній, вытекавшій изъ этого средневѣкового принципа, держался во французскомъ гражданскомъ правѣ до самой революціи. Сеньёръ могъ отобрать крестьянскую цензиву за неплатежъ чинша, могъ оставить ее за собою въ случаѣ ея продажи крестьяниномъ третьему лицу, уплативши только покупную сумму, и участокъ, находившійся въ пользованіи серва, тоже возвращался въ руки сеньёра въ случаѣ ухода серва. Во многихъ мѣстахъ Германіи, гдѣ вообще сеньёрьяльный строй сохранился лучше, господская власть надъ крестьянскою землею была еще значительнѣе. Въ Бранденбургѣ, наприм., былъ въ ходу и въ XVIII в. такъ называемый *легенъ* (Legen der Bauern), сносъ или выкупъ (Auskaufen) крестьянскихъ дворовъ. Это было право помѣщика ссадить крестьянина съ его надѣла, давъ

---

[1]) См. выше, стр. 105.

[2]) См. выше, стр. 104.

[3]) См. выше, стр. 86.

[4]) См. выше, стр. 81—82 и 85.

ему извѣстное вознагражденіе, чтобы потомъ присоединить этотъ участокъ къ помѣщичьей землѣ: вознагражденіемъ могъ быть и другой участокъ, и тогда операція называлась «Umlegen». Это явленіе указываетъ намъ еще, что въ Бранденбургѣ совершался ростъ площади барской земли на счетъ площади земли крестьянской, увеличеніе болѣе крупнаго хозяйства на счетъ мелкаго; въ этомъ отношеніи происходилъ процессъ постепеннаго вытѣсненія характерной особенности сеньёрьяльнаго строя, именно сочетавшаго крупное землевладѣніе съ мелкимъ хозяйствомъ. Особенное развитіе получилъ *легенъ* въ Мекленбургѣ, или какъ «Umlegen» (обмѣнъ лучшаго участка на худшій), или какъ «Niederlegen», т.-е. полное отнятіе у крестьянина его земли съ превращеніемъ его самого въ простого батрака, да и то еще несвободнаго, въ родѣ невольника. Въ серединѣ XVII в. въ мекленбургскихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ числилось 12½ тысячъ крестьянскихъ надѣловъ, а къ серединѣ XIX в. ихъ было только 1213, т.-е. въ десять разъ меньше. Въ Мекленбургѣ это объясняется тою силою, которую дворянство продолжало сохранять [1]) и послѣ упадка земскихъ чиновъ въ нѣкоторыхъ княжествахъ. Въ Бранденбургѣ абсолютная власть прусскаго короля принимала все-таки мѣры противъ этого зла (да и то только съ 1739 г.), въ Мекленбургѣ же помѣщики дѣйствовали на полной волѣ. Вѣдь и англійскій парламентъ, бывшій представительствомъ преимущественно землевладѣльческаго класса, такъ называемыми *актами объ огораживаніи* (inclosure acts) общинныхъ угодій въ пользу лендлордовъ изъялъ изъ распоряженія сельскихъ жителей въ XVIII в. болѣе 4 милліоновъ акровъ (до 1½ милліона десятинъ) общинной земли, да въ первой половинѣ XIX в. еще чуть не столько же (3½ м. акровъ). Разница была въ томъ, что въ Англіи это дѣлалось путемъ закона, хотя и несправедливаго, а въ Германіи—по произволу отдѣльныхъ помѣщиковъ въ силу ихъ стараго феодальнаго права, которымъ они въ данномъ случаѣ пользовались въ ущербъ старой формѣ помѣстнаго строя. Мекленбургское помѣщичье хозяйство въ началѣ XIX в. было уже чисто плантаціоннымъ: барская земля обрабатывалась крѣпостными батраками, прикрѣпленными къ самимъ по-

---

[1]) См. выше, стр. 353.

мѣстьямъ, и освобожденіе этихъ невольниковъ началось лишь въ 1820 г.

Живучесть соціальнаго феодализма въ эпоху абсолютной монархіи проявляется еще въ сохраненіи великаго множества разныхъ «правъ» сеньёровъ по отношенію къ сельскому населенію. Особенно это бросается въ глаза въ исторіи Франціи, гдѣ до 1789 г. весь сельскій бытъ былъ заваленъ обломками соціальнаго феодализма съ его реальными отношеніями, юридическими понятіями и всею средневѣковою терминологіей [1]).

Наконецъ, крѣпостничество, этотъ характернѣйшій признакъ соціальнаго феодализма, какъ было не разъ нами отмѣчаемо, тоже держалось въ эпоху развитія абсолютизма. Во Франціи уже было сравнительно очень мало сервовъ, но въ Германіи послѣ великой крестьянской войны 1524—1525 г. и послѣ войны тридцатилѣтней положеніе крестьянъ все ухудшалось: здѣсь въ XVII и XVIII вв. шло развитіе крѣпостныхъ отношеній, отнюдь не ихъ прекращеніе. Оброки и барщинныя повинности увеличивались; свобода передвиженія крестьянъ стѣснялась; крѣпостныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стали продавать и обмѣнивать, подвергать за дурную работу тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ рабовъ. Знаменитый Пуфендорфъ, юристъ и историкъ, жившій въ XVII в., создалъ даже цѣлую теорію въ оправданіе крѣпостничества, какъ обязательства платить постоянными услугами за постоянное и вѣрное пропитаніе: крестьяне де закрѣпостились у помѣщиковъ, которые одни только и могли имъ дать защиту и пропитаніе, а такъ какъ помѣщикъ прокармливаетъ не только родителей, но и ихъ дѣтей, то право господина распространяется и на потомство людей, ставшихъ къ нему въ подневольныя отношенія. Юристы XVIII в. утверждали прямо, будто современныя имъ крестьянскія отношенія существовали испоконъ вѣка, что земля всегда принадлежала благородному сословію, что всѣ крестьяне были самымъ своимъ тѣломъ ихъ собственностью (буквальный смыслъ нѣмецкаго обозначенія крѣпостныхъ—*Leibeigene*). Даже въ XIX в. нѣкоторые реакціонные писатели въ Германіи развивали крѣпостническіе взгляды, какъ, наприм., Аретинъ, доказывавшій въ 1819 г., что сеньёрьяльныя права (die grundherrlichen

---

[1]) Исторія Западной Европы, т. III, гл. 7 и 8.

Rechte) въ Баваріи составляютъ главную основу общественнаго благосостоянія, или какъ Адамъ Мюллеръ, утверждавшій, что феодальное сельское хозяйство есть «палладіумъ національнаго существованія».

ГЛАВА XXVII.

Ликвидація феодализма въ новѣйшее время.

Постепенное разрушеніе феодальнаго строя съ конца среднихъ вѣковъ.—Роль экономическихъ и политическихъ факторовъ въ этомъ процессѣ.—Раннее завершеніе его въ Англіи и отсталость въ этомъ отношеніи континентальныхъ странъ.—Роль просвѣтительной литературы XVIII в. — Сословные и крѣпостническіе порядки въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма.—Общее значеніе французской революціи въ исторіи разрушенія остатковъ феодальнаго строя.—Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости на Западѣ между 1789 и 1848 гг.—Судьба сословной монархіи въ XIX в.

Совокупность историческихъ процессовъ, приведшихъ къ образованію сеньёрьяльнаго строя и ленной системы, современная историческая наука называетъ феодализаціей общества и государства, а обратный процессъ разложенія помѣстья-государства и феодализма можетъ быть названъ дефеодализаціей. Этотъ процессъ на западѣ Европы начался еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ и окончательно сталъ совершаться лишь послѣ французской революціи [1]). Возникши на началахъ сельскаго быта, феодализмъ и долѣе всего держался на этой почвѣ. Подпавшіе-было подъ власть феодальныхъ сеньёровъ города сравнительно очень рано не только освободились отъ этой власти, но и пошли путемъ развитія враждебнаго экономическимъ, юридическимъ и политическимъ

---

[1]) Общій очень краткій очеркъ процесса дефеодализаціи сдѣланъ былъ мною въ сборной статьѣ о феодализмѣ въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона (ср. выше, стр. 11). Ср. «Западно-европейская абсолютная монархія», гл. XIX и «Происхожденіе народноправового государства», гл. I, XI, XVII, XVIII и XXIV.

основамъ феодализма. Королевская власть, тоже въ свое время подвергшаяся процессу феодализаціи, сдѣлалась другою силою, которая разрушала феодализмъ—въ его политической, главнымъ образомъ, сторонѣ. Выросшая на феодальной и муниципальной почвѣ сословная монархія была все-таки шагомъ впередъ отъ феодализма къ государственности новаго времени и содѣйствовала сплоченію сеньёрій и княжествъ въ болѣе крупныя національныя цѣлыя. Правда, и сословная монархія, и смѣнившая ее монархія абсолютная мирились съ соціальнымъ феодализмомъ, съ сеньёрьяльною властью надъ сельскимъ населеніемъ, съ крѣпостной его неволей и т. п., но въ нѣдрахъ этихъ политическихъ формъ шелъ постепенный ростъ общественныхъ силъ и государственныхъ учрежденій, мало-по-малу подтачивавшихъ и соціальную сторону феодализма.

Представить въ одной общей формулѣ, какую роль играли и какъ между собою въ своемъ дѣйствіи распредѣлялись экономическіе и политическіе факторы дефеодализаціи, кромѣ которыхъ были еще факторы культурные психологическаго и идеологическаго порядка,—совершенно невозможно. Одно время въ большомъ ходу было утвержденіе, что политическій феодализмъ былъ сломленъ введеніемъ огнестрѣльнаго оружія. Эта мысль вѣрна только въ нѣкоторой и притомъ не такъ уже чтобы очень значительной долѣ, ибо могутъ касаться лишь паденія феодальной организаціи военнаго дѣла и той роли, которую прежде играли феодальные замки, но и замѣна конницы пѣхотой, и появленіе постоянныхъ войскъ, и упадокъ значенія замковъ отчасти начались ранѣе изобрѣтенія пороха, отчасти зависѣли отъ множества другихъ условій. Въ дѣлѣ перестройки общества и государства играли, конечно, роль и другія техническія изобрѣтенія, тоже вызывавшія разнаго рода мелкія и лишь постевенно накоплявшіяся измѣненія. Между ручнымъ жерновомъ, перемалывавшимъ зерно въ муку въ феодальномъ помѣстьѣ, и паровой мельницей современнаго капиталистическаго строя лежитъ вообще длинный періодъ техническаго прогресса, отражавшагося на народномъ хозяйствѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и на соціальномъ строѣ. Дефеодализація послѣдняго, въ сущности, есть не что иное, какъ постепенная замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, развитіе капитализма, соединенный съ ними прогрессъ сельско-хозяйственной техники и т. п.

Рядомъ совершался другой процессъ, то отстававшій отъ перваго, то его опережавшій, въ видѣ роста классоваго самосознанія крестьянскихъ массъ, стремленія ихъ къ волѣ и т. п. Въ исторіи Запада мы знаемъ цѣлые періоды совершенно пригнетенной народной психологіи и періоды возбужденности крестьянскихъ массъ, протестъ которыхъ противъ феодализма получалъ и чисто идейную окраску: такъ было въ Англіи въ эпоху лоллардизма, въ Чехіи въ гуситскую эпоху, въ Германіи во время крестьянской войны съ евангелическими и анабаптистскими на нее воздѣйствіями, или во Франціи въ первую революцію, шедшую подъ знаменемъ естественнаго права, и въ Германіи, наконецъ, когда мартовская революція 1848 г., тоже имѣвшая свою идеологію, всколыхнула и крестьянскую массу. Политическія перемѣны, въ родѣ превращенія феодальной монархіи въ сословную, а сословной въ абсолютную, также приводили къ частичнымъ перемѣнамъ, болѣе крупнымъ и важнымъ въ области политическаго феодализма, менѣе значительнымъ и притомъ менѣе непосредственнымъ въ области феодализма соціальнаго.

Равнымъ образомъ, и ходъ дефеодализаціи, бо́льшая скорость или наоборотъ, медленность этого процесса, бо́льшая его полнота или, наоборотъ, чисто частичный характеръ, наконецъ, самая основная сущность процесса, тѣ стороны быта на которыхъ онъ сильнѣе всего отразился,—все это было различнымъ въ различныхъ странахъ, и не поддается общему учету для всей Западной Европы: приходится говорить объ отдѣльныхъ странахъ, сравнивать ихъ между собою и дѣлать заключенія сколько-нибудь общаго характера съ разными оговорками.

Процессъ дефеодализаціи раньше, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ, завершился въ Англіи. Во-первыхъ, въ политическомъ отношеніи эта страна никогда не распадалась на самостоятельныя части, какъ Франція или Германія, и даже можно утверждать, что самый феодализмъ сдѣлался здѣсь своего рода орудіемъ государственности. Во-вторыхъ, сословность въ Англіи не получила развитія, и наоборотъ, довольно рано произошло здѣсь сліяніе въ одно общее—въ юридическомъ смыслѣ—состояніе всѣхъ общественныхъ классовъ, что̀ получило особенно важное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ и крѣпостничество исчезло съ почвы этой страны. Наконецъ, самый принципъ феодальной собственности (зависимость всѣхъ

земель, въ качествѣ феодовъ, отъ короля, какъ высшаго и общаго сеньёра) былъ исключенъ изъ англійскаго законодательства уже въ серединѣ XVII в. Произошло это именно въ эпоху первой революціи, когда Англія на время (1649—1660) превращалась въ республику. До этого времени большая часть земли разсматривалась англійскимъ правомъ, какъ феодальная собственность, налагавшая на владѣльца извѣстныя обязанности по отношенію къ королю: при вступленіи во владѣніе платилась большая пошлина; для продажи хотя бы акра нужно было купить разрѣшеніе; малолѣтніе наслѣдники попадали подъ королевскую опеку, тоже сопровождавшуюся отчисленіемъ значительной части получаемаго дохода и пр., и существовала особая палата (cour ot wards), завѣдовавшая феодальными правами короны. Уже при Іаковѣ I началась агитація въ пользу уравненія имѣній на ленномъ правѣ съ совершенно свободными,—т.-е. съ алодіальной собственностью, если употребить французскій терминъ,—такъ какъ землевладѣльцы въ это время уже очень тяготились феодальными платежами королю. Они даже самовольно начинали уклоняться отъ исполненія своихъ феодальныхъ обязанностей, и, напр., Карлъ I въ годъ своей коронаціи (1625) обложилъ ихъ большимъ выкупомъ въ виду уклоненія большинства отъ принесенія феодальной присяги. Феодальныя права короны, кромѣ того, напоминали землевладѣльцамъ и о томъ, что на ихъ помѣстьяхъ лежали разныя ограниченія и другого рода. Въ Англіи уже происходилъ тогда процессъ замѣны наслѣдственныхъ держаній временными арендами, и услужливые юристы учили, что крестьянскія держанія основываются не на какомъ-либо правѣ сельскаго населенія на земельные участки, находившіеся въ его распоряженіи, а на свободномъ договорѣ, зависящемъ отъ доброй воли сторонъ. Землевладѣльцамъ просто хотѣлось уничтожить самый принципъ условностей въ правѣ собственности, освободивъ ее и отъ обязанности по отношенію къ королю, и отъ ограниченій въ пользу сельскаго населенія, а для этого лучше всего было приравнять рыцарскія земли къ свободнымъ, превратить всю поземельную собственность въ странѣ, по англійской терминологіи въ «free and common soccage» или, какъ выразились бы во Франціи, въ алоды. Это желаніе въ 1656 г. и было удовлетворено Кромвелемъ съ послѣдовавшимъ затѣмъ утвержденіемъ и со стороны парламента. Когда произошла

реставраціи Стюартовъ, всѣ законы, изданные въ эпоху революціи, считались не имѣющими никакой силы, но распоряженіе 1556 г. испытало другую судьбу, такъ какъ новымъ актомъ 1660 г., въ изданіи котораго были заинтересованы всѣ землевладѣльцы, Карлъ II отмѣнилъ феодальныя права короны и уничтожилъ вѣдавшій ихъ court of wards.

Во всякомъ случаѣ въ XVII и XVIII вв. Англія была страной, гораздо въ большей степени дефеодализированною, нежели Франція, но зато послѣ 1789 г., когда революція ликвидировала во Франціи всѣ порядки феодальнаго происхожденія, взаимныя отношенія между обѣими странами измѣнились, и, конечно, въ теперешней Англіи сохранились нѣкоторыя феодальныя черты, какихъ во Франціи уже совсѣмъ нѣтъ, каковы наслѣдственность верхней палаты, майораты и т. п.

Вполнѣ принципіальное и систематическое разрушеніе соціальнаго феодализма началось лишь съ середины XVIII в. и особенно выразилось въ теоретическомъ его отрицаніи тогдашнею просвѣтительною литературою. Отличаясь раціоналистическимъ характеромъ противополагая всему исторически сложившемуся «естественное право», основанное на идеяхъ разума и требующее внесенія въ жизнь принциповъ свободы и равенства, «философія XVIII в.» отнесла феодальные порядки къ остаткамъ «готическаго варварства», подлежащаго устраненію изъ жизни. Особенно былъ силенъ въ XVIII в. теоретическій походъ противъ крѣпостного права, какъ установленія, находящагося въ вопіющемъ противорѣчіи съ прирожденною человѣку свободою, съ нравственнымъ достоинствомъ личности, съ принципомъ равенства всѣхъ людей и общимъ благомъ, какъ цѣлью государства. Тогда же впервые заговорили, опять во имя тѣхъ же принциповъ, о необходимости освобожденія непривилегированной земельной собственности отъ лежавшаго на ней феодальнаго гнета, о превращеніи всѣхъ земель въ свободные алоды. Именно возникшая во Франціи въ серединѣ XVIII в. школа экономистовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ физіократовъ, и послѣдователи ея въ другихъ странахъ нападали на соціальный феодализмъ, какъ на нѣчто совершенно несовмѣстимое съ нормальнымъ и «естественнымъ порядкомъ» народнаго хозяйства. Въ частности, нѣмецкіе сторонники физіократіи возставали противъ крѣпостничества и барщины,

доказывая, что только свободный трудъ дѣйствительно производителенъ. Нѣкоторые публицисты требовали при этомъ не только освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и предоставленія имъ на правахъ собственности тѣхъ земель, на которыхъ они жили, хотя настоящимъ идеаломъ физіократовъ было не мелкое хозяйство крестьянскаго типа, а болѣе крупное фермерское, какое уже существовало въ Англіи. Реформировать всѣ эти отношенія, наконецъ, приглашалось государство и во имя высшихъ задачъ гражданскаго общежитія, и ради матеріальныхъ выгодъ, ибо отъ освобожденія личности и освобожденія земли, одинаково страдавшихъ отъ феодальнаго ига, ожидался общій экономическій подъемъ, который, какъ это уже доказывалось, долженъ былъ отразиться самымъ благотворнымъ образомъ и на интересахъ государственной казны.

Государственные люди середины XVIII в. сами приходили къ тѣмъ же выводамъ, и въ ихъ глазахъ была прямая необходимость, въ интересахъ казны, вмѣшаться въ сословные и крѣпостническіе порядки, унаслѣдованные отъ прежнихъ временъ. Абсолютизмъ послѣднихъ десятилѣтій передъ французской революціей принято, какъ извѣстно, называть просвѣщеннымъ абсолютизмомъ, и одна изъ его сторонъ заключалась какъ-разъ въ рядѣ реформъ, подрывавшихъ соціальный феодализмъ. Интересно, однако, что и у большинства философовъ, и у самихъ «просвѣщенныхъ деспотовъ» было сомнѣніе, можетъ ли государственная власть, бывшая неограниченной, даромъ отнять у сеньёровъ право на личность крѣпостного, которая, однакоже, признавалась имѣющею естественное право на свободу. Такой по натурѣ своей деспотъ и по своимъ убѣжденіямъ вольнодумецъ, какъ Фридрихъ Великій, не рѣшился освободить крѣпостныхъ крестьянъ Пруссіи. Вопросъ между тѣмъ былъ поставленъ еще его дѣдомъ, который въ 1702 г. выражалъ желаніе освободить всѣхъ крѣпостныхъ въ королевскихъ доменахъ, а отецъ «короля-философа» и приступилъ къ этому дѣлу въ 1719 и 1720 гг. Фридрихъ II ограничился самъ лишь изданіемъ законовъ въ защиту крестьянъ отъ *легена* [1]), отъ чиновничьяго произвола и т. п. Вообще «король-философъ» былъ сторонникомъ сословнаго строя, хотя бы и въ каче-

---

[1]) См. выше, стр. 364—365.

ствѣ организаціи служилыхъ и тяглыхъ людей въ интересахъ государства, и потому оставилъ послѣ себя Пруссію вполнѣ крѣпостнической. Замѣна въ начатомъ при немъ «Общемъ земскомъ правѣ» Пруссіи термина «крѣпостничество» (Leibeigenschaft) терминомъ «наслѣдственное подданство» (Erbunterthänigkeit) отнюдь не касалась существа власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Въ правѣ освободить лишь собственныхъ своихъ сервовъ, но никакъ не частновладѣльческихъ считалъ себя также и французскій король Людовикъ XVI: въ эдиктѣ 1779 г., отпускавшемъ на волю доманіальныхъ сервовъ, было сказано, что король хотѣлъ бы «отмѣнить безъ различія слѣды этого тягостнаго феодализма», но что «состояніе финансовъ не дозволяетъ ему выкупить изъ рукъ сеньёровъ» это право, составляющее ихъ «законную собственность». Гораздо рѣшительнѣе выступалъ въ данномъ вопросѣ императоръ Іосифъ II, этотъ «революціонеръ на тронѣ». Уже мать его, Марія-Терезія, издала рядъ законовъ, ограничивавшихъ помѣщичью власть по отношенію къ барщинѣ, къ праву наказывать крестьянъ и т. п., а Іосифъ II пошелъ далѣе, прямо отмѣнивъ своими указами крѣпостное состояніе въ отдѣльныхъ земляхъ своей монархіи (1782 г. для австрійско-чешскихъ провинцій, 1785 г. для Венгріи), хотя потомъ на дѣлѣ все осталось по старому. Укажемъ еще, что въ 1783 г. подъ вліяніемъ физіократіи было уничтожено крѣпостничество въ Баденѣ. Кромѣ того, заслуживаетъ упоминанія цѣлый рядъ эдиктовъ Карла Эммануила III, освобождавшихъ крѣпостныхъ и устанавливавшихъ выкупъ сеньёрьяльныхъ правъ надъ крестьянскими землями въ Савойѣ. Это были первые шаги государственной власти на пути общихъ мѣръ, которыя должны были привести къ ликвидаціи соціальнаго феодализма. Многое въ эту эпоху оставалось, впрочемъ, только въ области предположеній, какъ, наприм., проектъ французскаго министра-физіократа Тюрго, рекомендовавшаго безвозмездное уничтоженіе серважа и всѣхъ вытекавшихъ изъ него сеньёрьяльныхъ правъ и выкупъ всѣхъ остальныхъ правъ, какія только были у сеньёровъ по отношенію къ крестьянскимъ землямъ.

Такимъ образомъ въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма вопросъ о ликвидаціи соціальнаго феодализма въ формѣ освобожденія личности крестьянина и его земли отъ господской власти былъ поставленъ. Настоящій и самый рѣшительный при-

ступъ къ его рѣшенію сдѣланъ былъ, однако, только французской революціей, мѣропріятіями учредительнаго и законодательнаго собраній и конвента въ 1789—1793 гг. Извѣстно, что начало этому законодательству, основанному на принципахъ свободы и равенства всѣхъ лицъ и земель, было положено въ знаменитомъ ночномъ засѣданіи національнаго собранія 4 августа 1789 г. Это — великая дата въ новой исторіи не одной только Франціи, а также и другихъ странъ, гдѣ тоже предстояло отмѣнить крѣпостничество, феодальныя права, лежавшія на землѣ и сословный строй общества во имя естественнаго права съ его принципами свободы и равенства.

Съ 1789 г. начинается такимъ образомъ окончательное паденіе средневѣковой помѣщичьей власти надъ крестьянами и ихъ землями. Уже въ послѣднихъ годахъ XVIII в. крѣпостничество было отмѣнено въ двухъ-трехъ мелкихъ нѣмецкихъ княжествахъ независимо отъ того, что революціонная Франція уничтожила его въ завоеванныхъ ею въ это время областяхъ Германіи. Наполеоновская эпоха продолжала революціонную. Въ 1807 году были отмѣнены крѣпостническія отношенія въ Вестфальскомъ королевствѣ, въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ и въ Пруссіи, въ 1808 г.—въ нѣсколькихъ небольшихъ германскихъ землицахъ, въ 1808 г.—въ Баваріи и Нассау, въ 1811 г. въ Ольденбургѣ и т. п. Реакція, наступившая въ 1815 г., нѣсколько задержала дальнѣйшій ходъ ликвидаціи соціальнаго феодализма, но въ конституціи Бадена, Вюртемберга и Гессенъ-Дармштадта, изданныя въ эти годы, были включены статьи, объявлявшія свободу населенія въ этихъ трехъ государствахъ, а затѣмъ были изданы и спеціальные законы о выкупѣ повинностей, а въ 1820 г. было приступлено къ освобожденію крестьянъ и въ Мекленбургѣ. Двадцатые годы XIX в. были временемъ усиленной реакціи, прерванной только событіями 1830 г., когда за іюльской революціей въ Парижѣ произошли волненія и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Послѣ этого предпринято было раскрѣпощеніе сельскаго населенія въ Ганноверѣ, Саксоніи и Гессенъ-Касселѣ, хотя въ первой и третьей изъ названныхъ странъ оно уже разъ начиналось еще въ наполеоновскую эпоху. Вообще дѣло дѣлалось не сразу, по частямъ, съ возвращеніями вспять, такъ что иногда трудно пріурочить *настоящее* освобожденіе къ точно опредѣленной датѣ. Осо-

бенно были неполны и страдали другими недостатками законы о выкупѣ крестьянскихъ повинностей: въ одномъ и томъ же государствѣ ихъ издавали не въ одинъ пріемъ, и многіе такіе законы были издаваемы окончательно лишь подъ вліяніемъ революціи 1848 г. Вообще только 1848 годъ съ двумя слѣдующими годами можетъ быть принятымъ для Германіи, какъ дата окончательной ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній. Лишь въ это время и отдѣльныя области Австріи, въ которыхъ еще существовало крѣпостное право, тоже отъ него освободились. Такимъ образомъ на окончательное паденіе средневѣкового серважа въ Западной Европѣ потребовался довольно-таки длинный періодъ въ шесть десятковъ лѣтъ.

Въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ крестьянскій вопросъ рѣшался въ XIX в. при болѣе или менѣе дѣятельномъ участіи земскихъ сеймовъ, въ которыхъ попрежнему не было крестьянскаго представительства и въ которыхъ господствовали вообще реакціонныя стремленія. Сословная монархія, пришедшая въ упадокъ въ XVI—XVIII вв., возродилась здѣсь въ эпоху реакціи противъ французской революціи къ новой жизни. Когда въ 1815 г. вѣнскій конгрессъ устраивалъ Германію, было рѣшено, что во всѣхъ ея государствахъ будетъ введено земское представительство. Лишь немногія изъ нихъ въ это время ввели у себя конституціи по новому образцу, другія ограничились возстановленіемъ старинныхъ земскихъ сеймовъ сословного состава, а третьи и совсѣмъ не исполнили этого обѣщанія. Жизнь, однако, требовала введенія народнаго представительства и именно по новому образцу, созданному французской революціей, а не по старому, средневѣковому. Сословная монархія въ Германіи кое-какъ доживала свой вѣкъ въ первой половинѣ XIX в., и въ 1847 г. была даже сдѣлана попытка введенія соединеннаго земскаго сейма въ Пруссіи, но 1848 г. и въ этомъ отношеніи вывелъ Германію на новую дорогу: въ настоящее время въ ней лишь одинъ Мекленбургъ держится средневѣковой формы представительства. Нѣтъ ея также изъ странъ, продолжавшихъ еще ея держаться въ XIX в., и въ Швеціи (съ 1866 г.), и въ Венгріи (съ 1867 г.), и въ Финляндіи (съ 1906 г. [1]), и лишь въ составѣ и организаціи

---

[1]) Мекленбургскій ландтагъ (общій для обоихъ великихъ гер-

нѣкоторыхъ верхнихъ палатъ, какъ переживанія старины, все-таки еще сохраняются начала и формы средневѣковой сословности. Какъ бы, однако, обломки феодализма и сословности ни загромождали политическую почву, они являются именно не чѣмъ инымъ, какъ только обломками когда-то господствовавшаго строя, нынѣ отжившаго свое время и уступившаго мѣсто инымъ отношеніямъ и учрежденіямъ.

цогствъ (М. Шверина и М. Стрелица) имѣетъ архаическое сословное устройство: это—«корпусы рыцарства и земства» (Korps der Ritter und Landschaft), причемъ въ верхней палатѣ засѣдаютъ главы дворянскихъ фамилій, а въ нижней—представители 48 городовъ безъ всякаго представительства сельскаго населенія и съ очень высокимъ избирательнымъ цензомъ для самихъ горожанъ. Въ 1848 г. эта конституція подверглась-было измѣненію въ новомъ духѣ, но реакція возвратила Мекленбургъ къ старому устройству. Въ Швеціи сословное представительство, которое уже не соотвѣтствовало новымъ формамъ общественной жизни, успѣвшимъ утвердиться въ странѣ, было отмѣнено по предложенію правительства сеймомъ, созваннымъ въ 1865 г. Сословное устройство венгерскаго сейма было уничтожено еще въ 1848 г., но въ 1849 г. и сама венгерская конституція была устранена и возстановлена лишь въ 1867 г. съ нѣкоторыми измѣненіями.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Разныя опредѣленія феодализма.

Терминъ «феодализмъ» возможно употреблять въ болѣе широкомъ и въ болѣе тѣсномъ смыслахъ, или въ родовомъ и въ видовомъ значеніяхъ. Въ тѣсномъ смыслѣ, это есть западно-европейское устройство общества и государства въ средніе вѣка; въ широкомъ смыслѣ это — извѣстная ступень, переживаемая, по представленію многихъ историковъ и соціологовъ, всѣми народами въ ихъ историческомъ развитіи. Вотъ что читаемъ мы на этотъ счетъ въ указанной на стр. 11 статьѣ проф. Гревса.

«Слово феодализмъ служитъ научнымъ терминомъ для обозначенія одного изъ крупнѣйшихъ явленій всемірной исторіи въ области соціально-политическаго развитія человѣчества. Первоначально именемъ феодализма обозначалась совокупность основныхъ особенностей общественнаго строя, въ большей или меньшей степени утвердившагося во всѣхъ государствахъ Западной Европы въ такъ называемые средніе вѣка (régime féodal, Lehnswesen, feudal system, feodalismo). Такое опредѣленіе давало уже Ф. первостепенное мѣсто въ ряду «историческихъ понятій»; но значеніе термина еще безконечно расширилось, когда наукѣ новѣйшаго времени удалось открыть существованіе Ф. или, по крайней мѣрѣ, пресутствіе феодализирующихъ процессовъ въ гораздо болѣе многочисленныхъ государствахъ, у весьма различныхъ племенъ и народовъ, жившихъ во всевозможныхъ частяхъ земли и въ очень разнообразныя эпохи ихъ исторіи».

Этими, только что приведенными словами и начинается статья проф. Гревса, который, такимъ образомъ, съ самаго же начала счелъ нужнымъ подчеркнуть «безконечное расширеніе», какое терминъ получилъ за послѣднее время. Равнымъ образомъ, заканчивая обзоръ

теорій о происхожденіи западно-европейскаго феодализма, онъ останавливаетъ вниманіе читателя и на внесеніи въ вопросъ сравнительно-исторической точки зрѣнія, расширяющей этотъ историческій вопросъ въ цѣлую соціологическую проблему. Соотвѣтствующее мѣсто статьи проф. Гревса я и привожу здѣсь цѣликомъ.

«Вѣковой опытъ научнаго изученія крупныхъ историческихъ проблемъ показалъ сложность природы основныхъ явленій въ жизни человѣческихъ обществъ и научилъ искусству глубоко анализировать ихъ основные элементы, въ отдѣльности и въ комбинаціи, и особенно въ «генезисѣ» (процессѣ образованія и развитія). Съ другой стороны, привлеченіе къ исторической обработкѣ все новыхъ матеріаловъ обнаружило полезность расширенія круга наблюденій, которыя раньше слишкомъ тѣсно замыкались въ рамки исторіи какого-нибудь одного народа и во всякомъ случаѣ не заходили за предѣлы Европы. Такіе матеріальные (фактическіе) и формальные (методологическіе) успѣхи отразились и на изслѣдованіи и построеніи Ф. Работы Маурера, обратившія вниманіе историковъ на связь между средневѣковымъ Ф. и древнѣйшими соціально-экономическими учрежденіями германскаго племени, натолкнули другихъ ученыхъ на попытки стыскать признаки феодализаціи въ первобытномъ общественномъ строѣ другихъ народовъ. Первымъ примѣнилъ съ особенною удачею такую точку зрѣнія къ изученію кельтскихъ и общеарійскихъ древностей англійскій историкъ Мэнъ въ сочиненіяхъ «Древнее право» (1861), «Сельскія общины на Востокѣ и Западѣ» (1871), «Ист. древнихъ учрежденій» (1875) и «Древній законъ и обычай» (1883). Богатый матеріалъ, извлеченный изъ вновь открытыхъ или изслѣдованныхъ древнихъ памятниковъ и изъ точныхъ описаній быта дикихъ или отсталыхъ племенъ, и постепенное установленіе принциповъ «сравнительнаго метода», способствовали построенію первыхъ основаній «сравнительнаго разсмотрѣнія исторіи феодальнаго строя». Открытіе факта широкаго распространенія общинныхъ формъ землевладѣнія въ первобытныя времена у всевозможныхъ народовъ и выясненіе хода его разложенія (см. попытку обобщеннаго сравнительнаго обзора въ трудѣ E. de Laveleye, La propriété et ses formes primitives», 1 изд. 1874, 4 изд. 1883; есть русск. перев. и нѣм. переработка К. Бюхера; ср. M. Kovalevsky, Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété, 1890) подготовило теоретическое основаніе для гипотезы о широкой распространенности Ф., какъ обычной «фазы соціальной эволюціи». Дальнѣйшее фактическое изученіе первобытно-правовыхъ отношеній подтвердило ее обильными данными. Въ современныхъ научныхъ со-

чиненіяхъ по соціологіи, составленныхъ по историческому методу, можно найти соотвѣтствующія главы о «первобытномъ Ф.», тогда какъ въ первой половинѣ XIX в. могла идти рѣчь лишь о Ф. «средневѣковомъ, западно-европейскомъ». Появляются и спеціальныя изслѣдованія по изученію Ф. въ различныхъ странахъ, кромѣ Западной Европы, напримѣръ Tischendorf. Das Lehnswesen in den moslemischen Staaten (1872)».

Въ своей статьѣ проф. Гревсъ даетъ и цѣлый (весьма, конечно, сжатый) очеркъ «феодализаціи въ первобытномъ обществѣ» или, какъ онъ еще выражается, о «феодализмѣ на соціологической почвѣ» и приводитъ кое-что изъ литературы предмета, оговариваясь, что вообще ее не легко указать, такъ какъ пришлось бы называть большинство сочиненій по первобытному праву и описательной соціологіи.

Тему проф. Гревса можно было бы продолжить указаніями на тѣ или другія мнѣнія историковъ о феодализмѣ у разныхъ отдѣльныхъ народовъ древняго и новаго міра. Его, наприм., находили въ древнемъ Египтѣ, о чемъ я даже счелъ нужнымъ упомянуть въ краткой характеристикѣ египетской государственности въ своихъ «Монархіяхъ древняго Востока и греко-римскаго міра» (глава V). Или еще примѣръ — извѣстныя разсужденія Эд. Мейера о «греческомъ средневѣковьѣ» (das griechische Mittelalter) съ его чисто феодальными чертами. Наконецъ, отмѣчу здѣсь еще и то, что со времени перехода Японіи, около полувѣка тому назадъ, къ нынѣшнему ея состоянію тоже очень много говорилось и писалось объ японскомъ феодализмѣ, сокрушенномъ только императоромъ Мутцохитою.

Выраженія «капиталистическій» или «промышленный феодализмъ», встрѣчающіяся въ современной литературѣ, указываютъ на еще большее расширеніе понятія «феодализмъ», именно въ смыслѣ вообще «смѣшенія политическаго и частнаго господства сильнаго, политическаго и частнаго подчиненія слабаго» но это — такое расширеніе понятія, при которомъ отъ первоначальнаго смысла слова почти уже ничего не остается.

Всѣ опредѣленія феодализма, какія только дѣлались въ научной литературѣ XIX в., большею частью только варьируютъ и развиваютъ мысли, высказанныя Гизо въ его «Исторіи цивилизаціи во Франціи», вслѣдствіе чего мы и считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь два отрывка изъ этой знаменитой книги.

1. «Не должно забывать, что феодализмъ употребилъ цѣлыхъ пять вѣковъ для своего окончательнаго сформированія, и что потому многочисленные его элементы, на этомъ длинномъ протяженіи

времени, относятся къ весьма различнымъ эпохамъ и имѣютъ весьма различные источники своего происхожденія.

Для успѣшнаго рѣшенія нашего вопроса необходимо 1) опредѣлить съ точностью, изъ какихъ матеріаловъ и изъ какихъ существенныхъ основъ состоялъ тотъ общественный бытъ, который мы называемъ феодализмомъ, т.-е. матеріаловъ, которые отличили бы его отъ всякаго другого быта; 2) прослѣдить эти матеріалы во всѣхъ ихъ послѣдовательныхъ реформахъ или по одиночкѣ, или въ различныхъ ихъ соприкосновеніяхъ и сочетаніяхъ, изъ которыхъ, по истеченіи пяти вѣковъ, вышелъ феодализмъ.

Существенный характеръ феодальнаго начала, по моему мнѣнію, можетъ быть приведенъ къ тремъ чертамъ: 1) особое значеніе поземельной собственности, собственности осязательной, полной, наслѣдственной, и въ то же время полученной отъ высшаго лица, налагающей на своего владѣтеля, подъ страхомъ ея лишенія, извѣстныя личныя обязательства, и далеко не предоставляющей той независимости, какою пользуется собственность въ настоящее время: 2) тѣсное сліяніе понятія собственности съ понятіемъ о верховной власти, т.-е. приписываніе владѣтелю земли надъ ея обитателями всѣхъ или почти всѣхъ правъ, совокупность которыхъ составляетъ верховную власть, принадлежащую въ наше время одному правительству, публичной силѣ, и 3) стройный чинъ постановленій законодательныхъ, судебныхъ, военныхъ, связывающій между собою поземельныхъ владѣтелей и превращающій ихъ, такимъ образомъ, въ органическое общество. А потому и намъ предстоитъ изучить въ феодализмѣ: 1) исторію поземельной собственности, т.-е. характеръ земли; 2) исторію верховной власти и условій общественнаго быта, т.-е. характеръ лицъ и 3) исторію всего политическаго быта, т.-е. исторію учрежденій».

2. «Нельзя ожидать, чтобы мы могли гдѣ-нибудь найти систематическую и всеобщую организацію феодальныхъ владѣтелей, на которую мы указали, какъ на третью великую черту феодальной эпохи; она никогда и нигдѣ не была вполнѣ осуществлена на дѣлѣ. Эта организація существовала и отличала феодализмъ отъ всякаго другого соціальнаго быта, но она никогда не достигала полноты развитія и правильности въ своемъ примѣненіи; никогда феодальный чинъ не былъ въ дѣйствительности такъ устроенъ и не жилъ въ тѣхъ строгихъ формахъ и регламентахъ, какіе приписываютъ ему новѣйшіе публицисты. Особенныя свойства поземельной собственности, сліяніе правъ верховной власти съ владѣніемъ землею были фактами простыми, очевидными и въ исторіи являлись такими, какими

изображаетъ ихъ теорія; но цѣлость и единство феодальнаго общества были воображаемымъ зданіемъ, созданнымъ уже впослѣдствіи въ головѣ ученыхъ и отъ котораго въ дѣйствительности существовали на нашей территоріи одни матеріалы, необтесанные и обезображенные. Если же таковъ былъ феодализмъ въ теченіе главной своей эпохи (т.-е. въ XII, XIII и XIV вв.), то тѣмъ запутаннѣе долженъ былъ онъ являться при своемъ началѣ, въ послѣдніе годы X вѣка. Тогда онъ только-что выходилъ изъ хаоса варварства и даже являлся, за невозможностью лучшаго, чѣмъ-то въ родѣ прогресса, какъ начало, ближайшее къ тому, которое заканчивало свое существованіе, какъ единственная форма, въ которую могло облечься возрождавшееся въ ту эпоху общество. Противорѣчія, недостатокъ цѣлости характеризовали его еще гораздо болѣе, чѣмъ впослѣдствіи; феодальная ассоціація была еще далѣе отъ того единства и правильности, которыхъ она, впрочемъ, не достигла никогда. На самомъ дѣлѣ, конецъ X и начало XI в. въ исторіи феодализма были періодомъ величайшаго безпорядка».

Сравнимъ съ этими мѣстами слѣдующій отрывокъ изъ одного труда Фюстель-де-Куланжа.

«Три черты, говоритъ Фюстель-де-Куланжъ [1]), характеризуютъ феодальный порядокъ. Во-первыхъ, при этомъ порядкѣ земля находится въ такого рода обладаніи, что владѣлецъ ея не есть ея истинный собственникъ. Его пользованіе землею можетъ быть почти обезпеченнымъ, можетъ быть даже наслѣдственнымъ, но оно никогда не составляетъ полной собственности. Всегда недостаетъ ему нѣкоторыхъ аттрибутовъ собственности, какъ право продажи или право отказа по завѣщанію. Кромѣ того, его пользованіе землею является условнымъ, т.-е. подлежащимъ либо оброку, либо службѣ, словомъ—извѣстнымъ обязанностямъ, и неисполненіе этихъ обязанностей влечетъ за собою утрату владѣнія. Во-вторыхъ, территорія раздѣлена на крупные домены, которые называются сеньёріями. Въ каждомъ изъ нихъ царитъ свой сеньёръ, и всѣ люди домена ему повинуются. Этихъ людей судитъ онъ, вмѣсто того, чтобы ихъ судилъ король или какая-либо иная публичная власть. Податною повинностью и военной службой они обязаны по отношенію къ нему, а не по отношенію къ королю. Такимъ образомъ, всякій отдѣльный доменъ представляется маленькимъ государствомъ. Въ-третьихъ, сеньёры не всѣ одинаково зависятъ отъ короля, но также и

---

[1]) *Fustel de Coulanges.* Les origines du système féodal. Introduction, стр. XII—XIII (по изд. 1890 г.).

другъ отъ друга. Послѣдняя зависимость происходитъ отъ того, что всякій изъ сеньёровъ получилъ свою сеньёрію отъ другого, признаніе чего производится формально съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Такимъ образомъ, всякій держитъ землю отъ другого, признаніе чего производится формально съ каждымъ новымъ поколѣніемъ. Такимъ образомъ, всякій держитъ землю отъ другого и въ силу этого является подчиненнымъ другому. Отсюда-то и поднимается іерархія вассаловъ и сюзереновъ, которая восходитъ вплоть до короля".

Г. Тарановскій въ статьѣ своей „Феодализмъ въ Россіи", пересмотрѣвъ нѣсколько отвѣтовъ на вопросъ, въ чемъ заключаются отличительные признаки феодализма (взгляды Рота, Бруннера, Фюстель-де-Куланжа, Сеньобоса) слѣдующимъ образомъ резюмируетъ эти отвѣты:

„Отличительные признаки и основные институты феодальной государственности суть: доменъ-сеньёрія, какъ институтъ организованной и охраняемой иммунитетомъ державной власти болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца „благороднаго" происхожденія надъ несвободными, полусвободными и во всякомъ случаѣ низшаго сословія людьми, живущими и на самыхъ разнообразныхъ юридическихъ основаніяхъ работающими на его землѣ; ленный договоръ, устанавливающій взаимную зависимость между вполнѣ свободными и „равнородными" людьми, какъ личную, такъ и поземельную». Особенность формулировки г. Тарановскаго—та, что онъ отмѣчаетъ «наличность юридически регламентированнаго различія сословій, какъ необходимаго условія феодальнаго строя». Это, дѣйствительно, важно (см. гл. XVI настоящей книги), но скорѣе нужно признать за сословностью значеніе не условія, а слѣдствія феодальнаго строя. Далѣе г. Тарановскій говоритъ, что этотъ строй, „будучи подвергнутъ юридической конструкціи, представляетъ собою особый типъ сложнаго государства (т. н. Staatenstaat), въ которомъ государственная власть раздроблена по отдѣльнымъ державнымъ сеньёріямъ", причемъ „нѣкоторыя общія верховныя права, отъ этого дробленія уцѣлѣвшія, не доходятъ въ своемъ дѣйствіи непосредственно до подданныхъ, но воздѣйствуютъ лишь на сеньёрьяльную и сюзеренную власти, внутренняя политическая жизнь которыхъ отправляется совершенно независимо и самостоятельно". Въ этой „юридической конструкціи" феодализма г. Тарановскій исходитъ изъ общихъ принциповъ государственнаго ученія Еллинека (*Jellinek* Die Lehre von den Staatenverbindungen и *его же* Das Recht des modernen Staates).

II. Экономическіе и юридическіе памятники феодальнаго строя.

Въ текстѣ сказано, что крупные собственники въ средніе вѣка вели записи своихъ земель, службъ, доходовъ и т. п., нерѣдко сохранившіяся до нашего времени (стр. 65 и 102—103). Эти „писцовыя книги“ носили разныя названія полиптиковъ, ренталей, censiers, урбаріевъ и т. п. Особенно важно, когда аналогичный документъ касается цѣлой страны. Другую категорію документовъ, составляющихъ сырой матеріалъ для изученія феодализма и сеньёрьяльнаго строя составляютъ разнаго рода хартіи (грамоты) судебные протоколы, отпуски на волю и т. п. Особо слѣдуетъ, далѣе, поставить изложенія обычнаго права, регулировавшаго ленныя и крестьянскія отношенія, то, что во Франціи называютъ *кутюмами* (см. стр. 100 и 208), въ Германіи зерцалами (Саксонское, Швабское, Германское), Hofrechte, Weisthümer и т. п. Всѣ эти источники и кладутся въ основу новыхъ изученій средневѣковаго экономическаго быта и средневѣковаго права. Въ частности литература по исторіи права въ отдѣльныхъ государствахъ весьма обширна, но на русскомъ языкѣ очень бѣдна. Отмѣтимъ, между прочимъ, книгу Карасевича „Обычное право Франціи въ его историческомъ развитіи“ (1875).

Присоединяемъ перечень наиболѣе извѣстныхъ и важныхъ изъ документовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Великая хартія вольностей (Magna charta libertatum). О ней см. въ текстѣ книги, стр. 160—163, 253, 255—256.

Іерусалимскія ассизы или ассизы Іерусалимскаго королевства (Assises du royaume de Jerusalem, иначе Lettres du St. Sepulcre)—важный источникъ феодальнаго права. Слово „ассиза“ было синонимомъ слово „курія“, но потомъ получило значеніе судебнаго постановленія. Названіе Іерусалимскихъ ассизъ было дано сборнику законовъ, существовавшему въ эпоху Іерусалимскаго королевства; онъ не дошелъ до нашего времени, а то, что̀ извѣстно подъ этимъ названіемъ, относится къ болѣе позднему времени и дѣйствовало въ Латинской имперіи и на о-вѣ Кипрѣ до завоеванія его турками. Это была систематизація обычаевъ и законовъ феодальной эпохи, принесенныхъ въ Палестину крестоносцами-французами. См. объ этомъ памятникѣ имѣющееся въ рус. перев. соч. *Додю* „Исторія монархическихъ учрежденій въ Латино-Іерусалимскомъ коро-

левствѣ“ (Спб., 1897). Въ этой книгѣ см. стр. 34—59, спеціально посвященныя ассизамъ. Авторъ, между прочимъ, говоритъ, что въ этомъ памятникѣ „слѣдуетъ изучать истинный характеръ феодализма“ (стр. 35), ибо это „самое древнее и самое чистое выраженіе французскаго феодализма“ (стр. 57); книга Додю сама — описаніе феодализма въ Палестинѣ. Дополненіемъ къ Іерусалимскимъ ассизамъ служатъ изданныя въ 1876 г. Антіохійскія ассизы. Выдержки изъ Іерусалимскихъ ассизъ имѣются въ III томѣ извѣстной исторической хрестоматіи *Стасюлевича* (Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Первое изд. 1865 г., стр. 792 и слѣд.). Ср. тамъ же (стр. 781) объ устройствѣ Іерусалимскаго королевства изъ „Исторіи крестовыхъ походовъ“ *Вилькена*.

Книга Страшнаго суда (Domesday book), упомянутая на стр. 154 текста, составлена при Вильгельмѣ Завоевателѣ около 1086 г. Это—опись отдѣльныхъ графствъ Англіи съ перечисленіемъ всѣхъ собственниковъ и описаніемъ принадлежащихъ имъ земель и населенія послѣднихъ, имѣвшая цѣлями, съ одной стороны, оффиціальное укрѣпленіе за каждымъ его владѣнія, съ другой—опредѣленіе лежавшихъ на каждомъ феодальныхъ службъ. Названіе Думсдебукъ объясняютъ тѣмъ, что это какъ бы послѣдній судъ Господень, послѣ котораго нѣтъ никакихъ перерѣшеній, если только не согласиться съ другимъ толкованіемъ, что это—„книга дома Божія“ (domus Dei book), названная такъ по мѣсту своего храненія въ церкви. Въ первый разъ этотъ важный документъ былъ изданъ въ 1783 г. О немъ изслѣдованія Maitland'а, Виноградова и др.

Кутюмы Бовези (Coutumes de Beauvaisis) Бомммануара, имя котораго упоминается на стр. 208, 329 и 331 текста, — очень важный памятникъ для пониманія феодальнаго права въ виду ранней эпохи его появленія. Бомануаръ жилъ во второй половинѣ XIII в., а Бовези есть область города Бове въ Иль-де-Франсѣ.

Полиптикъ аббата Ирминона, о которомъ говорится въ текстѣ книги (стр. 102).

Саксонское зерцало (Sachsenspiegel)—изложеніе саксонскаго обычнаго права, сдѣланное въ серединѣ XIII в., получившее затѣмъ значеніе судебника въ значительной части средневѣковой Германіи (главнымъ образомъ, сѣверной) и легшее въ основу многихъ другихъ германскихъ сборниковъ права (между прочимъ, и *Швабскаго зерцала* конца XIII в.). Этотъ памятникъ распадается на общее и ленное право. Ср. ссылку на него на стр. 148.

III. Литература о феодализмѣ.

Въ текстѣ указано (стр. 9) на существованіе большой литературы о феодализмѣ, наполненной массой разногласій и споровъ, и перечислены главныя направленія или школы въ этой литературѣ (стр. 10). Кто желаетъ ближе познакомиться съ ними, того можно направить къ названнымъ выше, въ подстрочномъ примѣчаніи къ стр. 11 работамъ П. Г. Виноградова и И. М. Гревса (особенно къ послѣдней, какъ къ болѣе новой), здѣсь же мы ограничиваемся лишь перечнемъ наиболѣе важныхъ трудовъ по исторіи феодализма съ краткими отмѣтками значенія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Названія расположены въ алфавитномъ порядкѣ фамилій авторовъ.

Ashley, см. *Эшли*.

F. Beaudouin. Les grands domaines dans l'empire romain (1900). Крупныя помѣстья въ Римской имперіи.

F. Bourgeois. Le capitulaire de Kiersy-sur-Oise (1885). Керсійскій капитуларій. Ср. стр. 37.

Championnière. De la proprieté des eaux courantes (1846). О собственности на проточныя воды. Несмотря на частный предметъ труда (собственность на проточныя воды), это—трудъ важный и въ общемъ смыслѣ (романистическое направленіе), о чемъ см., между прочимъ, на стр. 81 текста нашей книги.

Eichhorn. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte (1820—1823). Исторія нѣмецкаго государства и права. Эйхгорнъ — германистъ, близкій по взглядамъ къ Савиньи.

Эшли. Экономическая исторія Англіи. 1897.

Ficker. Vom Reichsfürstenstande (1861). О сословіи имперскихъ князей.

J. Flach. Les origines de l'ancienne France (1886—1904). Происхожденіе старой Франціи. Одно изъ новѣйшихъ сочиненій по феодализму, ссылки на которыя см. у насъ на стр. 100, 128—129, 139, 140—141, 168—169 и др. У автора важно различеніе между сеньёрьяльнымъ строемъ и феодальной системой (см. у насъ стр. 117—118).

Fustel de Coulanges. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Первый томъ—въ 1874 г., во второмъ, сильно разросшемся изданіи шестой томъ — въ 1892 г. Русскій переводъ подъ ред. проф. Гревса («Исторія общественнаго строя Франціи»),

начатый въ 1901 г., еще не оконченъ. Ф. де-К. примыкаетъ къ романистической традиціи. См. о немъ статью проф. Гревса въ «Энц. Слов.». Брокгауза-Ефрона.

Gneist. Adel und Ritterschaft in Fngland (1853). Знать и рыцарство въ Англіи.

И. Гревсъ. Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія, преимущественно въ эпоху имперіи (1899). Важно для вопроса о корняхъ феодализма въ Римской имперіи. См. объ этой книгѣ мою статью въ №№ 11 и 12 «Русскаго Богатства» за 1900 г.

И. Гревсъ. Сущность феодализма и его происхожденіе (статья въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза-Ефрона, о которой см. выше, стр. 11; тамъ же его статья о феодализмѣ въ Италіи).

D'Epinay. La féodalité et le droit civil français (1862). Феодализмъ и французское гражданское право.

B. Guérard. Prolegomènes au polyptique de l'abbé Irminon (1844). Пролегомены къ Политтику аббата Ирминона. Весьма важный трудъ для исторіи крестьянства во Франціи (см. у насъ стр. 102), указывающій, между прочимъ, на связь средневѣковаго серважа съ римскимъ колонатомъ.

P. Guillermoz. Essai sur l'origine de la noblesse en France au moyen âge (1902). Опытъ о происхожденіи дворянства во Франціи въ средніе вѣка.

Guizot. Histoire de la civilisation en France (и его же Hist. de la civ. en Europe). Исторія цивилизаціи во Франціи. Гизо — представитель германистической теоріи (указаніе на дружину), первый давшій основное опредѣленіе феодализма, которое легло въ основу всѣхъ послѣдующихъ опредѣленій. См. выше, стр. 44, но особенно въ первомъ приложеніи.

Homeyer. System des Lehnrechts in der sächsischen Rechtsbücher. Система леннаго права въ саксонскихъ правовыхъ сборникахъ. О послѣднихъ ср. приложеніе II.

Inama-Sternegg. Die Ausbildung der grossen Gutsherrschaft in Deutschland (1879). Образованіе крупнаго землевладѣнія въ Германіи.

О. Юрьева. Очерки по исторіи феодализаціи монархіи во Франціи («Журн. Мин. Нар. Просв.» за 1900 г., февраль).

Н. Карѣевъ. Въ какомъ смыслѣ можно говорить о существованіи феодализма въ Россіи? (1910).

A. Kleinclausz. L'empire carolingien, ses origines et ses transformations (1902). Каролингская монархія, ея происхожденіе и измѣненія въ ней.

Knapp. Grundherrschaft und Rittergut (1897). Поземельная собственность и рыцарское помѣстье.

M. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы (1898 и слѣд., въ четырехъ томахъ). Обильное собраніе матеріаловъ, не подвергшееся, однако, надлежащей обработкѣ. См. у насъ стр. 57, 61, 71, 89, 102 и др.

M. Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ (1880). Важно по вопросу о разложеніи феодализма.

Fr. J. Kühns. Ueber den Ursprung und das Wesen des Feudalismus (1869). О происхожденіи и сущности феодализма. Популярное изложеніе, теперь устарѣлое.

E. Laboulaye. Histoire du droit de la propriété foncière en Occident (1839). Исторія земельной собственности на Западѣ.

K. Lamprecht. Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter. (1885—1886). Экономическая жизнь Германіи въ средніе вѣка.

K. Lamprecht. Etudes sur l'état économique de la France pendant la première partie du moyen âge (1879). Этюды объ экономическомъ состояніи Франціи въ первой части средневѣковья.

Maine. Ancient Law (1861). Древній законъ; *его же* Village communities in the Est and West (1871). Деревенскія общины Востока и Запада; *его же* The early history of institutions (1875). Исторія древнихъ учрежденій; *его же* Early Law and Costum (1883). Древній законъ и обычай. (Эти сочиненія переведены по-русски). О значеніи Мэна въ исторіи изученія феодализма см. стр. 31 текста книги и ниже въ приложеніи I, гдѣ приводятся слова проф. Гревса.

F. W. Maitland. Domesday Book and Beyond (1897). О «Книгѣ страшнаго суда». См. выше, стр. 154.

G. L. Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-Hof-Dorf- und Stadtverfassung (1854). Рус. пер.: «Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства» (1880). Въ этомъ сочиненіи, предпринятомъ въ германистическомъ духѣ, на первый планъ выдвинутъ экономическій моментъ разложенія марки (см. выше, стр. 10, 167 и 168). Дальнѣйшая разработка этой темы въ большихъ спеціальныхъ трудахъ Маурера: Gesch. der Markenverfassung (1856, Исторія устройства марки), Gesch. der Fronhöfe, der Bauernhöfe und Hofverfassung in Deutschland (1862—1863, Исторія подворнаго устройства въ Германіи), Gesch. der Dorfverfassungen in Deutschland (1866, Исторія сельскаго устройства въ Германіи) и Gesch. der Städteverfassung in Deutschland (1869—1871, Исторія городского устройства въ Германіи).

Maurer. Ueber das Wesen des ältesten Adels der deutschen Stämme. О сущности древнѣйшей знати у германскихъ племенъ.

Menzel. Die Entstehung des Lehnwesens (1890). Возникновеніе ленной системы. Критическій разборъ взглядовъ Вайца и Рота.

Ch. Mortet. Le féodalité (статья о феодализмѣ въ Grande Encyclopédie).

Orlando. Il feudalismo in Sicilia (1847). Феодализмъ въ Сициліи.

Д. Петрушевскій. Возстаніе Уота Тайлера (1897 и 1901). Предметъ книги—разложеніе англійскаго феодализма. См. выше стр. 325—327 и 334—336.

Д. Петрушевскій. Новое изслѣдованіе о происхожденіи феодальнаго строя (1892).

Д. Петрушевскій. Средневѣковое общество и государство (1906).

F. Poggi. Cenni storici delle leggi dell'agricoltora (1845). Поджи—одинъ изъ наиболѣе рѣшительныхъ представителей романистическаго направленія.

P. Roth. Geschichte des Beneficialwesens von der ältesten Zeiten bis ins zehnte Jahrhundert (1850) и *его же* Feudalität und Unterthanenverband (1863). Исторія бенефиціальной системы и Феодализмъ и связь подданства. По мнѣнію Рота, феодализмъ возникъ лишь на почвѣ мѣропріятій каролингской эпохи.

Savigny. Beiträge zur Rechtsgeschichte des deutschen Adels. Къ правовой исторіи нѣмецкаго дворянства. Савиньи—германистъ, особенно подчеркивавшій значеніе германской знати (nobilitas) тацитовскихъ еще временъ въ объясненіи происхожденія феодальнаго строя вообще и въ частности нѣмецкаго дворянства.

А. Савинъ. Англійская деревня въ эпоху Тюдоровъ. М. 1903. Важное изслѣдованіе по вопросу о концѣ вилланства въ Англіи. См. выше стр. 309 и 325—326.

Santamaria. I feudi; il diritto feudale et la lora storia (1881). Феоды, феодальное право и ихъ исторія.

H. Sée. Les classes rurales et le régime domanial en France au moyen âge (1901). Классы сельскаго населенія и помѣстный строй въ средневѣковой Франціи. Объ этой книгѣ см. выше, стр. 71 и 328.

Seebohm. The english village community (1883). Англійская деревенская община.

Seignobos. Le régime féodal en Bourgogne (1882). Феодальный режимъ въ Бургундіи. Точка зрѣнія Фюстель-де-Куланжа.

Н. П. Сильванскій. Феодализмъ въ древней Руси (1907).

Н. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси. (1910).

R. Sohm. Die altdeutsche Reichsgerichtsverfassung (1871). Судебное устройство въ древней Германіи. Дальнѣйшее развитіе взглядовъ Рота.

Teti. Il regime feudale et la sua abolizione (1890). Феодальный строй и его отмѣна.

G. Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte (1844 и слѣд.). Исторія германскаго государственнаго устройства. Георгъ Вайцъ — родоначальникъ того направленія въ исторіографіи феодализма, которое, будучи въ основѣ германистическимъ, выводило, однако, феодализмъ не изъ исконныхъ германскихъ началъ, а изъ обстоятельствъ и отношеній позднѣйшей (меровингской) эпохи, что заставляло и самаго Вайца, и послѣдователей его школы не игнорировать и элементы, унаслѣдованные отъ римскихъ временъ.

П. Виноградовъ. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи (1880). Объ этой книгѣ см. стр. 44—45, гдѣ названо résumé, сдѣланное авторомъ; *его же* Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка (1887), а также англійская переработка той же книги подъ заглавіемъ Villainage in England (1892) и, наконецъ, *его же* Growth of manor (1905). Ростъ мэнора и рус. обработка подъ заглавіемъ «Средневѣковое помѣстье» въ Англіи (1911). Работы Виноградова по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка имѣютъ большое научное значеніе.

Г. Вызинскій. Западная Европа въ дофеодальную эпоху (статья въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1859, II, IV, VII). Эта работа очень хорошо для своего времени освѣщала вопросъ о происхожденіи феодализма на основаніи всего главнаго и существеннаго, что было добыто западно-европейскими учеными въ серединѣ прошлаго вѣка.

IV. Литература о средневѣковыхъ городахъ.

Въ главѣ XV мы коснулись средневѣковыхъ городовъ лишь слегка, поскольку это было необходимо въ книгѣ съ такимъ общимъ содержаніемъ, какое представляютъ собою феодализмъ и сословная монархія. Между тѣмъ тема эта имѣетъ и самостоятельное значеніе, конечно, и не только по отношенію къ выдѣленію городовъ изъ феодальныхъ владѣній и къ участію ихъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, но и сама по себѣ, поскольку главный ихъ предметъ—внутренняя жизнь самого города. Литература по исторіи

средневѣковыхъ городовъ въ разныхъ странахъ Западной Европы весьма обширна: въ ней даже существуетъ нѣсколько направленій, разнящихся, главнымъ образомъ, по вопросу о происхожденіи городовъ и городского устройства, о чемъ упомянуто въ текстѣ настоящей книги (стр. 166 и слѣд.), годъ еще отмѣчено, что онъ имѣетъ не мало аналогій съ вопросомъ о происхожденіи феодализма. Время отъ времени въ исторической литературѣ дѣлаются попытки подведенія критическихъ итоговъ подъ разными теоріями, высказывавшимися въ наукѣ по указанному вопросу. Таково, напр., значеніе въ настоящее время уже устарѣвшей книжки *Heussler'a* «Der Usprung der deutschen Staadtverfassung" (1872). Въ русской литературѣ недавно критическій обзоръ болѣе новыхъ трудовъ по исторіи городовъ сдѣланъ былъ *А. К. Дживелеговымъ* въ небольшой, но обстоятельной работѣ подъ заглавіемъ „Городская община въ средніе вѣка" и съ подзаголовкомъ: „Нѣкоторыя новыя теоріи о происхожденіи средневѣковыхъ городовъ" (М. 1901 г.). Тотъ же авторъ написалъ еще общій очеркъ самой исторіи средневѣковыхъ городовъ („Средневѣковые города въ Западной Европѣ". Спб. 1902), въ которомъ далъ сводку всего, что, по его мнѣнію, имѣетъ въ настоящее время строго научное значеніе по данному предмету. Къ этой послѣдней книгѣ всего и умѣстнѣе направить читателя, желающаго узнать о средневѣковомъ городѣ больше, чѣмъ могло быть дано въ главѣ XV нашей книги. Тамъ же указана и литература предмета. Другой трудъ, подобный первой изъ названныхъ работъ г. Дживелегова, появился также недавно и, равнымъ образомъ, содержитъ историографическій обзоръ; это — „Англійскій городъ въ средніе вѣка" *И. М. Бондаренка* съ подзаголовкомъ „Критическая оцѣнка главнѣйшихъ теорій происхожденія городской организаціи на основаніи данныхъ по исторіи возникновенія городовъ въ Англіи" (Одесса. 1904 г.).

На русскомъ языкѣ сочиненій по исторіи средневѣковыхъ городовъ очень мало, и потому ихъ легко отмѣтить почти всѣ.

Ляскоронскій. Филиппъ-Августъ и его отношеніе къ городамъ. 1902.

Мауреръ. Введеніе, названное выше въ приложеніи III.

А. Смирновъ. Коммуна средневѣковой Франціи сѣверной полосы и центральной въ связи съ политическимъ ростомъ третьяго сословія. Казань. 1873).

О. Тьерри. Городскія коммуны во Франціи въ средніе вѣка (переводъ одного отдѣла изъ его „Lettres sur l'histoire de France", 1827).

О. Тьерри. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія. 1899 (первое изд. подлинника въ 1850 г.).

V. Литература о сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Общихъ обзоровъ средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій почти не имѣется въ исторической литературѣ. Тема эта однако, была поставлена на очередь еще въ началѣ XIX в., когда ее сдѣлалъ предметомъ своего публичнаго курса 1820 — 1822 гг. *Гизо*; изложеніе этого курса появилось въ „Journal des cours publics". Впослѣдствіи Гизо переработалъ свой старый курсъ и издалъ его въ 1851 г. въ видѣ отдѣльной книги въ двухъ небольшихъ томахъ подъ заглавіемъ „Исторія происхожденія представительнаго правленія въ Европѣ" (Histoire des origines du gouvernement représentatif en Europe). Заглавіе этой книги гораздо уже ея содержанія, которое охватываетъ вообще исторію общественнаго и государственнаго строя съ начала среднихъ вѣковъ въ Англіи, Франціи и Испаніи. Такимъ образомъ, Гизо беретъ только три страны, да и изъ нихъ по понятнымъ причинамъ останавливается особенно лишь на Англіи. Первый томъ у него посвященъ исторіи англо-саксовъ, франковъ и вестготовъ въ первую половину среднихъ вѣковъ, когда еще не было настоящихъ представительныхъ учрежденій, второй—цѣликомъ исторіи Англіи съ нордманскаго завоеванія до конца среднихъ вѣковъ. Ни генеральные штаты, ни кортесы въ книгу, значитъ, не попали. Въ общемъ, слѣдовательно, книга Гизо не даетъ все-таки того, что можно было бы ожидать по ея заглавію.

Понятно, что общій трудъ по исторіи сословнаго представительства на Западѣ могъ бы быть только сводомъ сочиненій, въ которыхъ этотъ предметъ разработанъ для отдѣльныхъ странъ. За такой сводъ почти никто до сихъ поръ еще не брался. Къ числу исключеній нужно отнести прежде всего двѣ главы въ книгѣ проф. *Латкина* „Земскіе соборы въ древней Руси", о чемъ сказано ниже, въ приложеніи VII.

Книга *М. М. Ковалевскаго*, подъ заглавіемъ „Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму" имѣетъ отношенія къ исторіи больше политическихъ идей, чѣмъ политическихъ учрежденій, т.-е. къ пред-

мету XVIII главы, а не XVII, XIX — XXIII и XXV главъ „Помѣстья-государства и сословной монархіи". См. выше, стр. 208, прим.; 212, прим.; 216, прим.

Есть еще общій очеркъ сословной монархіи въ 191 стр. на польскомъ языкѣ—въ книгѣ польскаго историка *А. Рембовскаго* подъ заглавіемъ „Konfederacya i rokosz" и съ подзаголовкомъ: „Сравненіе сословныхъ конституцій европейскихъ государствъ съ устройствомъ Рѣчи Посполитой польской". Это цѣлый трактатъ, основанный на хорошемъ знакомствѣ съ литературой предмета, но предпринятый въ спеціальномъ интересѣ освѣтить съ точки зрѣнія средневѣковыхъ сословно-представительныхъ учрежденій такія явленія польской политической жизни, какъ конфедераціи (союзы шляхты съ политическими цѣлями) и рокоши (вооруженныя возстанія). Авторъ разсматриваетъ предметъ не по странамъ (какъ проф. Латкинъ), а по отдѣльнымъ вопросамъ, какъ-то: происхожденіе сословной конституціи, разложеніе феодализма, города, свободные крестьяне, сословное представительство, провинціальные и генеральные чины, публичная власть сословнаго представительства и т. п. Для освѣщенія польскихъ конфедерацій, которыя, по словамъ автора, „вытекаютъ изъ самой сущности сословной конституціи" (konfederacye płyna z natury konstytucyi stanowej, стр. 177 и слѣд.), онъ привлекаетъ къ сравненію и такіе союзы, какъ миръ Божій, Ганза и т. п.

Для общей характеристики и для пониманія многихъ подробностей сословной монархіи имѣетъ значеніе и большая статья *Фр. Теценера* (Fr. Tezner) подъ заглавіемъ «Техника и духъ сословно-монархическаго государственнаго права» (Technik und Geist des ständisch-monarchischen Staatsrechts), вошедшая въ составъ XIX тома извѣстныхъ „Staats und Socialwissenschaftlichen Forschungen" Шмоллера 1901 г.). Это не чисто историческое, а юридическое изслѣдованіе, хотя бы и изъ области отжившей государственной формы, — изслѣдованіе, имѣющее своею цѣлью, между прочимъ, пополнить пробѣлъ въ современномъ общемъ ученіи о государствѣ, который заключается въ игнорированіи историческихъ изслѣдованій касательно сословной монархіи. Авторъ находитъ, что чисто историческая и чисто юридическая точки зрѣнія на предметъ ведутъ къ одностороннностямъ, и что потому одна другую должны дополнить. Главное, на что обращено еще вниманіе Тецнера, это,во-первыхъ, идейная, принципіальная сторона, самый «духъ» государственнаго права сословной монархіи и, во-вторыхъ, то, что самъ онъ называетъ его «техникой», а мы могли бы назвать формальной стороной этого типа государственнаго устройства. Общая точка

зрѣнія автора типологическая [1]), но онъ ограничивается лишь «континентальною, тѣсно связанною съ средневѣковымъ феодализмомъ сословностью» (das kontinentale, mit dem mittelalterlichen Feudalwesen innig verknüpfte Ständewesen) съ исключеніемъ сословности романскихъ странъ и обращаетъ все свое вниманіе на такія сословныя государства (Ständestaaten), въ которыхъ выработалась «монархическая форма господства» (monarchische Herrschaftsform). Съ послѣдней точки зрѣнія Чехія, Польша и Венгрія подводятся имъ подъ категорію, обозначаемую словами „ein dekadentes Königtum". Главный матеріалъ для обобщеній и выводовъ Тецнера заключается въ сословномъ устройствѣ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, а сверхъ того Венгріи и Чехіи.

По частному вопросу, касающемуся нѣсколькихъ сословныхъ монархій, отмѣтимъ еще *Schwarcz*. Montesquieu und die Verantwortlichkeit der Räthe des Monarchen in England, Aragonien, Siebenbürgen und Schweden. Монтескье и отвѣтственность совѣтниковъ монарха въ Англіи, Арагоніи, Трансильваніи (Семиградіи) и Швеціи. Соч. по вопросу, затронутому у насъ на стр. 237, 258, 278 и др.

Что касается до трудовъ по исторіи отдѣльныхъ учрежденій, то ихъ вообще очень много, и ниже будутъ названы наиболѣе извѣстные и важные, а также и болѣе доступные по языкамъ, на которыхъ написаны (по-англійски, по-французски, по-нѣмецки, по-польски и по-русски).

По исторіи *кортесовъ* есть самостоятельное русское изслѣдованіе проф. *В. К. Пискорскаго* «Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени» (Кіевъ, 1897). Во вступительной главѣ есть указанія на остальную литературу. См. также *Du Hamel*. Histoire constitutionnelle de la monarchie espagnole. Конституціонная исторія испанской монархіи.

Особенно, конечно, богата литература по исторіи англійскаго *парламента*, но мы ограничимся указаніями на наиболѣе доступныя сочиненія.

Е. Бутми. Развитіе государственнаго и общественнаго строя Англіи. М. 1904.

---

[1]) Указавъ на конструктивный характеръ всякаго государственнаго типа, онъ дѣлаетъ важную оговорку: „damit hängt es dann zusammen, dass nicht jeder Staat, dessen Einrichtungen zur Gewinnung des Typus herangezogen wird, dem Typus in *jedem* Punkte entsprechen muss; ja dass sogar jeder dieser Staaten in nicht unwesentlichen Punkten vom Typus abweichen kann".

Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. М. 1885. Кромѣ того, у Гнейста есть не переведенное по-русски соч. „Das englische Parlament".

Pike. History of the hous of lords. Исторія палаты лордовъ.

Riess. Geschichte des Wahlrechts zum englischen Parlament. Исторія избирательнаго права въ англійскій парламентъ.

Stubbs. Constitutional history of England. Конституціонная исторія Англіи.

Stubbs. Select charters and other illustrations of english constitutional history. Избранныя хартіи и другія иллюстраціи англійской конституціонной исторіи.

T. Taswell-Langmead. English constitutional history from the teutonic conquest to the present time. Англійская конституціонная исторія отъ тевтонскаго завоеванія до настоящаго времени.

Фриманъ и *Стёббсъ.* Опыты по исторіи англійской конституціи. М. 1880. Два небольшихъ труда, соединенныхъ въ одной книгѣ. Второй изъ нихъ—переводъ введенія къ Stubbs, Select charters.

Для французскихъ *генеральныхъ штатовъ* укажемъ:

A. Callery. Histoire de l'origine, des pouvoirs et des attributions des états généraux et provinciaux depuis la féodalité jusqu'aux états de 1355 (1882).

Hervieu. Recherches sur les premiers états généraux et les assemblées représentatives pendant la premiére moitié du XIV siécle (1879). Изслѣдованія по исторіи первыхъ генеральныхъ штатовъ и представительныхъ собраній въ первой половинѣ XIV вѣка.

Picot. Histoire des états généraux (1876, втор. изд. 1888). Исторія генеральныхъ штатовъ.

О. Тьерри. Исторія происхожденія и успѣховъ третьяго сословія.

По французскимъ *провинціальнымъ штатамъ* см.:

Gachon. Les états de Languedoc. Лангедокскіе штаты.

Grün. Lés états provinciaux sous Louis XIV (1851). Провинціальные штаты при Людовикѣ XIV.

Laferrière. Etude sur l'histoire et l'organisation des états provinciaux aux diverses époques de la monarchie (въ Comptes-rendus de l'Ac. d. sc. mor. et pol. за 1860—61 гг.). Изслѣдованія по исторіи и организаціи провинціальныхъ штатовъ въ разныя эпохи монархіи.

R. Schmidt. Die französischen Provinzialstände zur Zeit Ludwigs XIV (1875). Французскіе провинціальные чины временъ Людовика XIV.

A. Thomas. Les états provinciaux de la France Centrale

sous Charles VII (1872). Провинціальные штаты центральной Франціи при Карлѣ VII.

Существуютъ еще многочисленныя сочиненія по исторіи штатовъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ (Артуа, Беарна, Бургони, Бретани, Дофинэ, Франшъ-Конте, Лангедока, Нормандіи и т. п.).

О нидерландскихъ штатахъ труды:

Juste. Histoire des états généraux des Pays-Bas (1465—1790). Исторія нидерландскихъ генеральныхъ штатовъ.

Poullet. Les constitutions nationales belges de l'ancien régime. Національныя бельгійскія конституціи стараго порядка.

Главныя общія сочиненія по исторіи *германскихъ ландтаговъ.*

O. Gierke. Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft (первый томъ его „Das deutsche Genossenschaftsrecht", 1868). Правовая исторія нѣмецкихъ общественныхъ союзовъ (стр. 534—580 и 801—822 посвящены ландтагамъ).

Mundt. Geschichte der deutschen Stände nach ihrer gesellschaftlichen Entwickelung und politischen Vertretung. Исторія нѣмецкихъ сословій, ихъ общественнаго значенія и политическаго представительства.

Unger. Geschischte der deutschen Landstände. Исторія германскихъ земскихъ чиновъ.

Кромѣ того, есть историческія работы по ландтагамъ отдѣльныхъ княжествъ.

Для другихъ сословно-представительныхъ учрежденій см.

Nordenflycht. Die schwedische Staatsverfassung in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Шведское государственное устройство въ его историческомъ развитіи.

Krainer. Die ursprüngliche Staatsverfassung Ungarns seit der Gründung des Königthums bis zum Jahre 1382. Первоначальное государственное устройство Венгріи отъ основанія королевства до 1382 г.

S. Rado-Rothfeld. Die ungarische Verfassung geschichtlich dargestellt (1898). Венгерское государственное устройство въ историческомъ изображеніи.

Сочиненія по исторіи *сеймовъ* и *сеймиковъ* въ Польшѣ:

Hüppe. Verfassung der Republik Polen (1867). Государственное устройство Польской республики (т.-е. рѣчи посполитой).

Н. Карѣевъ. Историческій очеркъ польскаго сейма (1888).

Rembowski. Konfederacya i rokosz w dawnem prawie panstwowem (1896). Конфедерація и рокошъ (возстаніе въ старомъ государственномъ правѣ).

A. Pawinski. Rządy sejmikowe w Polsce (1888). Правленіе сеймиковъ въ Польшѣ.

A. Pawinski. Sejmiki ziemskie. Początki ich i rozwòj aż do ustalenia się udziału posłów ziemskich w ustawodawstwie sejmu walnego (1373—1507). Земскіе сеймики. Начало ихъ и развитіе до установленія участія земскихъ пословъ въ законодательствѣ общаго сейма.

О политическихъ теоріяхъ см., кромѣ указанной выше книги М. Ковалевскаго:

Р. Випперъ. Политическія теоріи во Франціи въ эпоху религіозныхъ войнъ, статья въ «Ж. Мин. Нар. Просв.» за 1896 г.

O. Gierke. J. Althusius und die Entwickelung der naturrechtlichen Staatstheorien (1880, второе изд. 1902). Альтузій и развитіе естественно-правовыхъ теорій государства.

Н. Любовичъ. Марниксъ де-Сентъ-Альдегондъ, какъ политическій писатель. Кіевъ. 1877. (М. де-С.-А. былъ однимъ изъ дѣятелей нидерландской революціи).

Pohlenz. Geschichte des französischen Calvinismus (1857 и слѣд., см. т. III). Исторія французскаго кальвинизма.

Weil. Les théories sur le pouvoir en France pendant les guerres de religion. (1892). Теоріи о власти во Франціи во время религіозныхъ войнъ.

Treumann. Die Monarchomachen. (1895). Монархомахи. (Рус. пер. подъ заглавіемъ «Тиранноборцы»).

VI. Литература по исторіи западно-европейскаго крестьянства.

Литература, спеціально посвященная исторіи крестьянъ въ Западной Европѣ, весьма обширна. Общій очеркъ этой литературы былъ сдѣланъ лѣтъ тридцать тому назадъ *В. И. Семевскимъ* въ статьѣ «Не пора ли написать исторію крестьянъ въ Россіи», появившейся первоначально въ «Русской Мысли» (за 1881 г.), а потомъ въ видѣ вступительной главы, вошедшей въ составъ перваго изданія его книги «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II». (Спб. 1881).

Въ трудахъ по исторіи феодализма въ приложеніи указаны многія сочиненія, имѣющія ближайшее отношеніе къ исторіи крестьянъ (см. особенно соч. Эшли, Фляка, Герара, Кнаппа, Ковалевскаго,

Лампрехта, Савина, Сэ, Сибома, Виноградова), а болѣе спеціально трактуютъ предметъ слѣдующіе труды:

Avenel. Histoire économique de la propriété, des salaires, des denrées et de tous les prix en général depuis l'an 1200 jusqu'à l'an 1800 (1891—1894). Экономическая исторія собственности, заработной платы, съѣстныхъ припасовъ и вообще всѣхъ цѣнъ съ 1200 до 1800 г.

Avenel. Paysans et ouvriers depuis sept cent ans (1899). Крестьяне и рабочіе за (послѣднія) 700 лѣтъ.

Brownlow. Slavery and serfdom in Europe (1879). Рабство и крѣпостничество въ Европѣ.

Grünberger. Die bäuerlich-gutsherrliche Verhältnisse in Böhmen, Mähren und Schlesien (1894). Крестьянско-помѣщичьи отношенія въ Богеміи, Моравіи и Силезіи.

Doniol. Serfs et vilains au moyen âge (1900). Сервы и вилланы въ средніе вѣка.

I. Fuchs. Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften. Упадокъ крестьянскаго сословія и развитіе помѣстій.

Janowsky. De l'abolition de l'esclavage ancien au moyen âge et de sa transformation en servitude de la glèbe (1860). Исторія уничтоженія античнаго рабства и его превращенія въ средневѣковое прикрѣпленіе къ землѣ.

Н. Карѣевъ. Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1769. (1881).

Н. Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. (1879). Въ обѣихъ этихъ книгахъ названы общія сочиненія по исторіи французскихъ крестьянъ, нынѣ, впрочемъ, устарѣвшія.

Kindlinger. Geschichte der deutschen Hörigkeit (1879). Исторія нѣмецкаго крѣпостничества.

Knapp. Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit (1897). Сельскіе рабочіе въ рабствѣ и свободѣ.

М. Ковалевскій. Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV в.

И. Лучицкій. Крестьяне въ Западной Европѣ. (Статья въ «Энциклоп. Словарѣ» Брокгауза-Ефрона, полутомъ 32). Кромѣ того, проф. Лучицкому принадлежитъ рядъ работъ по исторіи крестьянъ преимущественно въ XVIII в.

Э. Нассе. О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи (1878).

Э. Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи (1893).

Ochenkowski. Englands wirthschaftliche Entwickelung (1879). Экономическое развитіе Англіи.

Освобожденіе крестьянъ на Западѣ. Сборн. изд. Водовозовой (1895).

Д. Петрушевскій. Рабочее законодательство Эдуарда III. (1889).

В. Пискорскій. Крѣпостное право въ Каталоніи въ средніе вѣка (1901).

Rogers. History of agriculture and prices in England (1866). Исторія земледѣлія и цѣнъ въ Англіи.

Роджерсъ. Исторія труда и заработной платы въ Англіи (1899).

Sugenheim. Geschichte der Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa (1881). Исторія отмѣны крѣпостного состоянія и зависимости въ Европѣ.

Зевортъ. Исторія новаго времени (1883). Дополнительныя главы проф. Лучицкаго.

В. Циммерманъ. Исторія великой крестьянской войны. Нѣм. подлинникъ вышелъ въ свѣтъ въ 1841—42 гг., русск. пер.—въ 1865—8 г. Впослѣдствіи по этому предмету выросла цѣлая литература, указанія на которую см. въ главѣ IX второго тома моей «Исторіи Западной Европы въ новое время».

Ченей. Аграрный переворотъ въ Англіи въ XVI в. (1899).

Указанія на литературу по исторіи крестьянъ въ XVIII и XIX в., т.-е. въ періодъ ликвидаціи крѣпостническихъ отношеній см. въ моей «Исторіи Западной Европы въ новое время» (томъ III, глава VIII; томъ IV, гл. XXIII; томъ V, глава XXX).

VII. Вопросъ о сходствѣ русскихъ земскихъ соборовъ съ сословными сеймами Запада.

Первая систематическая попытка сравненія земскихъ соборовъ съ сословно-представительными учрежденіями на Западѣ сдѣлана была *Сергѣевичемъ* [1]), ограничившимся, впрочемъ, лишь проведеніемъ параллели между земскимъ соборомъ, съ одной стороны, и англійскимъ парламентомъ и генеральными штатами, съ другой. Рѣчь

[1]) Своимъ предшественникомъ, указавшимъ на сходство земскихъ соборовъ съ сословными сеймами Западной Европы, Сергѣевичъ называетъ Чичерина („О народномъ представительствѣ". М. 1886), который, впрочемъ, не пошелъ дальше простого констатированія сходства.

идетъ о его работѣ «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ», напечатанной первоначально въ II т. «Сборника государственныхъ знаній» (1875), а затѣмъ вошедшей въ его «Лекціи и изслѣдованія» (Спб. 1883. Глава II, отдѣлъ о верховной власти, стр. 703—751 [1]).

Отмѣтивъ въ самомъ же началѣ статьи, что «учрежденія европейскихъ государствъ въ средніе вѣка представляютъ многія черты сходства», проф. Сергѣевичъ высказывается въ томъ смыслѣ, что «сходства эти никакъ не могутъ быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы дѣйствіемъ общихъ причинъ». Прежде всего, во всѣхъ трехъ сравниваемыхъ случаямъ онъ находитъ сходство условій, при которыхъ возникли представительныя учрежденія. Именно, здѣсь указывается на то, что они ведутъ свое начало отъ такого времени, когда «въ силу новыхъ условій, при которыхъ сложились эти государства, народныя собранія сдѣлались невозможными въ ихъ первичной формѣ». Во всѣхъ трехъ случаяхъ, далѣе, мы имѣемъ дѣло уже съ объединившимися государствами. «Объединеніе каждаго изъ этихъ государствъ, говоритъ проф. Сергѣевичъ, есть по преимуществу дѣло личной политики ихъ государей, но государи не смотрятъ на объединенный ими народъ, какъ на пассивную массу; при всѣхъ трудныхъ случаяхъ они сами обращаются къ этому народу, какъ къ живой силѣ, и ищутъ въ единеніи съ нимъ опоры для своихъ дѣйствій». Нѣтъ, однако, надобности долго останавливаться на томъ, что возникновеніе парламента отнюдь нельзя подвести подъ такое пониманіе дѣла и что не очень-то можно говорить въ данномъ случаѣ о народѣ, какъ живой силѣ, когда первоначальными членами генеральныхъ штатовъ и земскихъ соборовъ,— что́, впрочемъ, позднѣе было доказано Ключевскимъ, — были или мѣстныя власти, или правительственные агенты. Затѣмъ проф. Сергѣевичъ находитъ между сравниваемыми учрежденіями то сходство, что они не имѣли писанной конституціи, и что всѣ выводы объ ихъ составѣ, порядкѣ ихъ созванія, о правахъ, имъ принадлежащихъ, мы должны дѣлать на основаніи свидѣтельствъ, относящихся къ практикѣ этихъ собраній.

Основываясь на выраженіяхъ, заключающихъ въ себѣ указанія на то, что на земскіе соборы собиралась «вся земля», проф. Сергѣевичъ различаетъ составъ собора въ идеѣ отъ состава въ дѣйствительности и находитъ, что то же самое сознаніе присуще и памятникамъ англійскаго и французскаго права. На практикѣ, однако,

---

[1]) Въ изданіи 1903 г., стр. 161—229.

вопросъ о томъ, какъ представить всю страну, разрѣшался сначала вездѣ весьма несовершенно. «Несомнѣнныя черты сходства, читаемъ мы далѣе,—несомнѣнныя черты сходства съ нашими земскими соборами встрѣчаемъ въ составѣ англійскаго парламента и французскихъ генеральныхъ штатовъ, какъ по отношенію къ *основаніямъ* избранія, такъ, и по отношенію къ *самымъ разрядамъ* призываемыхъ лицъ. Эти сходства тѣмъ поразительнѣе, прибавляетъ проф. Сергѣевичъ, что соціальное положеніе разныхъ общественныхъ группъ, на которыя распадалось населеніе Англіи и Франціи, очень, различалось отъ соціальнаго положенія нашихъ группъ». При всемъ различіи, какое здѣсь наблюдается, мы все-таки въ составѣ англійскаго и французскаго собраній «легко можемъ узнать разряды лицъ, напоминающіе тѣ, которые призывались и на московскіе соборы». Цѣль была вездѣ одна, но достигалась она тѣми средствами, какіе были подъ руками. Участіе по личному приглашенію государя и по избранію въ соотвѣтственномъ сословіи, конечно, тоже отмѣчается проф. Сергѣевичемъ, какъ общая черта. Порядокъ созванія выборныхъ людей опять-таки вездѣ былъ одинаковъ. «На западѣ, какъ и у насъ, говоритъ проф. Сергѣевичъ, начало представительства своимъ возникновеніемъ обязано личному дѣйствію государей, а потому, естественно, число представителей и порядокъ ихъ избранія зависѣли первоначально тоже отъ усмотрѣнія государя». Проф. Сергѣевичемъ отмѣчается и та черта сходства, что и у насъ, и, напримѣръ, въ Англіи часто бывала неявка депутатовъ и въ обоихъ случаяхъ по одинаковымъ причинамъ, каковы: трата времени, трудности и издержки переѣздовъ, близорукое предпочтеніе своихъ личныхъ дѣлъ дѣлу общественному.

Что касается до сроковъ созыва, то собранія эти, «какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ, созывались не періодически, въ опредѣленные закономъ сроки, а всякій разъ по особому усмотрѣнію государя и всего чаще въ минуты кризиса, когда обыкновенныя средства управленія оказывались недостаточными». Это замѣчаніе вѣрно по отношенію къ генеральнымъ штатамъ, но не вполнѣ уже вѣрно по отношенію къ парламенту.

Мы могли бы привести еще нѣсколько подобныхъ параллелей, дѣлаемыхъ проф. Сергѣевичемъ, но это завлекло бы насъ слишкомъ далеко, и потому мы останавливаемся лишь на сословномъ характерѣ разсматриваемыхъ собраній. Проф. Сергѣевичъ посвящаетъ этому вопросу довольно много мѣста въ виду того, что, «какъ у насъ, такъ и въ Западной Европѣ, эпоха возникновенія представительства совпадаетъ съ эпохой образованія сословій» и что «по за-

кону солидарности единовременно существующихъ явленій сословность должна была отразиться и на представительствѣ», хотя «въ Московскомъ государствѣ образованіе сословій шло инымъ путемъ, чѣмъ въ Западной Европѣ». Авторъ имѣетъ въ виду, прежде всего рѣшеніе вопросовъ каждымъ сословіемъ порознь, что наблюдается и у насъ, и во Франціи, а въ первыя времена и въ англійскомъ парламентѣ. Онъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ наблюденій, которыя одинаково приводятъ къ этому выводу, и объясняетъ такое общее явленіе тѣмъ, что различіе повинностей, лежавшихъ на отдѣльныхъ сословіяхъ, дѣлало необходимымъ обсужденіе вопроса о способахъ вспоможенія правительству каждымъ сословіемъ особо.

Вопросъ о значеніи нашихъ соборовъ съ точки зрѣнія права также разсматривается въ статьѣ проф. Сергѣевича. Извѣстно, что юридическое значеніе ихъ страдало неопредѣленностью, но «съ такою же неопредѣленностью юридическаго значенія представительства мы встрѣчаемся и въ Западной Европѣ», прибавляетъ проф. Сергѣевичъ и тутъ же подчеркиваетъ, что «во Франціи эта неопредѣленность осталась постояннымъ признакомъ дѣятельности генеральныхъ штатовъ». «Съ точки зрѣнія формальнаго права, обобщаетъ свои наблюденія авторъ, участіе представителей одинаково не признано ни по отношенію къ законодательству, ни по отношенію къ взиманію податей. Но, продолжаетъ онъ, на дѣлѣ къ нимъ обращаются съ просьбами дать денегъ, и они даютъ деньги, а иногда ихъ содѣйствіемъ пользуются и при изданіи законовъ». Опять авторъ по отношенію къ Англіи неправъ, ибо формальное обязательство относительно податей здѣсь было включено королевскою властью еще въ хартію 1215 г., что, впрочемъ, самимъ же имъ приводится нѣсколько ниже. Наконецъ, проф. Сергѣевичъ не оставляетъ безъ вниманія и того, что «какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ собранія представителей всегда давали поводъ къ принесенію жалобъ на недостатки современнаго порядка и злоупотребленія органовъ управленія».

Отчего наши соборы вышли изъ употребленія? «Если бы подобный вопросъ, говоритъ проф. Сергѣевичъ, намъ былъ предложенъ относительно французскихъ генеральныхъ штатовъ, мы, не затрудняясь, сказали бы, что вина падаетъ частью и на самихъ выборныхъ людей. Благодаря легкой впечатлительности и порывистости французскаго характера, думаетъ онъ, генеральные штаты уже въ серединѣ XIV в. начинаютъ заявлять притязанія съ цѣлью расширить свою власть насчетъ королевскихъ правъ», и для проведенія желательныхъ имъ нововведеній «они пользуются самыми критическими минутами французскаго государства», чѣмъ и вызвали королей

на борьбу и поселили въ нихъ нелюбовь къ народному представительству. Мы знаемъ, что на самомъ дѣлѣ было не такъ: вѣдь что касается притязаній одной стороны и непріязни другой, равно какъ и борьбы обѣихъ, то въ Англіи всего этого было еще побольше, а между тѣмъ не вышелъ же изъ употребленія парламентъ. Вина за паденіе генеральныхъ штатовъ вовсе не должна падать на «враждебныя монархическому началу партіи въ средѣ генеральныхъ штатовъ», какъ полагаетъ проф. Сергѣевичъ, ибо такія партіи дѣйствовали и въ Англіи. Но онъ этою ссылкою на Францію хотѣлъ только подчеркнуть противоположность того, что дѣлалось въ Москвѣ. «Были ли, спрашиваетъ онъ, у насъ враждебныя царской власти партіи»?—и отвѣчаетъ: «такихъ партій на нашихъ соборахъ никогда не было». Настоящій отвѣтъ проф. Сергѣевича на вопросъ о причинѣ прекращенія соборовъ—тотъ, что разъ «въ жизни соборовъ не было ничего, что бы могло не нравиться государямъ», единственными врагами представительства могли быть лишь высшіе чины и духовныя власти, на которыхъ постоянно жаловались соборы и которые потому выставляли ихъ передъ государемъ, какъ учрежденіе, ни на что не нужное. Къ этому можно было бы прибавить, что и въ государствахъ Запада около центральной власти также складывались такія политическія учрежденія, члены которыхъ, равнымъ образомъ, находили, что ими самими дѣло управленія будетъ вестись гораздо лучше безъ сословнаго представительства.

Желая расширить сравненіе земскихъ соборовъ съ западно-европейскими представительными собраніями, проф. *Латкинъ* въ сдѣланномъ имъ болѣе двадцати пяти лѣтъ тому назадъ опытѣ написать полную и подробную исторію земскихъ соборовъ, занялся проведеніемъ аналогіи между ними и западными представительными учрежденіями, не ограничиваясь англійскимъ и французскимъ. Въ своей книгѣ, озаглавленной «Земскіе соборы древней Руси, ихъ исторія и организація сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями» (Спб. 1885), онъ помѣстилъ двѣ главы (II и VII), заключающія въ себѣ около полутораста страницъ (стр. 25—63 и 291—400), въ которыхъ и разсмотрѣлъ интересующія насъ собранія въ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Швеціи и Венгріи, изложивъ затѣмъ общіе выводы изъ параллельнаго ихъ изученія въ особомъ «заключеніи» (стр. 401—410). Прежде всего, и онъ отмѣчаетъ «поразительное сходство, которое существуетъ между ними,—сходство, тѣмъ болѣе поразительное, что исторія этихъ разныхъ государствъ шла далеко не однимъ и тѣмъ же путемъ». Не указывая здѣсь на то, въ чемъ проф. Лапкинъ находитъ разницу между «примитивными

собраніями» (вѣчами) на Западѣ и у насъ, остановимся лишь на той мысли автора, что русская исторія не знаетъ «переходной формы отъ примитивныхъ собраній къ собраніямъ представительнымъ», которую на Западѣ онъ совершенно правильно видитъ въ не вполнѣ, однако, правильно называемыхъ имъ рыцарскихъ съѣздахъ (ср. у насъ выше, на страницѣ 196). Переходя, далѣе, къ вопросу о возникновеніи сословнаго представительства на Западѣ, онъ тоже правильно указываетъ на положеніе городовъ, какъ на важный моментъ, послѣ котораго только и можно говорить о сословномъ представительствѣ (см. выше стр. 197 и слѣд.), прибавляя къ этому, что въ Россіи дѣло шло иначе. «Но, оговаривается онъ, изъ того, что возникновеніе представительныхъ собраній на Западѣ и у насъ шло иными путями, не слѣдуетъ, что сами собранія были учрежденіями, ничего общаго между собою не имѣющими».

Главнѣйшіе выводы проф. Латкина мы передаемъ дальше его собственными словами какъ по отношенію къ чертамъ сходства, такъ и по отношенію къ чертамъ различія.

«Русскіе земскіе соборы и западно-европейскія представительныя собранія, говоритъ проф. Латкинъ, являясь органами общества, раздѣленнаго на сословныя группы, естественно должны были принять характеръ сословныхъ собраній и отразить въ данномъ случаѣ на себѣ особенности своей среды и своего времени. Но такъ какъ въ разныхъ государствахъ сословность получила неодинаковое развитіе: въ однихъ бо̀льшее, въ другихъ меньшее, то это, конечно, отразилось и на представительныхъ собраніяхъ. Такъ, въ Россіи, гдѣ сословія были созданы преимущественно искусственнымъ путемъ самимъ государствомъ, главнымъ образомъ въ интересахъ фиска и, слѣдовательно, не могли пустить глубокихъ корней въ общество, само по себѣ демократическое и знавшее только фактическое разграниченіе своихъ членовъ по роду занятій и службъ, соборъ хотя и принялъ сословный характеръ, но далеко не въ такой степени, какъ западно-европейскія собранія. Вотъ почему дѣленіе на сословныя палаты было у насъ немыслимо, и если встрѣчалось извѣстное дѣленіе, то на чины [1]), являвшіеся подраздѣленіемъ сословій, что̀, впрочемъ, не мѣшало иногда сословіямъ засѣдать и вмѣстѣ. Такимъ образомъ, сословныхъ палатъ, проникнутыхъ строго корпоративнымъ духомъ у насъ не было, группировка же по чинамъ, хотя и имѣла

[1]) Иностранныя слова „ordo", „status", „état", „Stand" мы переводимъ безразлично словами „сословіе" и „чинъ", но въ данномъ мѣстѣ проф. Латкинъ различаетъ два послѣдніе термина.

сословный характеръ, отличалась большой случайностью, и ужъ ни о какомъ корпоротивномъ духѣ не могло быть и рѣчи»...

«Что наши соборы, читаемъ мы нѣсколько далѣе, такъ же, какъ и западно-европейскія собранія, были сословными учрежденіями, свидѣтельствуютъ выборы, происходившіе по сословіямъ. Въ этомъ отношеніи между нашими соборами и европейскими собраніями существуетъ не только аналогія, но даже полнѣйшее тожество. Какъ у насъ, такъ и на Западѣ депутаты были сословными представителями, связанные сословными инструкціями и подававшіе сословные петиціи. Составъ русскихъ и европейскихъ собраній во многомъ аналогиченъ... Сходство усиливается еще тѣмъ, что члены высшихъ сословій (какъ у насъ, такъ и на Западѣ) засѣдали поголовно, члены же низшихъ—черезъ посредство представителей. Что касается до времени и мѣста собраній, то и въ этомъ отношеніи замѣчается аналогія. Мѣсто и время нашихъ соборовъ не были установлены, и все зависѣло отъ государя. То же самое (по крайней мѣрѣ, въ первое время существованія собраній) было и на Западѣ... Собранія, прибавляетъ еще авторъ, созывались призывными письмами или грамотами, и въ этомъ отношеніи замѣчается полнѣйшее тожество. Содержаніе грамотъ почти одинаково. Въ нихъ означается поводъ созванія и опредѣляется время и мѣсто послѣдняго. Затѣмъ предписывается производство выборовъ и избраніе подходящихъ людей. Члены высшихъ сословій получали эти письма лично, члены же низшихъ — черезъ мѣстныхъ правительственныхъ органовъ, на обязанности которыхъ лежало заботиться о выборахъ.

«Депутаты, сказано еще дальше, содержались или избирателями, или правительствомъ. Во всѣхъ государствахъ мы замѣчаемъ стремленіе отказаться отъ участія въ подобныхъ собраніяхъ вслѣдствіе дороговизны подобнаго участія. Предки современныхъ европейскихъ народовъ далеко не были расположены видѣть въ представительствѣ на собраніяхъ свое право, напротивъ, смотрѣли на него, какъ на тяжелую повинность, отъ которой стремились освободиться во что бы то ни стало. Правительства же, съ своей стороны, требовали этого участія и употребляли всевозможныя усилія, чтобы достигнуть его... Нерѣдко случалось, что какъ въ Европѣ, такъ и у насъ многія мѣстности вовсе не бывали представлены въ собраніяхъ».

Это—одна сторона дѣла, т.-е. черты сходства, но по отношенію къ значенію сравниваемыхъ собраній проф. Латкинъ приходитъ къ инымъ выводамъ. «Мало аналогичныхъ чертъ, говоритъ онъ, представляютъ собранія по отношенію къ компетенціи, функціямъ и

вообще значенію. Правда, они почти всѣ созывались для рѣшенія вопросовъ въ области законодательства, управленія и суда, но степень ихъ участія была далеко не одинакова. Въ этомъ отношеніи нужно проводить различіе между нашими соборами и французскими генеральными штатами, съ одной стороны, и собраніями остальныхъ европейскихъ государствъ, съ другой стороны. Въ то время, какъ въ Германіи, Швеціи, Англіи, Испаніи и Венгріи представительныя собранія обладали извѣстными функціями и правами на основаніи всевозможныхъ законодательныхъ актовъ, хартій и привилегій, и такимъ образомъ сфера ихъ компетенціи была строго очерчена закономъ [1]), и отношенія между ними и государями являлись чисто юридическими, въ Россіи и Франціи ничего подобнаго не было, и ихъ собранія, не имѣя юридической основы, не обладали никакой опредѣленной компетенціей, отношенія же ихъ къ государямъ были построены исключительно на фактической почвѣ. Французскіе генеральные штаты всегда стремились ограничить королевскую власть и выработать себѣ опредѣленную компетенцію, но имъ это не удалось. Въ Россіи тоже замѣчалось нѣкоторое стремленіе опредѣлить отношеніе между соборомъ и государемъ, но оно исходило исключительно изъ высшихъ классовъ и было довольно слабо»...

«Изъ этого, конечно, не слѣдовало, оговаривается проф. Латкинъ, что нашъ соборъ былъ учрежденіемъ безъ всякаго значенія и являлся, такъ сказать, представителемъ одной «силы мнѣнія». Напротивъ, органъ древне-русскаго представительства, будучи вызванъ къ существованію самою жизнью, обладалъ далеко не одной «силой мнѣнія», а былъ дѣйствительной реальной силой и не разъ спасалъ правительство, когда оно, находясь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, прибѣгало къ его помощи. Отсутствіе юридической основы у нашего представительства было причиной того, что оно прекратило свое существованіе безъ всякой борьбы: соборъ просто пересталъ созываться—вотъ и все. Иначе было на Западѣ, гдѣ паденію сословныхъ собраній предшествовала сильная борьба между ними и представителями верховной власти, борьба, окончившаяся торжествомъ этой послѣдней».

Въ заключительномъ абзацѣ своей книги проф. Латкинъ говоритъ: «показавъ сходство и различіе между нашими соборами и западно-европейскими представительными собраніями, мы, не ошибаясь, можемъ сказать, что оба рода этихъ собраній ни въ чемъ не отли-

---

[1]) Въ этомъ у проф. Латкина, несомнѣнно, нѣкоторое преувеличеніе.

чаются другъ отъ друга и не составляютъ ничего особеннаго одинъ отъ другого... Естественно предположить, прибавляетъ онъ, что причина подобнаго сходства кроется въ томъ, что условія, при существованіи которыхъ развивались вышеназванныя учрежденія, были вполнѣ сходны, вслѣдствіе чего въ результатѣ и получилось возникновеніе сходныхъ учрежденій. Иначе говоря, всѣ европейскія государства достигли такой стадіи въ своемъ развитіи, которая была болѣе или менѣе обща имъ всѣмъ. Въ виду же того, что одинаковыя причины приводятъ къ одинаковымъ слѣдствіямъ, у нихъ, у всѣхъ на этой стадіи развились сословныя собранія, хотя и различавшіяся въ частностяхъ, но въ общемъ вполнѣ аналогичныя другъ съ другомъ».

Извѣстно, что въ дѣлѣ разработки исторіи земскихъ соборовъ лѣтъ двадцать тому назадъ важные результаты дало изслѣдованіе проф. *В. О. Ключевскаго* «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси», напечатанное въ трехъ первыхъ книжкахъ «Русской Мысли» за три послѣдовательные года (1890—1892). Въ этой работѣ историкъ подвергъ изслѣдованію, какъ видно изъ самаго заглавія, вопросъ о составѣ нашихъ земскихъ соборовъ и пришелъ въ данномъ случаѣ къ весьма интереснымъ выводамъ, проливающимъ новый свѣтъ на происхожденіе этихъ собраній, которыя въ XVII столѣтіи, несомнѣнно имѣли уже прямо представительный характеръ.

Главные свои выводы проф. Ключевскій повторилъ во второй части своего «Курса русской исторіи» (М. 1906, стр. 475—504). «Въ московскомъ государствѣ, говоритъ онъ, общество дѣлилось на сословныя группы по роду тягостей, возложенныхъ на него государствомъ: и мѣстное самоуправленіе, ставъ орудіемъ централизаціи, распадалось на сословныя вѣдомства». Это приводило къ недостатку единства въ управленіи, но «этотъ недостатокъ отчасти восполнялся политическимъ органомъ, который возникъ въ тѣсной связи съ мѣстными учрежденіями XVI в. и въ которомъ центральное правительство встрѣчалось съ представителями мѣстныхъ обществъ». Главнымъ предметомъ занятій созваннаго въ 1550 г. земскаго собора и были вопросы объ улучшеніи мѣстного управленія и суда. Слѣдующіе соборы, въ 1566, въ 1584 и въ 1598 годахъ [1]) созваны были, первый — потому, что «правительство хотѣло знать мнѣніе чиновъ по вопросу, мириться ли на предложенныхъ польскимъ ко-

[1]) Обращаемъ, съ своей стороны, вниманіе на значительные промежутки времени между созывами соборовъ.

ролемъ условіяхъ», третій—для избранія царя по прекращеніи династіи Калиты, и отъ обоихъ двухъ этихъ соборовъ сохранились поименные списки участниковъ, показывающіе, что «все это были правительственныя лица, а не представители общества, не земскіе люди». Именно здѣсь мы видимъ, прежде всего, освященный соборъ и боярскую думу, т.-е. два высшихъ правительственныхъ учрежденія, и затѣмъ лицъ служилаго сословія и торговопромышленнаго класса, но обѣ эти группы населенія были представлены не выбранными ad hoc депутатами, а должностными лицами, находившимися на службѣ государству и, какъ предполагалось, лучше знавшими положеніе дѣлъ, которыми долженъ былъ заняться соборъ. «Назначеніе на должность по служебной годности и призывъ или присылка на соборъ по должности — такова, говоритъ проф. Ключевскій, конструкція тогдашняго соборнаго представительства, столь далекая отъ нашихъ политическихъ понятій и обычаевъ». Впрочемъ, соборъ 1598 г. «сдѣлалъ нѣкоторый шагъ впередъ въ сторону нашихъ понятій о представительствѣ», ибо, кромѣ «столичныхъ дворянъ, представлявшихъ уѣздныя дворянскія общества по своему должностному положенію», въ соборѣ участвовало нѣсколько дворянъ (около 40 на 267) «изъ военно-служилыхъ людей, которыхъ съ нѣкоторою вѣроятностью можно считать *выборными* соборными депутатами уѣздныхъ дворянскихъ обществъ изъ ихъ же среды». Это уже новый элементъ, но проф. Ключевскій называетъ его малозначительнымъ, «являющимся какъ бы мѣстною случайностью или исключеніемъ, не нарушавшимъ основного принципа соборнаго представительства». Разница между военнослужилыми и торгово-промышленными членами соборовъ XVI вѣка заключалась въ томъ, что «должности въ первомъ сословіи занимались по назначенію начальства, а во второмъ—по общественному выбору». «Люди этихъ обоихъ классовъ, поясняетъ проф. Ключевскій, являлись на соборъ не представителями общества или земли, а носителями службы, общественными орудіями центральнаго управленія. Иначе говоря, оба эти класса имѣли тогда значеніе представителей земли только по своему правительственному положенію, а не по земскому полномочію: это были верхушки мѣстныхъ обществъ, снятыя правительствомъ, пересаженныя въ столицу, чтобы служить добавочными орудіями управленія тѣми же обществами».

Общая характеристика земскаго собора XVI в. заключается въ слѣдующихъ словахъ проф. Ключевскаго: это было «въ точномъ смыслѣ *совѣщаніе правительства съ собственными агентами*»... «При изложенномъ составѣ соборовъ, говоритъ онъ въ другомъ

мѣстѣ, не можетъ быть вопроса о системѣ соборнаго представительства, о томъ, было ли это представительсто сословій или еще какое другое». Соборный представитель «шелъ на соборъ по должности, по служебному званію и положенію. Правительство ли въ силу этого призывало его на соборъ, или посылало его туда общество, во главѣ котораго онъ стоялъ,—это, въ сущности, было все равно, какъ скоро лицо, становившееся во главѣ извѣстнаго общества изъ его же среды по назначенію или по выбору, въ силу своего положенія признавалось естественнымъ, непремѣннымъ представителемъ своего общества во всѣхъ случаяхъ, когда оно нуждалось въ представителѣ. Оба источника представительныхъ полномочій, общественный выборъ и правительственный призывъ по должности, тогда не противополагались одинъ другому, какъ враждебныя начала, а служили вспомогательными средствами другъ для друга... Дѣло было не въ источникахъ соборныхъ полномочій, а въ отысканіи надежнаго исполнителя соборнаго рѣшенія... Представителя-челобитчика «обо всякихъ нуждахъ своей братіи», какимъ преимущественно являлся выборный человѣкъ на соборахъ XVII в., совсѣмъ еще незамѣтно на соборахъ XVI в.». По всему этому и «члены собора группировались довольно разнообразно, по учрежденіямъ, по чинамъ, общественнымъ классамъ и даже частью по мѣстностямъ».

Та же самая основная мысль выражается проф. Ключевскимъ въ словахъ: «земскій соборъ XVI в. былъ не народнымъ представительствомъ, а расширеніемъ центральнаго правительства», достигавшимся тѣмъ, что «въ составъ боярской думы, т.-е. государственнаго совѣта, въ особо важныхъ случаяхъ вводился элементъ по происхожденію не правительственный, но съ правительственнымъ назначеніемъ». Отсюда и то противопоставленіе нашихъ земскихъ соборовъ западнымъ государственнымъ собраніямъ, которое дѣлаетъ проф. Ключевскій. «Этимъ, говоритъ онъ, и отличались по своему происхожденію наши соборы отъ западно-европейскихъ представительныхъ собраній, съ которыми ихъ обыкновенно сопоставляютъ. Тамъ эти собранія вышли изъ потребности установить мирное отношеніе стойкихъ за свои вольности средневѣковыхъ сословій между собою и къ правительству. Наши соборы вызваны были необходимостью для правительства сосчитать вмѣстѣ со своими органами наличныя общественныя средства, потребныя для извѣстнаго дѣла, и обезпечить себѣ точное исполненіе принятаго рѣшенія. Нашъ соборъ родился не изъ политической борьбы, какъ народное представительство на Западѣ, а изъ административной нужды». Земскаго представительнаго собранія въ Москвѣ XVI в. и не могло быть, ему не откуда

было взяться по тогдашнимъ условіямъ и понятіямъ. «Соборъ не былъ постояннымъ учрежденіемъ, не имѣлъ ни обязательнаго для власти авторитета, ни опредѣленной закономъ компетенціи и потому не обезпечивалъ правъ и интересовъ ни всего народа, ни отдѣльныхъ его классовъ, и даже выборный элементъ незамѣтенъ или едва замѣтенъ въ его составѣ». Тѣмъ не менѣе самъ проф. Ключевскій, съ другой стороны, отмѣчаетъ, что «составъ собора съ каждыхъ созывомъ становился сложнѣе, все шире захватывалъ общество»,—и видитъ въ этомъ признакъ того, что «уяснялась самая идея общественнаго представительства». И далѣе еще говоритъ проф. Ключевскій: «въ XVII в., какъ увидимъ, изучая нашу исторію этого столѣтія, *соборъ разовьется въ настоящее представительное собраніе*» [1]).

Mutatis mutandis, не имѣемъ ли мы нѣкоторое право сравнивать происхожденіе земскаго собора съ происхожденіемъ французскихъ генеральныхъ штатовъ, которые тоже были первоначально собраніемъ властей, а не выборныхъ представителей общества?

VIII. Объясненія картъ.

I. Сѣверо-Востокъ Франціи въ 987 г.

На этой картѣ взятъ моментъ восшествія на престолъ династіи Капетинговъ (стр. 135 и слѣд.), когда ея доменъ состоялъ изъ двухъ черезполосныхъ владѣній—главнаго съ городами Парижемъ и Орлеаномъ и второстепеннаго, графства Дре (Dreux). Большая часть пунктовъ, названныхъ въ текстѣ книги, отмѣчена на слѣдующей картѣ (I B), на основаніи которой можно видѣть, что за два вѣка королевскій доменъ увеличился очень мало. Что касается до герцогства Франціи, то нѣкоторые историки прямо отрицаютъ его территоріальное существованіе (стр. 136, примѣч.). Ст. также стр. 38, гдѣ указано общее дѣленіе Франціи на герцогства и графства.

---

[1]) Это обѣщаніе проф. Ключевскій исполнилъ въ III томѣ своего „Курса русской исторіи“, вышедшемъ въ свѣтъ послѣ перваго изданія „Помѣстья-государства“.

II. Доменъ французскаго короля и феоды графа шампанскаго около 1175 г.

Доменъ французскаго короля около 1175 г. уже занималъ нѣсколько бо̀льшее пространство, чѣмъ въ 987 г. Болѣе интересно изображеніе владѣній графа шампанскаго [1]) около 1172 г., когда они состояли изъ шестнадцати черезполосныхъ территорій большихъ или меньшихъ размѣровъ, и когда по отдѣльнымъ феодамъ графъ шампанскій зависѣлъ отъ десяти сюзереновъ,—что и отмѣчено на картѣ разной раскраской этихъ территорій, — за исключеніемъ неизвѣстно гдѣ находившагося феода, зависѣвшаго отъ епископа шалонскаго. Часть этихъ феодовъ лежала даже за предѣлами тогдашней Франціи, и по нимъ графъ шампанскій считался уже вассаломъ германскаго императора, имѣя самъ вассалами держателей этихъ феодовъ. Отъ короля Франціи онъ держалъ около половины всѣхъ своихъ владѣній, а другими сюзернами его были герцогъ бургундскій и архіепископы и епископы реймскій, санскій, отенскій, оксерскій, шалонскій и лангрскій и аб. монастыря Св. Діонисія. Любопытно, что въ числѣ вассаловъ графа шампанскаго (по его графству Блуа) былъ графъ анжуйскій, занимавшій тронъ Англіи (Генрихъ II Плантагенетъ) и владѣвшій всею западною частью Франціи (ср. карту IV). Вообще это—весьма характерная карта для иллюстраціи запутанности феодальныхъ отношеній.

III. Схематическій планъ крестьянской земли въ средневѣковой деревнѣ.

Въ деревнѣ восемь отдѣльныхъ дворовъ (a, b, c, d, e, f, g, h), занимающихъ со своими усадьбами центральное положеніе; вокругъ расположены поля, дѣлящіяся на три части—подъ яровымъ хлѣбомъ (Я), подъ озимью (О) и подъ паромъ (П), причемъ каждое поле находится въ трехъ разныхъ мѣстахъ, или состоитъ изъ трехъ «коновъ» съ подраздѣленіемъ каждаго «кона», по числу дворовъ, на восемь полосъ. На планѣ отдѣльные дворы съ усадьбами и принад-

[1]) Эта карта взята изъ „Atlas de géographie historique“ de *F. Schrader*. Собственно, само графство Шампань лежало къ востоку отъ королевскаго домена, а къ западу находилось уже графство Блуа.

лежащія имъ полосы отмѣчены разными красками, а вокругъ незакрашенною оставлена общинная земля («альменда»), т.-е. лугъ, выгонъ, лѣсъ. Другими словами, здѣсь взятъ примѣръ, кагда каждый крестьянскій надѣлъ не былъ обведенъ одной межой, а состоялъ изъ полосъ, разбросанныхъ по разнымъ полямъ (см. стр. 64). Мы можемъ представить себѣ такой случай, что одинъ или нѣсколько дворовъ съ соотвѣтственными полосами принадлежали помѣщику (см. стр. 61), такъ какъ на и самомъ дѣлѣ нерѣдко существовала черезполосность помѣщичьей и крестьянскихъ земель. Для подробностей см., между прочимъ, въ «Очеркахъ изъ экономической и соціальной исторіи древняго міра и среднихъ вѣковъ» (Спб. 1899. Изд. М. И. Водовозовой) статью *Авг. Мейтцена* «Формы разселенія» (особенно §§ 14 — 19, стр. 282 и слѣд.). Самая карта заимствована изъ нѣмецкаго историческаго атласа *Putzger'a* (изд. 1902 г.).

IV. Примѣрный планъ русскаго крѣпостного помѣстья передъ 19 февраля 1861 г.

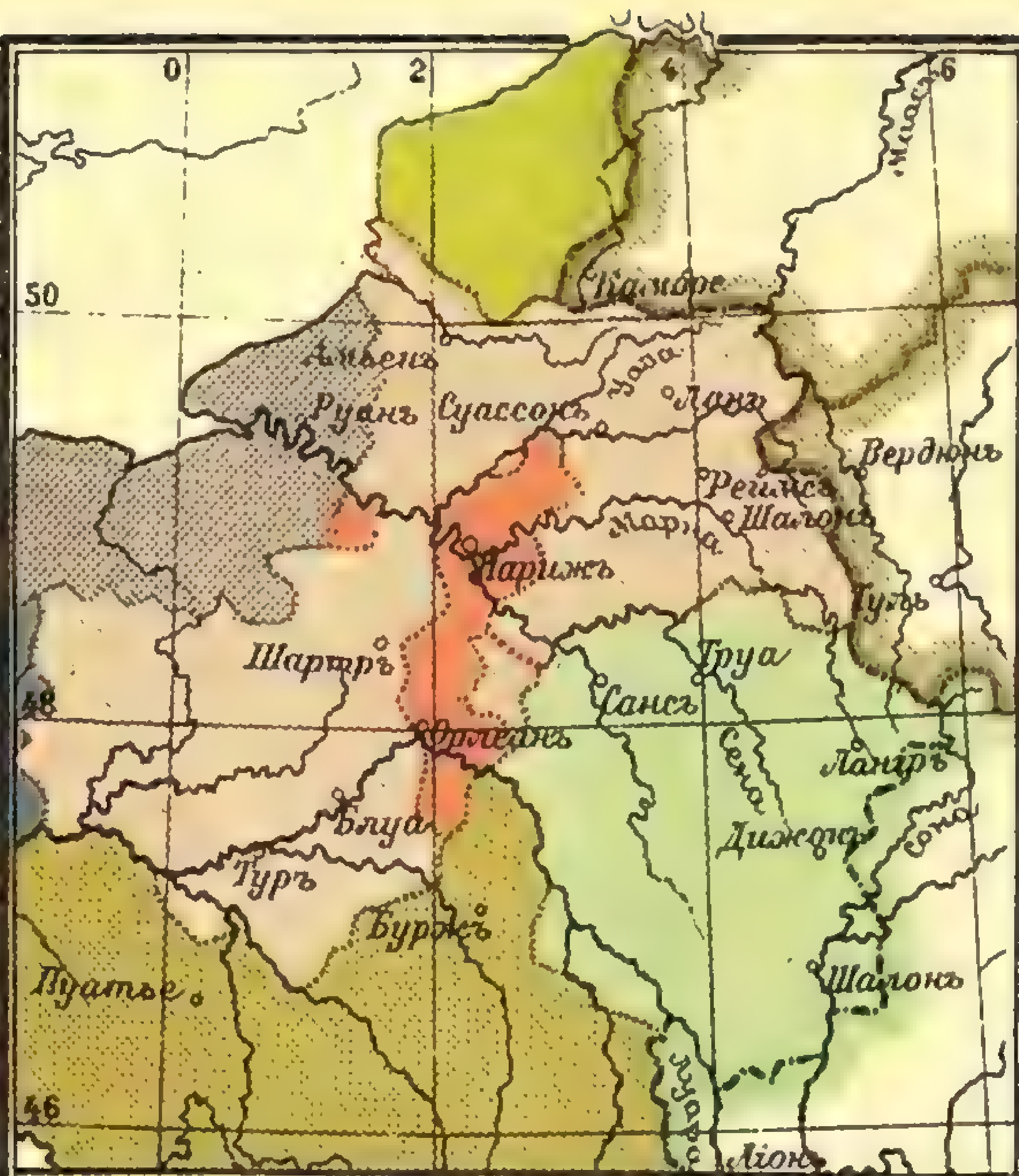
Объясненіе плана дано на стр. 64—65. Зеленой краской отмѣчена господская земля, гдѣ находились помѣщичьи поля, которыя обрабатывались барщиной, розовою же краскою—земли отдѣльныхъ деревень, причемъ крестьяне, пользовавшіяся землями въ лѣвой сторонѣ карты, работали на хуторѣ, бывшемъ еще лѣвѣе и на картѣ не помѣщенномъ. На господской землѣ—барская усадьба, церковь и жилища приходскаго причта. Одна изъ особенностей еще—совпаденіе прихода съ помѣстьемъ (ср. стр. 105). Масштабъ плана—полторы версты въ дюймѣ.

V и VI. Франція въ 1180 и въ 1328 г.

Эти двѣ карты изображаютъ феодальную Францію при вступленіи на престолъ Филиппа II Августа, въ царствованіе котораго началось присоединеніе крупныхъ феодовъ (ср. стр. 142), и при вступленіи на престолъ династіи Валуа, когда подъ властью королей Франціи была уже очень значительная часть территоріи. Какъ извѣстно, англійскія владѣнія во Франціи образовались такимъ образомъ. Въ 1066 г. герцогъ нормандскій Вильгельмъ Завоеватель сдѣлался королемъ Англіи, что повлекло за собою на полтора вѣка

соединеніе Англіи и Нормандіи подъ одною властью. Въ 1154 г. на англійскій престолъ вступилъ Генрихъ Плантагенетъ, графъ анжуйскій, который своимъ бракомъ съ наслѣдницей Аквитаніи (Гіенни) Элеонорой пріобрѣлъ права и надъ всѣмъ юго-западомъ Франціи. Постепенными пріобрѣтеніями съ начала XIII в. французскіе короли сильно сократили феоды англійскаго короля во Франціи, одновременно съ этимъ увеличивъ свои домены и на счетъ другихъ владѣльцевъ, хотя, съ другой стороны, изъ доменовъ выдѣлялись особые удѣлы младшихъ членовъ династіи или такъ называемые апанажи (ср. стр. 143). Карта IV показываетъ, какъ была стѣснена территорія Франціи между чужими владѣніями (англійскими съ З. и германскими и арелатскими съ В.), такъ что между сѣверною и южною частями (Лангедокомъ) едва существовала, вродѣ перешейка или корридора, узкая полоса французской территоріи. Къ 1328 г. положеніе было совсѣмъ уже иное, но столѣтняя война съ Англіей снова привела къ временному сокращенію королевскихъ доменовъ.

I. Сѣверо-Востокъ Франціи въ 987 г.

- Герцогство Французское.
- Доменъ Гугона Капета.
- Графство Фландрія.
- Герцогство Нормандія.
- Графство Бретань.
- Герцогство Бургундія.
- Графство Аквитанія. (Гіеннъ).
- В. и Н. Лотарингія.
- Королевство Бургундское

Аженъ
Нойонъ
Ланъ
Руанъ
Бове
Компьенъ
Суасонъ
Сена
Санлисъ
Реймсъ
Верденъ
Эра
Уаза
Мантъ
Мо
Шалонъ
Парижъ
Жонлери
Мелёнъ
Этампъ
Шартръ
Туль
Ножанъ
Труа
Сансъ
Ле-Мансъ
Орлеанъ
Луара
Марна
Ланеръ
Маасъ
Блуа
Туръ
Дижонъ
Буржъ
Пуатье
2
4
48

II. Доменъ французскаго короля и феоды графа шампанскаго около 1175 г.

- Граница Франціи съ Германіей.
- Граница съ владѣніями англійскаго короля.
- Доменъ короля Франціи.

Сюзерены графа Шампани:

- Импер. Германскій
- Герц. Бургундскій.
- Архіеп. Санскій.
- Еписк. Оксерскій.
- Еписк. Ланірскій.
- Король Франціи.
- Архіеп. Реймскій.
- Еписк. Отёнскій.
- Аб. Сенъ-Дени.

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

III. СХЕМАТИЧЕСКІЙ ПЛАНЪ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЗЕМЛИ ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ДЕРЕВНѢ.

Я - Яровое поле

О - Озимое

П - Паровое

Дворы и усадьбы.

Лугъ и выгонъ. } Альменда

Лѣсъ.

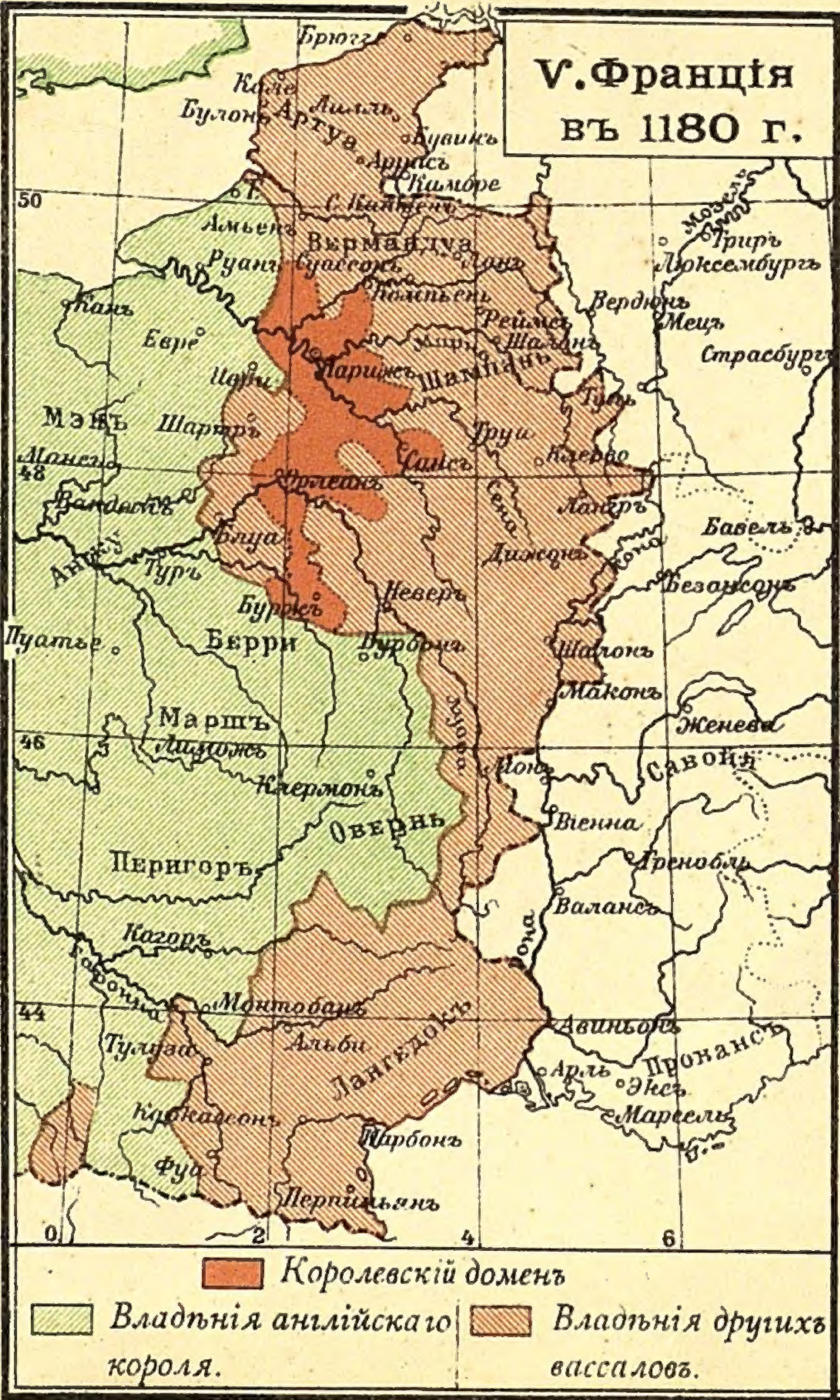
IV. ПРИМѢРНЫЙ ПЛАНЪ РУССКАГО КРѢПОСТНОГО ПОМѢСТЬЯ ПЕРЕДЪ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 г.

Барская земля.

Крестьянскія земли.

Земли сосѣднихъ владѣльцевъ.

Лит. И. Кадушина, С.П.Б.

Помѣстье-государство, изд. 3.
Лит. Н. Кадушкина, С.П.Б.

Н. Кареев
Поместье-государство
и
сословная монархия

Подчеркнуто чернилами
стр. 283, 284

Карту нужно клеить

